

А.В.МИЛОВ ВЕЛИКОРУССКИЙ ПАХАРЬ

А.В.МИЛОВ

**ВЕЛИКОРУССКИЙ ПАХАРЬ
И
ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Л.В.МИЛОВ

**ВЕЛИКОРУССКИЙ ПАХАРЬ
И
ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**МОСКВА
РОССПЭН
1998**

ББК 63.3(2)4

М 60

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 97-01-16402

Милов Л.В.

М 60 **Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 573 с.

В книге впервые собран и изучен большой материал, в том числе и архивный, о трудовой деятельности русского крестьянства XVIII столетия с целью принципиальной оценки его трудовых возможностей и уровня его материальной обеспеченности. Автор рассказывает, как пахал, сеял, жал хлеб, убирал его с полей русский крестьянин, как приспособлялся выращивать хлеб в самых разных климатических условиях. Необычайно интересный материал дан по русскому огородничеству, с его удивительными по изобретательности приемами выращивания теплолюбивых культур в условиях нашего климата. Особое внимание уделено трудностям содержания скота в Нечерноземье. В книге даны обстоятельные очерки, посвященные крестьянскому жилищу, одежде, повседневной и праздничной пище, приведены и старинные рецепты ее приготовления. Автор раскрывает решающее влияние климата и почв, резко ограничивающих возможности интенсификации полевого земледелия и в конечном счете роста богатства страны. Во второй части работы автор анализирует опосредованное влияние специфических черт великорусской цивилизации на российскую историю. По-новому трактуется происхождение крепостного права, выясняются причины запоздалого появления капиталистического предпринимательства и особенностей раннего капитализма. Немало особенностей увидел автор и в истории российской государственности. По сути в работе дана новая концепция социально-экономической истории России.

Книга снабжена иллюстрациями и рассчитана как на специалистов-гуманитариев, так и на широкий круг читателей.

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-86004-131-4

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.
© Л.В.Милов, 1998.

От автора

Настоящая работа создана в процессе многолетней исследовательской и преподавательской деятельности автора на Историческом факультете Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Многие ее разделы впервые были подготовлены как лекционные курсы и доклады на кафедре отечественной истории до начала XIX века и кафедре источниковедения. Автор выражает свою искреннюю признательность за ценные советы и замечания Л.Н. Вдовиной, Н.В. Козловой, А.С. Орлову, Б.Н. Флоре, а также Л.П. Марней, О.Л. Миловой, И.Е. Тришкан за помощь в подготовке книги к печати.

Список сокращений

ГИМ	— Государственный Исторический музей
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РГВИА	— Российский Государственный Военно-исторический архив
РГАДА	— Российский Государственный архив древних актов
Чтения МОИДР	— Чтения в Московском обществе истории и древностей российских
Труды ВЭО	— Труды Вольного экономического общества

Введение

Настоящая работа представляет собой попытку объяснения специфики российского исторического процесса, хотя бы в первом приближении. Необходимость такого исследования обусловлена прежде всего тем, что, по крайней мере, последние полвека в нашей историографии главный акцент был сделан на выявлении общеевропейских черт исторического развития России, что само по себе правильно. Однако при разработке такого рода концепций были сделаны явно некорректные преувеличения. (Некоторые авторы стремились к неслучайной идентичности наших этапов развития с развитием исторического процесса в основных странах Западной Европы.) Особенно четко это проглядывает в десятилетиями длящемся среди советских (а теперь — российских) историков споре о генезисе капитализма в России. Ведь признаки роста капитализма находят одни — в конце XV — первой половине XVI в., а другие — не ранее середины XVIII в. Мощная и ориентированная поддержка гуманитарных наук советским государством и явная ориентация многих историков на “общеевропейские” основы русской истории в конечном счете имели серьезное влияние и на общественное сознание элиты.

(Между тем в послевоенной отечественной историографии были и другие серьезнейшие перекосы в приоритетах, связанных с выбором для исследования тех или иных проблем.) В частности, огромное количество работ было посвящено классовой борьбе и почти не было исследований повседневной истории, в то время как в зарубежной литературе эта тематика разрабатывалась и тщательно, и скрупулезно на протяжении целых десятилетий. Если, скажем, наши историки и занимались крестьянским хозяйством, то в центре их внимания всегда был поиск ответов на вопрос, когда начался процесс расслоения крестьянства, когда имущественная дифференциация стала перерастать в социальное неравенство и расслоение. Разумеется, эти проблемы весьма важны, но они, к сожалению, отодвинули в сторону другие, как тогда казалось, менее важные вопросы, касающиеся технологии сельского про-

изводства, быта крестьян и т. п. Правда, отчасти этим занимались русские этнографы, но их работы не могли заменить работ историков. Однако самым важным, на мой взгляд, просчетом было отсутствие должного понимания роли природно-географического фактора в истории народов России и Российского государства.)

Впрочем, историки знали общую оценку роли географического фактора по работам С.М. Соловьева и отчасти В.О. Ключевского, знали, “как выгодны для быстроты развития общественной жизни соседство моря, длинная береговая линия, умеренная величина резко ограниченной государственной области, удобство естественных внутренних сообщений, разнообразие форм, отсутствие громадных подавляющих размеров во всем, благорастворение воздуха, без африканского зноя и азиатского мороза”¹. С.М. Соловьев предельно обобщенно отметил, что “природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, — мачеха”². Народы Востока Европы и прежде всего русский народ не имел таких, по С.М. Соловьеву, важнейших условий оптимального развития, как “благоприятный климат, плодосие почвы, многочисленное народонаселение в обширной и разнообразной стране, что делает возможным разделение занятий, обширную внутреннюю торговлю, непрерывные сообщения различных местностей друг с другом, процветание больших городов”³. Отсутствие этих условий, как справедливо отмечал наш великий историк, имело решающее влияние на характер российской государственности: “Когда части народонаселения, разбросанные на огромных пространствах, живут особою жизнью, не связаны разделением занятий, когда нет больших городов... когда сообщения затруднительны, сознания общих интересов нет: то раздробленные таким образом части приводятся в связь, стягиваются правительственною централизациею, которая тем сильнее, чем слабее внутренняя связь. Централизация... разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбелось”⁴. Эти глобальные положения, звучащие почти по-марксистски, в конечном счете вызвали резкую реакцию. Советские официальные издания в 30-х годах XX в. сформулировали весьма жесткое положение о том, что влияние географического фактора на характер и темпы развития народов и государства есть порождение буржуазной науки, то есть в корне неверно. Вероятно, в то время такой идеологический маневр имел какой-то смысл, ибо совпадал с лозунгом: “Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики”. Стремительная индустриализация страны, быть может, и требовала таких исторических постулатов. Однако, превратившись из временных в постоянные, они, в конце концов, стали первичной основой безудержной корректировки нашей истории “под

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Кн. 3. — Т. XIII. — СПб.: Изд-во “Общественная польза”, б. г. — Стб. 625.

² Там же. — Стб. 628.

³ Там же. — Стб. 644.

⁴ Там же. — Стб. 645.

западную". Со временем советские люди о нашем климате и вовсе как бы забыли; стали строить здания из стекла, стали проектировать и воздвигать жилые строения с более тонкими стенами и огромными, почти во всю внешнюю стену комнат, окнами, что вызвало завышенный расход энергии в различных ее видах, не говоря уже о затратах на инфраструктуру экономики страны. Вероятно, и виднейшие наши реформаторы не избавились от влияния фигурирующей в наших учебниках отечественной истории концепции, где все шло, как на Западе, только с некоей временной задержкой, а фундаментальным климатическим и природным факторам не уделено никакого внимания. Впрочем, большинство наших реформаторов — специалисты по зарубежной экономике или истории. Ведь дело дошло до того, что при рассмотрении современных проблем сельского хозяйства в упрек нашим аграриям обычно приводят в пример, опираясь на ложные представления о возможностях нашей природно-климатической зоны, практику Финляндии, Швеции и даже Канады, расположенных в совсем иных климатических областях.

Между тем, простой возврат к восстановлению в историографии отечественной истории постулатов С.М. Соловьева сейчас уже недостаточен, ибо это только макроподход, при котором многое оставалось без ответа прежде всего из-за того, что социально-экономическая история России и особенно крестьянства почти не была разработана. Поэтому до сих пор неясен конкретно-исторический и экономический механизм воздействия природно-климатического фактора на жизнь основного производителя — крестьянина, и в конечном счете — на общество и государство. Ведь одного лишь факта, что русский человек жил в непрочных деревянных домах и поэтому легко с ними расставался, "покидал свой дом, свой родной город или село"⁵ явно недостаточно для объяснения фундаментальнейшего явления — роста территории Русского государства и постоянного расселения его народа. Нуждается в серьезном анализе и заявленная взаимосвязь "многочисленного народонаселения в обширной и разнообразной стране" и "разделения занятий", то есть общественного разделения труда. Все это требует пристального внимания к проработке вопросов, касающихся уровня развития материальной культуры крестьянского хозяйства, условий работы "великорусского пахаря" и его производственных возможностей. Наконец, вполне очевидна необходимость более конкретного установления роли климатических ограничений в экономике сельского хозяйства России⁶.

⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. — Стб. 664.

⁶ Из работ, касающихся роли географического фактора, можно упомянуть: Словцов. Историческое и статистическое обозрение неурожав в России священника Словцова // Сборник статистических сведений о России. — СПб., 1859; Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота в лесах Архангельской губернии. — СПб., 1868; Шапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения: Естественные и умственные условия земледельческих поселений в России // Шапов А.П. Сочинения. — Т. 2. — СПб., 1906; Естественноисторическое районирование СССР: Труды комиссии по естественноисторическому районированию СССР. — М.—Л., 1947; Воейков А.И. Земельные улучшения и их соотношения с

В основу настоящей работы легли самые разнообразные исторические источники. Это прежде всего корпус материалов по XVIII столетию (топографические описания, экономические примечания к Генеральному межеванию, так называемые “офицерские описи” монастырских владений, материалы анкетных опросов, периодические издания, посвященные состоянию и развитию сельского хозяйства, материалы ученых путешествий, статистические данные, помещичьи инструкции и многое другое). По более ранним периодам — это актовые материалы XV—XVI вв., писцовые книги и ряд иных источников. Привлекались мною и документы по XIX столетию. Лаконизм и сухость изложения информации в большинстве источников заставляли автора этих строк дорожить каждой фразой, доносящей до нас ушедшую в вечность жизнь наших предков. В работе использован также широкий круг исторической литературы. Ее тематическое разнообразие и большой хронологический разброс затрудняют создание специального раздела по историографии.

Первой попыткой целенаправленной, но краткой разработки вопроса о роли природно-климатического фактора в русской истории была статья автора этих строк “Natural and Climatic Factor and Peculiarities of Russian Historic Process”, изданная в квантитативном журнале в Кельне (ФРГ) в 1991 г.⁷ В основу ее был положен доклад в Калифорнийском университете в Риверсайде (США), сделанный в феврале того же года. Между тем еще раньше, в 1989 г., был написан газетный вариант статьи, но он был опубликован с большим трудом лишь весной 1992 г.⁸, хотя в том же году был перепечатан во франко-канадском журнале⁹, а в следующем году в отечественном дайджесте “Социум”¹⁰. Летом 1992 г. была опубликована большая статья в журнале “Вопросы истории”¹¹, а в 1994 г. — ее итальянский

климатом и другими естественными условиями // Воейков А.И. Воздействие человека на природу. — М., 1949; Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. — М., 1957; Бучинский И.Е. О климате прошлого Русской равнины. — Л., 1958; Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966: Возникновение и развитие земледелия. — М., 1967; Горская Н.А. Зерновые культуры и их территориальное распределение в центре Русского государства к концу XVI — началу XVII в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. — М., 1969; Воронина Е.П. Роль сельскохозяйственных культур в аграрном прогрессе России в различные исторические периоды // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. — Л., 1972; Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. — М., 1973; Кириков С.В. Человек и природа Восточно-Европейской лесостепи в X — начале XIX в.; М., 1979. Дулов А.В. Географическая среда и история России. — М., 1983 и др.

⁷ Historical Social Research. Historische Sozialforschung. The Official Journal of Quantum and Interquantum. Vol. 16. Köln, 1991. № 2.

⁸ Милов Леонид, чл.-корр. РАН. Природу нельзя отменить, как бы этого ни хотели политики. О прошлом и будущем русского крестьянина // Независимая газета. — 1992. — 22 май.

⁹ Leonid Milov. Le Moujik et la Perestroika // La Revue Tocqueville. Vol. XIII. 1992. № 2.

¹⁰ Милов Леонид. Природу нельзя изменить, как бы этого ни хотели политики. (О прошлом и будущем русского крестьянства) // Социум. — 1993. — № 25.

¹¹ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — 1992. — № 4—5.

вариант¹². Появились в печати также и разработки о влиянии природно-климатического фактора на определенные частные аспекты исторического развития России¹³.

По прошествии довольно непродолжительного ряда лет выяснилось, что предложенная концепция истории России как общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта получила признание. В публикации уже в 1995 г. необычайная краткость сезона сельскохозяйственных работ в России и необходимость особой организации труда в этой сфере производства фигурирует в качестве как бы уже общеизвестной истины. Однако до вполне серьезного восприятия столь важной особенности бытия российского общества и ее влияния на российский исторический процесс еще довольно далеко.

Краткое знакомство с климатом тех мест, где жили великорусы, предварим характеристикой климатических условий тех стран, с которыми в наши дни обычно сопоставляют российские условия жизни¹⁴.

Как известно, Скандинавский полуостров и Финляндия составляют особую Атлантико-Арктическую климатическую область. Зимы здесь отличаются частыми циклонами, идущими из Атлантики, сменяющимися арктическими вторжениями охлажденных воздушных масс. Но даже морозные зимы сопровождаются сильным влиянием Атлантики, что вызывает резкие потепления.

Лето в этом регионе сравнительно прохладное из-за преобладания северных ветров. А весна, как и вообще в Западной Европе, имеет затяжной характер. Весьма важно отметить, что здесь не бывает весенних "возвратов холодов", то есть заморозков, и поэтому сельскохозяйственные работы начинаются довольно рано. Летом в Северной Европе регулярно образуется зона низкого давления, поэтому засух здесь не бывает, а большое количество весенне-летних пасмурных дней (в частности, в Финляндии) не угнетает вегетацию растений, поскольку компенсируется удлинением светового дня. Это характерно для всей Северной Европы.

Западная и Центральная Европа (включая Альпы и Северные Карпаты) образуют Атлантико-Европейскую климатическую область, где ведущими факторами влияния выступает как атлантический морской, так и европейский континентальный воздух (прогретый, но не влажный). Вместе с тем на Западе Европы влияние Атлантики сильнее, и здесь не бывает крупных очагов континентального воздуха. Интенсивные атлантические циклоны ведут к

¹² Condizioni ambientali e sviluppo del settore agricolo e del mondo rurale in Russia di Leonid Milov // Sociologia Urbana e Rurale / Quadrimestra le diretto da P. Guidicini. — FrancoAngeli, 1994. — а. XVI, п. 45.

¹³ Милов Л.В. Если говорить серьезно о частной собственности на землю... Россия. Климат. Земельные отношения и национальный характер // Свободная мысль. — 1993. — № 2; Его же. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность — 1995. — № 1; Менталитет и аграрное развитие России. XIX—XX вв. Материалы международной конференции. Москва. 14—16 июня 1994 г. — М., 1996.

¹⁴ Алисов Б.П. Климатические области зарубежных стран. — М., 1950. — С. 41—59, 185—197.

тому, что области высокого давления, не задерживаясь над Западной Европой, отступают на восток. Иначе говоря, здесь не бывает или почти не бывает длительных похолоданий или жары. Похолодание временами вызывают восточноевропейские антициклоны. Зимой же морозы происходят от вторжений (правда, редких) арктического воздуха. Однако частота вхождений атлантического воздуха и сила его влияния столь велики, что зимой изотермы в Европе, за исключением Севера, идут в меридиональном, а не в широтном направлении.

Погода летнего периода в Западной и Центральной Европе регулируется традиционным мощным Азорским антициклоном, отрог которого всегда идет на Европу, а также зоной повышенного давления в Арктике. В умеренном поясе Европы летние осадки бывают главным образом на холодных фронтах атлантических (точнее, морских) вторжений воздушных масс. Регулярность таких процессов ведет к относительному постоянству общего количества летних осадков в средней полосе Европы, хотя важная составляющая летних осадков обязана испарениям. Летние изотермы в Европе (за исключением океанского побережья) идут вдоль широт. В Северной Европе количество летних осадков заметно возрастает, как возрастает оно с продвижением на восток Европы. Засухи здесь редкое явление. Среднегодовая сумма осадков в Западной Европе 500—1000 мм.

Осенний процесс в Западной Европе идет за счет постепенного охлаждения континента. Однако температура континентального воздуха постоянно выравнивается за счет вторжений уже более теплых масс морского воздуха. Чем ближе к зиме, тем морской воздух теплее. Во второй половине осени преобладает антициклонная погода, но частые вторжения теплого морского воздуха способствуют образованию низкой облачности с моросящими дождями. Почти ежегодно в Центральной Европе в конце сентября — начале октября происходит “возврат тепла”.

Прежде чем перейти к характеристике климата в Восточной Европе, кратко охарактеризуем климат Северной Америки, имея в виду прежде всего Канаду. Дело в том, что значительно меньший, чем Евразия, Североамериканский континент не имеет резко континентального климата. Горный хребет на Западе закрывает путь тихоокеанским воздушным массам, и прорывы тепла и холода идут здесь в меридиональном направлении. Однако сильная и постоянная в течение года циклоническая деятельность ослабляет континентальность климата. Здесь не бывает замкнутых застойных областей ни низких, ни высоких температур. И это является кардинальным отличием от Востока Европы (не говоря о Сибири). Зимы в Канаде суровы, и температурный минимум может достигать -45° , но морозы нестойки. В среднем же зимняя температура на 15—20 градусов выше, чем в наиболее суровых районах Восточной Сибири. Следовательно, и грунт земли не промерзает так, как в Сибири и в ряде районов Восточной Европы. Особенно важно подчеркнуть изобилие снежных осадков.

Для летнего периода также характерна активная циклоническая деятельность. Даже в субтропической зоне летом сильно влияние атлантических масс воздуха. Пассаты Атлантики идут от Мексиканского залива на север, вызывая циклоны. Конечно, на самом севере, где континент сильно изрезан заливами, воздух Канады более прохладен, чем летний воздух Сибири, однако на товарном земледелии это не сказывается.

В умеренном поясе территории дореволюционной России насчитывается 12 климатических областей¹⁵. Обширная часть Европейской России вплоть до южной границы лесов принадлежит Атлантико-континентальной климатической области. Ее характеристику удобнее начать с Центра страны, в частности, с Подмосковья, точнее, с Подмосковной вторичной моренной равнины. Важнейший фактор здешнего климата — атлантические циклоны с очень длительными осадками летом и оттепелями зимой. В холодное время года западными циклонами обусловлено до 77% периода сплошной облачности, а летом до 43%. Вместе с тем для этой зоны характерно и мощное влияние арктического воздуха с севера. Стойкие арктические антициклоны или малоподвижные области высокого давления приводят к частым суровым зимам, в итоге которых гибнут такие деревья, как ясень, клен, орешник и дуб. Зима обычно начинается здесь с третьей декады ноября и завершается в конце марта. Снежный покров устанавливается в период 30 октября — 20 декабря, а толщина его достигает 40—50 см. Для подмосковной зимы характерны резкие смены погоды. А в декабре могут быть значительные потепления. Потепление, означающее исход зимы, чаще всего наступает с третьей декады марта вследствие вторжений воздушных масс со Средиземноморья. Однако процесс потепления тормозится, а то и вовсе прерывается вторжением арктических ветров. Поэтому весна здесь бывает и ранняя, и поздняя (со второй половины апреля). Причем поздняя весна есть следствие нарастания влияния солнечного излучения и местных конвекций. Ранние весны чаще всего сопряжены с холодным июнем, но поздние весны бывают чаще. Практически ежегодно в первой декаде мая происходит вторжение арктических масс воздуха, что чаще всего ведет к ночным заморозкам.

Лето в Подмосковье начинается с середины июня, точнее, со второй декады, и завершается в середине сентября. Весьма часто оно холодное и дождливое. Длительные периоды обложной облачности ведут к тому, что все растет медленно. В жаркое лето при длительном антициклоне бывает острый дефицит влаги, хотя испарения вызывают некоторое выпадение осадков. Летний температурный максимум достигает $+32^{\circ}$, $+35^{\circ}$ (что бывает очень редко). Средняя же температура июля колеблется от $+17^{\circ}$ до $+19^{\circ}$. Общее количество летних осадков достигает 180—240 мм, а годовое — 600 мм.

¹⁵ Давыдова М.И., Каменский А.И., Неклюдова Н.П., Тушинский Г.К. Физическая география СССР. — 2-е изд. — М., 1966. — С. 240—318.

Осень в Подмоскowie наступает быстро: вторая декада октября — это уже преддверие зимы, хотя в начале осени часто бывает теплая малооблачная погода. Тем не менее быстро растет влияние арктического воздуха. Это вызывает ранние ночные заморозки.

На северо-запад от Центра расположена обширная Прибалтийская низина со множеством озер и рек (так называемый Озерный край). Влияние на климат вторжений атлантических масс воздуха здесь гораздо сильнее, чем в Центре Европейской России. В Чудско-Лубанасской низменности и, в частности, в Приильменской низине климат довольно мягкий. Зима здесь сравнительно теплая с неустойчивой погодой. В декабре характерна сильная облачность. Арктические вторжения приносят морозы, иногда до -25° . Однако средняя температура января — февраля около -1° . Весна в Озерном крае из-за длительности таяния льдов в целом огромной водной поверхности наступает поздно. В более восточных районах переход от зимы к лету идет несколько быстрее. Однако вегетация растений идет здесь медленно. В мае, как правило, заморозки, а северо-восточные ветры иногда вызывают “возвраты холодов” даже в конце мая. Осадков весной меньше, чем осенью. Из-за неустойчивости в смене циклонов и антициклонов ночные заморозки изредка случаются даже в июле.

С июня берет начало летнее время. Средняя температура июля $+16^{\circ}$, $+18^{\circ}$ (максимум изредка доходит до $+35^{\circ}$). В июне сравнительно безоблачно. Но во второй половине лета больше дождей (в июле — августе до 210—240 мм осадков).

Осень наступает плавно и незаметно. Здесь она более продолжительная и теплая (особенно это свойственно прибрежным районам Ладоги и Онеги). Западные ветры несут влагу и туманы. Под влиянием вторжения северо-восточных ветров в октябре бывают заморозки.

В Двинско-Печерской низменности очень холодная зима с морозами до -30° , -35° . Причем, поскольку континентальность климата растет к востоку, то изотермы января близки меридиональной ориентации с резким падением зимних температур к востоку. Это, разумеется, обусловлено сильным влиянием атлантических воздушных масс, но одновременно велико и влияние Ледовитого океана. В итоге в Двинско-Печерской климатической области частая смена воздушных масс, несущихся с северо-запада и северо-востока, ведет к изменчивости погоды. В ноябре — январе характерна продолжительная облачность. На осень и зиму приходится основная доля осадков. Снежный покров на западе 50—60 см, а на востоке до одного метра. Большая влажность и слабые испарения ведут к обилию поверхностных вод. Максимум солнечного излучения приходится на май — июль при резком падении в зимний период. Лето здесь прохладное.

Климат Валдая с его возвышенным рельефом умеренно-континентальный с прохладным летом и мягкой зимой. Преобладающее влияние имеет

континентальный воздух умеренных широт. Весьма существенно и влияние вторжений воздушных масс Арктики. Южные ветры влияют на климат значительно меньше. Зимой континентальные массы воздуха охлаждаются до -15° , -20° . Но частые западные циклоны несут оттепели вплоть до плюсовой температуры воздуха. И, наоборот, вторжение воздушных масс из Арктики ведет к понижению температуры и сильным морозам (до -30°). Летом воздух прогревается редко выше $+20^{\circ}$ (максимум $+25^{\circ}$). На юге возвышенности прогрев сильнее. Западные и юго-западные летние ветры вызывают дожди и похолодание. Регулярные заморозки и весной, и в начале лета являются следствием холодных арктических вторжений. Общая сумма годовых осадков около 600 мм, но особенно много их выпадает в июне — сентябре.

На просторах Тверской, Ярославской, Костромской и отчасти Ивановской областей раскинулась так называемая Волжско-Костромская холмисто-моренная равнина с умеренно континентальным климатом и четко выделяющимися сезонами года. Господствующий фактор для здешнего климата — континентальная воздушная масса умеренных широт и вторжение арктического воздуха. Циклоны, попадающие сюда с северо-западными и юго-западными ветрами, определяют погоду весьма большей части дней в году. Здесь умеренное теплое лето ($+18^{\circ}$, $+20^{\circ}$) и довольно холодная зима (-15° , -20°). Вторжения зимних воздушных масс с Арктики снижают температуру до -30° , -40° . Весенние арктические ветры несут снег, дождь, шквальные порывы и даже морозы, не говоря уже о заморозках. Максимальное количество осадков приходится на летние месяцы (годовая сумма их 550—750 мм). В западных районах осадков больше, чем в восточных.

Для Волго-Ветлужской и Мокшанской низин также характерны умеренно континентальный климат и влияние Атлантики. И для Вятско-Камской южнотажной возвышенности умеренно континентальный климат отличается также влиянием вторжений атлантических воздушных масс. Зимой они несут снег и потепление, а летом — дождливую и холодную погоду. Прорывы арктического воздуха всегда несут холод: зимой — сильные морозы, а в теплое время — заморозки. Юго-восточные ветры зимой также вызывают морозы, а летом они несут тепло и сухость. Снег здесь лежит полгода и более.

На юг от Подмоскovie — Мещерская песчаная (зандровая) низменность с умеренно континентальным климатом. Здесь сравнительно меньшее количество осадков. Лето жаркое, а зимы холодные и продолжительные. Циклоны идут не только с запада, но и с юго-запада. А на обширнейшем пространстве Среднерусской возвышенности умеренно холодная зима и умеренно жаркое лето, хотя континентальность климата увеличивается к востоку и юго-востоку. В зимний период существенно атлантическое влияние. Правда, изотермы здесь уже не меридиональны, а вытягиваются с северо-запада на юго-восток. Среднеянварская температура колеблется от 9° до 12° моро-

за. Наряду с западными и юго-западными циклонами холодный период года сопровождается прорывами арктического воздуха, что вызывает иногда сильные морозы (максимум температуры -35° , -40°). Лето бывает или жаркое и сухое, иногда с краткими грозами, или (особенно во второй половине) дождливое и пасмурное из-за циклонов. Среднеиюльская температура на северо-западе $+19^{\circ}$ с некоторым увеличением жары на юго-востоке. Годовое количество осадков достигает 500—550 мм с уменьшением их на юго-востоке.

В более южных и юго-восточных регионах Европейской России континентальность климата возрастает. В пределах Окско-Донской аллювиальной равнины и Приволжской возвышенности резко усиливается роль континентальных воздушных масс при существенном ослаблении атлантического влияния. Трансформации континентального воздушного массива решающим образом влияют на понижение зимних и повышение летних температур. Зимой большая часть этой территории (особенно Приволжье) охватывается отрогами сибирских антициклонов, а также арктическими вторжениями, что вызывает довольно крепкие морозы. Весна протекает здесь очень быстро под влиянием теплых потоков воздуха из юго-восточных районов. Лето здесь жаркое (особенно в Приволжском регионе), среднеиюльская температура около $+20^{\circ}$ и выше, довольно часты засухи. Количество годовых осадков убывает с запада на восток и юго-восток (500—350 мм).

В Заволжье климат еще более континентален. Среднеянварская температура колеблется здесь от -10° до -12° , а июль — жаркий ($+20^{\circ}$). Лето в целом знойное и засушливое (в Приволжье). Годовое количество осадков на севере этой зоны 450—500 мм, а на юге падает до 350—400 мм.

В южных регионах Европейской России зимы мягкие, хотя и снежные, а летняя жара осложняется юго-восточными и восточными суховеями.

Таковы наиболее общие моменты, связанные с характеристикой климатических областей Европейской России, издавна освоенных русским народом. Как очевидно из вышеизложенного, за внешними признаками общего климата типично умеренной зоны главная компонента, резко осложняющая и ухудшающая условия для земледелия, это весенние и осенние заморозки, а также переменчивый характер летнего сезона. Ведь в большинстве районов Нечерноземья практически не бывает “благоприятной” погоды “западно-европейского типа”, ведущей к неперемennomу урожаю. Лето здесь то холодно-дождливое (и тогда все плохо растет), то жаркое и засушливое (что также влечет за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ).

Говоря о далеких временах русского средневековья, следует сказать, что тогда климат был, вероятнее всего, еще более суров. У палеогеографов существует гипотеза, согласно которой в Европе в целом, как и вообще в северном полушарии, примерно с середины XV в. и до конца XVIII в. (а мо-

жет быть, и до середины XIX в.) царил так называемый “малый ледниковый период”¹⁶. Под этим довольно условным названием ученые имеют в виду общее похолодание и уменьшение увлаженности в северном полушарии. В этот период увеличивается площадь арктического льда, отступает к югу северная граница лесов, зимы в Европе очень суровы. Пик холодов приходится примерно на конец XVII в.

В Европейской России эти явления также, видимо, имели место. Во всяком случае, для начала XVIII в. мы имеем свидетельство пленного поляка Станислава Немоевского о том, что примерно в 1606—1608 гг. в районе Белоозера зима однажды началась с выпадения снега 18 сентября (28 сентября нового стиля), а весной на озере лед растаял лишь ко 2 июня (12 по новому стилю)¹⁷. К тому же резко иными были и сроки заморозков. В 1601 г. после сплошных летних дождей на Успенье Богородицы (15 августа, или 25 августа по новому стилю) был “великий мороз”, погубивший и рожь, и овес¹⁸. В 1638—1639 гг. ранние заморозки уничтожили урожай, а вслед за этим на Украину обрушилась засуха. В 1668—1669 гг. были сильные весенние заморозки и летние наводнения. В 1691—1692 гг. были засухи¹⁹. По другим сведениям, в 1691 г. все жито побил морозом “вскоре после Иванова дня” (20 июля, или 30 июля по новому стилю)²⁰. Наконец, в 1671 г. в Подмоскovie также была сильнейшая весенняя засуха (“с самой весны у нас дожди не бывали... яри и травы погорели, овсы и по се число не всхаживали”)²¹. Иначе говоря, заморозки и засухи в период длительного похолодания климата играли еще более губительную роль. В целом за XVII столетие отмечено двадцать четыре голодных года.

В первой половине XVIII в. для Русской равнины отмечено увлажнение климата (повышение уровня Каспия, отмечавшееся и ранее). В 1716 г. отмечен неурожай из-за длительных летних дождей. В 1718 г. сильные заморозки и весной, и летом сгубили урожай, а в 1719 г. было сильнейшее наводнение в бассейне Волги. В 1721 г. отмечено необычно холодное лето. В 1721—1724 гг. неурожай и голод были во многих губерниях России. Серия голодных лет была в 1732—1736 гг.²² Из них, пожалуй, наиболее страшным был 1733 г., когда “хлеба ржи и яри в полях ничего не уродилось”²³. Голод обрушился прежде всего на Псковскую, Новгородскую, Смоленскую,

¹⁶ Изменения климата / Под ред. Дж. Гриббина. — Перевод с англ. — Л., 1980. — С. 102—119. Взгляды русского палеогеографа А.В. Шнитникова несколько расходятся с данными автора.

¹⁷ Записки Станислава Немоевского (1606—1608 гг.). — М., 1907. — С. 129.

¹⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Кн. 2. — Т. VIII. — СПб., б.г. — Стб. 740.

¹⁹ Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. — М., 1983. — С. 18.

²⁰ Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 273—274.

²¹ Крестьянская война под руководством Степана Разина. — Т. IV. — М., 1976. — С. 62.

²² Дулов А.В. Указ. соч. — С. 19.

²³ Безобразов П.В. Неурожаи прошлого века // Русское обозрение. Год третий. — Т. I. — М., 1892. — С. 740.

Калужскую, Тверскую, Московскую, Рязанскую, Владимирскую, Костромскую и Нижегородскую губернии (по административному делению екатерининской областной реформы)²⁴. В Смоленской губернии при частичных обследованиях обер-комиссара Микулина зимой 1734 г. из 3415 деревень в 2378 деревнях “хлеба совсем не было”²⁵. В селе Поречье “крестьяне для пропитания сушат деревья: дуб, илим, липняк, сено, мох и солому и из того пекут себе хлеб”²⁶. В Порецкой волости из 1887 дворов в 1852 дворах никакого хлеба не было²⁷. В Можайском и Каширском уездах Московской губернии “люди от хлебной скудости питаются травой и мохом и гнилою колодой и от того ноги и живот пухнут и в голове бывает лом великий, отчего умирают”²⁸. В Толоконцевской волости Балахнинского у. Нижегородской губ. пищу “крестьяне имеют самую скудную, толкут дуранду, семя льняное, что называется избоинною, и мешают ее с гречневой чешуей, а которые лучше крестьяне, те мешают дуранду ж с овсяною мукой и толченой мякиной, и многие из тех крестьян от того пухнут и помирают”, “и скот весь без остатку выпал”²⁹.

Огромные массы крестьян этих губерний двинулись на юг, в степные места, ринулись в города, улицы которых заполнились просящими милостыню. Осенью 1733 г. “от великого и нестерпимого правежа”, то есть сбора недоимок, число абсолютно разоренных людей резко увеличилось, в том числе и за счет посадских людей, которые превращались в бездомных, “испродав всякие свои домовые пожитки и скотину и дворов и хором строение”³⁰.

Власти предпринимали отчаянные усилия по ликвидации голода, но эти усилия были несравнимы с размахом страшной беды. Исчезновение семян, гибель рабочего и продуктивного скота продлили муки русского народа на целый ряд лет.

К сожалению, эта беда не была последней. В 1739—1740 гг. необычно суровые зимы погубили озимые. В 1747—1750 гг. неурожай были в районе Среднерусской возвышенности³¹. В 60-е годы XVIII в. в Нечерноземье были дождливые летние сезоны и неурожай. В 1780 г. была засуха и неурожай, а в 1781 г. в 16 губерниях был голод. В 1786—1788 гг. вновь были дожди, а в 1787 г. — сильный неурожай и голод (особенно в Черноземье). В XIX в. сильные неурожай были в 1820—1821, 1827, 1834, 1839, 1844—1851 гг.³²

²⁴ Безобразов П.В. Указ. соч. — С. 703.

²⁵ Там же. — С. 705.

²⁶ Там же. — С. 708.

²⁷ Там же.

²⁸ Безобразов П.В. Указ. соч. — С. 708.

²⁹ Там же. — С. 729.

³⁰ Там же. — С. 709.

³¹ Дулов А.В. Указ. соч. — С. 17—19.

³² Там же. — С. 19—20.

Разумеется, приведенные материалы носят далеко не исчерпывающий характер. Систематические данные о среднегодовой температуре сохранились по Петербургу, где наблюдения велись с 1752 г. Это позволяет отметить особенности переходного времени, знаменующего конец “малого ледникового периода”. Среднегодовая за период до 1860 г. равна $3,65^{\circ}$. В 60—70-е годы XVIII в. было заметное потепление, а затем до 1822 г. — длительное похолодание. Особенно холодным был 1788 г. (в Москве 1782 г.)³³.

В пределах Европейской России почвенный покров весьма разнообразен, но в первом приближении можно выделить северную и южную половины, разделяемые условной линией Киев—Калуга—Нижний Новгород—Казань. Основной тип почвы в северной части — неплодородный подзол, а к югу — более плодородные почвы. В Озерном крае и Чудско-Лубанасской низменности подзол чаще всего имеет песчаную основу, что в итоге образует слабоподзолистые почвы³⁴. На суходольных лугах, на карбонатных глинах и суглинках сформировались дерново-подзолистые почвы, которые имеют больше перегноя, чем обычные подзолы, а следовательно, вполне плодородны. Местами здесь встречаются на небольших участках луговых пойм и аллювиальные почвы. Однако весьма обширные пространства составляют болотные, подзолисто-глеевые и торфяно-подзолистые почвы.

Дерново-подзолистые почвы с разной степенью оподзоленности господствуют и на Валдае. В речных поймах здесь также встречаются небольшие участки лугово-дерновных почв. Подпочвенной основой почти всюду являются валунные суглинки и супеси, а также песок.

В пределах Волжско-Костромской холмисто-моренной равнины также господствуют дерново-подзолистые почвы, перемежаясь с пойменными и болотными. На возвышенностях наряду с дерново-подзолистыми встречаются средне- и слабоподзолистые почвы.

На севере Европейской России, в пределах Двино-Печерской моренно-таежной равнины также почти безраздельно господствуют подзолистые почвы, причем белесого и пепельно-серого цвета, поскольку слой гумуса здесь очень мал. И лишь на востоке этой равнины, в предгорьях Урала встречаются участки перегнойно-карбонатных почв. В этом крае очень много и болотных почв.

Юго-восточнее, там, где расположена Вятско-Камская южнотаежная возвышенность, почвы варьируют от подзолисто-болотных и подзолистых на севере и северо-востоке до дерново-подзолистых в центральной и южной ее частях. На водоразделах рек развиты серые оподзоленные почвы, а в Предуралье встречаются главным образом дерново-подзолистые. В его же южной части — серые лесные.

³³ Дулов А.В. Указ. соч. — С. 20.

³⁴ Подробнее см.: Давыдова М.И., Каменский А.И., Неклюдова Н.П., Тушинский Г.К. Физическая география СССР. — С. 262—320.

Обширный Подмосковский регион находится в южной части дерново-подзолистой почвенной зоны, исключая заокские земли с серыми почвами северной части лесостепи. Дерново-подзолистые почвы в качестве основы имеют большей частью суглинки. В этом массиве встречаются небольшие площади перегнойно-карбонатных, аллювиальных и болотных почв. На аллювиальных песках долины Оки развиты остепненные луга. На востоке региона простираются плоские песчаные долины сосново-болотной Мещеры.

Мало дерново-подзолистых почв на пространствах Волго-Ветлужской низменности. Здесь в основном распространены подзолистые супесчаные почвы.

В пределах холмистой, изрезанной оврагами и балками Среднерусской возвышенности почвы качественно различны. В северной части идет полоса серых оподзоленных лесостепных почв. Часть из них очень тяжела при механической обработке. Они отделены от южных выщелоченных и деградированных черноземов примерно по линии Спасск — Михайлов — Тула — Одоев — Мценск — Курск. Черноземы этого региона имеют лишь 2—3% гумуса. Но в степной зоне уже немало среднегумусовых (обыкновенных) черноземов, а также черноземных почв, очень богатых гумусом. В основе всех этих разновидностей почвенного слоя лежат лессовые и лессовидные суглинки. В Окско-Цнинской долине преобладают песчаные подзолистые почвы. А на Окско-Донской равнине — аллювиальные почвы. В ряде речных долин нередки и иловато-болотные и торфяно-болотные почвы. Южнее примерной линии на широтах водораздела р. Битюг — р. Дон идут мощные степные черноземы, сменяющиеся черноземами с глинистой и тяжелосуглинистой подпочвой.

Восточнее Среднерусской возвышенности мягко и постепенно вздымается к востоку Приволжская возвышенность, круто обрываясь к руслу Волги цепью небольших гор. Местность здесь изобилует оврагами, балками и речными долинами. В лесостепной части этого региона господствуют серые оподзоленные почвы, хотя встречаются и выщелоченные черноземы. На севере — обыкновенные и малогумусовые (южные) черноземы. Ближе к Волгограду встречаются светло-каштановые слабосолонцеватые почвы.

В Заволжье, к северу от реки Большой Черемшан распространены главным образом деградированные и выщелоченные черноземы. Западнее преобладают глинистые и суглинистые черноземы, перемежаясь с песчаными подзолистыми почвами. В южной части простираются обыкновенные черноземы, а южнее реки Самары — “южные” и среднегумусовые черноземы. В так называемом Высоком Заволжье, точнее, его северной части расположены массивы серых лесных почв и оподзоленных черноземов, на юге — обыкновенные черноземы.

Донские степи с мощными богатыми гумусом черноземами на юге Русской равнины имеют своеобразный остров бывшей лесостепи — Донецкий кряж. Основные почвы здесь — среднегумусовые черноземы, а на припод-

нятых местах — темно-серые лесные суглинки и деградированные черноземы, не говоря уже о тучных выщелоченных черноземах.

В зоне Предкавказья богатейшие карбонатные черноземы с мощнейшим гумусом (140—150 мм) характерны для Кубано-Приазовской низменности. Правда, на юге ее расстилаются выщелоченные черноземы, а по долине р. Кубань встречаются и лугово-болотные почвы. Есть здесь и болотно-солончаковые почвы.

Расположенная восточнее Ставропольская возвышенность в своей равнинной части, а также на западе и северо-западе имеет также богатые карбонатные черноземы. В центре возвышенности они перемежаются и с малогумусовыми черноземами. Разумеется, здесь тоже есть солонцеватые черноземы, а на северо-востоке — темнокаштановые, каштановые и солонцеватые почвы. На юго-западе края встречаются выщелоченные черноземы.

Думается, что даже краткое знакомство с особенностями климатических и почвенных условий Европейской части должно содействовать реальному восприятию того факта, что в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской империи, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, — это многовековая борьба за выживание.

Поскольку в круг проблем данной работы входят вопросы исследования производительных сил и уровня развития материального производства в основной сфере деятельности великорусов — земледелии и скотоводстве, то вполне естественно, что начинать ее целесообразнее, кратко ознакомившись с характером земледельческого производства в XIV — XV веках, точнее, с типом тех систем земледелия, которые практически помогали выживанию русского населения в этих краях Земли.

В отечественной историографии вопрос о системе земледелия в сельском хозяйстве был весьма не прост. Здесь больше, чем где бы то ни было, вопрос об уровне развития агрикультуры имел немалую остроту и решался едва ли не однозначно в пользу раннего появления парового трехполья.

Так, в частности, Б.Д. Греков признаком существования трехпольного севооборота считал наличие озимых и яровых культур и находил возможным говорить о “трехпольной системе уже в XI—XII вв.”³⁵ А в то же время А. Гейштор считал, что в Западной Европе трехполье стало постоянной системой лишь в XII—XIV вв.³⁶ Между тем ряд ученых полагал, что для фиксации наличия трехпольного севооборота необходимы не только сведения о наличии озими и яри, но и применении удобрений, а стало быть, постоян-

³⁵ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. — Кн. 1-я. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1952. — С. 38.

³⁶ A. Gieysztor. W sprawie początków trójpolówki w Polsce i krajach sąsiednich // *Prace z dziejów Polski feudalnej*. — Warszawa, 1960. — S. 71—79.

стве полей. Больше того, некоторые исследователи считают не менее важным признаком трехпольного севооборота при паровой системе земледелия равенство размеров полей, что действительно имеет серьезные основания³⁷. Правда, российские (советские) историки для фиксации факта существования парового трехполья удовлетворялись весьма малым: указанием на наличие третьих полей и паренины³⁸. В итоге факты бытования парового трехполья отнесены были не только к XV, но и к XIV столетию. Само собой разумеется, что появлению парового трехполья предшествовала целая череда различных способов земледелия в виде подсеки, перелога, пестрополья и двуполья.

Что же касается Руси XIV—XV вв., то здесь проблема происхождения парового трехполья представлена позицией А.Л. Шапиро. Опираясь на материалы, собранные А.Д. Горским, этот исследователь подчеркнул, что “третье поле” — не обязательно пар. Поле могло считаться по традиции “третьим” десятки лет наряду с тем, что два других назывались “пашенными”. Причем третье поле часто — особое землевладение. “В хозяйственном отношении, — пишет ученый, — третье поле ничем не выделялось; как и два других, оно периодически оставлялось под пар, как и два других, оно последовательно засевалось озимыми и яровыми культурами”³⁹. Общий вывод А.Л. Шапиро сводится к тому, что факты свидетельствуют о кристаллизации системы трехполья на основе сравнительно позднего “присоединения третьего поля к двум другим полям”⁴⁰.

В.И. Довженок считал, что путь к трехполью лежал через трансформацию двуполья. При двуполье вся пашня делилась на три части: первая из них, составлявшая половину, парилась, а остальная делилась на два поля — озимое и яровое. Постепенно паровое поле уменьшилось, а за счет него увеличились два других при уравнивании размеров всех трех полей⁴¹. При всей гипотетичности суждений В.И. Довженка, на более позднем материале XVI в. его правоту подтвердил Ю.М. Юргинис, который показал, в частности, что в 10 фольварках С. Остиковича-Радзивилла при неравном озимом и яровом полях (озимь более чем вдвое была больше) они составляли лишь треть всей пахотной земли, а две трети было под паром. Иначе говоря, двухполье с двухгодичной залежью (иногда и с годичной) предшествовало трехполью⁴².

³⁷ Юргинис Ю.М. О сельскохозяйственной системе, предшествовавшей трехполью // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. — Минск, 1964. — С. 96, 98.

³⁸ См.: Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — М., 1960 — С. 32; Кочин Г.Е. Развитие земледелия на Руси с конца XIII по конец XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. — М.—Л., 1960. — С. 291; Шапиро А.Л. О подсечном земледелии на Руси в XIV—XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. — Вильнюс, 1964. — С. 121.

³⁹ Шапиро А.Л. О подсечном земледелии на Руси в XIV—XV вв. — С. 122.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Довженок В.И. Земледелие у восточных славян в первом тысячелетии н. э. // Материалы по истории земледелия СССР. — Т. I. — М., 1952. — С. 157.

⁴² Юргинис Ю.М. Указ. соч. — С. 99—100.

Впервые данные, позволяющие предполагать бытование в земледелии Древней Руси трехпольного севооборота, начиная с XIV в., приведены А.Д. Горским⁴³. Довольно сдержанно оценивая присутствие в актах XIV—XV вв. терминов “ярь”, “ярные семена”, “озимь”, так как они могли быть и свидетельством двупольного севооборота, ученый подчеркивает, что лишь в сочетании с указанием на деление пахотной земли на три поля наличие терминов “ярь”, “озимь”, “пар” может служить доказательством существования трехпольного севооборота⁴⁴. Поэтому историк тщательно фиксировал все упоминания “третьего поля” для второй половины XV — начала XVI в.⁴⁵ Эти данные охватывают территорию Владимирского, Вологодского, Дмитровского, Звенигородского, Коломенского, Костромского, Московского, Нижегородского, Пошехонского, Угличского и Юрьевского уездов⁴⁶. Причем по ряду документов появление “третьего поля” можно отнести и к самому началу XV в.⁴⁷

Г.Е. Кочин вслед за Б.Д. Грековым скептически отнесся к догадке П.Н. Третьякова о том, что в лесной полосе в Древней Руси на смену подсеке шел лесной перелог. “Ведь если лесные участки разрабатывали способом выжигания подсеки, — пишет ученый, — то в чем же отличие такой системы “лесного перелога” от подсеки?”⁴⁸ Ссылаясь на работы XIX в. о лесопольной системе, Г.Е. Кочин считает, что отдых при подсеке должен быть не 10—16 лет, как полагал П.Н. Третьяков, а 18—40 лет⁴⁹. И если это считать системой хозяйства, то полный оборот земли занял бы 30—40 лет, что в XI—XV вв. было нереально.

Говоря о принципах обработки пашни парового трехполья, Г.Е. Кочин делает упор на тщательность такой обработки, особенно пара. Ученый приводит свидетельство отдельных актов XV—XVII вв. о практике многократной обработки паровых полей (3—4 раза)⁵⁰. Найденные железные полицы XIII—XV вв. позволяют Г.Е. Кочину предполагать раннее существование практики вывоза на паровые поля “гноя” (навоза, натравы)⁵¹. Не видя особой разницы в терминах “орать” и “пахать”, этот исследователь полагает, что одновременное их употребление (“орали, пахали и сеяли”) лишь подчеркивает многообразие и тщательность обработки земли. Больше того, Г.Е. Кочин полагает, что орудиями XIV—XV вв. можно было столь глубоко вспа-

⁴³ Горский А.Д. Указ. соч. — С. 31, прим. 4.

⁴⁴ Там же. — С. 32.

⁴⁵ Там же. — С. 32, прим. 5.

⁴⁶ Там же. — С. 33.

⁴⁷ Там же. — С. 34.

⁴⁸ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. — М.—Л. — 1965. — С. 131; См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Кн. 1-я. — С. 49.

⁴⁹ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 131.

⁵⁰ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 134.

⁵¹ Там же. — С. 133.

хивать землю, что следы загона борозд могли сохраняться на пустошах десятилетиями и веками⁵².

Видимо, в представлении ученого в XV в. паровое трехполье становится уже классической замкнутой системой с достаточной интенсификацией и восстановлением плодородия. Так полагать позволяет трактовка Г.Е. Кочин более архаичных приемов земледелия как существовавших параллельно с полевым хлебопашеством в качестве вспомогательного средства (“в происходившем наступлении полевого пашенного земледелия естественно видеть подсеку сдающей свои позиции”)⁵³. На Севере Руси так называемая “посекирная пашня” была дополнением к полевой пашне. В Новгородской земле при господстве полевого трехполья “оставалось все же заметное место и для подсеки”⁵⁴. “Пашенный лес” был и в центре Северо-Восточной Руси. Однако все это лишь свидетельства “чрезвычайной длительности процесса вытеснения подсеки паровой системой”⁵⁵. По словам ученого, “в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси... опыт и наблюдения подсказывали лишь один надежный путь для восстановления плодородия земли — внесение удобрений”⁵⁶. “Только при условии внесения удобрений в нечерноземной лесной стороне нашла применение, закрепились и окончательно победила подсеку паровая система земледелия”⁵⁷. А.Д. Горский также склонен оценивать подсеку XV в. “в качестве средства освобождения участка для пашни, а не в качестве особой системы земледелия, то есть была подчинена целям пашенного земледелия с трехпольным севооборотом”⁵⁸.

Отрицая в Древней Руси наличие системы “лесного перелога” и отводя подсеке, росчисти, лядам и прочим видам лесных расчисток второстепенную роль, многие историки предполагали, что судьба всех этих пашенных угодий в конечном счете одна: они вливались в систему полевого земледелия, постепенно увеличивая размеры пахотных полей при деревнях, селах и т. п. Г.Е. Кочин полагал, что П.Н. Третьяков, выдвигая идею “лесного перелога” как системы земледелия, отталкивался от работ по более позднему периоду и, в частности от трудов Н.А. Рожкова, основанных на писцовых материалах XVI в. При этом Г.Е. Кочин считал позицию Н.А. Рожкова ошибочной, поскольку последний принял “заброшенную по условиям кризиса полевою пашню за доказательство наличия переложной системы земледелия”⁵⁹. Думается, что главным основанием такого хода рассуждений была не только неразработанность проблемы писцового делопроизводства, но и чересчур

⁵² Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 135.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. — С. 141.

⁵⁵ Там же. — С. 141—142.

⁵⁶ Там же. — С. 143—144.

⁵⁷ Там же. — С. 147.

⁵⁸ Горский А.Д. Указ. соч. — С. 38.

⁵⁹ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 132.

прямолинейная трактовка сведений новгородских писцовых книг, дающих, казалось бы, массовый и убедительный материал о функционировании целостной замкнутой классической системы парового трехполья с навозным удобрением в качестве средства, компенсирующего падение плодородия земли.

Между тем с новгородским писцовым описанием конца XV в. в литературе ситуация не столь проста. В наиболее глубоком исследовании последних десятилетий об обжа как единице налогового обложения в писцовых книгах Новгорода, принадлежащем Г.В. Абрамовичу, обжа реконструируется как некая обобщенная единица, символизирующая и потенциальные, и реальные производственные возможности однолошадного крестьянина. Реконструируя обжу второй половины — конца XV в., ученый вводил в нее не только пашню, но и сенокосы “меж поль”, и усадьбу с огородом и гуменником. По предположению Г.В. Абрамовича, действующая пашня в определяемой им 9-десятинной обже занимала лишь около 5 десятин в трех полях⁶⁰.

Эти разыскания можно продолжить, в частности, исследуя материалы таблиц первого тома “Аграрной истории Северо-Запада России”⁶¹. Речь идет об обобщенных сведениях, раскрывающих характер имущественной дифференциации крестьянства однодворных деревень, которых в Новгородских землях было великое множество. Вследствие чего они вполне репрезентируют процессы, свойственные развитию крестьянства Северо-Запада России в целом.

Несложные преобразования ряда таблиц с группировкой дворов по размерам посева (дополнение их расчетами на обжу числа копен и коробей, а также расчетами числа коробей посева на “человека”, то есть главу семьи, и на душу мужского пола) позволили выявить неожиданную и интересную закономерность.

Суть ее заключается в том, что в группах дворов с небольшими пахотными площадями (исчисленными в 1—3 коробей) в расчете на обжу как единицу обложения приходится сравнительно меньшее количество “коробей” пашни, а в группах дворов со значительно большими пахотными площадями (7—12 коробей) на обжу приходится сравнительно большее количество “коробей”⁶². По Шелонской пятине разница в крайних группах достигает 1,3 раза, по Деревской пятине в 1,7 раза, а по Новгородскому уезду — в 2,2 раза.

Полагать, что многопосевные дворы крестьян облагались налогами значительно легче, чем малосеющие дворы, было бы слишком опрометчивым. И вот почему. Если наши расчеты распространить на статистику распределения сенокосных угодий, то в итоге получится по сути та же, хотя и менее выразительная ситуация (см. таблицу 1.1). Иначе говоря, там, где на обжу приходится большие размеры пашни в коробях, количество копен сена в

⁶⁰ Абрамович Г.В. Несколько разысканий из области русской метрологии XV — XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. — Т. XI. — М., 1963. — С. 372—374.

⁶¹ Подробнее об этом см.: Горская Н.А., Милов Л.В. Некоторые итоги изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. — 1982. — № 2. — С. 70—71. Таблицы 1, 2, 3.

⁶² Горская Н.А., Милов Л.В. Указ. соч. — С. 70—71.

расчете на обжу уменьшается. Отсюда может быть сделан довольно уверенный вывод о том, что в новгородской системе описания угодий мы имеем дело с архаичным методом “одабривания” земель. В менее плодородных местностях в обжу включали относительно большие доли пашенной земли и наоборот. Следовательно, одна и та же сумма налога на более плодородных землях взималась с меньшей площади пашни, а на более тощих пашнях с относительно большей площади пахотных угодий. То есть механизм обложения и “одабривания” земель совпадает с принципами обложения, выражены представленными в писцовой книге 1551 г. по Бежецкой пятине. В ней есть предельно ясное разъяснение писцов: “Старые обжи положены по старому ж: пашни на обжу по 3 коробьи, и по пол третьи коробьи, и по 2 коробьи. А прибылые пашни положены в обжу по пол восьми коробьи в поле, потому что земля худа, камениста, песчата и безсенна, и безлесна, и безводна”. В 60-х годах XVI в. в этой же пятине в обжу клали и по 8 коробей, и по 10 коробей худой земли⁶³. Из этого текста не только вполне очевиден сам принцип “одабривания”, скрытый за туманным термином “обжа”, но и многосторонний учет потенциала крестьянского хозяйства (учет качества сенокоса, наличия леса и воды). Однако, пожалуй, в данной связи наиболее важно другое. Возрастание степени “одабривания” пашни идет синхронно с увеличением размера высева: на крестьянский двор (и на главу семьи, и на душу муж. пола). А это означает, что размер пашни больше там, где более бесплодна земля. Кроме того, надо учесть, что принцип одабривания опирался на объем семян, высеваемых на хороших и худых землях. Естественно, по традиции на плодородных землях высев был меньше, а на худых высев был больше. Разница была полутора- и двухкратная. Большие высевы в коробьях в писцовых книгах — это высевы на худых землях. Следовательно, весьма рискованно говорить о зажиточной группе крестьян, имеющих большие посевы, большие сборы зерна, и строить гипотезы о перспективах расслоения крестьян и т. п. Видимо, такие дворы распахивали много земли из-за того, что урожаи у них были гораздо ниже, чем у хозяйств, сеющих небольшое количество коробей зерна, то есть главный фактор урожайности был обусловлен естественным плодородием, а роль навозного удобрения была еще несущественна. При этом нетрудно понять, что, обрабатывая большие участки худых земель, крестьянин той эпохи делал это кое-как (иначе участок в 8—10 коробей на одной лошади не вспашешь).

Таким образом, различие в размерах обрабатываемой пашни обусловлено было не столько экономической мощью того или иного хозяйства, сколько добротой или худобой земли. Между прочим, именно в новгородских землях

⁶³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 276. Оп. I. № 12. Л. 34 об. Цитировано по книге: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятинны. — Л., 1974. — С. 10, 11.

была и есть большая пестрота в качестве почв (это и болотные, и подзолистые, и слабоподзолистые, и даже дерново-подзолистые, богатые известью почвы и т. п.). Следовательно, при ведении такого хозяйства неизбежно было выпаживание земель, их забрасывание в перелог и т. д., что позднее стали фиксировать писцовые книги XVI в.

Таблица 1.1. Распределение копен и коробей пашни на обжугу

Новгородский уезд			
Группы дворов по коробьям "посева"	Число дворов	Копен на обжугу	Коробей на обжугу
1–2,5	69	45,8	3,6
3–3,5	49	28,8	4,3
4–4,5	146	28,9	4,0
5–6,5	180	30,0	4,7
7–8	90	26,2	4,3
9–10	43	29,3	4,5
11–12	10	18,9	4,6
15–16	9	33,7	4,6
20	2	16,0	8,0

Заонежские погосты			
Группы дворов по коробьям "посева"	Число дворов	Копен на обжугу	Коробей на обжугу
до 0,5	231	17,7	1,5
0,5–0,85	551	19,6	1,54
1–1,75	386	19,1	1,6
2–2,75	95	14,4	2,1
3–3,5	19	6,9	1,75
4–4,5	3	9,3	2,2
6	1	6,7	2,0

Шелонская пятина			
Группы дворов по коробьям посева	Число дворов	Копен на обжугу	Коробей на обжугу
1–2,5	133	50,5	3,6
3–3,5	118	34,1	4,0
4–6,5	656	39,2	4,2
7–10	269	35,5	4,2
11–20	39	33,2	4,8

Итак, мы видим, что в историографии, посвященной проблемам земледелия XIV—XV вв., весьма четко проступала тенденция к преувеличению

темпов становления классического парового трехполья. Действительность была, вероятно, сложнее. И в это период, и позднее, в XVI столетии, было паровое трехполье, но оно не только сосуществовало с двупольем и перелогом (подсекой), но, как показывают источники XVIII в., соединялось с этими архаичными системами, образуя комбинированные системы земледелия, сочетающие трехпольный севооборот с периодическим забрасыванием и обновлением участков полевой пашни.

Если в силу целого ряда социальных и политических факторов в Русском государстве начала XVII в. разразился глубочайший экономический кризис и разоренная страна покрылась пустыми дворами, пустошами и огромными площадями “пашни, перелогом и лесом поросшей”, то в середине XVIII в., когда развитие России шло относительно благополучно, хотя крестьянство Нечерноземья едва сводило концы с концами, площади под перелогом и “пашенным лесом”, оказывается, не исчезли.

Правда, вполне очевидным это стало не так давно. Со времен В.И. Семевского наиболее важным источником, дающим сводную характеристику сельскохозяйственным угодьям страны во второй половине XVIII в., считаются Экономические примечания к Генеральному межеванию, и, судя по данным этого источника, перелог и залежь в этот период из земледелия как будто исчезают. Экономические примечания, подробно фиксирующие размеры и виды угодий по каждому селу или группе селений, выделяют “пашню”, “сенокос”, “лес”, “неудобную землю” и землю “под поселением”. Переход к такой “ландшафтно-хозяйственной” классификации угодий, вероятно, был ориентирован на уровень экономико-географических знаний Запада. Но детально основы подобной классификации нам неизвестны⁶⁴. Точнее, мы не знаем, насколько учитывались при этом элементы хозяйственного назначения угодий, или, наоборот, главным был, скажем, внешний ландшафтный вид угодья (ведь понятия “перелог” или “залежь” и “пашенный лес”, “дровяной лес” и т. д. являются понятиями не ландшафтными, а чисто хозяйственными).

Таким образом, огромный материал Экономических примечаний должен быть подвергнут анализу с точки зрения соответствия бытовавших в тот период в сельском хозяйстве России систем земледелия той классификации, которая принята в этом источнике.

Подобная работа была отчасти проделана и дала весьма неожиданные результаты. Была, в частности, выделена группа Экономических примечаний по Центру Европейской России, в которых деление на угодья сохранило традиционный хозяйственный принцип назначения угодий. Это описания по Рузскому, Волоколамскому, Можайскому, Клинскому, Звенигородскому и ряду других уездов Московской губернии, а также целому ряду уездов Смо-

⁶⁴ Рубинштейн Н.С. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. — М., 1957. — С. 326.

ленской губернии⁶⁵. Причем описания эти носили пробный характер, и именно поэтому в них сохранились данные о “перелог” и “пашенном лес”.

Приведем ряд примеров. В Новоолешинской волости Гжатского у. на 87 селений приходилось 21707 дес. пашни и 11549 дес. перелога (50% от площади пашни), а в даче села Савина со 107 селениями пашни было 71216 дес., а перелога — 21827 дес. (чуть меньше 30% от всей пашни). В дер. Ильичина с 3 деревнями на 1787 дес. пашни приходилось 672 дес. перелога⁶⁶.

Следует отметить, что землемеры не механически переводили “перелог” или “пашенный лес” в “лес”, а оценивали реальное состояние угодий. Так, в пустоши Глухова Гжатского у. по Примечанию 1781 г. было 40 дес. “перелог, по которому сенной покос”, а в чистовом экземпляре это превратилось в 40 дес. “сенного покоса”⁶⁷. В сельце Дровнино с 25 деревнями было 6762 дес. “перелог, по которому сенной покос”, что тоже стало простым “сенным покосом”⁶⁸. В Можайском у. Московской губ. в даче сельца Опарина по пробному описанию значилось 135 дес. 2107 саж. “пашенного леса”, который землемеры в чистовом экземпляре записали уже как “сенокос” и т. д.⁶⁹ Аналогичные факты можно привести по Рузскому у. Московской губ. В сельце Трохово было 81 дес. 2398 саж. пашни, 3 дес. 1952 саж. “пашенного леса”, 2,5 дес. 1952 саж. сенокоса, 6 дес. 1115 саж. неудобной земли (в чистовом экземпляре 1773 г. вместо пашенного леса обозначен “дровяной лес”). В с. Покровском было 676 дес. 198 саж. пашни, 250 дес. 122 саж. строевого леса, 124 дес. 2200 саж. дровяного леса, 95 дес. 791 саж. пашенного леса, 112 дес. 1680 саж. сенокоса и 93 дес. 936 саж. неудобной земли (в чистовом экземпляре все виды леса объединены под названием “лес дровяной” — 470 дес. 713 саж.). В сельце Дьяконово было 50 дес. 550 саж. пашни, 31 дес. 173 саж. дровяного леса, 17 дес. 465 саж. “пашенного леса”, 60 дес. 1200 саж. сенокоса и 10 дес. 1011 саж. неудобной земли (в чистовике “дровяного леса” 48 дес. 638 саж.). Наконец, в с. Брынково пашни было 962 дес. 1153 саж., леса строевого — 90 дес., дровяного леса — 208 дес. 234 саж., пашенного леса 268 дес. 1200 саж., сенокоса — 154 дес. 1680 саж. и неудобья — 32 дес. 126 саж. (в чистовике обнаруживается, что все было перемеряно: пашни стало 1207 дес. 1740 саж., дровяного леса 495 дес. 1290 саж., сенокоса — 196 дес. 658 саж. и 133 дес. 1907 саж. неудобных мест)⁷⁰.

Следует подчеркнуть, что перелог в ряде районов занимали огромные площади, что может служить свидетельством необычайной живучести арха-

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. № 1842, 2322, 2407, 2207 и др.

⁶⁶ РГАДА. Межевой Архив. Экономические примеч. по Смоленской губ. № 32 (дачи 1, 14, 70).

⁶⁷ Там же. № 32 (дача 78); № 35 (дача 78).

⁶⁸ Там же. № 32 (дача 96); № 35 (дача 96).

⁶⁹ Там же. № 40 (дача 98). Ф. 1320. Оп. 7. № 2407 (дача 43).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. № 1842. Л. 5 об.— 6, 18 об.— 19, 7 об.— 8, 25 об.— 26; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18859. Ч. 1. Дача 37 (5), 50 (1).

ичных приемов земледелия. Так, в целом по Гжатскому у. Смоленской губернии из 104 населенных дач перелог отмечен в 73 населенных дачах⁷¹. По Можайскому у. Московской губернии в целом по уезду было 138 тыс. десятин перелога при 175 тыс. десятин пашенных угодий⁷². Считать подобные угодья свидетельством запустения нет никаких оснований.

Ведь подобные явления наблюдались и в других регионах, и по другим источникам, в частности, по так называемым “офицерским описям” конца 50-х — 60-х годов XVIII в. Так, по 82 селениям Вобловицкой волости Слободского уезда Вятской губ. (а это 3389 душ муж. пола), принадлежавшим Хлыновскому Трифонову монастырю, перелог составлял 2272 четверти (1136 дес.), или 47% всей распаханной земли⁷³. В Кырчанской волости того же уезда (2280 душ муж. пола) перелог составлял 667 четвертей (333,5 дес.), или 20% всей распаханной земли⁷⁴. И все эти перелогии являются следствием запуска выпашанных пашенных полей, так как по тому или иному селению дается объяснение следующего типа: “А счисление у крестьян бывает по одному севу хлеба, ржи; и не каждый год у всех генерально в той деревне пашенной земли на 30, да сверх того за неурожаем хлеба состоит в пусте на 11 — итого на 41 четверть (20,5 дес. — Л. М.) вполе, и в дву по тому ж”⁷⁵. Ведь в Нечерноземье такое истощение наступало очень быстро: через какие-то два десятка лет, например, на вновь расчищенных после 1744 года починках в Хлыновском уезде уже к 1764 году от 30 до 60% земельных участков были истощены и лежали “в пусте”⁷⁶.

В литературе можно встретить утверждение, что в перелогии забрасывались лишь дальние поля и росчисти, а околоселенные поля постоянно распахивались в трехпольном севообороте с регулярным удобрением. И так, действительно, было. В частности, А.Т. Болотов писал, что в Калужской губ. крестьяне “дальние земли, обрабатываемые по трехпольному севообороту, после ряда лет забрасывали в перелог”⁷⁷. Но не меньше сведений и о забрасывании полевой пашни. Так, в Темниковском у. Тамбовской губ. было в обычае при расчистке из-под леса участков под пашню или луга “оставлять прежние за выпашкою”⁷⁸. Крестьяне Семеновского у. Нижегородской губ., по свидетельству В.И. Даля, “искони приняли за правило пахотные поло-

⁷¹ РГАДА. Межевой Архив. Экономич. примеч. по Смоленской губ. № 35.

⁷² Там же. Ф. 1320. Оп. 7. № 2407.

⁷³ Там же. Ф. 280. Оп. 3. № 690/710. Ч. 1. Л. 35—321.

⁷⁴ Там же. Л. 452 об.— 660.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. № 690/710. Ч. 1. Л. 35 и сл.

⁷⁶ Речь идет о Курчумской волости, где на освоенных после второй ревизии землях при населении 207 душ муж. п. насчитывалось 873 четв. (436, 5 дес.) пашни под трехпольным севооборотом, а 456 четв. (228 дес.) пашни уже было “в пусте за неурожаем”. — Там же. Л. 325 об.— 394 об.

⁷⁷ Труды ВЗО. — 1769. — Ч. XI. — С. 93.

⁷⁸ Топографическое описание Тамбовской губернии // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов на разные годы. — СПб., 1790. — С. 400.

сы... оставлять попеременно после непродолжительной распашки под залежь на 6—8 и даже на 10 лет”⁷⁹.

Автор этих строк, изучая подобного рода факты, еще в начале 60-х годов попытался сделать вывод о том, что на протяжении многих столетий в России на обширнейшей территории практически бытовало не паровое трехполье, а некая комбинированная система земледелия, сочетавшая трехпольный севооборот с периодическим обновлением основного массива пашенных земель за счет перелогов и росчистей.

Что же касается Черноземья, то там весьма широкое распространение в XVIII—XIX вв. имела залежная система земледелия. В частности, в описании Харьковского наместничества специально оговорено наличие “на украинских полях” переложных (“облоговых”) полос “во всех трех полях”⁸⁰.

Таким образом, несмотря на то, что огромный фонд Экономических примечаний к Генеральному межеванию скрыл от исследователей бытовавшие даже во второй половине XVIII в. элементы архаических систем восстановления плодородия земли, тем не менее сохранился вполне достаточный круг источников, четко подтверждающих живучесть и даже неистребимость этой архаики (которая существовала отчасти и в XIX столетии)⁸¹. Больше того, в литературе существуют и аргументированные доказательства того, что существовавший на территории России массив пашенных угодий не использовался целиком, причем пустующая пашня составляла от 30 до 60% всех пашенных угодий. Долгие годы ученые были не в состоянии дать убедительное объяснение столь необычным фактам.

Итак, в Европейской России неблагоприятные климатические условия, преобладание малоплодородных подзолов и болотных почв сочетались в течение многих столетий с сохранением малоэффективных экстенсивных систем земледелия.

Как же жил великорусский крестьянин в таких условиях? Как он вел свое хозяйство? На эти вопросы мы и попытаемся дать ответы на наиболее ранних материалах систематического характера — материалах XVIII столетия.

⁷⁹ Гос. Архив Нижегородской обл. Ф. 2. Оп. 4. № 5076. Л. 1—3 (цит. по работе: Седов А.В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797—1863 гг.). — Горький, 1953. — Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. — С. 132).

⁸⁰ Топографическое описание Харьковского наместничества. — М., 1788. — С. 75.

⁸¹ См.: Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. — Изд. 2-е. — СПб., 1891.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Белікорусскі пахарь в XVIII столетии

Очерк первый

СУДЬБЫ ПАРОВОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

О необходимости старого

Культура сельского хозяйства, и прежде всего земледелия, — особая, в чем-то даже уникальная область материальной культуры человечества. Главной отличительной чертой прошлой деятельности человека в области земледелия является почти полное отсутствие контроля непосредственного производителя над ходом “производственного процесса”, происходящего в форме биологического развития растений, а также бессилие человека в создании оптимальных климатических условий для этого развития. Отсюда проистекает чрезвычайно слабая взаимозависимость между вложением труда и интеллекта в земледелие, с одной стороны, и результатами этой деятельности в виде урожая тех или иных культур или продуктивности земледелия в целом, с другой.

Эта корреляция имеет тенденцию увеличиваться лишь в масштабе громадных хронологических периодов, поскольку механизм резких и неожиданных для человека колебаний погодных условий и их влияния на те или иные моменты земледельческой практики проясняется для земледельца лишь в итоге преемственности многовекового опыта, накапливаемого десятками поколений непосредственных производителей в виде бесконечной череды удач и бедствий сельского хозяйства.

Этот громадный человеческий опыт и есть основа культуры земледелия. Своеобразие реализации этого опыта заключается в том, что он предстает перед каждым поколением крестьян-земледельцев в императивной форме традиции и обычая. Эта императивность проистекает из несоизмеримости масштабов жизни и практического личного опыта индивида-земледельца и совокупного опыта многих поколений крестьян.) Поэтому в основной фонд земледельческой культуры включены лишь традиции и обычаи, то есть общественно значимые элементы культуры, безжалостно отмечающие из народной земледельческой практики все индивидуальные начинания и новации

как не прошедшие многовековую проверку практикой земледелия вообще и механизмом колебаний погодных условий в частности.

Русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями. Форма этого опыта в виде неколебимой традиции, неизменного обычая и правил диктовала беспрекословность их соблюдения. Отсюда удивительное единообразие в приемах ведения земледелия, еще встречающееся в XVIII в. в отдельных регионах с коренным русским населением. Так, в топографическом описании Ярославской губ. (1798 г.) читаем: “Способ хлебопашества и земледельческие орудия везде одинаковы”¹. Думается, что именно этими обстоятельствами во многом объясняется невосприимчивость крестьянина к новым приемам агрикультуры, к модернизации орудий труда и т. д. Русские агрономы и помещики-экспериментаторы подмечали отдельные явно бросающиеся в глаза проявления этой тенденции. Алексей Олишев, вологодский рачитель сельского хозяйства, прямо писал, что крестьяне “больше следуют старым обычаям”². Отдельные проявления этого просто вступали в противоречие со здравым смыслом. Так, тот же А. Олишев отмечает: начало сенокоса в Вологодском крае непременно связывалось с днем Петра и Павла (29 июня³). Несмотря “на незрелость травы”, крестьяне “следуют единственно застарелым обычаям”⁴. То же отмечает о сенокосе А.Т. Болотов по Тульской губ.: “Косятя почти в одно время, несмотря, поспела ли трава или еще нет”⁵. О сроках высева конопли Болотов язвительно замечает, что “по предрассудку и суеверию всегда на 5-ой или на 7-ой неделе после Святой, а на 6-ой никто не сеет”, хотя условия бывают наиболее, на его взгляд, подходящими⁶.

Стойкость и известный консерватизм традиционных приемов земледелия, в частности, в России, располагавшей в целом малоблагоприятными почвенно-климатическим условиями для земледелия, были усугублены рядом фундаментальных обстоятельств.

Русское крестьянство, осваивая бескрайние земельные просторы Восточноевропейской равнины, на каждом этапе развития общества получало в области земледелия уровень урожайности основных земледельческих культур, явно несоизмеримый с громадной массой вложенного труда. Это издавна побуждало крестьянина к максимальной осторожности в “технологии”

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 3 об.

² Олишев А. Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде с примечаниями // Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 107—108.

³ Здесь, как и всюду далее, — старый стиль.

⁴ Олишев А. Указ. соч. — С. 118.

⁵ Болотов А.Т. Описание свойства и доброты земель Каширского уезда и прочих до сего уезда касающихся обстоятельств, ответами на предложенные вопросы (Далее: Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда) // Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 170—171.

⁶ Там же.

земледельческой практики, т. е. делало его еще более приверженным традиции и обычаю в области агрикультуры, заставляло его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расширения производственных площадей. В этом, на наш взгляд, кроется объективная обусловленность преобладания экстенсивного пути в развитии земледелия, которое в период феодализма в конечном счете приводило к освоению и вовлечению в орбиту агрикультуры громадных земельных пространств, что само по себе имело исторически прогрессивное значение. В этом состоит противоречивая диалектика развития русского земледелия.

Традиционализм в области земледельческой культуры сочетался с необыкновенным умением русского крестьянина приспособиться к тем или иным местным условиям и даже превратить недостатки в своего рода достоинства.

Качество земли, как известно, один из важнейших компонентов природно-климатических условий земледелия. Почв, наиболее благоприятных для земледелия, во все исторические эпохи в пределах Восточноевропейской равнины, как мы уже видели, было всегда мало. Лоскутный характер их локализации усугублялся вообще крайней пестротой качества почвенного слоя земли. Попробуем охарактеризовать эту пестроту с позиции современника, объезжающего тот или иной край, на примере Тверской губернии. В Краснохолмском у. земля к “Вышневолоцкому уезду песчаная и каменистая, к Ярославской губернии — серая с черноземом по низким местам”. В Калязинском у. “земли по Волге песчаные и глинистые, по реке Нерли серая и частью иловатая; в прочих местах — иловатая с суглинком”. В Ржевском у. земля “по берегам Волги и Туда — глинистая и песчаная; между Волгою и Тудом — глинистая с мелким камнем, в окрестностях города — иловатая, а в прочих местах серая, не глубже 2 и 3 вершков лежащая, под коею слой красноватой земли или суглинок”⁷. Резкая разница была и по плодородию. В Бежецком уезде “хлебоднейшим почитается Городецкой стан, окружающий город”. В Калязинском — “хлебоднейшим из всего уезда почитается Негороцкий стан, за Волгою, к Кашинскому уезду лежащий”. В Краснохолмском у. таковым является Антоновский стан, “простирающийся от самого города по Кашинской дороге до границы” уезда. В Весьегонском уезде — “Ясеницкий стан, особенно около сел Сандово и Поляны”⁸. В Новоторжском у. очаги плодородия локализуются около сел Стружна, Упревиче, сельца Голубина, деревень Маслова, Пожитова, Мловичи и т. д.⁹ Лоскутный характер локализации плодородных земель практически характерен для всей нечерноземной полосы.

⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. (Далее — Генеральное соображение по Тверской губернии). — Тверь, 1875. — С. 73, 47, 119.

⁸ Там же. — С. 65, 73, 82.

⁹ Там же. — С. 156.

В северных же районах (Вологодской, Архангельской, Олонецкой губерниях) пестрота плодородия еще более мозаична. Так, по Олонецкой губернии до нас дошло топографическое описание, уникальное по тщательности характеристики почв этого края. “Земли в селениях Петрозаводского уезда: в погосте Кижском земли частью черные и смешанные с суглинком и частью песчаные. Оне довольно плодородны, но обрабатывание их великого требует труда по причине множества камней на поверхности и внутри находящихся. В Толвуйском — по большей частию чернозюм и серая земля. В Шунском — песчаные, каменные и серые с суглинком. В Остречинском — ...по большей частию земля серая. В Самозерском — ...много серой, смешанной суглинком. В Святозерской и Пряженской волости земли частью серые и частью песчаные.

Вытегорского уезда во Штинском и Мечорском погостах — серые и состоящие из хрящу (то есть мельчайшего камня, — Л. М.) и суглинка. В Андомском — песчаная и каменная и суглинком. В Пудожском, в Шальском и Нигижемском — частью черная и частью песчаная. В Вытегорском — песчаная с суглинком.

Каргопольский уезд отличается от других плодородием земли, в нем находящейся, хотя грунт ее и столько же различен”¹⁰. В Надпорожской, Олховской и Волосовской волостях на правом берегу реки Онеги — “большей частью черная и перемешанные с песком, а на левой стороне — с песком и валучьим камнем”. В Архангельской, Троецкой и Плеской: на правом берегу Онеги — черные, на левом — серые каменные. В Кенозерской — “земли из суглинка”. В Водозерской и Лекшмозерской — серые с песком и “валучьим камнем”. В Бережен-Дубровской, Устьможской и Красновской: на правой стороне реки Онеги — “частью черная, частью перемешанная с желтым песком, а на левой — серые и смешанные с глиною”.

“Олонецкого уезда: в Важенском погосте по реке Свири земли серые, смешанные с красным суглинком. В Коткозерском, Ведлозерском и Тумозерском погостах — серые и песчаные. В Горской, Видлицкой и Туложской волостях — серые и глинистые. В Ильинском — черные и болотные. В Олонецком погосте по большей частию черные с суглинком и тундристые, лежащие по Туксе, Мегреге и Верховской...”

“Повенецкого уезда в Шунском погосте земли черные, серые, перемешанные с песком и хрящом. В окружности города Повенца — песчаные, каменные и болотные. В селении Гапсельге и Волозерске — песчаные и каменные. В Панозерском погосте — черные и глинистые. В Ругозерском — по большей частию чернозюм. В Паданском — черные и песчаные. В Кушнаволоке и Сергозере — каменные и черные. В Селецком и Сямозерском погосте — по большей частию черные. В Ребольском погосте, к меже Вы-

¹⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 30 об.—31.

боргской губернии и Санктпетербургскому уезду и далее по шведской границе, около Каменного озера — земли болотные и пещаные. В Окноволоке — болотные и перемешанные с белым песком. А в окрестностях Мультиозера — чернозем, болотные и пещаные”¹¹.

Существенные различия почв и степени плодородия были и во многих других районах России (север и юг Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Тульской, запад и восток Орловской, Саратовской губерний и т. п.). Нередко крестьянин использовал это с выгодой для себя. В частности, пещаные почвы весной прогревались быстрее, и на них можно было сеять чуть раньше, а зерно получалось тяжелее. Болотные почвы давали возможность вести более плотный высев и т. д.

Вместе с тем, необычайно важно учитывать, что каждому определенному моменту в развитии производительных сил соответствовали свои экономические критерии плодородия. Медленный, но тем не менее вполне ощутимый прогресс агротехники и агрикультуры делал возможным на том или ином этапе развития вовлечение в производство земель, совсем еще недавно полностью не пригодных для этого. Таким образом, с каждым существенным сдвигом в развитии производительных сил площадь используемых земель в целом увеличивалась. Вместе с тем этот рост сравнительно плодородных земель отнюдь не был пропорционален общему росту производительных сил, поскольку с течением времени это плодородие земель при довольно частом отсутствии должных вложений в землю труда и капитала падало, так как земли постепенно “выпахивались”, становились бесплодными.

В итоге воздействия и взаимодействия всех этих (как, впрочем, и ряда иных) факторов на характер развития земледелия русское крестьянство постоянно сталкивалось с необходимостью более или менее регулярного забрасывания старых, выпавших, и освоения новых земель. Этот процесс с меньшей интенсивностью проявлялся в рамках территорий с преобладанием наиболее плодородных земель, но они в XVIII в. были уже сравнительно редки в пределах исторического центра Русского государства. В большинстве же регионов с русским населением этот процесс был широко распространен.

В системе русской земледельческой культуры XVIII столетия (главным образом середины и второй половины) соотношение общих и местных особенностей (традиций!) определялось как старыми факторами, конституируемыми условиями натурального хозяйства, так и новыми факторами, вызванными к жизни особенностями формирования в экономике России капиталистического уклада.

В этот период соотношение в агрикультуре и агротехнике двух основных компонентов обретает иную окраску. Извечный феодальный традиционализм агрикультуры в глазах передовых современников все ближе граничит с кон-

¹¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 31—32 об.

серватизмом и даже косностью. Но этот традиционализм устойчив не в силу своей консервативности, а в силу необходимости.

В этих условиях, условиях растущего общественного разделения труда, происходит парадоксальное умножение местных особенностей, в основе которых сложное переплетение старых и новых факторов, не исключая существования в русской агрикультуре местных особенностей, так сказать, реликтового характера.

На более ранних этапах развития феодализма в основе “статуса” местных особенностей лежал критерий, который можно квалифицировать как *практическую целесообразность*, обусловленную, в свою очередь, критерием рациональности трудовых усилий непосредственного производителя для получения жизненно необходимых средств к существованию, способствующих более или менее расширенному воспроизводству. В условиях классового общества эти средства составляли совокупный объем необходимого и прибавочного продукта.

Критерий целесообразности практически и объективно формируется при максимальном учете местных природно-климатических условий. Если, допустим, практически необходимый объем совокупного продукта может дать даже примитивная обработка земли, то в основе такой деятельности лежит критерий целесообразности, основанный на максимальной эксплуатации плодородия земли и натуральном характере хозяйства. Однако такие, образно говоря, реликтовые процессы и явления в XVIII в. наблюдаются лишь в регионах, сравнительно молодых с точки зрения освоения и накопленного опыта поколений. Это, как правило, южные степные и юго-восточные вновь осваиваемые земледелием районы с русским и иным населением. Так, по наблюдениям современника, в Саратовском Поволжье “земледельцы в тамошней стороне совсем не знают, что такое навоз. Оный лежит у них отчасти на скотных дворах... без всякого употребления... да в оном донине и нужды не было потому, что как земли там весьма много, и часто не ближе 30 верст одна деревня от другой отстоит”. “Вспахивает крестьянин землю, кою он избрал для себя в низменном месте, и оную засекает, выжегши наперед прошлогоднюю траву или некоторую часть леса и находящиеся при оном кустарники... Потом засекает он ее по крайней мере для того, что там ему способнее пахать, еще одним или двумя семенами (т. е. до трех лет, — Л. М.). А, наконец, оставляет сию пашню как негодную и ищет для себя в 10 и 15 верстах в другой долине новую...”¹²

По мере накопления опыта такая практика исчезает. Объясняется это тем, что, на наш взгляд, критерий целесообразности довольно сильно коррелирует с такими моментами, как: 1) затраты труда и бюджет рабочего вре-

¹² Примечания на лежащие около Саратова места... // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 32—33.

мени, иначе говоря, со степенью совершенства того или иного производственного процесса; 2) объем необходимой продукции и даже острота необходимости получения того или иного вида продукции земледелия; 3) соотношение объема производства данного продукта земледелия с остальными, наконец; 4) стабильность и степень нестабильности климатических условий.

В целом же для эпохи феодализма критерий целесообразности, который интегрирует все названные моменты, наиболее важен как критерий оценки степени развития культуры земледелия в условиях прежде всего господства натурального хозяйства¹³. И эти традиции целесообразности могут существовать целыми столетиями. Например, на русском Севере, в частности в пределах Вологодской губернии, в XVIII в. бытовал оригинальный принцип севооборота на неполевых пахотных землях, т. е. вне трехпольного севооборота, описанный в 60-х гг. XVIII в. А. Олишевым. “На подсеках, — пишет он, — сеют ячмень весною вместе с рожью и, когда ячмень поспеет, то оной сожнут, а остальную ржаную озимь вытравят. В будущий год тут изрядная рожь родится — и так на оной земле всегда два хлеба снимают”¹⁴. В 80-х годах XVIII в. точно такая же практика существовала и в пределах Тверской губернии. Здесь в Вышневолоцком уезде крестьяне “на новых сечах рожь иногда сеют с ячменем, что называется *подсевом* (курсив наш, — Л. М.). Сжав ячмень, рожь оставляют к будущему году, собирая таким образом два хлеба за одною работою и на одной земле”¹⁵.

Казалось бы, интереснейший эксперимент качественно связан с позднейшими сдвигами в социально-экономических отношениях, с ростом товарности сельского хозяйства и т. п. Но вот, в документах XVI в., в частности в записках А. Гваньини, мы находим указания в сущности на ту же практику смешанного посева ячменя с озимой рожью. Точно так же здесь после уборки ячменя скошенную рожь оставляли до будущего года. “На следующий год эта рожь бывает так урожайна и густа, что через нее с трудом можно проехать верхом... притом одно зерно дает тридцать и более колосьев”¹⁶.

Таким образом, местная особенность земледелия порождена здесь исключительной специфичностью природно-климатических условий Севера с его коротким летом и длительным большую часть этого сезона световым днем. Ячмень с его способностью к короткому вегетационному периоду (иногда до 9 недель) в этих условиях был единственной надежной урожайной культурой. Однако господство монокультуры могло быть экономически целесообразным лишь в условиях развитого общественного разделения труда и товарообмена, способного дать иные эквиваленты затраченного труда в обмен на ячмень и

¹³ Вполне понятно, что такие критерии, как степень самобытности, эстетического совершенства и т. п., применительно к культуре земледелия абсурдны.

¹⁴ Олишев А. Указ. соч. — С. 106—107.

¹⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — Тверь, 1875. — С. 93.

¹⁶ Цит. по: Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. — М.—Л., 1965. — С. 142.

т. п. Сдвоенный посев ячменя, появившийся, видимо, ранее XVI в., был продиктован, таким образом, слабостью развития товарообмена, господством натурального хозяйства, т. е. необходимостью иметь в достатке основную продовольственную культуру — рожь, менее приспособленную к местным условиям. В основе данной специфики лежат, таким образом, фактор целесообразности и учет природно-климатических особенностей края.

Основные хлеба трехполья

Паровая система земледелия в ее варианте трехпольного севооборота была в XVIII в. абсолютно господствующей на гигантских просторах Европейской России. Основу ее составляли, как известно, два действующих поля — озимое и яровое — и поле “отдыхающее”¹⁷, где почва прела, т. е. парилась и, подвергаясь обработке пахотными орудиями, умягчалась (поскольку после зерновых культур земля “твердела”), освобождаясь от “дикой травы”. Период пара использовался и для внесения удобрений — в народной практике XVIII в. это был по-прежнему скотский навоз. В условиях последовательной смены функций каждого из трех полей размеры их должны были быть примерно равными.

Как известно, господство трехполья — итог многовекового отбора наиболее рациональных для русского крестьянского хозяйства культур — максимально эффективных с точки зрения пищевого разнообразия и калорийности, максимально экономичных с точки зрения рациональных затрат труда (неприхотливость к почвенным и климатическим условиям, надежность в урожайности, стойкость к заболеваниям и т. п.). Поэтому центральной культурой и в XVIII столетии оставалась озимая рожь, сохранившая ключевое значение в крестьянском хозяйстве от северных пределов распространения (Вологодская и отчасти Архангельская губ.) до южностепных и заволжских районов (Воронежская, Оренбургская и др. губ.).

Рожь

Рожь, занимавшая все озимое поле и составлявшая 50% всех возделываемых культур, была для крестьян и в XVIII в. нужнее “на пищу всякого другого хлеба”¹⁸. По мнению современников, “ржаной хлеб пред пшеничным почитают они (т. е. крестьяне, — Л. М.) за здоровейший”. Рожь была “прочнее в зернах и в муке, нежели пшеница”, т. е. долго не портилась в условиях бытового хранения. “Уважают еще и то, что рожь в солод годится лучше, нежели пшеница, и варение пив и квасов без ржаного

¹⁷ Приклонский Василий. Ответы на заданные от одного общества вопросы, касающиеся до земледелия и внутреннего, деревенского хозяйства по Кашинскому уезду // Труды ВЭО. — 1774. — Ч. XXVI. — С. 22.

¹⁸ Рычков П. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные, в рассуждении Оренбургской губернии (Далее: Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии) // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 118—119.

солода хорошо и здорово быть не может”. “На винокуренных заводах ржаной солод и ржаной хлеб за самый лучший почитается”. За рожью русские крестьяне числили и многие достоинства лечебного характера. Помимо вкусовых и сырьевых достоинств рожь отличалась неповторимыми экономическими достоинствами как наиболее выгодная в хозяйстве зерновая культура. Ее отличала наиболее надежная урожайность, что для крестьянина Европейской России с ее резкими климатическими колебаниями “мокроты” и “сухоты” было важнейшим качеством. Отличала рожь и рациональность затрат труда по ее возделыванию. Не требуя весенне-летней подготовки, рожь давала приемлемый урожай на любой земле (рожь предпочитает сухую рыхловатую землю, но родится “на всяких землях”¹⁹). Для крестьянина, вечно мотающегося в погоне за соблюдением бесчисленной череды необходимых сроков производства работ, рожь была неоценимой по надежности зерновой культурой в самую напряженную пору — жатву. Поспевшая рожь была “в колосьях всякого ярового хлеба крепче”, т. е. меньше всех теряла зерно и на корню, и в сжатом виде. “В таких случаях, — писал П. Рычков, — когда яровой хлеб вместе поспевает с рожью, то земледелец, покидая жнитво ржи, принимается за яровое, а рожь жнет в самую глубокую осень”²⁰. А в южных районах при мягкой зиме рожь иногда выстаивала и зиму. Таким образом, господство ржи как основной зерновой культуры — итог многовекового воздействия на агрокультуру русского земледелия — критерия целесообразности. Важную роль играла и яровая рожь, которая часто страховала озимый посев при гибели всходов от червя. Яровая рожь пользовалась популярностью и как крупяная культура, хотя ее зерна были мельче настоящей ржи.

Овес

Из яровых культур аналогичное место занимал овес. П. Рычков так характеризует достоинства этой культуры: “Овес же из ярового сева почитает земледелец за главной по той причине, что онаго... на... домашний расход к содержанию лошадей требуется больше...”. “В крупах он лучше и прочнее всякого хлеба”²¹ — качество, поистине неоценимое для крестьянского хозяйства. Не менее существенны и чисто агротехнические достоинства овса. Он неприхотлив, а стало быть, растет и на плохих “безнавозных” землях. Он требует минимальной обработки. Почти повсеместно почву под овес пахут и боронят лишь один раз, а это громаднейшая экономия крестьянского труда (“в сеянии меньше работы”)²². Овес из всех яровых культур требует

¹⁹ Деревенское зеркало или общенародная книга... (Далее: Деревенское зеркало). — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 42. Автором этих строк произведена атрибуция трехтомного труда “Деревенское зеркало или общенародная книга...”, согласно которой автором этого произведения является выдающийся русский агроном А.Т. Болотов (см.: От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Под ред. чл.-корр. РАН Л.В. Милова. — Москва, 1994).

²⁰ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 119—120.

²¹ Там же. — С. 120—121.

²² Там же. — С. 121.

для посева меньше земли из-за необычайной густоты высева. Иначе говоря, здесь присутствуют какие-то моменты даже интенсификации земледелия, моменты, чрезвычайно ценимые русским крестьянином (овес сеется по норме, вдвое и втрое большей, чем основные зерновые культуры — рожь, ячмень и пшеница). Рычков отмечает, что овес “легок в провозе”²³. Наконец, самое главное достоинство овса — стабильность его, хотя и относительно невысокой, урожайности (сам-3, сам-4, сам-5). Относительную стабильность урожайности крестьянин предпочитал резким ее колебаниям, какая свойственна, например, пшенице.

Ячмень

Важное место в ассортименте яровых культур занимал ячмень (“жито”). Эта важнейшая крупная культура была также сравнительно неприхотлива. Ячменный солод шел на варение пива и браги. Обладая самым коротким вегетационным периодом (от 8 до 9 недель, по сравнению с 12—18 неделями яровой ржи, пшеницы), ячмень был второй вслед за овсом культурой с сравнительно надежной урожайностью (“урожаем на всяких землях”, даже на супесках, но только, когда земля “не очень тоща”). Лучшая урожайность ячменя была на удобренных землях. Скороспелость ячменя не только продвинула его на русский Север, но сделала его важнейшим средством спасения при гибели озимых хлебов. Когда в иную зиму рожь “выпревала”, то весной крестьяне пересевали озимое поле ячменем и тем спасались от голода²⁴. Зерно ячменя было крупнее пшеничного, а примол ячмень имел больше, чем у ржи. Правда, давая сравнительно высокий урожай, ячмень в спелых колосьях очень быстро осыпался. Тем не менее ячмень столетиями прочно входил в круг минимально необходимых для крестьянина культур на громадной территории, начиная с Архангельской на Севере, Воронежской и Курской губернии на Юге, включая Урал и Оренбуржье на Востоке. Современники свидетельствуют о бытовании в XVIII в. в южных районах России так называемого “голового” ячменя, то есть без кожицы. Колос такого ячменя был безостый (“без усов”)²⁵.

Пшеница

Пшеница (яровая) также была одной из тех культур, которые более или менее прочно входили в круг потребностей крестьянской семьи и на севере, и на юге, и на востоке России. Однако очень небольшие размеры ее посева были, видимо, закреплены традицией. “Сие обыкновенно... —

²³ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 121.

²⁴ Деревенское зеркало. — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 42.

²⁵ Рычков П. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Ч. II // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие (Далее: Письмо о земледельстве). — 1758. — Июнь. — С. 510—511.

писал П. Рычков, — есть самое древнее”²⁶. В основе этого лежат особенности агрикультуры и агротехники пшеницы. Лучше всего эта культура была “урожаема” на нови, “из лугов и лесов расчищенной”, и степных черноземах. Рождалась она и на “землях твердых и несколько мокроватых”, а также на унавоженных суглинках²⁷. XVIII век лишь во второй половине в результате народной практики создал тот сорт пшеницы, который более или менее был адекватен природно-климатическим условиям России.

Пшеница-ледянка

Этот сорт — так называемая “ледянка” (особый вид яровой культуры). Важнейшим достоинством ее является ее сверхранний посев.

Причем на землю, приготовленную (т. е. вспаханную и заборонованную) еще с осени. К такой агротехнике в русском земледелии был приспособлен дотоле лишь один мак. Ледянка “сеется весною, как скоро снег сойдет и земля несовершенно еще растает, на приготовленной еще осенью земле”²⁸. Отсюда и ее наименование — “ледянка”. В районе Каширы урожайность ее на хорошей земле достигала иногда чрезвычайного уровня (сам-8 и больше). Но, что особенно важно, — “ледянка” могла расти на хорошей, но не унавоженной земле²⁹. Сверхранний посев делал ледянку способной не заглушаться травами, меньше болеть. Главное же ее достоинство — оптимальная приспособленность к экономическим условиям трехполья. Как и любая пшеница (озимая и яровая), ледянка требовала хорошей вспашки земли. В общем потоке бешеного темпа весенних работ двойная затрата труда на обработку земли для яровой пшеницы была часто просто непосильным бременем. В условиях роста эксплуатации барщинного крестьянства, вызванного развитием товарного помещичьего хозяйства во второй половине века, весенний цикл работ крестьянина был настолько напряжен, что часто приводил к угрозе воспроизводству самого крестьянского хозяйства. Единственным оптимальным резервом трудовых ресурсов была осенняя послеуборочная пора, поскольку молотба довольно часто не была сопряженной с сезонно-погодными условиями и затягивалась вплоть до самой зимы. Постепенно именно этот резерв и начинает использоваться распространением во второй половине века в Центральной России и на Северо-Западе так называемой зяблевой вспашки. Однако это был длительный процесс. Пшеница-ледянка в принципе великолепно укладывалась в этот резерв напряженного цикла работ трехполья. В 60-е — 70-е годы XVIII в. посевы пшеницы-ледянки отмечены в Переславль-Залесской провинции (“пшеница, называемая ледянка,

²⁶ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 120.

²⁷ Деревенское зеркало. — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 40—42.

²⁸ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 139.

²⁹ Там же. — С. 140.

красная и скороспелая”), Тульской, Тверской и др. губерниях³⁰. Однако А.Т. Болотов отмечает, что в 60-е годы XVIII в. эта разновидность пшеницы только начинает распространяться.

В осенний резерв времени крестьянина-земледельца вторгается прежде всего помещик. Поэтому и посевы пшеницы-лебянки — это прежде всего элемент зернового хозяйства помещика, как и вообще всех видов пшениц. А.Т. Болотов отмечал, что в Тульской провинции крестьянские посевы пшеницы-лебянки были лишь в некоторых деревнях, да и то преимущественно у оброчных крестьян³¹. Несмотря на это, в целом появление и распространение пшеницы-лебянки было выдающимся агрикультурным достижением этой эпохи.

Достоинства пшеницы-лебянки оттеняют недостатки озимой и яровой пшеницы как очень прихотливых, капризных, “нежных”, как говорили в XVIII в., хлебов. Прежде всего эти “хлеба” требовали исключительно хороших, плодородных, тучных земель или земель, *добротно унавоженных*. В условиях, когда в Нечерноземье преобладали малопродуктивные, минимально удобренные земли, это создавало большие трудности и приводило в итоге к минимальным высевам и притом главным образом яровой пшеницы, т. е. озимая не могла еще конкурировать с рожью. В черноземных краях, где уровень плодородия почвы был более высоким, более или менее широкому распространению как озимой, так и яровой пшеницы препятствовала слабая устойчивость тогдашних сортов этой культуры к болезням и сорнякам (головня, коостер, так называемый пух). А.Т. Болотов с горечью писал в 60-х годах о том, что хорошие всходы озимой пшеницы чаще всего были благополучными до стадии колошения, “но потом заглушаются пухом, коостером и другими худыми травами”³², или “недозрев или в самый налив ложится на землю и большая половина созревшая с пустыми колосьями приходит”³³.

Конкретных сведений об удельном весе посевов озимых и яровых пшениц практически нет. Но вот, редкая удача позволяет нам убедиться в слабом распространении пшениц даже в Черноземье. В Топографическом описании Воронежской губ. есть данные от 7 июля 1785 г. по Воронежскому у. “Хлеб сеется: рожь с овсом в равной пропорции, а противу оной (т. е. этой доли посева, — Л. М.) греча [сеется] в третью [часть от посева овса или ржи], пшеница яровая — в десятую, озимая — в одиннадцатую часть”. Иначе говоря, это 10—15% от ярового и от озимого клина. “Просо, ячмень, мак и семя конопляное и льняное противу всего онаго хлеба — в малом количестве”³⁴.

³⁰ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 84; Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 139; Генеральное соображение по Тверской губернии. — Тверь, 1875. — С. 5, 48.

³¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 140.

³² Там же. — С. 135.

³³ Там же.

³⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 88.

Ярким исключением была группа уездов Орловской губ. Здесь условия для сева пшеницы были, видимо, наиболее благоприятны. Наблюдатели в один голос расхваливали здешние черноземы. В Мценске “довольно хлебородных нив тучных, полей рубных(?)”³⁵. О Ливенском уезде: “земли в нем самые лучшие и к урожаю хлеба способные”³⁶, особое внимание уделялось посевам пшеницы, “которую наипаче умножать стараются”³⁷. О Елецком уезде: “земля чернозем и в своем роде лучшая, а притом мало еще обработанная”³⁸. В Малоархангельском у. первенствовали озимая пшеница и озимая рожь³⁹. В 80-х годах Орловский край был своеобразным “аграрным Клондайком”. Здесь было множество степей, нетронутых ковыльных просторов, где носились сайгаки и дикие козы (а на Брянщине — дикие вепри)⁴⁰. Близость р. Оки как удобной транспортной артерии способствовала стремительному освоению земель прежде всего под пшеницу, которая требовала более тщательной обработки почвы. И здесь под озимые сорта пшеницы землю “троили”, то есть пахали трижды⁴¹. Таких условий, пожалуй, больше нигде не было кроме юга донских степей и некоторых районов Северного Кавказа.

Слабая устойчивость к болезням, необходимость тщательной обработки почвы способствовали слабому распространению яровой пшеницы в крестьянском хозяйстве Заволжья и Оренбургского края. П. Рычков подчеркивал: “Чтобы хорошо пшеница родилась, двойная работа земледельцу надобна: ибо с начала весны наперед всего вспахав и выбороня землю, должны ее покинуть, дабы она прела, что называется здесь пар. Потом ту ж землю еще пахнут, сеют и боронят в другой раз, чего при другом хлебе весьма редко наблюдают, но, спеша севом, оставляя пар (т. е. не делая его, — Л. М.), довольствуются одним паханием”. Таким образом, посевы пшеницы были и в этих краях, но занимали третьестепенное место прежде всего из-за большой трудоемкости возделывания. Были и чисто местные препятствия расширению пшеничных посевов — даже новые земли под пшеницей быстро выпахивались (“после 2-х или 3-х севов требует пшеница новой распашной земли”)⁴². Снова пшеничное поле и здесь одолевала головня, куколь и т. п.

Все это приводило в XVIII в. к реальному проявлению традиционного критерия целесообразности, который синтезировал такие параметры культуры, как продовольственные достоинства, стабильность урожайности, затраты труда и рабочего времени. Итог был один — минимальные, сравнительно с товарными потенциями, посевы в крестьянском хозяйстве как озимой, так и яровой пшеницы.

³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18903. Л. 30 об.

³⁶ Там же. Л. 40 об.

³⁷ Там же. Л. 40.

³⁸ Там же. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 47 об.

⁴⁰ Там же. № 18901. Л. 14; № 18903. Л. 24 об., 15 об.

⁴¹ Там же. № 18905. Л. 5 об.

⁴² Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 121—122.

В качестве редких исключений в районах Суздальского и Владимирского ополей — очагов древних культурных зон плодородия — по данным М.А. Баранова, в 21 вотчине Спасо-Евфимьева монастыря Суздальского у. в 1761 г. посевы пшеницы составляли 15% ярового поля. А во Владимирских вотчинах монастыря (с. Мордош, Коврово, Торки и Новое) в том же году посевы пшеницы составили 27% ярового поля⁴³. Возможно, что в севообороте такой процент вообще эпизодическое явление. В конце века посевные площади под пшеницей в Орловской губ. — наиболее крупном районе производства пшеницы — достигали всего 9,8% (49399 дес.)⁴⁴.

Пшеница была, таким образом, культурой, возделываемой прежде всего помещичьим хозяйством. Она имела большой удельный вес, максимально допустимый в рамках трехпольного севооборота, на огромных просторах Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Воронежской и др. губерний. Преимущество и здесь было за яровой пшеницей.

Наконец, в конце века одним из редчайших случаев были небольшие посевы яровой пшеницы в Олонецкой губернии, климат которой был мягче, чем в соседней Архангельской губернии, особенно по берегам Ладожского и Онежского озер, где теплые осенние дни были и в сентябре. Посевы пшеницы встречаются здесь в Петрозаводском, Олонецком, Вытегорском, Каргопольском и даже в Повенецком уездах⁴⁵. Однако урожай ее был столь мал, что не избавлял от закупок ее в Вологде и Белоозере⁴⁶.

Греча и горох

Среди остальных культур ярового клина необходимо упомянуть горох и гречу, также входившие почти всюду в непеременимый ассортимент крестьянского хозяйства. Посевные площади под ними достигали иногда 8% и 12% ярового поля. В крестьянском хозяйстве дорожили не только их ценнейшими качествами как продовольственных культур. “Гречу и больше сеют и лучше употреблять в России знают, нежели во всей Европе, — писал И. Комов. — Ибо там птицу только да скотину кормят ею, а у нас самую питательную для человека пищу из нея готовят, как всякому известно”⁴⁷. Греча крайне неприхотливая культура: “пашут под нее обыкновенно один раз и сеют, после всякой уже яри, под борону”⁴⁸. Главное же, и греча и горох возделывались с успехом на “ненавозных” землях. В Каширском у., например, гречиха сеялась “на самой худой земле”⁴⁹. Урожай сам-3 и сам-4

⁴³ Баранов М.А. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации. — М., 1954. — Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. — С. 95, 98.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. № 19068. Л. 202—205.

⁴⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 33 об.—34.

⁴⁶ Там же. Л. 35 об.

⁴⁷ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 333.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 141.

считался здесь поэтому прекрасным. Больше того, на тучных черноземах она давала далеко не лучшие урожаи. Горох сеялся на более качественных, но тем не менее не унавоженных землях. Этих культур не было в ассортименте крестьянского хозяйства лишь там, где почвенные и климатические условия являлись решающим препятствием к их посеву (например, ранние заморозки в Вологодской и Оренбургской губерниях). Вместе с тем важно отметить, что в Центральной России и овес, и греча, и горох постоянно страдали от осенних заморозков.

Наконец, неизменным элементом ассортимента культур парового трехполья были лен и конопля. Первая из этих культур очень плохо росла на черноземе, вторая, наоборот, на подзоле, хотя обе сильно истощали почву. Но, будучи важнейшим элементом натурального крестьянского хозяйства, они в минимальных размерах (до 2%) сеялись даже в самых неблагоприятных зонах (правда, в Оренбургской губ. лен совсем не рос). Остальные яровые культуры (полба, чечевица, репа, просо, “бор”, мак и др.) сеялись лишь по тем или иным природно-климатическим зонам в размерах, значительно уступающих всем остальным культурам. Просо лучшие урожаи давало на “жирных землях”. Вместе с тем, как писал современник, оно “любит” землю “между лесов и притом умеренно мокрую, иногда хорошо родится на супесках”, но совсем не родится на каменистых почвах. Бор любит косогоры и “чищобы от лесов”⁵⁰.

Живучесть трехпольного севооборота помимо действенности традиционного фактора целесообразности и рациональности опиралась и на натуральный характер крестьянского хозяйства. В XVIII в., даже во второй его половине, в условиях довольно сильного проникновения товарно-денежных отношений в деревню, натуральный характер крестьянского хозяйства все же преобладал. При сравнительном многообразии ассортимента культур, возделываемых в крестьянском хозяйстве, вовлечение в орбиту товарно-денежных отношений производства одной-двух, редко трех культур не могло повлиять решающим образом на натуральный характер хозяйства в целом. Такое влияние становилось реальностью лишь в итоге вековых процессов развития общественного разделения труда.

Крестьянину почти все необходимо было иметь *свое*. Такова специфика феодального хозяйства, такова специфика и взращенной этим хозяйством психологии крестьянина. Объективно-исторические процессы общественного разделения труда и развития специализации производства лишь постепенно разлагали натуральный характер крестьянского хозяйства, преодолевая консерватизм его экономической структуры. Болотов прямо объясняет отсутствие в Тульском крае ощутимого роста посева пшеницы: поскольку она сеется в яровом поле, а обычно эту часть поля засевают ячменем, то яровую

⁵⁰ Деревенское зеркало. — СПб., 1798. — Ч. I. — С. 42.

пшеницу и не сеют, “чтоб, надеясь на пшеницу, и ней (т. е. ее, — Л. М.) не получить и ячменя лишиться”⁵¹. П. Рычков пишет о том, что мужик сеет то, что “для него нужнее”. Овес мужику нужнее пшеницы — и не старается он уже для нее. Если же он затратит труд на пшеницу, “то необходимо уже принужден он будет уменьшить сев свой овсяной или ячменной и другой, в котором ему так же нужна”⁵².

Таким образом, трехпольный севооборот, порожденный определенным уровнем развития производительных сил и натуральным характером хозяйства, был могучим фактором реальной действительности. Новые моменты в развитии агрокультуры с трудом пробивали себе дорогу.

Черездесятинщина

Передовая агрономическая мысль XVIII столетия в лице одного из своих виднейших деятелей, А.Т. Болотова, уже к 60-м годам четко осознавала известный анахронизм и консерватизм трехпольного севооборота, и, впрочем, не только его, но и системы общинного землепользования и землеустройства. “Земли, которые крестьянин и на себя и на господина своего пашет, лежат не вместе, но в разных местах и от дворов по большей части в дальнем расположении... Я нигде не находил, чтоб крестьянин имел землю свою всю вместе, подле двора своего или, по крайней мере, в близости онаго; но везде генерально разбросана она по всем полям, кои к той деревне принадлежат”⁵³. Эти обстоятельства усугубляются дробностью и разбросанностью и дворянского землевладения. Крестьянин из-за этого “принужден будучи версты за две, за три, а иногда за шесть и более верст как для своей, так и для господской [пашни] ездить, а иногда и из других деревень приезжать”⁵⁴. Сложное переплетение дробности помещичьего землевладения и общинного землепользования и землеустройства создавало, в частности, ситуации, когда “ни помещику, ни крестьянину всю землю свою унавозить никак невозможно, хотя б он и довольно количество навоза имел”. “Отдаленность большей части десятин и временем, и неимением туда, за посеянным хлебом, проезда мешают ему возить оной на них. Чего ради унавоживаются только придворные земли или в близости лежащие десятины, а прочие всегда без всякого унавоживания оставляются и весьма худую пользу приносят”⁵⁵.

Консерватизм и архаизм трехполья и дробности полей А.Т. Болотов суммировал в коротком и емком определении “черездесятинщина” (что в XIX в. стало именоваться “чересполосицей”). “Черездесятинщина” была ос-

⁵¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 137.

⁵² Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 122.

⁵³ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 162.

⁵⁴ Там же. — С. 166.

⁵⁵ Там же. — С. 165, 167.

новным препятствием “малою своею землею по своему хотенью пользоваться”⁵⁶. Либерал-помещик А.Т. Болотов ясно представлял агрикультурный и агротехнический прогресс, связанный с ликвидацией “черездесятинщины” и принудительного севооборота. Крестьянин, не будь всего этого, “мог, например, земле своей иной целой год дать отдыхать или землю свою не летом, а зимою или весною унавозив в тот еще год, чего-нибудь насадив или насеяв, пользу получить. А она бы под пшеницу или под рожь с лучшею выгодною поспеть могла. Или, например, по своему произволению, смотря по земле, озимой или яровой хлеб лучше на ней сеять”⁵⁷. “Еже ли бы... крестьянин всю землю... вместе имел, то мог бы он... по примеру других государств, землю свою окопать и огородив... и внутри разделив и всегда... унавоживать и на все употреблять, на что похочет”⁵⁸, а то ведь “принужден он по неволе там озимой или яровой хлеб сеять, где у соседей его озимой и яровой посеяны, в противном случае от скота он весь съеден будет”⁵⁹.

Разумеется, это были трезвые наблюдения, но не реальные мысли. Жесткая определенность трехпольного севооборота паровой системы земледелия и в середине XVIII в. все еще имела в своей основе экономические реалии, среди которых натуральный характер хозяйства и веками отработанная система севооборота, ломать которую было нереально. Правда, в ее рамках были возможны хотя и ограниченные, но весьма симптоматичные сдвиги в развитии агрикультуры и агротехники.

У каждого хлеба свой норов

Иного севооборота в рамках трехполья быть не могло, но выбор для той или иной культуры поля того или иного достоинства существовал вполне определенно. Имея в виду яровые поля, можно говорить, что в 60-е годы XVIII в. лучшие загонки в районах южнее Тулы и Рязани отводились под пшеницу и ячмень. Они выступали в черноземных районах своеобразными конкурентами. Овес как наиболее могучая по выносливости культура сеялся на худших и посредственных землях. Для льна и конопли, если это были товарные культуры, отводились лучшие земли, хотя они сильно истощали почву. Просо в черноземных регионах сеялось преимущественно на новых землях. Наряду с обычным просом в Курской, Воронежской, Оренбургской и др. губерниях был широко распространен уже упоминавшийся “бор” или “дикуша”. Эта разновидность проса, известная и в Европе, отличалась способностью давать урожаи сам-20, сам-30 и более при самой примитивной обработке поля (и даже и вовсе без нее). В Оренбургском крае в XVIII в. в агрикультуре обычного проса сохранилась, видимо, весьма древняя тради-

⁵⁶ Болотов. А.Т. Описание ... Каширского уезда. — С. 165, 167.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. — С. 163.

⁵⁹ Там же. — С. 168.

ция: “чтоб родное (урожайное, — Л. М.) и доброе просо иметь, то некоторые мужики так скоро, как оно всход окажет, перепашивают его сохой, токмо... оную перепашку [надо] зделать в дождливую погоду”⁶⁰. Перепашанные таким способом всходы давали в итоге обильный урожай (рекордный — сам-60).

В ассортименте культур крестьянского хозяйства России были вместе с тем и такие, которые активно использовались в трехпольном севообороте ради улучшения плодородия полей. Для черноземов России и отчасти ее Центра это гречиха. Здесь проявлялось наиболее важное свойство гречихи очищать поля от сорняков, поскольку густая листва ветвистой гречи подавляла все вокруг.

Посевы гороха, так же как и посевы гречи, играли важную агрикультурную роль как средство восстановления плодородия. Русская земледельческая культура, видимо, чисто экспериментальным путем выявила эти особенности гороха. П. Рычков, опираясь на народную практику, писал, что “земля после гороху утучняется и бывает мягка”. Больше того, на тучных землях горох “нежился”⁶¹ и бежал в плети, давая плохой урожай. А.Т. Болотов прямо писал, обобщая практику, что навоз для гороха просто вреден⁶². Самое же интересное в наблюдениях А.Т. Болотова заключается в том, что горох избегали (за так называемой “вредностью”) сеять на одной и той же земле. То есть сеяли, но не чаще одного раза в 6—10 лет⁶³. Таким образом, активно создавалась ситуация, когда в рамках трехполья “гороховый клин”, так сказать, “кочевал” по всем полям, способствуя восстановлению плодородия и обогащению почвы азотом.

Столь целенаправленная практика использования ценнейших свойств гороха явственно проступает даже по самым скудным сведениям о распространении культур. В Сергачском у. Нижегородской губ., где даже при унавоживании урожайность была очень низка, очень широко практиковался посев в полях репы (эффект занятого пара) и гороха⁶⁴. В Меленковском, Ковровском, Юрьев-Польском, Переяславском, Александровском уездах Владимирской губ. преобладали посевы трех культур — ржи, овса и гороха⁶⁵. В Гороховецком и Муромском у., кроме ржи, овса и гороха, чаще всего сеялась греча⁶⁶. В Суздальском, Киржачском и Покровском уездах той же губернии, кроме ржи, овса и гороха, существенное место занимали посевы ячменя⁶⁷. В Вязниковском у. преобладали посевы ржи, овса, ячменя и

⁶⁰ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 511—512.

⁶¹ Там же.

⁶² Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 139.

⁶³ Там же. — С. 140.

⁶⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Л. 34 об.

⁶⁵ Топографическое описание Владимирской губернии. 1784 г. — Владимир, 1906. — С. 106, 94, 43, 37.

⁶⁶ Там же. — С. 65, 58.

⁶⁷ Там же. — С. 26, 77, 83.

гречи, а в Шуйском — ржи, ячменя, овса и гречи⁶⁸. Разумеется, ассортимент культур этих районов явно вынужден обстоятельствами. Столь широкое распространение в яровых полях посевов гороха, а кое-где и гречи, скорее всего проявление усилий по поддержанию плодородия довольно тощих почв этого региона (исключая небольшие территории Владимирского и Суздальского опольев).

Спасительница-греча Действенность этого свойства гречи четко проступает, в частности, в наблюдениях И.А. Гильденштедта по районам вблизи Лугани, а также южнее Белгорода, где “яровые поля, особенно бывшие под гречихой, засеваются рожью, не будучи перепаханными; посев только заборанивается”⁶⁹. Свойство гречи улучшать почву использовалось повсюду, где имелись не слишком плодородные земли. Петр Рычков, обобщая наблюдения крестьянской практики, писал, что “та земля, на которой бывает греча посеена, хотя б она и плохая, по снятии ее бывает весьма мягкой и тучной, чего ради и сеют ее на старых десятинах нарочно, чтоб одобрить землю”. А.Т. Болотов также отмечал, что в пределах Тульской провинции сеялась “гречиха на самой худой земле, что осталась от посева овса”⁷⁰, который, в свою очередь, сеялся далеко не на лучших землях. В Калужской провинции греча обычно сеялась также на не очень удобренных землях⁷¹. Наоборот, Ив. Лепехиным подмечено было, что “тучная земля к урожаю сего (т. е. гречихи, — Л. М.) не способна”⁷². На худых почвах греча давала, по мнению Болотова, прекрасный урожай (сам-3, сам-4). Если почва была чуть лучше, урожай поднимался до сам-5⁷³. В Васильском у. Нижегородской губ. в селе Богородском посевы гречи на глинистой и серопесчаной почве вытеснили даже лен и коноплю⁷⁴.

Необходимо отметить еще одну важную сторону высокой агрикультуры возделывания в России гречихи. Общеизвестно, что гречиха, будучи отменным медоносом, опыляется почти исключительно пчелами. Вследствие этого огромные посевы гречи там, где было мало лугов, требовали специальной организации опыления гречи, а не простого стихийного действия природных

⁶⁸ Топографическое описание Владимирской губернии. 1784 г. — Владимир, 1906. — С. 101.

⁶⁹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — Отд. отт. // Харьковский сборник. — 1891. — С. 62.

⁷⁰ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 514. В другом месте наблюдения о народной практике выражены еще четче: “Говорят еще, что выпаханная земля весьма удобряется и тем, когда на ней посеян будет горох... а особливо греча, после которой и самая плохая земля становится доброй”. — Там же. — С. 428; Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 141.

⁷¹ Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 87.

⁷² Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768—1769 гг. (Далее: Дневные записки...) — Ч. I. — СПб., 1771. — С. 141.

⁷³ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 141.

⁷⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Л. 26.

опылителей. По Рязанской провинции мы имеем прямые данные о массовом разведении пчел для опыления гречи. Здесь “почти у всякого мужика по нескольку ульев пчел есть”⁷⁵. Главный мед был гречишный: “когда гречи недород, то и пчел по здешнему местуудовольствию получить не от чего”⁷⁶. Так, видимо, было и в других районах.

Следовательно, в рамках консервативного трехполья агрикультура возделывания гречи на громадных пространствах черноземного Центра России была на весьма высоком уровне, являясь вместе с тем средством повышения плодородия.

В более северных районах Нечерноземья (за исключением ополей Владимира, Суздаля и др.) греча такой роли уже не играла. Здесь ее сеяли лишь там, где она вообще могла дать урожай. Так, в Костромской губ. сеяли ее лишь в южных районах, “избирая под нее сухие места, наклоненные к солнцу... дабы она могла уходить от морозов”⁷⁷.

Подсеки и росчисти в России

Как уже говорилось, в XVIII веке помимо полевого земледелия было широко распространено в российском Нечерноземье земледелие, связанное с эпизодическим использованием лесных росчистей, то есть глубоко архаичная агрикультура, сохранившаяся с незапамятных времен. В историографии послевоенного периода, когда социально-экономическая проблематика была особенно популярна, об этой стороне земледельческой практики великорусских крестьян писали мало, словно стесняясь этой архаики. Между тем живучесть архаичных приемов земледелия была связана не с воображаемой культурной отсталостью крестьян, а с острой жизненной необходимостью. Суть ее заключается в том, что земли регулярного трехпольного севооборота не обеспечивали крестьянство этой гигантской части страны минимально необходимой аграрной продукцией. И это было связано, как будет показано дальше, с катастрофической нехваткой удобрений для полевых земель. Именно поэтому в России земледелие на лесных росчистях, “палах”, сохранялось и было важной составной частью зернового и овощевого производства.

Типичная архаика подсечного земледелия сохранилась в XVIII в. в изобильных лесом местностях. Причем там, где земледелие не играло сколько-нибудь значительной роли. В частности, современники писали, что в южной части Олонцкой провинции в 60-х гг. XVIII в. “жители по большей части питаются купленным хлебом”⁷⁸. Тем не менее, подсечное земледелие места-

⁷⁵ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 71.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Описание Костромского наместничества вообще. Л. 13 об.—14.

⁷⁸ Экономические ответы, касающиеся до хлебопашества в лежащих около реки Свири и южной части Олонца местах (Далее: Ответы..., касающиеся южной части Олонца) // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 9.

ми еще сохранялось. Виды подсеки зависели от возраста леса. Десяти — двенадцатилетний лес с кустарником давал после рубки и выжигания пашню со сравнительно коротким сроком пользования и не очень высоким урожаем. Рубка и выжигание “посредственно крупного или 50 лет стоявшего леса” давали пашню, на которой “в хорошие годы рожь в 20, а овес по два лета в 10, 12 и 15 крат”⁷⁹ приносили урожай по сравнению с посеянным. Наконец, встречался тип лесной пашни, называвшейся “подстой”. Для подстоя лес не сводили, ибо это был, как правило, двухсотлетний строевой бор. Он очищался от кустарников, а большие деревья оголялись от коры и засыхали. Земля же иногда вспахивалась, а иногда сев шел прямо по выжженной почве, на которой находилось “столько угля, моху, хворосту и пеплу, сколько потребно к прикрытию семян. И так сеют хлеб на голую выжженную землю, и загребают семена граблями”⁸⁰. Влаги на такой земле было достаточно от тени стоявших деревьев. Иногда при “подстое” деревья “очерчивали”, т. е. обрабатывали почву отрезом или чертежом. “На сей земле в хорошие годы обыкновенно родится рожь и овес по 2 лета сряду от 40 до 50 крат “ по сравнению с посевом”⁸¹. Столь баснословная урожайность была обратнопропорциональна сроку использования такой пашни. Подсечное земледелие вообще давало эффект лишь за счет одномоментного насыщения почвы пеплом и компонентами гниения хвороста, сучьев и т. п. Это был крайне экстенсивный способ земледелия, сохранившийся только в роли реликтового явления, и к 80-м годам XVIII в. он, видимо, исчезает, будучи вытесненным росчистями многократного использования.

Уровень агрикультурных знаний русского крестьянства уже был таков, что земледелец Нечерноземья не гнался за одномоментным баснословным урожаем на лесном пепелище. Четко осознавался, хотя и не всюду, вред от бурного лесного пожара. Как правило, в XVIII в. лесные росчистки освобождались от стволов и крупных сучьев. Их увозили на дрова и какие-нибудь поделки.

В Кашинском у. Тверской губ. расчистка пашни из-под леса сопровождается практическим использованием всего леса, кроме прутьев и сучьев, которые сжигают на месте в кучах⁸². Такая практика приводит к тому, что иногда первый урожай бывает самым скромным. Так, в Корчевском у. Тверской губ. “в первый год хлеб родится не весьма хороший по причине множества корней и больших глыб, подавляющих часть зерен. А на другой год, когда сии глыбы перепашутся и корни перегниют и земля зделается мягче и рыхлее, тогда хлеб родится самой лутчей. Таковое плодородие продолжается пять лет”⁸³. Это, видимо, средний по продолжительности срок

⁷⁹ Ответы..., касающиеся южной части Олонца. — С. 15.

⁸⁰ Там же. — С. 17—18.

⁸¹ Там же. — С. 15—16.

⁸² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12—13.

⁸³ Государственный Исторический музей (ГИМ). ОПИ. Ф. 445. № 128. Топографическое, историческое и камеральное описание городов и уездов Тверской губернии. Л. 118.

службы “нивы” или росчисти, хотя часто срок был гораздо короче. Например, в Вышневолоцком уезде, где было очень много росчистей, новины обрабатывали не очень старательно: “на вновь выжженных местах обрабатывают оную обыкновенно же сохою, но без полицы. Сие называется *цанать*”. По снятии трех, четырех или пяти хлебов “нивы запускаются под сенокосы, а под пашню новые места расчищаются”⁸⁴. Не исключено, что именно краткий срок действия “нивы” издавна породил обычай подсева, о чем уже говорилось, на новых сечах ячменя ко ржи, чем создавалась огромная экономия труда. Правда, в Осташковском у. росчисти служили еще меньше: “через два хлеба запускают под лес”⁸⁵.

Вместе с тем в ряде мест Тверского края росчисти обрабатывают очень тщательно, и это сильно продлевает плодородие безнавозной земли. Так, в Калязинском уезде “езде семьянистом (то есть многосемейными крестьянами, — Л. М.) немалое число земли под пашню расчищается. Разчистка бывает следующим образом. Срубают лес осенью и оставляют на год или на два на месте, дабы земля под сучьями подопрела. После того крупный лес отбирают, отсекая сучья, и употребляют, куды годе. А сучья и мелкой лес собирают в груды и жгут. Потом подымают сперва отрезом, а после сохами и, несколько поборонив, сеют овес. Некоторые же в тот год не сеют никакого хлеба, а переверотя землю, оставляют до будущего, дабы лучше корень и трава засохли и сгнили. Потом перепахав два раза, сеют рожь или яровое. И таковое место, чем далее пашется, тем более урожай приносит. Так, что до восьми хлебов снять можно”⁸⁶.

А в Старицком уезде крестьянский опыт лесных росчистей привел к четкому разделению самих типов росчистей. Росчисть из-под крупного леса называется “ляды”, а из-под мелкого — “моложи”. Причем на лядах сеют рожь, а на моложах — яровое. Затраты труда на такие “специализированные” росчисти резко увеличиваются. Зато в первый же год крестьяне получали невиданный урожай (“на новом поле урожай бывает сам-10”). “Но по снятии пяти хлебов земля начинает терять свою доброту и после без навоза родит плохо”⁸⁷.

Немалую роль в продлении срока действия росчистей играли, видимо, своего рода севообороты. Правда, при всех условиях отмечено, что лучший урожай — это урожай второго года высева. Крестьяне Ржевского уезда считали, что “на новых местах хлеб родится лучше, а особливо другой раз или, по их названию, “на оборотах” посеянный”. В качестве примера можно привести обстоятельное использование росчистей в Новоторжском уезде. Здесь “в исходе июля срубают лес под корень и оной оставляют на месте

⁸⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 93—94.

⁸⁵ Там же. — С. 106.

⁸⁶ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 102 об. — 103.

⁸⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 141.

до будущей весны, а тогда оной зажигают. А когда обгорят сучья и ветви, то убирают мелкий на дрова, а лучший — на строения. Землю поднимают сохой и сеют пшеницу или ячмень. На другой год — рожь, а потом овес. Первый и второй хлеб приходят в восьмеро и в девятеро. Сенокосы расчищаются таким же образом, но... срубленный лес не жгут, а убирают прочь. По прошествии двух или трех лет оставшиеся пеня выламывают”⁸⁸. Таким образом, получив в первый год высокий урожай пшеницы и ячменя, во второй год урожай ржи еще выше (сам-9). В третий год неприхотливый овес, видимо, приносит также весомую прибавку в зерновой баланс крестьянской семьи. Кстати заметим, что в Новоторжском уезде роль урожаев на “нивах” была столь велика, что автор топографического описания уезда назвал почвы уезда весьма плодородными, хотя урожай в уезде в целом невелик (рожь и ячмень всего урожается сам-3 и сам-4, но ближе к Старицкому уезду — сам-5 и сам-6, овес сам-3, конопля и лен сам-2 и сам-3)⁸⁹.

Следует отметить и роль репы в севооборотах на лядинах. Обильные урожаи репы “по лядам” (“изрядно родится”) отмечены по Осташковскому уезду⁹⁰. В Бежецком у., где расчищалось ежегодно немалое количество земли, в первый год обычно сеяли репу, во второй год — ячмень и только на третий год сеяли рожь. “Плодородие... против навозной земли”, что означало урожайность, равную удобренной навозом земле. По снятии “семи хлебов” росчисти снова запускались под лес⁹¹.

Такова земледельческая практика одного из многих районов Нечерноземья, где, видимо, и родилась ставшая спустя столетия не совсем понятной пословица: “Не поле кормит, а нива” (то есть росчисть).

Росчисть продленного действия

В некоторых местностях по истечении первых лет использования росчисти на эти земли или возили навоз, или начинали “двоить” пашню. Так, в Кашинском у. однократная вспашка и боронование были лишь в первые два года, “но для третьего хлеба пашня двоится”⁹². В районах крайнего

⁸⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 157.

⁸⁹ Там же. — С. 156.

⁹⁰ Там же. — С. 105.

⁹¹ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 139 об.

⁹² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 27. В некоторых районах роль таких росчистей по сравнению с полевыми землями была очень велика. Например, в вотчинах Северного Александровского монастыря “почти в каждом хозяйстве... крестьянина имелись дополнительные участки — “пахочи”, “поляны”, “нивы”, расчищенные “на борах”, “в темном лесу”, “в суках” и т. д.” (см.: Шабанова А.М. О роли подсеки в земледельческом хозяйстве крестьян Присвирия в конце XVII — первой половине XVIII в. // Вестник ЛГУ. — Сер. История, язык. Литература. — Вып. 1. — 1968. — С. 56). “Многие крестьяне есть такие, — читаем мы в инструкции М.М. Голицына в с. Троицкое, — что пашенных земель и сенокосов и прочих угодий и чертежей и заимок по захватам своим держат с немалым удовольствием... а других оными владеть також заимок и чертежей расчищать... не допускают” (Собрание старинных бумаг... М.Н. Щукина. — Т. III. — М., 1897. — С. 341). В Вологодской губернии на таких землях сеялись рожь и овес. Об этом сообщает Засецкий

севера, в частности в Архангельском у., расчистку лесных участков проводили весной, срубая лес под самый корень. Целый год он лежит недвижимо. Будущей весной его поджигают, но сгорает, видимо, мелочь, так как неосторевшие деревья и сучья берут на дрова. Затем землю рыхлят сохой и сеют рожь. Со второго года землю регулярно удобряют навозом и сеют только ячмень, “которого сначала бывает урожай средствен, а потом от частого унавоживания приходит в большом количестве”⁹³. Без удобрения новины служат 4—5 лет. В Онежском у. срубленный лес оставляли на два года, “чтоб подопрел”. Крупный лес отбирали на дрова и строение. А затем остатки жгли. Новина здесь использовалась также подряд 4—5 лет⁹⁴.

В разных вариантах подобная практика была в 80-х годах XVIII в. и в соседней Олонецкой губернии, большая часть которой была покрыта лесами. Наблюдатель фиксирует, что лес здесь “каждую весну... разчищают с крайним трудом, но с малою для размножения пахотных земель пользою, потому что, сняв несколько раз, а в других местах и один только хлеб, оставляют разчищенные с трудом земли, не быв в состоянии удобривать их за отдаленностью положения”⁹⁵. Как уже было сказано, характернейшей чертой Олонецкой губернии был острый недостаток хороших земель и их крайняя заброшенность и отдаленность от мест, удобных для поселения. “Многие в округах Олонецкой губернии волости, состоящие из 6—8-ми тысяч душ, поселены на расстоянии 40 верст, имея земли свои в отдалении 60-ти — 70-ти верст в пусте лежащие”⁹⁶. В северных лопских погостах Повенецкой округи... “на четвертой год после расчистки производят хлеб”, не применяя при расчистке “ничего кроме топора и огня”. “В первую весну, подсекши лес, оставляют его на месте, дабы згниением мелких сучьев и листьев земля сделалась тучною. На другой год, собравши порубленный лес в кучи, зжигают. На третий — посеявши рожь или репу, пашут и боронят вычещенную землю, которая называется палами и нивами”⁹⁷. Именно здесь, в Повенецкой округе, “палы не рожают более одного хлеба, быв земледельцами всегда оставляемы за отдаленностью” (отсюда и способ расчистки, при которой срубленный лес никак не используется).

(“сеется более овес и опричь поля по пустошам”, в лесных же местах “по розчистям, на выжженных подсеках рожь родится и без навоза сама-12 и больше”). А. Олишев сообщает, что “на подсеках сеют ячмень” (Заседский. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде // Труды ВЭО. — 1773. — Ч. XXIII. — С. 223, 246). В Архангельской губернии, по данным Н.Л. Рубинштейна, ячмень был преобладающей культурой (65% яровых), сеявшейся главным образом вне трехпольного севооборота (Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. — М., 1957. — С. 337).

⁹³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 57 об.

⁹⁴ Там же. — Лл. 25 об., 147 об.

⁹⁵ Там же. — № 518. Топографическое описание городов и уездов Олонецкого наместничества. Лл. 37—37 об.

⁹⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 10 об.

⁹⁷ Там же. — Л. 37 об.

Однако “в других местах” губернии “на сих нивах” хлеб поспевает на третий год, “ибо в первую весну, подрубив лес, оставляют его на месте до следующей [весны], по наступлении которой оной сжигают и тогда же сеют хлеб. Сии палы рождают пять ли шесть хлебов сряду, не быв ничем удобренны. Но, когда перестают быть урожайны, то земледельцы паки оныя оставляют в пусе и запускают рости лес, принимаясь за расчистку новых нив”⁹⁸. Точно так же расчищали лес и под луга, и “на расчищенных среди лесов пожнях, обделывания которых толиких требует трудов, с какими сопряжена и расчистка нив”, “не меньше знатное получается количество сена”⁹⁹.

На юге Владимирской губернии, между реками Клязьмой и Окой, расположены были бесконечные леса. По свидетельству П.-С. Палласа, “многие деревни принуждены выжигать для очищения места под пашни... Здешние жители обыкновенно заготавливают пашни следующим образом: подкладывают огонь под коренастые деревья и не помышляют о том, что до половины сгорелые древесные стволы остаются на пашне вышиною в сажень и больше наверх земли. Или огонь простирается далее надлежащего места и опустошает пространство на несколько квадратных верст. Я находил такие пожарища и видал, что у многих деревень на пашнях стоят часто обгорелые высокие пни, которых вырывать не стараются...” Практика эта была постоянной, так как “пашня не чрезвычайно тучна и скоро истощается по причине лежащего под тонким черноземом песка”¹⁰⁰.

На Урале при известном земельном просторе специфика рельефа вела к тому, что практика систематического унавоживания сосредоточивалась на очень небольших площадях, пахотные массивы земель часто забрасывались, а вместо них в хозяйственный оборот вовлекались новые земли. По Шадринску, в частности, наблюдатель прямо отмечает: “А тот хлеб сеют не на одной земле, но из году в год делают приумножение”¹⁰¹. В Осинском у. “в волостях Касевской, Дубровской, Олховской, Аманеевской, Осинской, Степановского островку в деревнях Мазуниной и Пуговской, Колпаковской сотни в деревне Лушках росчищают черные леса: ельник, пихтовник, липник (т. е. липняк, — Л. М.) и частью в нем березник и осинник. По росчищении в первый год сеют репу, в другой — льны, в третьей — яровой, то есть пшеницу, ячмень, овес и горох. А потом и рожь. И когда она выпашется и потеряет свои жирные соки — урожая производить не будет, — тогда удобряют скотским навозом”, т. е. вводят традиционный трехпольный севооборот¹⁰². Интересно, что в Соликамском у. были тенденции к нарушению трехпольного севооборота на основных землях. Здесь “землю ж удаб-

⁹⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 38.

⁹⁹ Там же. — Л. 38 об.

¹⁰⁰ Там же. — Л. 36.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 114 об.

¹⁰² Там же. — Ч. I. Л. 46 об.

ривают навозом. Потом сеют хлеб, которой снимается два и три [раза], а после оного делают повторение: ко удабриванию навозы наваживают... Так продолжают и далее"¹⁰³. Иначе говоря, между периодами пара сеяли не только два, но и три года подряд, т. е. был четырехпольный севооборот.

Именно здесь, на лесных росчистях, зарождалась новая для Нечерноземья плодосменная система земледелия с чередованием яровых, а иногда и озимых культур. В Калязинском у. в первый год сеяли овес, потом рожь, на третий год ячмень¹⁰⁴. В Кашинском у. на третий год часто снова сеяли овес¹⁰⁵. Во многих районах Нечерноземья в первый год сеяли лен, на второй — ячмень или овес, потом шла озимь, т. е. летом землю "парили"¹⁰⁶. Очень важную роль для восстановления плодородия таких земель играли посевы репы¹⁰⁷. Такая система уже в XVIII в. получила в народе свое название — "обороты", что почти не отличается от позднейшего "севооборота" — термина агрономической науки¹⁰⁸.

При первых признаках "выпашки" земли, т. е. падения урожайности, землю вновь запускали под лес. В Олонецкой провинции была практика осушения заболоченных земель. Они непрерывно использовались десять лет подряд, после чего временно запускались под сенокос¹⁰⁹. В частности, в Олонецком погосте "жители сей округи находятся в необходимости окапывать пашни свои канавами для осушения их от влажности, противной растению посеянных семян"¹¹⁰. Чрезвычайно знаменательно и другое. Росчисти после 8—10 лет активного севооборота включались в дальнейшем в трехпольный севооборот, т. е. становились обычными полевыми землями. Например, в Костромском крае, где жители обычно "чистят под поля лес" на наиболее высоких местах, также периодически восстанавливали лесные переологи. Срубив лес, используют его на дрова. "Потом коренья некоторые вырывают и другие по большей части выжигают и, таким образом перекопав землю и распахав сохами, сначала сеют репу или пшеницу, рожь и ячмень и заборанивают. На сих местах хлеб родится в первый год в восьmero (т. е. сам-8, — Л. М.) а инде и более, а репы на десятине до 60-ти четвертей"¹¹¹. В том же Кашинском уезде при первых признаках выпашки росчисть часто начинали удобрять, т. е. включали ее в число регулярных пашен¹¹². Часто этот процесс сливался с общей тенденцией увеличения па-

¹⁰³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Лл. 81 об.—82.

¹⁰⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 48.

¹⁰⁵ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 26—27.

¹⁰⁶ Лепехин И.И. Дневные записки... — С.63.

¹⁰⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 106—157.

¹⁰⁸ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12.

¹⁰⁹ Ответы... касающиеся южной части Олонца. — С. 23.

¹¹⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 32.

¹¹¹ Там же. — № 603. Л. 43 об.

¹¹² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12—13.

шенных угодий, обусловленной ростом народонаселения. Но не менее часто ввод новых земель в трехпольный севооборот означал более сложные процессы.

Бич полеводства — Паровая система земледелия с жестким трехпольным севооборотом, создавая столетиями для русского крестьянина оптимальные условия хозяйствования и способствуя существенному развитию производительных сил, не была вместе с тем замкнутой, так сказать, “безотходной” по своей агротехнике системой. Важнейшим изъяном модели парового трехполья в эпоху позднего феодализма является, как уже говорилось, постоянная тенденция к снижению плодородия регулярных пашен. Так называемая выпханность почвы была буквальным бичом для русского крестьянина. Зародившаяся в XVIII в. русская агрономическая наука видела в этом главную и чуть ли не единственную беду сельского хозяйства. Андрей Болотов многократно напоминал, что “земля, ежегодно выпахиваясь, теряет свою силу”¹¹³. Другой видный русский агроном Иван Комов писал в свое время: “Земля редко столь добра бывает, чтобы навозу не требовала, а хотя где (как у нас в степях на юге) и найдется, но ее севом хлеба так выпахать можно, что кроме дикой травы ничего родить не будет”¹¹⁴. Кратковременный пар лишь замедлял темпы потери плодородия, но не ликвидировал ее. “Как бы земля хороша ни была, — писал П. Рычков, — однако через десять, двадцать, а инде через 30 лет и более выпахиваясь, лишается растительной своей силы”¹¹⁵.

Причины выпханности почв многообразны, но, кратко резюмируя их, можно говорить о постоянном дефиците в добавочных вложениях труда и капитала в землю.

Тем не менее речь идет не только об узости простора для этих вложений, речь идет о том, что в сельскохозяйственной практике XVIII столетия чаще всего эти вложения просто отсутствовали (объективные условия истощали поле). Как известно, основой поддержания и повышения плодородия почвы являлось удабривание почв главным образом навозом рабочего и продуктивного скота. Однако уже во второй половине века наблюдается острая нехватка навозного удобрения. Это связано прежде всего с вовлечением в пахотный массив все возрастающего числа земель малоплодородных или вовсе “худых”. Эти земли требовали повышенных норм удобрения. Даже в Нижегородской губ., многие уезды которой были в зоне Нечерноземья, практически во всех уездах (кроме Починковского) земля нуждалась в удобрении¹¹⁶. Но скота, а следовательно, и навоза в губернии было мало.

¹¹³ Экономический магазин. — Ч. XVIII. — СПб., 1784. — С. 108.

¹¹⁴ Там же. — С. 170.

¹¹⁵ Там же. — С. 37—39.

¹¹⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Лл. 6 об.—7, 12, 21 об., 25—26, 31, 35—36, 39, 41 об., 44 об., 48 об., 52—53, 57.

Наблюдатель прямо писал о Нижегородском и Арзамасском уездах: “Удобрение земли производят навозом, но весьма слабое и недостаточное. А причиною тому — малое скотоводство”¹¹⁷. В Княгининском у. “распахивают в пашню множество лугов”¹¹⁸, и это существенно повышало урожайность. В Семеновском у. удобрение навозом настолько необходимо, что “бес тово невозможно ожидать плодов по причине великих песков”¹¹⁹. В Галицкой провинции “жители с немалым трудом и великим количеством навоза свои земли удобривать принуждены”¹²⁰.

Вместе с тем, как показывают отдельные исследования, около 60% земель церкви, удобряемых навозом, получало его в половину меньше нормы¹²¹. Многие земли удобрялись нерегулярно¹²². Так, в 80-е годы XVIII в. в Бронницком у. “у редкого земледельца и половина унавоживается”. А.Т. Болотов уже в 60-е годы писал о Каширском уезде, что там обычно “большая половина земель ненавозных”, а навозные удобряются в 9-й и 12-й год¹²³. В связи с тем, что удобрялись далеко не все пахотные земли, в XVIII в. бытовала весьма характерная классификация пахотных земель: “навозные, добрые, средние и худые”¹²⁴. К такому положению приспосабливали и высев культур. Как уже говорилось, овес, греча сеялись на мало или вовсе не удобряемых землях, на землях худых и “средственных”. Так, в Покровском уезде по реке Клязьме возле села Покров “земля везде, несмотря на песчаную пошву, наполнена пашнями. Но здесь сеют по большей частию овес, лен и гречу, которые и при малом утучнении хорошо урождаются на тощей пошве, и сей товар продают”¹²⁵. По свидетельству академика И. Лепехина, в районе Киржача в некоторых деревнях крестьяне “высушивают болотные места и иловатую землю удобряют известью, с трудом отправляя свое хлебопашество”¹²⁶.

Выпаханные земли, как правило, в конце концов забрасывались, но взамен их в пахотный массив включались новоросчистные земли. Упоминания о них в XVIII в. постоянны и повсеместны. В Галицкой провинции “для рас-

¹¹⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 516. Л. 6 об.—7, 12.

¹¹⁸ Там же. — Л. 30.

¹¹⁹ Там же. — Л. 57.

¹²⁰ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С.79.

¹²¹ См.: Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII в. // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы за 1964 год. — Кишинев, 1966. — С. 187—191.

¹²² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 190.

¹²³ Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 156, 334, 133.

¹²⁴ Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XVI. — С. 85.

¹²⁵ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1773. — Ч. I. — С. 26—27.

¹²⁶ Лепехин И.И. Записки путешественнаго академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. Изд. Имп. Академии наук. — СПб., 1821. — Т. 3. — С. 3.

чищения поль и лугов довольно рубят лес и кустарник; оной выжигают и сеют пшеницу, где весьма изрядно родится”¹²⁷. Во Владимирском ополье, там, где были лесные территории, “выжигают леса и кустарники для расчищения полей”¹²⁸. В Кашинском у. Тверской губ. там, где “лесу много... всякий год выжигается под пашни”¹²⁹. В Рязанской провинции, “где находятся к полям леса и кустарники, то для размножения полей выжигают и разчищают”¹³⁰. Такие сведения постоянно фигурируют в материалах по Новгородской, Смоленской, Московской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Тверской, Нижегородской, Вятской, Тамбовской, Рязанской, Калужской и др. губерниям.

“Запуски” дальних полей

Важнейшую часть их составляют прежде всего так называемые дальние поля, иногда именуемые как “запольные земли” трехпольного севооборота. В Калужской провинции к ним относилась, в частности, земля, “которая от пол отделена и навоз на нее возить далеко, и пашется без одобрения столько лет, доколе в силах производить хлебные произрастения. А когда урожай на ней начнет становиться худ. Тогда оной земли дают отдыхать до тех пор. Покуда на оной выростет небольшой лес или кустарник... Потом опять оную распахивают и почитают ее за новую землю”¹³¹.

Такая же система была во многих уездах Пермской губ. В Обванском у. “удабривание земель производят блиским пашням. А некоторые еще крестьяне имеют отдаленные верст до 4-х и далее пашни. Сеют на них года по трое. И [так как] без удабривания земли она везде одинаков плод [не] имеет, то оставляют ее на тож время (т. е. на 3—4 года запускают, — Л. М.) и бывает на той пашне покос. А принимаются за другую, у кого таковые есть”¹³². Точно так было и в Алапаевском у., где отдаленные пашни тоже не удобряли, а “когда земля не будет давать от себя плодородие, то оную запускают года на 3—4. А когда земля отдохнет, то начинают пахать и хлеба сеять”¹³³. В Ирбитском у. “от отдаленности селений землю ничем не удобряют, но только перепаривают”¹³⁴. В Пермском у. так же, как в Обванском у., на отдаленных верст до 4-х и далее пашнях сеют подряд “года по 3”, а потом “оставляют ее на то же время, и бывает на той пашне покос. А принимаются за другую...”¹³⁵

¹²⁷ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции. — С. 83.

¹²⁸ Ответы... на экономические вопросы о уезде города Володимера // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. XII. — С. 101.

¹²⁹ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 22.

¹³⁰ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского. — С. 56—57.

¹³¹ Ответы по Калужской провинции на экономические вопросы // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 93.

¹³² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18900. Ч. I. Топографическое описание Пермского наместничества (1787—1789 гг.). Л. 76.

¹³³ Там же. — Ч. II. Л. 147.

¹³⁴ Там же. — Л. 121 об.

¹³⁵ Там же. — Ч. I. Л. 39 об.

Там, где почвенные условия менее благоприятны, как, например, в Шадринском у., запуск неудобряемых пашен более продолжителен (“а дальнюю пашню по выпашке, когда уже не станет родить хлеб... покидают до тех пор, покуда на ней будет расти трава называемая пырей, довольно годная к продовольствию лошадей, коя урости по выпашке не ранее начинается, как через 20 и более годов. А потом и урожай на оной всякому хлебу бывает по-прежнему, как и на новой земле”¹³⁶). В других районах землю забрасывали совсем. Так, в Осиновском у. “в Аманеевской и некоторых деревнях Дубровской волости по выпашке совсем покидают, которая и зарастает лесом, ибо в оных жительствох состоит земля пещаная и в себя никакого навозу не принимает и с ним плодородия не производит... Вместо ею и расчищают в других местах”¹³⁷. Как видим, здесь нет даже тех минимальных преимуществ, какие были в степях Шадринска, где землю даже после 20 лет можно вернуть в хозяйственный оборот.

На Урале были и такие районы, где старопахотных, веками обрабатывавшихся, а потому удобряемых систематически навозом земель не было совсем. Так, в Екатеринбургском у. “пашенные земли ретко жители удабривают навозом, а по большей части ничем не удобряют, а поступают таким образом, ежели которая пашенная земля не так будет родить хлеб, то оную несколько лет оставляют залежью. А потом оную паки (т. е. снова, — Л. М.) вспахивают, ибо есть у некоторых издревле излишние земли”¹³⁸.

Таким образом, в Уральском регионе архаичные системы земледелия играли большую роль в экономике края. Благодаря им общий уровень урожайности был практически настолько высоким, что дал основание в 1787 г. высказать автору топографического описания следующее суждение: “Есть ли бы [здесь]... не находилось толь великое множество заводов, то бы оно (Пермское наместничество, — Л. М.) за продовольствием своим могло бы снабжать хлебом и другие наместничества. Напротив того, сии заводы, закупаая весь излишек у крестьян хлеба, причинствуют, что сюда часть хлеба привозится из Тобольского, Уфимского и Вятского наместничеств”¹³⁹.

Классическое трехполье недостижимо

О некоторых социально-бытовых аспектах регенерации таких полей, определенных под господскую пашню, очень выразительно пишет А. Олишев применительно к Вологодскому краю. “Известно всем, что мужики навоз по равным частям для возки между собою делят и каждой из них старается часть свою вывозить скорее. И тогда начинают, как у нас обыкновение есть, всегда с удворины, то есть с первого близкого места у

¹³⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18900. Ч. II. Л. 113 об.

¹³⁷ Там же. — Ч. I. Л. 46 об.— 47.

¹³⁸ Там же. — Л. 94 об.

¹³⁹ Там же. — Л. 18.

села, то всяк старается чаще кучу подле кучи класть, чтоб в близости скоряе кончить свою работу, а на зады или весьма редко или совсем ничего не остается”¹⁴⁰. Подобные земли, в конце концов, запускались, хотя по статусу своему числились пашней. Как уже говорилось, исследование “Экономических примечаний” второй половины XVIII — начала XIX в. показало, что в итоге этих, большей частью стихийных, но тем не менее постоянных процессов запуска одних и освоения других пашенных массивов в совокупности пашенных угодий существовал постоянный резерв пустующих земель в виде залежей, перелогов, внеочередных паров и т. п. Следовательно, объективно, то есть вне четко осознанной культурной традиции, трехпольная система земледелия сочеталась с периодическим обновлением той или иной части общего массива полевых земель¹⁴¹. Иначе говоря, в XVIII столетии, как и в более раннюю эпоху, паровая система земледелия с трехпольным севооборотом далеко не всюду была классической, т. е. замкнутой и целиком автономной системой. На просторах России она существовала во многом за счет постоянного обновления части полевых земель из резервов пашенных угодий. Лишь со второй половины века эти резервы, дававшие серьезный импульс сохранению и повышению плодородия полевых земель, начинают исчезать. В итоге это приводит к абсолютному господству замкнутой системы полевого трехполья, которая при отсутствии должных вложений труда и капитала ведет в конечном счете к падению плодородия земли. Вот так, например, выглядело это изменение в соотношении площади пашенных угодий и посевных площадей по Тульской губ. в 1788—1859 гг.¹⁴²:

Таблица 1.2. Соотношение посева и пашни в Тульской губернии

Годы	Площадь посева (тыс. дес.)	Доля посева от площади пахотных угодий (%)
1788	894	46,7
1821	1451	76,9
1847	1972	98,1
1859	1983	99,2

Вполне естественно, что охарактеризованный нами процесс систематического, хотя в значительной мере стихийного обновления части земель парового трехполья нельзя считать доказательством существования архаических

¹⁴⁰ Олишев А. Указ. соч. — С. 114—115.

¹⁴¹ Мялов Л.В. Исследование об “Экономических примечаниях” к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). — М.: МГУ, 1965. — С. 160—175; Его же. О роли переложных земель в русском земледелии XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. — Рига, 1963; См. также: Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. — Рига, 1960.

¹⁴² Крутиков В.И. Об изменении размеров наделов помещичьих крестьян в I пол. XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969. — Киев, 1979. — С. 158—165.

пережитков переложной системы. При перелогe обязательно соотношение регулярной пашни с залежью как 1:5, но такого соотношения нигде в XVIII в. уже не было. Залежь или перелог составляли в этих краях от 20% до 50% регулярной пашни. Больше того, после 4—5-летнего или 10—12-летнего отдыха переложные земли вводились в орбиту парового трехполья, а это принципиальное отличие от перелога.

Агрономическая мысль XVIII столетия пыталась обобщить эту практику народного опыта, предлагая так называемую 4-польную и 7-польную системы разделения полей. В основе их было восстановление плодородия путем продления отдыха. А.Т. Болотов писал: “Полугодовой пар, а особливо мало скотом унавоженный, мало пользы приносит, но чтоб также мало пользы происходило от трехлетнего перелога, того, кажется мне, никоим образом утвердить неможно”¹⁴³. В дальнейшем предложенные в XVIII в. системы были модернизированы травосеянием.

Толока и залежи Черноземья

Если в нечерноземной зоне стройность модели парового трехполья стихийно, но в конечном счете более или менее систематически нарушалась ввиду выпаванности земель, то в черноземной полосе к нарушению трехпольного севооборота там, где он был, приводило совсем иное обстоятельство. Здесь к периодическому обновлению пахотных угодий толкало бессилие крестьянина в борьбе с сорняками. Буйное плодородие чернозема и древняя традиция агрикультуры приводили к тому, что поля трехпольного севооборота весьма скоро погибали от сорняков. Даже в конце века современники отмечали, что “чернозем, лучшая почва ... приносит с хлебом пополам дикую траву”, что “при вымалачивании хлеба выходит почти половина куколя и другой дикой травы семян”, что “дикая трава, ростом превзойдя весною посеенной хлеб, ячмень и овес заглушает”¹⁴⁴.

Однолетний пар служил традиционным средством повышения плодородия и здесь, но функция его была вместе с тем иной. Как правило, это было так называемое “толочное поле”. “Толока” — специфический и для этой зоны весьма эффективный способ борьбы с сорняками. На поле иногда на 10—15 дней, а чаще на весь период пара выгоняли скот, который выедал и выбивал копытами ненужную растительность: “где более скот ходит и земля от травы лутче выбита, там отменно хороший хлеб родится”¹⁴⁵. Толока — повседневный и повсеместный прием агротехники Черноземья и степных

¹⁴³ Болотов А.Т. О разделении полей // Труды ВЗО. — 1771. — Ч. XVII; Его же. Продолжение о разделении земли на семь полей // Труды ВЗО. — 1771. — Ч. XVIII. — С. 80—91.

¹⁴⁴ Хозяйственные известия за 1794 год // Труды ВЗО. — 1796. — Ч. II. — С. 254.

¹⁴⁵ Описание Тамбовского наместничества // Собрание сочинений, избранных из месящесловов. — СПб., 1790. — Ч. VI. — С. 423—430.

районов¹⁴⁶. А где скотоводство было развито слабее, применялось выжигание полей. Иногда это принимало огромные масштабы. Для 60-х годов XVIII в. современник отмечал, что, например, в Саратовских местах “часто случается, когда вся степь весною походит как бы на великое огненное море”¹⁴⁷. Главное же состояло в очищении почвы от сорняков и червя. Во многих районах Тамбовской губ. стерню из-под озимых специально жгли под посевы овса, ячменя, мака, гороха и проса¹⁴⁸. Но в той же Тамбовской губернии практиковалась и толока. Причем часто комбинировались оба способа удобрения земли: “А под яровой хлеб, как-то под овес, под ячмень, мак, горох, просо и гречю приуготовляют землю прежде выжжением, где скотом не выбито озимого жнива. Потом, выпавав и выбороня, сеют, запахивают и заборонивают... В исходе маяя месяца навозом земли совсем не удобряют. А только стараются прежние жнива выбить скотом и, где более скот ходит и лутче толока, там отменно хороший и хлеб родится”¹⁴⁹.

Помимо этого существовала и широкая практика запуска выпаванных (засоренных) полей на три, “а за излишеством — на четыре года”¹⁵⁰. Постоянному введению в оборот новых земель способствовало и еще одно обстоятельство — потребность в хороших сенокосах, которые бывали лишь на землях, запущенных из-под пашни¹⁵¹.

Таким образом, внутренние противоречия парового трехполья, его изъяны приводили к постоянной практике расчистки и распашки новых земель¹⁵². В одном из самых интересных экономико-географических очерков о России XVIII столетия, помещенном в известном Словаре Аф. Щекатова, классификация пашенных земель дана с учетом именно этого обстоятельства: “Земля обыкновенно, а особливо в губерниях, лежащих в окружностях Москвы, делится иногда на четыре поля, т. е. на новину, озимь, яровые и перелог”¹⁵³. Точно такую же классификацию находим и в более раннем источни-

¹⁴⁶ Рычков П. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. — Ч. I. — 1758. — Май. — С. 427—428.

¹⁴⁷ Примечания на лежащие около Саратова места для сельского домоводства // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 33.

¹⁴⁸ Описание Тамбовского наместничества. — С. 439.

¹⁴⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Топографическое описание Тамбовской губернии (после 1784 г.). Л. 20.

¹⁵⁰ Продолжение ответов на предложенные в первой части Трудов ВЭО вопросы, о нынешнем состоянии в разных губерниях и провинциях земледелия и домостроительства. Ответы по Слободской Украине, Изюмской, Ахтырской, Острогожской и Сумской провинциям (Далее: Ответы по Острогожской провинции) // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 196.

¹⁵¹ Труды ВЭО. — 1771. — Ч. XVIII. — С. 89—96; Черниговского наместничества топографическое описание... сочиненное Аф. Шафонским... 1786 г. — Киев, 1851. — С. 149; Топографическое описание Харьковского наместничества. — М., 1788. — С. 75.

¹⁵² Между прочим, даже в столь благоприятной для земледелия стране, какой была, например, Франция, паровое трехполье вплоть до конца XIX в. сосуществовало с другими системами земледелия (двупольем и залежной системой или так называемой временной запашкой). См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. — М., 1957. С. 9.

¹⁵³ Щекатов Аф. Словарь географический государства Российского. — Ч. 5. — М., 1807. — Стб. 339.

ке — Путешествии Ивана Лепехина 1768—1769 гг.: крестьяне разделяют пашню на четыре рода, из которых “первой называется новиною, другой — яровую, третий — озимью, а четвертый — паром”¹⁵⁴.

Новина была в итоге временной возможностью выйти из-под зависимости трехпольного севооборота и увеличить посев наиболее выгодных с точки зрения рынка культур. “Обыкновенные на новине сеяные хлеба”, как правило, были лучшими¹⁵⁵. В Орловской губернии это была пшеница, урожай которой достигал сам-10—12¹⁵⁶. В черноземных районах Тульской губернии это были мак и просо. (В инструкции А. Шестакову предписывалось занимать “по 9 дес. каждый год из лугов под мак и под просо”¹⁵⁷.) В Курской губ. на новине сажают арбузы, пшеницу, просо¹⁵⁸. В нечерноземной полосе новину отводили большей частью под лен. Об этом можно судить по наблюдению Ив. Лепехина, который писал, что “первый посев на новине обыкновенно бывает лен”¹⁵⁹. Практиковалось это и в издавна славящейся льнами Псковской губернии. Там, как писал А. Болотов, “сеется лен либо на нововзрезанных местах, либо на пашенной в яровом поле ячменной земле”¹⁶⁰. Причем на новине сначала “взрезывали... луг резами и давали недели 2 на солнце выгореть, потом заборанивались опрокинутыя дернины бороною и, не делая более ничего, тотчас по дернинам и сеелось, а потом заборанивалось в другой раз”¹⁶¹. Лен на новине на псковщине считался лучшим.

Модификации трехполья

Борьба с сорняками в сочетании с влиянием климатического фактора привела в XVIII веке в черноземных районах России, а также Слободской Украине к серьезнейшей модификации трехполья. Изменения эти столь значительны, что иногда ставят под сомнение саму возможность говорить о функционировании здесь трехпольного севооборота.

Стремление сохранить “зимнюю сырость”¹⁶² для весенних всходов яровых культур привело к широчайшему распространению в Черноземье зяблевой вспашки. В Острогожской провинции в середине века обычно “с половины сентября принимались за пахоту, заготовляли на вешнее время в другой год к посеву ярового хлеба ниву. Даже до тех пор, пока усилятся морозы”¹⁶³, т. е. до ноября включительно. Зяблевая вспашка безусловно содей-

¹⁵⁴ Лепехин И.И. Дневные записки... — С. 69.

¹⁵⁵ Болотов А.Т. Продолжение о разделении земли на семь полей. — С. 80—96.

¹⁵⁶ РГБ. Отдел рукописей. Ф. 267. Д. 2716. Л. 11 об.

¹⁵⁷ Журнал землевладельцев. — 1859. — № 23. — Л. 303, 309.

¹⁵⁸ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. — С. 347.

¹⁵⁹ Лепехин И.И. Дневные записки... — С. 63.

¹⁶⁰ В последнем случае, видимо, также посевы были не в трехполье, а на росчистях, где предшественником был ячмень.

¹⁶¹ Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 212.

¹⁶² Труды ВЭО. — 1795. — Ч. I [50]. — С. 172.

¹⁶³ Ответы по Острогожской провинции. — С. 182.

ствовала вымерзанию корней многих сорняков. Весной же большую часть яровых хлебов (яровую пшеницу-арнаутку или “горновку”, овес, яровую рожь, ячмень, коноплю и др.) сеяли уже по вспаханному осенью полю и просто заборанивали семена, дабы всходы появились как можно раньше. От такой практики иногда страдали лишь посеvy ячменя, всходы которого угнетались весенними заморозками и отставали в росте от сорняков, которые потом, в свою очередь, угнетали его, засоряя поля. Возможно, что именно по этой причине сроки сева яровых (как это будет видно из дальнейшего изложения) в этой зоне не были слишком ранними. Весной же пахали землю лишь под просо и гречиху, боящихся весенних утренников и сеявшихся позднее других культур.

Чрезвычайно ранняя зяблевая вспашка и раннее созревание основных яровых культур повлекли за собой другое важное изменение в классическом трехполье. Озимые культуры в этой зоне сеяли после яровых, а паровое поле, наоборот, стало засеиваться яровыми лишь следующей весной. Именно такая практика отражается в не вполне ясном на первый взгляд описании севооборота в Острогжской провинции: “В озимовом поле, где бывает рожь, сеются и другие скороспеющие хлебы, то есть яровая рожь, пшеница, ячмень, овес и горох, а в яровом — кроме озимой ржи весь вышеописанный хлеб, к тому ж [еще] просо, греча, конопля и лен”¹⁶⁴. Иначе говоря, традиционно считавшееся озимым паровое поле шло под “скороспеющие” яровые хлеба. И, наоборот, в поле, традиционно считающемся яровым, сеялась также озимая рожь. Вместе с тем, современник отмечает, что этот кардинально иной севооборот существовал в крае наряду с традиционным.

Столь сильная “модернизация” парового трехполья была, видимо, итогом длительного приспособления к специфике природно-климатических условий степного черноземья, где колоссальное плодородие сочеталось со знойно-жарким, большей частью засушливым летом. В этих условиях выносившая озимая рожь успешно боролась с сорняками и использовала “зимнюю сырость”, будучи посеяна не на “толочном поле”, а сразу после яровых. Главный же упор агрикультуры был на подготовку земли для яровых. Здесь применялись, так сказать, двойные усилия для борьбы с дикой степной травой. С начала весны и до начала осени — “толока”, когда все выедалось и вытаптывалось скотом. Потом — зяблевая вспашка, предназначенная, по понятиям земледельца XVIII века, для вымерзания корней сорняков и для накопления “зимней сырости”. В итоге этих мер яровые, где лучше, где хуже, но могли выстоять против натиска степной растительности и сорняков. Впрочем, по данному, весьма сложному вопросу не лишними будут и дополнительные разыскания.

¹⁶⁴ Ответы по Острогжской провинции. — С. 165.

Казацкое хлеборобство

Опыт своеобразной “модернизации” системы парового трехполья, накопленный в южнорусских степях и на Украине, нашел поистине замечательное продолжение на Северном Кавказе, где в казачьих селениях, в частности Моздокского полка, были достигнуты выдающиеся результаты. Земли Моздокского полка черноземные, глинистые и местами песчаные, а местоположение, как говорили в XVIII в., “ровное”, лишь местами встречались бугорки и буераки¹⁶⁵. Условия для хлебопашества в этих ровных “чернопешаных” степях были благоприятны, если бы не постоянные засухи.

Пытливый наблюдатель, охарактеризовавший земледелие этого края, не преминул заметить, что первые поселенцы начали с того, что перенесли на эти земли практику и традиции “внутреннего земледельства”, т. е. приемы классического трехполья, когда поле из-под яровых (“вешняя пашня”) следующим летом готовилось под озимые. Но этот опыт давал здесь печальные итоги: “по сему то [хлеб] родился слабее несравненно... — редок соломою, тощ колосом, изредка кустами, от зерна происходящей, и притом еще низок в разстении и не таков в умолате”¹⁶⁶. Постепенно стала ведущей иная система обработки земли. Землю вспахивают плугом волами “весною однажды и засевают яровым всякого рода хлебом. А потом боронят четыре раза. По снятии ж всей вешней жатвы (т. е. яровых, — Л. М.) засеивают (не пахав поля, — Л. М.) озимыми семенами. Как-то: рожью, пшеницей и ячменем (!). И потом только заборанивают по четыре раза, не (т. е. ни, — Л. М.) сколько уже земли не пахавши”¹⁶⁷. “От сего-то посредства (т. е. способа обработки, — Л. М.) пашни, — восклицает наблюдатель, — родится там лутчей хлеб... — густой, не имевший никакой нечисти, постороннего рода разстений, колосом тучный и составляющий от одного зерна особые кусты, и в умолате довольно избыточной”¹⁶⁸. “Озимовые в самом лутчем урожае родятца до сам-16¹⁶⁹, прѣсо до сам-125 (невиданный для XVIII в. урожай, — Л. М.), греча до сам-30, овес сам-18, горох сам-35, семя конопляное сам-15, алаяное (льнаное, — Л. М.) сам-4”¹⁷⁰. Урожайность, как видим, для полей *регулярной эксплуатации* — выдающаяся. Низок лишь урожай льняного семени, то есть растения явно не подходящего для этой зоны. Конечно, надо помнить, что это урожаи удачного, незасушливого года.

¹⁶⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 2 об.

¹⁶⁶ Там же. — Л. 94 об.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Учитывая, что озимая пшеница была здесь кустистая, можно полагать, что посев был реже обычного (а на юге, в степях сеяли не более четверти на десятину). Считая сев в 8 четвериков на десятину, сбор зерна получим в 128 четвериков или 16 четвертей. Поскольку в четверти — 8 пудов, а в пуде — 16 кг, то урожай этот равен чуть меньше 20 центнеров с гектара.

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 94.

По разумению наблюдателя, секрет агрикультуры здешнего края — не только в изменении севооборота (пар перед посевом яровых, а не озими), но и в способе обработки земли. Пашут плугами (видимо, украинского типа), запрягая по три пары волов. Суть этой пашни в том, что “оборачивают по бороздам землю”, отчего ложится она “оставаясь плитами”, т. е. цельными пластами. А чаще всего вспашка здесь начинается очень рано: “иногда по обстоятельству тамошнего климата в начале февраля, а иногда в половине и исходе” того же февраля¹⁷¹. Во всяком случае, “познейше марта месяца никогда по сие время — замечает наблюдатель, писавший в 1785 г., — ...не начиналось”. Ранняя вспашка давала запас влаги: перевернутый толстый пласт земли “содержит под собою некоторого рода влагу, помогающую в возрасте (в развитии, в росте, — Л. М.) всякого рода хлеба при случае бывающих там таких жаров, которые при самом наливе... весьма вредят или совсем заваривают (засушивают, — Л. М.)”¹⁷². После вспашки сразу сеют (“ранний сев всякого рода ярового хлеба, кроме арбузов, есть превосходнейший”). Затем наступает бороньба: “боронят четыре раза, *но отнюдь не так, чтоб всю землю раздробить мелко* (курсив мой, — Л. М.), но по одной поверхности”¹⁷³, то есть боронят так, чтоб умягчить лишь поверхностный слой, не разрушая пласты вспаханной земли, под коими накопилась влага. Видимо, были и особые местные сорта ярового, которым влага наиболее нужна лишь “о ту пору, когда он выметывает колос. А до той поры, хотя б случились и великия засухи, но оной оживляетца росами, [которыми] время от времени оденит (т. е. оденет, — Л. М.) под собою землю, и тем удерживает себя наивсегда”¹⁷⁴. Для озимых ранний сев был также предпочтительней, но он был реален, если “перепали дожди”. В этом случае начинали сев с 23 августа, в противном же случае — он отодвигался до глубокой осени вплоть до крайнего срока — в декабре. Однако опытный наблюдатель отмечает, что и поздно посеянная озимь хотя и “не имеет в осени и чрез всю зиму всходы, но при благоприятной весне настигает ранний (т. е. раннего сева хлеб, — Л. М.)”. Правда, поздно посеянный озимый хлеб хуже раннего выдерживает засуху (“при засухах равняцца с оным не может”), но все-таки себя оправдывает (“труд земледельца платит”)¹⁷⁵.

Важно отметить, что выдающийся агрикультурный опыт Моздокского района достигался сравнительно меньшими затратами рабочей силы. Речь идет о том, что при вспашке применялся тяжелый плуг, а не соха. Выгода плуга двойная. Во-первых, “потому что к оному потребен рабочий (т. е. пахарь, — Л. М.) один и погонщиков, щитая от 10 лет, — по два”. Видимо,

¹⁷¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 95.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

и пахарь, и тем более погонщики, — могли быть дети и юноши. А это важно, ибо взрослое мужское население — казаки — были в первую очередь заняты службой. Наблюдатель так и заключает, что к сохе нужен хоть и один, но “рабочей совершенных лет”¹⁷⁶. Во-вторых, сохе необходима лошадь, а лошади нужны были для казачьей службы и были в цене. Таким образом, как “и лошади там против рогатого скота несходны, так и люди не все развязаны на произведение пашни”¹⁷⁷. Сверх того, плуг дает иной по качеству результат (“от сох хлеб родится не таков, каков от плугов”).

В XVIII в. в степной зоне осваивались и устойчивые к зною сорта, в частности, пшеница-арнаутка (по-русски ее звали “горновка”), любившая сухую и теплую почву. В округе Таганрога и Мариуполя в придонских степях получали сказочные урожаи пшеницы: “тридцатикратные и даже сороковые пшеничные жатвы в сих странах не суть редкость”. Правда, речь идет о новине в первые 4—5 лет “на одном поле без уваживания”¹⁷⁸. При этом обработка земли оставалась минимальной.

Но этого хватало ненадолго, и вскоре поле запускалось на 3—4 года для получения в итоге наиболее чистой “нововзрезанной пашни”. Постоянный запуск земель в залежь и распашка их создавали “оборот”, так сказать, параллельный паровому трехполью, хотя проявлялся он лишь частично, поскольку и эти земли подвергались периодической “толоке”. Однако подобная практика создавала резкие, во-первых, диспропорции в величине озимого, ярового и “толочного” полей, во-вторых, приводила, в сущности, к “пестрополью”.

Гибкость “пестрополья”

Парадокс заключается в том, что залежная система земледелия и “пестрополье” более чутко, чем классическое трехполье, реагировали на запросы рынка. Именно на них наиболее успешно воздействовали стоимостные факторы товарного производства. Здесь не было стеснений рамками ярового клина, и удельный вес тех или иных культур во второй половине XVIII в. в значительной мере был обусловлен не только потребностями крестьянского хозяйства, но и запросами рынка. Типичным примером в этом случае могут быть данные о площадях под отдельными культурами в двух уездах Курской губернии (80-е годы XVIII в.). Так, в Корочанском уезде рожь (озимая) занимала 12349 дес., пшеница — 6306 дес., овес — 6571 дес., греча — 6255 дес., горох — 2693 дес., просо — 2659 дес., ячмень — 2578 дес., конопля — 3588 дес. и, наконец, лен — 1076 дес. Даже если всю пшеницу отнести к озимой, что очень маловероятно, то и тогда озимые составят всего 18655 дес., или около 40% всего посева, а яровые составля-

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 95 об.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Хозяйственные известия за 1794 год // Труды ВЭО. — 1795. — С. 281.

ют 25420 дес., или около 60% посевов. Резко выделяются огромным удельным весом во всем посеве пшеница (14%), греча (14%) и конопля (7%). По другому уезду, Щигровскому, картина несколько иная. Здесь не было таких огромных посевов пшеницы (ок. 3%), но посевы гречи были еще более грандиозными (ок. 31%). Также велики и посевы овса (ок. 26%), а рожь составляла всего около 36% всех посевов¹⁷⁹. Если по Корочанскому уезду площадь ржи взять за единицу (иначе говоря, величину обычного ярового клена при трехполье), то пшеница составит 0,5; греча — 0,5; овес — 0,5; ячмень — 0,2; горох — 0,2; просо — 0,2; конопля — 0,33 и только лен — 0,1¹⁸⁰. Иначе говоря, под яровыми, коноплей и льном было 2,4 единиц собственно ярового клена (за единицу здесь принят клен озимой ржи). Сходные аномалии классического трехполья наблюдаются к концу века и в более северных районах. По ведомости 1797 г. в так называемой Брянской округе (уезде) Орловской губ. ржаное озимое поле составило 80,6% посевной площади (78480 дес.), а все яровые — 19,4% (18845 дес.)¹⁸¹. В Ливенском у. той же губернии ржаное поле тогда же составляло 61% (80460 дес.) посевной площади и т. д.¹⁸²

Такого рода процессы приводили к зарождению и практикованию “оборотов”, когда постепенно выкристаллизовывались оптимальные предшественники для тех или иных культур. В частности, для этой зоны в целом характерно, что ячмень сеют после пшеницы, после ячменя — овес, после овса — гречу и только после гречи — озимую рожь¹⁸³. Напомним, что часто при севе озимой ржи после яровых, особенно гречи, пашню совсем не пахали, сеяли по стерне и только потом запахивали семена, получая при этом “изрядный урожай” ржи¹⁸⁴.

Борьба с засоленностью почв

В ряде районов Северного Кавказа, в частности, в Кизлярском у. Астраханской губ., а также в землях Терского и Семейского казачьих войск, совсем иные причины приводили к кратковременному использованию пашни. Главная из них — засоление почв.

В Кизлярском у. тяжелые иловатые и глинистые почвы часто были засолены или подвержены засолению. Земледелие здесь было орошаемое, а не богарное, как в Моздоке. На поля проведены были длинные каналы, по которым вода шла на поля перед весенней вспашкой. Кроме того, воду пускали после жатвы яровых и “есть ли она (земля, — Л. М.) очень тверда, то

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800. Ч. III, IV. Подсчет наш, — Л. М.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 273. Оп. I. № 19068.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Ответы по Острогожской провинции. — С. 109.

¹⁸⁴ Там же. — С. 141.

еще напояют ее. А когда мягка и без напоения вспахивают”¹⁸⁵. Обработка полей производится следующим образом. В марте, апреле или мае пахут землю плугами, имея в упряжке по 4 пары волов (из-за “тугости” земли). Вспахав один раз, сразу засевают и боронят по 2—3 раза. Иногда после вспашки боронуют еще перед севом для “смяхчения земли”¹⁸⁶. Озимую пшеницу сеют (и соответственно точно так же, как с яровыми, обрабатывают пашню) с сентября по ноябрь. Но используется земля не более трех лет (“и так продолжают пахать на одном месте не более трех раз”), так как поле засоляется (“от напуска воды и от жаров покрывается то место солонцом и ни к чему не годною травой”)¹⁸⁷. Далее начинается процесс, так сказать, “лечения” земли. Во-первых, если “местоположение так ниско — дозволяет все затопить водою”. Затопленным поле держат до тех пор, пока “травы выросшая пропадет и соль в поверхности земли видна не будет”, т. е. растворится. “Тогда, обсуша землю, начинает пахать”. К сожалению, мы не знаем, сколько длится эта процедура. Можно лишь предполагать, что восстановление шло в пределах 1—2 лет. Во-вторых, если “по высоте места воды напустить нельзя”, то поле просто забрасывают до тех пор, “пока вся негодная и соленая трава переродится и место сделается способным к пашне”¹⁸⁸. На это уходит лет десять, в течение которых распахивают и используют другие, новые земли. От худой жизни сеяли и на солонцах, но “хлеба там бывают не с излишком”, — сурово заключает наблюдатель. На лучших почвах Кизлярского у. в лучшие годы урожай (а сеяли там пшеницу, ячмень и просо) достигал сам-9, сам-10. На худших землях — от сам-5 до сам-1. От засухи же пропадали и семена¹⁸⁹.

В землях терских и семейских казаков поля также использовались не более трех лет и восстанавливали их тоже затоплением водою из каналов¹⁹⁰. Пахали здесь и плугом с 4—6 волами, и сохами на лошадях. Вспашка была однократной и лишь на новых землях — двукратной. Сеяли большей частью озимую пшеницу и просо. Овса, ячменя и гороха “совсем мало”. “Если нет жаров и саранчи”, то пшеница и горох давали урожай сам-3, просо — сам-9, сам-10, ячмень — сам-2, а в плохие годы не собирали и семян.

Как видим, разница и в характере обработки земли, и в плодородии, по сравнению с Моздокским районом, огромная. Тем не менее и в Кизляре, и даже в землях терских и семейских казаков русское население упорно занималось земледелием, ища выход из сложнейшей ситуации. Важно отметить, что изобретательность терских и семейских казаков была известна и в Цен-

¹⁸⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 85 об.

¹⁸⁶ Там же. — Л. 85 об.

¹⁸⁷ Там же. — Л. 86.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. — Л. 85 об.

¹⁹⁰ Там же. — Л. 90.

тре России. В частности, об их опыте знал известный агроном того времени Ив. Комов, который писал в своем труде “О земледелии” (1788 г.): “А казачи семейные низменные в степи лощины, прокопавши из Терека ров, водою затопляют. После ров запружают и, как вода от летних жаров высохнет в лощине, тогда ее пашут и пшеницу сеют, которая в таких местах родится чрезвычайно”¹⁹¹. Думается, что этот опыт борьбы с засолением весьма интересен и для наших современников.

История агрикультуры юга России XVIII в. имеет еще более оригинальный опыт орошаемого земледелия. Правда, масштабы его применения сравнительно невелики, специфичны и условия, но с точки зрения выживания населения и истории культуры земледелия он, несомненно, имеет выдающийся интерес.

Астраханские “ильмена”

Речь идет о земледелии в пойме Волги возле Астрахани. Здесь разлив по луговой стороне захватывал площадь до 30 км ширины. Вода стояла долго (с начала мая до первого июня) и убывала к 10 июля¹⁹². “Местоположение” же, как говорили в XVIII в., близ города и далее к Каспию “состоит из бугров, лежащих длиною от запада к востоку, между собою параллельных”¹⁹³. Между ними были длинные озера, “ильменями” называемые. “По ильменям в камышах грунт иловатый, тонкой и вязкой”. Иначе говоря, переполнены они плодороднейшим речным илом, поскольку “ильмени” протоками соединялись с Волгой и в разлив заполнялись полоёй водой, приносившей ил.

Эту-то землю (а в окрестностях Астрахани было отведено дворянам земель, заселенных крестьянами, 7651 десятина)¹⁹⁴ использовали для орошаемого земледелия. “...Татары, также и частью поселенные вновь дворянами на покупных ...землях крестьяне, находя между бугров способные ильмена, обсушивают земляными валами и пообсушив на оных пашут и сеют просо и по малой части горох, пшеницу, рожь, овес, семя альяное и конопляное, ячмень, гречу, пшеницу турецкую (которая растет шишками), пшеницу бухарскую (коя бывает кистями)”¹⁹⁵, а также огородные культуры.

Валы или плотины достигают высотой до метра и выше. С их помощью “запирают находящуюся в ильменах прибылую как от морских ветров, так и заливающуюся чрез берега рек полуую воду”¹⁹⁶. В течение лета вода испаряется. “Потом, на другое лето уже пашут на волах сохами, а после боронят и

¹⁹¹ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 130.

¹⁹² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 5 об.

¹⁹³ Там же. — Л. 2.

¹⁹⁴ Там же. — Л. 44.

¹⁹⁵ Там же. — Л. 21.

¹⁹⁶ Там же. — Л. 41 об.

разделяют всю вспаханную землю грядами, а между оных каналами, коими для полива сквозь сделанные валы пропускают по всей пашне... сколько потребно воду". Сеют два года подряд, а на третье лето вновь устраивается своеобразный "пар", отдых земле: "на те пашни для удабривания земли напускают воду, которая тем же летом высыхает"¹⁹⁷.

Таким образом сформировался оригинальный трехпольный севооборот (влияние парового трехполья здесь несомненно!). Вместо парового поля — пашня здесь затапливается водой, несущей плодороднейший ил, высохшая земля отдыхает, а два года идет севооборот орошаемого земледелия. Конечно, устройство каналов — операция очень трудоемкая. Однако урожайность в итоге очень неплохая: просо — сам-10, горох — сам-4, греча — сам-4, ячмень — сам-3, рожь — сам-2, овес — сам-3. Обычная яровая пшеница давала ничтожную прибыль, но привозные сорта пшеницы давали изумительный урожай: турецкая пшеница (та, что растет "шишками") — сам-17 (т. е. около 20 центнеров с десятины), а бухарская пшеница давала буквально баснословный урожай в сам-150 ("пшеницы бухарской во 150 раз")¹⁹⁸. Причем это точные сведения источника, автор которого в другом месте текста вновь повторяет: "Урожай... пшеницы турецкой в 17 раз, пшеницы ж бухарской во 150 раз, кунжуту в 15, перцу стручковому в 70 раз"¹⁹⁹. Следовательно, урожай бухарской пшеницы — 192 центнера с десятины (с гектара чуть меньше) при ориентире на норму высева в 8 четвериков на десятину. Конечно, реальнее предположить, что высев был очень редким, скажем, в 4 четверика. Но и при этом условии урожай будет св. 90 центнеров с десятины. Трудно поверить в столь невероятную практику!! Причем сколь разителен контраст между урожайностью обычных полевых культур и специализированным сортом!

Этот опыт невиданной интенсификации и продуктивности в астраханских "ильменах" был возможен лишь на очень небольших площадях. Привозные сорта пшениц занимали очень небольшую площадь среди множества других культур. Да и в целом масштабы этого уникального по агроприемам земледелия были, видимо, невелики.

Топографическое описание Астраханской губ. написано было в 1785 г. человеком, несомненно обладавшим незаурядными познаниями в земледельческой практике и проявившим пылкий интерес к опыту и астраханских, и моздокских, и кизлярских земледельцев. Оно заслуживает доверия. Но вот спустя два десятка лет в другом, правда очень кратком, Топографическом описании Астраханской губ. Лохтина, опубликованном в 1806 г., практике земледелия на астраханских "ильменах" уделено очень мало внимания (как и другим вышеуказанным районам), и там о ней сказано буквально следую-

¹⁹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 42.

¹⁹⁸ Там же. — Л. 21 об.

¹⁹⁹ Там же. — Л. 41 об.

щее: “А татары, высушивая речные заливы, по здешнему ильмени, сеют на оных арбузы, дыни, капусту и разные поваренные растения”²⁰⁰.

Вывод из этой ситуации неоднозначен. Либо автор дал чисто поверхностное описание, где исчезли не только полевые культуры, но даже русские крестьяне, занимающиеся здесь земледелием. Либо это итог общих изменений в сельском хозяйстве Юга России, произошедших за названные 20 лет. А эти изменения были очень большими. Хлебопашество Юга России (Нижнего Поволжья, Дона, Северного Кавказа и др.) сделало резкий скачок, намного увеличив массивы земель под зерновыми культурами. Товарный хлеб пошел не только в черноморские порты (прежде всего в Таганрог, Одессу и др.), но и в Среднюю Азию, не говоря об Астрахани. В этих условиях “ильменное” хлебопашество могло стать невыгодным и ... исчезло. Уже в 80-х годах XVIII в. наблюдатель отмечал отсутствие в Красном Яру земледелия. При этом отмечалось, что “раньше пахали по ильменям (осушенным), сеяли овес и пшено. Плугом и сохой и боронили на лошадях и волах по одному и по 2 раза”, а ныне ничего нет²⁰¹. Разумеется, это всего лишь предположения и вопрос следует изучить дополнительно.

Ломка трехполья

Возвращаясь к проблемам “модернизации” трехполья, следует отметить и иную возможность вырваться из жестких рамок парового трехполья. Эта возможность предоставлялась в том случае, если ту или иную культуру можно было *выключить* из севооборота. Народная агропрактика издавна выделила такую культуру. Это была конопля, способная при соответствующих условиях расти на одном и том же поле многие годы подряд. Это свойство конопли особенно было использовано во второй половине XVIII в., когда получила бурное развитие парусно-полотняная промышленность. В районах, где были наиболее благоприятные условия для конопли (главным образом, северо-запад Курской, северная полоса Орловской, почти вся Калужская губерния и др.), поля, ближайшие к селениям, а иногда и часть усадебной земли, отводились под конопляники. Регулярные высокие урожаи эта культура давала лишь на обильно удобренных землях. На десятину конопли вносилось в два раза больше, чем можно было внести под рожь, — до 3 тыс. пудов навоза и более²⁰². Ни одна культура (включая рожь и пшеницу) не выдерживала такой огромной дозы удобрений. Десятина удобренного конопляника стоила вчетверо более десятины навозной полевой пашни²⁰³. При всем этом возможности конопли были уникальны.

²⁰⁰ Лохтин. Краткое топографическое описание Астраханской губернии // Технологический журнал. — СПб, 1806. — Т. III. — Ч. 4. — С. 35.

²⁰¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 60.

²⁰² В дворцовом селе Бобрики в 60-х гг. вносилось по 800 возов на десятину конопляника. См.: Журнал землевладельцев. — 1859. — № 23. — С. 303.

²⁰³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19002. Л. 6.

Наконец, был еще один путь избежать узких рамок трехполья — это полный отказ от него. Однако в XVIII в. это случалось крайне редко, т. е. для этого необходимы были особо неблагоприятные или, наоборот, благоприятные условия. И все-таки в указанный период это случалось. На далеком севере, в Архангельской губ., трехпольного севооборота по существу не было. Правда, железное давление традиции сохраняло его чисто внешнюю сторону. Под Архангельском рожь была малоэффективной культурой прежде всего потому, что вегетация ее сильно затягивалась: спела она лишь через 12 месяцев после сева, а часто и через 13 месяцев. Урожай ржи “в лучшем году не более сам-4”²⁰⁴. Зато ячмень поспевал за 2,5—3 месяца, а урожай давал сам-8 и даже сам-10. Он и был основной культурой трехполья: два года подряд сеяли ячмень, а потом год поле было под паром (“хлеб обыкновенно более один ячмень. Сеют некоторые крестьяне также и рожь, однако очень мало”)²⁰⁵. Таким образом, три поля здесь чистая формальность. Производство лишь одной культуры требовало удобрений. Наличие обильного количества сенокосов и лугов давало возможность иметь достаточно скота и, следовательно, навозного удобрения²⁰⁶. А на Мезени после парения ячмень сеяли подряд не два, а три и даже четыре года²⁰⁷. Таким образом, по существу трехполья здесь и не было.

В селениях, расположенных в непосредственной близости к крупным промышленным центрам, в первую очередь к Москве, наблюдался также отказ от трехполья, но суть процесса была уже иная. “Поселяне, и особливо живущие по близости Москвы, упражняются в сажании огородных овощей... так что во многих селениях почти все поля обращены в огороды”²⁰⁸. Во второй половине XVIII в. сосредоточение городов Боровска и Вереи на производстве лука и чеснока захватило и пригородные селения. Наконец, огородническая профессиональная ориентация Ростова, Петровска и специфические условия вокруг озера Неро способствовали появлению в конце XVIII — начале XIX в. поселений, специализирующихся на огородных культурах. Разумеется, таких районов, где отказ от полевого земледелия был бы более или менее значительным, в ту эпоху было очень мало и их роль была ничтожна. Можно указать еще один пример отказа от трехпольного севооборота. Это район вокруг г. Мологи, где сильные разливы Волги и ее притоков привели к ориентации селений лишь на яровые культуры (“в некоторых из сих селений сеют яровую только рожь, а в других — один только яровой хлеб”)²⁰⁹. Наконец, встречались и случаи отклонения от парового

²⁰⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 497. Лл. 56, 23—24.

²⁰⁵ Там же. — Л. 23.

²⁰⁶ Там же. — Л. 57.

²⁰⁷ Там же. — Л. 106.

²⁰⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 85.

²⁰⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19176. Л. 59.

трехполья с тенденцией к многополью. Мы имеем в виду применение в некоторых районах чего-то вроде занятого пара — посев в паровом поле репы. Это давало возможность вносить под репу гораздо больше удобрений, чем под озимые хлеба. В Дмитровском у. Московской губ., — писал современник, — “есть отменный и преполезный способ земледелия... в паровое поле сеять репу, под которую кладут навозу более, нежели под рожь... Потом на репищах на другой год яровую пшеницу и ячмень. И на сих местах хлеб родится гораздо лучше”²¹⁰. В Переяславль-Залесской провинции загонки под репу пахали в июне, потом две недели парили, потом вносили в почву навоз, пахали второй раз, сеяли репу (семена, смешанные с песком) и бороили²¹¹. В Гжельской, Гмелинской, Гвоздинской и других волостях Бронницкого у. Московской губ. в помещичьих селениях систематически сеяли репу “на полях и задворках”, т. е. дальних полях, “а после того на репищах сеют овес и лен”²¹². В Калужской провинции в 60-х гг. XVIII в. “репу сеяли по большей части в полях между хлебом”²¹³. Иначе говоря, это было тоже нечто вроде занятого пара. Регулярно сеяли репу и в Оренбургском Заволжье (срок сева очень поздний — около 8 июля)²¹⁴. В Тверской губ. репа была на лядях²¹⁵. И на севере Тамбовщины, в Елатомском у., где основная почва песчаная и глинистая, репа “по большей частию сеется на местах, вычищенных из лесу”²¹⁶. Причем поскольку росчисти в первый год не засеивались, то репище также играло здесь роль занятого пара. Например, в Бежецком у. в первый год сеялась репа, на второй — ячмень, на третий — озимая рожь и т. д.²¹⁷. Практика занятого пара проникла даже на далекий север. В Архангельском у. широко практиковался сев ржи и редьки на полях. Правда, в суровых условиях здешнего климата эти культуры помещали не везде, а лишь около лесов и “на песках, закрытых илом”²¹⁸. В Олонецкой губ. ввиду дефицита на овощи (“огурцы почитаются в сей стране некоторою редкостью”, а редька и бобы родятся “в малом количестве”) широко практиковался посев репы: “урожай репы во всей губернии обилен. Из нее готовят не только кушанье, но и квас, который служит вместо обыкновенного питья жителям сего края”²¹⁹.

²¹⁰ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 212.

²¹¹ Ответы по Переяславской провинции. — С. 91.

²¹² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 212.

²¹³ Ответы по Калужской провинции на заданные экономические вопросы // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 100.

²¹⁴ Рычков П. Письма о земледелии. Ч. II. — С. 518—519.

²¹⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 172.

²¹⁶ Архив ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 26 об.

²¹⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 66.

²¹⁸ Архив ФИРИ РАН. Ф. 36 Оп. 1. № 497. Л. 56.

²¹⁹ Там же. — № 518. Л. 36.

Таковы в общих чертах довольно разнообразные агрикультурные и агротехнические явления, влекущие за собой постепенное разрушение системы парового земледелия с трехпольным севооборотом. Эти процессы были характернейшим явлением русской земледельческой культуры именно XVIII столетия, особенно его второй половины. В них отразился переломный характер эпохи, когда различные модификации индивидуального опыта, обретая социальную опору в общностях разного масштаба и уровня, выступали в форме так называемых местных особенностей. Однако их социально-экономическая суть как проявлений аграрной культуры была связана не со старым традиционализмом, а с новыми факторами развития товарного производства.

Вместе с тем этот процесс был сложнейшим по разнообразию природы составляющих его компонентов. Здесь новое наслаивается на старое и, наоборот, старое, традиционное служит новому.

Очерк второй

КАК ПАХАЛ, ЧЕМ ОБРАБАТЫВАЛ ЗЕМЛЮ РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Важнейшим элементом традиционной практики земледелия были почво-обрабатывающие орудия.

В условиях изобилия основного строительного материала Восточноевропейской равнины — дерева, — основные сельскохозяйственные земледельческие орудия, исключая работающие режущие части, были сделаны из него.

Великорусская соха

Основным земледельческим орудием была в XVIII столетии, как и ранее, соха. Она имела традиционную, проверенную веками форму. Правда, в XVIII в. подавляющее большинство сох имело перекидную (“переметную”) полицу для более экономного маневрирования в конце загоны у межи. Перекинув отвал полицы с правого положения на левое, крестьянин, развернув соху на 180°, мог начать работу, не теряя время на заезды и непосредственно прокладывая следующую борозду рядом с только что сделанной. Общий вид великорусской сохи 50—60-х гг. XVIII в. зафиксирован в рисунке А.Т. Болотова (см. рис. 1)¹, а описание ее устройства в 1758 г. дал П. Рычков: “Состоит она, во-первых, из розсохи, для которой приискивают удобное дерево и выделяют из ней две развилины, на коих два сошника насаживаются. На оглобли вырывают от корени крючья из осинового ж дерева, а в них вдальбляется неширокая доска, в кою вкладывается вышеозначенная розсоха верхним концом и утверждается в оглобленные крючья палкою, что называется валеком. От сего валька вперед, расстоянием на аршин вдальбляется (между оглоблями, — Л. М.) палка длиною в аршин же, и называется поперешиком. А к нему привязывают розсоху веревкою, кою именуют подвой, и утверждают по обе стороны (т. е. натягивают, —

¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 129. Табл. IV.

Л. М.) короткими палками, кои называют кляпы (кляп протыкает одну из веревок и вращением вокруг нее натягивает ее и вместе с тем сокращает в длине; крепится кляп за другую половину веревки, — Л. М.). В подвой вкладывают брусок длиной вершков в пять и называется он кобылкой, на которую кладется железная “палица”, коя во время пашни прикладывается к обоим сошникам (т. е. попеременно, — Л. М.) и валит вспаханную сошником землю на одну сторону; чего ради и перекадывают ее на обе стороны. Лошадь в соху запрягают без дуги, но задевают гужами в оглобленные концы и кладут на нее (т. е. лошадь, — Л. М.) седелку с поперешником². Вращая кляпы вокруг подвоя и закрепляя их, земледелец поднимает или опускает нижнюю часть рассохи и меняет тем самым угол наклона сошников. Таким образом легко менялась глубина вспашки, что было особенно важным в нечерноземных районах, где часто толщина почвенного пласта земли резко менялась даже в пределах одного участка пашни. При излишнем углублении сошников в почву пахарь простым нажимом на рукоятки вниз выводил сошники на более мелкую пахоту. Конечно, резкий нажим вниз увеличивал трение орудия о почву и добавлял нагрузку лошади, но зато этот маневр был возможен на ходу, без остановки³. Сошники могли быть без перьев и с перьями, представляющими зародыш лемеха. Перья увеличивали ширину пласта поднимаемой земли. Поскольку у сохи не было опорной “пяты”, то крестьянин мог пахать сохой с наклоном вправо, когда пласт земли необходимо было круче отвалить в сторону. Крутизна положения железной “палицы” (иногда она была и деревянная) способствовала не только отвалу почвы в сторону, но и интенсивности рыхления почвы, что было принципиально важным, т. к. могло освобождать иногда даже от необходимости вторичной вспашки и боронования сравнительно мягких грунтов. Сошники проделывали углубленную борозду, которая хотя при следующей загонке заваливалась почвой, но тем не менее служила своеобразным дрена-

² Рычков П. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Ч. I. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. — 1758. — Май. — С. 420. Примерно тот же вариант сохи описан для Тверской губернии В. Приклонским: “Соха имеет две кривые деревянные ножки, на которые насаживаются острые наподобие треугольника железные сошники; поверх оных прикрепляется железная с деревянною рукояткою палица, которая во время пахания перекадывается с одного сошника на другой. Она же палица за рукоятку двумя веревками, подвой называемыми, притягивается сверху к оглоблям у самой распорки или спицы, которая вделывается между оглоблями, и с низу к деревянным ножкам, между коими также бывает распорка или подмет в три вершка длиною. Вверху у ножек делается другая распорка или рогачь такой же длины, но с выпущенными на обе стороны концами, за которые пахарь держит соху... а чтобы оглобли не опускались, то приделывается вверх же у ножек, только изнутри палочка или исподник пониже несколько рогача, между коим и рогачем оглобли утверждаются, обвертываясь натуго веревкою. В оглобли впрягается лошадь гужами, которые продеваются в продолбленные на концах оных дырочки. Она (лошадь, — Л. М.) взвешивается и накладывается на нее через седельник с седелкою”. Весила такая соха около одного пуда (Приклонский Василий. Ответы на заданные от оного общества вопросы, касающиеся до земледелия и внутреннего деревенского хозяйства по Кашинскому уезду // Труды ВЗО. — 1774. — Ч. XXVI. — С. 28).

³ Комов И. О земледельных орудиях. — СПб., 1785. — С. 7—8.

жом. В условиях перенасыщения влагой полей во многих районах России это было очень ценным достоинством сохи. Пожалуй, наиболее важным качеством сохи была ее необыкновенная легкость. Ведь это давало возможность крестьянину работать даже на слабосильной лошади (особенно весной, когда у большинства крестьян лошади от бескормицы еле сами ходили, и иногда крестьянин даже оттягивал срок весенней пахоты, дабы лошадь окрепла на свежих всходах травы). При всей как кажущейся, так и действительной примитивности соха была поистине уникальным по своей простоте, дешевизне и универсальности пашенным орудием. В ней максимально воплотился критерий целесообразности.

Глубина пахоты

Разумеется, соха имела и недочеты. Известный русский агроном И. Комов писал, в частности, что соха “тем недостаточна, что излишне шатка и чрезмерно короткие рукоятки имеет, отчего владеть ею столь удручительно, что трудно сказать, лошади ли, которая ее тянет, или человеку, который правит, ходить с нею труднее”⁴. Однако эти неудобства были вполне преодолимы, так же как преодолимы были и функциональные недостатки сохи. “Я знаю, — писал Лепехин, — что соха многим не нравится затем, что не глубокия выворачивает глыбы, почему земля с наземом (навозом, — Л. М.) надлежащим образом смешаться не может и корниья посторонней травы, будучи в целости, усиливаются и заглушают посеянной хлеб”⁵. Мелкая вспашка сохой (от 0,5 до 1 вершка) компенсировалась “двоением”, а иногда и “троением”, т. е. двукратной и трехкратной вспашкой, иногда вспашкой сохи, идущей при двоении “след в след”, то есть тем традиционным приемом, которым делали на поле борозды⁶, второй раз соха идет по первой борозде, дополнительно углубляя ее⁷.

Такой прием не привлекал к себе внимания многочисленных во второй половине XVIII в. составителей различного рода хозяйственно-топографических описаний. Однако широкое бытование его явственно видно из некоторых наблюдений. Общая глубина вспашки чаще всего определялась толщиной плодородного слоя земли, т. е. собственно почвы. Древнейшая традиция запрещала выворачивать подпочвенный слой (глину, песок и т. п.). Эту традицию поддерживали и первые русские агрономы. Так, А.Т. Болотов, в частности, писал: “Всегда выгоднее пахать глубже, ежели слой земли не очень тонок, а когда тонок, пахут мелко, чтоб не выворотить негодной земли”⁸. В Вологодской провинции в 60-х годах XVIII в. “и самую унавоженную доб-

⁴ Комов И. Указ. соч. — С. 8.

⁵ Лепехин И.И. Дневные записки... — С. 67.

⁶ Деревенское зеркало. — Ч. I. — С. 40.

⁷ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 165.

⁸ Деревенское зеркало. — Ч. I. — 1798. — С. 39.

рую землю глубже 4-х вершков (18 см. — Л. М.) не пашут”⁹. Остальные почвы вспахивались на более мелкую глубину. В Тверской губ., где применялись лишь сохи, почти повсеместно пахали не глубже двух вершков (ок. 9 см) даже в тех случаях, когда пашню “троили”¹⁰. На глинистых грунтах Галицкой провинции даже косулями пахали на глубину не более 2-х вершков¹¹. В Рязанской губ. пашут вообще на глубину в 3 вершка и лишь при двоении глубина доходит до четверти аршина (около 18 см), но не более, ибо “по качеству здешней земли глубже того пахать не можно”¹². В Оренбургской губ. общая глубина вспашки доходила до 4 вершков и т. д.¹³

Разумеется, разные типы пахотных угодий были способны входить в землю на разную глубину. В Переяславль-Залесской провинции соха, как правило, врезалась в землю “в полвершка с небольшим”, косуля — в полтора, а плуг “землю прорезывает глубиною в 2 вершка и более”¹⁴. Так, вероятно, было в большинстве нечерноземных районов. В редких случаях глубина вспашки была большей. Так, во Владимирском ополье, где преобладали так называемые легкие почвы, пахали глубже. Даже соха проникала здесь, в конечном счете, на четверть аршина (18 см)¹⁵. В Переяславль-Рязанской провинции “во время пахания опускают соху в землю вершка на три”¹⁶. В Калужской провинции двулемешными сохами “в землю не более выпускают, как на 2 вершка, а в мягкой земле и на 3 вершка”¹⁷, но, видимо, двулемешные калужские сохи и рязанские сохи — это косули. Те и другие часто называли “сохами”. А в Олонецкой губ. обычные сохи называли “прямыми сохами” (в отличие от “косых”)¹⁸. П. Рычков объясняет часто встречающуюся неточность в определении в XVIII в. пахотных орудий (сохи путали с косулями): “Косуля во всем почти подобна сохе, только, что больше; имеет так же, как и соха, два сошника”¹⁹. И только далее выясняются ключевые различия: левый сошник либо стоит наподобие отреза, либо у него загнута

⁹ Олишев А. Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде с примечаниями // Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 106.

¹⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 5; Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 19.

¹¹ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 82.

¹² Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 56.

¹³ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 144—148.

¹⁴ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. VII. — С. 139.

¹⁵ Ответы, касающиеся до земледелия на экономические вопросы о уезде города Володимера // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 101.

¹⁶ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 56.

¹⁷ Ответы на экономические вопросы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 92.

¹⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 36.

¹⁹ Рычков П. Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях. Ч. I. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. — 1758. — Май. — С. 418.

вверх перо. Таким образом, собственно соха пахала мелко (см. рис. 2). По наблюдениям И.И. Лепехина, соха “не глубже как с небольшим на вершок (4,5 см. — Л. М.) прорезывает землю”²⁰. Для того чтобы достичь глубины в 2 или 3 вершка, нужна была многократная вспашка и вспашка “след в след”. Повторная вспашка, например, двоение, давала дополнительное заглубление в нетронутый слой почвы лишь на 30—40%.

Что касается борьбы с сорняками, то сам Лепехин был убежден, что при повторной вспашке “соха столько же... искоренять может, как и глубоко проникающее пахотное орудие”.

Соха была незаменима на песчано-каменистых почвах, т. к. пропускала меж сошников мелкие камешки. Достоинства сохи были проверены народной практикой и на лесных рощистях, т. к. она легко преодолевала корневища и т. п.

Простота конструкции, дешевизна сохи делали ее доступной даже бедному крестьянину. “Бедные и одинокие крестьяне великое от нее чувствуют облегчение”²¹, — писал тот же И. Лепехин. Там, где не было суглинка, тяжелых глинистых и иловатых почв, соха не знала конкуренции. На песчаных и супесчаных, серых с супесью почвах Новгородской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Московской, Рязанской, Нижегородской и ряда иных губерний соха вполне себя оправдывала. И. Лепехин писал: “Если мы рассмотрим песчаные места, какия по большей части от Москвы до Арзамаса примечаются, то перестанем винить соху”²². Залежь черноземного региона соха вряд ли одолевала, но выручало плодородие, выдерживавшее самое поверхностное рыхление почвы. На старопашанных почвах соха была выгоднее плуга. Недаром в черноземных районах соха проникала в XVIII в. и в Орловскую, и в Тамбовскую, и в Курскую, и в Воронежскую губернии²³. Соха останавливалась лишь перед этнической традицией. В Воронежской губ. “жители пахут землю большей частью сохою на лошадях, а редкие (и то более в селениях малороссийских и некоторых помещичьих, а особливо для распашки вновь земли или целины) — плугом на волах...”²⁴ В тех уездах, где черкас было больше, там больше практиковалась вспашка на волах²⁵. На Урале соха стала конкурентом сабана, который был несколько легче украинского плуга, но требовал тяги, как минимум, 4-х лошадей²⁶. Пожалуй, только в Екатеринбургском у. “некоторые пахут и плугом волами”, а “большей частью на лошадях сохами”. Во

²⁰ Лепехин И.И. Дневные записки... — С. 66.

²¹ Там же. — С. 67.

²² Там же.

²³ Лященко П.И. Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. // Исторические записки. — Т. 15. — С. 110, 111.

²⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 88 об., 107 об., 121 об., 158 об., 163, 176 об.

²⁵ Там же. Л. 127—127 об., 133 об., 140 об., 144 об., 158 об., 168.

²⁶ Мартынов М.Н. Земледелие на Урале во II половине XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. — Сборник VI. — М., 1965. — С. 103—104.

всех остальных уездах Пермской губ. пахали только сохами на лошадях²⁷. П. Рычков в 50-х гг. XVIII в. писал о преимущественном употреблении сохи среди русского населения Ставропольской, Уфимской и Исецкой провинций, где крестьяне достигали сохой пахоты на глубину до 4 вершков (вероятнее всего, также путем многократной перепашки)²⁸.

Нежинская соха

Распространялась соха и на украинских землях. В северной части Нежинского уезда академик Гильденштедт наблюдал в практике типичную российскую соху, имевшую даже более архаичные детали в своей конструкции, чем в собственно русских землях²⁹. Эта соха (см. рис. 3) состояла, как обычно, из 9 основных частей (2 круки, т. е. оглобли, потина или рассоха, валец с двумя рукоятками, 2 сошника, полица, тяжи или подвой и так называемая криулина, т. е. кривая палка, вставляемая в правый сошник и помогающая отваливать землю вправо от сохи). В отличие от сохи, описанной Рычковым, нежинская соха имела 2 поперешника между оглоблями (круками), подвой сохи был не из веревок, а из ивовых прутьев, т. е. более архаичный. Кроме того, рукоятка полицы крепилась непосредственно в подвое, а не посредством кобылки, как у российской сохи. Наконец, тяжи (подвой) здесь не регулировались по длине кляпами, а укрепляли потину (россоху) намертво на определенный режим работы (т. е. либо мелкую, либо глубокую вспашку), да и сама рассоха укреплялась у валька вставкой между первым поперешником и потиной простейшего клина, что, видимо, имеет также более архаичный характер конструкции. Очень интересна одна деталь: левый сошник называется здесь сошник-резец, а правый: сошник-лежень. В названии просматриваются особые функции каждого из сошников, функции, ставшие обособленными в таких орудиях, как плуг и косуля. Возможно, такая соха была в российских землях еще в XVII — начале XVIII в.³⁰

Соха на украинских землях во многом себя оправдала. Известно, в частности, что А.Ф. Шафонский, автор интереснейшего топографического описания Черниговской губернии, ратовал за внедрение сохи в земледелие этого края³¹.

Самым же примечательным явлением было то, что внедрение сохи сопровождалось и изменением ее конструкции в черниговских землях с целью приспособления ее под воловью упряжь. В итоге соха теряла пару оглобель, и вместо них появилась лишь одна крука в виде традиционного для украинского плуга стебла (см. рис. 4). Вместо валька появилась вертикально стоя-

²⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Л. 94 об.

²⁸ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. I. — С. 419.

²⁹ Технологический журнал. — Т. I. — Ч. II. — СПб., 1804. — С. 23—24. Таблица VI.

³⁰ Там же. — С. 23—25.

³¹ Черниговского наместничества топографическое описание... сочиненное Аф. Шафонским..., 1786. — Киев, 1851.

щая рукоятка. Потина (рассоха) крепилась непосредственно к стеблю, и крепление это усиливалось появлением дополнительной палки, соединяющей низ плотины и стебло. Стебло соединялось и крепилось с традиционным припрягом на двух одинаковых колесах, а сам припряг имел уже обычное для украинского большого плуга устройство для упряжи 4-х волов. Собственно рабочая часть этой видоизмененной сохи не менялась: по-прежнему на концах рассохи крепились два сошника, точно такие же, как у сохи. Вероятнее всего, такая соха была гораздо крупнее и пахала глубже, так как тянули ее 4 вола, что равносильно двум лошадям. Даже на тяжелых почвах соха все-таки применялась, хотя при второй и третьей перепашке. Таким образом, соха, со всеми ее недостатками, была оптимальным вариантом пашенного орудия, поскольку была орудием широкого агротехнического диапазона операций по обработке почвы, экономически доступным широким массам непосредственных производителей, и в целом отвечала производственным запросам и возможностям даже слабого крестьянского хозяйства.

Что такое косуля

XVIII век дал вместе с тем существенные сдвиги в развитии пахотных орудий в виде массового распространения косули. В XVIII веке на территории распространения русского населения произошло резкое расширение пашенных угодий за счет так называемых “посредственных” земель. Как правило, это были тяжелые глинистые и иловатые грунты. Увеличение лесных росчистей также повышало нужду в более мощном пахотном орудии, но сохранявшем бы тем не менее лучшие достоинства сохи. Косуля в Европейской России употреблялась там, где соха была бессильна перед твердостью грунта. Постепенно утверждается практика, когда сохой “пашут только старую пашню, а дербу, или новую пашню, дерут косулями, которая от сохи тем разнится, что глубже идет в землю и дерет вершка на полтора глубиной”³². Соха употребляется, как уже говорилось, и на тяжелых грунтах, но лишь при второй и третьей вспашке. В Костромском у. и некоторых других уездах Костромского края “на высоких местоположениях... поля... содержащие не столь глубокой верхний слой глинистой смешанной с песком земли”, то есть там, где почвенный слой достаточно тонкий, но грунт твердый и сохе не под силу, “во-первых, поднимают косулею, запрягаемую по одной, а где “туга земля”, — по 2 лошади”. Потом пашню боронят и второй раз пашут сохами. “И где более туга земля, тамо для ржи, пшеницы и ячменя забороня перепашивают в третий раз сохами и, высеяв зерна, заборонивают”³³. При второй и третьей вспашке сохи выступали в той же роли, как и сохи-черкуши. Так, М.А. Баранов в одном из владений Спасо-

³² Лепехин И.И. Дневные записки... — С. 66—67.

³³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 38.

Ефимьева монастыря (с. Светиково Владимирского у.) отметил подъем пара плугами, запряженными 2 лошадьми, а вторичную вспашку под посев озими — уже сохами. Вспашка весной яровых в этом селе производилась также плугами, но запряженными одной лошастью³⁴.

В Костромском у. на “вешнюю водою понимаемых местах”, то есть на заливных пашнях, там, где “верхний слой из илу и глины, смешанных с песком”, представляет особую трудность для вспашки, первый подъем пашни идет “небольшим на 2-х колесах плугом”, запряженным двумя лошадьми (“а где рыхлые земли — тамо и по одной лошади”). Затем идет бороньба, а “другой раз пашут сохами и, посея зерна, заборанивают...”³⁵ Сохи в Костромском крае не имели полиц, поскольку выполняли роль рыхлителя. Правда, в Кологривском и Ветлужском уездах “косуль и плуга не употребляют, но пашут сохами”³⁶.

Об устройстве косули можно судить по одному из ее изображений 60-х гг. XVIII в. (см. рис. 5)³⁷. Главное отличие косули от сохи состоит в ликвидации одного из сошников (левого) и устройстве вместо него отреза, который выдвинут несколько вперед. Стойка косули уже не раздвоена, т. е. не имеет вида росохи, а делается из плотного бруса. Правый сошник сделан теперь уже так, что в нем слиты воедино собственно сошник, отвал и лемех. Таким образом, косуля стала отвальным орудием. В переяславской косуле, как видно из рисунка, стойка косули была, видимо, “вдолблена” в валец, а нижняя половина ее крепилась к оглоблям, вероятно, не веревочным подвоем, а гнутыми жердями, концы которых опирались на два “поперешника”. В косулю обычно запрягалась одна лошадь, которая при пахоте ходила всегда бороздою, “чего ради правая оглобля делается у нее кривой, чтоб лошаде бороздой ходить было свободнее”³⁸. Российская косуля весила около 2 пудов³⁹. Вариации и модификации этой косули имели, как правило, местные названия, однако кардинально они друг от друга не отличались. Известна, например, “ярославская косуля”⁴⁰.

Краткое описание косули такого типа дал И. Комов, считавший, что этот вид косули характерен для Переяславль-Рязанской провинции. Он называет ее косулей “об одном лемеше с полицею, несколько круто поставленными для отвала земли”⁴¹. Несомненно, что у этой косули также был отрез и резец. Костромская косуля имела “сложение”, т. е. конструкцию, “подобно в запряжке сложению сохи, но вместо двух сошников имеет она отрез и

³⁴ Баранов М.А. Указ. соч. — С. 93—94.

³⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 38.

³⁶ Там же. — Л. 188—188 об., 202.

³⁷ Ответы по Переяславской провинции. — Вкладка к с. 92—93.

³⁸ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. I. — С. 419.

³⁹ Труды ВЗО. — СПб., 1792. — Ч. XVI (46). — С. 251—252.

⁴⁰ Труды ВЗО. — 1796. — Ч. II. — С. 258—259.

⁴¹ Комов И. О земледельных орудиях. — С. 9.

подле онаго лемех, к левой стороне круче в землю входящие, чем поднятой земли пласт переваливается на правую сторону”⁴². По данным М.А. Баранова, в середине XVIII в. косули с одним лемехом и отрезом были у крестьян Владимирской губ., в частности, во владениях Спасо-Ефимьева монастыря (село Мордош). По наблюдению этого автора, косули у крестьян появляются здесь примерно с 40-х гг. XVIII в. Правда, иногда отрез косули был железным, иногда имел железный наконечник и даже костяной⁴³. Косули в этом районе пахали очень глубоко: на четверть аршина с небольшим (ок. 20 см)⁴⁴. В Архангельской губ., где были глинистые почвы по холмам и черноземы по низинам, пахали на глубину 13—18 см. Орудия вспашки здесь называли “сохами”, но, скорее всего, это были косули (“сохи об одном железном сошнике с резцом на переди”)⁴⁵.

Отрез, или чертеж В сущности косуля объединила и улучшила функции двух древнейших орудий — сохи и отреза, или чертежа (резца). В XVIII в. в некоторых районах, например, в Псковской, Новгородской, Тверской губерниях, ещё сохранилась в чистом виде комбинация работы этих орудий. Это вызывалось прежде всего систематическим подъемом лесной нови. В новгородско-псковских районах резец (отрез) применялся и на дернистых пожнях. При посевах льна, как пишут очевидцы, пашни “взрезывали... особливим резцом, а сзади прорывая обыкновенною сохой”⁴⁶. В топографическом описании Тверской губ. по Калязинскому, Вышневолоцкому, Корчевскому и Зубцовскому уездам среди общеупотребительных земледельческих орудий фигурируют соха и отрез⁴⁷. Кроме того, отрезы, вероятно, были в практике в Бежецком и Краснохолмском уездах, Старицком и других. Отрезом делали первую обработку лесных рощистей. “Расчистка бывает следующим образом, — читаем мы в описании Калязинского уезда. — Срубают лес осе-нью и оставляют на год или на два на месте, дабы земля под сучьями подо-прела. После того крупный лес отбирают, отсекая сучья, и употребляют, куда годен, а сучья и мелкий лес сбирают в груды и жгут. Потом подымают сперва отрезом, а после сохами и несколько поборонив, сеют овес. Некоторые же тот год не сеют никакого хлеба, а переверотя землю, оставляют до будущего, дабы лучше корень и трава засохли и сгнили. Потом, перепавав 2 раза, сеют рожь или яровое”⁴⁸. Для Корчевского уезда отмечена деталь, ви-

⁴² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 38.

⁴³ Баранов М.А. Указ. соч. — С. 91.

⁴⁴ Ответы... на экономические вопросы о уезде города Володимера // Труды ВЭО. — СПб., 1765. — Ч. XII. — С. 101.

⁴⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 497. Л. 24—25.

⁴⁶ О посеве и приборе льна. — СПб., 1786.

⁴⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 48, 56, 94, 126.

⁴⁸ Там же. — С. 48.

димо, характерная для всех росчистей губернии: “В первый год хлеб родится не весьма хорошо по причине множества корней и больших глыб, подавляющих часть зерен”⁴⁹. Таким образом, принцип целесообразности, мотивированный во многом спецификой природно-климатических условий, и в частности широкой практикой ежегодных расчисток леса в подавляющем большинстве уездов (исключением, возможно, были Тверской и Кашинский уезды), сохранил своеобразную комбинацию почвообрабатывающих орудий, внешне выглядящую даже архаикой. Существование отреза как особого орудия, видимо, оправдывалось еще и потому, что последующая обработка выжженной лесной земли, часто изобилующей щебнем и мелкими камнями, могла быть сделана только сохой. Так, скорее всего, было во многих районах севера. Больше того, в XVIII в., в частности, в Вышневолоцком у. сохранилась соха без полицы (возможно, позднейшая соха-цапулька): “На вновь выжженных местах обрабатывают оную (землю, — Л. М.) обыкновенною ж сохою, но без полицы. Сие называется цапать”⁵⁰. О “коловых” (в отличие от перовых) сохах на работах такого же типа сообщает Лаксман⁵¹. Встречались в практике и односошныи и трехральных сохи⁵².

Сохи с брылой

Помимо однолемешной косули, т. е. косули в ее наиболее совершенной форме, в русской производственной практике XVIII в. преимущественно окраинных районов был распространен тип орудия, которое позднее, в XIX в., получило название “сохи с брылой”. Это, видимо, самая начальная стадия объединения функций сохи и отреза, получившая свое завершение в косуле. К этому классу относятся многие разновидности так называемых “сох-односторонок”. У “сохи с брылой” оба сошника были расположены, видимо, очень полого, но перо левого сошника загнуто вертикально вверх (собственно “брыла”), поэтому стало возможным отрезать слева пласт земли. Правый же сошник этого орудия мог подрезать пласт снизу. Правый лемех и, видимо, переметная полица отваливали взрезанный пласт земли.

Описание этого орудия в 1758 г. дал П. Рычков, который называет его косулей: “Косуля во всем почти подобна сохе, толико что больше. Имеет также, как и соха, два сошника. На правой стороне обыкновенно прямой, а на левой с пером или загнутой несколько кверху вместо отреза. Простым сошником землю пашет, а другим отрезает и валит все пластинами на правую сторону, токмо тоне (т. е. тоньше, — Л. М.) сабанного” (пласта, —

⁴⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. С. 56.

⁵⁰ Там же. — С. 94. Можно предполагать здесь тупые ральники.

⁵¹ Труды ВЗО. — 1769. — Ч. IX.

⁵² Плещеев. Übersicht des Russischen Reichs nach seiner gegenwärtigen neu eingerichteten Verfassung. (Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии). — Т. 1. — С. 52. — Moskau: Rudiger, 1787.

Л. М.)⁵³. И.А. Гильденштедт, как мы уже видели, описал этот тип орудия в дневниках путешествий по Украине в 1768 г., назвав его “нежинской сохой”. Можно уверенно говорить, что именно “соха с брылой” под названием “двулемешной косули” также была описана И. Комовым. Разумеется, как и все ученые-агрономы XVIII в., Комов дал весьма критическое описание этого орудия. “Что же касается до косули о двух лемешках, какия у нас в некоторых областях употребляются, она есть и для людей и для лошадей трудное и для глинистой земли вредное орудие, потому что землю в широкие глыбы режет и оныя не скоро отваливает, но загребает с собою для того (т. е. из-за того, — Л. М.), что полица не довольно назад отогнута, но торчит из засосников почти прямоугольно”⁵⁴. Двулемешное орудие могло отрезать широкую глыбу и в конечном счете отваливать только при условии функционирования резца или отреза. Но поскольку Комов все-таки толкует о левом сошнике-лемехе, то скорее всего именно этот сошник-лемех был загнут вверх или повернут вертикально и отрезал “широкую глыбу”⁵⁵. Разумеется, двулемешная косуля хотя уже и отрезала сбоку и снизу пласт земли, но сохранила еще рыхлящую функцию сохи. Такие сохи-косули были все-таки удобными в работе, обладали сравнительной легкостью и маневренностью. Различные модификации такого типа примитивных косуль в XVIII в. распространялись в заметных масштабах там, где еще не было собственно косуль (Оренбург, Пермская, Уфимская, возможно, Вятская губ.).

Распространение усовершенствованных косуль в XVIII в. было внушительным прогрессом прежде всего в качестве обработки почвы. Это орудие было способно поднимать новину, пахать тяжелые почвы на двойной конной тяге в Ярославской и Владимирской губ., отваливать пласты вдвое шире, чем захват сохи. Косуля на тяжелых глинистых почвах проникала в глубину до 1, 5 вершков и более, радикальнее боролась с сорняками. Вместе с тем ею пахали в большинстве случаев одной лошадей, она была приспособлена к быстрому маневрированию глубины вспашки и не выворачивала подслой плодородной почвы.

Русский плуг

В русском земледелии в XVIII в. заметная и важная роль принадлежала и собственно плугу.

В этот период сельскохозяйственная практика вовлекла огромное количество новых земель, бывших далеко не идеальными по своим механическим качествам. Таким образом, общий фонд тяжелых или “отягчительных” почв сильно увеличился. Там, где с крепким глинистым, иловатым или “серым суглинком” грунтом не справлялась косуля на двойной

⁵³ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. I. — С. 418.

⁵⁴ Комов И. О земледельных орудиях. — С. 9. Не исключено, что под этим описанием разумелись как “соха с брылой”, так и соха-односторонка.

⁵⁵ Там же.

конной тяге, широко применялся колесный плуг⁵⁶. Общее представление о таком типе орудия дает гравюра с изображением плуга, применявшегося в 60-х гг. XVIII в. в пределах Переяславль-Залесской провинции (см. рис. 5)⁵⁷. У плуга нет розсохи, вместо нее массивная стойка, “вдолбленная” в массивную горизонтальную балку-тесину, передняя часть которой лежит на оси двухколесного передка. Стойка крепилась в балке системой клиньев и особой рамой, охватывающей балку со всех сторон. Снизу на стойку насаживался лемех-отвал, заканчивающийся внизу режущей сошниковой частью. Впереди лемеха-отвала крепился отрез в виде саблевидного широкого ножа, насаженного на деревянную основу-стойку, “вдолбленную” в балку-тесину. От колесного передка плуга по направлению к лошади шло деревянное звено, видимо, шарнирно (курком или двумя курками) соединявшееся с передком плуга. На нем крепились постромки от упряжи. На переяславском плуге не видно полицы, тут работал лемех-отвал, опрокидывавший пласт земли навзничь. Но на иных типах плугов еще, видимо, могла быть и полица. Так, в частности, И. Комов писал о принципе работы плуга следующее: “Резец глыбы отрезывает, сошник — взрезывает (т. е. подрезает снизу, — Л. М.), а полицы их отворачивает и навзничь оборачивает”⁵⁸. Этому способствует более отлогое положение полицы, закрепленной постоянно на правый вывал земли. Такой плуг по типу был, конечно, более примитивен и близок к косуле. Тот же И. Комов указал и на недочеты российского колесного плуга. Отмечал, что плуг “для лошади несколько легче, что, когда в землю излишне углубиться, то пахарь рукоятки вверх приподнимает, а не вниз давит, как у безколесного, отчего меньше трения бывает, но на глинистой пашне (а там плуг и применялся, — Л. М.) колесо и сошник прыгают: от сего бока у бороzd будут с выемками, а дно — яминами, в коих вода будет застаиваться, что для глинистой земли очень вредно”⁵⁹.

Делался плуг из дуба и был дорогим пашенным орудием. Наряду с сохой и косулей плуг широко применялся в крестьянском хозяйстве во Владимирском, Переяславль-Залесском, Александровском у. Владимирской губ., Петровском, Ростовском, Угличском, Мышкинском у. Ярославской губ., Краснохолмском и Бежецком у. Тверской губ. и других⁶⁰. Плуг был распространенным орудием в Курской губернии (главным образом для распашки новых земель)⁶¹. Достоинством его, как и косули, была лучшая возможность избавляться от “травных корней”. Применение плуга резко улучшало

⁵⁶ Ответы по Переяславской провинции. — С. 139.

⁵⁷ Там же. — Вкладка к с. 92—93.

⁵⁸ Комов И. О земледельных орудиях. — С. 6.

⁵⁹ Там же. — С. 7—8.

⁶⁰ Топографическое описание Владимирской губ., составленное в 1781 г. — Владимир, 1906. — Сс. 19, 37, 71; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19176. Лл. 25, 81—81 об., 18 об. № 19178. Лл. 27, 64, 73; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 74.

⁶¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800. Ч. I. Л. 12.

плодородие земли и за счет глубины вспашки, и за счет радикального уничтожения сорняков: “Где пашется плугом на твердой черноватой земле, то и урожай бывает отменной и противу прочаго хлеба лучше”⁶². Во Владимирском уезде плуг пахал в конечном счете на очень большую глубину — около пол-аршина (36 см)⁶³. Однако дороговизна орудия, необходимость как минимум 2-х лошадей позволяла использовать его далеко не в каждом крестьянском хозяйстве⁶⁴.

В районах Северо-Запада, в частности, южной части Олонецкого уезда и долины р. Свирь в 60-х гг. XVIII в. встречался так называемый “малый плуг”, сходный с финским типом. “У него долгие, узкие, несколько наперед загнутые и вместе сходящиеся сошники с тупыми сторонами: ибо они сделаны не столько для разрезывания дерна, как для выворачивания малых камней и для взорания рухлой пашни или перезженного поля. Отвороты или присохи подобны небольшой лопатке и столь широки, что могут охватить один сошник для отворачивания земли на ту или на другую сторону”⁶⁵. На тучной земле такой “плуг” мог в конечном счете углубиться на пол-аршина (36 см), но “по большей части только на 6 вершков” (27 см)⁶⁶. В одном из самых плодородных уездов Пензенской губ. — Чембарском “пашут старую землю сохами на лошадях, а дикую и новую залиж — плугами”, причем пашут новину трижды, а боронят лишь один раз⁶⁷. Какой тип плуга здесь применялся, не вполне ясно, хотя, скорее всего, он напоминал сабан, так как татары и другие народы Поволжья применяли этот плуг.

Большой малороссийский плуг

На тучных черноземах в Воронежской губернии, Белгородской провинции и среди русского однодворческого населения севера Харьковщины и Слободской Украины был широко распространен тяжелый малороссийский плуг с одним отрезом⁶⁸ (см. рис. 6). В Бирючском, Валуйском, Калитвенском, Беловодском, Купянском уездах Воронежской губ. преобладала обработка земли малороссийским плугом⁶⁹. А в Ливенском, Острогожском и Богучарском уездах соотношение применения малороссийского плуга и сохи было примерно равным⁷⁰. Такой плуг запрягался в 3—4 пары волов

⁶² Ответы по Переяславской провинции. — С. 97.

⁶³ Ответы... на экономические вопросы о уезде города Владимира // Труды ВЭО. — СПб., 1769. — Ч. XII. — С. 101.

⁶⁴ В конце XVIII в. лошадь в зависимости от возраста и качества стоила 12—20 и даже 30 руб., телега — 6 руб., а соха — 2 руб. (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19002. Л. 9.)

⁶⁵ Ответы... касающиеся... южной части Олонца. — С. 16.

⁶⁶ Там же. — С. 17.

⁶⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 46 об.

⁶⁸ Ответы по Острогожской провинции. — С. 142; Гильденштедт И.А. Путешествие академика Гильденштедта И.А. — Отд. отт. — Харьковский сборник за 1891 год. — С. 62.

⁶⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. III. Лл. 121—121 об., 140, 133 об., 144 об., 150—150 об.

⁷⁰ Там же. — Лл. 127 об., 168, 158 об.

и требовал трех работников, а пахота шла медленно. В Калитвенском и Беловодском уездах большинство населения “вместо сох употребляет более плуги, в которые впрягают от четырех до шести, восьми и до десяти волов⁷¹. Необходимо подчеркнуть, что взрытое большим плугом поле дополнительно поперек проходят “аралом” (ралом), которое может быть тройным (“тройчак”) или одинарным (см. рис. 7). У “тройчака” центральный сошник имел железный наральник, такой же наральник был и у одинарного рала. По мнению некоторых современников, один работник с одной сохой и 2 лошадами мог обработать столько же пашни, сколько 3 работника плугом с 8 волами⁷². Разница была в глубине вспашки. Однако у пахоты тяжелым плугом был недостаток: им пахали “не всю землю сплошь, но с некоторыми промежутками на четверть (ок. 18 см. — Л. М.) и более”⁷³. Соха же пахала землю сплошь. Глубина вспашки в районе Острогожника по целине была не более 3 вершков (13,5 см), на второй год — ок. 18 см, и только на третий год пахали глубже четверти аршина, т. е. до 6 вершков (27 см)⁷⁴. Тяжелый плуг был очень дорогим орудием. В 60-х гг. XVIII в. он стоил свыше 30 руб.⁷⁵, а к концу века — до 160 руб.⁷⁶ Имел его примерно лишь каждый десятый земледелец⁷⁷.

Рало

Наконец, орудием переходного типа, точнее заменявшего и плуг и борону, было так называемое рало. Рало применяли на тучных степных черноземах для поверхностной обработки уже однажды вспаханной земли. Ралом обрабатывали землю на второй, третий и т. д. годы после вспашки плугом. Так, в Калитвинском у. Воронежской губ. “вновь для перепашки под озимой хлеб еще употребляется орудие, “рало” называемое, которое делается наподобие бороны с одним рядом 5-ти или 6-ти больших деревянных зубов или клевцов, на которые накладываются железные зубья. Сие “рало” особливо на мягких землях иногда по нужде и по недостатку (т. е. по бедности, — Л. М.) служит и вместо большого плуга”⁷⁸. В придонских степях, где “для первого года вспахано было, так в последующие два года пашня большим, тяжелым, двумя быками запряженным, граблям подобным ралом, которое отягощают дерном, только взрывается и так для нового посева достаточно приготавливается”⁷⁹.

⁷¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. III. Л. 133 об., 144 об.

⁷² Ответы по Острогожской провинции. — С. 193.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. — С. 165.

⁷⁵ Там же. — С. 216.

⁷⁶ Хозяйственные известия за 1793 год // Труды ВЭО. — 1795. — С. 197.

⁷⁷ Ответы по Острогожской провинции. — С. 193.

⁷⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. III. Л. 133 об.

⁷⁹ Хозяйственные известия за 1794 год // Труды ВЭО. — 1796. — Ч. II. — С. 281.

Борона

Вторым важным типом почвообрабатывающего орудия была традиционная борона.

По словам П.-С. Палласа, борона, какую “во всей России употребляют”, устроена была следующим образом: “По паре жердочек связывают прутьями на-крест, вколачивают в прутьянные кольца у креста зубья. И позади каждого ряда оных привязана еще третья жердочка, чтобы зубья не кривлялись”⁸⁰ (см. рис. 5).

Борона имела по каждой стороне 5 зубьев (всего 25 зубьев). Впереди бороны приделывалась гнутая дуга (П. Рычков дает ее название — улук или передница)⁸¹. К дуге крепится кольцо, к нему — веревка, а к веревке — гнутые оглобли (см. рис. 1). В Тверской губ. кольцо на улук называют “попрыгушкой”, к нему крепят валеки, а к последнему — постромки⁸². А.Т. Болотов свидетельствует о том, что вся борона обрамляется так называемым лучком, “который как в раме держит борону”⁸³. Все эти элементы бороны были известны уже много столетий. Каширский вариант бороны имел важную особенность. Зубья бороны сильно торчали как вниз, острыми концами, так и вверх — тупыми. “Когда земля глубиста или коренья худых трав много, то боронится земля острыми концами”, “а когда заборанивать посеянной и запаханной хлеб или земля рухла, то опрокидывается борона и боронит толстыми концами”⁸⁴. В краях же, которые описал П. Рычков, этого нет. Там поверх бороны крепят 2 полоза (“полоска”), на которых борону возят в поле и из поля⁸⁵.

И. Комов подробно характеризует материал для изготовления бороны. Палки или жердочки назывались “хлудцами” (у П. Рычкова — хлупцами), делались они из ореха, прутьянные кольца из черемухи, а зубья были дубовыми⁸⁶. П. Рычков указывает длину “хлупцов”, т. е. жердочек, — 2 аршина и менее. По его наблюдениям, прутьянные кольца были также черемуховыми или из вязовых лык. А.Т. Болотов сообщает о дубовых кольцах. П. Рычков писал, что в краях с твердой землей зубья были иногда железными. Однако в XVIII в. это, видимо, было большой редкостью. Все экспериментаторы-агрономы XVIII в. отмечали главный порок бороны — ее легкость. Этот недостаток имел тяжелые последствия для крестьянского бюджета времени. По свидетельствам И. Комова и А.Т. Болотова, крестьяне для утя-

⁸⁰ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1805. — Ч. I. — С. 17. (Июнь 1768 г.).

⁸¹ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. I. — С. 421. В Тверской губ. — улук (Труды ВЭО. — Ч. XXVI. — С. 28).

⁸² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 29.

⁸³ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 129.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. I. — С. 421.

⁸⁶ Комов И. О земледельных орудиях. — С. 18—19.

желения бороны клали на нее “колесо или отрубок дерева”⁸⁷. С этой же целью бороны замачивали в воде. Правда, была и иная причина. По мнению И. Комова, эти бороны “хотя лучше еловых, но скоро рассыхаются так, что надобно их перед бороньбою замачивать. Однако, несмотря на то, оне в поле опять сохнут и зубья роняют, от чего большая остановка в бороньбе случается”⁸⁸. Легкость бороны зажиточные крестьяне и, вероятно, помещики компенсировали тем, что запрягали сразу 3—5 борон одна за другую, и в таком случае первая пускалась острыми, а последующие толстыми концами. Об этом сообщает А.Т. Болотов, подчеркивая, что это наиболее часто встречающаяся практика⁸⁹. Обычный крестьянин сделать так не мог, хотя для подобных работ крестьяне могли бы объединиться. Экономя силы и время, великолукский пахарь ухитрялся во время пахоты сохой сразу же и боронить, ведя вторую лошадь (если она была) за повод, привязанный к поясу. Конечно, это было возможным лишь на мягких землях. Довольно часто боронили в две бороны на двух лошадях, захватывая широкую полосу пашни. Почвы же более твердые требовали неоднократного боронования.

На Северо-Западе и Севере России были распространены бороны из ели как наиболее дешевого и прочного материала этого региона. Этот тип бороны связывался “из пластин молодых елей, у которых на нижней стороне торчат подрубленные сучья на пядень длиною”⁹⁰. И. Комов, называя эти бороны северными, дает им резкую характеристику: “Только семена, и то на песчаной земле, заскореживать годятся, а твердой пашны прорвать не могут”⁹¹. Но, видимо, И. Комов не все знал о крестьянском бороновании на русском Севере. В Олонецком крае к деревянным боронам, называемым “гачюками” (а по-карельски “астувами”) “для лутчаго умягчения пашен, а особливо состоящих из суглинка, привязывают к бороне сзади одинаковой с ней длины бревно, несколько зарубок имеющее, которое остающиеся глыбы земли острыми краями своими и тяжестью раздавливают и умягчают” землю. “Употребляют же сей способ большею частию в Олонецком уезде на пашнях жестких и на вновь рощищенных местах”⁹². В конечном счете многое из того, что должна была бы сделать борона, делала все та же универсальная соха с переметной полицей.

Во вновь осваиваемых районах, там, где не сложилось прочной земледельческой традиции, а плодородие земель было обильным, употреблялись и примитивные бороны-суковатки, которыми заделывали семена ржи и т. п.⁹³

⁸⁷ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 129; Комов И. О земледельных орудиях. — С. 19.

⁸⁸ Комов И. О земледельных орудиях. — С. 18—19.

⁸⁹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 129—133.

⁹⁰ Паллас П.-С. Указ. соч. — С. 5.

⁹¹ Комов И. О земледельных орудиях. — С. 18—19.

⁹² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 36.

⁹³ Примечания на лежащие около Саратова места в рассуждении сельского домостроительства // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 31.

В Полоцкой губ. вместо бороны употреблялся “смык”, сделанный из сосновых сучьев, а А.Т. Болотов мельком упоминает о легкой заделке семян пучками терновника⁹⁴ (см. рис. 7).

При послепосевной обработке поля иногда, особенно в помещичьих хозяйствах, применялись деревянные катки для уплотнения поверхностного слоя земли и прикрытия семян.

Таким образом, в XVIII столетии в русском земледелии господствовали частью древнейшие, традиционные типы орудий, частью же орудия сравнительно позднего если не происхождения, то, во всяком случае, массового распространения.

Главная же суть прогресса культуры русского земледелия состояла в гибкости применения этих орудий в функциональном их многообразии.

Что же лучше:

росчисть или навоз

Как уже говорилось, XVIII век характерен резким усилением внимания, особенно в Центре России, к интенсивности обработки почв.

В основе этого лежало несколько причин. Во-первых, это резкое повышение удельного веса земель посредственного и худого плодородия. Так, в Осташковском у. Тверской губ. преобладали земли, которым мало помогал даже навоз (“и самое унавоживание немного ее удабривает”)⁹⁵. Во-вторых, распашка лугов и сокращение так называемых “пашенных лесов”, т. е. лесов, пригодных для росчистей под пашню. Таких лесов совсем не осталось, например, в Переяславском уезде. В середине XVIII в. там уже были преимущественно одни “блюденные рощи”. В Тверской губ. к числу лесистых уездов этого времени относились Корчевский, Калязинский, Вышневолоцкий, Весьегонский и Осташковский уезды. Частично леса сохранились в Зубцовском, Краснохолмском и Бежецком уездах⁹⁶. Остальные уезды были почти безлесны. Причем в Осташковском у. земля хотя и расчищается под пашню, но, по свидетельству современников, общее количество пашни “не растет, так как через два хлеба (на росчисти, — Л. М.) запускают под лес”⁹⁷. В Тверском у. “за неимением лесов землю под пашню разчищают мало”⁹⁸. В Кашинском у. леса нет: он выведен “по причине частых селений и многолюдства”⁹⁹. Даже в изобильной лесами Ярославской губ. кое-где наблюдался острый недостаток лесных резервов для пашни. Так, в Романовском у. в конце XVIII в. лесов почти не осталось, да и пашни не хватало¹⁰⁰. В-треть-

⁹⁴ Труды ВЗО. — 1791. — Ч. XIV. — С. 75; Деревенское зеркало. — Ч. I. — С. 114—116.

⁹⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 106.

⁹⁶ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Топографическое и камеральное описание городам и уездам Тверской губ. Л. 16 об.

⁹⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 106.

⁹⁸ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 53.

⁹⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 5.

¹⁰⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 96. № 63507. Арх. 1035. Атлас Ярославской губ. с топографическим описанием. Л. 24.

их, острая нехватка традиционного и единственного удобрения — навоза, — в нечерноземных зонах. Судить о последнем дают возможность некоторые, довольно яркие иллюстрации. В Переяславль-Залесской провинции, когда-то, в XVII в. плодородном крае, в 60-е гг. XVIII в. большинство почв без навоза “произрастания никакого не произведет”¹⁰¹. В Калязинском у. Тверской губ. земля “без навоза родит плохо”¹⁰². В Костромской губ. навоза “по недовольному числу скота... не достает”, поэтому кладут его только под озимую рожь, лишь иногда “разве кто несколько под пшеницу и ячмень онаго положит”¹⁰³. Исключением были приволжские побережные районы Костромского и Кинешемского уездов, где были обильные заливные луга и количество скота было больше обычного. Между тем в губернии, особенно на Правобережье Волги, были земли, требующие особенно много навоза. Это глинистые или иловатые почвы, смешанные с песком и имеющие наклон в какую-либо сторону. Их в губернии называли “скатистыми”. Влага с них уходила, и гумус в них постоянно вымывался. Урожайными они были лишь при наличии двух условий: влажности и удобрений. Так, по Юрьевец-Повольскому у. автор топографического описания отметил, что грунты здесь “глинистые и отчасти иловатые, смешанные с песком, а потому скатистыя и сухия... требуют прилежного удобрения”¹⁰⁴. Но скота здесь мало, и “довольно удобрять не могут”. Отсюда и низкая урожайность: рожь, ячмень, пшеница, овес, горох и лен имели урожайность сам-2 и сам-3¹⁰⁵.

Та же картина в Нерехтском у. На “скатистых” и сухих полях урожай важнейших яровых культур этого края — овса и льна сам-2 и сам-3. И лишь рожь, пшеница, ячмень и горох имеют урожайность сам-3 и сам-4¹⁰⁶. Только в изобилующем лесами Кологривском у., где поля постоянно обновлялись за счет лесных рощистей (“из пространных лесов разчищаемые пашни приносят им изобильный урожай хлеба”)¹⁰⁷, основным условием обильного урожая была лишь влажность (урожай был “лучей, когда лето влажно, ибо скатистые поля и большею частию находящаяся тугая земля в сухое лето не производит хорошего урожая”)¹⁰⁸. Поскольку дожди здесь, видимо, были не редки, то урожай был, по-тамошнему, очень высок (рожь, ячмень и ярица сам-3 и сам-4, пшеница сам-4 и сам-5, овес и лен сам-2 и сам-3)¹⁰⁹. Такого плодородия было достаточно, чтобы уезд в удачливый год вывозил к пристаням на р. Сухоне более 30 тыс. четвертей главным образом ржи и пшеницы¹¹⁰.

¹⁰¹ Ответы по Переяславской провинции. — С. 83.

¹⁰² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 47.

¹⁰³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 39.

¹⁰⁴ Там же. — Л. 105 об.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. — Л. 59.

¹⁰⁷ Там же. — Л. 197.

¹⁰⁸ Там же. — Л. 188—188 об.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. — Л. 197.

“Охота” за навозом

В Каширском у. в 60-х гг., по свидетельству А.Т. Болотова, стала распространяться практика “откупать стойлы, то есть, чтоб стадо скотское, принадлежащее той деревне, в полдни, когда оное отдыхает, держать не при воде в вершинах (как обычно, — Л. М.), но в чьей-нибудь десятине”¹¹¹. На севере Тамбовского края в Елатомском у. при изобилии лесов “пашенной земли едва достаточно”¹¹², к тому же и плодородие ее было не лучшее. В итоге здесь “в разсуждении грунта земли пещаного и глинистого под озимой и под яровой хлеб пашут и боронят дважды и землю удобряют навозом”. И тем не менее и пшеница, и рожь, и овес, и просо, греча, горох, мак, ячмень: “все прозябения родятся столь плохо, что недостаточно и к продовольствию жителей”¹¹³. Удобряли землю и в северной части Шацкого уезда¹¹⁴. Нехватка навоза была повсеместной и в Ярославской, и во Владимирской, и в Нижегородской губерниях. В Тверском, Кашинском, Корчевском, Старицком, Зубцовском уездах Тверской губернии “навоз кладут под одну рожь”¹¹⁵, экономя даже на удобрении огородов (“огородные овощи родятся же посредственно за малым удобрением огородов по недостатку... навоза, употребляемого более на унавоживание полей”)¹¹⁶. В Ржевском у. навоз кроме ржи кладется еще под коноплю¹¹⁷, а в Краснохолмском и Весьегонском уездах “навоз кладут под рожь, а иногда под ячмень” (“в некоторых местах под ячмень”)¹¹⁸. В Калязинском у. навоз также кладут только под рожь, “а иногда под пшеницу-ледянку и ячмень”¹¹⁹. В Юрьев-Польском уезде крестьяне скупали навоз и везли его за несколько верст на поля. В 60-х годах XVIII в. в Рязанской провинции помещики, ведущие хозяйство особенно тщательно, удобряли землю навозом, а “недостатке иногда навоз для удобрения покупают”¹²⁰. На левом берегу Оки “в деревнях около Коломны... крестьяне прилежнее и искуснее всех почти в Московской губернии крестьян в земледелии, ибо навоз покупая в Коломне... везут верст за 6 и далее от города”¹²¹. Из Москвы также вывозили великое множество навоза¹²². В Вологодском районе, где, в отличие от боль-

¹¹¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 178.

¹¹² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 26.

¹¹³ Там же. — Л. 26 об.

¹¹⁴ Там же. — Л. 38—38 об.

¹¹⁵ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Лл. 52 об., 80; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 56, 140, 129.

¹¹⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 5.

¹¹⁷ Там же. — Л. 120.

¹¹⁸ Там же. — С. 74, 83.

¹¹⁹ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 102.

¹²⁰ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 56—57.

¹²¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 360.

¹²² Там же. — С. 84.

шинства регионов Нечерноземья, были изобильные пастбища и сенокосы, пашни интенсивнее удобрялись навозом в озимом поле, “почему и родится хлеб с избытком, так что за продовольствием своим отвозят излишний в город на продажу”¹²³. В районах, ближайших к Петербургу, в частности в так называемой Ингрии (Ингерманландии), на скудных землях путем обильного удобрения, главным образом помещичьих пашен, в конце XVIII в. в некоторых местах получали огромные урожаи. “Здесь в Ингрии, — пишет современник, — старательные домостроители доводят свои естественные тощие пашни до такого плодородия, что против посева в 15 раз умолоту получают, занимая притом и необширнейшее пространство земли, против протчих мест, где урожай только в 5 раз противу посева бывает”¹²⁴. Однако таких очагов развития интенсивного земледелия было еще очень мало.

В большинстве нечерноземных районов Центра России даже в господских хозяйствах уже в середине XVIII в. ощущалась нехватка навозного удобрения. Так, из 23 монастырских вотчин 10 уездов Центральной России в 60% случаев на поля вывозилась половинная норма удобрений (считая за норму 1500 пудов полупрелого навоза на дес.), а в четверти вотчин лишь 30% этой нормы¹²⁵. Положение с крестьянским хозяйством было гораздо хуже. А.Т. Болотов на основе огромного количества наблюдений за крестьянской жизнью в 1778 г. делает весьма грустное заключение: “Сами вы знаете, что унавоживаемые и удобренные пашни не навсегда остаются хорошими, но, с каждым годом худея, приходят опять в худое состояние, но... как бы то ни было, но... мы пашням своим через унавоживание и удобрение много помогаем”¹²⁶. Под “удобрением” здесь А.Т. Болотов подразумевал многократную обработку земли. Принципиально важны здесь и суждения и наблюдения Василия Приклонского, который писал, что у крестьян навоз “от неимения соломы и от малого числа скота ни сочен, ни доволен для унавоживания его пашни бывает. Сверх того в возке от небрежения много пропадает, а вывоженный на поле, лежа долго в кучах, от солнца весь сок теряет. Итак земля, хотя и почитается навозною, но едва ли не хуже иной ненавозной, хорошо обработанной земли дает”¹²⁷. Разумеется, в основе таких неурядиц сельского труженика лежит огромный дефицит рабочего времени, обусловленного краткостью временного цикла сельскохозяйственных работ в большинстве районов России. В свою очередь, этот дефицит времени усугублялся различного рода субъективными факторами. Однако краткость рабочего цикла земледельческих работ необычайно резко сокращала возмож-

¹²³ Собрание сочинений, избранных из месяцесловов. — СПб., 1791. — Ч. VII. — С. 97.

¹²⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19002. Л. 3.

¹²⁵ Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 год. — Кишинев, 1966. — С. 188—189.

¹²⁶ Сельский житель. — М., 1779. — Ч. I. — Лл. 4, 1, 3 об.

¹²⁷ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 37.

ность заготовки кормов для скота, что, в свою очередь, минимизировало его численность, а следовательно, сокращало возможность использования навоза как удобрения пашни. Нет навоза, но есть “двоение и троение”.

Отсюда и берет начало мучительно пробивающая себе дорогу тенденция к увеличению кратности пахоты и боронования. Жизненные наблюдения земледельца давно уже показали, что хлеб “выше, чаще, лучше и чище”¹²⁸ всходит вблизи меж, где из-за необходимости маневрировать сохой или ко-сулей земля часто вспахивается повторно (два и более раз) и особенно много боронится.

Двукратная вспашка (“двоение”), сравнительно древний прием обработки земли, органично связана с внесением на паровое поле навоза, который в июне запахивают в землю, боронят и оставляют париться, то есть преть, почву с навозом. Затем второй раз пашут и боронят уже под сев озимых.

Это традиция весьма древняя для большинства районов Центра России. Разница состояла лишь в сроках и способах заделки семян.

Двоение и троение Подмосковья

Начнем наш обзор с Московской губернии. Здесь в большинстве уездов сохранялся обычный однократной вспашки пара. В Клинском, Дмитровском, Звенигородском, Воскресенском, Коломенском и Серпуховском уездах¹²⁹ навоз на поле вывозят в июне, “а, как все вывезут, то разбивши и запахнут сохой... потом, заборонивши оную, оставляют лежать до посева”¹³⁰. То есть пашут и боронят по одному разу. Перед самым севом всюду, кроме Коломенского уезда, пар вспахивают “в другой раз” и, засеяв, тотчас боронят. В Коломенском же уезде, посеяв озимь, только потом пашут и боронят во второй раз.

Несколько иная ситуация была в Московском у. Здесь, как писал наблюдатель, “навозят землю под озимой хлеб в июне месяце и оную тогда ж вспахивают и боронят. Потом в августе в первых числах начинают сеять, что обыкновенно продолжается августа от 6 до 25 числа, а нередко и долее. Посеявши рожь, тот час вспахивают и еще боронят. Так же точно поступают и с озимую пшеницею. Но в некоторых местах для лучшего урожая землю двоят, то есть, положи навоз, дважды вспахивают и дважды боронят”¹³¹. В Рузском у. обработка пара точно такая же. Только навоз вывозят на поля здесь в июне, а запахивают и боронят — в июле (хотя возможно, что здесь в тексте описка). Аналогично поступают в ряде селений: при заделке

¹²⁸ Сельский житель. — М., 1779. — Ч. II. — С. 386—390.

¹²⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 228—229, 210—211, 189, 190, 153—154, 358—359, 315—317.

¹³⁰ Там же. — С. 154.

¹³¹ Там же. — С. 84.

навоза землю “двоят”, то есть пашут и боронят подряд по 2 раза “для лучшего урожая”¹³². И в Рузском, и в Московском уездах в августе на обработанную в июле пашню сразу же сеют рожь и озимую пшеницу и только потом ее запахивают и боронят. Двойная обработка паровой пашни, видимо, была следствием господства в этих районах тяжелых почв (в Серпуховском у. это суглинок и песок с синим камнем, в Рузском у. грунт “суглиноват”, каменист и частью “пещаной”, в Коломенском у. — на ровных местах “глинистый с серью”, в Воскресенском у. — суглинок, а кое-где серый, в Московском у. — глинистый, а кое-где “песчан”, в Верейском у. — “песчан”, частью иловат, а более суглинист. Суглинки были в Дмитровском у.).

В то же время в некоторых районах Московской губ. озимые поля обрабатывались трижды, то есть пар двоился, а третья вспашка была предпоследней или для заделки семян. Так, в Волоколамском у. “пашня двоятся, а иногда троится”¹³³. В Можайском у. также “пашня двоятся, а инде и троится”¹³⁴. Между прочим, в Можайском и Звенигородском уездах навоз везут около половины июня, разбив, пашут сохой и в это время пашут всю землю первый раз, даже и ту, где не положен навоз, “ибо здесь не токмо, чтоб вся земля в поле каждый раз была унавожена, но у редкого земледельца и половина унавоживается” (“землю унавоживают более под рожь, но и то не всю, ибо у редкого земледельца и половина бывает удобрена за недостатком навоза”)¹³⁵. В Богородицком у. “пашут и боронят озимой хлеб дважды”¹³⁶. В Бронницком у., где “грунт земли суглинистой, а в некоторых местах супесь хорошего свойства”, тем не менее навоз вывозят “под озимь в июне и тогда же вспахивают и боронят по 2 раза и оставляют до посева, который начинают августа с первых чисел, а потом запахивают и в третий раз”¹³⁷. В Никитском у. “пашут и боронят под озимый хлеб два раза в июле (?) месяце, сеют в августе”¹³⁸. Наконец, в Подольском у. землю “пашут лошаадьми и удобряют под озимой навозом, который вывозят в июне месяце и тогда же пашут и боронят два раза, а под пшеницу — по три раза в июне и в июле месяцах. Сев начинается с 1-го августа и продолжается до сентября”¹³⁹. Факт четырехкратной вспашки под озимую пшеницу для России является редчайшим, однако не следует забывать, что этот посев занимал в озимом поле очень небольшую часть. Именно из-за того, что особых усилий на это не требовалось, и стала возможной столь интенсивная обработка.

¹³² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 269.

¹³³ Там же. — С. 251.

¹³⁴ Там же. — С. 293.

¹³⁵ Там же. — С. 190, 293.

¹³⁶ Там же. — С. 105.

¹³⁷ Там же. — С. 171.

¹³⁸ Там же. — С. 125.

¹³⁹ Там же. — С. 140.

Что касается яровых посевов, то практически на всей территории Московской губернии земля под яровые обрабатывалась по-прежнему минимально. Пахота начиналась, как, например, в Бронницком у., “по открытии весны и смотря по времени, когда поля обсохнут”, то есть с 15 по 20 апреля. После пашни и боронования поле оставляли до сева, обычно начинавшегося с 4 мая¹⁴⁰. Потом шла заделка семян, перед которой обычно была вторая вспашка. Точно об этом можно говорить лишь по отношению к Дмитровскому уезду¹⁴¹. Подобный режим обработки, видимо, был в Рузском, Коломенском, Воскресенском, Звенигородском уездах. Троекратную вспашку под яровые культуры можно предположить в некоторых местах Московского, Серпуховского, Можайского уездов, ибо обо всех них в нашем источнике сказано: “Земля двоится, а инде (“а в некоторых местах”) троится”¹⁴². В материалах Волоколамского у. читаем: “Земля под пашню двоится, а инде троится, особливо под яровые”¹⁴³. И, наконец, в Богородицком у. пашут “а под ярь и три раза”, в Никитском у. “под яровой пашут три раза”¹⁴⁴. Как и под озимую пшеницу, в Подольском у. “под овес, гречу, лен и ячмень пашут в исходе апреля — начале мая: пашут и боронят два раза”. С середины мая был “сев яри”: “и землю большей частью дводят”¹⁴⁵. Это снова единственный случай четырехкратной обработки земли в Центре России. И казалось бы, можно было ожидать и весомого урожая. Однако столь огромная затрата труда решала лишь вопрос выживания крестьянского хозяйства, ибо урожай здесь был “большей частью сам-3, а редко более”¹⁴⁶, и это касалось всех главных культур (ржи, ячменя, овса, гречи, пшеницы и конопли). На удобренных навозом землях прибавку урожая давала озимая рожь (“сам-4, а редко сам-5”), яровые давали урожай сам-3 и сам-4, “а больше весьма редко”¹⁴⁷.

Двоение и троение в Тверском краю

В соседней, более северной Тверской губернии земля была гораздо хуже для обработки. “Вообще, — пишет наблюдатель, — земля в Тверской губернии серая, не глубже двух вершков лежащая, под которой второй слой состоит или из суглинка, или из настоящей глины”. Этот “второй слой глинистый... при поднятии сохою, мешается с серой землею, то и требует всегдашнего удобрения и сухой погоды”¹⁴⁸. Тонкий почвенный слой в сочетании с водонепроницаемыми глинистым и суглинистым слоями в

. 140 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 171—172.

141 Там же. — С. 211.

142 Там же. — С. 85, 315, 293.

143 Там же. — С. 251.

144 Там же. — С. 105, 124.

145 Там же. — С. 139.

146 Там же.

147 Там же. — С. 155.

148 Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 3—4.

дождливое лето приносит, как правило, неурожай. Так называемой серой земли, наиболее мягкой для вспашки, более всего имели два уезда: Кашинский и Ржевский. В остальных серая земля перемежалась с песчаной, суглинистой, иловатой и т. п. Так, в Зубцовском у. земля “по берегам Волги песчаная и глинистая, по отлогостям и вершинам — иловатая” на суглинке и глине, по р. Вазузе — серая (это лучшая по плодородию земля)¹⁴⁹. В Старицком у. — по берегам Волги — глинистая и песчаная, в окрестностях города — глинистая и иловатая, к Новоторжскому уезду... серая, отчасти с глиною и голым булыжником, в прочих местах — серая на 3 вершка, а под нею суглинок и супесь¹⁵⁰. В Корчевском у. “грунт земли” на луговой стороне Волги — глинист и песчан, на нагорной стороне — глинист и иловат, однако хлебороден, к Кашинскому уезду — серая с камнем (под ними суглинок и глина), к Тверскому уезду — серая без камня” и т. д.¹⁵¹

Иначе говоря, в Тверской губернии гораздо больше тяжелых для обработки почв. Поэтому, видимо, неслучайно, что однократная обработка пара с последующей предпосевной запашкой здесь встречается гораздо реже, а троекратная обработка — чаще. Так, в Ржевском у. пашня под рожь двоятся (сеют в губернии почти всюду под борону)¹⁵². В Краснохолмском уезде “пашню двоят, сеют под борону”¹⁵³. В остальных же уездах почти всюду в основном “двоят”, а иногда и “троят”. Так, в Тверском и Бежецком уездах земля под пашню двоятся, “а в некоторых местах троится”¹⁵⁴. В Калязинском у. “земля двоятся, а иногда и троится”¹⁵⁵. В Зубцовском и Кашинском уездах “пашня двоятся, а инде троится”¹⁵⁶. По свидетельству В. Приклонского, в Кашинском у. двоили и под овес, и под гречу, и под ячмень, а перед севом дополнительно “подскореживали” под яровую пшеницу и лен¹⁵⁷. В Осташковском у., где были в основном тяжелые иловатые и болотные почвы, “земля двоятся и троится”¹⁵⁸. А в двух уездах — Корчевском и Весьегонском — “земля по большей частию троится”¹⁵⁹. Таким образом, непосредственного влияния растущего товарного рынка здесь не было. Ведь крепкая земля просто принуждала к троению. Автор топографического описания Тверской губернии так это объяснял: “Серая земля, будучи мяхче, под пашню перепашивается два, а иловатая и глинистая — три раза”¹⁶⁰. Хо-

¹⁴⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 128.

¹⁵⁰ Там же. — С. 140.

¹⁵¹ Там же. — С. 55.

¹⁵² Там же. — С. 119—120.

¹⁵³ Там же. — С. 74.

¹⁵⁴ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 52 об., 139.

¹⁵⁵ Там же. — Л. 102.

¹⁵⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 129; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 79.

¹⁵⁷ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 27.

¹⁵⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 104.

¹⁵⁹ Там же. — С. 56, 83.

¹⁶⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 14 об.

тя практически троили чаще всего лишь яровое поле (так, в Зубцовском у. “а инде троится, особливо под яровое”). Чаще всего двоили рожь и овес, а троили лишь маленькую часть ярового клина (например, в Ржевском у. и др.).

Цель этой непосильной при коротком сроке посева яровых дополнительной пахоты — получение лишь сносного урожая. Во второй половине XVIII в. важнейшим хлебобородным резервом Тверского края по-прежнему были лесные рощисты.

Двоение или троение в регионах

В других регионах вывоз навоза по времени происходил несколько позже. Так, в Переяславль-Залесской провинции “в июле, сколько у кого есть навоза, вывозят, кладут кучами, потом разбивают, вспахивают и еще боронуют. Лежит (пашня, — Л. М.) до августа. В августе паки вспахивают и сеют на ней рожь и заборанивают вторично”¹⁶¹. Точно так поступали и во Владимирском уезде¹⁶². Интересна особенность двоения в уездах Костромского края. Здесь между запахиванием навоза и боронованием проходит довольно длительное время. В июне “вывозимый на поле навоз в тож время косулею запахивают. После чего оставляют землю согреться и кореньями порастающей в ней травы подопреть. И тогда ее заборанивают, разбивая тем глыбы и очищая пашню от корней. Потом пашут и ежели мягкая земля, то засевают и заборанивают”¹⁶³.

В некоторых краях Нечерноземья “двоение” стало распространяться и на некоторые яровые хлеба. В Переяславль-Залесской провинции в 60-х гг. XVIII в. “в апреле месяце по сошествии снега сперва землю вспашут и заборонят и так она под паром бывает не более 2 недель. Потом сию землю вторично вспашут и тот яровой хлеб, а также льняное и конопляное семя сеют и заборанивают”. Перед нами, таким образом, не традиционное двоение, связанное с необходимостью удобрить землю, а интенсификация обработки почвы. Причем в этой провинции пашня двоилась не под все яровые культуры, а лишь под яровую пшеницу, ячмень, лен и коноплю. Овес выдерживал по-прежнему однократную вспашку и боронование¹⁶⁴. Во Владимирском, Гороховецком, Александровском уездах Владимирской губернии под яровые двоили пашню лишь в песчаных местностях, в остальных уездах “под ярь пахали и боронили по одному разу”¹⁶⁵. По всей вероятности, двоение и озимых, и яровых было в Нижегородском, Арзамасском, Макарьевском, Васильском, Сергачском, Ардатовском и Семеновском уездах¹⁶⁶. Двоение яро-

¹⁶¹ Ответы... на экономические вопросы по Переяславской провинции. — С. 91.

¹⁶² Ответы... на экономические вопросы о уезде города Володимера // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 103.

¹⁶³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 39—39 об.

¹⁶⁴ Ответы по Переяславской провинции. — С. 140.

¹⁶⁵ Топографическое описание Владимирской губ. — Владимир, 1906. — С. 19, 66, 72.

¹⁶⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 6 об.—7, 12, 15 об., 22 об., 26, 35—36.

вых, видимо, было и в Ярославской губ. Первая вспашка была плугом на паре лошадей, а вторая сохою с одной лошадыю. Отсюда и наблюдение автора описания губернии: “Землю пахут в некоторых местах по два, а в других по одному разу и боронят по однажды”. Землю “пахут по два раза”. Все это сказано без оговорок, что речь идет о вспашке только озими. В Даниловском у. пахали косулями и сохами по два раза¹⁶⁷.

В некоторых районах России, например на Севере, древним приемом (пожалуй, с XVI в.) было и троение озимых. Так, в Олонецкой губ. “под рожь сперва пахут в начале июня, потом — в исходе того месяца, и, наконец, посеявши ее, перепашивают в третий раз в первых числах августа”¹⁶⁸. Заметим попутно, что в Олонецкой губернии климат был несколько мягче, чем в Архангельской; особенно ее отличала сравнительно теплая осень вблизи озер. Поэтому ассортимент культур, сеянных в Олонецком крае, был гораздо разнообразнее, чем в Архангельской губ., а озимь сеяли чуть позже, иногда даже в сентябре(!).

Практика двоения озимого (парового) поля характерна и для Пермской губернии. Причем двоение здесь в равной мере применялось как на удобряемых, так и неудобряемых землях. Разница была лишь в сроках вспашки. Первая, когда запахивали навоз, в Пермском, Оханском, Обванском, Красноуфимском, Камышловском и Долматовском уездах была в июне, в Алапаевском — в июле, а в Осиновском и Екатеринбургском уездах — в мае (вторая вспашка была здесь в июле)¹⁶⁹. Двоение было и в таких уездах, как Верхотурье и Кунгур. В одном из северных уездов губернии, Соликамском, “пахут под озимое по два, а зарослое (видимо, залежь, — Л. М.) — по три раза”¹⁷⁰. Тройная перепашка была и в Камышовском уезде¹⁷¹.

Двоение в Черноземье “Двоение” и озими, и яровых в XVIII в. проникает и в черноземные районы. Например, в Тамбовском уезде, как и во многих других уездах Тамбовской губ. (Моршанском, Козловском, южной части Шацкого и др.), “пахут... землю на лошадях сохами: под озимой хлеб приготавливают распашкою и боронят в июне месяце. С первых чисел августа начинают сеять рожь и запахивают. Пшеницу после запашки забороняют. А под яровой хлеб, как то: под овес, под ячмень, мак, горох, просо и гречю приуготовляют землю прежде выжжением (где скотом не выбито озимого жнива). Потом, вспахав и выбороня, сеют, запахивают и заборонявают таким же образом, как озимую пшеницу. В исходе мая месяца навозом земли совсем не

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19176. Л. 9 об., 69.

¹⁶⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 36.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Л. 39, 68 об., 75, 60 об., 107 об., 101, 147, 47, 94 об., 135, 56 об.

¹⁷⁰ Там же. — Л. 82.

¹⁷¹ Там же. — Л. 107.

удобряют, а только стараются прежняя жнива выбить скотом и, где более скот ходит, и лутче толока, там отменно хороший и хлеб родится”¹⁷². Таким образом, в тамбовских краях причудливо переплетается древняя примитивная архаика и более интенсивное вложение труда в обработку земли. В Пензенской губернии “все жители сей округи земли своей по натуральной ея тучности ничем не удобряют. Пашут сохами на лошадях всегда по два раза, а боронят по одному. Начинают пахать под озимой пар в июне”¹⁷³. Двоение без внесения навоза было почти повсеместно распространено в Воронежской губ. Причина в твердости грунта: “...земля, будучи тверда, пашется под озимой и под яровой хлеб дважды, что называют по-здешнему подпаривать или под пар пахать”¹⁷⁴. На севере Орловской губ., в частности в Дмитровском у., пашут и боронят “под рожь, овес, гречиху, горох по дважды”¹⁷⁵. В Каширском уезде двоили под лен яровую пшеницу, гречу и ячмень¹⁷⁶. Вместе с тем “крестьяне землю под рожь по большей частью однажды только пашут и боронят” (весь навоз у крестьян уходит на конопляники)¹⁷⁷. Двоение под некоторые яровые было и в Курской губ. (под мак, просо, пшеницу, коноплю и лен)¹⁷⁸. Под некоторые из них (коноплю и отчасти пшеницу) при двоении вносили навоз.

Интенсификация “избранных”

Во Владимирском у. в конце апреля — начале мая вывозили навоз под пшеницу и отчасти под овес¹⁷⁹. Часть ярового поля удобряли навозом и в Калужской провинции. “Как только лишь снег с поль сойдет и земля так просохнет, что по оной лошадь, запряженная в сохе, ходить может свободно и не вязнет, тогда под (яровые, — Л. М.) семена землю начнут пахать. А вспахав, дают несколько просохнуть, чтоб она лучше от боронны рассыпалась. Потом ее боронят, и, когда есть довольно навоза, то на забороненной земле по мере пшеничных, ячменных и конопляных семян кладут мелкий навоз. А у которого мало навоза, тот за нужное почитает унавозить только конопляную землю. Потом всю еще в другой раз вспашут и заборонят для того, чтоб сия земля для посева семян была нужнее или мягче. После сего начинают сеять в мае, в первых числах... горох и пшеницу, около 8 или 10 числа того ж месяца. По посеянии сих семян в третий раз вспашут и заборонят”¹⁸⁰. Почти рядом, в Переяславль-Рязанской провинции практика

¹⁷² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 20.

¹⁷³ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 27. Оп. 1. № 126. Л. 10 об.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 89, 96 об. и др.

¹⁷⁵ Там же. — № 18905. Л. 5 об.

¹⁷⁶ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 157.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800. Л. 11—13.

¹⁷⁹ Ответы... на экономические вопросы о уезде города Володимера // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 103.

¹⁸⁰ Ответы на экономические вопросы Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 95—97.

унавоживания полей изменена была кардинально. Здесь в большинстве своем отказались от вывоза навоза ранней весной. “Навоз возят на поле в глубокую осень, также по первому зимнему пути в Петров и в Великие посты”¹⁸¹. Вносят удобрения почти под все яровые культуры (здесь речь идет, видимо, о помещичьем хозяйстве), кроме гороха и гречи. Однако главное внимание было обращено на загонки с яровой пшеницей. Унавоживание сочеталось в Переяславль-Рязанской провинции с двоемением ярового поля. Третий раз поле вспахивалось и боронилось после высева семян. Осенне-зимний вывоз на поля навоза для этого региона явление необычное. Здесь традиционно возили осенью навоз лишь на конопляники. Навоз вывозили зимой в Олонецком крае (“имея достаточно сенных покосов и скота, употребляют земледельцы довольно рачительно малые поля свои, но навоз с дворов свозят и кладут на пашню в зимнее время, предполагая сделать ее чрез то более сочною”)¹⁸². На Урале, в Пермской губ., осенний вывоз навоза был распространен в тех районах, где удобрение полей было настоятельной необходимостью. Так, в Пермском, Оханском, Обванском уездах “для удабривания земли обыкновенно у всех крестьян употребляется навоз по надобности, смотря по пашне, под рожь, а временами и под яровой. В октябре и ноябре месяцах по нападении первого снегу вывозят навоз и по всему полю кладут кучами для озимоваго. С первых чисел июня разбивают кучи по пашне и землю с навозом вспахивают и еще боронуют, которая лежит с оным навозом в пару до августа месяца. А во оном паки эту землю вспахивают, после чего на ней ржаной хлеб сеют и сей хлеб вторично заборанивают...”¹⁸³. В Ирбитском у. навоз возят и летом, и осенью, и зимою, в июне же пашут, а лишь “боронят боронами железными и деревянными на лошадях ж небольшие ребята, называемые бороноволоками”¹⁸⁴. Практика осенне-зимнего вывоза навоза вызвала необходимость специального, предварительного сбора навоза. “Навоз собирают от скотины в каждом дворе чрез зиму и лето, которой бывает разметан по двору”, “в осень пред октябрем тот навоз сгребают в кучи и в тех кучах оной горит”, образуя перепревший “мелкий навоз”¹⁸⁵. Таким образом, интенсификация обработки ярового поля повлекла за собой радикальное изменение традиции.

Двоемие яровых полей (в частности, под пшеницу) проникло даже в Самарское Заволжье, в пределы Оренбургской губ. “Чтоб хорошо пшеница родилась... с начала весны наперед всего вспахав и выбороня землю, должно ее покинуть, дабы она прела, что называется здесь пар. Потом ту ж землю

¹⁸¹ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 59.

¹⁸² Ответы... касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 24; Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 36.

¹⁸³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Лл. 39, 68 об., 75.

¹⁸⁴ Там же. — Л. 121 об.

¹⁸⁵ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 58—59.

еще пашут, сеют и боронят в другой раз”¹⁸⁶. Здесь в XVIII в. двоение наблюдается и при распашке новины. Причем начинается оно осенней зяблевой вспашкой с последующим паром, что является яркой агрикультурной особенностью края. На Урале, в Пермской губ., где в целом суровые климатические условия и бюджет времени на сельскохозяйственные работы очень напряжен, во второй половине XVIII в. для некоторых яровых культур применяется двоение. Так, в Пермском, Обванском, Оханском уездах “под посев... ярового хлеба неравное приуготовление бывает: под пшеницу, ячмень, ярицу (яровую рожь, — Л. М.), семя конопляное в мае месяце сперва землю вспашут и заборонят. И так она под паром бывает не более недели. Потом сию землю вторично вспашут и тот хлеб сеют и заборонивают”¹⁸⁷. Если в Центре России перепарка занимает три, в крайнем случае две недели, то в условиях Урала ей отводится всего одна неделя. Но и в этом случае польза, видимо, была.

Что же касается других яровых культур, то в этих уездах овес, горох, греча, репа и льняное семя подвергаются буквально молниеносному процессу обработки земли и сева (“сеют без... подпарки: только однажды вспашут и как скоро сие последует, то того ж дня и засевают и заборонивают”)¹⁸⁸. Связано это, скорее всего, со стремлением к возможно более раннему высеву в условиях, когда земля становится готовой к пашне сравнительно поздно. Развитие и рост растений занимает в условиях Урала весьма длительное время, созревает “яровой (хлеб, — Л. М.) невступно чрез пять месяцев — как в начале сентября”¹⁸⁹. А, скажем, в Архангельской губ., в Шенкурске ячмень, овес и пшеница созревают за 12—13 недель, т. е. три — три с небольшим месяца. И лишь горох и конопля требуют 15—16 недель¹⁹⁰. Там, где позволяла земля, даже в суровых условиях Ирбитского уезда первую из трех вспашку яровых проводили в конце апреля — начале мая. В ряде же уездов под все яровые пахали и бороновали лишь однажды (Чердынь, Екатеринбург, Соликамск)¹⁹¹.

Таким образом, “двоение” под яровые культуры, предпринимаемое избирательно, — явление новое и широко распространенное для XVIII в. Наконец, следует подчеркнуть, что к югу от Москвы и вообще в черноземных регионах обработка важнейших продовольственных культур ржи и овса оставалась минимальной, т. к. давала экономически вполне приемлемый результат. А.Т. Болотов писал, в частности, что под рожь крестьяне “по большей части однажды только пашут и боронят. Потом разсевают оную и запахав боронят, несмотря, что земля иногда множеством глыб наполне-

¹⁸⁶ Рычков П. Ответы на экономические вопросы... по Оренбургской губ. — С. 120—121.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Л. 39, 68 об., 75 об.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. — Л. 69.

¹⁹⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 75 об.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 121 об.; Ч. I. Л. 88 об., 94 об., 82.

на”¹⁹². Видимо, наиболее типичным при однократной вспашке и бороновании под озимую рожь является разрыв во времени этих операций. В Калужской провинции “сперва вспашут оную (землю под рожь, — Л. М.) в исходе июня и лежит вспаханная недели три. В исходе июля — “в начале августа заборонят. А с 10 и 15 числа августа сеют рожь”¹⁹³.

Таким образом, сдвиги в интенсификации обработки почв в XVIII столетии имели существенное значение, хотя и не являлись кардинальными.

Где же троение стало правилом?

С точки зрения агрикультурной особенности еще более интересно развитие практики трехкратной вспашки земли. Наиболее древнюю традицию оно имеет в Вологодской губ. В 60-х гг. XVIII в. троение с паром и перепаркой было существенным способом повышения урожайности (рожь до сам-10) и очистки полей от сорняков¹⁹⁴. Троение под озимь было неременным правилом и в Архангельской губ.¹⁹⁵ Принципиально важной агрикультурной особенностью является троение озимых в Тверской губ., частично оно было распространено (“инде троится”, “в некоторых местах троится”) в Тверском, Бежецком, Осташковском уездах¹⁹⁶. Весьма примечательно, что при троении озимого в Кашинском у. иногда “троят, пахав все три раза тем же летом, или первый раз с осени, а два раза летом в то же время как двоят”¹⁹⁷. В большинстве же уездов пашня троилась (Старицкий уезд — “земля по большей частью троится”, Корчевский уезд — “земля большей частью троится”)¹⁹⁸. Разумеется, часто определяющими здесь были механические качества почв (троилась “иловатая и глинистая земля”)¹⁹⁹. В Костромском крае троение диктовалось как твердостью грунта, так и стремлением повысить урожай: “А буде туга (земля, — Л. М.) или прилежной земледелец пожелает употребить более труда в надежде несомнительного от лутчей мягкости земли плодородие, а притом, ежели позволит время (в рассуждении уборки сена и жатвы), то, другой раз вспахав и переборонив землю, перепахивает в третий раз. И тогда уже посея заборонивает. Сей труд верно награждается некоторым прибытком в урожае противу тех, которые пашут только 2 раза”²⁰⁰. За этими весьма изысканными фразами наблюдателя XVIII века кроется буквально трагическая ситуация: стремление к повышению урожая разбивается о жесткий дефицит времени, наталкиваясь на

¹⁹² Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 157.

¹⁹³ Ответы на экономические вопросы Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 94—98.

¹⁹⁴ Олишев А. Указ. соч // Труды ВЭО. — Ч. II. — 1766. — С. 114, 124—125.

¹⁹⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 56—57.

¹⁹⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 23, 68, 105.

¹⁹⁷ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 26.

¹⁹⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 141, 56.

¹⁹⁹ Там же. — С. 5.

²⁰⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 39 об.

сенокос или жатву. Троение озимого поля — удел немногих. Видимо, вследствие этой причины троеение озими слабо распространялось даже там, где оно было необходимо. Так, в Шадринском у. Пермской губ. при вспашке новины под озимь “весной... оную съпашут и съборонят. И прееет оная до сенокосного времени. А иногда и паки перепашут оную”²⁰¹. Третий же раз пашут в августе перед севом. Совсем наоборот сложилась практика во Владимирской губернии. Здесь пашню троили под рожь главным образом на песчаных землях. Во Владимирском у. “пашут для ржи в песчаных местах три” раза; в Переяславль-Залесском у. “в песчаных местах пашут под рожь по три” раза; в Александровском у. “пашут для ржи... в песчаных местах по три” раза. В Гороховецком у., где вообще господствовали песчаные почвы, под рожь пахали и 2 и 3 раза²⁰².

Однако с точки зрения развития интенсификации наиболее важно появляющееся в XVIII в. троеение ярового поля (т. е. здесь вновь многократная вспашка не связана с необходимостью удобрений, т. к. они вносились только под рожь). Так, в Вышневолоцком у. “землю под яровое поле троют”, в Новоторжском у. троилась вся земля кроме той, что шла под овес. Наконец, в Ржевском уезде земля под рожь и овес двоилась, “а под прочий хлеб троится”²⁰³. Иногда троеение под яровое практиковалось в конце XVIII в. и в Костромской губ. “Когда земля, очистясь от снегу и оттаявши, начнет проветриваться, что происходит обыкновенно в последних числах апреля, тогда все под яровой хлеб приготовляемое поле поднимают, косулями, а в некоторых низких местах... плугом. И потом заборанивают. В начале мая нивы, на которых готовятся сеять, перепашивают сохами в другой раз и сеют... а иныя и в третий раз перепашивают”²⁰⁴. В Нижегородской губ. в ряде уездов было распространено как двоение (яри и озими), так и троеение. Причем в удачные годы именно в этих уездах урожаи были наиболее высокими (Лукояновский, Перевозский, Горбатовский уезды). В Княгининском уезде двоили поля, удобряемые навозом, а “ненавозные земли” — троили. В Починковском у. не было практики удобрения навозом, но урожай повышали многократной вспашкой (“землю ничем не удобряют, а вспашивают хорошо”)²⁰⁵. На Урале в Ирбитском у. Пермской губ. на неудобряемых землях “пашут и боронят для ярового по три раза, а под озимой по два раза”²⁰⁶. В Камышловском же уезде “удобряют... тройственной перепашкою” и озимые, и яровые²⁰⁷. В Красноуфимском у. земли “ничем не удобряют кроме стара-

²⁰¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 113 об.

²⁰² Топографическое описание Владимирской губернии 1784 года. — Владимир, 1906. — С. 19, 37, 72, 65—66.

²⁰³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 94, 156, 119.

²⁰⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 40.

²⁰⁵ Там же. — № 516. Л. 41 об., 44 об., 52 об.—53, 31, 39.

²⁰⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 121 об.

²⁰⁷ Там же. — Л. 107—107 об.

тельной распашки”²⁰⁸. В ряде мест Осиновского у. не удобряли поля даже в тех случаях, когда это было бы явно на пользу. Так, “по реке Ирпене... состоят степи, которые б от удобрения навозом весьма были (бы, — Л. М.) плодородны, но жители по необыкновению (кусив мой, — Л. М.), также и по отдаленности никогда не удобряют, кроме самых ближайших у домов своих пашен”²⁰⁹. Как уже говорилось, в Псковской губ. пашня, идущая под лен в яровом поле, также троилась. В северных уездах Орловской губ., где пашню удобряли навозом, троили “в разные времена: весною, летом и осенью” под пшеницу (озимую и, может быть, яровую), коноплю, просо и ячмень²¹⁰.

Пахота “в свалку” и “в развалку”

В связи с многократной вспашкой в XVIII в. немаловажным стал вопрос о порядке многократной пахоты. В принципе в земледельческой практике существовало два вида пахоты: первый из них — “в свалку”, когда “поле во гряды пашут”, т. е. остаются довольно частые и глубокие борозды с симметричным склонением боковых сторон²¹¹. Такие поля обычно делали косулей и сохой. Они были необходимы в районах, страдающих от “мокроты”, т. е. перенасыщенного увлажнения. В этом случае сами загоны, т. е. направления борозд, были ориентированы на сток воды, а борозды делались возможно более прямыми. В Кашинском у. по окончании сева и бороньбы в некоторых случаях вдоль загонов для стока воды делали борозды в 3—4 саженьях друг от друга, а иногда “не более аршина одна от другой”²¹². В других, более ровных массивах пахоты применялась пашня “развалом”; такая пашня практически не оставляла на поверхности поля борозд (они были лишь как следы от сошников в самой земле). Пашня “развалом” осуществлялась рассеканием косулей или сохой каждого предыдущего уже отвального пласта²¹³. В ровных черноземных полях, где применялась двойная вспашка, одна из них шла вдоль загона, а другая поперек²¹⁴.

Многократная пахота там, где она не была связана с запашкой навоза, была направлена обычно на рыхление или, как говорили в XVIII в., “умягчение” земли. Однако не менее, а может быть и более важной задачей была борьба с сорняками. Обсуждая мнение о преимуществах зяби, т. е. осенней первой распашки, как лучшем средстве извести сорняки, П. Рычков склоняется все же к весенней распашке, говоря о ней уже более подробно: распахать можно пораньше, сразу же как сойдет снег, и “продолжать до тех пор, пока трава не укоренится”, т. е. пахать все время, пока вообще не взойдет (по сроку) весенняя трава, так как с крепкой травой пахать тяжело. В обычных же условиях сорняки

²⁰⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 60 об.

²⁰⁹ Там же. — Л. 46 об.

²¹⁰ Там же. — № 18905. Л. 5 об.

²¹¹ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 167—169.

²¹² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 26.

²¹³ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 169.

²¹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800. Ч. I. Л. 12.

изводит “перепарка”, минимум которой был всюду примерно около 2 недель. И наоборот, при однократной вспашке боронование могло быть многократным, т. е. пока пашня не достигнет нужной кондиции. Критичный взгляд на эту практику XVIII в. (и, наверное, традиционную) высказывался неоднократно виднейшими агрономами этой эпохи. Например, А. Олишев, доказывая необходимость для Вологодского края троения, писал, что нельзя вывозить навоз (в июне) на невспаханное после озими поле. После запашки навоза “как бы много земледелец с бороною своею по той пашне ни ездил, то может только одну поверхность разборонить мелко”²¹⁵. Крестьянин, чтобы сократить число боронований, водружал на легкую борону пни, чурбаны, колеса, замачивал борону в воде. Как уже говорилось, яркий способ сокращения числа боронований есть у А.Т. Болотова. Он пишет, что в Каширском уезде принято (разумеется, в первую очередь у помещиков) следующее: “Наиболее боронят здесь в 3 и 5 борон, одна за другою, и в таком случае первая пускается острыми, а последующие толстыми концами”²¹⁶. Ведь, строго говоря, это пяти- и трехкратное боронование. В инструкции М.М. Голицына приказчику в с. Троицкое (1767 г.) наизаательно предписано: “Вспахав, по несколько дней (чтоб мог дерн и трава перепреть) боронить хорошим уводом”²¹⁷. Откуда ясно, что речь идет о многократной бороньбе, либо о веренице борон. На Урале, в некоторых уездах Пермской губ. при многократной пахоте на неудобряемых землях была в практике особенно интенсивная бороньба. Так, в Камышловском у. “удобряют оную (то есть землю, — Л. М.) тройственною перепашкою, а более ничем. Боронят по шести и по десяти раз”²¹⁸.

Вместе с тем вполне очевидно, что такая практика встречалась редко. В топографическом описании Тверской губернии постоянно отмечается по всем уездам бороньба на 2-х лошадях, т. е. двумя боронами одновременно, что косвенно свидетельствует о практике широкозахватного боронования (по-скольку для экономии времени и уменьшения кратности боронования употребляют сразу как минимум две бороны).

Разумеется, на обширной территории России были и случаи, когда при многократной вспашке боронование было однократным. Это, в частности, большинство уездов Пензенской губернии. Здесь и под озимь, и под яровые землю пахали сохами дважды, а боронили лишь однажды²¹⁹. В Чембарском у. “дикую и новую залежь” пахали трижды, но боронили, как и всюду, один раз²²⁰.

Таким образом, в целом можно со всей определенностью говорить, что интенсификация обработки почв совершалась при малейшей возможности. Но в огромном большинстве районов России условий для этого не было.

²¹⁵ Олишев А. Указ. соч. — С. 114.

²¹⁶ Болотов А. Т. Описание... Каширского уезда. — Толкование приложенной таблицы IV.

²¹⁷ Собрание старинных бумаг... П.Н. Щукина. — Т. III. — М., 1897. — С. 341.

²¹⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 107—107 об.

²¹⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 9 об., 13 об., 17 об., 22, 25, 28, 34, 46 об., 51 об., 60.

²²⁰ Там же. — Л. 46 об.

Очерк третий

ЧТО И КАК СЕЯЛИ НА ПОЛЯХ РОССИИ?

Уже в 70-х гг. XVIII в. в Российских краях были в ходу в полеводстве следующие культуры: рожь яровая обыкновенная (овыдь), рожь озимая, пшеница яровая (обыкновенная, пшеница-ледянка или зяблая, “зебровая”, арнаутка или горновка, татарка); овес обыкновенный, овес многоплодный, черный овес, сибирский овес, ячмень обыкновенный, голый ячмень, черный ячмень, шестигранный ячмень, шестистрочетый голый ячмень, двугранный ячмень, греча обыкновенная, греча сибирская или озимая, чечевица обыкновенная, полба яровая, мак, просо белое и черное, бор желтый и красный, лен обыкновенный, лен псковский, лен великолуцкий, лен корельский, лен мариенбургский, конопля обыкновенная, бобы русские (широкие), горох обыкновенный, горох сахарный, репа обыкновенная, репа плоская, большая толстая репа и др. Помещики широко использовали и европейские сорта зерновых (английскую рожь, английский ячмень, эрфуртский белый овес, восточный овес, валахскую озимую рожь и др.)¹.

Даже из этого, далеко не полного перечня культур, многие из которых были предметом возделывания исключительно помещичьих хозяйств, отчетливо виден явственный процесс обновления фонда зерновых и иных культур за счет так называемой интродукции, т. е. переселения сортов и отдельных видов сельскохозяйственных культур из отдаленных районов Европы, Азии и т. п. Мы касаемся здесь этого процесса лишь в той его части, механизм которой был в значительной мере стихийен. Форсирование этого процесса целиком принадлежит функции агрономической науки, зародившейся в середине — второй половине XVIII века. Процессы интродукции являются в историко-культурном аспекте воплощением активизации личного, индивиду-

¹ См.: Труды ВЭО. — 1768. — Ч. XI. — С. 72; 1770. — Ч. XV. — С. 105, 130; 1774. — Ч. XXVI. — С. 40—45; 1791. — Ч. XIV. — С. 96; 1792. — Ч. XVI. — С. 278—280; 1796. — С. 171, 308—309.

ального опыта. Однако, хотя во второй половине века опытные работы получили известный размах, природно-климатические условия России не располагали к экспериментам. Их основным носителем были помещичьи хозяйства. Только в городском огородничестве в XVIII в. внедрение новых растений было очень активным. Лишь в одном случае интродукция была в XVIII в. доведена до логического конца, т. е. переселенный вид к концу века стал достоянием агрикультуры значительной части крестьянства. Речь идет о картофеле или тартофеле, прозванном в России земляными яблоками. Активная пропаганда его началась примерно в 50-е гг., но только к 90-м годам картофель стал заметен на крестьянских огородах.

Думается, что какое-то отношение к интродукционным процессам имели и некоторые явления, происходящие в агрикультуре и внутри самой России. Огромные пространства, где жило русское население, отличались большим разнообразием природно-климатических условий. Поэтому переселение сортов-аборигенов в иные районы представляется явлением принципиально важным.

Домашние семена вырождаются

В XVIII веке, в отличие от более раннего времени, семеноводство стало весьма заметной отраслью сельского хозяйства. Снабжение перевозными семенами лучших сортов льна районов Тверской, Калужской, Тульской, Рязанской и других более южных губерний стало важнейшей функцией крестьянских и помещичьих хозяйств Псковской губернии и близлежащих районов. Правда, семена эти через два года, как тогда говорили, “перерождались”, но у многих это отнюдь не отбивало охоту иметь лучший товарный лен. Об этом свидетельствует Василий Приклонский, сообщая, что тверские (кашинские) помещицы регулярно закупают псковские семена льна². Барон Вульф, деревни которого были в Ямбургском и Копорском уездах Ингерманландии, раз в 3 года регулярно закупал семена псковского и мариенбургского льнов³. Семена льна из Нечерноземья проникали в Черноземье. Как уже упоминалось, А.Т. Болотов писал о постоянной закупке крестьянами северных районов Тульской губ. псковских семян льна, хотя их также хватало на 2—3 года. В Калужской провинции “лен некоторые перемениют псковскими семенами, от которых прибыли при урожае перед здешними гораздо более”⁴. В более южных районах, куда завоз льняных семян также прослеживается, успех их был неоднозначен (“иногда лучше бывает, а иногда во все переводится”)⁵.

Подобный, хотя и не столь ярко выраженный процесс вывоза семян был и с некоторыми зерновыми, хотя скорее всего это относится к помещичьим, а не крестьянским хозяйствам. Довольно широко было распростра-

² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 44—45.

³ Ответы на экономические вопросы... барона Вульфа // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 72.

⁴ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XI. — С. 101.

⁵ Ответы по Острогжской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VIII. — С. 113.

нено мнение, что “всякого хлеба семена, когда на одной земле несколько лет кряду сеют, вырождаются и худеют. Почему надобно их чрез всякие четыре года перемениать и брать из других мест. По крайней мере, верст за 10 расстоянием от своего жилища. Притом смотреть и того, чтоб семена брать с земли ... хуже той, на которой их сеить хотите. Семена с доброй земли, брошенные в худую землю, никогда не дадут хорошего урожая”⁶. В годы неурожайные для Центра России это было особенно заметно. Так, по наблюдениям В. Приклонского, в районе Тверской губ. хорошо проявляют себя семена украинской ржи, менее надежны семена украинского ячменя — хорошо родит два года, а потом перерождается⁷. А.Т. Болотов отмечал, что “степной овес родится отменно за Москвою на песках”, то есть севернее Москвы, где для него условия более благоприятны⁸. Вместе с тем посевы украинской озимой пшеницы и конопли успеха не имели. Семена зерновых из южных и центральных районов России проникали в Галицкую провинцию, но “из других провинций привозимые семена никакого прибытка не произвели”⁹.

В районах, где с успехом сеяли яровую пшеницу, закупка семян была постоянной. В Калужской провинции “пшеничные семена непременно перемениают для того, что есть ли оныя долго одно сеют, то перерождаются...”¹⁰. Нежный и капризный характер пшеницы явно способствовал интенсивной интродукции лучших наиболее выносливых сортов. Так, в 60-х гг. началось активное распространение пшеницы-ледянки, а в южных степных районах пшеницы-арнаутки. В Оренбургском краю вообще все семена зерновых “время от времени закупают в лучших местах”¹¹.

В помещичьей среде во второй половине века стало складываться определенное мнение о несомненной пользе частой перемены семян. В Калужской провинции вообще помещики, имеющие деревни в других провинциях, “семена свои перемениают”¹². То же наблюдалось в Тверской и др. губерниях. Вульф, Болотов и др. вообще считали полезной частую перемену семян¹³.

Переселению сортов способствовали и характерные для крестьянства и части феодалов различного рода “агрономические поверья” о перерождении пшеницы в рожь, а ячменя в овес и т. п. В помещичьих хозяйствах перед высевом семян, как правило, опробовались “в ростли”. Обычно пробную партию клали под дернину. Очень часто семена смачивали в навозной жиже.

⁶ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 45.

⁷ Деревенское зеркало. — Ч. I. — С. 43.

⁸ Экономический магазин. — Ч. I. — М., 1780. — С. 245.

⁹ Ответы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 86.

¹⁰ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XI. — С. 101.

¹¹ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VII. — С. 150—168.

¹² Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XI. — С. 100—101.

¹³ Ответы на экономические вопросы... барона Вульфа // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 71—72.

В крестьянских хозяйствах в большинстве своем приготовленные сыромолотом и отдельно хранящиеся семена сразу шли непосредственно на высев. Сроки посева были целиком во власти традиции как по отношению к озимым, так и к яровым. Вместе с тем лишь в редких случаях их выдерживали вопреки погодным условиям.

***Кто рано сеет —
семян не теряет***

На Вологодском севере главная тенденция — оптимально ранние сроки посева яровых и озимых. И. Комов писал на этот счет: “Как озимь, так и ярь раннюю, чем раньше посеешь, тем лучше... Я не слыхал ни одного из самых лучших и престарелых наших земледельцев, чтобы на ранний посев жаловались”¹⁴. И, действительно, в Каргопольской и Чаронской округах, по свидетельству А. Олишева, в лесах, на подсеках озимую рожь сеют за неделю до Петрова дня, т. е. 23 июня. В полевых землях ее сеют дней на десять позже. Главное при этом температура воздуха и почвы. На подсеках теплее, чем на полях. К тому же, замечает Олишев, в полях почва греется медленнее, т. к. “в низу с песком и с диким камнем смешанная”¹⁵. Около Вологды, т. е. значительно южнее, рожь сеют с 15 июля до Фролова дня. Первым из яровых сеяли здесь овес, пшеницу, ячмень и лен. Сев шел в жестких рамках срока (15 дней) примерно с 25 мая¹⁶. Покажется невероятным, но севернее Вологды, в Архангельском крае сроки сева были совсем иными. В Архангельском у. озимую рожь сеяли с 20 июля, а ячмень — около середины мая¹⁷. В Холмогорах рожь сеяли поздно: в конце июля — начале августа, хотя она иногда зрела лишь через 13 месяцев. Ячмень здесь сеяли в зависимости от погоды в период с 10 мая по 10 июня¹⁸. А в Шенкурском у. рожь сеяли, как в Холмогорах, а сев яровых был на удивление ранним: ячмень, овес, горох и даже пшеницы сеялись с 1 по 10 мая, лен с 12 мая, а конопля с 20 мая¹⁹. В основе этих особенностей лежало, видимо, качество почвы (“теплые”) и микроклимат. В Олонецком краю в сроках посева решающую роль также играли микроклимат и почвенные условия. Около р. Свири ранний сев яровых и озимых считался лучшим, а ближе к Белозерскому у. сеяли позже, так как густая озимь зимой часто загнивала. Зимний период лучше выдерживали всходы либо в один коренной листик, либо в 1—3 листочка. Овес, горох и бобы сеяли здесь в конце мая, ячмень и пшеницу “еще позже недель”. Озимая рожь сеялась по-разному: 1) в конце июля—начале августа, 2) в более поздний срок²⁰.

¹⁴ Комов И. О земледелии. — С. 254.

¹⁵ Олишев А. Указ. соч. — С. 125.

¹⁶ Там же. — С. 107.

¹⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 23—24.

¹⁸ Там же. — Л. 56.

¹⁹ Там же. — Л. 75 об.

²⁰ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XIII. — С. 21.

Москва и Тверь рядом, а все по-разному В Московской губернии раньше всего сеяли пшеницу-лебянку. Чаще всего это было “по просухе” земли в конце апреля (Верейский, Можайский, Коломенский, Дмитровский уезды)²¹. Иногда пшеницу-лебянку отличали от яровой пшеницы, которую сеяли на 1—1,5 недели позже. В Звенигородском, Клинском, Дмитровском и Серпуховском уездах — с 6 мая, в Воскресенском, Верейском и Коломенском уездах — около 9 мая²². Одновременно с яровой пшеницей сеялся горох, для которого весенние похолодания были не страшны. В Звенигородском, Дмитровском, Клинском уездах его сеяли с 6 мая²³, а в Коломенском, Верейском и Воскресенском уездах — с 9 мая²⁴. Раньше всего яровую пшеницу и горох (в конце апреля) сеяли в Волоколамском и Можайском уездах²⁵.

Овес в Верейском и Коломенском уездах сеяли в коротком интервале времени — с 15 по 25 мая, а в Воскресенском у. еще быстрее — с 15 по 20 мая²⁶. В двух уездах сроки высева овса были самые протяженные — с 9 по 20 мая (Волоколамский и Можайский у.)²⁷. В Подольском у., если верить источнику, сев яровых вообще начинали лишь с половины мая²⁸.

Очень поздно в этой губернии сеяли ячмень. В Воскресенском, Бронницком, Дмитровском, Клинском, Коломенском, Звенигородском, Серпуховском и Верейском уездах срок его высева — конец мая — начало июня²⁹. В Можайском и Волоколамском уездах с 30 мая сеяли не только ячмень, но и коноплю с гречей³⁰. Лен и коноплю обычно сеяли с 15 по 25 мая (например, в Клинском, Верейском, Коломенском уездах)³¹. Гречу, как правило, сеяли после всех яровых культур в начале июня, ближе к 10 июня (в Коломенском, Верейском и других уездах — около 10 июня)³².

Вполне очевидно, что разнообразие сроков высева, хотя они и различались несколькими днями, определяло жесткое соблюдение традиций и учет особенностей микроклимата, почвы и т. п.

Перейдем теперь к материалам по Тверскому краю. При общем сходстве сроков высева Тверской и Московской губерний есть и весьма интересные различия. Рассмотрим подробнее данные о сроках сева по Тверской губ. (см. таблицу 1.3).

²¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 342, 359, 211.

²² Там же. — С. 189, 229, 211, 316, 153, 342, 539.

²³ Там же. — С. 189, 211, 229.

²⁴ Там же. — С. 359, 343, 153.

²⁵ Там же. — С. 250—251, 292.

²⁶ Там же. — С. 342, 154. (В Бронницком у. сев овса был с 21 мая. — С. 172.)

²⁷ Там же. — С. 251, 292.

²⁸ Там же. — С. 139.

²⁹ Там же. — С. 154, 172, 229, 350, 190, 316, 341.

³⁰ Там же. — С. 292, 251.

³¹ Там же. — С. 342, 229, 359.

³² Там же. — С. 359, 341.

Таблица 1.3. Сроки высева яровых культур в Тверской губ.

Уезды	Пшеница- леяднка	Пшеница яр.	Горох	Овес	Ячмень	Лен	Конопля	Греча	Источ- ник ¹
Весьегонский	—	с 1 мая	с 1 мая	10—20 мая	—	16—23 мая	24 мая— 1 июня	24 мая— 1 июня	с. 82
Краснохолмский	кон. апр.— нач. мая	—	кон. апр.— нач. мая	9—25 мая	с 27 мая	16—26 мая	с 23 мая	с 23 мая	с. 74
Бежецкий	кон. апр.	10—20 мая	кон. апр.	10—20 мая	24—30 мая	ок. 20 мая	нач. июня	нач. июня	л. 138
Вышневолоцкий	кон. апр.	—	кон. апр.	нач. мая— 20 мая	24 мая— 1 июня	16—23 мая	24 мая— 1 июня	24 мая— 1 июня	с. 93
Кашинский	кон. апр.	—	кон. апр.*	9—20 мая	9—20 мая	15—21 мая	с 25 мая	с 25 мая	с. 36
Камзинский	—	—	кон. апр.*	3—20 мая	20—30 мая	10—21 мая	с 25 мая	с 25 мая	с. 48
Новоторжский	нач. мая	с 10 мая	с 10 мая	13—20 мая	20—25 мая	20—25 мая	15—20 мая	25—30 мая	с. 156
Осташковский	—	с 1 мая	с 1 мая	с 15 мая по июнь	нач. июня	с 15 мая по июнь	нач. июня	после ячм. и конопли	с. 105
Зубовский	—	кон. апр.	кон. апр.	9—20 мая	с 30 мая	20—25 мая	с 30 мая	с 30 мая	с. 128
Ржевский	—	кон. апр.	кон. апр.	9—25 мая	20—25 мая	9—25 мая	с 23 мая по июнь	с 23 мая	с. 119
Старицкий	серед. апр.	—	нач. мая	12—25 мая	20—30 мая	15—25 мая	—	по июнь	с. 140
Тверской	конец апр.	—	нач. мая	с 15 мая	кон. мая	с 21 мая	кон. мая	кон. мая	л. 51
Корчевский	конец апр.	с 9 мая	кон. апр.	с 9 мая	кон. мая— 3 июня	с 21 мая	кон. мая — нач. июня	кон. мая — нач. июня	с. 55

* В тексте ошиб.: "март". ¹ См.: Генеральное изображение по Тверской губернии; ГИМ ОПИ. Ф. 445. № 28.

В Тверской губ. также отличали пшеницу-лебянку, сроки высева которой были те же, что и в Московской губернии, от яровой пшеницы. Но яровую в Весьегонском, Осташковском, Зубцовском и Ржевском уездах сеяли раньше, чем в Подмоскowie, а иногда в те же самые сроки и даже позднее (Бежецкий у.). Горох в большинстве уездов сеяли раньше, чем в Подмоскowie (в конце апреля или “скоро по растаянии снега”), только в Новоторжском уезде был поздний сев (10 мая). Овес в Тверской губ. сеяли на 5—6 дней раньше, чем в Подмоскowie (иногда на 2—3 дня), а в двух уездах очень рано — в начале мая и конкретно — 3 мая (Вышневолоцкий, Калязинский уезды). И только в двух уездах сеяли с 15 мая. То же самое с ячменем. В Тверской губ. лишь в 4-х уездах (Осташковский, Зубцовский, Тверской и Корчевский) его сеяли, как в Московской губернии (конец мая — начало июня). В Калязинском, Новоторжском, Ржевском, Старицком уездах ячмень сеяли с 20 мая, а в Кашинском у. — даже с 9 мая. В Бежецком и Вышневолоцком уездах — с 24 мая, а в Краснохолмском у. — 27 мая. Что касается сроков высева льна, то здесь наблюдается почти полное сходство. В большинстве уездов его сеяли с 15—16 мая (в шести уездах). В двух уездах (Калязинском и Ржевском) высев был очень ранний (с 9—10 мая) и в пяти уездах на 4—5 дней позже обычного срока, с 20—21 мая (Бежецкий, Новоторжский, Зубцовский, Тверской и Корчевский). Коноплю в тверских краях сеяли, в отличие от Подмоскowie, в иные сроки, в основном гораздо позже льна (с 23—25 мая сев был в Весьегонском, Краснохолмском, Вышневолоцком, Кашинском, Калязинском, Ржевском уездах). А в Бежецком, Осташковском, Тверском, Зубцовском и Корчевском уездах коноплю сеяли лишь в конце мая — начале июня. Только в одном Новоторжском уезде был самый ранний высев конопли — 15 мая. Видимо, даже очень небольшое продвижение этой теплолюбивой культуры на север существенно сказывается на сроках сева. Однако в то же самое время другая теплолюбивая культура — греча высевается гораздо раньше (на две недели!), чем в Подмоскowie. С 23—25 мая греча сеется в Весьегонском, Краснохолмском, Вышневолоцком, Кашинском, Калязинском, Новоторжском, Ржевском уездах. И лишь в трех уездах срок сева — начало июня (Бежецкий, Старицкий, Корчевский уезды).

Днем раньше посеешь — неделей раньше пожнешь — Ответ на эту странную ситуацию, видимо, нужно искать в конце лета. И это касается не только гречи, но и овса, гороха и даже ячменя. Приведем данные по вегетации яровых культур (см. таблицу 1.4).

В Тверском у. овес сеяли с 15 мая, а гречу и ячмень в “исходе мая”. За 12—13 недель овес созревал к 7—14 августа и к 12—19 августа. За 11—12 недель ячмень спел к 12—19 августа и к 15—22 августа. А греча за 14—15 недель созревала лишь к 2—9 сентября и к 6—13 сентября³³. В

³³ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 51.

Ржевском у. время сева овса с 9 по 25 мая, ячменя с 20 по 25 мая, гречи с 23 мая до начала июня. При вегетации овса в 14—15 недель он поспевал к 15—22 августа и к 31 августа — 6 сентября (очень поздний срок). Ячмень за 13—14 недель созревал к 19—26 августа и к 24—31 августа (тоже очень поздний срок). Греча за 13—14 недель спела к 22—29 августа и к 31 августа — 7 сентября³⁴. На севере Тверской губ. в Весъегонском у. овес сеяли с 10 по 25 мая. При вегетации 13—14 недель он созревал к 9—16 августа или к 24—31 августа. Горох, несмотря на ранний сев (с первого мая), созревал к 6—13 сентября. Ячмень при вегетации в 12—14 недель и севе в конце мая — начале июня зрел к 25 августа — 8 сентября. А греча, посев которой был с 24 мая по 1 июня, спела к 6—13 сентября³⁵. По московским срокам сеять ее нельзя.

Таблица 1.4. Период вегетации и созревания (в неделях)

Уезды	Культуры					
	яровая пшеница	овес	ячмень	греча	горох	источник*
Весъегонский	13—15	13—14	12—14	15—16	18	с. 82
Краснохолмский	12—14	14—15	9—10	16—17	16—18	с. 73
Бежецкий	13—14	13—14	10—11	14—15	16	л. 138 об.
Вышневолоцкий	13	13—14	11—12	14—15	17	с. 93
Кашинский	13—14	13—14	12—13	15—16	17—18	с. 36
Новоторжский	13—14	13—14	11—12	12—13	14—15	с. 156
Осташковский	13	11—12	8—9	—	14—15	с. 105
Зубцовский	12—13	12—13	10—12	11—12	16—17	с. 128
Ржевский	12—13	14—15	13—14	13—14	14—15	с. 119
Старицкий	14—15	—	13	16—17	18	с. 140
Тверской	12—13	12—13	11—12	14—15	16—17	л. 58 об.
Корчевский	12—13	14—15	12—13	15—16	17—18	с. 55
Калезинский	13—14	13—14	12—13	15—16	17—18	с. 48

* См.: Генеральное соображение по Тверской губернии; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128.

В Вышневолоцком у. овес сеяли с начала мая по 20 мая, а созревал он за 13—14 недель (к 4—11 августа и к 19—26 августа). Ячмень сеяли с 24 мая по 1 июня и спел он за 11—12 недель к 9—16 августа и к 17—24 августа. Наконец, гречу сеяли в конце мая — начале июня и спела она лишь к 30 августа — 6 сентября и 7—14 сентября. Горох созревал за 17 недель (с конца апреля) к 27 августа³⁶.

³⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 118—119.

³⁵ Там же. — С. 82—83.

³⁶ Там же. — С. 93.

В Бежецком у. овес сеяли с 10 по 20 мая, зрел он за 13—14 недель к 9—16 августа и к 19—26 августа. Ячмень сеяли с 24 по 30 мая и спел он за 10—11 недель к 29 августа (наиболее поздний срок), гречу, если сеяли, то в начале июня, а созревала она за 14—15 недель к 11—18 сентября (тоже очень поздний срок). Горох спел за 16 недель, к 18—20 августа и позже³⁷.

В Кашинском у. сев овса был с 9 по 20 мая, вегетация шла в течение 13—14 недель, и поспевал он к 8—15 августа и к 19—26 августа. Сев ячменя был с 20 по 30 мая. При вегетации за 12—13 недель он поспевал к 12—19 августа и даже к 22—29 августа (очень поздний срок). Греча, которую сеяли не ранее 25 мая, при вегетации за 15—16 недель зрела очень поздно: к 7—14 сентября. Поздно созревала и горох (за 17—18 недель) к 27 августа — 3 сентября³⁸.

Таким образом, веками устоявшийся распорядок весенних работ ориентирован на главное: “хлебу более всего вредят здесь морозы, бываемые иногда в конце августа, коими овес, греча и горох побиваются”. Ущерб от морозов был весьма чувствителен, если тверичи шли на риск раннего сева с весенними “заморозами”.

Посеешь в погоду — больше приплоду — В пределах Костромского у. озимую рожь на северной луговой стороне сеяли в первых числах августа, а на правой южной стороне Волги сев был примерно на неделю позже, т. е. сеяли около 10 августа “по причине высоких и сухих полей”³⁹. Порядок же сева яровых был следующим: в начале мая сеяли горох, потом овес, пшеницу и ярицу (яровую рожь). Около 20 мая сеяли ячмень и позже всех лен и гречу⁴⁰. В Ярославской губ. яровые в редких случаях начинали сеять в последних числах апреля, большей же частью их сев проходил с начала и до середины мая. Срок высева ржи — август⁴¹. В Переяславской провинции наиболее оптимальный в 60-х гг. XVIII в. срок сева озимой ржи: с начала до середины августа. Практически он часто затягивался до середины сентября. Сев яровых — с начала до конца мая⁴². Во Владимирской губ., по данным 1784 г., рожь сеяли с “половины августа”, а яровые с конца апреля. Рожь созревала здесь через 11 месяцев, яровые — “не вступно” через 5 месяцев, т. е. в среднем за 20 недель (рожь жали с середины июля до начала августа, а яровые — с середины августа до сентября включительно)⁴³. Столь же долгие сроки вегетации

³⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 138 об. Важно отметить, что в уезде горох и гречу сеяли не везде.

³⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 36.

³⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 39 об.—40.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. №. 19176. Л. 9 об.; №. 19178. Л. 69.

⁴² Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 88, 105—106.

⁴³ Ответы... города Володимира // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 92, 105—106.

были и в Галицкой провинции в 60-х гг. Рожь созревала через 11 месяцев, а яровые через 5 месяцев (яровые здесь сеяли в мае, а озимь в августе). Часто урожаи (особенно овса) гибли от “великих утренников”, т. е. заморозков⁴⁴. Примерно те же сроки и в Рязанской провинции. Срок ржаного сева и сева озимой пшеницы — август, срок яровых (яровой пшеницы, овса, проса, гороха, гречи, ячменя и полбы) — май месяц⁴⁵. В Калужской провинции в 60-х гг. озимую рожь сеяли с 15 августа по 1 сентября (при дождливой погоде сев был позже). Лучшие сроки — 10 и 15 августа. Из яровых первой сеялась яровая пшеница, а также горох (в первых числах мая). Около 8 или 10 мая сеяли ячмень, овес и коноплю. С 15 до 20 мая (из-за погоды — и позже) сеяли лен⁴⁶. Чрезвычайно интересен факт существенной разницы сроков вызревания культур здешнего региона по сравнению с Переяславль-Залесской провинцией (данные также 60-х гг.). Рожь созревала здесь за 10 месяцев (на месяц раньше). Яровая пшеница, овес, просо, горох, чечевица, ячмень, полба и греча — в среднем за 3 месяца (срок, конечно, довольно огрубленный, но разница с Переяславлем по крайней мере в месяц).

Лягушки кричат — пора сеять

Наиболее обстоятельное описание сроков сева дает нам А.Т. Болотов по северной половине Тульской провинции (60-е гг. XVIII в.).

Лучший срок сева озимой ржи — около 1 августа. Второй срок — около 6 августа. Существовал и третий срок — около 15 августа. Оптимальные сроки для озимой пшеницы — около 15 и 18 августа. Сроки сева яровых сильнее зависели от характера весны. И все-таки, оптимальный срок для яровой пшеницы около 9 мая (Николин день), для гороха — конец апреля или около 6 мая. Овес сеяли, пользуясь двумя сроками (первый сев около 9 мая, второй — около 20 мая). Сев гречи всегда был наиболее поздний (первый срок около 9 июня, второй около 15 июня). Срок сева ячменя был здесь ориентирован на время цветения калины (конец мая — начало июня). Коноплю, как уже упоминалось, сеяли либо на 5-ю, либо на 7-ю неделю после Святой⁴⁷. П. Рычков пишет о трех сроках сева: раннем, среднем и позднем⁴⁸. Строгая цикличность в определении сроков (недельный и двухнедельный циклы) жестко связана со сроками созревания культур и, следовательно, со сроками жатвы. В этом регионе, по Болотову, рожь-ярица зрела за 16 недель, озимая пшеница за 19 недель (стало быть, жали ее после ржи), ячмень за 9 недель (и жали его раньше других культур, на Успеньев

⁴⁴ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 83—91.

⁴⁵ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 55.

⁴⁶ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 91—95.

⁴⁷ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 154.

⁴⁸ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 493.

день), яровая пшеница за 15 недель (и жали ее с овсом вместе, а чаще на 1—2 недели позже), овес за 15 недель или 16 недель, греча за 12 недель, горох за 17 недель (уборка овса, гороха, гречи шла практически одновременно). Конопля зрела за 18 и 19 недель и лен за 11—12 недель (драли и тербели их позже зерновых и бобовых)⁴⁹. Важно отметить существенную разницу в сроках посева между районами Калуги и Тулы, казалось бы, мало различных с точки зрения климатической. Разница севера Орловской губ. с севером Тульской губ. тоже незначительная, но сроки посева различных культур в Дмитриевском у. Орловской губ. существенно различаются с данными А.Т. Болотова. “По примечанию крестьянскому” сев озимой ржи здесь был в самые поздние, по Болотову, сроки (с 13 августа), хотя зона более южная. Яровая пшеница сеялась здесь “по исходе снега”, т. е. раньше, чем на севере Тульской губ. Срок посева гороха в общем совпадал (со дня Исаяи Праведного — 6 мая). А овес в Дмитровском у. сеяли намного позже (со дня Константина и Елены — 21 июня). Гречу здесь сеяли со дня Ангелины Мученицы (с 13 июня), что соответствовало второму сроку сева в Тульской губ. Но ячмень в Дмитровском у. сеяли тоже с 13 июня, а по данным Болотова, на 2 недели раньше. Сев конопли в Дмитровском у. начинался за 4 недели до Петрова дня (т. е. в начале июня). Просо (его в Туле не сеяли) сеяли необычно рано — “по исходе снегу”⁵⁰. Таким образом, мы снова убеждаемся, как тонко были отрегулированы сроки сева для каждой местности, учитывался не столько климат, сколько микроклимат, особенности почв, рельефа и т. п.

***Сухой март, а май
мокрый делают
хлеб добрый***

Как правило, сроки посева в черноземных и степных районах были чуть более ранними. В Курской губернии вообще пахать начинали после Фоминой недели (с половины апреля).

Овес и просо сеяли в апреле, гречу, коноплю и лен — в мае. Лишь мак сеяли по зяби в последних числах марта. Озимую рожь сеяли с 1 августа до конца сентября⁵¹. В Острогожской провинции в 60-х гг. XVIII в. озимую рожь сеяли так же, как и всюду, в августе — начале сентября. Яровую рожь и ячмень — в конце апреля, чаще яровую рожь, ячмень, а также пшеницу, овес, просо, горох, коноплю, лен сеяли в начале мая. Просо и гречу сеяли позже всего — в начале июня⁵². В пределах юга Воронежской гу-

⁴⁹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 158. Чрезвычайно интересно, что длительность созревания основных культур в Каширском у., по данным В. Приклонского, примерно та же, но по ряду культур вегетация короче (рожь — 11—12 месяцев, овес — 13—14 недель, пшеница яровая — 13—14 недель, ячмень — 12—13 недель, горох — 17—18 недель, конопля — 17 недель, лен “плавун” — 11 недель, лен “ростун” — 12—13 недель, греча — 15—16 недель). Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 29.

⁵⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18905. Л. 5 об.

⁵¹ РГБ. Отд. рукописей. Ф. 344 (Собр. Шибанова). № 328. Топографическое описание Курской губернии. 1785. Соч. Башилов. Л. 25.

⁵² Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 166.

бернии, отчасти и в пределах Харьковщины посеvy проса и особенно гречи в 60-е годы губили поздние весенние заморозки, чего, например, не наблюдалось в более северных и западных районах. Поэтому посеvy гречи бывали здесь и в середине, и в конце июня ("а более она всегда морозом побивается")⁵³. Озимая рожь от посева до жатвы зрела за 40 недель. Ячмень созревал здесь за 10 недель, яровая рожь, пшеница и овес — за 12 недель, греча — за 8 недель, а просо — 16 недель⁵⁴. В Пензенской губ., где частым гостем была засуха, сроки сева озимых (ржи и отчасти пшеницы) были очень гибкими и зависели от погоды: "начинают пахать озимой пар в июне, а сеют оное в начале, середине и конце августа". Яровые сеяли в более сжатые сроки "около половины мая"⁵⁵. В Заволжье и Оренбургском крае, по данным П. Рычкова, озимую рожь сеяли "не спешно", смотря по бюджету времени, с 1 августа по 15 сентября. Из яровых первым был сев ржи-ярицы примерно в 20-х числах апреля. Вторым был сев гороха, чечевицы и мака (горох сеяли при роспуске почек березы). После них шел сев полбы и овса (овес сеяли, когда появлялись листочки березы). Потом сеялась яровая пшеница. Овес часто сеялся около 21 мая. Далее шел почти одновременный сев, с различием чередования культур по важности для крестьянского хозяйства: ячменя, гречи, проса (сев проса обычно был около 21 мая, дня Константина и Елены), конопли и льна. Репу сеяли 8 июля⁵⁶. Как уже упоминалось, извечная засуха диктовала сверххранний сев яровых в землях Моздокского казачьего полка Кизлярского у. Астраханской губ. Сеяли после однократной вспашки тяжелым плугом, которую проводили в начале, а иногда в середине или конце февраля. Самый поздний сев здесь в марте⁵⁷. Жатва начиналась уже в июне — июле. В остальных районах Кизлярского у. ячмень и просо сеяли в марте — апреле и даже в мае⁵⁸. Озимую пшеницу сеяли в сентябре — ноябре месяце⁵⁹. Срок этот определяли дожди. Если осень сухая, то сев был "под зиму". В Моздокских землях озимую пшеницу сеяли начиная с 23 августа, а крайний срок — 6 декабря⁶⁰.

Наконец, на Урале в Пермской губ. общий примерный срок сева озимых — август (Пермский, Обванский, Оханский, Осинский, Камышловский, Кунгурский, Чердынский, Верхотурский, Алапаевский, Красноуфим-

⁵³ Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 164, 167.

⁵⁴ Там же. — С. 167.

⁵⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Лл. 9 об., 13 об., 17 об., 22, 25, 29 об., 33, 36 об., 41 об., 46 об., 51 об., 54 об., 60.

⁵⁶ Рычков П. Ответы по Оренбургской губ. // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 118, 138, 67; Его же. Письмо о земледельстве // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. — 1758. — Ч. I. — Май. — С. 425; Ч. II. — Июнь. — С. 503.

⁵⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 95.

⁵⁸ Там же. — Л. 21 об.

⁵⁹ Там же. — Л. 85 об.

⁶⁰ Там же. — Л. 95.

ский уезды)⁶¹. В Ирбитском у. сев озимых был в начале августа, в Соликамском у. — с 10 по 15 июля⁶². Яровые в Осинском, Алапаевском, Ирбитском уездах сеялись в конце апреля — начале мая, в остальных уездах — в мае⁶³.

Вышеизложенный, довольно небольшой, но разнообразный по своей географии материал о сроках посева дает основу для вполне определенного вывода о том, что агрикультурная традиция при всей своей определенности давала достаточный простор для тонкого маневрирования сроком сева в зависимости от самых разных вариаций в колебаниях погоды. Вместе с тем сроки посева были жестко увязаны с трудовым циклом уборки урожая.

Пересев — хуже недосева

К области довольно жестко соблюдаемой традиции относится практика соблюдения норм посева, соблюдаемых особо для каждой культуры. Сравнительная плотность посева разных культур хорошо видна на расчетах А.Т. Болотова, отражающих практику севера Тульского края. Четверть ржи посевалась на площади 1920 кв. саж., четверть пшеницы — 1600 кв. саж., ячменя — 2400 кв. саж., овса — 860 кв. саж., гречи и гороха по 2400 кв. саж.⁶⁴ Самый густой посев у овса, самый редкий у ячменя, гречи и гороха. Впрочем, реальные нормы посева каждой культуры колебались очень сильно. Издавна важнейшую роль здесь играл целый ряд моментов. Среди них первое место занимает уровень плодородия почвы. Посев на менее плодородных по традиции — гуще, на более плодородных — реже. В наиболее ранней помещичьей инструкции Немчинову на мерную десятину (3200 кв. саж.) приказано сеять: “на десятину худой земли две четверти ржи, на средней — полторы четверти, на хорошей одну четверть ржи”. На господских полях различались “ретеносевные” и “худосевные” десятины. В инструкции Артемия Волинского уже критикуется практика редкого посева: “и та худоба у нас, что редко сеют хлеб: ржи на десятину по четверти, а овса по полторы”⁶⁵. Во второй половине века четверть ржи (8 четвериков) в Переяславль-Залесской провинции посевалась на 1600 кв. саж., а в Каширском уезде на 1920 кв. саж., т. е. посев существенно более редкий⁶⁶. Другим моментом был фактор интенсификации земледелия, т. е. удобривания земель. На навозных землях густота посева снижалась иногда очень резко. Так, на Европейском севере России, в Шенкурском у. на еже-

⁶¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Лл. 39 об., 76, 69, 47, 107 об., 56 об., 88 об.; Ч. II. Лл. 135, 147, 60 об.

⁶² Там же. — Ч. II. Л. 121 об.

⁶³ Там же. — Ч. I. Л. 47; Ч. II. Л. 147, 121 об.

⁶⁴ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 151.

⁶⁵ Временник МОИДР. — 1852. — Кн. 12. — С. 13; Исторический архив. — Т. VI. — М.—Л., 1951. — С. 175; Москвитянин. — 1854. — Т. I. — Отд. IV. — С. 21.

⁶⁶ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — Ч. VII. — С. 87.

годно удобряемых либо торфом, либо мхом, так называемую “людчиною”, а больше всего — скотским навозом землях высев ржи был очень мал — 6 четвериков на десятину в 2400 кв. саж., горох имел фантастически разреженную норму — до 3-х четвериков; лишь ячмень сеялся по норме 1—2 четверти на дес., да овес — 2 и более четверти на десятину⁶⁷. В Архангельском у. ячменный высев явно редок — 10 четвериков на дес.⁶⁸, а на Онеге — 12—16 четвериков, т. е. 1,5—2 четверти на дес. (рожь здесь тоже сеяли по общероссийским нормам 8—12 четвериков на дес.)⁶⁹. По Бежецкому у. Тверской губ. есть прямое указание, что “на безнавозной земле четвертая часть высевается больше”, иначе говоря, вместо 8 четвериков ржи — 12,5 четвериков. В Краснохолмском у. той же губернии на безнавозной земле норма высева увеличивалась на 2—3 четверика. Наконец, в Новоторжском уезде посевы ржи и жита (ячменя) на неудобренных землях увеличивались лишь на 6-ю и 7-ю доли, а у овса увеличение было еще меньшим⁷⁰. Разница была наибольшей там, где удобрение вносилось в более или менее большом размере (ок. 400 возов на десятину). Там же, где навоза не хватало, пропадал и эффект снижения густоты высева. Так, в Калужской провинции, где весь навоз осенью практически шел на конопляники при огородах, высев на одобренной и хорошей земле был равен 11—12 четверикам, а на неодобренной — 13—14 четверикам⁷¹.

Третий, пожалуй, наиболее сложный фактор — степень засоренности полевых земель. Засоренность — самый страшный и неистребимый враг земледельца. Густота высева была тем большей, чем большей была угроза от сорняков. В Тульской губернии, особенно в ее южной части, “особливо яровые заглушаются множеством негодных трав и заставляют земледельца... яровые хлеба, а особливо овес, сеять гораздо чаще”. Разница достигала 150% и более⁷². Часто понятие “хорошая земля” сливалось по существу с понятием “земля, чистая от сорняков”. Это видно из рассуждений Федота Удолова в наставлениях своим приказчикам в петербургских имениях. “Ежели будет земля хорошая и довольно удобренная, — пишет он, — на той должно сеять всякой хлеб редко, а на худой и неодобренной земле — чаще, а особливо яровой хлеб, на худой земле редко посеянной, трава одолеет и ничего не уродится”⁷³. По свидетельству современников, для Европейской

⁶⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 75.

⁶⁸ Там же. — Л. 24.

⁶⁹ Там же. — Л. 146.

⁷⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 66, 73, 156.

⁷¹ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 91.

⁷² Болотов А.Т. Некоторые примечания о ближних замосковных местах // Труды ВЭО. — 1791. — Ч. XIV (46). — С. 317. Вологодский агроном и экспериментатор А. Олишев прямо писал, что помещики “не сеют, а усыпают” землю семенами, хотя в целом, видимо, понимали, что редкий высев дает толще стебель, больше колос и т. д. Крестьяне Олонецкого края сеяли густо по той причине, что “от суровой весенней погоды много семян пропадало” (Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 14).

⁷³ Удолов Ф. Наставление // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 42.

России в целом в XVIII столетии характерно появление тенденции к загущению посевов. Агрономическая наука во второй половине века уже четко осознавала этот изъян широкой земледельческой практики, но такова была реальная действительность. Здесь действовал тот же многовековой принцип — “не рисковать!” А.Т. Болотов, описывая возделывание льна на псковщине, упоминает, что норма высева льна на десятину “в половину ржи”, т. е. 6—8 четвериков. В близком Тверском уезде высев льна на десятину 8 четвериков. Есть данные и о высеве льна на “новине” в районе того же Пскова и Новгорода. Там, где сеют четверть овса, льна сеют на “новине” один четверик⁷⁴. Если взять высев овса на “новине” в 2—3 четверти, т. е. ниже обычной на 25—30%, то высев льна соответственно будет 2—3 четверика, максимум 4 четверика. Общая разница очень велика, даже если учесть, что часть ее приходится на повышенное плодородие целины и высокий уровень агрикультуры льна. В Тульской провинции земледельцы, борясь с засоренностью, особенно унавоженных яровых полей, “семян употребляют в полтора раза или еще более против обыкновенного. А все сие и отнимает у многих охоту к... земель своих унавоживанию”⁷⁵. Там же, где общий уровень агрикультуры ниже, разница эта резко снижается. Так, в Зубцовском у. Тверской губ. высев ржи на новорасчищенных землях был равен 9 четверикам, а на старой (унавоженной) пашне — 12 четвериков⁷⁶. В Кашинском у. на удобренную землю идет 12 четвериков ржи (в расчете на “мерную десятину” в 3200 кв. саж.), на среднюю землю — 14 четвериков, а на худую — 16 четвериков или 2 четверти. Овса шло вдвое больше ржи, а ячменя — треть от овса⁷⁷.

***Осень говорит: “Я урожу”,
а весна говорит: “Я еще
погляжу”***

Разумеется, приведенные факты могут служить лишь самым общим ориентиром. Реальная практика земледелия была многообразнее. Приве-

дем сводные поуездные данные о колебаниях бытующих норм высева по Московской губернии в 80-х годах XVIII в. (см. табл. 1.5).

В таблице даны сведения из топографического описания⁷⁸, то есть приближенные (в расчете, видимо, на указную десятину). К сожалению, по северным уездам сведений нет. Норма высева озимой ржи по всей губернии очень стабильна — полторы четверти или 12 четвериков. Меньше могли сеять лишь в Богородицком, Никитском и южных — Серпуховском, Коло-

⁷⁴ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 212—213; Генеральное соображение по Тверской губ. — С. 23; О посеве и приборе льна. — С. 128.

⁷⁵ Болотов А.Т. Некоторые примечания о замосковских ближних местах // Труды ВЭО. — 1791. — Ч. XIV (46). — С. 317.

⁷⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 128.

⁷⁷ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 17.

⁷⁸ Топографическое и историческое описание городов Московской губернии с их уездами.

менском и Бронницком уездах (норма в последнем на редкость низкая). Овес здесь сеяли по обычной средней норме — около 3-х четвертей (минимальная — 2,5 четверти). Здесь резко отличается густым высевом лишь Можайский уезд. Посевы ячменя очень густые, за исключением того же Можайского уезда, где посевы разрежены. Горох сеялся в Подмоскovie очень густо, как и конопля. Средними по густоте были посевы гречи.

Таблица 1.5. Нормы высева в Московской губернии

Уезды	Высев культур (в четвериках на каз. десят.)						
	рожь озимая	пшеница яр.	овес	ячмень	горох	греча	конопля
Московский	12	10	24 и 6.	16	14	9	14
Богородицкий	10—12	10	ок. 24	16	13—14	9	13—14
Можайский	12	9—10	28	8—11	6—8	10—12	11—12
Верейский	12	11	24 и 6.	16	13—14	8—9	13—14
Рузский	12	10	ок. 24	16	14	8—9	14
Никитский	10—12	10	ок. 24	16	12—14	9	13—14
Бронницкий	8	10	ок. 24	16	13—14	9	13—14
Воскресенский	12	10	ок. 24	16	13—14	8—9	13—14
Коломенский	9—12	10	ок. 24	16	13—14	8—9	13—14
Серпуховский	10—13	10	24 и 6.	16	8—9	9	9

Сравним густоту московских норм с данными по Тверской губернии (тоже 80-х годов XVIII в. См. таблицу 1.6).

Хотя губернии являются соседними, однако разница в нормах высева существенна. В Тверской губернии озимая рожь нередко высевается более экономно, чем в Московской (в Бежецком, Весьегонском и Новоторжском нормы заметно ниже и только в Ржевском, Осташковском, Краснохолмском и отчасти в Тверском иногда сеяли гуще, чем в московских уездах). Яровая пшеница в тверских уездах сеялась часто тоже пореже. Но с овсом все обстояло наоборот. Во всех уездах то, что было для Московской губернии максимальной нормой, здесь составляло минимум густоты. А чаще всего высев овса был гораздо гуще (до четырех четвертей на дес.). Нормы высева ячменя в Московской губернии, наоборот, были очень загущенными. В тверских уездах чаще нормы были гораздо меньшими. Горох в тверских уездах сеяли по почти вдвое заниженным нормам. Лишь в одном Бежецком уезде сеяли горох гуще, чем в московских уездах. То же самое с гречей и коноплей.

В пределах самой Тверской губернии существенной разницы между югом и севером нет. Нормы высева в северном Весьегонске по ржи меньше, чем в самом южном Ржевском у. (то же самое по гороху и грече). Явно реже в Ржевском у. лишь посевы пшеницы и ячменя. Таким образом, клима-

тические различия проявляются в крае гораздо более сложным образом, а, пожалуй, наибольшую роль играют почвенные условия. В соседних Бежецком и Краснохолмском уездах высев льна резко отличен по норме (4—6 четвериков в Бежецке и 9—10 четвериков в Краснохолмске). Точно так же разнятся по нормам посева льна соседние Zubцовский и Осташковский уезды (7 четвериков в Zubцове и до 10 четвериков в Осташкове). Высев гречи в северном Весъегонске — 6 четвериков, а в более южном Бежецком — 12 четвериков. Столь же заметны колебания норм посева по гороху (5 четвериков в Вышневолоцком у., 12 четвериков в расположенном поблизости Корочанском у. и 14—16 четвериков в Бежецком у.). Сильно колебались и нормы посева пшеницы: 5—6 четвериков в Бежецком у., 8—10 четвериков в более северном Краснохолмском у. и до 16 четвериков в самом северном Весъегонском у. Это, пожалуй, единственная культура, которая весьма определенно реагировала на географическую широту местности. Что касается ржи, овса, ячменя, то в отношении этих наиболее неприхотливых культур разница норм посева колеблется меньше всего. И все-таки менее густые посевы характерны в целом для двух районов — Кашинского и Бежецкого у. — наиболее плодородных в крае. Думается, что вышеприведенные материалы свидетельствуют о достаточной гибкости и эластичности практики даже в рамках жесткой традиции культур земледелия.

Таблица 1.6. Нормы посева в Тверской губернии.

Уезды	Высев культур (в четвериках на каз. десятину)							
	рожь озимая	пшеница яровая	овес	ячмень	горох	греча	лен	конопля
Тверской	10—13	до 10	до 32	до 16	8	9	8	9
Ржевский	10—14	10—12	до 32	10—14	до 8	до 10	до 8	до 10
Вышневолоцкий	8—12	до 16	24—32	до 16	5	6	12	9
Осташковский*	9—14	8—10	24—32	10—12	до 10	12	до 10	12
Старицкий	9—12	8—12	24—32	10—14	6—8	10—12	8—9	10—12
Корочанский*	10—13	10—12	до 32	до 16	12	12	8—10	8—10
Кашинский	7—12	6—8	24—32	10—16	8	9	8	9
Бежецкий*	8—10	5—7	20—24	14—16	14—16	9—12	4—6	7—9
Краснохолмский	12—15	8—10	28—30	13—16	9—10	8—10	9—10	8—10
Zубцовский*	9—12	9—12	до 28	8—11	6—8	10—12	7	11—12
Весъегонский	8—10	до 16	24—32	до 16	5	6	12	9
Новоторжский	8—10	10—12	20—24	10—12	8—10	8—10	10—12	10—12

*В отмеченных уездах норма дана на “мерную” десятину в 3200 кв. саж.

Внутригубернские различия, как уже говорилось, не дают оснований видеть мотивировку изменения норм в чисто географических моментах (т. е. в

изменении широты расположения местности). Это еще четче подтверждается на сравнении материалов Тверской губернии с данными о бытовавших нормах высева в Переяславль-Залесской и Владимирской провинциях, т. е. географически очень близких к широтному расположению Тверской губ. Во Владимирском уезде в конце 60-х гг. XVIII в. на казенную десятину высевали ржи 2 четверти, а пшеницы 2,5 четверти⁷⁹. В Переяславской провинции — соответственно 2 четверти и 3 четверти. Такого густого высева не было ни в одном из тверских уездов. Необычайно густы, по сравнению с тверскими, в Переяславской провинции нормы высева ячменя (2 четверти и 6 четвериков, т. е. 22 четверика). Нормы высева овса и полбы — 4 четверти (подобный высев овса встречается лишь в Краснохолмском уезде). Столь же велики нормы высева гречи (20 четвериков или 2,5 четверти). Что же касается норм высева гороха, то в Переяславле, наоборот, его сеяли редко (четверть на дес.), что встречалось и в районе Твери. Так же обстояло и с нормами высева льна (10 четвериков)⁸⁰.

Крайне интересна мотивация тех или иных норм высева на севере страны, в пределах Олонецкого наместничества. “Рожь на посредственно урожайной земле сеется вдвое реже, нежели овес, потому, что первая растет кусточками”. “А на навозной земле и на черноземе сеют ее и того еще реже, для того, что (потому что, — Л. М.) удобренная или черная земля... произраждает... слабые зерны”⁸¹. “Напротив того овес на низких местах сеется втрое чаще ржи, дабы менее в промешках его росло травы”. “Ячмень сеют чаще ржи, а реже овса, ибо одно его зерно дает много отростков”. “Пшеница сеется почти столь же часто, как и овес, для того, что она произраждает один только стебель. Но реже всех означенных родов хлеба сеют горох, который растет, растилась по земле”⁸². Здесь торжествует прежде всего принцип экономии и целесообразности, а не принцип неперменного увеличения урожая.

Густое жито веселит, а редкое — кормит

В наиболее южных районах заметна общая тенденция снижения общепринятых норм. Так, в инструкции А.Н. Шестакову в дворцовое село Бобрики высев озимой ржи и озимой и яровой пшеницы определен в 1,5 четверти (12 четвериков), гороха — в 10 четвериков, овса в 3 четверти, а гречи в 1,5 четверти⁸³. Буквально рядом, в Тульской провинции, по свидетельству А.Т. Болотова (Каширский у.), норма высева для ржи — 10 четвериков, пшеницы озимой и яровой — 12 четвериков, ячменя — 8—9 четвериков, овса — 20 и 24 четверика, гречи 8, 9 и 10 четвериков, горо-

⁷⁹ Ответы... по городу Володимеру // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 100.

⁸⁰ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 87.

⁸¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 34.

⁸² Там же. — Л. 34 об.

⁸³ Журнал землевладельцев. — 1859. — № 23. — С. 302.

ха 8 и 9 четвериков в зависимости от качества почвы⁸⁴. К югу нормы высева резко снижаются, хотя и не по всем культурам. Так, в Острогожской провинции норма высева ржи — четверть на десятину, а для пшеницы еще меньше (четверть на 1,3 десятины)⁸⁵. В условиях резко континентального климата, несмотря на южные широты, нормы высева некоторых культур снова резко повышаются. В Оренбургской губ., по данным П. Рычкова, ржи высевали 2 четверти на дес. (столько же высевали и пшеницы). Норма высева гороха — четверть, конопли — четверть, а репы — 2 гарнца (четверть четверика) на казенную десятину⁸⁶.

Нормы высева непосредственно отражают общепринятые традиционные приемы агрикультуры. Тем интереснее сопоставить их с данными, отражающими в той или иной степени реализацию этих норм. В этом отношении немалый интерес представляют поуездные расчеты высева на десятину по Орловской губернии. Материал этот дает сведения по 8 культурам за самый конец XVIII в. (1797 г.)⁸⁷. Это среднестатистические данные (см. табл. 1.7).

С точки зрения географической наиболее ощутима разница между западными районами Орловской губернии и всей остальной территорией. В Карачевском, Брянском, Трубчевском и Севском уездах густота высева основных культур (ржи, овса, гречи), где нет столь тучных черных земель, но в почве много извести, существенно ниже (четверть ржи вместо полутора, четверть гречи вместо полутора и даже двух четвертей, две четверти овса вместо трех в большинстве уездов). Наибольшая разница в посевах проса и гороха. Если в одном из основных по посевам проса, Елецком уезде густота высева в среднем 4 четверика на дес., то в Севском у. она снижается до 0,6 четверика. Вообще в Севском у. самые редкие посевы проса, гороха и конопли (0,6 четвериков, 0,5 четверти и 0,75 четверти). В уездах, специализирующихся на посевах гречи (а это практически все уезды, кроме Трубчевского и Брянского, где посевы этой культуры самые меньшие), довольно четко видна тенденция к более густым посевам (Кромский и Болховский у. — 2 четверти на дес., Елецкий у. — 1,8 четверти на дес.). Только в Орловском и Мценском у. высев гречи 1,5 четверти на дес. Разумеется, в рамках каждого уезда были существенные отклонения от средней цифры. А это значит, что были высевы и в 3—4 четверти на дес., и более разреженные (1 четверть на дес. и менее). На городских землях Севска высев гречи был равен 0,6 четверти на дес. Для городских полей нет какой-то особой закономерности в густоте высевок. Главное условие — характер почвы, степень чистоты от сорняков. Так, в Болхове, Орле, а отчасти в Ельце и Карачеве посевы овса были более редкими, чем в их уездах (разница в 2 раза и менее). Наоборот, в Орле пшеницу сеяли вдвое гуще, чем в уезде.

⁸⁴ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 151.

⁸⁵ Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 164.

⁸⁶ Рычков П. Ответы по Оренбургской губ. // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 138.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 273. Оп. I. № 19068 (подсчет наш, — Л. М.).

Таблица 1.7. Густота высева по Орловской губ. (1797 г.). (Четвертей на десятину)

		Культуры							
		рожь	пшеница	овес	ячмень	греча	просо	конопля	горох
Уезды	Болховский	город уезд	1,0 —	2,0 3,9	— 1,5	— 2,0	— 2 чка	— 2,0	— 1,0
	Мценский	город уезд	1,5 1,45	2,0 2,2	— —	1,5 1,5	3 чка 2 чка	1,0 1,0	0,75 1,25
	Орловский	город уезд	2,0 1,5	2,0 4,0	— —	2,0 1,5	1 чк —	0,6 —	0,3 1,0
	Кромский	город	1,5	2,0	—	2,0	—	2,0	—
	Елецкий	уезд	1,5	2,5	1,5	2,0	2 чка	1,5	0,5
	Ливенский	город уезд	1,5 1,0	3,0 3,0	— 1,6	1,5 1,8	1,7 чка 4 чка	— —	— —
	Карачевский	город уезд	1,5 1,0	3,0 2,5	— 1,6	2,0 1,5	2 чка 2 чка	2,0 2,0	1,0 1,0
	Брянский (округ)	уезд	1,1	3,0	1,0	1,0	—	0,75	—
	Трубчевский	уезд	1,1	3,0	1,5	1,1	2 чка	1,1	1,0
	Севский	город уезд	— 1,1	— 2,3	— 1,5	— 2,0	— 0,7 чка	— 1,2	— 1,0
		город	1,0	—	—	—	—	—	—
		уезд	1,0	1,95	1,0	1,0	0,96 чка	1,3	0,7
		город	?	2,0	—	0,6	1 чк	1,0	0,5
		уезд	1,0	?	—	1,0	0,6 чка	0,75	0,5

Стремясь к большей точности получаемых показателей, мы можем от среднеуездных данных перейти на уровень каждого конкретного селения. Такую возможность вычисления массовых данных о реальных размерах высева дает нам одно из топографических описаний по Курской губернии, составленное в 1783 году. Этот уникальный источник содержит, во-первых, конкретные данные о размерах пашенных угодий, о посевных площадях под каждой культурой по каждому селению того или иного уезда, во-вторых, параллельные данные о количестве высеянного зерна по каждой культуре. Соответствующие расчеты дают в итоге фактическую совокупную норму высева по каждому селению (см. табл. 1.8)⁸⁸.

В таблице представлены обобщенные данные, отражающие долю селений, где встречается та или иная норма высева. Щигровский, Тимский и Белгородский уезды как бы разрезают Курскую губ. с севера на юг. Таким образом, при общем сравнительно однородном плодородии черноземов губернии можно выделить разницу в посевах по географической широте.

В Щигровском у. по ржи наиболее распространена норма высева в 1,5 четверти (12 четвериков) — в 38% селений (всего посевы зафиксированы по 148 селениям уезда). Для черноземов — это некоторое загущение посева. Более идеальной была бы норма в 8 четвериков, но она встречается здесь очень редко. Чаще практиковался высев в 10—11 четвериков (15%). Наконец, довольно заметную долю (19%) составляли сильно загущенные посевы ржи (2 четверти на десятину). Вероятнее всего, это способ борьбы с буйными сорняками черноземных степей. В Тимском у., занимающем срединное положение в крае, уже заметно возрастает практика высева в 10—11 четвериков (34,4% всех селений — всего их 96). Но сильно загущенные высевы в 2 четверти (16 четвериков) распространены еще больше, чем в Щигровском у. (31,3%). В самом южном Белгородском у. губернии нормы высева ржи резко меняются. Хотя загущенные высевы в 16 четвериков достаточно заметны (22%), однако резко возрастает доля высева в 8 четвериков (21%), и самое большое распространение получает высев в 10—11 четвериков. В целом к югу посевы ржи сильно редкеют. Важной причиной тому было существование в этом регионе системы пестрополя, в которой существенную роль играла распашка залежей или целины, т. е. наиболее чистых от сорняков массивов пашенных угодий. Это, а также природно-климатические факторы и приводили к разрежению густоты высева ржи. Такая культура, как пшеница, пожалуй, наиболее чувствительна к изменению географической широты посевов даже в границах одной губернии. Если в северном

⁸⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800. Подсчет наш. В таблице приведены процентные данные по наиболее употребительным нормам высева. Подробные данные об остальных менее распространенных фактических нормативах высева см.: Милов Л.В. К вопросу о нормах высева во второй половине XVIII в. (По материалам Курской губернии). В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник VII. Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. — М., 1969. — С. 70—83.

Щигровском у. преобладают загущенные посевы в 16 четвериков (31,3%), а доля нормальных высевов в 8 четвериков очень невелика (12,9%), то в южном Белгородском у. картина резко меняется. Норма высева в 8 четвериков встречается уже в 25,7% селений (всего их 90), 12,2% составляет норма в 9 четвериков и норма в 10—11 четвериков — 36,6%. Загущенных посевов нет совсем.

Очень интересна практика агрикультуры овса. Это край, где овес не столь плодovit, как севернее, но столь же необходим в крестьянском хозяйстве. Распределение норм высева соответствует этому. Всюду с севера на юг Курской губернии четко преобладают, как и в Орловской губ., нормы высева в 2 четверти — (16 четвериков) на десятину. Для данного района это, видимо, наиболее оптимальная норма (в Нечерноземье обычный высев в 1,5—2 раза гуще). В Щигровском у. она составляет 36,7%, в Тимском у. — 55,1%, а в Белгородском у. — 32,5%. С другой стороны, в северных пределах губернии очень существенную долю занимают густые высевы овса (17—22 четверика — 9,3%, 24 четверика — 23,7%). Наоборот, в южном Белгородском у. чаще встречаются и очень редкие высевы овса (10—11 четвериков в 29% селений, а 12 четвериков — в 11,6% селений). Видимо, такова доля овсяных посевов на залежных, наиболее чистых полях.

Гречиха, как известно, является культурой, не требующей особого плодородия почвы. Курская губерния входила в особый “гречишный регион” Черноземья России, где эта культура имела товарный характер. В связи с этим практические нормы высева гречи особенно интересны. Как уже говорилось, по данным А.Т. Болотова, на севере Тульской губернии плотность высева гречи равнялась четверти на десятину (при урожайности сам-3, сам-4). В Курской губернии картина иная. Норма высева в 8—9 четвериков встречается в 12—14% случаев в Тимском и Белгородском уездах. Основной нормой для Щигровского у., как и многих районов Орловской губ., был высев 1,5 четверти (12 четвериков) на десятину. Очень существенна здесь доля высевов в 13—16 четвериков (21,2%). В Тимском у. преобладает норма в 2 четверти на дес. (34%). И только в Белгородском у. господствует норма в 10—11 четвериков (35%). Такое распределение плотности высева наводит на ряд размышлений. Видимо, в этих районах, как и во многих районах Орловщины, греча сеялась главным образом на засоренных полях, поскольку, как уже говорилось, в XVIII столетии хорошо были известны свойства гречи очищать поля от сорняков. Известны были и качества гречи как предшественника, повышающего плодородие почвы.

Конопля, как уже говорилось, также является для этого района товарной культурой. В Курской губ., как и во всех остальных, конопля сеялась на ежегодно удобряемых навозом специальных полях (конопляниках). Реальное распределение норм высева конопли здесь уже менее всего зависит от того, южнее или севернее расположены те или иные поля. Лишь в Бел-

городском у. заметна общая, не слишком сильная тенденция к ослаблению густоты высева. Для двух остальных уездов характерна наиболее резкая поляризация норм высева конопли. Это, с одной стороны, преобладание редких высевов в 8 четвериков (в Щигровском у. — 32,8%, в Белгородском у. — 38%, в Тимском у. — 15,5%). С другой стороны, это не менее заметное распространение густых (16 четвериков !) высевов (в Щигровском у. — 22,6%, в Тимском у. — 29% и только в Белгородском у. — 15%). Такая поляризация зависит не от климатических условий, а, скорее всего, от условий рыночной конъюнктуры. Густые высева предназначались на выделку тонкой пеньки и получение семян, а разреженные посевы, наоборот, толстой пеньки.

Таким образом, материалы по фактическим нормам высева дают возможность говорить о том, что в реальной жизни от 25 до 30% крестьянских хозяйств, в силу тех или иных обстоятельств, не могли придерживаться нормативов высева, выработанных многовековой традицией. Еще больший процент крестьянских хозяйств ломал эти нормы под влиянием практики товарной специализации той или иной культуры.

**Яровой сею —
по сторонам гляжу,
ржаной сею —
шапка свалится —
не подниму**

Сев на огромной территории России был повсюду строго определенной процедурой. Наиболее подробно она описана П. Рычковым. Сначала готовую к севу землю “разлещивают”, т. е. делают борозды сохой через каждые 2 сажени и так размечают весь загон, “чтоб видеть, как семя ложится, чтоб обсевки и ошибки не сделать”⁸⁹. Далее земледелец надевает через плечо специальное лукошко с семенами и, идя по борозде, бросает горстью зерно вперед на обе стороны так, что почти все зерна равномерно ложатся. “Обыкновенно, — пишет П. Рычков, — бросают их в обечайку онаго лукошка; от которой уже те зерна и отпрыгивают”⁹⁰. Иначе говоря, горсть зерна бросают прежде в край лукошка под особым углом для более равномерного разлета зерна. Были и исключения. Так, в Костромской губ. “зерна сеют из рук в разброс”, а борозды наводят лишь для стока дождевой воды⁹¹. “Доброй и в севе искусной человек в день может высеять и забороновать осьмину”⁹², т. е. в расчетах П. Рычкова это полчетверти зерна. Сев требовал особого искусства от земледельца и был очень напряженной работой. Лучшее время сева в разных местах определялось по-разному. Сеяли и в дождь, и в сухое время, и после дождя, и перед дождем. В основе была местная традиция. Заделка семян имела два основных

⁸⁹ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. I. — С. 485.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 38—40.

⁹² Там же.

варианта. “Обыкновенно, — писал И. Комов, — хлеб сеют двояким образом; или взборонив пашню и засеяв, сохою семена или плугом запахивают; или, вспахавши взбороненную землю и посеяв, заборанивают семена. Под плуг или под соху сеют по большей части озимь на паренине, а под борону... ярь на всякой земле”⁹³. Более глубокая заделка семян в конечном счете давала хорошее укоренение, сильный стебель и колос. В инструкции М. Голицына в с. Троицкое (1767 г.) это наблюдение формулируется очень четко: при заделке сохой или плугом рожь “родится соломою ядреная и колосом крупная, а которая сеетца под борону и на тех землях к сухому году родятся низки и колосом мелки”⁹⁴. Угроза засухи в XVIII в. была реальной даже в Вологодском крае. А. Олишев, отмечая в Вологодском у. несколько локализаций с хорошей почвой, подчеркивает, что такого качества земля “ни великой засухи, ни мокроты не боится, а хлебу всегда хороший урожай бывает”⁹⁵. И тем не менее, заделка семян плугом или сохой была распространена далеко не всюду, а главное, далеко не для всех культур. Это объяснялось, во-первых, характером почв. В рамках даже сравнительно небольшого региона разные почвы давали эффект при разных погодных условиях. Так, в Корчевском у. Тверской губ. земля плодородна “особливо при сухой погоде”. В Бежецком у. той же губернии “хлеб родится в южной стороне уезда лучше во время сухой погоды, а к Краснохолмскому уезду (т. е. севернее, — Л. М.) во время дождливое”. В самом же Краснохолмском уезде “земля плодородна, а особливо в умеренную погоду”. В Калязинском же уезде вновь наибольшие урожаи бывают “особливо в сухое время”⁹⁶. Погодный фактор, таким образом, всюду непосредственно влиял на способ заделки семян. Вторым таким фактором было качество грунта: на рыхлой земле сеют под соху, а на крепкой и глыбистой под борону, т. к. всходы при излишнем заглублении в крепкой глинистой и иловатой земле могли погибнуть⁹⁷. Поэтому в пределах той же Тверской губ. можно было наблюдать то один, то другой способ заделки семян. В Кашинском, Весьегонском, Калязинском, Краснохолмском и Тверском уездах сеяли, как правило, под борону и озимые и яровые⁹⁸. В Корчевском и Старицком уездах — рожь сеяли под борону, а яровые под соху⁹⁹. Яровые сеяли под соху и в Вышневолоцком у. В Бежецком у. рожь и лен сеяли под борону, а яровые под соху. В Зубцовском у. все зависело от погоды: “сеют под борону в мокрое, под соху — в сухое время”¹⁰⁰. Практически по всей Переяславль-Залесской провинции семена и

⁹³ Комов И. О земледелии. — С. 256.

⁹⁴ Собрание старинных бумаг... П.Н.Щукина. — Т. III. — М., 1897. — С. 346.

⁹⁵ Олишев А. Указ. соч. — С. 108.

⁹⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 55, 65, 73, 128, 47.

⁹⁷ Там же. — С. 5; Комов И. О земледелии. — С. 254.

⁹⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 37, 83, 48, 74, 23.

⁹⁹ Там же. — С. 56, 114.

¹⁰⁰ Там же. — С. 94, 66, 129.

озимых и яровых заделывали боронованием, что, видимо, связано с интенсивной предварительной обработкой пашни (троение и двоение) и преобладанием тяжелых почв¹⁰¹. Только овес сеялся сразу же после однократной вспашки и боронования, “и как скоро сие последует, то того же дня засевают и заборанивают”¹⁰². В Костромской губ. всюду, за редким исключением, семена лишь заборанивали. Там же, где грунт был “тугой и глинистый, а от части смешанный с крупным песком и хрящем” (мелким камнем, — Л. М.), семена и запахивали, и боронили. Так, в Солигаличском у. “только ради лутчаго умягчения тугой своей земли на вспаханных и забороненных полях, когда высеют зерна, тогда лехкими сохами, кои называют черкушами, землю мешают и напоследок заборанивают”¹⁰³. В северных пределах Черноземья, там, где весенне-летняя влажность почвы недостаточна, а ее механические качества были более или менее удовлетворительны, заделка семян производилась и пахотой, и боронованием. Так, в Рязанской провинции земледелец семена “запахивает, а потом оною ж бороною волочит (кроме ржи) всякой внешней хлеб, чтоб посеянные зерна наверху остаться не могли”¹⁰⁴. В Каширском у. озимую рожь после однократной пахоты земли и боронования “разсевают оную и запахав боронят”. Пшеницу, ячмень, гречу после двоения сеют, а “посеяв пахут третий раз и заборанивают”. Так же поступают с овсом и горохом¹⁰⁵. В степных регионах, как писал А.Т. Болотов, “всякой хлеб сеют под соху”¹⁰⁶. В Тамбовском, Липецком, Борисоглебском и др. уездах Тамбовской губ. озимую пшеницу в 80-х годах XVIII в. запахивали и заборанивали (а озимую рожь, как и яровые, только запахивали)¹⁰⁷. В Воронежской губ. семена, как правило, и запахивали, и заборанивали. Правда, в Воронежском у. семена озимых только запахивали, а яровых и запахивали, и заборанивали¹⁰⁸. В Задонском у. озимый сев в некоторых селениях тоже только запахивали, а в других и запахивали, и заборанивали, т. е. поступали, как с яровым севом¹⁰⁹. На плоскогорьях Урала на новых “от века... ненавоженных землях, вспахав первый раз, тот же час по тому и сеют, а потом немедленно заборанивают. Почему там крестьяне, зделавши помощь (т. е. на общинных началах, — Л. М.), завсегда одним днем всю свою пашню истребляют”¹¹⁰. Как уже говорилось, вполне возможно, что столь стре-

¹⁰¹ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 67, 91, 139—141.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). Оп. 1. № 603. Лл. 39 об.— 40, 165 — 165 об.

¹⁰⁴ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 57.

¹⁰⁵ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 157.

¹⁰⁶ Экономический магазин. — Ч. I. — М., 1780. — С. 240.

¹⁰⁷ Описание Тамбовского наместничества. // Собрание сочинений, избранных из месячных словес. — Ч. VI. — СПб., 1790. — С. 439, 497 (1784 год).

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18618. Ч. II. Л. 89 и др.

¹⁰⁹ Там же. Л. 96 об.

¹¹⁰ Там же. № 19002. Л. 8.

мительная обработка и сев обусловлены недостаточной влажностью и необходимостью ранних сроков сева. Заборонка семян была характерна в Пермской губ. и для всех иных посевов (и после двоения и троения яровых и озимых). В южных черноземных и степных районах России семена обычно запахивали, хотя влажность здесь была явно недостаточна. В связи с этим заслуживают внимания наблюдения очевидцев за общим способом обработки пашни. “А есть в украинных (т. е. окраинных, — Л. М.) сторонах и таковой обычай, — читаем мы у одного из современников, — что на таких же землях сеют прямо на непаханное поле и потом только излегка запахивают, бороны и вовсе не употребляя. Однако же со всем столь легкостным обработыванием пашен в тех сторонах обыкновенный урожай бывает не менее как в 5 и 6 раз против посева”¹¹¹. Расчет земледельца был здесь на почвенный запас влаги, из-за чего земля, свободная от сорняков, иногда даже и не пахалась, и сев шел по стерне.

Как уже говорилось выше, в Кизлярском у. Астраханской губ. казаки пахали всего один раз и сразу сеяли зерно, после этого боронили многократно. В бороны, “сделанные из терна с наложенною на них для тяжести землею(!)”¹¹², запрягали по 2 и по 3 пары волов. Видимо, это были агрегаты весьма внушительной величины, в основе которых были сучья терновника. Их “таскают... по сеенному месту для закрытия семян, проходя раза по два и по три по одному месту, пока земля несколько заровняется”¹¹³. В землях Моздокского полка боронили после сева четырежды, причем старались пласты опрокинутой плугом земли не разрушать и мельчить, а умягчить лишь поверхностный слой¹¹⁴. Возможно, что для этого применялись более легкие бороны¹¹⁵.

Подводя краткий итог, мы вновь убеждаемся, каким сложнейшим делом было земледелие в России. На огромных пространствах Европейской России русские крестьяне, из века в век осваивая земли, сталкивались с разнообразными и отнюдь не однозначными сочетаниями особенностей почв, климата и микроклиматических аномалий. Рядом расположенные территории имели подчас довольно сильные различия, неучет которых, видимо, пагубно сказывался на судьбе десятков тысяч земледельцев. И тем не менее, русский пахарь четко адаптировался к особенностям того или иного района, и положительный опыт превращался в жесткую традицию. Однако с течением времени можно отметить и существенную эволюцию, скажем, в нормах высева. От традиционно редких высевов, при которых чем земля лучше, тем реже высев (и наоборот), русское крестьянство (и прежде всего помещичье

¹¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19002. — Л. 10 об.

¹¹² Там же. № 18570. Л. 85 об.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. — Л. 94 об.

¹¹⁵ Там же. — Л. 90.

хозяйство) перешло во второй половине века к практике более густых высевов. Вместе с бытованием старого сверхэкономного принципа — на хорошей земле и при редком высеве можно обеспечить себя хлебом — стал постепенно укореняться и другой подход: больше посеять — больше прибыль будет. Правда, в России однозначной логики этого подхода не было. Часто густой высев — это просто борьба с сорняками, а не корыстные замыслы богатеющего крестьянина. При всем этом в основе ответственной операции лежал труд крестьянина.

Очерк четвертый

ЖАТВА И ХРАНЕНИЕ ЗЕРНА. ЛЕН ДОМАШНИЙ И ТОВАРНЫЙ. КОНОПЛЯ

Бабки, суслоны, крестцы

Основные зерновые культуры (рожь, овес, пшеницу, иногда ячмень) по всей России жали серпами и вязали в снопы (см. рис. 9). “Жнец делает сперва, — писал современник об этих работах в Тверской губернии, — из того же хлеба... пояс и на земле оной расстилает, потом жнет, набирая столько в руку его, сколько захватить может, и таковыя наборочки кладет на пояс до тех пор, покуда не увидит, что сноп полон. Тогда связывает поясом и ставит на землю колосьем вверх. Снопы, так оставленные, стоят часа два, три, а иногда и до самого вечера. А тогда забирают их и кладут в крестцы”¹. Чисто внешне все это выглядит крайне просто (см. рис. 10). На самом же деле, за каждым движением жницы или жнеца стоит опасность потери зерен. Шанс этой потери А.Т. Болотов видел в каждом жесте: “С какою проворностию захватывает жнец в пясть свою былины. С какою силою срезывает их серпом; как машет срезанными из них, покуда нажмет полную горсть, и с какою силою кладет или паче бросает их в кучку для собрания снопа целого; и сколь многократное и сильное потрясение должны при сем одном случае вытерпеть колосья”². “Посмотрите, как жнец станет вязать сноп и как потом таскать их в кучи и складывать в копны... Посмотрите, не потащат ли бедные снопы не за волосы, а за гузу”³. Иначе говоря, жатва была крайне напряженной, требующей ежесекундного внимания работой. Сноп обычно был размером в 5 горстей (наборочков)⁴.

Во время жатвы готовые снопы в Нечерноземье ставили первоначально в суслоны или бабки. В пределах Архангельской губ. они были в 8, 10 и 13 снопов⁵. В Тверской губ. суслоны, как правило, состояли из 10 снопов

¹ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 30.

² Сельский житель. — 1779. — Ч. II. — С. 134.

³ Там же. — С. 135.

⁴ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 493.

⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 57.

(Ржевский, Краснохолмский, Весьегонский, Вышневолоцкий, Осташковский, Старицкий и Бежецкий уезды)⁶. В Тверском уезде и в некоторых уездах Московской губ. (Московском, Серпуховском, Клинском) бабки ставили из 15 снопов⁷.

Из суслонов снопы перекладывали в крестцы (см. рис. 11). В Тверской губ. крестец формировался из сложенных плашмя на поле четырех снопов крестом, где колосья располагались в перекрестье (отсюда “крестец”). Один крест из 4 снопов образовывал нижний ряд, а всего в крестец клали 20 снопов (в 5 рядов)⁸. И этот обычай был всюду: и в Московской, и в Тверской губерниях крестец слагался из 20 снопов. Нижний сноп (двадцать первый) в основе крестца перегибался вдвое и клался к земле огузьями (“вязкою”). В Старицком уезде Тверской губ. крестцы были огромными — в 50 снопов⁹. В целом же в Центральной России в крестец шло 12—14 снопов, то есть он был в 3—4 ряда, сверху крестец покрывали еще одним снопом колосьями вверх¹⁰. Иногда крестцы именовали копнами. По свидетельству А.Т. Болотова, копны были разных размеров: 1) в 15—17 снопов, 2) в 52 снопа и 3) в 60 снопов¹¹. Если в Подмосковье, как и вообще в Нечерноземье, при жатве сразу же сами жнецы вязали снопы, ставя их стоймя, то южнее Калуги и далее на юг уборка была несколько иной. В. Зуев, в частности, пишет, что “во всем Калужском уезде... сельский образ в убиении хлеба... совсем особенный от московского. Оный различествует не только величиною снопов, которые по большому плодородию несравненно больше, так что два оных едва сильному человеку стащить можно, но и кладкою в копны. Бабы по снятии хлеба серпом раскладывают его по полу, чтоб он сох на земле на воле. Потом его вяжут в снопы и оные кладут крест на крест колосьем врознь”¹². Упор в технологии этого вида сделан прежде всего на сушку колосьев. Поэтому сжатые горсти и снопы долго лежат не связанными, поэтому и крестцы кладутся по-особому, так что два снопа, положенные друг на друга крестом, торчат колосьями наружу. В большинстве черноземных районов четыре таких огромных снопа вместе с пятым, поставленным “крышей”, образовывали копну. В Оренбургской губ. их звали “пятками”¹³. Обычно копны стояли недели две для переваливания попавшей в них

⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 120, 74, 83, 94, 105, 141; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 139 об.

⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 52 об.; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 86, 317, 230.

⁸ Комов И. О земледелии. — С. 273; Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 30.

⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 141.

¹⁰ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 159—160; Ответы... по городу Володимеру // Труды ВЗО. — 1769. — Ч. XII. — С. 97—115.

¹¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 160.

¹² Зуев Василий. Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. — СПб., 1787. — С. 51.

¹³ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 493.

травы и подсушки соломы. Однако в той же Оренбургской губ. “пятки” уже вечером того же дня перекладывали в скирды или копны. В северных районах, в условиях большой влажности (Вологодская губ. и др.) снопы формировались в “суслоны”, где стоймя помещалось, включая наверх, 17 снопов¹⁴. В Олонецких землях в суслон клали всего 10—12 снопов¹⁵. В Холмогорском районе в суслоне было от 8 или 10 до 13 снопов, но потом снопы развешивали по шестам. Только потом клали в кучи или кладни. В Шенкурске в суслон кладут 10—13 снопов, а ячменя по 7—8 снопов¹⁶. На Урале, в Пермской губ. снопы клали, как и в Центре России, в бабки (“бабками называются: снопов 12 ставят вместе, [а] сверху закрывают тринадцатым”)¹⁷. Такие бабки ставили в Пермском, Обванском, Оханском уездах. В поле бабки обычно стояли недели две и более, “чтобы солома и трава завяли”¹⁸. Это время используется земледельцами для второй вспашки под озимь. В Ирбитском у. снопы складывали в суслоны (озимые — по 6-ти снопов, а яровые — по 10-ти снопов в суслон). В ведро, т. е. в ясную погоду, суслоны стоят здесь всего 4 дня и лишь в ненастье — по неделе и более¹⁹.

**Скирды. Одонья —
хранилища под
открытым небом**

В Центре России, в частности в Переяславской провинции, копны снопов также стоят 2, а иногда и более недель²⁰. Из копен хлеб перевозили на гумно и клали стога и скирды с “одоњьями” или без них. Одоњье — специальный настил из жердей и плетеного из сучьев пола, поднятого над землей на три четверти аршина и выше. Столбами-опорами одоњья могли служить бревна или дерновые столбы²¹. В Костромской губ. в круглые одоњья помещали от 2-х до 3-х тысяч снопов²². В Тверской губ. в копны укладывали по 1—1,5 тысячи снопов, а в скирды — по 4,5 тыс. и по 8 тыс. снопов. Там, где места низкие, как в Осташковском у., снопы убирают в “за[го]роды” традиционной конструкции. “В гумне ставятся два высокие столба продолбленные, один от другого в 4-х и 5-ти саженьях, сквозь которые продеваются толстые жерди: одна от другой по аршину до самого верха. Жердей кладется до десяти и более. На оныя убирают снопы, укладывая с обеих сторон колосьями в середину. Таким образом уложенные снопы сверху до низу представляют стену. А загороды перед копами и скирдами имеют ту выгоду, что хлеб на оных, хотя бы и складен

¹⁴ Олишев А. Указ. соч. — С. 122.

¹⁵ Экономические ответы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 21.

¹⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 497. Лл. 57, 75 об.

¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Лл. 39 об., 68 об., 78.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. — Ч. II. Л. 121 об.—122.

²⁰ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 93.

²¹ Удолов Ф. Наставление... // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XV. — С. 116.

²² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 40.

был и мокрой, не слеживается, ибо, лежавши тонко и между жердями, имеет довольно пустоты для прохождения воздуха”²³. Вполне возможно, что в нечерноземной и дождливой по летне-осеннему времени обширной зоне такие загороды были повсеместны, так как обеспечивали хлеб от загнивания.

Крестьяне же, как правило, клали снопы в копны, а помещики в скирды²⁴. Скирд в Оренбуржье клали в два ряда снопов зерном внутрь. Длина скирды была произвольной. В так называемую “большую кладь” загружалось около 200 телег снопов, в “одонье” шло от 80 до 100 телег снопов²⁵. Видимо, такого же рода “клади” были в употреблении в Пермской губернии. Располагались они либо на гумнах, либо, если пашни отдаленные, то прямо на полях. От скота их огораживали “остожьями”²⁶. В телегу (“одреу”) помещались примерно три суслона или около 50 снопов²⁷. Во второй половине века телеги были и четырех- и двухколесные (см. рис. 12). И. Комов резко критикует русские телеги: “Наши телеги очень худы; во-первых, чрезмеру малы; во-вторых, или диравы, или мелки”²⁸. Основные элементы телеги: “четыре колеса, две оси, четыре чеки, тяжи, подтяжки, оглобли”²⁹, “колеса у них чрезмерно низки”³⁰ и т. д. Но тем не менее такие телеги были всюду. А полсотни лет пораньше их решительно внедряли в хозяйство вместо двухколесных. Так, в инструкции П.М. Бестужева-Рюмина управителю его имения под Череповцом (1733 г.) сказано: “Телеги, конечно, которые были одры двоеколесные, все изрубить без остатку, а держать телеги четвероколесные, что самим будет прибыльнее и лошадям легче. А ездить — с возжами, а будет верхом — подстилая подушку или войлок. А для навозу хотя и держать по одной малой телеге по одноколеске, возить навоз...”³¹ В Костромской губ., например, “особливые составляют повозки на 4-х колесах с их осями, кои берут из под обыкновенных телег. На оси кладут рамы, у коих по концам стоячие бруски перевязаны сверху поперечными, вышиною, сколько должно вместить на нее снопов. Таким образом с передней и задней стороны оными рамами снопы на ней удерживаются. А кладут их с обеих боков колосьями в средину повозки, чем сберегаются зерна, чтоб не высыпались. На кладенной воз прижимают сверху вдоль толстою жердью или веревками. Сколь сия повозка в сложении своем проста, столь для прямого своего на осях основания и длины не подвергается, едучи по неровной пашне, быть опрокинутой, ибо передняя ось не [с]только отягощена, как у обыкновенной телеги, а потому и лошадь в ней вести может больше”³².

²³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 106.

²⁴ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 31.

²⁵ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 493.

²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 121 об.—122.

²⁷ Олишев А. Указ. соч. — С. 182.

²⁸ Комов И. О земледельных орудиях. — СПб., 1785. — С. 23—24.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. — С. 37.

³¹ Русский архив. — 1904. — Кн. I. — М., 1904. — С. 36.

³² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 40—41. Одры сходной конструкции дожили в деревне до XX века.

Особо драматична была перевозка снопов на гумна в черноземных степных районах, так как сама процедура влекла огромные потери зерна. А.Т. Болотов писал по этому поводу, что обколачиваются “бедные снопы и при наклаживании их на телеги, и при увязке снопов, и паки при складке скирдов и вскидывании на одонье... А во время самого везения на телегах посмотри-те, какое трясение, какие толчки и какое отрепывание колосьев об колеса и бирюльки происходит”³³. В степных уездах “ужасное... множество всякого рода хлебов пропадает... от того, что пашенные поля в иных местах лежат весьма далеко (до десяти верст и более, — Л. М.) от селений”³⁴.

В Вологодском краю первый нижний ряд скирда ставили вверх колосьями на “вязку” (“огузья”). Остальные клали плашмя колосом внутрь. Формировали скирд обычно 2—3 человека, стоя на самом верху. Сверху стлали ряд снопов колосьями вниз. Так начиналось формирование “навершия” или соломенной непромокаемой крыши скирда. Каждый скирд вывершивался опытными скирдовщиками. Сверху скирд укрепляли жердями. В Воронежских краях, по свидетельству И.А. Гильденштедта, хлеб клали в стога в форме усеченного конуса. Такой стог имел в окружности около 10 сажений. Стога ставились на досках в 25—33 см от земли (т. е. на одоньях). Так же как в скирдах, в стогу снопы укладывались внутрь колосом; сверху стог покрывали соломой (“вывершивали”). И.А. Гильденштедт подчеркивал, что “если умело поставить стог, то хлеб сохраняется в нем невредимым около 10 лет и все еще бывает пригоден для посева”³⁵. Гильденштедт считал скирдование и стогование хлеба лучшим способом его хранения (лучше, чем в амбарах) (см. рис. 13). Того же мнения придерживался и И. Комов: “Самый простой и лучший способ есть тот, чтобы беречь его (т. е. хлеб, — Л. М.) немолоченный в скирдах, на столбах складенных”, “сим способом... множество хлеба на многа лета сберечь можно без повреждения”³⁶.

Хранение снопов в одоньях и скирдах характерно для южных, заокских земель. Как заметил А.Т. Болотов, обычай “сей происходит от подражания обыкновению наших предков — беречь хлебы по несколько лет в скирдах и одоньях немолоченным”³⁷. Во второй половине XVIII в. это “обыкновение” — уже “далеко не так повсеместно, как было в прежние времена” “не только у помещиков, но и у самых крестьян, а особливо однодворцев”³⁸. Вероятно, основной фактор, ведущий к исчезновению этого обычая, — рост товарности крестьянского хозяйства, необходимость для хозяина хлебного урожая

³³ Сельский житель. — 1779. — Ч. II. — С. 136.

³⁴ Экономический магазин. — 1781. — Ч. V. — С. 82—83.

³⁵ Гильденштедт И.А. Путешествие академика Гильденштедта И.А. — Отд. отт. // Харьковский сборник за 1891 год. — С. 18—19; См. также: РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 89 об.

³⁶ Комов И. О земледелии. — С. 288.

³⁷ Экономический магазин. — Ч. V. — 1781. — С. 85.

³⁸ Там же. — С. 86.

знать, сколько же у него реального запаса зерна. Имея хлеб в скирде, на это трудно ответить. Да и за несколько лет это “богатство на показ” “со всяким годом приметно уменьшается”³⁹. В степных краях, там, где сохранялось еще натуральное хозяйство, большая часть жителей “не делает с осени ни малейшего рассмотрения, сколько у них всего хлеба намолотится, сколько им потребно на годовой расход и сколько у них за расходом останется”⁴⁰. “В случае хорошего урожая... ни мало не берегут онаго”, “тратят много без всякой бережки и множество излишнего” (здесь А.Т. Болотов имеет в виду прежде всего тамошних помещиков): “и скоту, и дворовым, и диким птицам дают волю обивать и выклевывать его в своих одоньях и гумнах”⁴¹. Нередко и свиней кормили целыми снопами. В итоге запасы кончаются задолго до нового урожая.

Косьба яровых

Как известно, указами Петра I в практику сельского хозяйства была внедрена косьба яровых хлебов косами со специальными крючьями на древке для одновременного с косьбой сгребания хлеба в рядки (см. рис. 1). К середине XVIII в. этот способ уборки прочно вошел в крестьянский быт. В Воронежском у. хлеб жали серпами, а “при большом урожае — косами”, гречу и жали серпами, и “косили косою с граблями” (т. е. вышеназванной конструкции). Горох же, как лен и коноплю, теребили руками⁴². Интересно, что даже столь недавнее новшество по-разному прививалось и закреплялось традицией. В соседнем с Воронежским у. Задонском уезде, наоборот, при урожае хлеб жали серпами, а в неурожай — косили косами⁴³. В Калужской провинции в 60-х гг. XVIII в. такими косами косили овес и гречу⁴⁴. Во Владимирском уезде косою косили гречу, чечевицу и горох⁴⁵. В Каширском у. — овес, гречу и “худой ячмень”⁴⁶. В Оренбургской губ. — гречу и горох⁴⁷. Горох часто косили и простыми косами. В Костромской губ. горох теребили (драли руками), а косили простыми косами низкорослый овес и любую гречу⁴⁸. При косьбе овес, гречу и горох сушили в скошенных рядах. Овес только потом вязали в снопы⁴⁹. Горох же и гречу сгребали прямо в копны. Во Владимирском у. в копны ставили гречу и чечевицу, а горох — на “козлах, сделанных из кольев”⁵⁰, в Кашинском у.

³⁹ Экономический магазин. — Ч. V. — 1781. — С. 86.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. — С. 84.

⁴² РГБИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 88 об.

⁴³ Там же. — Л. 96 об.

⁴⁴ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 115.

⁴⁵ Ответы... по городу Володимеру // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 102.

⁴⁶ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 159—160.

⁴⁷ Рычков П. Ответы по Оренбургской губ. // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 148—149.

⁴⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 40.

⁴⁹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 160.

⁵⁰ Ответы... по городу Володимеру // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 103—104.

Тверской губ. для сушки гороха делали полати, называемые “островом”⁵¹. В Оренбургской губ. гречу также не вязали в снопы, а сгребали в копны, горох сгребали в так называемые “шиши”⁵². Чечевицу, горох и мак, как правило, молотили прямо в поле. Особого внимания требовала в Оренбуржье жатва ячменя: “жнут (его, — Л. М.) всегда в прозелень, для того, что у спелого солома и колос пополам ломятся и спадают”⁵³. Жнут его серпом и расстилают горстями, чтобы дозрел. Потом вяжут в снопы ржаной соломой или осокой и ставят в так называемые “боровки”. После сушки везут на гумно и формируют клады или одонья⁵⁴.

Практичность хлебных ям

Одонья и скирды не единственный способ хранения зерна. Во Владимирском у., в частности, в скирдах и одоньях держали лишь основные серые хлеба — рожь и овес. А пшеницу, ячмень, гречу, чечевицу хранили в обмолоченном виде в амбарах⁵⁵. Практически так было всюду в Нечерноземье. В Смоленщине и в южных черноземных районах зерно хранили в земляных ямах. Для устройства таких ям нужен был непременно глинистый и сухой грунт. Наиболее подробное описание устройства такого зернохранилища дает И.А. Гильденштедт⁵⁶. “Отверстие ямы бывает в 3 фута длины (около метра, — Л. М.) и 4 фута ширины”⁵⁷ (“отверстие делают так велико, чтоб свободно одному человеку проходить можно было”)⁵⁸. Под землею яма расширяется “по произволу”. Прежде чем высыпать в нее хлеб, она “накаливается и таким образом высушивается”⁵⁹ (“покуда прогорит по стенам на четверть и сделается как железная изгора”)⁶⁰. В Кромском уезде Орловской губ. такие ямы роют обычно у тока. Причем “вырывают они не всегда на высоких местах”. Больше того, иногда роют хлебные ямы “и в гумне, и во дворе”⁶¹. Глубина ямы более двух саженьей, то есть около 4,5 метров. Засыпанный в нее хлеб покрывается соломой, и отверстие крепко забивается землей⁶² (или закрывается плотно досками и зем-

⁵¹ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 32.

⁵² Рычков П. Письма о земледельстве. — Ч. II. — С. 519.

⁵³ Там же. — С. 512.

⁵⁴ Там же. — С. 513.

⁵⁵ Ответы... по городу Володимеру // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 102.

⁵⁶ Гильденштедт И.А. Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 30.

⁵⁷ По свидетельству М.Г. Левковича, “шея” ямы или ее горловина достигает 7—9 фунтов (около 2,5—3 м). Левкович М.Г. О лучших и безубыточных средствах сбережения на долгое время всякие хлебные зерна // Труды ВЭО. — 1796. — С. 148.

⁵⁸ Экономический магазин. — Ч. VI. — М., 1781. — С. 14.

⁵⁹ Левкович М.Г. дает более подробное описание этой процедуры: накануне жгут лишь немного соломы, а потом поддерживают с утра до вечера малый огонь. Там же. — С. 156—157.

⁶⁰ Экономический магазин. — Ч. VI. — С. 14. Четверть — четверть аршина, т.е. около 18 см.

⁶¹ Там же. — С. 14—15.

⁶² По Левковичу, перед загрузкой ямы стены ее обкладывают плотным слоем яровой соломы, очищенной от колосьев. Солому закрепляют, прокладывая сухие прутья, которые прибиваются специальными колышками — “ключками”. Иногда вместо соломы идет в дело березовая кора или

лей)⁶³. В каждую из таких ям вмещается до 300 четвертей хлеба (около 40 тонн). “По словам жителей, хлеб может храниться в них неврединно лет десять; для посева же он уже через 3 года едва годится”⁶⁴. По другим сведениям, годность на семена может быть до 30 лет⁶⁵. В том же районе в Гремячем или в Печерниках, как сообщает А.Т. Болотов, нашли старую яму с рожью, и “она совсем цела и неврединна”. А хозяев ямы не нашли: так давно она была заложена⁶⁶. Тот же автор сообщает о распространенности земляных хлебных ям “в разных местах за Курском” и в Малороссии. Популярность хлебных ям на юге, где лес был очень дорог, подтверждает и А.В. Друковцев⁶⁷. Если И.А. Гильденштедт отмечал, что бывали случаи, когда зерно оставалось съедобным и через 15 лет хранения, то А.Т. Болотов со всей определенностью утверждает, что “в таких ямах лежит он (хлеб в зерне, — Л. М.) лет сто без повреждения и без опасности от пожара” при условии устройства ямы непременно “на высоком и сухом месте”⁶⁸. Гарантия от пожара была в конечном счете самым большим достоинством этого хранилища.

Но главный феномен хорошо сработанных зерновых ям заключался в том, что они хранили и не высушенное, сырое зерно. М.Г. Левкович пишет, что “бывает иногда, что пшеница, рожь и другие хлебные зерна кладутся в ямы не только сырыя, но даже и перемешанные с снегом, что случается от того, когда молотьба оных произведена была в зимнее время и в открытых крестьянских токах без осторожности от метелей и в ту же зиму оныя вложены”. Такое зерно “высушивали” сами ямы, и оно хранилось несколько лет. Однако после семилетнего хранения подобное зерно уже отдавало в хлебе “противным погребным духом”⁶⁹.

Овины и подовинники

Обмолот снопов в большинстве районов России, кроме черноземных и степных, был сопряжен со специальной процедурой сушки снопов в так называемых овинах, так как зерно в колосьях в климатических условиях Нечерноземья не созревало (впрочем, традиция сильна, и овины действовали даже в Воронежском уезде)⁷⁰. Широко распространенные по всему Нечерноземью вплоть до Урала овины в России XVIII в. были двух основных типов: с подовинником и без него. Вот, в частности, как описыва-

береста. Отверстие или “шею” ямы закладывают кроме соломы еще и мякиною до половины высоты “шей” или устья ямы, а потом уже трамбуют землей. Наверху делают холмик для стока дождевой воды. Там же. — С. 148—149.

⁶³ Экономический магазин. — Ч. VI. — С. 15.

⁶⁴ Гильденштедт И.А. Указ. соч. — С. 30.

⁶⁵ Экономический магазин. — Ч. V. — С. 93.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Друковцев А.В. Экономический календарь. — М., 1786. — С. 144.

⁶⁸ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 74.

⁶⁹ Левкович М.Г. Указ. соч. — С. 149—157.

⁷⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 89 об.

ет овин в районе г. Твери С.Г. Гмелин. “Сперва копают яму, которая называется подовинником, и дабы земля в ней не осыпалась, то опускают сруб. Над ямою кладут толстые и долгиа перекладины, которыя ее совсем закрывают, а для пропущения воздуха оставляются по сторонам продолговатыя отдушины. Сверх ямы ставят потом деревянную избушку и покрывающий ее потолок обмазывают глиною, а находящиеся по обейм сторонам отдушины закрываются двумя досками так, чтобы вдоль оставалась скважина, через которую может проходить воздух. Сии скважины называются пазушина. И с обеих сторон кладется поперек их пластина. А на сей лежат тонкия гладкия жерди, отстоящия на поларшина. Сии тонкия жерди называются колосниками. В поставленной поверх ямы избушке ставят впрям снопы один на другой: и как накладывают ее полную, то, скрыв окошечки, разводят в яме огонь... Поднимающийся жар, проходя сквозь пазушины, сушит сырой хлеб”⁷¹. Там, где близко стояли грунтовые воды, и вообще в низких местах овины строили без подовинников. В этом случае овин строился “гораздо выше обыкновенных, по крайней мере, в 33 ряда такого лесу, каков заборник, и вместе с подовинником”⁷². На подовинник отводилось нижнее пространство овина: “с низу на 14 ряду настиляется в овине потолок, под которым огонь разводится просто на земле”. “В потолке провертываются дырочки, дабы жар и дым через них проходили и снопы сушили”⁷³. Видимо, такого же типа овины были в пойменных районах Костромской губ. Их “строят, не копая ямы для подовинника, но делают выше сруб и пол, под которым раскладывают огонь на поверхности земли”⁷⁴. Овины обоих типов были крайне опасными сооружениями, и при сушке снопов необходим был постоянный сторож, следивший за огнем. Поэтому в северных районах стала распространяться практика постройки в подовинниках печей. В той же Костромской губ. “некоторые земледельцы в овинах делают печи, но без труб, из коих дым и тепло проходят вверх к насаженному хлебу”⁷⁵. В Архангельском у. эти печи клали из серого камня, а на Мезени “овины имеют сбитые из красной земли печи, не подверженные пожару”⁷⁶. Вверху овина температура доходила в среднем до 50—55°, в средней части до 38—39°, а у пола 12—14° Цельсия⁷⁷. При этом условии семена сохраняли всхожесть. Срок сушки в разных местностях при разных модификациях овинов был разный. В южной части Олонекской провинции в овине сушили 3 суток, иногда несколько меньше (если снопы не плотные и не большие)⁷⁸. Хорошо выстоявшийся в крестцах хлеб мог высохнуть при хорошем жаре за 8—9 часов.

⁷¹ Гмелин С.Г. Путешествия по России для исследования трех царств естества. — Ч. I. — СПб., 1771. — С. 19.

⁷² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 40.

⁷³ Там же. — С. 40—41.

⁷⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 40—41.

⁷⁵ Там же. — Л. 40.

⁷⁶ Там же. — № 497. Л. 25 об., 106.

⁷⁷ Труды ВЭО. — 1792. — Ч. XVI (46). — С. 359.

⁷⁸ Ответы... касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 24.

Обычно овин загрузжали с вечера, а ранним утром начинали молотить. В Переяславль-Залесской провинции “всякой хлеб сажается для сушки в овин всегда с половины дня и сушится... ночным временем, который в ту ночь часов в 8 высушивается, а часа за 3 до света начинают молотить... даже до половины дня”⁷⁹.

В 80-х годах в некоторых уездах Московской и Тверской губерний стали появляться овины с печами, которые клали в подовинной яме, а сбоку овина рыли “приемник” для доступа к печи. Такие овины с печами отмечены в некоторых селах Можайского уезда⁸⁰, а в Зубцовском у. Тверской губ. “овины здешняя делаются большою частью с печами и приемниками”⁸¹. Однако правилом оставался овин без печи с открытым огнем в подовиннике (см. рис. 14), что вызывало частые пожары, которые уничтожали целые селения⁸². В XVIII в. в помещичьих хозяйствах с 80-х годов уже широко распространились вместо овинов “риги”, то есть сушильные сараи со специальными печами⁸³. Причем практически одновременно помещики строили и молотильные сараи (Московский, Серпуховской, Клинский уезды Московской губ.)⁸⁴, а в Тверской губ. у помещиков строились риги и крытые гумна (Осташковский, Краснохолмский, Калязинский, Старицкий уезды)⁸⁵. В Весьегонском у. по левую сторону р. Мологи, к Вышневолоцкому у. “как у помещиков, так и у крестьян, а особливо у кореляков риги, и гумна крытые и мощеные”⁸⁶. У помещиков и корел Вышневолоцкого уезда также были риги и крытые мощеные гумна⁸⁷. Мощенные досками тока были большой редкостью, так как стоили дорого и всюду крестьянские тока были грунтовыми, лишь с уплотненной, “убитой” площадкой. Но земляная основа была все же мягкой, и зерно плохо вымолачивалось. Больше того, в степных краях оно густо обволакивалось черноземной пылью. На севере, в Холмогорском у. наряду с овинами были и риги⁸⁸. Молотильные сараи и крытые гумна — это огромные крытые тока с двумя воротами. Такие были распространены в Нечерноземье и даже в Заволжье и Оренбуржье, где их, правда, было, по свидетельству П. Рычкова, еще довольно мало. Крытые тока были и в Тульской губ., но использовались только в непогоду⁸⁹. В овины обычно загружалось от 300 до 400 снопов ржи или пшеницы, овса около 500 снопов, а если снопы мелкие, то до 600—700 снопов и больше⁹⁰.

⁷⁹ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 94.

⁸⁰ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 294.

⁸¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 129.

⁸² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 86, 294, 317.

⁸³ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 40—41.

⁸⁴ Там же. — С. 86, 317, 229.

⁸⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 105, 74, 48—49, 141.

⁸⁶ Там же. — С. 83.

⁸⁷ Там же. — С. 94.

⁸⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 57.

⁸⁹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 178.

⁹⁰ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 41; Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 498.

Молотьба и разбор обмолота

Молотили, как правило, на открытых токах. Работали в овине и на току 6—8 человек. “Сушильщик опускает из овинного окошка снопы, которые выстилаются на токе в 2 ряда колосьями в средину и молотятся дубовыми цепами, проходя раза по 2 и по 3 с одного края на другой (см. рис. 15). Потом переворачиваются на другую сторону и опять молотятся”. Потом “разрезают ножом поясы у снопов и опять молотят, ударяя цепом уже не по колосьям, но по огусьям, ибо и в оных мелкие соломенки с колосьями имеются. Напоследок берет один мужик грабли, коими перебивает солому, отбрасывая оную по небольшому количеству молотильщикам, которые оную еще несколько раз цепами бьют. И тогда уже, усмотря, что ничего зерен в колосьях не осталось, сгреблют солому”⁹¹. Зерна вместе с отходами молотьбы сгребали в ворох. Солому сгребают отдельно, как и пустые колосья, которые хранили в прутьяных корзинах-плетюхах. Зерно из вороха веяли на открытых токах при хорошей, умеренно ветреной погоде. Веяли деревянными лопатами, кидая по ветру. Крупное, полновесное зерно, падавшее сразу же, называли “семянным”, падавшее подальше в Тверской губ. называли “другое”, а мелкие зернышки, отлетавшие дальше всего, — “ухвостное”. Еще дальше приземлялась “мякина”, т. е. чешуя, сбитая с зерен. Наконец, последний вид отходов — “спашки” (зернышки костеревых семечек, мышиного гороха, сметаемые с провеянного зерна тоненькими метелочками)⁹². “Стлань” или “посад” из снопов могли молотить и 3—4 раза, смотря по крепости колосьев⁹³. Снопы пшеницы и ячменя, кроме того, еще и толклись в специально сметанных после молотьбы цепами “в размах” узких грядочках⁹⁴. Вся работа требовала большой тщательности и труда. А.Т. Болотов отмечает громадную трату времени на веяние зерна. Мало того, что надо было выжидать погоду, на четверть зерна (8 пудов) иногда требовалось 4—5 часов работы⁹⁵. При плохом ветре приходилось переветать 3—4 раза. И. Комов подчеркивал огромную трудоемкость сушки в овинах и молотьбы⁹⁶. Однако даже большие затраты труда часто были бессильны сделать зерно более или менее чистым. В тех случаях, когда ветра вовсе не было, лопаты очень плохо помогали делу. Зерно, а потом и мука были полны примесей (спорынья, от которой мука становится “темна и синевата”, головня, которая остается в пшенице, костер во ржи и т. д.)⁹⁷. Еще один важный недостаток — выход копченой соломы, как ржаной, так и яровых хлебов. Копченая солома была плохим кормом для скота⁹⁸. И все же досто-

⁹¹ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 38—39.

⁹² Там же. — С. 39.

⁹³ Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 498.

⁹⁴ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 39—40.

⁹⁵ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 179.

⁹⁶ Комов И. О земледелии. — С. 280—281.

⁹⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 43—44.

⁹⁸ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 60.

инства такого рода обмолота, пожалуй, покрывали его недостатки. Первое из них — возможность молотить хлеб по мере надобности в течение осени и даже зимы. Так, в Архангельском у. и Холмогорах молотили обычно зимой как в крытых, так и открытых гумнах, а в Шенкурске и Онеге — на открытых гумнах (см. рис. 16). На Мезени же молотили даже осенью в крытых гумнах⁹⁹. Нередко зимнее молочение происходило на заледенелом току. Иногда молотили просто на льду. Второе достоинство продленного обмолота — наибольшая сохранность урожая. Нередко хлеб оставляли в овинах на длительный срок, но осыпавшееся зерно все шло в дело¹⁰⁰. Третье — тщательно высушенное в овинах зерно долго не портилось и даже иногда годилось на посев.

Обмолот на Черноземье

В Черноземье обмолот шел на гумнах (и на полях), на открытых токах. Первое появление их наблюдалось уже около Коломны. Высохшие на поле снопы или сразу, или из скирдов по мере надобности молотили так называемым “сыромолотом” обычными дубовыми цепями “в размахку”. Процедура обмолота была той же. Но современники вместе с тем отмечали, что такой способ обмолота давал больше потерь зерна (оно не вымолачивалось до конца). Кроме того, сыромолотное зерно при неблагоприятных условиях могло скорее портиться, чем высушенное в овинах¹⁰¹. Молотьба “сыромолотом” могла быть только при хорошей сухой солнечной погоде. “Но кому из деревенских жителей неизвестно, коль часто она нас обманывает и непогоды, застигая посреди самой работы, не только изгаживают нередко наши хлебы и делают их к лежанию непрочными, но, принуждая рабочих людей поспешать, подают чрез то повод к недополучиванию дочиста и к великим растерям”¹⁰². В то же время устройство крытых токов или молотильных сараев было мало кому под силу, так как в степных местах был острейший дефицит леса¹⁰³. В итоге обмолот затягивался, а непогода приводила к тому, что крестьяне “сами при множестве хлеба часто сидят без онаго и претерпевают зимою голод и нужду единственно от того, что зимняя непогода молотить его их недопускают”¹⁰⁴. В районах Тамбовской, Воронежской губернии молотьба была, как правило, по окончании зяблевой пахоты¹⁰⁵. Главным образом это декабрь — февраль. Сыромолотом в большинстве районов России получали также семена на посев¹⁰⁶.

⁹⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Лл. 25—25 об., 31 об., 57, 147, 106.

¹⁰⁰ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 60.

¹⁰¹ Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 193.

¹⁰² Экономический магазин. — Ч. III. — 1780. — С. 329.

¹⁰³ Там же. — С. 330.

¹⁰⁴ Там же. — Ч. V. — 1781. — С. 84—85.

¹⁰⁵ Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 181.

¹⁰⁶ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 161.

Особенности агрикультуры и уборки льна

Ряд местных особенностей в агрикультуре в середине и второй половине XVIII в. формируются и под влиянием новых факторов, в основе которых лежат явления, генетически связанные с рынком. В свое время И. Комов писал: лен и коноплю в России много “сеют и за обеими ходить толь хорошо у нас разумеют, что мы большую часть Европы снабдеваем оными”¹⁰⁷.

Можно сопоставить разницу влияния на агрикультуру возделывания одного и того же сельскохозяйственного продукта (продукта земледелия) разных факторов — традиционных и новых. Ярче всего это видно на культуре возделывания льна. Андрей Тимофеевич Болотов в свое время проделал такое сравнение, взяв два района — Каширский уезд (тогда еще Московской провинции) и Псковщину. В Каширском уезде лен разводили в силу так называемых “домашних потребностей”. Это был элемент воспроизводства натурального крестьянского хозяйства. Природно-климатические условия этого района для культуры льна были не весьма благоприятны. Земли большей частью покатые, почва серая с подслоем глины (так называемой “хомяковины”), мешающей плодородию. Лен на такой почве короток стеблем (27—36 см), и былинка его довольно тонка. Часто он затягивается илом и пропадает. Сеют лен в Каширском уезде в полях трехпольного севооборота на ненавозной, “простой, только двоеной земле”¹⁰⁸. Да и в яровом поле специально для льна землю не выбирают. Сеется лен либо по вспаханному сохой, т. е. по бороздам, полю с последующим боронованием, либо при посеве ограничиваются простой заборонкой. Время сева общее для всех яровых культур, очередность высева которых отчасти определяется и важностью в хозяйстве. Чаше сев бывает рано, примерно в половине мая¹⁰⁹ (Болотов считает лучшее время сева льна около 20 июня)¹¹⁰. Густота сева очень большая, поэтому лен растет с тонким стеблем. Густота высева, возможно, объясняется тем, что лен в этих краях забивает сорняк “роженчик”, который мало отличен внешним видом от льна¹¹¹. Кроме того, сами крестьяне стремятся к тому, чтобы стебель был тоньше, а стало быть, и пряжа. Теряют лен, когда созревают головки. Его сразу везут на двор и там “растывают по кольям” на несколько дней для первой обсушки. Потом снопики льна сушат в овинах, а иногда и в избах (см. рис. 17). Затем лен молотят, собирая семя. После этого лен выстилают на лугу на 3 недели или несколько дольше. Лежащий лен периодически переворачивают, однако иногда он на стилище загнивает. Далее следует сушка в овинах или избах. Наконец, лен мнут мялками, треплют, чистят и вяжут в вязки¹¹².

¹⁰⁷ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 320.

¹⁰⁸ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 212—213.

¹⁰⁹ Там же. — С. 154.

¹¹⁰ Там же. — С. 143.

¹¹¹ Там же. — С. 144.

¹¹² Почти так же выращивали лен и в рязанских землях, где он бывал несколько выше (до 54 см), а треста вылеживалась “в осеннее время с месяц”. Здесь после мятья и выбивания кострики лен

Эталон агрикультуры — На Псковщине процедура возделывания льна гораздо сложнее и требует не столько большего времени, сколько внимания и тщательности в крестьянском труде.

Во-первых, для льна выбирают особую землю. Вблизи селений (“в ободворках”) это лучшая земля — чернозем, серая, на худой конец — “суглей”. Сухая и гористая земля не годилась. Лучше всего считались низкие и влажные почвы. Часто под лен выделяли “новины”, т. е. луговые земли и пожни.

“На пашенной же земле, — писал А.Т. Болотов, — пашут и боронят... три раза и потом по забороненной в третий раз сеют и заборонивают в четвертый раз”¹¹³. На мягких землях ограничиваются двоением, но при многократном (“прилежном”) бороновании после каждой вспашки¹¹⁴. Сроки сева разные для разных почв — на глинистых и худых — около 4 июня, на “доброй земле” — около середины июня (т. е. за 7 и 9 недель до Ильина дня). Сеют в тихую погоду, утром или вечером, не сразу после дождя, но и не в сушь. Сеют редко, не горстью (пястью), а тремя первыми пальцами. Там, где четверть овса сеялась бы, льна сеяли четверик, т. е. один пуд. Лен вырастает высокий с толстым стеблем (естественно, во многом помогает здесь прополка). С десятины урожай семян сам-3, сам-4, а волокна до 10 пудов (в урожайный год). В жаркую сухую погоду “берут лен еще недозрелой, когда только нижние листочки станут обваливаться”. Снопья вяжут под самыми головками и у комля. Затем при хорошей погоде ставят в бабки по 10 снопов. После обмолота головок наступает операция мочки льна для получения особого бело-серебристого оттенка будущей пряжи. Для этого свозят лен к реке и выбирают тихие заводи (течением обычно несет песок, который “переедает” волокно)¹¹⁵. В крайнем случае мочка производится в больших лужах, калугах, прудах. Кладут снопы рядами в воду друг на друга головками к берегу. Сверху накрывают хворостом и жердями и даже камнями. Через 2 дня, когда лен вздувается, его топчут ногами и погружают глубже в воду. Срок мочки зависит от погоды (5—9 дней). Болотов пишет о том, что крестьяне контролируют ход вымокания льна следующим образом. Берут прядок по 5 или 6 и гнут их, следя, ломается ли оболочка (“костер”) вся от корня до вершины или нет. Иные поступают иначе. Берут по 10 прядок и бьют ими трижды по воде. Готовое волокно отделяется от костера целиком и делается как паутинка. Готовые снопы льна вынимают на берег и на сутки ставят стоймя к специальным кольям для подсушки. Потом выстилают на пологих, закрытых от ветра лугах, стараясь не перетолстить

“толкут в ступах и несколько около столпа трепят, чтоб напоследок весь сор и кострика выбились” // Труды ВЗО. — 1769. — Ч. XI. — С. 79—80.

¹¹³ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 212—213.

¹¹⁴ О посеве и приборе льна. По достоверным опытам написано для её пр[e]в. В[а]рв[а]р[ы] А[л]е[кс]с[е]е[вн]ы Т[у]т[о]лм[и]н[ой]. В СПб. 1786 г.

¹¹⁵ Там же.

стлани, т. к. при толстом слое белизна льна не удастся. Лежит лен недели 2—4. И снова точный срок зависит от проб. Пробные снопы сушат в избах и ломают, следя, “целыми ли трубками выпадает кострика или еще плющится”¹¹⁶. Готовый лен вяжут в большие снопы — “кубачи”. Потом везут на гумно и кладут на подмости кучами, накрыв ржавой соломой. Сушат лен и в избах, и в овинах. В овинах сушат обычно зимой, употребляя наиболее жаркие дрова — ольху, осину, лозняк¹¹⁷. Потом лен мнут мялками, вычищают “перепалками”, треплют, чистят, вяжут в связки по 20 фунтов¹¹⁸. Лен готов к продаже.

Влияние товарного производства на агрикультуру сказывается уже в самом процессе обработки снятого урожая льна. Головки не молотят, а срезают сначала самые крупные и красноватые на семена, часто идущие на продажу. Перед мочкой лен сортируют по длине, отделяя короткий от длинного. При мялке льна его сортируют на 3 “разбора” — белый или серебряный лен является лучшим, и шел он не столько на внутренний, сколько на внешний рынок. Лен так называемого водяного цвета или синеватого (от долгой мочки) являлся вторым “разбором” (сортом) и шел также на продажу. Наконец, третий сорт — черный или красный лен (от пересушки), т. к. он был наиболее хрупок и редко шел в продажу. Была у псковичей и традиционная сортировка, обычная для всех районов. От трепания льна отходом служила пакля, а от чесания — так называемая верхница, из которой ткался хрящевый холст¹¹⁹. Тонкое же льняное волокно у каширских крестьян шло только на изготовление своей одежды. Таким образом, в основе местных особенностей производства льна в Псковской губернии лежат наиболее благоприятные природно-климатические условия. Однако сложность и строгость агрикультуры принадлежат несомненно к новым явлениям, органично связанным с новым критерием — котировкой качества товара на рынке.

Во второй половине XVIII в. псковский лен считался лучшим в России, но он был дорог. Главное же — его было мало.

Кашинский “плавун” и псковский “ростун” Тем не менее в ряде районов России весьма сильно ощущается влияние псковской агрикультуры льна, прежде всего в плане интенсификации процесса производства, — явление качественно новое для XVIII столетия. Примером могут служить льноводческие районы Тверской губ., в частности Кашинский уезд. По наблюдениям В. Приклонского, здесь четко разделены два направления агрикультуры льна — местного, называемого “плаун” (“плавун”), и привозного — псковского, который именовался здесь

¹¹⁶ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 214—215.

¹¹⁷ О посеве и приборе льна...

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

“ростун”¹²⁰. Технология возделывания “псковика” была несколько сложнее (“ростун... имеет больше за собой старания”, но “сеют его здесь очень много”). “Плауны” же требовали значительно меньших затрат труда (“меньше требуют за собой работы”)¹²¹. В том же Кашинском уезде “плаун” чаще называли “карельским” льном (возможно, название это идет от местных тверских карел, подчиненных дворцовому ведомству)¹²². Тот и другой сеяли одинаково (по псковским обычаям). В одном из руководств читаем: “Лен сеять в теплой и тихой день в полной [месяц] или ущерб месяца, когда ясно светит, на черной не мокрой, а лучше на луговой земле. В полном [месяце] и ущербе месяца [достаточно] немного семени, а лну довольно приносит. Севы по Кашинскому уезду: ранней — около 15 [мая], поздней — около 23 мая. Семена [надо] иметь *сковиковые* (то есть псковские, — Л. М.), а лучше — *корельския*. Сеять [следует]: год — на переложной, а другой [год] — тех же семян — на мягкой земле. А ежели по нескольких годах из того семени рождающийся лен будет расти короче, то старые семена не сеять, а покупать вновь”¹²³. Как свидетельствует В. Приклонский, “ростуном” (псковиком) занималось исключительно помещичье хозяйство края, сбывая на рынок, в частности в Москву, тонкие льняные полотна высокого качества и льняные нитки, идущие на кружева и плетеные изделия. В. Приклонский сообщает, что семена псковика-ростуна (а высота его былинки достигала целого аршина, то есть 72 см, а корельский “плаун” лишь 54 см) “теряли доброту” через каждые два года¹²⁴. Однако сеяли его очень много, правда, пользуясь и “домашними ростунами”. Как мы видим, норма высева “псковика-ростуна” гораздо меньше, чем местного корельского плауна, который сеялся “чаще ржи”¹²⁵. Тот и другой сеяли на полях, “что повыше”, на двоевой, иногда удобренной земле. Главным же было качество сева, “чтобы севец был знающий, брал в горсть и бросал на пашню умеренно и ровно семя, чтоб на всходах лен ровен, а не прогалами и не кустами был. И [от] ветру беречса”¹²⁶. Много времени отнимала прополка: “когда посеянной лен вырастает нечист, и как он с головицами будет, и зелен, то всякую траву из него бережно, чтоб не измять ... выполоть”¹²⁷.

¹²⁰ Приклонский Василий. Ответы на заданные от одного общества вопросы, касающиеся до земледелия и внутреннего деревенского хозяйства по Кашинскому уезду // Труды ВЭО. — 1774. — Ч. XXVI. — С. 1—89.

¹²¹ Там же. — С. 8.

¹²² Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдел редких книг и рукописей. № 279—6—90. Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755—1757 (Далее — Инструкции об управлении...). Л. 34.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 45.

¹²⁵ Там же. — С. 84.

¹²⁶ Инструкции об управлении... — Л. 34 об.

¹²⁷ Там же. — Л. 34.

“Плаун” корельский теребили недозрелым. “Когда... головки начнут желтеть, а не вовсе пожелтеют, в сухой красной день, а не в здозж, бабам выбрать и класть рядами горстями на той же земле. И к вечеру горсти перевязать. А на другой день головки со лну с семенем на зделанные деревянные, а лучше — железные, грабли оборвать. И, ежели случитца ненастье — те головки разослатъ в молотильном сарае на ветру (а в сухой день — на току) и мешать часто, чтоб не сопрели и не згорели. И, как высохнут, обмолотить нарошно зделанными валками и вывезть”¹²⁸. В других селениях даже с “плауном”, урожайность которого была сам-5, сам-6, то есть выше, чем у “ростуна”¹²⁹, обращались проще: “бабки” или снопики плауна молотят сыромолотом, то есть не высушивая, и “выбивают из оных семя вальками, положи бабку на веретено”¹³⁰. Зато потом семя “плауна” корельского обрабатывают тщательнейшим образом. Его “вычищают, веют, просеивают, выплавливают и пропускают и, очистивши от всякой нечистоты, а более от рыжика, лучшее самое берегут на семена, другое употребляют на расходы”¹³¹. В первом же случае, когда головки тщательно сушили, после обмолота и веяния семена высыпали в мешки, чтобы “ропсутя в них подсушить в ызбе на полатях в вольном духе, только не в дыму”¹³². В конечном итоге семена помещали в большие колоды в амбары, во время всего хранения периодически (каждые две недели) “помешивали, чтоб не слежалось” (“особливо весною, когда оттепели пойдут”)¹³³.

“Ростун”-псковик теребили только зрелым: “а кашинский сковик, который от корельского лном отменнее, когда поспеет и головки пожолкнут и высохнут и семя дозреет”, то лен теребят, перевязывают в снопики и ставят в бабки “в ведро дней [на] десять”, а в ненастье снопики, лежащие на поле, необходимо “переворачивать на поле, чтоб не сгнил”¹³⁴. И как семя в головках высохнет, везут на гумно и обмолачивают.

Льняные стлища и трепание тресты

“Ростун”-псковик и “плаун” корельский стелется на озимых полях и по лугам между кустами, в защищенных от ветра местах. Срок ростуновых стлищ значительно больше (4—5 недель), чем у плауна (3—4 недели)¹³⁵. Его тщательно контролируют: “для сего берут на последних днях почасты опытки”, т. е. здесь полная аналогия с псковской льняной трестой. Потом лен сажают в бани для просушки, мнут обыкновенными мяльцами, а

¹²⁸ Инструкции об управлении... — Л. 34—34 об.

¹²⁹ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 9.

¹³⁰ Там же. — С. 85.

¹³¹ Там же.

¹³² Инструкции об управлении... — Л. 34 об.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 87.

треплют треплами (см. рис. 18). Примерно та же технология и для плавуна. Но далее ростун в господских хозяйствах обрабатывается гораздо тщательнее: “весьма прилежно за тем смотрят и стараются вычищить как можно чище”. Треплют его несколько раз. Потом, если “не хорош”, чешут специальными щетками из свиной щетины, оставляя “одну только жилку”. “Чрез то приводят, что и худой лен бывает мягок и идет в тонкую нитку”. При этом отход льняного волокна очень велик¹³⁶. Такой лен очень дорог (пуд 4 руб. в 60-е гг. XVIII в.)¹³⁷. Таким образом, влияние товарного производства на агрикультуру льна в Тверской губ. было очень сильным.

Обыкновенные льны Более или менее близок к этому уровню был ярославский лен, а также лен из некоторых районов Владимирской губ. (Переяславль, Владимир, Киржач и др.). Впрочем, технология возделывания была здесь, видимо, проще, а основную роль играли благоприятнейшие почвенно-климатические условия. Во Владимирском у. лен сеяли в мае, всходы, как и всюду, пропалывали. После уборки вязали в снопы и сушили на солнце, повесив на специальные “остроги”, иногда, впрочем, сушили и на земле. Семена вымолачивали после сушки снопов в овинах. “После того, — писал современник, — стелют его на лугах, под дозжик, и лежит он в сухую погоду по шесть, а в дождливую по 5 недель, а потом высушивают на овине, мнут и треплами треплют и вяжут в десятки”¹³⁸. В Переяславле господствовали очень редкие высевы льна, чтобы он рос “выше и чище”. Брели его, так же как тверской “плавун”, — с прозеленью. Семена созревали в “побочках” на поле¹³⁹. В остальном технология была общей. Точно так же делали и в Костромской губ., где посевы льна были весьма обширные. Недозревший лен “ставят в бабки головками вверх, дабы семя ево дозрело, а стебель на корени не пересох и сохранил крепость волокна”. Зрелые головки околачивают, а стебли расстилают по лугам, “оставляя дозжами способствовать в лежанье ево, чтоб отделялась кострика от волокна”. Поскольку лен здесь теребят еще до жатвы, т. е. примерно в середине июля, то лежит он 5—6—7 недель до сентября. Сушат лен в избах и банях¹⁴⁰.

¹³⁶ Воздействие законов товарного производства иногда вело к еще более изощренной первичной обработке льняной тресты и волокна. В Петрозаводской округе, по свидетельству Гарша, грубо расчесанный лен кладут в белую воцанку. Потом связывают суровой ниткой в большие пуки и кладут в погреб на 8 суток. Далее пуки льна последовательно трижды кладут под тяжелейший специальный каток (отягощенный камнями), а в промежутках прочесывают каждый раз все более частым гребнем (последний уже подобен обычным гребням для волос). “Сей лен столь мягок, что коснувшись [с] закрытыми глазами к сырому шелку и к сему льну, чувством различить не можно”. Такой лен сбывался для производства наилучших тончайших батистов и других белых тканей // Труды ВЭО. — 1796. — С. 254—256.

¹³⁷ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 88.

¹³⁸ Ответы, касающиеся до земледелия, на экономические вопросы о уезде города Володимера (Далее: Ответы... города Володимера) // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 114—115.

¹³⁹ Ответы на экономические вопросы по Переяславль-Залесской провинции (Далее: Ответы по Переяславской провинции) // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 108—109.

¹⁴⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 41—41 об.

Растущая текстильная мануфактура очень быстро поглощала сырьевые ресурсы льна в Центре России. Уже в 50-х годах XVIII века крупные русские мануфактуристы в погоне за дешевым льняным сырьем обратили свои взоры в районы Нижегородского и особенно Казанского Поволжья. В 60-х гг. XVIII в. их закупочные операции фиксируются уже в западнорусских районах Полоцка, где льны не уступали своим качествам псковским, в Белоруссии и т. д. Таким образом, растущая потребность промышленности хотя и медленно, но способствовала повышению агрикультуры льна в других районах. Уровень агрикультуры псковского льна был уже реальным рычагом в развитии производства льна других районов. Однако механизм этих процессов был еще крайне замедленным. Лучший псковский лен сеялся в крайне ограниченных рамках ярового поля, теснимый необходимыми крестьянину другими яровыми культурами (овсом, ячменем и т. п.), и лишь иногда на перелогах и новине.

Великорусская конопля

Не менее интересны изменения процессов агрикультуры конопли, ибо здесь также факторы товарного производства сильно воздействовали и изменяли земледельческую традицию. Эта культура в XVIII в. получила широкое распространение в ряде губерний России (Калужская, Тульская, Орловская, Курская и др.), причем в силу не только благоприятных для нее природно-климатических условий, но и благоприятной рыночной конъюнктуры на конопляное масло и особенно на пеньку, имевшую спрос как на внутреннем рынке, в силу интенсивного развития парусно-полотняных мануфактур, так и на рынке внешнем.

Технология возделывания конопли сравнительно несложна. Сеяли ее весной. В Орловской, Курской, Воронежской губерниях обычная норма высева на указную десятину — 8—10 четвериков¹⁴¹. Считалось, что “на доброй земле надлежит сеять гораздо чаще, потому что оный хлеб растет однобыльню и чем чаще конопля, тем лучше бывает пенька”¹⁴². Загущенные посевы конопли достигали 16 четвериков на десятину¹⁴³. Редкие высевы были рассчитаны на выращивание особо прочного волокна. Урожайность конопли в названных районах сам-6, сам-8. В более южных краях (Воронежская и др. губ.), сам-3, сам-4. Пеньки при хорошем урожае получали с дес. один берковец (10 пудов), иногда и больше.

Дранье конопли

В июне — июле брали так называемый “дергунец” — пустоцвет конопли, стебель которого раньше зреет. Он шел на тканье поскони — особо грубого холста.

¹⁴¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800.

¹⁴² [Ответы по Слободской Украине, Изюмской, Ахтырской, Сумской и Острогжской провинции] // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 139.

¹⁴³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18800.

Во многих уездах Воронежской губ. выбранный “дергунец”, или, как здесь называли, — “посконь”, “вяжут в снопы и высушив мочат в воде. Потом сушат на колах или в кучах. Мнут в мялках, треплют, связывают в “круги” или “керпы”. В одной керпе считается по 100 горстей”¹⁴⁴. Потом посконь прядут на гребне и делают посконные холсты.

Осенью драли всю коноплю и вязали в снопы (в Рязанской губ. их называли “щитами”), сушили в поле или в овинах¹⁴⁵. В Нечерноземье коноплю часто сушили на специальных козлах в 4—5 рядов. Так, чтобы головки предыдущего ряда накрывались последующим. Таким образом высушенные головки обмолачивались, а семя шло на масло и семена¹⁴⁶. В Курской, Орловской губерниях и в более южных районах коноплю молотили цепами и ставили копнами на поле на всю зиму. В марте — апреле замачивали недели две “в проточных реках и прудах”, потом ставили в поле на сушку (ок. 1,5 недель)¹⁴⁷. Затем так же, как и лен, обрабатывали в мяльцах, трепали треплами, чистили и вязали в вязки для продажи. В Воронежской губ. снопы вымоченной и высушенной конопли мнут мялками, “треплют или трут ногами”. В отношении же льна здесь, как и в основных льноводческих районах, соблюдали точную “льняную технологию”, т. е. его не вымачивают в воде, как коноплю, а “расстилают, которой (т. е. лен, — Л. М.) росами и дождями выбеливается. Потом собрав сушат, трут (!) и мнут в мялицах и так же (как коноплю, — Л. М.) треплют и на продажу вяжут корпьми”¹⁴⁸.

Конопляники — проблема удобрений

Товарный характер производства конопли повлиял на интенсификацию ее агрикультуры. Повсюду, даже на тучных черноземах, это выразилось главным образом в обильном удобрении навозом земли, отводимой под посев конопли. “Сей продукт, — писал А.Т. Болотов, — как известно, требует много навоза”. Конопля — одна из немногих сельскохозяйственных культур, которая выдерживает большие дозы удобрений. На десятину посева конопли в лучших помещичьих хозяйствах вывозили св. 3 тыс. пудов навоза. Но так было, конечно, не везде. “Одинакой”, т. е. малосемейный (что чаще означало — бедный) крестьянин в Калужской губернии мог, например, ежегодно унавоживать не более трети десятины конопляника¹⁴⁹. Обычно же под коноплю старались, чтобы навоза шло вдвое больше, чем под рожь. Конопля требовала даже на тучном черноземе почти ежегодного обильного удобрения.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18688. Ч. II. Л. 89 об.

¹⁴⁵ Ответы на экономические вопросы по Переяславской провинции Рязанского // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 62—73.

¹⁴⁶ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 27—32.

¹⁴⁷ Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 217.

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18688. Ч. II. Л. 90.

¹⁴⁹ Ответы по Калужской провинции на заданные экономические вопросы (Далее: Ответы по Калужской провинции) // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 119.

Это важнейшее обстоятельство создавало множество проблем. Помещики и отчасти крестьяне там, где это было возможно, стали практически весь навоз вывозить под коноплю. Исключением были земли, особенно подходящие под коноплю. А.Т. Болотов свидетельствует, что на юге Тульского края «многими сеется она (конопля, — Л. М.) на самых полевых и ненавозных землях и родится хотя и не таково хорошо, как на навозных, однако нарочито изрядно»¹⁵⁰. Ежегодные обильные удабривания давали устойчивую и высокую урожайность, но не давали, так сказать, расширения площадей, отводимых под коноплю. В ответах по Калужской провинции на анкету ВЭО прямо заявлялось о невозможности расширить посевы конопли, «для того, что оную сеют на одобренных и на унавоженных землях, чего земледельцы за малоимением навоза исполнить не в состоянии»¹⁵¹. В конце XVIII в. во многих уездах Орловской губернии конопля в яровом поле занимала одно из основных мест, уступая по площади посева таким культурам, как овес и греча (Карачевский, Севский, Мценский, Трубчевский уезды Брянской округи)¹⁵². «В здешних местах, — писал об Орловской губернии А.Т. Болотов, — главный предмет хозяйства составляют конопля»¹⁵³. В Кромском уезде посевы в яровом поле были больше только по грече¹⁵⁴. Однако в большинстве уездов конопля составляла лишь 3—8% ярового поля. Препятствием для расширения уже в 80-х гг. XVIII в. в Орловской губернии посевов конопли в помещичьем хозяйстве, по мнению Болотова, была также нехватка навоза, что объяснялось дефицитом скота¹⁵⁵. Большинство помещиков держало здесь на 100 дес. пашни 30—50 голов скота. Из-за этого типичный размер посевов конопли не превышал 10—15 десятин, редко достигая 20 десятин. Да и урожай на имеющихся конопляниках становились небольшими.

Практика осенней вывозки навоза с последующей двукратной весенней вспашкой конопляников прослеживается в середине XVIII в. и в более южных однодворческих поселениях Слободской Украины, хотя здесь агрикультура конопли заметно уступала великорусской. Конопля здесь была с тонким стеблем и низкая¹⁵⁶.

¹⁵⁰ Болотов А.Т. Некоторые примечания о за-Московных ближних местах (Далее: Болотов А.Т. Некоторые примечания...) // Труды ВЭО. — 1791. — Ч. XIV. — С. 321.

¹⁵¹ Ответы по Калужской провинции. — С. 88.

¹⁵² РГАДА. Ф. 273. Оп. I. № 19068. В Кромском у. конопля составляла в 1797 г. 25,3% ярового поля, в Севском у. — 21%, в Брянской округе — 21%, в Карачевском у. — 17%, в Трубчевском у. — 16% и т.д.

¹⁵³ Болотов А.Т. Замечания о неравенстве в нашем отечестве, а больше еще в карачевских местах скотоводства с земледелием (Далее: Болотов А.Т. Замечания...) // Экономический магазин. — Ч. XVIII. — 1784. — С. 36—44.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 273. Оп. I. № 19068.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Болотов А.Т. Замечания. — С. 36—44.

“Моченец” — продукт особый

В некоторых районах возделывания конопли довольно отчетливо видно, как постепенно традиционная технология выращивания и первичной обработки этой культуры подвергалась корректировке в силу особой товарной специализации продукта. При господстве полевого трехпольного севооборота выделение конопляников в особые участки приусадебной земли вынудило в интересах рыночного сбыта не только повысить нормы удобрений, но и внести всякого рода новшества в процесс уборки, то есть первичной обработки конопляных былинков. Так, в Калужской и особенно Рязанской губернии коноплю после сушки в овинах и обмолота семян сразу везли мочить в прудах и болотах (также “мочили”, “ежели болот нет, в реках”)¹⁵⁷. Конопля в рязанских землях бывала в воде по месяцу и больше. В калужских краях, видимо, несколько меньше. Очевидцы писали, что коноплю “...потом, вынувши из воды, сушат в избах и мнут в ручных мяльцах”¹⁵⁸. Так приготавливался особо прочный вид пеньки, который на Рязанщине звали “моченец”. “Моченец” шел в продажу преимущественно “для конопачения судов и в пряжу на неводы и бредни”¹⁵⁹. Средняя цена такой пеньки в 60-х гг. XVIII в. 40—45 коп.¹⁶⁰ Сверхдлительное вымачивание волокна — это уже шаг к появлению в области товарного земледелия так называемых “секретов производства” (по аналогии с промышленностью), т. е. к выработке особой, уникальной технологии специализированного сельскохозяйственного труда.

Калужская пенька

Однако в XVIII в. роль таких “секретов производства” в возделывании уникального по тем или иным качествам сельскохозяйственного продукта по сути все еще играло неповторимое сочетание почвенно-климатических условий, впрочем, теперь уже усиленное культурой сельскохозяйственного труда. При том, например, что в “сеянии и приготовлении” конопли в Калужской губернии отличий от других районов не было (т. е. все делали “равно как и в других провинциях”)¹⁶¹, конопля и соответственно пенька здесь выделялась, пожалуй, лучшая в России. Единственное резкое отличие в производстве — чрезвычайно высокие нормы унавоживания конопляников (навоз на десятину конопляника в теоретических расчетах тамошних знатоков стоил 8 р. 50 коп. — цифра громадная, если не фантастическая)¹⁶². При нормальном урожае доход с десятины конопляника (а они бы-

¹⁵⁷ Ответы по Калужской провинции. — С. 115.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 80—81.

¹⁶⁰ Видимо, такая же специализация вырисовывалась и в Оренбургском крае, где коноплю вымачивали, по свидетельству П. Рычкова, даже 2 месяца. (Рычков П. Письмо о земледельстве. — Ч. II. — С. 518).

¹⁶¹ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 118—119.

¹⁶² Там же.

ли в калужских краях чаще всего на приусадебных землях) в 60-е гг. XVIII в. доходил до 13 р. 50 коп.¹⁶³ В соседних рязанских землях доход с десятины конопляника был равен в те же годы лишь 5-ти рублям. Посевы конопли в 10 четвериков здесь считались (сравнительно с зерновыми) густыми. В калужских краях сеяли сверхгусто — 2 четверти на десятину конопляника. В Рязанской провинции пеньки “моченца” получали 10 пудов (т. е. берковец), а в Калужской — наиболее частый урожай — 20 пудов с десятины конопляника. Берковец же калужской очищенной пеньки в 60-х годах стоил 8 руб. (пуд 80 коп.), т. е. вдвое дороже рязанского “моченца”. В главных великороссийских районах производства конопли средняя цена пуда пеньки была в это время на уровне 60 коп. за пуд. Естественно, что разные цены отражали не только разное качество пеньки, но и разные затраты труда. В рязанских землях обработка десятины конопляника (т. е. весь цикл пашенных работ, уход за культурой вплоть до дерганья конопли) стоил в 80-е гг. XVIII в. 2 руб.¹⁶⁴ В Калужской губернии такая же работа наймом оценивалась в 5 руб. с десятины¹⁶⁵, т. е. в 2,5 раза дороже. Разумеется, за этим стоит высокая интенсивность агрикультуры возделывания конопли. Недаром в ответах на анкету ВЭО по Рязани о возделывании конопли или льна сказано, что льна сеют мало, а “пеньки довольно”, “а чтоб... прилагаемо было совершенное старание, сего сказать не можно”¹⁶⁶. В Калужской провинции, наоборот, “весьма стараются о разведении пеньки”¹⁶⁷. Даже не в “конопляных” районах, там, где, в частности в Тверской губ., конопля давала неплохое семя на масло, резко повышалась интенсификация обработки земли. На конопляниках Кашинского уезда практиковалось “троение” пашни. “С начала весны первый раз кладут навоз, пашут и боронят. Спустя недели 2 пашут и опять боронят, потом в третьи по окончании ячменного сева пашут, засевают и боронят и борозды делают”¹⁶⁸.

Итак, изложенный в данном очерке материал раскрывает практику одной из тяжелейших крестьянских работ — уборки озимых и яровых. В крестьянском календаре эта изнурительная, в основном женская работа занимала длительный, почти двухмесячный период, причем работа, которую нельзя было прервать, так как в этом случае слишком велики оказались бы потери хлеба. Трагизм данного положения в полную меру познали русские люди еще в эпоху Древней Руси. Уже в 1166 г. новгородский архиепископ вынужден был установить церковное правило: “если жены, делающие страду” (то есть полевую работу), надорвавшись, получают выкидыш, то их вины в

¹⁶³ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 118—119. В тексте стоит цифра 18 р. 50 коп., но, как показывают расчеты, это опечатка.

¹⁶⁴ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 81.

¹⁶⁵ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XI. — С. 119.

¹⁶⁶ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 51—53.

¹⁶⁷ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. X. — С. 87.

¹⁶⁸ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 27—32.

том нет, если только не принимали зелья¹⁶⁹. Иначе говоря, в таких случаях с женщины снималось обвинение в душегубстве. Примечательно, что постановление принято епархией, находящейся в Нечерноземье, ибо жатвенная пора в этой зоне была наиболее тяжелой, и такие случаи, видимо, были отнюдь не редкостью.

По сути, главная тема очерка в том, что зерно в этой огромнейшей части страны не дозревало и масса усилий была направлена на то, чтобы довести его до необходимой кондиции. Это и суслоны, и крестцы, и копны, и одонья или скирды. Это, наконец, овины с многочасовой горячей сушкой снопов. По сравнению с такой технологией жатва в черноземных районах была более упрощенной процедурой, хотя тяжесть труда самих жней была не меньше, чем в Нечерноземье. Нередко погодные условия вынуждали участвовать в этой работе и взрослых мужчин, и детей. Участие же мужчин неизбежно сказывалось на качестве работ по севу озими — самого основного продукта питания крестьянской семьи.

Жатва — это завершающий этап в сельскохозяйственной страде России, вечно и неизбежно носящей “авральный” характер.

¹⁶⁹ Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. — СПб., 1897. — С. 130.

Очерк пятый

ЧТО ТАКОЕ “САМ-3” ИЛИ “САМ-7”? КАКИЕ УРОЖАИ БЫЛИ В РОССИИ

Как уже говорилось, урожайность в России различалась прежде всего по качеству плодородия почв. Но не меньшее значение имели погодные условия. Во всем Нечерноземье почвы были “посредственного” и “худого” плодородия, однако “дождливое время, чрезмерные жары, ранние морозы делают вред хлебу, отнимая у оного много питательных соков, препятствуют росту и вызревать совершенно”¹. Таким образом, урожай здесь “зависит от удобрения, а более от погоды”². Тем не менее попытаемся прежде всего выявить разницу урожайности на удобряемых и не удобряемых землях.

Навоз Бога не обманет

Обзор сведений об урожайности во второй половине XVIII столетия мы начнем с данных топографических описаний. Этот источник специфичен, поскольку офицеры, составлявшие их, интересовались в первую очередь потенциальным плодородием, то есть что, например, может дать земля в благоприятный год и на плодородной, удобренной почве. Разумеется, такая оценка расходится с реальностью, так как хорошая погода была изредка, а удобренных земель — очень мало.

Рассмотрение материалов начнем с Московской губернии. О Московском уезде, где основной грунт земли был глинистый, сказано следующее: “Что ж касается до плодородия, то об оном положительно сказать не можно”³. На обычных или “посредственных” землях рожь рождалась втрое или вчетверо против посева. Иначе говоря, при посеве на казенную десятину 12 четвериков (12 пудов) получалось 36 или 48 четвериков или пудов (24 или 36 пудов чистого сбора, то есть 3,8 ц или 5,7 ц с га)⁴. На хорошо удоб-

¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 128.

² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 316.

³ Там же. — С. 85.

⁴ Там же. — С. 85—86.

ренных землях — впятеро (сам-5, или 7,7 ц). Урожайность овса была неплохой (сам-4 и сам-5). Ячмень давал маловато (сам-3, иногда сам-4). Горох рождался сам-5, и это очень неплохо, а греча давала низкий урожай: сам-2 и сам-3. Урожай конопли — сам-3, яровой пшеницы и яровой ржи не более как втрое и вчетверо⁵. В наиболее плодородном северном Дмитровском у., где холмистый рельеф создавал “скатистые” поля и влага в дождливое лето не скапливалась на полях, урожаи ржи были на обычных (“посредственных”) землях сам-5 и сам-6 в хороший год. а на удобренных землях и в хороший год рожь рождалась вдесятеро. Яровые большей частью давали сам-4 и сам-5⁶, и это был очень высокий уровень, так как позволял крестьянину часть зерна продавать.

В Клинском у. урожай прямо зависел “от удобрений, а более от погоды”. Поэтому рожь давала сам-3, ячмень — сам-3, овес был самым плодородным (сам-4 и сам-5). Горох, конопля, лен рождались вчетверо, а иногда и больше. Яровая пшеница давала урожай сам-5, но сеяли ее очень мало⁷. В Волоколамском уезде урожаи ржи были чуть выше (сам-4), но овес, греча, лен и конопля рождались лишь втрое, и редко их урожай был больше. Пшеница давала урожай сам-3 и сам-4⁸. В Богородицком уезде на “посредственных” землях урожай озимых был лишь сам-3, яровых — побольше. Вместе с тем “по удобрению, а особливо по хорошему местоположению”, урожай бывал сам-4 и сам-5⁹. В Звенигородском уезде урожаи основных культур не поднимались выше сам-3 и сам-4. На удобренных полях они повышались, но вся беда была в том, что в уезде “не токмо, чтоб вся земля в поле каждый раз была унавожена, но у редкого земледельца и половина унавоживается”¹⁰. В Можайском у. глинистые подзолы давали урожай ржи сам-4, овса — сам-4 и сам-5, ячменя и гороха тоже сам-4; пшеница, греча, лен и конопля рождались на уровне сам-3¹¹. В Никитском уезде обыкновенные урожаи были сам-3, сам-4, иногда сам-5¹². В Верейском и Рузском уездах на посредственных и каменистых почвах озимые рождались втрое, а редко вчетверо. И лишь на хорошо удобренных землях озимые давали сам-4 и сам-5 (яровые в хорошее лето рождались вчетверо и впятеро, в обыкновенное лето — сам-3, иногда сам-4)¹³.

Из южных подмосковных уездов худшее плодородие было в Подольском у. (“урожаи большею частию сам-3, а редко более”, хотя озимь в хо-

⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 85—86.

⁶ Там же. — С. 212.

⁷ Там же. — С. 229—230.

⁸ Там же. — С. 251.

⁹ Там же. — С. 106.

¹⁰ Там же. — С. 190.

¹¹ Там же. — С. 292.

¹² Там же. — С. 125.

¹³ Там же. — С. 341—342, 270.

роший год могла дать всемеро, а яровые — всемеро и ввосемьмеро)¹⁴. В Воскресенском у. на обычных землях, каких большинство, озимые “урожались” в сам-3, а яровые в хороший год — сам-3 и сам-4. Лишь на удобренных землях озимые давали сам-4 и редко сам-5¹⁵. В Коломенском уезде “о плодородии положительно сказать не можно” (обычный урожай озимых большей частью на посредственных землях не выше сам-4, как и яровых). И только на удобренных полях озимые давали сам-5 и даже сам-6¹⁶. В Серпуховском уезде урожаи были, как снова особо подчеркнул автор описания, зависимы “от удобрений, а более от погоды”. Лучшие урожаи озимых были сам-6. Ячмень давал сам-3, а горох, лен и конопля — сам-4 и более¹⁷.

Времени дома не выберешь

Очень схожей была ситуация в Тверской губернии. Самой неприхотливой и выносливой к болезням культурой и здесь была рожь. Правда, в дождливое лето рожь зарастала “метлой”. А в теплую осень всходы ее сжирали червь. При густых посевах рожь иногда созревала под снегом. Пшеница-лебянка, “требуя больше теплоты, не всегда совершенно вызревала”¹⁸. Пшеницу губили медвяные росы, мгла (туманы), такие болезни, как “черная пядь” (почернение зерен изнутри), дялянки с пшеницей забивал куколь и т. д. “Овес, горох и греча по свойству своему совсем не могут снести ни малейшего мороза”, случавшегося в конце августа и начале сентября¹⁹. Лишь лен здесь “рос изрядно”.

В самом Тверском уезде урожаи ржи были наиболее устойчивыми, а в долинах р. Шоши посевы ржи удобряли весенние разливы, и урожай был сам-10. Ячмень здесь родился лишь втрое, овес был урожайнее (сам-4 и сам-5); горох, лен и конопля давали сам-3. На юге уезда яровая пшеница рождалась сам-5, а в остальных местах была мелка и забивалась куколем²⁰.

По уездам губернии урожайность распределялась следующим образом. Рожь давала урожаи сам-3, иногда сам-4 в Калязинском, Кашинском, Ржевском и Новоторжском уездах²¹. Ржаные урожаи в сам-4, иногда в сам-5 были в Краснохолмском, Вышневолоцком, Зубцовском, Старицком и Бежецком уездах (в Зубцовском и Старицком уездах выше сам-4 не было)²². Урожай ржи в сам-5 был в лесистом Весьегонском уезде²³. В части

¹⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 139.

¹⁵ Там же. — С. 155.

¹⁶ Там же. — С. 359.

¹⁷ Там же. — С. 316.

¹⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 4—5.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 51 об.—52.

²¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 48, 36—37, 119, 156.

²² Там же. — С. 74, 94, 125, 140; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 136 об.

²³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 83.

Корчевского уезда ржаные урожаи доходили до уровня сам-5, сам-6²⁴. А самый низкий урожай был в Осташковском у. (сам-3)²⁵.

Наблюдения Василия Приклонского по одному из двух самых плодородных уездов губернии — Кашинскому (вторым был Ржевский у.) — более суровы. Обычным для ржи урожаем в уезде он считал сам-2 и сам-3 и лишь иногда сам-4 (только последнее совпадает с приведенными цифрами)²⁶.

С урожайностью овса было заметно хуже. В Осташковском у. урожай его был всего сам-2, в Бежецком у. — сам-2,5²⁷. В Корчевском, Краснохолмском и Ржевском уездах урожаи овса были сам-2, иногда сам-3²⁸. В Вышневолоцком, Зубцовском, Старицком и Новоторжском уездах уровень урожая достигал сам-3²⁹. В Кашинском уезде он был сам-3, сам-4³⁰, и лишь в Калязинском у. урожай овса был наивысшим (сам-4, сам-5)³¹. И вновь поправка В. Приклонского по Кашинскому у. — овес давал там обычно сам-2, сам-3³².

Урожаи ячменя были лучше. В Осташковском уезде его, правда, почти не сеяли, так как он здесь не рос из-за плохого качества почвы (тяжелые болотные земли)³³. В Калязинском уезде ячмень рождался втрое³⁴. В Новоторжском и Бежецком уездах уровень урожайности был сам-3, иногда сам-4³⁵. Вполне приличный урожай вчетверо был в Старицком и Краснохолмском уездах³⁶. Сам-4, иногда сам-5 собирали в Вышневолоцком уезде³⁷. В Кашинском, Ржевском и Весьегонском уездах ячмень рождался впятеро³⁸. Сам-5 и сам-6 ячмень давал в Корчевском уезде, и от сам-4 до сам-6 урожаи ячменя были в Зубцовском у.³⁹

Интересна оценка офицерами-составителями описания урожайности гороха. Урожай его не выше сам-2 и сам-3 был в Калязинском, Старицком, Осташковском и Бежецком уездах⁴⁰. В Ржевском у. он имел уровень урожайности в сам-3, иногда сам-4⁴¹, в Краснохолмском и Весьегонском уездах горох рождался вчетверо⁴². В Зубцовском у. — впятеро и вчетверо⁴³. А в

²⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 55.

²⁵ Там же. — С. 105.

²⁶ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 5—9.

²⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 136 об.

²⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 55, 74, 119.

²⁹ Там же. — С. 94, 125, 140, 156.

³⁰ Там же. — С. 36—37.

³¹ Там же. — С. 48.

³² Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 5—9.

³³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 105.

³⁴ Там же. — С. 48.

³⁵ Там же. — С. 156; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 136 об.

³⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 140, 74.

³⁷ Там же. — С. 94.

³⁸ Там же. — С. 36—37, 119, 83.

³⁹ Там же. — С. 55, 125.

⁴⁰ Там же. — С. 48, 140, 105; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 136 об.

⁴¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 119.

⁴² Там же. — С. 74, 83.

⁴³ Там же. — С. 125.

Кашинском, Вышневолоцком и Новоторжском уездах — впятеро⁴⁴. Урожайность гороха в сам-7 была в Корчевском уезде⁴⁵.

Греча в тверских уездах едва росла (гибла из-за ранних морозов, и сеяли ее мало). Урожайность этой культуры в сам-2, сам-3 была в Корчевском, Новоторжском и Зубцовском уездах⁴⁶. В Вышневолоцком уезде отмечен наиболее высокий уровень в сам-5⁴⁷.

Перейдем теперь к обзору материала по северу Европейской России, хотя зерновое производство там по масштабам своим было незначительным. Это прежде всего Озерный край, составляющий северо-восточную оконечность Прибалтийской низины и Двино-Печерскую низменность. На этом пространстве располагаются две довольно отличные друг от друга климатические области.

Посев ржи при северном ветре родит крепче

В Архангельской губ. все поля, как правило, удобрялись навозом (и паровое, и яровое поля). Лучший урожай ржи в Архангельском у. был сам-4, в Холмогорах устойчивая урожайность ржи — сам-6 и сам-7, иногда и выше. В Шенкурске рожь всегда давала сам-6, а на Мезени “с четверти посева жнут 100 снопов в лучший урожай” (считая посев в снопах из расчета 90 снопов на десятину, то урожай с десятины в 200 снопов составит чуть выше сам-2). Ячмень имел высокую урожайность в Архангельском уезде (от сам-6 до сам-10), в Онежском у. урожайность его — сам-6, в Холмогорах и Шенкурске гораздо ниже (сам-4, сам-5). В Шенкурске лишь в некоторых селениях сеяли в малых дозах овес (сам-3), горох (сам-4) и даже пшеницу (сам-3)⁴⁸.

Самый ранний материал по Вологде есть по вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря (30-е годы XVIII в.). Средняя урожайность пшеницы доходила здесь до сам-4,2, что для севера очень неплохо⁴⁹. Для 60-х годов есть данные А. Олишева: яровая пшеница родится не менее сам-7. Однако условия при этом должны быть на редкость благоприятные: на унавоженной земле и при идеально глубокой вспашке до 4-х вершков (ок. 18 см)⁵⁰. Есть данные по Вологодскому у. для 80-х годов: на лучших землях урожай здесь был сам-4, сам-5⁵¹. Что же касается озимой ржи, то она была на юго-запа-

⁴⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 36—37, 94, 156.

⁴⁵ Там же. — С. 55.

⁴⁶ Там же. — С. 55, 156, 125.

⁴⁷ Там же. — С. 94.

⁴⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. № 497. Л. 23, 24, 56—57, 75 об., 106, 147.

⁴⁹ Прокофьева Л.С. “Хлебный бюджет” крестьянского хозяйства в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории. — Вологда, 1968. — С. 349.

⁵⁰ Олишев А. Указ. соч. — С. 106.

⁵¹ Описание Вологодского наместничества // Собрание сочинений, избранных из месяцесловов. — СПб., 1791. — Ч. VII. — С. 98.

де губернии наиболее урожайна. В 30-х годах в деревнях и селах Кирилло-Белозерского монастыря средняя урожайность ржи была примерно сам-6, сам-7⁵². По данным А. Олишева, на навозных землях она доходила до сам-8 и сам-10. Однако на ненавозных землях получали всего сам-5, сам-6⁵³. На новораспашных землях рожь, по сведениям А. Олишева, давала сам-8, сам-10⁵⁴. Для 70-х годов материалы Засецкого для посевов ржи по росчистям и выжженным подсекам свидетельствуют, что урожай доходил даже до сам-12⁵⁵.

Урожай овса на Вологодчине были очень скромными. В 30-х годах по всем вотчинам Кирилловского монастыря получали от сам-1,5 до сам-3⁵⁶. Ячмень давал неровные урожаи (сам-1,6, сам-8,6 и т. д.). Средний уровень был примерно сам-4⁵⁷. Горох здесь родился плохо, как и конопля⁵⁸.

В Петербургской губернии на хорошо удобренных землях в удачные годы помещики получали урожаи сам-15⁵⁹. В Нарвском у. Петербургской губ. на удобряемых навозом землях можно было иметь урожай сам-6, “а в ненавозных местах — всего в сам-2,5 и в сам-3”⁶⁰.

Существенная разница в урожайности для новораспашных или хорошо удобряемых земель и обычных пашен наблюдается даже для Орловской губ. Наблюдатели отмечают, что “в хозяйских руках, где земля или новь хорошо унавожена”, урожайность зерновых (видимо, основных культур — ржи, озимой пшеницы и гречи) — сам-10, сам-12⁶¹. Обычная же, “средственная” урожайность — сам-5, сам-6⁶². В лучшие годы в Елецком уезде урожайность — сам-8, а обычно меньше сам-5 не бывает⁶³. В лучшие годы в Дмитровском у. получали сам-6 для ржи и гречи, а для пшеницы и ячменя — сам-5⁶⁴.

Интереснейший материал встречается у А.Т. Болотова по Каширскому уезду. Разница здесь между навозными и ненавозными землями — огромная. В нормальные по урожайности годы рожь на навозных каширских землях в 60-е годы XVIII в. давала урожай от сам-6 до сам-8, а на ненавозных и “пресных” землях — от сам-2 до сам-4⁶⁵. Овес на навозных землях — от сам-4 до сам-6, а на “простых” и лучших ненавозных землях — от сам-

⁵² Прокофьева Л.С. Указ. соч. — С. 348.

⁵³ Олишев А. Указ. соч. — С. 111, 105.

⁵⁴ Там же. — С. 105—106.

⁵⁵ Засецкий. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия в Вологодском уезде // Труды ВЭО. — 1773. — Ч. XXIII. — С. 246.

⁵⁶ Прокофьева Л.С. Указ. соч. — С. 348.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. — С. 349.

⁵⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19002. Л. 6.

⁶⁰ Там же. № 18999. Л. 82 об.

⁶¹ Там же. № 18901. Л. 13.

⁶² Там же. № 18905. Л. 5.

⁶³ Там же. № 18903. Л. 15.

⁶⁴ Там же. № 18905. Л. 5.

⁶⁵ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 134.

2 до сам-3. Болотов отмечает, что при прекращении унавоживания те же самые земли через 3—4 года резко снижают урожайность⁶⁶.

Эффективность интенсификации за счет одного лишь удабривания была, таким образом, наиболее существенна для серых хлебов, повышая их урожай в 2—3 раза. Отсюда становится более понятным упорное стремление крестьянства на громадных пространствах Нечерноземья класть навоз прежде всего под рожь или только под рожь. Экономический результат этого акта имел громаднейшее значение.

И богат мужик, да без хлеба не крестьянин Вместе с тем для XVIII столетия удабривание навозом имело для роста урожайности некоторые ограничения. Правда, эти ограничения для крестьянского хозяйства практического значения не имели. Во второй половине века они стали реальностью лишь для помещичьего хозяйства, вставшего на путь товарного производства. Именно в этот период помещичье хозяйство Нечерноземья и районов, смежных с черноземно-степной зоной земледелия, столкнулось с парадоксом навозного удобрения. Он в том, что излишние дозы унавоживания не вели к автоматическому повышению урожайности, так как зерновые хлеба при этом быстро идут в рост и при малейшем дожде (и даже и без него) полегают и прорастают, в итоге чего гибнет весь урожай. Это было и с пшеницей, и с рожью, и даже с овсом. Именно это свойство господствовавших тогда сортов зерновых удерживало от унавоживания деградированные черноземы, где сильно развитое скотоводство вполне обеспечивало крестьянское хозяйство удобрением. П.-С. Паллас замечает: “Есть ли бы похотели сию тучную землю унавоживать, то бы хлеб выбежал очень скоро и высоко, после того повалился и погнил бы до созревания”⁶⁷. Столь парадоксальная ситуация удерживала в самых хлебобордных районах рост урожайности, как правило, на уровне сам-10, сам-15, что для XVIII в. само по себе было “чрезвычайной” урожайностью. От негативных последствий обильного удобрения пашен страдало прежде всего помещичье хозяйство Нечерноземья, которое раньше всего стало использовать формирующийся рынок. А. Олишев с горечью писал о следствиях излишнего удобрения даже в Вологодском уезде: “На удворине от весьма тучной земли рожь, и другие жита, при малом дожде ложится и прорастает”⁶⁸. В помещичьих хозяйствах под Петербургом в 90-е годы на обильно удобренных землях “в хорошие лета рожь... валилась”⁶⁹. В Каширском у., по наблюдениям А.Т. Болотова, урожаи овса были, как правило, невысокими, но посевы его на навозных землях приводили к тому, что овес во время созревания

⁶⁶ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 134.

⁶⁷ Паллас П.-С. Указ. соч. — Ч. I. — С. 91.

⁶⁸ Олишев А. Указ. соч. С. 106—109.

⁶⁹ Орреус. Хозяйственные примечания на 1794 год // Труды ВЭО. — 1796. — Ч. II. — С. 121.

падал и прорастал. В итоге у помещиков урожай овса на навозных землях сам-4 и сам-6 были редкостью. И овес сеялся обычно на лучших ненавозных землях с урожайностью всего сам-2, сам-3, то есть большей частью для соломы (для помещичьего скота и навоза)⁷⁰.

Пестрота почв — пестрота урожая

Другим важным моментом в изучении урожайности был контраст между лучшими и худшими землями.

В Костромском у. особенно урожайными были районы Волжского правобережья, где были пространства заливных земель. Поскольку здесь были и отличные пастбища, и сенокосы, то верхний слой глинистых земель, обогащенный речным илом и удобренный навозом, давал отличный по тем временам урожай. В конце XVIII в. здесь сеяли главным образом яровые хлеба, лен и небольшое количество ржи. Урожайность ржи, пшеницы и ячменя была сам-6, овса, ярицы и гороха — сам-5, льна — сам-3 и сам-4. В то же самое время на правобережных и на высоких местах урожайность ржи была сам-3, пшеницы и ячменя — сам-4, овса и ярицы — сам-3, гороха — сам-4, льна — сам-3 и гречи, на самых удобных для нее землях, — сам-2 и сам-3. Как видим, разница в урожае в полтора раза, а по овсу и ярице — еще больше⁷¹.

А.Т. Болотов пишет, что в Каширском у. Тульской губ. греча на худших ненавозных землях давала урожай сам-3, сам-4, и это считалось “нарочито хорошей” урожайностью. На более плодородных землях ее урожайность повышалась сразу же до сам-5 и даже сам-6⁷².

На Урале, в Пермской губ. в 80-х годах урожайность на отдельных участках лучших новораспашных земель могла в удачный год достигать сам-15, а в обычные годы на старопахотных, хорошо обрабатываемых и удобряемых участках — сам-10. На неудобряемых землях урожайность могла достигать сам-6, а в неурожайные годы сбор зерна снижался до сам-3, сам-4 и ниже⁷³. На обширных площадях типично высоким урожаем был сбор зерна сам-5, средним урожаем, что было чаще, — сам-3, а плохим урожаем — сам-2. Эти уровни были характерны для Пермского, Осинского, Оханского, Красноуфимского, Обванского, Екатеринбургского, Алапаевского уездов⁷⁴. В остальных районах урожайность была намного ниже (Долматов, Камышлов, Ирбит, Чердынь и др.)⁷⁵. В Кунгурском уезде наличие глинистых почв делало “неудобство” в хлебопашестве и приводило к “средственной”

⁷⁰ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 134.

⁷¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 37 об.

⁷² Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 141.

⁷³ РГВИА Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. I. Л. 17 об.

⁷⁴ Там же. — Л. 39, 46, 60, 68, 75, 94 об., 147.

⁷⁵ Там же. — Ч. II. Л. 99, 107, 121. В Ирбите яровые каждый год “вызбали”, а в Камышлове урожай был сам-3. И это — удача, так как иногда совсем “нет прибыли”.

урожайности⁷⁶. В Верхотурье — плохие почвы, и в результате — “плодородие земли... весьма неизобильное”, т. е. урожай хлеба был, по резкой оценке современника, “весьма недостаточен”⁷⁷.

К качеству почв неизбежно добавлялись и климатические условия. Так, в Ирбите попытка сеять гречу провалилась “по причине в здешних краях холодного воздуха”. Больше того, при посредственном урожае озимой ржи яровые всегда давали здесь “малой” (плохой) урожай, “ибо ныне (речь идет о 80-х годах, — Л. М.) ежегодно выязбают”⁷⁸. В Шадринском у. часты были неурожаи ржи, что вызвало увеличение посевов ярицы⁷⁹. В Чердыни неурожаи нередки из-за “незрелости” ввиду морозов⁸⁰. Там же, где рожь поспевала к августу (Пермский, Обванский, Оханский и др. уезды), “жатва начинается в августе, оканчивается [же] по удобности погоды... А по большей частью в половине сентября, для того, что в августе обыкновенно бывают холодные и мокрые погоды, препятствующие снимать хлеб...”⁸¹ В итоге спелый хлеб стоял 2—4 недели и, конечно, терял зерно, уменьшая урожай, хотя практика такого рода была вековой и можно предположить, что земледельцы Урала имели сорта ржи, стойкие к осыпанию.

Это различие по разнообразию почв чрезвычайно важно, ибо нельзя изучать урожайность “вообще”. Как уже говорилось, в XVIII в. в производственный оборот в нечерноземной зоне было вовлечено громадное количество земель худшего и посредственного плодородия, которые в более ранние эпохи вообще не могли быть использованы. Поэтому получение на них урожайности, внешне выглядевшей весьма скромно, было большим достижением крестьянской агрикультуры и агротехники. В Галицкой провинции в 60-е гг. на глинистых тяжелых почвах в лучшие годы урожай ржи был сам-3, а для овса — сам-2⁸². И практически та же урожайность была в конце века. Лишь пшеница и горох, посевы которого были незначительны, имели урожайность сам-3 и сам-4. В Костромской губ. наибольшую площадь посевов занимали такие культуры, как рожь, овес и “немало к рукоделию потребной лен”⁸³. Однако урожайность ржи и овса в Кинешемском, Ветлужском, Нерехтском, Юрьевец-Повольском, Буйском, Кадыйском и Солигаличском уездах была сам-2 и сам-3. Исключением, как уже говорилось, были лишь заливные пойменные земли Костромского у., где урожай ржи и овса был на уровне сам-5, сам-6, и Кологривского у., где рожь имела урожайность сам-3, сам-4. Что касается льна, то в большинстве уездов, в том

⁷⁶ РГВИА Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 56 об.

⁷⁷ Там же. — Л. 135.

⁷⁸ Там же. — Л. 121.

⁷⁹ Там же. — Л. 113 об.

⁸⁰ Там же. — Л. 88 об.

⁸¹ Там же. — Л. 39 об., 68 об., 76.

⁸² Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 79—80.

⁸³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 13 об. — 14.

числе таких, как Кинешемский и Нерехтский, урожайность семени не поднималась выше сам-2 и сам-3 (только в низких местах Костромского у. она поднималась до сам-3, сам-4)⁸⁴. Тем не менее лен был важнейшей товарной культурой региона. А хлеб в губернию ввозился в объеме до 120 тыс. четвертей из Нижегородского, Пензенского, Рязанского и Саратовского наместничеств⁸⁵.

В Ярославской губернии наиболее “хлебородными” были лишь три уезда (Мышкинский, Ярославский и Даниловский)⁸⁶. Иначе говоря, здесь хватало на год своего хлеба, “для себя и на продажу”. В целом же по губернии урожайность большей частью была сам-3 и сам-4, в редкие годы — сам-5⁸⁷. В лучшие сухие годы в Кашинском у. урожай яровой пшеницы был сам-2, сам-3, а гречи также сам-2, сам-3⁸⁸. Во Владимирском уезде в 50-х годах обычная урожайность в “песчаных местах” была по ржи сам-3, а по яровым — сам-2. На менее плодородных землях рожь давала сам-2, а яровые — сам-1⁸⁹. Эти сведения уточняются данными конца 60-х годов. В обычные годы на лучших землях (а их везде в уезде больше половины) урожайность основных зерновых культур была сам-4, сам-5, а на менее плодородных землях (это меньшая часть уезда) — сам-2⁹⁰. Наконец, в лучшие, т. е. урожайные, годы там, “где земля влажнее”, урожайность была “в пятеро и более”, а на менее плодородных землях урожаи в лучшее время были сам-4⁹¹.

При общинном трехполье — ростки специализации

Третьим весьма существенным аспектом изучения урожайности был выбор лучшей земли для той или иной культуры или лучшей культуры для данной земли. Несмотря на господство натуральной основы крестьянского хозяйства и консервативность трехпольного севооборота, эти явления агрикультуры постепенно пробивают себе дорогу. В Новоторжском у. Тверской губ. лучшая рожь была в селе Стужна, лучшая гречиха — в деревне Маслово, а лучший ячмень — в селе Упревичи, сельце Голубино и деревнях Пожитово и Млевичи⁹². В Оренбургской губ. лучшая пшеница родилась в Сеитовой слободе, где урожай ее был сам-6, сам-7, а изредка — и сам-10⁹³. Выше уже подробно говорилось о специализации ряда крупных районов на той или

⁸⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 82 об., 202, 159, 105 об., 124, 114, 165; Л. 37 об., 188 об.; Л. 82 об., 159, 37 об.

⁸⁵ Там же. — Л. 14 об.

⁸⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 3 об.

⁸⁷ Там же. — № 19178. Л. 3—4 об., 69; № 19176. Л. 9 об.; № 18860. Л. 146 об.

⁸⁸ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 5—9.

⁸⁹ Баранов М.А. Указ. соч. — С. 94.

⁹⁰ Ответы... по городу Володимеру. — Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 98.

⁹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 57.

⁹² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 156.

⁹³ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 116—118.

иной культуре (псковский и великолукский лен, калужская, орловская, курская конопля, рязанский “моченец” и т. д.). Помимо конопли в Орловской губ. были и другие предпочтения. “Сеется пшеница (озимая, — Л. М.) во многом количестве”⁹⁴, “рожь также составляет немалой прибыток”, “сеют... в большом количестве гречиху”⁹⁵, а такие культуры, как “просо, ячмень, яровая пшеница, мак, горох — все сии хлеба не составляют знатной торговли”⁹⁶.

При общей высокой плодородности земель Воронежской губ. (плохая урожайность здесь была в 80-х гг. XVIII в. лишь в Бирючском, Беловодском, Ливенском уездах) в ряде уездов наибольшие по площади посевы занимали более урожайные культуры. В Воронежском у. сеяли больше ржи и овса (лучший урожай ржи и овса — от сам-10 до сам-15, а средний — сам-5, сам-7)⁹⁷. В Задонском у. предпочтение отдавали ржи, овсу и грече (наибольший урожай ржи и овса — сам-10, а гречи — сам-6, средний или “обыкновенный” урожай ржи и овса — сам-7, а гречи — сам-5), правда, и пшеница в лучшие годы давала сам-6, а в средние — сам-5⁹⁸. В Землянском и Бобровском уездах “большей частью сеется рожь, овес, греча и просо” (лучший урожай ржи — сам-12, овса — сам-15, гречи — сам-10, проса — сам-40), а средний урожай — вдвое меньше⁹⁹, хотя урожаи ячменя (сам-8) и пшеницы (сам-10) тоже были высокими¹⁰⁰. В Нижнедевицком у. большей частью сеяли рожь, овес, гречу (лучший урожай ржи и овса — сам-8, гречи — сам-6, средний ржи и овса — сам-6, а гречи — сам-4, урожайность остальных культур хуже). В Богучарском у. предпочтение отдавали ржи и озимой пшенице (лучшая урожайность ржи — сам-5, пшеницы — сам-4, средняя — вдвое меньше).

Даже в сравнительно малопродуктивных уездах Воронежской губ. отдавали предпочтение урожайным, по здешним меркам, культурам. В Бирючском у. — это рожь, овес и греча (наибольшая урожайность — сам-3 и сам-4, а средняя — вдвое хуже), Беловодском и Ливенском — рожь (в Беловодском у. лучшая урожайность ржи — сам-4, а средняя — сам-3)¹⁰¹. А в недород почти всюду урожай был сам-2.

Однако в целом ряде уездов не было жесткого преобладания каких-либо немногих культур. Объяснялось это, пожалуй, сравнительно высокой или одинаковой урожайностью и ржи, и пшеницы, и ячменя, и проса, и овса. Лучший урожай ржи был сам-10, проса и овса — от сам-12 до сам-15, пшеницы, ячменя, а также гречи, гороха, конопли и льна — от сам-3 до

⁹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18901. Л. 13—13 об.

⁹⁵ Там же. — № 18903. Л. 6 об.

⁹⁶ Там же. — № 18900. Л. 13 об.

⁹⁷ Там же. — № 18668. Ч. II. Л. 88 об.

⁹⁸ Там же. — Л. 96.

⁹⁹ Там же. — Ч. III. Л. 107, 102.

¹⁰⁰ Там же. — Л. 113.

¹⁰¹ Там же. — Л. 121, 144, 127.

сам-7. Средний урожай был вдвое ниже¹⁰². В Острогожском у. внимание уделялось ржи, пшенице, просу, овсу, ячменю, грече, маку и анису, который тоже сеяли в поле. Рожь давала лучший урожай от сам-10 до сам-15, средний — сам-6, худший — сам-3. Пшеница, горох и лен — от сам-7 до сам-10 (средний — сам-5, худший — сам-2). Просо и мак: лучший урожай — сам-50, а средний — всего сам-20¹⁰³. В Коротоякском у. рожь, озимая пшеница, овес, ячмень, греча в лучшие годы имели урожай от сам-10 до сам-15, а в средние — вполтину меньше. Яровая пшеница, горох, чечевица, лен в лучшие годы имели урожайность от сам-7 до сам-10 (в средние годы — сам-5, в худшие — сам-2). Просо имело лучшую урожайность сам-50, среднюю — сам-25, худшую — сам-5¹⁰⁴. Наконец, в Калитвенском у. впереди шли посевы ржи, пшеницы, овса, ячменя, проса, гороха, конопли и льна (лучшая урожайность ржи сам-5, пшеницы — сам-4, ячменя — сам-4, овса — сам-3, проса — сам-10, гречи — сам-3)¹⁰⁵. В худшие годы, т. е. в неурожайные, в Павловском, Калитвенском, Валуйском, Беловодском, Бирючском уездах получали лишь семена¹⁰⁶. В Острогожском у. в неурожай разные культуры давали урожай от сам-3 (рожь) до сам-1¹⁰⁷. В Воронежском, Коротоякском уездах низший уровень — сам-2 (лишь просо в Коротояке давало сам-5)¹⁰⁸. В Задонском у. худший урожай (если верить источнику!) ржи и овса — сам-4, а пшеницы, гречи, проса, ячменя и гороха — сам-3¹⁰⁹. В Землянском и Бобровском уездах примерно та же картина: рожь — сам-3, овес — сам-4, просо — сам-10, ячмень — сам-2, пшеница — сам-2,5¹¹⁰. В Нижнедевицком у. рожь и овес — сам-4, а греча — сам-2¹¹¹. Трудно определить, что было в основе феномена земледелия четырех выше-названных уездов: сравнительная слабость засух или наличие устойчивых к засухе сортов и особая система приемов агрикультуры. Так или иначе, но это факт, что земледельцы этого края имели устойчивость урожайности основных культур.

В нечерноземной зоне, в Галицкой провинции пшеницу сеяли только на подсеках¹¹². В Тверской губернии на подсеках и росчистях главной урожайной культурой была репа. То же самое наблюдалось и для Ингерманландии (Петербургской губ.), где на росчистях и палах наибольшую прибыль приносила так называемая плоская сладкая репа¹¹³. На росчистях в Костром-

¹⁰² РГВИА Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. IV. Л. 163.

¹⁰³ Там же. — Ч. IV. Л. 168—168 об.

¹⁰⁴ Там же. — Л. 176.

¹⁰⁵ Там же. — Ч. III. Л. 140.

¹⁰⁶ Там же. — Ч. IV. Л. 163; Ч. III. Л. 140, 144; Ч. II. Л. 121.

¹⁰⁷ Там же. — Ч. IV. Л. 168—168 об.

¹⁰⁸ Там же. — Ч. II. Л. 88 об.; Ч. IV. Л. 176.

¹⁰⁹ Там же. — Ч. II. Л. 96.

¹¹⁰ Там же. — Ч. III. Л. 107, 102.

¹¹¹ Там же. — Ч. III. Л. 113.

¹¹² Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 79—82.

¹¹³ Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 70.

ской губернии репа давала урожай до 60 четвертей с десятины при условии своевременной прополки ее от сорняков¹¹⁴.

В Вологодском уезде относительно лучше урожай овса был лишь в 6 волостях, а рожь была лучше около города и в 13 волостях¹¹⁵. В Старицком у. Тверской губ. “на ляхах” лучшие урожаи давала рожь (до сам-10), а на “моложах” — яровые¹¹⁶. В Кашинском у. той же губернии урожаи ржи на росчистях достигали сам-10 в течение первых двух лет¹¹⁷. В Вышневолоцком уезде на новых землях урожаи ржи, пшеницы и ячменя достигали сам-8, сам-9 и выше при обычном для уезда нормальном урожае ржи и ячменя сам-4, сам-5, а овса сам-3 и сам-4¹¹⁸. Примерно то же самое было и в Новоторжском у., где на росчистях рожь давала в первые два года урожай сам-8, сам-9 при обычном для уезда урожае сам-3 и сам-4 (в редкие урожайные годы он поднимался до сам-5 и сам-6)¹¹⁹. В Весьегонском у. рожь на росчистях в течение трех лет давала урожай сам-10 и выше при обычном в уезде урожае ржи и ячменя сам-5 и более¹²⁰.

Недороды местами

Особую проблему в изучении урожайности составляют неурожайные годы и так называемые “недороды”. О них меньше всего сведений в источниках. Однако неурожай играли не только огромную социальную роль, сказываясь на и без того тяжелом положении крестьянства, но нередко влияли на саму агрикультуру.

В XVIII в. неурожайных лет, как уже говорилось, было очень много, но захватывали они, как правило, сравнительно не крупные регионы. Так, в Псковской губ. “в прошедшем 785-м и 786 годы [были] двугодичные повсеместные в наместничестве неурожай”. “Как владельцы (т. е. помещики), так и грацкие жители и поселяне принуждены были покупать хлеб в белорусских и смоленских наместничествах [по] высоким ценам. В хорошие ж слетья взаимно покупают и жители тех губерний”¹²¹. Надо сказать, что неурожайных лет в псковской округе было большинство, так как “в дождливые и ненастливые или чрезвычайно жаркие слетья во многих местах и семян не собирают”. “В хорошие времена года не более как в четверо” собирают¹²².

Тяжкими всеобщими недородами отмечены для второй половины века 1767, 1778 и 1786—1787 годы¹²³. По Переяславль-Залесской провинции

¹¹⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 43 об.

¹¹⁵ Засецкий. Указ. соч. — С. 246.

¹¹⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 141.

¹¹⁷ Там же. — С. 12—13.

¹¹⁸ Там же. — С. 93.

¹¹⁹ Там же. — С. 156.

¹²⁰ Там же. — С. 83.

¹²¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18962. Л. 6 об.

¹²² Там же. — Л. 6.

¹²³ Соловцов. Историческое и статистическое обозрение неурожав в России // Сборник статистических сведений о России. — 1858. — Кн. III. — С. 118.

60-х годов современник отмечает: “Урожай всякому хлебу бывает переменной. По большей части года через три, но в прочие два года собирают с нуждою семена”¹²⁴. О чрезвычайно частых недородах этих лет в Каширском уезде пишет А.Т. Болотов, касаясь урожайности ржи и овса¹²⁵. Говоря о крестьянском хозяйстве, Болотов замечает: “От ржи получает крестьянин худую прибыль. Ибо в самые лучшие года не приходится и сам-5, а обыкновенно сама друга (сам-2, — Л. М.) и меньше”¹²⁶. В 60-е годы на огромных пространствах, главным образом Нечерноземья, сложилась тяжелая метеорологическая ситуация. Примерно с 1763 г. в течение, по крайней мере, пяти лет шли многомесячные дожди. Неурожаи этих лет далеко не самое главное бедствие. О более существенных последствиях такого рода погодных циклов очень точно пишет Василий Приклонский: “Когда же с 1762 года сделались почти всегда дождливая лета..., низкия пашни от долго на них стоявшей воды зачали вымокать, а старая земля выпаживаться..., хлебы стали хуже родится”¹²⁷. Интенсивное переувлажнение пашни приводило, таким образом, к самому худшему последствию — вода вымывала даже отнюдь не низко расположенные поля от накопленного годами органического компонента. Поэтому плодородие ухоженных старопахотных земель — основного фонда агрикультуры — стало стремительно падать. Дренаж полей, окаймление их канавами, был земледельцу крепостной России не под силу. К тому же дренаж периметра полей на суглинистых, глинистых, иловатых почвах был бы малоэффективен. “Крестьяне пробавились еще год или два старыми семенами, — пишет В. Приклонский. — Неурожаи не переставали, но еще более умножались. Наконец, хлеба у них не стало. Они принялись за скот, но которой к пущему несчастью неоднократно помирал поветрием, что их и последнего лишило пропитания”¹²⁸. Падеж скота, и без того очень частое явление в этой природно-климатической зоне, катастрофически усугубляет трагедию земледельца. К моменту, когда длительный цикл дождливых сезонов стал завершаться, у крестьянина резко уменьшилось количество скота. “Они стали мало содержать скоту. Следовательно, и земля навозу прежнего получать не стала. Выпашка от дурных лошадей и бороньба переменилась и пашня сделалась еще хуже”¹²⁹. Налицо резкое падение общего уровня производства. Такие метеорологические циклы, подобные дождливым годам 1762—1767 гг., время от времени повторявшиеся в XVIII столетии, имели громадные последствия для всей аграрной экономики страны в целом. В частности, именно на 60-е годы в России приходится наиболее стремительный взлет цен на хлеб, зерновые продукты и “съестные припасы”. В эти периоды резко повышается тяга крестьян к эксплуатации росчистей, выжженных зале-

¹²⁴ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 84.

¹²⁵ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 134.

¹²⁶ Там же. — С. 153.

¹²⁷ Василий Приклонский. Указ. соч. — С. 24.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. — С. 24—25.

жей и т. п., поскольку там был “живой резерв” органического компонента почвы, способного дать высокий, хотя и не постоянный урожай.

В этих условиях урожайность зерновых даже сам-2 была итогом упорного и тяжелого труда русского земледельца. В 80-х гг. XVIII в. во Владимирской губернии общая урожайность в Суздальском, Покровском, Переяславском, Юрьев-Польском, Ковровском, Меленковском, Гороховецком, Муромском, Александровском, Шуйском, Вязниковском и Судогодском уездах в урожайные годы была сам-4, сам-5, иногда и больше. А в малоурожайные годы — сам-2¹³⁰. В Нижегородской губ. урожайность в лучшие и худшие годы колебалась по-разному. В лучшие годы высокую урожайность имел Лукояновский у. (сам-6 и более)¹³¹. В Починковском и Княгининском уездах “в хорошее время” урожайность достигала уровня сам-5, сам-6, в Горбатовском у. — сам-4 и сам-5¹³². В остальных уездах губернии даже в “хорошее время” урожайность была низка (в Нижегородском, Балахнинском, Васильском, Арзамасском, Макарьевском, Ардатовском, Перевозском уездах — сам-3 и сам-4)¹³³. В Сергачском у. даже в южной черноземной Запьянской округе в хорошее время урожайность была лишь сам-3¹³⁴. В лесном и песчаном Семеновском у. в хорошее время рожь, греча и лен давали сам-3, а пшеница, овес, ячмень и горох — сам-4¹³⁵.

В неурожайные годы, т. е. в неблагоприятное, “противное”, как выражается автор описания, время, лишь в Княгининском и Починковском уездах собирали урожай сам-2 и сам-3¹³⁶. В Нижегородском, Васильском, Балахнинском, Макарьевском, Горбатовском, Сергачском, Арзамасском, Перевозском, Ардатовском и даже Лукояновском уездах урожай был сам-2 и меньше¹³⁷. В Семеновском у. собирали лишь семена. Во всех этих уездах были годы, когда не собирали и семян¹³⁸. В Ярославской губернии в малоурожайные годы получали “по большей части” сам-2¹³⁹. Так же было и в Костромской губернии.

На севере, в частности в Вологодском у., малоблагоприятные годы давали уровень урожая более высокий. Засецкий сообщает об урожае ржи сам-4, овса — сам-3 (в урожайные рожь дает вдвое больше, а овес лишь на 25—70%)¹⁴⁰.

¹³⁰ Топографическое описание Владимирской губернии. 1784 г. — Владимир, 1906. — С. 26, 83, 37, 43, 94, 106, 65, 58, 71, 50, 101, 88. В Киржачском у. “урожай онаго бывает вдвое”, зато отмечен чрезвычайно хороший лен.

¹³¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 41.

¹³² Там же. — Л. 39, 31, 52 об. — 53.

¹³³ Там же. — Л. 6 об. — 7, 15 об., 25—26, 12, 21 об.

¹³⁴ Там же. — Л. 48 об., 44 об.

¹³⁵ Там же. — Л. 57.

¹³⁶ Там же. — Л. 31, 39.

¹³⁷ Там же. — Л. 6 об. — 7, 25—26, 15 об., 21 об., 52 об. — 53, 35, 12, 48 об., 44 об., 41.

¹³⁸ Там же. — Л. 57.

¹³⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 146 об.

¹⁴⁰ Засецкий. Указ. соч. — С. 223.

Засушливые лета бывали и в Нечерноземье, но неизмеримо чаще они были в черноземных и степных районах. Бич засухи обусловил здесь резкие скачки, неравномерность по годам в урожайности, характерные для Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской, Орловской, Воронежской, Курской губерний, Области Войска Донского и других. В частности, известно, что неурожаи 1744 и 1772 годов в Орловской губ. приводили в ряде районов к массовому голоду (например, в Луганской округе)¹⁴¹.

Выборочная неурожайность

Немалым злом для земледелия России была своего рода “выборочная неурожайность”, т. е. недороды какой-либо одной — двух культур, иногда или озими, или яровых. Эти обстоятельства порождались либо сильными отклонениями в календаре рабочего сельскохозяйственного цикла (поздний сев, поздняя уборка и т. д.), либо стихийными эксцессами природы (весенние поздние заморозки, ранние заморозки осенью, болезни растений, медвяные и мучные росы, ржавчина, мгла, туманы, резкие пики размножения сорных трав, выедание озимых всходов червями и т. п.). На севере, в частности в Шенкурском у. Архангельской губ., посевы весной на низких местах вымокали, “летом от жаров хлеб ссыхается” и “град выбивает”¹⁴². Засухи бывали даже в Холмогорах. Для севера вообще большим злом были ранние заморозки (“калинники”), случающиеся даже в июне. От них страдали посевы ячменя, гороха, овса. Поздняя уборка овса на севере приводила к тому, что он “крошился от стужи”¹⁴³. Озимь “будучи долго под снегом весной подпревает, а осенью без снега на горах (т. е. возвышенных местах, — Л. М.) от морозов вызябает”, как это было в том же Шенкурском уезде¹⁴⁴. В Калужской провинции нередко крестьяне убирали овес в мороз и в снег¹⁴⁵. В Каширском уезде часто осенние заморозки заставляли гречу в цвету, либо она гибла в наливе — от поздней косыбы¹⁴⁶. В Воронежской губернии греча, наоборот, гибла на всходах от поздних весенних утренников¹⁴⁷. В Оренбургской губернии греча, просо и горох иногда гибли на стадии созревания от ранних заморозков, хотя чаще лишь снижалась урожайность¹⁴⁸. Таким образом, контрасты даже умеренно континентального климата создавали тяжелые условия для жизни русского крестьянства.

¹⁴¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18903. Л. 43.

¹⁴² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 75.

¹⁴³ Там же. — Л. 56, 75.

¹⁴⁴ Там же. — Л. 75.

¹⁴⁵ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. XI. — С. 96.

¹⁴⁶ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 159—160

¹⁴⁷ Ответы по Острогжской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VIII. — С. 162—

¹⁴⁸ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии. — С. 116—118.

Таблица 1.11. Урожайность в Европейской России

Губернии/ годы	Рожь	Пше- ница	Овес	Ячмень	Греча	Лен	Ко- нопля	Горох	Просо	Полба
Пензенская										
1793	2,9	2,0	2,6	2,4	3,7	2,0	2,4	3,1	6,2	—
1795	3,1	1,6	2,2	1,2	2,1	1,9	2,6	6,4	2,9	1,5
1796	5,0	2,0	4,4	1,6	6,2	2,5	3,2	7,3	12,1	2,0
Симбирская										
1785	2,8	2,6	1,9	3,1	2,0	2,5	3,0	2,4	6,3	2,9
1786	3,0	2,2	1,7	1,6	1,9	1,3	1,8	1,4	2,7	2,0
1787	1,5	2,0	1,7	2,4	2,4	—	—	1,7	2,9	2,3
1789	2,6	1,0	0,4	0,9	1,0	1,7	2,5	1,5	4,6	1,0
1793	2,7	2,3	2,5	4,5	2,5	1,6	1,6	2,0	4,4	2,5
1794	1,9	2,2	2,2	1,7	2,5	1,7	2,0	1,8	3,3	2,2
1795	1,5	1,4	0,9	0,8	1,3	0,5	2,0	1,8	2,9	1,0
Саратовская										
1787	5,0	5,0	2,0	6,9	8,9	—	—	—	8,1	7,0
1790	4,2	1,4	5,8	1,6	2,5	2,0	1,8	3,1	2,2	1,5
1791	4,1	1,5	5,2	4,8	2,7	2,5	2,2	2,2	4,2	2,0
1792	2,2	3,2	5,5	3,5	4,9	5,0	3,1	8,8	12,3	3,1
1794	1,6	4,2	6,3	3,6	4,0	1,3	2,7	8,9	10,3	3,3
Пермская										
1793	2,9	1,7	2,7	2,8	—	—	—	2,2	—	—
1794	3,8	2,9	4,5	4,0	—	—	—	2,9	—	—
1796	3,6	2,7	2,9	2,9	—	—	—	2,6	—	—
Оренбургская (Уфимская)										
1785	2,0	2,2	2,0	2,2	—	2,0	2,0	2,0	2,8	1,9
1786	2,3	2,0	2,2	1,8	—	2,0	2,1	2,0	2,6	2,0
1787	1,8	2,5	2,3	2,0	—	1,8	2,0	2,3	6,0	2,0
1789	2,4	1,4	1,5	1,4	—	1,1	1,7	1,8	4,2	1,3
1794	2,0	2,2	3,6	1,1	—	1,7	1,2	2,4	2,6	2,0
1795	1,8	0,4	0,5	0,6	—	0,6	0,6	0,2	1,0	0,2

Наконец, об урожайности Уральского края. В Пермской губернии из трех лет, по которым есть систематические обобщенные данные, два года был неплохой урожай (рожь — около сам-4, овес — около сам-3 и сам-4,5; ячмень — сам-3, сам-4). А в Оренбургском крае за шесть лет, по которым есть сведения, два года были неурожайные, да и остальные немногим

лучше. Крестьянство и казачество этого края, видимо, в эти годы едва держалось, если полагать, что годы, по которым нет данных (1780—1784, 1790—1793, 1796—1800), были гораздо более удачными.

Подводя общий итог, необходимо подчеркнуть, что если данные топографических описаний донесли до нас сведения о неустанных стараниях великорусского пахаря повысить урожайность своих полей, и частично им это удавалось, и удавалось неплохо (особенно когда благоволила природа), то сводные данные статистики урожайности за 80—90-е годы XVIII в. безжалостно обнажают основную тенденцию — более или менее постоянный низкий уровень урожайности, статистической модой которого был уровень сам-3 и даже сам-2.

Из-за разнообразия почв в зоне Нечерноземья затраты труда были очень разными. Они могли значительно варьировать даже в пределах одного уезда, и иногда даже одной волости. Возьмем Подмоскowie. В селе Рахманцево на вспашку, боронование и сев шло 10 человеко- и коне-дней в среднем на одну десятину пашни в двух полях — яровом и озимом, в дер. Филимонове — 15 чел.- и коне-дней, в селе Кесове — 22 чел.- и коне-дня, а в подмосковных селах Былове и Звягине — 30—31 чел.- и коне-дней. Как видим, разница между ними очень большая².

В Дмитровском у. в сельце Поромонове затраты на вспашку, боронование и сев достигали всего 5,3 чел.- и коне-дня, а в селах Турбичево и Бебякове — от 17,7 до 18,3 чел.- и коне-дней³. На юг от Москвы, в Оболенском у. в деревнях Муравицы, Кудрявцево, Башмаково, Дворец, Бабинка и Леоново снова затраты довольно низкие — от 8 до 12 чел.- и коне-дней на десятину⁴.

Суглинки Подмосковья

На запад от Москвы, где в целом преобладали глинистые, очень тяжелые для пашни почвы (в Клинском, Волоколамском, Можайском уездах), общий уровень затрат труда намного выше, чем на легких почвах. Иногда эти цифры столь велики, что кажутся, на первый взгляд, нереальными. Но, поскольку в целом сведения документов довольно четко согласуются с известными нам характеристиками почв, цифры эти правдивы. Так, в клинском селе Петровском на десятину пашни шло 16 чел.- и коне-дней; в Бреневской вотчине, охватывавшей целую группу селений, — 20 чел.- и коне-дней, а в старинных волоколамских селах Отчищево и Буйгород от 25,4 до 27 чел.- и коне-дней. В можайском селе Мышкино трудоемкость обработки почвы достигала огромных размеров (32 чел.- и коне-дня на десятину пашни в двух полях), а в рузском селе Новом даже 40 чел.- и коне-дней⁵. Конечно, простой крестьянин вряд ли мог всегда так тщательно (а указанный уровень затрат несомненно связан с многократностью и пахоты, и боронования!) обрабатывать землю, как монастырь или помещик. Затраты его чаще были ниже последних. Однако на тяжелых грунтах и его затраты были близки к этому уровню.

Суглинки Твери

Что же касается господских пашен, то на глинистых почвах они могли быть еще выше(!). Так, в Тверской губ. в Бежецком у., в огромной Присецкой вотчине Троице-Сергиева монастыря на трех разных участ-

² РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 622. Ч. II. Л. 371—375 об.; № 516. Л. 237—238. № 622. Ч. II. Л. 372—380 об., 401—417; № 516. Л. 27—29 об.; № 622. Ч. II. Л. 321—332 об.

³ Там же. — № 746. Л. 87—90; № 622. Ч. I. Л. 815—817; № 57. Л. 41—47, 98—100.

⁴ Там же. — № 380. Ч. II. Л. 832—833, 809—810; 692—696, 742—743 об., 681—684, 817—818.

⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 739. Ч. II. Л. 330—332 об.; № 211. Л. 450—453, 263—270, 299—306; № 286. Л. 93—103 об.; № 211. Л. 165—212.

ках монастырской пашни затраты достигали соответственно 35,8 чел.- и коне-дней, 38,8 чел.- и коне-дней и 43,4 чел.- и коне-дней⁶.

В Кашинском у. в ряде мест, где преобладали иловато-песчаные, сравнительно легкие грунты, трудоемкость работ по сравнению с тверскими, можайскими и т. п. сильно снижались. В Негодяевской вотчине на вспашку, бороньбу и сев с заделкой шло всего 10,3 чел.- и 9 коне-дней, в селе Городище тратилось еще меньше — 7 чел.- и коне-дней, в селах Константиновка, Крутец и Красное на эти операции шло соответственно 7,4 чел.- и коне-дня, 9,6 чел.- и коне-дня и 12,6 чел.- и коне-дня. Правда, в том же Кашинском у. на тяжелых почвах нормы затрат неизменно высоки или очень высоки. Например, в подмонастырной Слободе Троице-Рябова монастыря — 17,2 чел.- и коне-дней, в Белеутовской вотчине — 39,8 чел.-дней при 37,8 коне-днях, в Воскресенской вотчине — 30,5 чел.-дней при 27,1 коне-днях⁷.

В Старицком у. в селах Льгове и Глеbove трудоемкость пашенных работ была тоже сравнительно велика. В первом селе на десятину шло 22,8 чел.- и коне-дней, и во втором — 28,8 чел.- и коне-дней. А на супесях и песчано-иловатых почвах ряда районов Угличского у., в частности в селе Прилуки с 21 деревней, трудоемкость работ в расчете на десятину снова чрезвычайно мала — 8,6 чел.- и коне-дней⁸.

В Костромском крае, как уже говорилось, почвы также были разными. В поймах рек Волги, Костромы и других преобладали плотные иловатые почвы, а на "горных" местах почва была легче. В Костромском у. в селах Малое Яковлевское и Грудево затраты труда и конной тяги достигают 24—25,6 чел.- и коне-дней на десятину. В то же время в ряде других селений (например, селах Ильинском, Карабановке, Исаковском, Костеневе, Ширяеве, Медведкове, в сельце Нефедове, деревне Филиппове) трудоемкость колебалась в пределах от 5 до 10,6 чел.- и коне-дней⁹.

Ополья Владимира и Суздаля

В районе опольев Владимирской губ. почвы, как уже упоминалось, были в основном легкие. Соответственно этому и "офицерские описи"

дают нам в целом сведения, свидетельствующие о преобладании сравнительно невысокой трудоемкости полевых работ. В юрьев-польских селениях (деревни Товарково, Глятки-на-Колодезях, Тимошкино, сельцо Кузминское)

⁶ Милов Л.В. О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (по материалам монастырской барщины) // Исторические записки. — Т. 85. — М., 1970. — С. 244.

⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 560. Л. 47—63; № 606. Л. 43 об. — 44; № 683. Л. 213—216, 262—264.

⁸ Там же. — № 622. Ч. I. Л. 521—525 об.; № 380. Ч. II. Л. 398—402, 300 об.—327, 360—363, 576—588 об.

⁹ Там же. — № 717. Л. 91—93, 77—81; № 508. Л. 30—33; № 746. Л. 166—169; № 48. Л. 190—192, 143—147 об.; № 637. Л. 454—466, 706—714, 358—360 об., 514—524; № 622. Ч. I. Л. 242—243 об.; № 637. Л. 427—445 об., 473—478; № 637. Л. 680—681 об.; № 48. Л. 161—167 об.

затраты были в пределах от 12 до 17 чел.- и коне-дней. В ряде суздальских сел они еще ниже: в селе Фомиха — 3,4 чел.-дня при 6,8 коне-днях (то есть здесь пахали и бороили даже на легких землях на двух лошадях). При переводе на одноконные дни получается примерно 5,1 чел.- и коне-дней. В суздальском селе Обакомлево затраты были 3,7 чел.-дня при 7,5 коне-днях (в одноконных — 5,6 чел.- и коне-дней). В древнейших владениях Троице-Сергиева монастыря селах Мордош и Омуцкое тратилось на обработку почвы и сев с заделкой соответственно 13,2 чел.-дней при 14,4 коне-днях и 10,2 чел.-дней при 20,4 коне-днях (в одноконных — 15,3 чел.- и коне-дней)¹⁰. В муромских селах Дуброва, Новки, Талызино уровень затрат труда и конной тяги достигали 16,2—17,1 чел.- и коне-дней, а в переяславском селе Сокольничеево и деревне Криушино — уже 17,3—19,3 чел.-дней при 26—38,6 коне-днях (в одноконных днях это составляет 22,8—28,9 чел.- и коне-дней)¹¹.

Таковы основные сведения по Нечерноземному центру России.

Что лучше:

соха или косуля?

Что кроется за этими сухими цифрами? Ответим сразу — огромный напряженный труд. Если пахать сохой прямоугольный участок пашни, геометрически равный по площади одной десятина (80 саж. х 30 саж.), то, учитывая ширину захвата земли сошниками и отвалом (полицей) сохи, равную примерно 20 см, мы приходим к выводу, что для того, чтобы вспахать этот участок, крестьянину нужно прошагать приблизительно 53 км (48 верст). И не просто прошагать по вздыбленной земле, а одновременно управлять, удерживая в руках трудовой инструмент. Если же лошадь слабая, капризна или неопытна, то нужно и помогать ей, и понукать ее, подхлестывать и т. п. При этом еще необходимо было время на ремонт постоянно рвущихся, трущихся друг о друга деталей сохи, время на отдых и т. п. Если же соха захватывала (как это часто бывало) 17,5 см, то маршрут увеличивался примерно до 63 км (57,6 версты). Однако даже 24 версты для крестьянской лошади были непосильной нагрузкой¹². При этом лошадь могла брать глубину вспашки не более двух вершков (ок. 9 см).

В дмитровском селе Турбичеве на однократную пахоту сохой шло 4,5 чел.- и коне-дня в среднем на десятину в двух полях. В кашинской подмонастырной слободке Троице-Рябова монастыря на ту же работу шло 4,3 чел.- и коне-дня. В другом же кашинском селе — Воскресенском — затраты были намного больше — 6,8 чел.- и коне-дней на десятину¹³. Во всех

¹⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 516. Л. 3—9 об.; № 533. Л. 348 об.—349, 311—314; № 422. Л. 328—330; № 553. Л. 612—616 об., 539—544.

¹¹ Там же. — № 622. Ч. II. Л. 178—181 об.; № 311. Л. 197—199 об.; № 692. Ч. II. Л. 190—192.

¹² Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. — Т. III. — Бонн-на-Рейне, 1865—1866. — С. 362.

¹³ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 606. Л. 43 об. — 44; № 683. Л. 262—264.

этих случаях почва была отнюдь не самой легкой, и крестьянин вышагивал за сохой в день всего лишь по 8—12 км.

На легких почвах в суздальском селе Хрепелеве на однократную вспашку сохой одной десятины пашни шло 2,3 чел.- и коне-дня¹⁴. То есть на "супеси" или песке крестьянин мог "отмахать" по пашне в день около 18—19 км. Вряд ли эта работа на песчаных почвах была более легкой. Скорее наоборот. Но максимальным напряжением сил здесь можно было экономить время, а это делало возможным посев в лучшие сроки. Вспашка косулей обычно шла на тяжелых почвах, но в суздальских селах (о которых у нас есть наиболее точные сведения) косулей пахали и на "супесях". В селе Обакмелеве была "земля черная с песком", и при однократной вспашке косулей с двумя лошадьми требовалось всего лишь 1,3 чел.-дня при 2,5 коне-днях (в одноконных это составит 1,9 чел.- и коне-дней). В другом суздальском селе — Фомиха — "земля иловатая с песком", и затраты труда еще меньше — 1,2 чел.-дня при 2,3 коне-днях или 1,8 чел.- и коне-дней в одноконных днях (здесь также пахали косулей, запряженной двумя лошадьми)¹⁵.

Надо учесть, что при вспашке косулей захват земли примерно в полтора раза шире, чем у сохи. Поэтому маршрут вспашки участка размером в десятину сокращается до расстояния приблизительно в 30—35 км. Правда, крестьянин управляет здесь уже двумя лошадьми, что сложнее, и иногда требуется помощник. Да и сама косуля весила 2 пуда. Однако тяга двух лошадей повышает скорость пахоты, и в итоге крестьянин пашет десятину на легкой почве, как мы видели, скорее, чем сохой (затраты на десятину 1,2—1,3 чел.-дня при 2,3—2,5 коне-днях). Преимущество в экономии времени здесь совершенно очевидно, хотя и это была тяжелейшая работа.

Как уже говорилось, косули гораздо чаще употреблялись на тяжелых почвах, при подъеме целины или залежи (т. е. драли дерн или так называемую "дебру"). На самых тугих, "отягчительных" грунтах косули употреблялись лишь после плуга на второй и третьей вспашках. Поэтому практически затраты труда и конной тяги и на косуле были большей частью очень велики. В Юрьев-Польском у. в сельце Кузминском Спасо-Симонова монастыря однократная обработка ярового поля требовала 8 чел.- и коне-дней, то есть в 6—7 раз больше, чем на легких землях. В ряде других селений (в деревнях Товаркове, Глятки-на-Колодезях, Тимошине) примерно 5,8 чел.- и коне-дней на десятину¹⁶. В труднейшем "единоборстве" с землей крестьянин, управляя двухпудовой косулей и двумя лошадьми, в рабочий день проделывал здесь путь по пашне не более чем в 4—6 км. И все это только для

¹⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 422. Л. 467—469.

¹⁵ РГАДА. Межевой архив. Экономические примечания Владимирской губ. № 29 (дачи 132, 135); Ф. 280. Оп. III. № 422. Л. 328—330; № 553. Л. 348 об.—349.

¹⁶ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 516. Л. 3—9; Межевой архив. Экономические примечания Владимирской губ. № 36 (дача 271).

того, чтобы лишь один раз вспахать землю! А ведь мы видели, что озимые поля по всей России, как правило, не просто вспахивали, а “двоили”, а иногда и “троили”, то есть пахали два и три раза. Под важнейшие яровые культуры (кроме овса) почти всюду пашню также “двоили” и даже “троили”. В ряде местностей “двоили”, а подчас и “троили” под все без исключения яровые культуры.

Следовательно, тяжесть работ, затраты труда фактически возрастали многократно. Это значит, что при двукратной обработке пашни сохой путь пахаря удлинится с 53 км примерно до 106 км, при трехкратной — до 159 км, а четырехкратной — до 212 км.

Правда, нагрузка при второй, третьей и т. д. вспашке уменьшается и скорость возрастает (при второй тратится 75%, а при третьей — 50% первоначального времени)¹⁷, но в целом затраты остаются очень большими. Это была тяжелейшая работа. Тяжесть ее становится непосильной и для человека, и для рабочего скота при необычайной краткости сельскохозяйственного сезона в России. Русский крестьянин почти никогда не пахал зябь, так как октябрь был уже преддверием зимы, земля раскисала или, наоборот, твердела от заморозков и т. д. По этой же причине особых климатических условий он не мог пахать под яровые ни в феврале, ни в марте, как это могло быть в Англии, и даже в апреле, как пахали в Польше. “Троение” пашни при одной лошади было в условиях России максимумом возможностей физических усилий крестьянина. Подобная интенсификация возделывания почвы практически достигала здесь своего предела и применялась лишь в силу крайней необходимости. Причем, как мы видели, “троили” землю не только под прихотливые культуры, но иногда и под рожь. Так, описывая село Алабузино с 33 деревнями Бежецкого у. Тверской губернии, офицер-ревизор скупно и лаконично отметил весьма трагическую ситуацию: “поселение они имеют на весьма тяжелой к пахоте и скородьбе земле и требует та земля и пахоты, и скородьбы, и удобрения довольным навозом, которую за- всегда *пашнею* (курсив мой, — Л. М.) они одобряют к севу неточию дважды (т. е. не только дважды, — Л. М.), но и трижды. А ежели когда *пашнею* и навозом не удобряют, то многие и хлеб, за недостатком, покупают”¹⁸. Иначе говоря, при малых дозах навоза малейшее ослабление интенсивности обработки земли сразу же ведет к резкому падению урожайности и нехватке хлеба.

Пахота плугом

Такое орудие, как двухколесный плуг, запряженный двумя лошадьми, применялось, как мы уже говорили, только лишь на “тугих”, “отяготительных” иловатых и глинистых почвах. Иначе говоря, использование его

¹⁷ Polskie Instruktarze ekonomiczne z konca XVII i z XVIII wieku / Wydal St. Pavlik. T. I. Kraków, 1915. S. 194—195.

¹⁸ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 380. Ч. I. Л. 372.

диктовалось отнюдь не стремлением к повышению плодородия (хотя изредко встречалась и эта мотивировка), а суровой необходимостью — иначе землю просто не вспахать, — да и дорог был плуг, и необходимая для него тяга не под силу каждому.

Конечно, при захвате плугом, чуть более широком, чем у косули, пахарь вышагивал приблизительно тот же путь, что и с косулей, но трата труда и времени все равно оставалась очень высокой из-за крепости грунта. А если глинистый или “иловатый с глиною” грунт пахали с опозданием и земля усохла, то, по свидетельству И. Чупрова, такую землю не всегда одолевали плугом даже с упряжью *трех* лошадей. И. Чупров сравнивает такую землю с железом: засыхая, она “садилась крицею”, т. е. становилась столь же твердой, как выплавленный из руды полуфабрикат железа¹⁹. Разумеется, на это шло огромное время и силы. Кроме того, и работников на плуг требовалось вдвое больше, а тяжелый малороссийский плуг часто требовал даже трех работников (правда, двое из них бывали, как правило, подростками).

Приведем ряд конкретных примеров затраты труда при вспашке плугом. В дер. Борисовской Переяславль-Залесского у. была “земля иловатая з глиною”, т. е. почва не из легких, и десятину здесь однократно вспахивали плугом с двумя лошадьми за 4 чел.-дня при 8 коне-днях (или за 6 одноконных чел.-дней). В селе же Веселово на это шло 6,7 чел.-дней при 13,4 коне-днях (или 10 чел.- и коне-дней). В селе Соломидине затраты еще выше — 7,4 чел.-дня при 14,8 коне-днях (или 11,1 одноконных человеко-дней)²⁰. В другом районе, в Тверской губ., в соловецкой вотчине — селе Пузырево Бежецкого у. на глинистой почве “в работе пашни по тугости оных оной отягчительных” (т. е. очень тяжелой) вся обработка земли (двойная перепашка, боронование и сев) требовала 25 человеко-дней при 50 коне-днях. Выделив из этой суммы затраты труда только на однократную вспашку, получим не менее 8 чел.-дней при 16 коне-днях или 12 одноконных чел.-дней²¹.

Естественно, что двойная перепашка требовала и труда вдвое больше и т. д.

Легка борона, да боронить тяжело

Конечно, пользуясь информацией нашего источника, очень трудно установить чистые трудозатраты на боронование, так как не исключено, что под первой или второй “бороньбой” офицеры-наблюдатели, создававшие описи монастырских имений, имели в виду всего лишь *первый этап* боронования или *второй этап* боронования и т. п., не оговаривая, сколько же раз “скородили” землю при каждом бороновании. Таким образом, далеко не всегда “первая бороньба” — это однократное боронование. Не слу-

¹⁹ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. — М., 1952. — С. 75.

²⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 149. Ч. II. Л. 236—242, 181—189, 102—103; Межевой архив. Экономические примечания Владимирской губ. № 22 (дача 205).

²¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 573. Л. 195.

чайно, хотя скорость боронования выше скорости пахоты, по сведениям “офицерских описей”, на боронование выделялось столько же времени, сколько на пахоту. Следовательно, каждый этап боронования может состоять из многократного боронования. Например, в кашинском селе Белеутове при первой вспашке и бороновании расходуется 15,4 чел.- и коне-дней на десятину. При вторичной вспашке и бороныбе затраты труда такие же. При условии равных долей времени на пахоту и боронование на первое боронование шло примерно 7—8 чел.- и коне-дней. На второй этап бороныбы шло столько же. В то же время мы знаем, что на заделку семян боронованием тратили всего 2 чел.- и коне-дня на десятину²². Иначе говоря, если допустить, что семена заделывали лишь однократным боронованием, то на первом этапе боронования (после первой вспашки поля) фактически боронили минимум 3—4 раза. Точно так же поступали и на втором этапе боронования. Таким образом, под “первым” и “вторым” боронованием фактически подразумевается многократная обработка поля под бороной.

Естественно, что кратность боронования также главным образом зависела от механических свойств почв. Но немаловажным фактором было также и стремление сделать землю мягче, т. е. тщательнее обработать. В упомянутой Белеутовской вотчине многократность боронования была связана как раз с тщательностью обработки, так как “грунт земли” здесь был “в прибрежных деревнях песчаной, а в прочих — иловатой с песком”, иными словами, почвы были легкими. Другое дело, в клинском селе Боршеве с деревнями. Здесь почвы преобладали иловатые, “тугие” для пашни. На боронования и сев здесь в общей сложности тратилось 26,6 чел.-дней и столько же коне-дней, и только на одно боронование шло примерно около 20 чел.- и коне-дней. Затраты труда огромны²³.

Иногда помещики “проще” решали проблему умягчения пашни. На поле посылались бабы и дети с колотушками, и они разбивали комья земли. Но в подавляющем большинстве случаев комья оставались не мельче 4,5 см в диаметре.

Напомним, что на полях России в XVIII в., как правило, боронили исключительно деревянными боровами, которые были слишком легки и непрочны (то и дело вываливались или ломались зубья). Железные наконецники зубьев были в это время большой редкостью и применялись в заметных масштабах лишь на Урале, в Пермской губернии. Дополнительное утяжеление борон землей или пнями — широко распространенная практика от архангельского севера до степей Предкавказья. Но утяжеление бороны резко осложняло, замедляло работу. Если же боронили подростки, то утяжеление борон могло быть и нереальной затеей. Для крестьянина оставался лишь один путь: многократное боронование. Отсюда и огромные затраты труда и времени.

²² РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 683. Л. 213—216.

²³ Там же. — № 211. Л. 110—114.

**Где кучка навозу —
там и кучка хлеба**

Вспашка, боронование и сев — важнейший по трудоемкости, но не единственный цикл земледельческих работ. Были еще жатва, возка снопов, скирдование и обмолот. В Нечерноземье была еще и вывозка из скотных дворов на поля навоза и разбрасывание его по полю.

Последнее оценить с точки зрения затрат труда очень сложно. Ведь данные "офицерских описей" сообщают сведения о затратах труда только на барских (монастырских) полях. Если в таких операциях, как вспашка, боронование и сев отличия затрат труда на барщине и на крестьянском поле в целом выявить можно, то на примере вывозки навоза сделать это гораздо сложнее. И прежде всего потому, что монастырские поля удобряли тщательнее и больше, чем крестьянские. Причем удобряли независимо от того, далеко или близко поле от скотного двора. А ведь крестьяне удобряли поля навозом "по возможности", т. е. только при наличии самого удобрения, да и, как правило, только "одворишные", т. е. ближние, поля.

И все же попытаемся прояснить картину.

Сведения "офицерских описей" прежде всего поражают разнообразием данных о затратах труда по возке и разбросу навоза. В Подмосковье, например, в селе Былове расход на десятину в двух полях равен 5,4 чел.-дней и столько же коне-дней, а в селѣ Коробове того же владельца — всего одному чел.- и коне-дню. В деревне Никольской, например, этот расход труда и времени равен 0,9 чел.- и коне-дня, а селе Еремееве — целых 12 чел.- и коне-дней. В Клинском у. в дер. Бренево он равен 2,5 чел.- и коне-дням, а в селе Петровском — уже 4 чел.-дням при 2-х коне-днях. В том же уезде в Зеленцынском погосте расход времени и труда на вывозку навоза достигает невероятно высокой цифры — 18 чел.-дней при 14 коне-днях²⁴. Разница эта может объясняться и различной степенью унавоживания, и неодинаковой удаленностью полей. В дер. Жабино Ярославского у. затраты по вывозке навоза достигают примерно того же уровня, что и в Зеленцынском погосте (15,6 чел.- и коне-дней на десятину), но известно при этом, что удобрение везли за 4 версты²⁵!

Итог многочисленным, хотя и выборочным наблюдениям по трудоемкости этого вида крестьянских работ на господских полях примерно следующий. По Подмосковью среднеарифметическая по 21 имению дает нам затраты в 5,1 чел.-дня при 4,7 коне-днях²⁶. Севернее Москвы (главным образом Кашинский у., где учтено всего 35 имений) затраты выше — примерно 6,6 чел.-дней при 6,6 коне-днях. В районе будущей Владимирской губ. (наблюдения по 24 имениям) затраты гораздо ниже — всего 3,4 чел.-дня при 3,2 коне-днях²⁷.

Много это или мало для нормального воспроизводства в XVIII в.?

²⁴ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 516. Л. 27—29 об., 237—238; № 141. Л. 90 об.—91; № 211. Л. 415—419 об., 450—453; № 739. Ч. II. Л. 330—332 об.; № 285. Л. 27—29.

²⁵ Там же. — № 520. Ч. II. Л. 11—12.

²⁶ Милов А.В. О производительности труда. — С. 252.

²⁷ Там же.

***Чьи же поля хорошо
удобрялись?***

Для того чтобы заставить наши данные “заговорить” и дать нам реальное представление о степени удобренности земель при названных затратах труда и конной тяги, привлечем ряд данных от середины XIX в. Для этого времени средней для России нормой удобрения считалось внесение 1200 пудов навоза на десятину пара в нечерноземном регионе²⁸. В современной литературе эта норма повышена до 1800 пудов (т. е. 30 т на га)²⁹. Если взять за ориентир среднюю от этих цифр величину, то это составит примерно 1500 пудов на десятину. Грузоподъемность крестьянской телеги с учетом того, что кубометр полупрелого навоза весит около 7 ц, а на телегу (а в XVIII в. это двуколки, а иногда и колышки) более половины кубометра не поместится, будет составлять около 20 пудов³⁰. Следовательно, на десятину необходимо вывезти около 80 телег навоза. Возьмем среднюю дальность от поля в 1 версту, так как чаще всего монастырские поля были ближайшими к скотному двору, конюшням и т. п. Затраты труда на такую работу находим в подготовительных материалах (так называемых “урочных положениях”) реформы 1861 г., освободившей, как известно, помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Поскольку по этой реформе крестьяне выкупали землю (и повинности!) у помещиков, то в ходе подготовки реформы были исследованы сами повинности, т. е. затраты труда и времени на барщинных работах крестьян в середине XVIII в. Данные эти очень подробны. В частности, по “урочным положениям” Костромской, Владимирской, Нижегородской и Смоленской губерний в рабочий день (т. е. за 12 часов непрерывной работы) одному работнику можно было перевезти при средней дальности пути — 12 возов навоза³¹. Современники скептически относились к таким расчетам норм дневных затрат труда, считая их годными лишь для людей богатырской силы. Поэтому мы вправе снизить этот ориентир в затратах для XIX в. до 8 возов в день (к тому же именно этот показатель есть и в поправках начальника Могилевской губернии Беклемишева к Могилевскому “Урочному положению”)³². Учитывая, что в середине XVIII в. интенсивность работ была ниже, примем за среднюю величину нормы затрат труда на возке навоза — 10 возов в день³³. В итоге 1500 пудов навоза можно перевезти за 8 рабочих дней, и, таким образом, норма внесения удобрения на десятину пашни будет равна 8 чел.- и коне-дням.

²⁸ Вильсон И. Примечание к сельскохозяйственному Атласу Европейской России. — СПб., 1869. — С. 70.

²⁹ Горская Н.А., Милов Л.В. Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII и второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. — Кишинев, 1966. — С. 187.

³⁰ Там же. — С. 187 — 188.

³¹ Скребицкий А. Указ. соч. — С. 357—359, 413.

³² Горская Н.А., Милов Л.В. Указ. соч. — С. 187.

³³ Там же.

Следовательно, мы видим, что затраты труда и конной силы на вывозке навоза на господском поле в Подмосковье и в более северных районах были чуть выше нормальных (5,1—6,6 чел.-дней при 4,7—6,5 коне-днях). А в районе Владимирской губ. — даже меньше нормы, т. е. примерно 70% этой нормы (3,4 чел.-дня при 3,2 коне-днях)³⁴.

Для барского (монастырского) поля эта ситуация далека от идеала, т. е. норма являлась здесь практически лишь минимумом. Помещичьи инструкции требуют гораздо больших доз для удобрения. Так, в известной инструкции Анд. Шестакова для дворцового села Бобрики (1763 г.) предписывалось на ржаное поле (под рожь) вывозить по 400 возов навоза на десятину, а в подмосковном дворцовом селе Софьине вывозилось до 450 возов на десятину (т. е. по 20 чел.- и коне-дней и больше на десятину)³⁵. И действительно, в ряде монастырских сел почти столько и вывозили. В ярославском селе Мельнитном — 15,3 чел.- и коне-дня на десятину. В Присецкой вотчине Бежецкого у. — 13,4 чел.- и коне-дня и т.д.³⁶ Но так бывало очень редко, ибо такие дозы удобрения могли быть обеспечены не столько за счет монастырского (господского) скота, сколько еще и за счет крестьянского. Идти на это в XVIII в. еще не часто решались.

А сколько же навоза мог завозить на поле крестьянин? Сразу же ответим: намного ниже нормы. Ведь вывоз 1200 пудов на десятину требовал в расчете на паровое поле наличия 6 голов крупного рогатого скота³⁷. А в Нечерноземье по расчету лишь средний крестьянин имел от силы 4 головы в пересчете на крупный скот, и норма навоза была в полтора раза ниже. Очень редко кто на практике один раз в шесть лет удобрял пашню³⁸. Даже в монастырских хозяйствах примерно в 60% случаев удобряли пашню один раз в 6 лет, а в 30% случаев — один раз в 12 лет³⁹. А Болотов для Тульской губернии отмечал, что у крестьян каждое из трех полей удобрялось один раз в 9—12 лет⁴⁰. Терпеливое русское крестьянство ценило даже такой уровень удабривания земли (согласно пословице, "добрая земля назем раз путем примет — да девять лет помнит"). Таким образом, сейчас отметим главное: в общей сумме затрат труда и времени на полевых работах вывозка и разброс навоза занимали у крестьян в общей сумме незначительную часть: в среднем от 2 до 3 чел.- и коне-дней на десятину в двух полях.

³⁴ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 252—253.

³⁵ Журнал землевладельцев. — 1859. — № 23. — С. 302; Индова Е.Н. Дворцовое хозяйство в России. — М., 1964. — С. 148.

³⁶ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 520. Ч. I. Л. 296—297; Милов Л.В. О производительности труда. — С. 252.

³⁷ Вильсон И. Указ. соч. — С. 70.

³⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 190.

³⁹ Горская Н.А., Милов Л.В. Указ. соч. — С. 188—189.

⁴⁰ Болотов А.Т. Описание свойств и доброты земель Каширского уезда // Труды ВЗО. — Ч. II. — 1766. — С. 156, 334.

Бабыя страда — жатва

Касаясь затрат труда и времени на жатвенных работах, следует подчеркнуть преимущественное участие в этих работах женщин, что для крестьянского бюджета времени было очень существенно. Хотя нередко жатва была “поголовной”. Сразу же отметим, что в XVIII в. на жатву уходило времени намного больше, чем в середине XIX в. (Возможно, рабочий день был несколько меньше, возможно, жали только в “ведро”, а в зачет шли все дни недели и т. д.). По данным 42 имений монастырей в Подмоскowie в расчете на десятину на жатве тратилось от 5 до 11 чел.-дней⁴¹. Столько же тратилось в 30 имениях Тверского, Ростовского, Юрьев-Польского, Суздальского, Переяславль-Залеского, Костромского и Галицкого уездов. Подчеркнем, что эта производительность труда практически совпадает с нормами, зафиксированными в ходе подготовительных работ комиссий по отмене крепостного права в России в 1861 г. А ведь эти нормы, как уже отмечалось, были сильно завышены. Следовательно, в монастырских имениях упомянутых районов интенсивность затрат труда на жатве была очень высокой. Но вместе с тем в ряде мест этого же региона (в 39 имениях Подмоскowie и к северу от него) интенсивность была ниже, а затраты времени — почти вдвое больше (от 12 до 20 чел.-дней)⁴². В собственно Московской провинции этот уровень равен 14,4 чел.-дням, а в районах Бежецкого и Кашинском уездов Тверской губ. — 16,4 чел.-дням. При этом важно указать на совпадение этих затрат с установками помещичьей инструкции Тимофея Текучева 1755 г., по которой на десятину жатвы озимого идет 12 чел.-дней, а на жатву десятины ярового — 15 чел.-дней⁴³. Норма 15 жниц на десятину дает инструкция соликамского помещика первой четверти XVIII в.⁴⁴

Следующая операция — возка и скирдование. В очень большом количестве монастырских селений (в 44 из 103-х) затраты на возку снопов и скирдование были близки к нормам середины XIX в. (когда на десятину шло от 2 до 4 чел.- и коне-дней)⁴⁵. В районе к северу от Московской провинции эти затраты достигают 5,7 чел.- и коне-дней. В регионе будущей Владимирской губ. уровень трудоемкости этих работ резко ниже (2,8 чел.-дня при 2,7 коне-днях). Наконец, повсюду встречаются имения, где затраты на эти работы самые низкие — от 0,7 до 2 чел.- и коне-дней (27 имений)⁴⁶.

⁴¹ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 232.

⁴² Там же.

⁴³ Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдел редких книг и рукописей. № 279—6—90. Л. 55 об.

⁴⁴ Устюгов Н.В. Инструкция вотчинника приказчику первой четверти XVIII в. // Исторический архив. — Т. IV. — М.—Л., 1949. — С. 176.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 683. Л. 286—289; № 625. Л. 295—296, 345—357; № 560. Л. 47—63; № 516. Л. 3—4, 6—9 об.; № 422. Л. 321—324; № 311. Л. 215—217, 197—199 об.; № 149. Ч. II. Л. 236—242, 88—90 об.; № 637. Л. 427—445 об.; № 637. Л. 680—681 об.; № 42. Л. 161—167 об.; № 516. Л. 27—29 об.; № 57. Л. 98—100, 41—47; № 286. Л. 48—55 об.; № 380. Ч. II. Л. 419—420 об.; № 622. Ч. II. Л. 121—130; № 380. Ч. II. Л. 809—810, 817—818, 742—743 об.

⁴⁶ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 233.

Молотьба

Наконец, последняя операция — сушка и обмолот снопов. Здесь в наших данных также немало неточностей и неоговоренных моментов.

Во-первых, часть материалов фиксирует затраты на этих работах не в рабочих днях, а в так называемых человеко-овинах, т. е. офицеры называют число работающих в овине и число обмолоченных овинов. В таких случаях важно знать, в какое время укладывается цикл работ, начиная с развешивания снопов в овинах и кончая обмолотом.

Чаще всего это занимало сутки. Так, в анкете по Переяславль-Залеской провинции говорится: "Всякой хлеб сажается для сушки в овин всегда с половины (т. е. с середины дня, — Л. М.) и сушится по обыкновению ночным временем, который в ту ночь часов в 8 высушивается; а часа за три до света начинают оной молотить обыкновенными своими цепами, даже до половины дня... и так всякой хлеб со всем, как в сушке, так и в молотьбе обращается работою в сутки"⁴⁷.

Во-вторых, следует отметить, что молотьба часто тянулась до зимы и занимала даже весь зимний период. Лишь самые бедные крестьяне молотили сразу же после жатвы. Это был момент, затрудняющий точный учет работы при создании описей офицерами. Поэтому данные об обмолоте носят приближенный характер, который усугубляется тем, что мы не всегда знаем число снопов, помещающихся в овине. В тех же случаях, когда это число известно, необходимо его сопоставить с количеством снопов, снимаемым с десятины при среднем урожае. Тогда можно работы по обмолоту оценить путем расчета числа рабочих человеко-дней на обмолоте и сушке в среднем на десятину двух полей (озимого и ярового). Правда, чаще всего в "офицерских описях" имеются сведения и о размерах обоих полей, и о числе обмолоченных овинов, и о числе работников и даже о числе рабочих дней, израсходованных на обмолот.

В большинстве своем и в Подмоскowie, и в северных районах, и в районе Владимира и Суздаля затраты труда на этом виде работ колебались от 12,5 чел.-дней до 30 чел.-дней. Причем в 26 монастырских владениях затраты труда были в интервале 20—30 чел.-дней, а в 41 владении в интервале 12,5—20 чел.-дней⁴⁸. Для сравнения скажем, что в середине XIX в. нормы затрат труда на сушке и молотьбе были не выше 12 чел.-дней на десятину. Хотя, на наш взгляд, столь стремительный прогресс следует отнести прежде

⁴⁷ Труды ВЭО. — Ч. VII. — СПб, 1767. — С. 141.

⁴⁸ РГАДА. Ф.280. Оп. III. № 516. Л. 237—238; № 622. Ч. II. Л. 371—375 об., 378—380 об.; № 746. Л. 87—90; № 149. Ч. II. Л. 163—165; № 380. Ч. II. Л. 560—569; № 211. Л. 359—364, 165—212; № 516. Л. 297—300 об.; № 380. Ч. II. Л. 832—833, 817—818; № 516. Л. 3—4, 6—6 об., 17—26 об.; № 533. Л. 612—616 об.; № 149. Ч. II. Л. 88—90 об.; № 622. Ч. I. Л. 242—243 об.; № 637. Л. 427—445 об.; № 48. Л. 95—96 об.; № 683. Л. 213—216; № 717. Л. 91—93, 77—81; № 520. Ч. II. Л. 3 об.— 4, 11—12; № 48. Л. 143—147 об.; № 739. Ч. II. Л. 330—332 об.; № 211. Л. 263—270; № 286. Л. 48—55 об.; № 380. Ч. II. Л. 692—696, 742—743 об.; 809—810.

всего на счет усовершенствования овинов, внедрения риг со специальными печами. Вследствие этого сушка шла быстрее и партии снопов стали крупнее.

Нечерноземье — работа до седьмого пота

Итак, рассматривая каждую операцию земледельческих хлебопашенных работ в Нечерноземье, мы убеждаемся, что почти все они (кроме, быть может, молотбы) требовали напряжения всех физических сил, обязательности выполнения их в возможно более краткие сроки. В целом же затраты труда здесь были высокими.

Если подвести итог не в однозначной категоричной форме, а оценить наши данные по 109 владениям как итог статистической вполне представительной выборки, которая отражает в какой-то степени реальные затраты труда на монастырской пашне во всем Нечерноземье, то можно сделать расчет интервальной оценки с использованием некоторых математических приемов. В частности, применяя формулу так называемого “распределения Стьюдента”⁴⁹, можно полагать, что искомые средние нашей выборки отклоняются (с вероятностью 90%) от средней так называемой “генеральной совокупности” (под которой мы имеем в виду реальную историческую действительность XVIII в.) в пределах следующих интервалов:

1) по нечерноземным губерниям (кроме района опольев)

На 1 дес. трата труда: от 72,6 чел.-дней до 73,61 чел.-дней.

На 1 дес. трата конной силы: от 33,0 коне-дней до 34,4 коне-дней.

2) по Владимиро-Суздальскому ополью

На 1 дес. трата труда: от 45,28 чел.-дней до 46,72 чел.-дней.

На 1 дес. трата конной силы: от 18,92 коне-дней до 20,68 коне-дней.

Разумеется, не нужно думать, что это точные показатели (сотые доли — это всего лишь следствие специфики самого расчета), они лишь очень примерны. Однако близость их к истинным затратам вполне удовлетворительна. Поэтому мы вправе рассчитать и общий показатель затрат по Нечерноземью в целом. Он будет равен 59,55 чел.-дням и 26,75 коне-дням.

Подчеркнем, что это затраты труда в крупном сельскохозяйственном производстве, затраты “коллектива” барщинных монастырских крестьян.

⁴⁹ Правомерность применения “распределения Стьюдента” опирается на вполне удовлетворительные критерии нормального распределения. Меры асимметрии и эксцесса по нашим выборкам имеют следующие параметры: а) по району нечерноземных губерний $A_s = +0,66; +0,58; E = -0,9; +0,1$; б) по району Владимиро-Суздальского ополья $A_s = +0,05; +0,82; E = +0,52; -1,11$; в) по черноземным губерниям $A_s = +0,58; +0,45; E = -0,96; -1,51$ (первый коэффициент всюду дан по дисперсии чел.-дней, а второй — по дисперсии коне-дней).

Интервальная оценка параметра μ (мю) с использованием *распределения t* (Стьюдента) рассчитана следующим образом: $x - t_{\alpha}(f)S/\sqrt{n} < \mu < x + t_{\alpha}(f)S/\sqrt{n}$, где x — среднее арифметическое выборки, n — число вариантов (площадь выборки в десятинах), S — исправленное среднее квадратическое отклонение, $t_{\alpha}(f)$ — критическое значение распределения Стьюдента, взятое с достоверной вероятностью $1-\alpha$ ($\alpha=0,10$) [См. Янко Я. Математико-статистические таблицы / Пер. с чеш. — М., 1963. — С. 30].

Мы вправе предположить, что доля "избытка" труда за счет незаинтересованности и лени не была сколько-нибудь существенной и комплекс работ отвечал общим стандартам земледельческих работ, дающих оптимальный в условиях России урожай.

Пахота "низового" мужика

Обработка земли в Черноземье заметно отличалась. Здесь не было овинов, а был "сыромолот", да и удобряли пашню навозом далеко не всюду.

На вспашку, боронование и сев по 8 владениям монастырей в районе будущей Рязанской губ. в конце 50 — начале 60-х годов XVIII в. тратилось от 11,4 до 20 чел.- и коне-дней⁵⁰. В орловском селе Архангельском (Ливенский у.), дер. Большой Верх (Елецкий уезд), в тамбовских дер. Троице-Дубовки и Троице-Вихляйки, в новосельском селе Березовец и других затраты на эти работы были в пределах 12—16 чел.- и коне-дней⁵¹. Там, где преобладали легкие супесчаные почвы с обильными элементами известняка (запад Орловской губ., часть Тульской губ. и др.), эти работы требовали еще менее значительных затрат (слободка Гремячная и Пластовая Карачевского у., села Костомарово и Богоявленское Мценского у., деревни Березовка, Мясоедово, Бубново, село Бунырево Алексинского у., дер. Городище, Филатово, село Богоявленское Тульского у. и др.), всего от 2 до 8,0 чел.-дней при 2—7 коне-днях. Таким образом, разнообразие в затратах труда было и в южных районах России, но средние показатели в целом удерживаются в пределах 8—15,3 чел.-дней при 7,7—15,3 коне-днях. Это разительно меньше, чем в Нечерноземье России.

Меньше времени в черноземных районах шло и на жатву. Объясняется это технологией и климатом (что взаимосвязано). Как уже говорилось, многие культуры здесь не жали серпом, а косили косой с крюком. Снопцы делали крупные и не так тщательно, как в более северных районах, так как чаще всего их не сажали в овины, а прямо молотили на току.

В большинстве рязанских сел (с. Глебово, Троицкое, Анюшево, Бахмачево, Погост Кобылинский, с. Путково, с. Спасское и др.) на десятину шло 6—13,4 чел.-дня⁵². В тульских, орловских, тамбовских селениях за редким исключением (данные по 34 владениям), жатвенные работы занимали от 2,7 до 16,4 чел.-дней⁵³. Фиксируя средние ориентиры по районам, отметим, что для будущей Рязанской губ. на жатву в среднем было необходимо примерно

⁵⁰ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 510. Ч. I. Л. 1—3, 12—16; № 507. Л. 242—244, 179—182; № 311. Л. 231—233; № 507. Л. 525—528, 485—487 об., 482—485.

⁵¹ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 257.

⁵² РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 510. Ч. I. Л. 12—16 об.; № 507. Л. 242—244, 482—485, 179—182, 525—528; № 311. Л. 231—233; № 510. Ч. I. Л. 1—3; № 506. Ч. II. Л. 36—37.

⁵³ Там же. — № 321. Л. 203—205; № 284. Л. 125—130; № 311. Л. 50—52 об., 34—37; № 739. Ч. III. Л. 114—117, 123—125; № 510. Ч. II. Л. 288—291; № 311. Л. 17—18, 22—23; № 321. Л. 229—230 об., 213—215, 205—207, 219—221, 59—62, 102—104, 63—73, 127—130, 115—118; № 738. Л. 40—42, 56—58; 42—43 об., 59—61, 47—49, 71—73, 63—69, 51—53.

9,8 чел.-дней. Для чернозема более южных районов — 13 чел.-дней (при больших урожаях трата труда существенно возрастала). А для районов щелоченных супесей — 6,7 чел.-дня на десятину⁵⁴. Таким образом, общий уровень затрат снова резко ниже, чем в более северных районах.

Обмолот зерна также занимал существенно меньше времени, поскольку это был только обмолот (без сушки). Средняя трата труда по 33 владениям — 12,1 чел.-дней⁵⁵, т. е. вновь разница с Нечерноземьем весьма заметна.

Чернозем —

“подрайская земляца”

Наконец, два слова об общем уровне затрат труда и времени по всему циклу хлебопашенных работ. Приведем лишь итоговые цифры. В целом по району будущей Рязанской губ. средние нормы затрат в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. составляли 41 чел.-день при 21 коне-днях, по району будущих Орловской и Тамбовской губ. (а частично и юга Тульской губ.) — 40 чел.-дней при 22,9 коне-днях; по западной окраине Черноземья затраты достигали 45,7 чел.-дней при 19,8 коне-днях⁵⁶.

Интервальная оценка по параметру μ (мю) с использованием распределения t (Стьюдента) по этому региону следующая:

На 1 дес. пашни от 41,35 чел.-дней до 43,45 чел.-дней.

На 1 дес. пашни от 21,9 коне-дней до 22,5 коне-дней.

Из этих обобщающих данных вполне очевидно, что всего в черноземных регионах затраты труда в земледелии были существенно ниже. Однако, как мы могли убедиться, эта экономия достигалась главным образом за счет снижения интенсивности обработки земли. После жатвы могли, лишь проборонив, вновь засеять семенами и т. п. Да и пахота могла быть глубиной в вершок или даже в полвершка и т. д. Разумеется, в своем хозяйстве крестьянин работал лучше, быстрее, но не надо забывать, что делал он все это (если он был барщинным крестьянином) в худшие агрономические сроки (поздняя пахота в сушь или в дождь, поздняя жатва в дождь и т. п.).

Сколько стоил труд пахаря на рынке

Чтобы хоть как-то освободиться от ненужных для наших целей информационных отягчений (т. е. сведений об излишних затратах рабочего времени за счет принудительного характера труда) и выявить подлинную производительность крестьянского труда, применим следующий методиче-

⁵⁴ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 259.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 507. Л. 525—528, 482—485, 242—244, 485—487 об.; № 510. Ч. I. Л. 1 об.—3; № 311. Л. 231—233; № 510. Ч. I. Л. 12—16; № 311. Л. 17—18; № 284. Л. 125—130; № 321. Л. 203—205; № 311. Л. 34—37; № 269. Л. 32—34; № 311. Л. 22—23; 50—50 об.; № 269. Л. 29—30; № 739. Ч. III. Л. 114—117, 123—125; № 321. Л. 213—215, 205—207, 229—230 об., 115—118, 127—130, 102—104; № 738. Л. 59—61, 63—65, 47—49, 51—53; № 321. Л. 69—73, 219—221, 59—62; № 738. Л. 56—58, 42—43 об.

⁵⁶ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 253—255.

ский прием. Мы используем экономическую оценку затрат труда на монастырской барщине, данную самими крестьянами. Такая оценка была связана с распространенной практикой найма самими барщинными, но более состоятельными крестьянами на барщину других работников вместо себя.

Итак, состоятельный крестьянин для реализации своей обязанности выполнять барщинные работы на монастырь, в частности выполнять земледельческие хлебопашенные работы, мог нанять кого угодно — соседа, пришедшего человека и т. д. На такие работы постепенно сложились цены, отражавшие спрос и предложение. Подчеркнем, что это был *вольный рынок труда*, который объективно отражал *реальные* затраты на все виды хлебопашенных работ (кроме молотбы) в расчете на десятину пашни в двух полях. Если работы оценены не в расчете на десятину, а в расчете на взрослого работника, то эти данные можно пересчитать на десятину, зная среднее число затрат человеко- и коне-дней на десятину в данном районе.

Документальные подтверждения стоимости работ в расчете на десятину в двух полях есть по следующим селениям и монастырским вотчинам. В Ярославском у. в деревнях ярославского духовенства Малина и Выгоцкая "в двух полях всю работу полагают они, крестьяне, деньгами за каждую десятину по 7 руб." В вотчинах Спасо-Преображенского монастыря в ярославских селах Пахомское с деревнями и Балакирево с деревнями за десятину также платили 7 руб.⁵⁷ В Вологодском у. в вотчине Спасо-Прилуцкого монастыря в селе Ильинском платили по 4 руб., а в селе Ивановском — по 5 руб. за десятину⁵⁸. А в селе Сергиево и дер. Парицыно того же монастыря платили по 6 руб. В дер. Рыкуля Глушицкого монастыря десятина по всем видам работ стоила те же 6 руб.⁵⁹ В селе Грезовицы, вотчине Корнильева монастыря, куда входило еще 59 деревень, цена десятины была 7 руб. Эта же плата была в обычае у крестьян с. Домнино Прилуцкого монастыря и дер. Дор Лопотова монастыря, у крестьян села Ананьино с 7 деревнями (вологодского архиерея), села Троицкого с 46 деревнями Николо-Озерского монастыря, села Погодиева Московского Угрешского монастыря и дер. Старой Суздальского Ефимьева монастыря⁶⁰. Во многих селениях плата за эти же работы была 8 руб. В частности, в дер. Гризино Подольского монастыря, селе Лопутково Прилуцкого монастыря, сельце Гледенево Спасо-Репной пустыни, архиерейском селе Реброво и дер. Углецкой Тотемского у.⁶¹ В селе Ивановском с 8 деревнями (вологодского архиерея) платили по 9 руб.⁶² Наконец, в селах Богородицкое, Коровничье, Выпрягово, Тчанниково, Воскресенское Прилуцкого монастыря, дер. Бубырево Сямско-

⁵⁷ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 743. Л. 9 об.; № 520. Ч. I. Л. 311 об., 366.

⁵⁸ Там же. — № 517. Л. 148, 50.

⁵⁹ Там же. — № 517. Л. 130, 143 об.; № 152. Л. 20.

⁶⁰ Там же. — № 273. Л. 51 об.; № 517. Л. 120 об., 170 об.; № 141. Л. 50 об.; № 350. Л. 37 об.; № 313. Л. 117; № 553. Л. 579 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. № 437. Л. 6; № 517. Л. 62 об.; № 582. Л. 3; № 141, Л. 57, 304.

⁶² Там же. — № 141. Л. 112 об.

го монастыря, в некоторых селах Тотемского у. за десятину крестьяне платили по 10 руб.⁶³ В вологодском селе Карповском Ферапонтова монастыря и в дер. Бурниха Тотемского у. (Угрешский монастырь) платили по 12 руб. за десятину, а в полуселье Милославль (в 65 верстах от Вологды) — даже по 15 руб. за десятину⁶⁴. У нас есть и один пример по Подмосковию. В верейском селе Андреевском платили по 6 руб. 78 коп. за десятину, т. е. уровень работ близок к ярославским селам⁶⁵.

Если суммировать площадь запасек монастырей во всех этих селениях и подсчитать стоимость всех работ на них, опираясь на цены каждой из них, то можно вывести среднеарифметическую стоимость работ на десятине пашни. Она равна 7 руб. 60 коп. (всей пашни было 1094 дес., а общая стоимость работ равнялась 8341 руб.)⁶⁶.

Таким образом, несмотря на большую пестроту показаний затрат труда, отражающих и различие почвенных условий, и разную интенсификацию барщинных работ, мы получили обобщенный ориентир для реальной оценки работ в нечерноземном регионе. В переводе на человеко-дни (при соответствующих затратах конной силы) по нормам Московской провинции это составит от 70 до 100 чел.-дней при 30—50 коне-днях. Но эта оценка очень приближительна, хотя она охватывает огромный регион. Если же опираться на точные данные (размер пашни и ее стоимость) по районам Галича, Костромы, Ростова и Углича, то средневзвешенная затрата труда будет равна 54 чел.-дням при 20,0 коне-днях. Если же брать в расчет данные по найму в рамках более широкой территории, то итог будет иным. По северным районам перерасчет расценок в человеко-дни даст затраты в пределах от 70 до 120 чел.-дней (при 30—50 коне-днях). Затраты по Московской провинции будут где-то на уровне 60 чел.-дней при 25—30 коне-днях, затраты по Ярославской и Угличской провинции — около 70 чел.-дней при 30—35 коне-днях и затраты по территории будущей Владимирской губ. — 46 чел.-дней при 20 коне-днях. Грубое усреднение этих примерных показателей даст 64 чел.-дням при 28 коне-днях. Таким образом, перерасчет, в основе которого расценки стоимости работ на десятине в двух полях, дал результат, очень близкий к первоначальному (59,5 чел.-дней при 26,75 коне-днях). При этом необходимо подчеркнуть, что данный уровень трудозатрат присущ крупному барскому (монастырскому) хозяйству, которое способно, так или иначе, концентрировать рабочие руки для проведения работ в кратчайшие сроки, диктуемые суровыми природно-климатическими условиями территории исторического ядра Российской империи.

Объективность и достоверность полученных нами сведений может подтвердить сравнение русского материала с аналогичными данными по Север-

⁶³ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. — № 517. Л. 283, 32, 314, 75 об.; № 570. Л. 5; № 517. Л. 296 об.

⁶⁴ Там же. — № 746. Л. 161; № 313. Л. 139; № 517. Л. 81. об.

⁶⁵ Там же. — № 380. Ч. II. Л. 419—420.

⁶⁶ Милов Л.В. О производительности труда. — С. 220, прим. 35.

ной Франции⁶⁷. В частности, по Парижскому региону (1750 г.) уровень затрат труда на обработке земли, удобрении полей, посеве, жатве и обмолоте пшеницы почти полностью совпадает с установленным нами первоначальным обобщенным нормативом: это те же 59,5 чел.-дней на гектар французского пшеничного поля. Разница лишь в том, что в обобщенный показатель по Франции включены еще затраты на прополку всходов. Если принять во внимание, что на десятине посевов затраты на прополку в России занимали, по А.В. Чаянову, чуть более 4-х дней⁶⁸, то затраты труда на монастырской барщине в России должны были быть на 4,2—4,4 чел.-дня больше, чем затраты труда по Парижскому региону в 1750 г.

Несколько более низкий уровень трудозатрат, чем по району Парижа (до 52,4 чел.-дней для твердых грунтов и 44,6 чел.-дня для легких почв в расчете на гектар), дает нам усреднение показателей по крупным хозяйствам семи районов Северной Франции ("Север", Бретань, Париж, "Запад", Берри, Лотарингия и Шампань)⁶⁹. Таким образом, вполне очевиден вывод не только о достоверности наших данных, но и том, что уровень затрат в крупном хозяйстве России близок по нормативам к практике крупного производства на Западе Европы.

Однако сходство на этом и кончается. Ведь во Франции вся нагрузка на крестьян, средний уровень которой можно свести к 48,5 чел.-дням, распределяется на десять месяцев, а в России, как уже говорилось, срок сельскохозяйственных работ был вдвое меньше. Буквально за ничтожно короткое время наши пахари были вынуждены обрабатывать почву и под яровые, и под озимые, включая два сева и две жатвы. В XVIII в. видный русский агроном И.И. Комов писал об этом следующее: "У нас... лето бывает короткое и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно"⁷⁰. За этими скупыми, сдержанными оценками скрывается колоссальное различие с Западом не только в возможностях земледелия, но и в укладе, и в уровне всей жизни крестьянина, в типе самой культуры.

О трудовых возможностях мужика на поле

В индивидуальном крестьянском хозяйстве возможности концентрации рабочей силы не было, так как основные тяглы (а в каждом тягле взрослые работники — это муж и жена) не имели на это не только сил, но и времени. Природой в Центральной Рос-

⁶⁷ George Grantham. The Growth of Labor Productivity in the Production of Wheat in the *Cinq Grosses Fermes* of France, 1750—1929 // Bruce M.S. Campbell and Mark Orierton. Land, Labor and Livestock. Manchester: Manchester U. Press, 1991.

⁶⁸ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. — М., 1925. — С. 142.

⁶⁹ George Grantham. Op. cit. Appendix. 13.2.

⁷⁰ Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 1—2.

сии и во всем Нечерноземье начало сельскохозяйственного сезона определено сроком примерно с половины апреля (по старому стилю). Так, в Краснохолмском, Кашинском, Вышневолоцком, Корчевском уездах Тверской губ. сев пшеницы-лебянки начинался “в исходе апреля” (а ведь землю необходимо вспахать и проборонить)⁷¹. Так было и в других губерниях. Что касается окончания работ, то жатва и скирдование завершались к середине сентября, реже к концу месяца. Следовательно, за вычетом воскресений, когда работать было запрещено обычаем, на весь сезон приходится 128—130 рабочих дней. Из них на сенокос минимально необходимо было 30 дней, и на все полеводство оставалось 100 рабочих дней. Больше того, барщинные крестьяне весенней порой полтора месяца работали вообще без выходных. Примером здесь может быть текст уникальной по детальности разнарядки работ инструкции Т. Текучева Кашинского имения Н.П. Львова⁷². Бюджет времени расписан здесь с точностью до одного дня. Работы начинались предположительно 28 апреля. Вспашка шла 8 дней, пока “всю паровую пашню не вспашут”⁷³. Четыре последующих дня шли крестьянские работы (30 апреля — 2 мая). Далее взметанный пар боронили 2 дня, и следующие 2 дня (5 и 6 мая) были крестьянскими. С 7 мая пахали перелог и сеяли овес на барина в три приема, каждый из них занимал 2 дня (1 день пахота, 1 — бороныба и сев), работы крестьян шли между барщинными работами (по 2 дня). Итак, 7—8 мая — на барина, 9—10 мая — на себя, 11—12 мая — на барина, 13—14 мая — на себя, 15—16 мая — на барина, 17—18 мая — на себя. Следующий день мог быть свободным. А с 20 мая начинался сев пшеницы, конопли, льна, гороха. На барина пахали, сеяли и боронили 2 дня, а 3 дня работали на себя (22—24 мая). С 25 мая начинался сев ячменя, посевы которого были очень большие. Как и сев овса, он был в три приема, чередуя 2 дня барщины и 2 дня работы на себя (с 25 мая по 6 июня). 3 дня шло на починку изгородей (6—8 июня). А с 12 июня начиналась вывозка навоза и пахота пара. Дни с 9 по 12 июня, а может быть, и на Троицу, видимо, были свободны.

Итак, весенние работы шли без перерывов с 22 апреля по 6 июня (где-то здесь, около 10 июня, видимо, сеяли и гречу). На барина в целом весной работали 24 дня, на себя — около 21 дня. Максимум выхода на работу — 32 тягла, т. е. 32 рабочих дня, и, как минимум 32 лошади. Но проработать 45 дней подряд с полной нагрузкой лошадь не могла! Через каждые 4 дня работы ей необходим был день выгула. В инструкции же это не предусмотрено! Реальность плана можно проверить следующим образом. Точно известен размер высева овса (70 четвертей) и норма высева (3,3 четверти на десятину). Следовательно, овсяной клин составил 21,2 дес. Известны размеры

⁷¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 74, 36, 94, 55 и др.

⁷² Инструкция об управлении помещичьим хозяйством. 1755—1757 гг. Инструкция Т. Текучева. — Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдел редких книг и рукописей. № 279—6—90.

⁷³ Там же. — Л. 4—5.

пахоты под пшеницу, коноплю, лен и горох (6,5 дес.), а также площадь пашни под ячменем (13,25 дес., 14,25 дес. и 19 дес.). В последнем поле 4,75 дес. отдали под овес. По нормам высева ячменя и по количеству семян (10 четвериков, 11 четвериков и 12 четвериков и, соответственно, количество семян в первом случае — 17 четвертей 6 четвериков, 19 четвертей 4 четверика и 23 четверти) можно уточнить размеры полей (14,2 дес., 14,2 дес. и 15,3 дес.). Таким образом, яровые занимали 71,5 дес. Из них на перелог было 16,45 дес. И какая-то часть на пару⁷⁴. Допустив, что под паром было все остальное, т. е. площадь, равная 55,05 дес., в итоге получаем общее количество обрабатываемой весной пашни (126,55 дес.). Поскольку общее количество тягол, привлекаемых к работе, равнялось 32 тяглам, то весенней пахоты приходилось по 4 десятины на тягло. На боярскую пахоту потрачено примерно 16 дней или по 7,9 дес. в день (на 32 тягла), т. е. по 0,247 дес. на работника в день. Это точно соответствует нормативной установке инструкции: "на десятину 4 сохи в день"⁷⁵. Если это хозяйственные десятины, то в пересчете на казенные десятины всего весенней пахоты было 168,79 дес. (или по 5,2 дес. на тягло, или по 0,32 дес. пахоты в день). Нагрузка поистине непосильная! Можно сравнить эти нормативы с близкими по времени нормами сельскохозяйственных барщинных работ в Польше. Общая установка в польских имениях затрат труда на пахоте: две сохи за день вспахать обязаны один морг, а заборонить (за день) — "одной бороной"⁷⁶. Поскольку морг равен 0,51 дес., то речь идет о вспашке казенной десятины за 4 дня. Но в данном случае, видимо, имеются в виду легкие земли. А на "сухих", то есть твердых, грунтах в имении Тизенгаузена в 1839 г. вспашка одного морга по первому разу требовала 8 дней, а по второму — 6 дней⁷⁷. Иначе говоря, на казенную десятину вспашки требовалось от 12 до 16 дней. Возможно, что здесь (у Тизенгаузена) пахали новину. Однако даже третья ее вспашка требовала тем не менее 8 дней на десятину.

Таким образом, инструкция Т. Текучева является образцом рекомендации самого жесткого режима крестьянского труда. Вполне очевидно, что о какой-либо интенсификации земледелия здесь практически не могло быть и речи. Принцип один — сделать как-нибудь, а там, дай Бог, вырастет.

По поводу подобных непомерных нагрузок на барщине А. Олишев писал: "Что ж от обширнейших полей и великого посева происходит? Ничего, кроме лишнего и бесполезного труда, а крестьянам крайнего разорения и самой нищеты. Так, что, не имея времени перетроить землю, возят навоз на целину", где он и "пропадает без пользы"⁷⁸. П. Рычков убеждал помещи-

⁷⁴ Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755—1757 гг. Инструкция Т. Текучева. Л. 4 об.—5.

⁷⁵ Там же. — Л. 4.

⁷⁶ Polskie Instruktarze economiczne z konza XVII i z XVIII wieku. S. 106.

⁷⁷ Там же. — S. 194.

⁷⁸ Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 110.

ков не заставлять крестьян на барщине обрабатывать больше 1,5 дес. на тягло во всех трех полях (то есть 1 дес. посева на тягло), иначе “землю нехорошо вспашете и будете безвременно жать и убирать в гумно”⁷⁹. Недаром Т. Текучев наставляет: “А работы их надзирать приказнику почаще, чтоб порядочно пахали, целиною не покидали”⁸⁰. В жатву же барин на поле сгонял всех, кого только можно: “муштин и женщин с робятами поровну”⁸¹. Разумеется, при такой чрезвычайной нагрузке на барщине крестьянин вынужден и на своем поле трудиться ценой напряжения всех сил, привлекая к работе и старых, и малых. В этих условиях одנותяглый крестьянин с одной лошадью просто физически не мог выработать необходимый объем работ. А.Т. Болотов прямо заявлял, что “на одной лошади нельзя обработать землю ни про себя, ни господскую и успеть исправить все домашние нужды”⁸². И тем не менее, по инструкции, на пахоту, боронование и сев ячменя на площади, по крайней мере, 46,5 дес. отводилось 9 дней, а крестьянам оставалось 3 дня. Другие три дня (6—8 июня) шли на починку барских изгородей, а с 12 июня уже вывозили навоз на паровые поля. На барина возили 3—4 дня, и крестьянам оставалось примерно столько же. А с 20 июня уже пахали пар. У барина его было примерно 21,7 дес. Это около 6 дней работы, а крестьянам на свой пар оставалось примерно 4 дня. Итак, на вспашку, боронование и сев озими на помещика шло 9 дней, а крестьяне имели 4—5 дней. Таким образом, на все работы по обработке земли крестьянин должен был тратить 25—27 дней (из них весной — 21 день). По инструкции Т. Текучева, на всю жатву крестьянам было достаточно 28 дней (“а им крестьянам на свое жнитво достанется 27 или 28 дней”)⁸³. Следовательно, общий бюджет крестьянского времени, включая жатву (без обмолота), — 54 рабочих дня. Барщина занимала 56 рабочих дней.

Следовательно, 100 рабочих дней российского календаря природы и реального режима работы помещичьего хозяйства совпадают с большой точностью. Основной вопрос сводится теперь к тому, а на какой по размеру пашне великорусский крестьянин использует или может использовать этот бюджет времени. Причем совершенно очевидно, что у оброчного и барщинного крестьянина он был различным, хотя оброчник существенную часть своей продукции должен был в итоге везти на рынок, дабы уплатить оброк и налоги.

Во второй половине XVIII в., по данным Генерального межевания, обработанным Н.Л. Рубинштейном, средняя примерная обеспеченность пашней в Нечерноземье достигала в целом 3,4 дес. в трех полях на ревизскую (мужскую) душу⁸⁴. В этом случае на тягло (а это семья из 4-х человек, из

⁷⁹ Рычков П. О земледелии // Труды ВЗО. — 1770. — Ч. XVI. — С. 28.

⁸⁰ Инструкция об управлении помещичьим хозяйством. Л. 4 об.

⁸¹ Там же. — Л. 55 об. (вставка).

⁸² Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 220.

⁸³ Инструкция об управлении помещичьим хозяйством. Л. 55 об. (вставка). Л. 17.

⁸⁴ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). — М., 1957. — С. 209. Причем, имеется в виду *общая* обеспеченность пашней.

них двое мужского пола, но лишь один взрослый работник) приходилось приблизительно 6,8 дес. пашни. Из них посев составлял в среднем 4,54 дес. При бюджете времени барщинного крестьянина по инструкции Т. Текучева (54 дня) на обработку земли оставалось 26 дней, то есть около 6 дней на десятину.

На фоне всего изложенного ситуация складывается абсурдная. О какой агрикультуре может идти речь применительно к крестьянской пашне, если он за эти дни даже кое-как не мог обработать свой надел? Ведь монастырское хозяйство расходовало 59—64 чел.-дня на десятину (а на одну только обработку земли шло 39,5—42 чел.-дня), имея в итоге очень небольшую урожайность сам-3, сам-5.

Не легче было положение и оброчного крестьянина. Имея 100 рабочих дней, он мог на вспашку, боронование и сев потратить в расчете на одну десятину (без жатвы и обмолота) 22 рабочих дня, что почти вдвое меньше, чем у барина.

Находясь в столь жестком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном бюджете рабочего времени качество его земледелия было таким примитивным, что он не всегда мог вернуть в урожай даже свои семена. Выход из этой по-настоящему драматической ситуации был один. Великорусский пахарь должен был в 22 рабочих дня (не говоря уже о том, когда у него на все работы было 10 рабочих дней) реально вложить в землю такой объем труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал около 40 рабочих дней. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, использование на мужских работах женщин и т. д.). А для тех, кто не мог выдержать такого режима труда, оставалось обрабатывать пашню кое-как и ждать чудес от природы. Именно этих бедолаг имел в виду князь М.М. Щербатов, когда писал о "чуть не пятой доле крестьян, которые питаются мякинным хлебом, живя скорее как животные, а не как люди"⁸⁵.

⁸⁵ Щербатов М.М. Неизданные сочинения. — М., 1936. — С. 7.

Очерк седьмой

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА

В Центральной России, и прежде всего в нечерноземной полосе и приокской зоне деградированных черноземов, условия для развития скотоводства были неблагоприятны. Суть их весьма толково еще в XVIII в. сформулировал неизвестный нам создатель топографического описания Тверской губернии. Первая причина состояла в недостатке “угодий к продовольствию онаго [скота] в летнее время, ибо земли делятся везде токмо на три поля”¹ и нет постоянных пастбищ. “Летом скотине на дворе корм не дается”, так как его не хватает на зиму, и пастьба идет поначалу на лугах сенокосных, пока их не закроют, а потом на паровом клину. Когда пары навозят, а это бывает примерно с 12 июня, то скотина “от недостатку [подвергается] изнурению, когда два поля посеены хлебом, а третье приготовлением под посев заняты”². Вторая причина слабого развития скотоводства состоит в длительности содержания животных на “дворовом корме”: ведь скот “почти семь месяцев довольствуется сухим кормом”³. Сочные корма отсутствуют, так как при трехпольном севообороте для них нет земли, не говоря уже о том, что на них нет резерва рабочего времени. А семь месяцев стойлового содержания — срок огромный. Ведь такой ситуации нет нигде в Европе, не говоря уже о США. Период стойлового содержания усугубляется жестокими морозами зимы. И в этом наш наблюдатель видит третью причину худого в Центральной России скотоводства, слабости и малорослости животных. Ведь в мороз скотине нужны рационы, увеличенные в два-три раза, так как “крупная [скотина] по всю зиму ходит по двору и от стужи много претерпевает”⁴.

¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 10.

² Там же. — С. 144.

³ Там же. — С. 10.

⁴ Там же.

***Пространства огромны,
а сенокосов мало***

Итак, в конечном счете все сводится к проблеме кормов, проблеме, на первый взгляд, довольно странной, поскольку территория России обширна, богата и лесами и лугами. Однако при более пристальном взгляде выясняется, что это не так. Ведь мы только что убедились, что в условиях Центральной России крестьянин был резко ограничен в возможностях расширить свою пашню. Та же закономерность и с лугами и сенокосами. Вот данные об обеспеченности сенокосами, накопленной народом за века, на 80—90-е гг. XVIII в.⁵ (см. табл. 1.12).

Приведенные в таблице № 1.12 данные, собранные и обработанные И.Д. Ковальченко и дополненные нашими расчетами, можно прокомментировать, привлекая некоторые общие для крестьянского хозяйства положения. Одно из них гласит, что на десятину пашни необходимо иметь 1,24 дес. луга⁶. Разумеется, эта норма выступает как некий идеал и в жизни могут быть отклонения от него. А из данных таблицы следует, что даже в конце XVIII в. отклонения эти просто разительны. За исключением Архангельской губ. и малоосвоенных в то время территорий Саратовской и Оренбургской губерний, почти всюду, за исключением Воронежской губернии, где соотношение было в норме, сенокосов и лугов было во много раз меньше нормы. В Новгородской, Псковской, Смоленской, Костромской, Ярославской, Тверской, Калужской, Рязанской, Орловской, Вятской губерниях сенокосов было в 6—10 раз меньше указанной нормы. А ведь это большая часть исторического ядра России. В Нижегородской и Тульской губерниях сенокосов меньше нормы в 11—15 раз. И только в 7 губерниях (Вологодской, Олонецкой, Петербургской, Пензенской, Симбирской, Саратовской и Пермской) сенокосов меньше нормы лишь в 2—4 раза.

Невольно возникает вопрос, так как же развивалось скотоводство в Центральной России, как русское крестьянство приспособлялось к таким условиям.

Разумеется, в реальной жизни было много сложнее. В тех или иных губерниях были местности, весьма благоприятные для скотоводства, хотя существовали и такие территории, где содержание скота (а он необходим был прежде всего для удобрения пашни) было делом далеко не простым.

Начнем с северных регионов, ибо там лугов и сенокосов было немало.

⁵ Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник IV. — М., 1960. — С. 190—191.

⁶ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. — М., 1925. — С. 116.

Таблица 1.12. Обеспеченность сенокосными угодьями в конце XVIII в.

Губернии	Кол-во сенокосов на 100 чел. (в дес.)	Кол-во сенокосов на 100 дес. пашни	Во сколько раз больше или меньше нормы (б. или м.)
Архангельская	86,7	197,4	б. 1,6
Вологодская	65,0	50,9	м. 2,4
Олонецкая	51,4	30,4	м. 4,0
Петербургская	45,1	32,2	м. 3,8
Новгородская	36,1	19,8	м. 6,3
Псковская	31,2	15,1	м. 8,2
Смоленская	23,7	11,9	м. 10,4
Московская	29,6	25,5	м. 4,9
Владимирская	18,6	23,1	м. 5,4
Нижегородская	29,2	15,2	м. 15,2
Костромская	38,0	20,3	м. 6,1
Ярославская	26,9	19,6	м. 6,3
Тверская	27,2	16,7	м. 7,4
Калужская	19,9	12,4	м. 10,0
Тульская	23,3	10,9	м. 11,4
Рязанская	31,9	16,9	м. 7,3
Орловская	33,4	15,2	м. 8,2
Тамбовская	160,5	77,4	м. 1,6
Курская	45,5	25,8	м. 4,8
Воронежская	358,0	133,0	б. 1,07
Пензенская	60,9	28,9	м. 4,3
Симбирская	176,3	60,8	м. 2,0
Саратовская	862,0	258,4	б. 7,08
Оренбургская	561,6	203,1	б. 1,64
Вятская	46,6	18,6	м. 6,9
Пермская	198,8	65,1	м. 1,9

Северные пажити

На Европейском Севере, в частности в Архангельской губ., кормовых ресурсов было более чем достаточно (правда, главным образом в Нижнем Подвинье). Обычными травами Севера были: пырей, осоты, хвощ, метла, везель, треста, красноголовник, мелкая листовая трава (мур, багула, вахка)⁷. Лучшими считались пырей, везель, мышьяк, хвощ, листовник и сопульник⁸. Косили здесь особыми косами-горбушами, “коими косят сено

⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 497. Л. 148—149.

⁸ Там же. — Л. 76—76 об.

нагнувшись в весьма тягостном положении тела”⁹ (см. рис. 19). Горбуша была в ходу и на Мезени, и в других краях губернии. Впрочем, это орудие пытались применить и на уборке яровых, но “яровой косить не пошло в употребление”¹⁰. Видимо, северный хлеб был слишком ценен и его предпочитали бережно жать серпом. Кроме отличной кормовой базы, благоприятным условием для скота был почти постоянный морской ветер, поэтому, как считали современники, эпизоотий здесь практически не было¹¹. В Холмогорах “средственный”, т. е. средний крестьянин имел одну лошадь, трех коров, двух быков для откорма на продажу, двух телят и пяток овец. В Шенкурском у. средний крестьянин имел двух лошадей, четырех коров, двух быков, шесть овец и пару свиней. Домашней птицы в этих районах вообще много не держали — на двор по пять куриц¹².

В соседнем Олонецком наместничестве условия для скотоводства были также благоприятны. Сенные покосы, по свидетельству современников, были здесь “изобильны”, а “лучшие по берегам рек”, “не меньше знатное получается количество сена и на ращищенных среди лесов пожнях, обделования которых, толиких же требует трудов, с какими сопряжена и разчистка нив”. Лучшими в крае считались луга и пожни, “которые перемешаны щевелем, мышняком с метликою и трилиственником”. В Петрозаводской, Олонецкой, Вытегорской и Повенецкой округах, как и в Архангельской губ., “сено косят так называемыми горбушами, которые имеют вид серпов и насаживаются на коротком изогнутом чер[е]н[к]е, так что не наклоняясь косить не можно. Несмотря на трудное положение тела при кошении сена горбушами, поселяне находят себя принужденными употреблять оные по причине множества камней, пней и кочек на лугах и пожнях находящихся”¹³. В Каргопольском уезде, в отличие от других, “косют сено косами, «стойкою» именуемыми, потому что косют ими не наклоняясь”¹⁴.

Между прочим, практика косить траву косами-горбушами перекочевала с Европейского Севера на Урал. В частности, в Ирбитском у. косят горбушами, так как “трава очень высока и густа...” (да и “литовками не косят и не умеют”). Укосы здесь были очень высокими (“копны ж делают посредственные, которых на десятину ставят по 30-ти в ыных луговых низких местах и более”). Считая в обыкновенной копне по 4—5 пудов, получаем итог: с десятины 120—150 пудов. “Трава в копнах стоит в ведреное время по три дни, а в ненастье по неделе и более и при просушке (т. е. после просушки, — Л. М.) мечут в стоги и в скирды, а копны возят на лошадях, опутавши веревкой” (способ широко известный в Центре России). Стога огораживают

⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 497. Л. 26.

¹⁰ Там же. — Л. 106.

¹¹ Там же. — Л. 35.

¹² Там же. — Л. 63, 80—81, 85.

¹³ Там же. — № 518. Л. 38 об.

¹⁴ Там же. — Л. 39.

остожьями, но кормить скот начинают лишь зимой (“в селениях возят по первому зимнему времени, ибо скот у крестьян очень долго осенью в полях ходит, а неработные лошади и зимнего времени захватывают”)¹⁵. Укладка скошенного сена во всем Олонецком крае одна и та же. Стоги ставят между “воткнутыми рядом жердями и подпирают оные со всех сторон”¹⁶.

Скота в Олонецком краю было поменьше, чем в соседнем Нижнем Подвинье. В южной части Олонецкой провинции и в долине р. Свирь в 60-х гг. XVIII в. “посредственный (т. е. нормальный, обычный, — Л. М.) крестьянин держит не более двух коров, двух или одну лошадь, четыре овцы и четыре свиньи”. Козы встречаются у очень немногих¹⁷. Видимо, в целом с сенокосом (а главное, со временем для него) было не так уж и хорошо. Ведь лугов было в 4 раза меньше нормы.

В Вологодском наместничестве в наиболее заселенном районе по левую сторону Двины условия для разведения скота были наименее благоприятные. Да и в целом в губернии сенокосов было в два с лишним раза меньше нормы. В окрестностях самой Вологды наблюдался острый недостаток “в хорошем корме и пажити, а притом и худья погоды причиняют весьма часто скотский падеж”¹⁸. “Самый лучший скот разведен по Вычегде и наипаче около Яренска, где почва содержит в себе столько соли, что болота весьма много оною напитаны”¹⁹. По иронии судьбы, для земледелия здесь условий, наоборот, не было. Если в Вологде число теплых дней достигало 60, в Устюге — 48, то в Яренске их было всего 24²⁰, а урожай ржи: “едва ли родитца сам-друг”²¹.

Поемные луга Подмосковья

В двух центральных губерниях — Московской и Тверской — луговых угодий было в 5—7 раз меньше идеального норматива, хотя и здесь встречаются местности с благоприятными условиями. Особенно отличалась этим Московская губерния, где было “много поемных (заливных) лугов”²², расположенных в долинах таких рек, как Москва-река, Ока, Нара, Лопасня, Шерна, Клязьма, Пахра и другие малые реки и речки. В таких уездах, как Бронницкий, Воскресенский, Подольский, где реки имели отлогие берега, по низким местам накашивали по 150—200 пудов с указной десятины²³. А в Серпуховском уезде были такие места по берегам Оки,

¹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18920. Ч. II. Л. 122.

¹⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 518. Л. 39.

¹⁷ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XIII. — Л. 12—13.

¹⁸ Фриз Яков. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии // Технологический журнал. — Т. 3. — Ч. I. — СПб., 1866. — С. 20.

¹⁹ Там же. — С. 20.

²⁰ Там же. — С. 10.

²¹ Там же. — С. 14.

²² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 84.

²³ Там же. — С. 177, 157, 140.

Нары и Лопасни, где “почти и невероятно, что с десятины накашивают до 400 пудов в один раз”. Однако таких мест было не столь много, и в большинстве случаев “в отдаленных от рек местах покосы бывают по пустошам, долинам, оврагам, а часто и по лесам”²⁴. В Звенигородском уезде было “немалое количество водою понимаемых лугов”, но много было и бедных травостоев. Покосы здесь часто совершались и в августе “за (из-за, — Л. М.) малосеменством, худую и ненастливую погоду”²⁵. В пойме же р. Дубны огромный весенний разлив столь долго держался (“а сбывает очень медленно”), что, наоборот, ухудшал качество лугового травостоя²⁶. Несмотря на отсутствие поемных лугов, в Можайском и Верейском уездах травостой давал очень хорошие укосы²⁷. “Почти везде хороши” покосы и в Волоколамском уезде²⁸. В Тверской губернии заливных лугов было мало, так как в большинстве своем “реки крутояры”, и сенокосы были в основном по суходолам, лесам и болотам²⁹. Пожалуй, лишь в Тверском уезде были в достаточной мере и заливные луга, и хорошее сено³⁰. Особенно хороши покосы в Вышневолоцком у. были “по запущенным нивам, в лощинах лесов”³¹. В Калужинском у. поемные луга были по берегам рек Нерли, Жабни и Ходчи³². В Зубцовском, Старицком, Кашинском, Ржевском, Бежецком уездах поемных (заливных) лугов было мало³³. В частности, в Кашинском у. большая часть сенокосов располагалась по сухим местам, по болотам, “между лесом” и в кустарниках³⁴, а в Бежецком уезде берега рек были слишком низки, это были топкие низины с осокой и острецом, то есть весьма неподходящими для скота травами³⁵. В Осташковском уезде “сенокосов мало, травы болотные, лесистые и осошные”³⁶.

Крестьяне Новоторжского уезда различали сенокосы на “утолочные” и “пустошные”. “Утолочный (сенокос, — Л. М.) называется в полях или близ оных, где скот в подполненное (подполуденное, — Л. М.) время паству имеет. На таких местах травы хотя мельче, но чаще и съедобнее, а притом вдвое почти увесистее и к корму скорее. Пустошное и всякое лесное и болотное сено волокнисто, но не споро для корму”³⁷.

На материалах топографических описаний Московской и отчасти Тверской губерний можно с приемлемой точностью определить средний укос с

²⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. С. 318.

²⁵ Там же. — С. 194.

²⁶ Там же. — С. 215.

²⁷ Там же. — С. 296, 271.

²⁸ Там же. — С. 252.

²⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 6.

³⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 53.

³¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 94.

³² Там же. — С. 108.

³³ Там же. — С. 132, 144, 37, 130; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 139 об.—140.

³⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 37.

³⁵ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 139 об.—140.

³⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 111.

³⁷ Там же. — С. 157.

указной десятины, отгалкиваясь при этом от наиболее часто встречающегося размера так называемой “волоковой” (нестационарной) копны сена. В Московском, Старицком, Весьегонском и Тверском уездах волоковая копна весила от трех до четырех пудов. В Ржевском у. она была 2—3 пуда, в Вышневолоцком у. — 4—6 пудов, в Новоторжском у. — 4—5 пудов, в Рузском у. — 3—5 пудов, в Можайском у. — 5 пудов, в Зубцовском у. — 3—6 пудов. Следовательно, средний размер был равен примерно 4 пудам (3,8 пуда)³⁸.

По ряду уездов зафиксированы примерные укусы с указной десятины (2400 кв. саж.). Так, в Серпуховском у. средний укус 10—12 волоковых копен (44 пуда), в Верейском у. — 10—15 волоковых копен (52 пуда), в Коломенском у. в урожайный год — 40 волоковых копен (ок. 160 пудов), а в плохой год — 20 волоковых копен (80 пудов). В Дмитровском у. накашивали до 25 волоковых копен (иногда меньше), то есть примерно 100 пудов, в Клинском у. — свыше 170 пудов, в Волоколамском у. — около 50 пудов, в Звенигородском у. — 100 пудов и более, а в Можайском у. — около 90 пудов. По Рузскому уезду укус с десятины был 8—10 волоковых копен, то есть в среднем 37—40 пудов³⁹. В среднем это дает 88,4 пуда с десятины.

В Тверской губ. укусы были, видимо, ниже. В районе юга Олонецкой провинции и около р. Свирь обычный укус очень мал — 25 пуд. с десятины⁴⁰. Еще меньше — 15 пудов снимали с десятины в Галицкой провинции⁴¹. В Переяславль-Залесской провинции в хороший год снимали до 100 пудов с дес., но таких сенокосов было мало⁴². Во Владимирском уезде хороший год давал 90 пуд. с дес., а обычный всего 50 пудов⁴³. В Рязанской провинции в хороший сенокос получалось всего до 60 пуд. с дес., “а в прочие года менее”⁴⁴. В соседней Тульской провинции, в Каширском уезде “в добрый год” получали не более 50 пуд. с дес., а обычно 30—40 пудов⁴⁵. Таким образом, 100-пудовый укус, принимаемый некоторыми историками за норму, был практически недостижимым идеалом, а 60-пудовый был реальным далеко не всюду.

³⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 84, 301; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 144, 83—85, 150, 120, 94, 157, 278—279, 132.

³⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 278—279, 319, 347, 360, 215, 233, 252, 194, 301.

⁴⁰ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... до южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XIII. — С. 29.

⁴¹ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 87.

⁴² Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 98.

⁴³ Ответы... по городу Володимеру // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 106.

⁴⁴ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 65—66.

⁴⁵ Экономический магазин. — 1784. — Ч. XVIII. — С. 36—44.

***Шесть голов на тягло:
много или мало?***

Это подтверждается реальным наличием скота в крестьянских дворах и хозяйствах, хотя наши данные носят лишь приблизительный, оценочный характер. Так, в Кашинском у. Тверской губ. в 70-х годах XVIII в. каждый крестьянин-тяглец, по свидетельству В. Приклонского, имел 1 лошадь, 2 коровы или корову и теллицу, две овцы, одну свинью, десять кур. Козы встречались редко⁴⁶. В 80-х годах нормальный (“средственный”) крестьянин Корчевского, Калязинского, Вышневолоцкого и Старицкого уездов той же губернии имел двух лошадей, двух коров, двух овец и одну свинью (и 5—8 кур)⁴⁷. В Ржевском уезде одנותяглый крестьянин имел столько же лошадей, коров и свиней, но чуть больше овец (3 овцы)⁴⁸. В Краснохолмском у. тот же “средственный” крестьянин отличался лишь тем, что у него было 3—4 свиньи⁴⁹. А в Новоторжском у. кроме двух коров, как правило, был еще подтелок⁵⁰. В Бежецком у. помимо двух лошадей, двух коров средний крестьянин имел еще подтелка (или теллицу), двух свиней, но одну овцу⁵¹. В Весьегонском у. типичный крестьянский хозяин имел лишь одну лошадь (но две коровы, две овцы, одну свинью и 5—6 кур)⁵². Уровень обеспеченности скотом в Тверской губернии ниже всего был в Осташковском у. Здесь средственный мужик имел одну лошадь, одну корову, одну-две овцы, одну свинью и до пяти кур. Наоборот, уровень выше среднего был в Зубцовском уезде (три лошади, три коровы, две овцы, две свиньи, одна коза и до 10 кур)⁵³.

По Московской губернии есть данные по Можайскому уезду. Здесь средственный крестьянин имел две лошади, две коровы, четыре овцы и одну-две свиньи⁵⁴. В южных уездах, вероятнее всего, скота было больше. А там, где земля и покосы скудны, — меньше. В частности, по Богородицкому уезду наблюдатель отметил очень низкую обеспеченность лошадьми: одна лошадь на две мужские души, “а инде на три души”, то есть на тягло одна лошадь, а иногда 0,7 лошади⁵⁵. В Рузском уезде это обеспеченность бедного крестьянина (одна лошадь, одна корова и две-три овцы). Богатые крестьяне этого уезда (да, видимо, и губернии) имели до 8 лошадей, до 10 коров, до 15 овец и по четыре свиньи⁵⁶.

Во Владимирском уезде в 60-х годах помещичьи и дворцовые крестьяне имели от одной до трех лошадей, одну корову, от двух до пяти овец, две-

⁴⁶ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 11.

⁴⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 56, 51, 98, 144.

⁴⁸ Там же. — С. 123.

⁴⁹ Там же. — С. 78.

⁵⁰ Там же. — С. 161.

⁵¹ Там же. — С. 69.

⁵² Там же. — С. 87.

⁵³ Там же. — С. 132.

⁵⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 301.

⁵⁵ Там же. — С. 118.

⁵⁶ Там же. — С. 278—279.

три свиньи. У бывших монастырских (экономических) крестьян было от двух до четырех лошадей, по три-пять коров, три-пять свиней, от пяти до десяти овец, по одной-две козы. У зажиточных бывало и более десяти лошадей, более пяти коров и т. д.⁵⁷ В Переяславль-Залесском уезде уровень численности домашнего скота примерно тот же. Монастырские и государственные крестьяне имели здесь “каждаго рода по пять и более” голов скота. У помещичьих крестьян “по неимуществу и бывает по две и по три лошади, тож и рогатого скота, овец и свиней”⁵⁸.

В районах по границе нечерноземной и черноземной зон уровень скотоводства не выше. В Рязанской провинции в 60-х годах помещичий “несемьянистой крестьянин” имел две лошади, одну корову, 5—6 овец и 5—6 свиней⁵⁹. В Калужской провинции у помещичьих крестьян на тягло (т. е. два работника: 1 мужчина, 1 женщина) приходилось по две лошади, одной-две коровы, четыре овцы и одной свинье⁶⁰.

В Каширском уезде Тульской губ., по сведениям А.Т. Болотова, в 60-х гг. XVIII в. испытывался недостаток в лошадях. Коров у многих крестьян было лишь по одной, “но во многих дворах” не было ни одной коровы. Овец на двор насчитывалось от пяти до десяти⁶¹. При этом шерсти на нужды хозяйства явно не хватало⁶². У редкого крестьянина, замечает А.Т. Болотов, было три коровы, 15 овец, 8 свиней и 2—3 козы. Многие имели лишь по одной-две коровы, 5—8 овец, 4—5 свиней⁶³. Это считалось весьма невысоким уровнем скотоводства не только в Каширском у., но и в Переяславском, где общий уровень скотоводства 60-х годов оценивался как “умеренный”, так как “нет диких полей и больших степных мест”⁶⁴.

В Рязанской провинции, где на двор было по две лошади, не осуществлялось даже воспроизводство конского поголовья (“а лошадей достают покупкою из разных степных мест” и не всякий содержит кобылицу)⁶⁵. Нехватку лошадей отмечала анкета по Владимирскому уезду⁶⁶.

При таком среднем уровне численности скота товарный выход излишков скота имело лишь зажиточное и часть среднего крестьянства. Видимо, в целом несколько более высокий уровень скотоводства был в районе опольев (Влади-

⁵⁷ Ответы... города Володимира // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 97—101. В Юрьев-Польской провинции у помещичьих крестьян было от двух до шести лошадей, от одной до четырех коров, от двух до десяти овец. У бывших монастырских и государственных крестьян обеспеченность скотом была выше (Рубинштейн Н.А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. — М., 1957. — С. 282).

⁵⁸ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 85.

⁵⁹ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 53.

⁶⁰ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XI. — С. 97.

⁶¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 168—169.

⁶² Там же. — С. 187.

⁶³ Там же. — С. 147.

⁶⁴ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 101.

⁶⁵ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 75.

⁶⁶ Ответы... города Володимира // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 107—108.

мирского, Суздальского, Переяславского и Калужской провинции). И все же основная цель скотоводства всей этой зоны — удобрение полей. В ответах по Переяславской провинции так и писали: “Польза от них... та, что он (крестьянин, — Л. М.) получает навоз, для удобрения земли весьма нужной”⁶⁷.

Обеспеченность скотом Черноземья

Скотоводство в черноземных и степных районах имело наиболее благоприятные условия и с точки зрения природно-климатической, и с точки зрения экономической (особенно в период после прекращения набегов степных кочевников и полукочевников, завершившийся освоением Причерноморья и Северного Кавказа). Однако в более длительной перспективе уже в конце XVIII столетия потенциальную угрозу степному скотоводству представлял процесс своего рода “сползания” земледелия во все более южные районы на уникальный по плодородию чернозем, и лугов не стало хватать. Вместе с тем грозной реальностью это стало лишь примерно к середине XIX столетия.

Итак, в южных черноземных губерниях уровень скотоводства был значительно выше. В Орловской провинции у государственных крестьян было от 10 до 30 овец, десять свиней на двор. В Елецкой провинции “некоторые” (зажиточные) крестьяне имели до 15—20 лошадей, 5—6 коров, 20—30 овец и 15—20 свиней. По расчетным данным, сделанным в 1784 г. по Курской губернии, уровень содержания скота у государственных крестьян был следующим. Зажиточные имели в среднем на двор по 10 лошадей, 10 коров, 10 овец и 50 свиней, у средних — по 5 лошадей, 5 коров, 5 овец и 25 свиней, у бедных — по 2 лошади, одной корове, 5 овец и 10 свиней. Уровень скотоводства у помещичьих крестьян губернии был существенно ниже — в среднем на двор по 3 лошади, 3 коровы, 10 овец и 15 свиней⁶⁸. В Ливенском уезде Воронежской губернии, по описанию 1781 года, у зажиточных земледельцев были настоящие табуны лошадей (до 60 голов), стада рогатого скота (до 60 голов) и овец (до 300 голов). В Калитвенском уезде численность рогатого скота доходила до 50, 100 и 200 голов, а овец от ста и до тысячи голов. В Острогожском уезде рогатого скота зажиточные имели по 15, 20 и 30 голов, а овец по 200, 500, тысяче голов, а у некоторых по полторы тысячи голов. Во дворах среднего достатка было по 5, 10 и 15 голов рогатого скота и по 50—100 овец⁶⁹. В Заволжье и Оренбургской губ. скотоводство было сильно развито у казачества. Среди них было “много” таких дворов, где было 20 и “гораздо больше” лошадей, и редко встречались имеющие лишь по 3—4 лошади. Государственные и даже помещичьи крестьяне “наибольшей частью” имели по 2—3 лошади и “нередко” от 10 до 20 и более лошадей⁷⁰.

⁶⁷ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 86.

⁶⁸ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 283—284.

⁶⁹ Там же. — С. 288—289.

⁷⁰ Рычков П. Ответы по Оренбургской губ. // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 123—124, 135.

Вполне естественно, что при таком уровне развития скотоводства товарность его, особенно у зажиточной прослойки, была очень высока.

Домашние свиньи на лесных кормах

Однако в Черноземном регионе благоприятные условия были не всюду. Расцвету скотоводства в Тамбовской губернии, хотя там условия были благоприятны, мешали эпизоотии: “во всех округах... каждой почти год, невзирая на предосторожности, от правительства употребляемые, великое препятствие скотоводству причиняет падеж, а особливо рогатому скоту”. Купечество Тамбовской губернии регулярно покупало в других наместничествах рогатый и мелкий скот и пригоняло его “почти во все города здешнего наместничества”⁷¹. Кроме того, губерния неравнозначна и климатически. Так, “между городами Тамбовом и Хоперским и между вершинами рек Цны и Савалы весьма ощутительно означается весною перелом климата тем, что часто от Тамбова до верховья оных рек ездят на саних, когда в самое тож время от вершины их далее вниз Хопра по зеленым лугам пасут уже стада”⁷². Возможно, именно по этим причинам “лошади, овцы, козы и коровы в южной части водятся больше и крупнее, нежели в северной... Овцы в южной части имеют на себе шерсть мягче и длиннее против соседственных губерний. Почему поярок тамбовский почитается из лутчих”. Самым примечательным явлением животноводства является разведение свиней в этой губернии. Там, где есть леса, свиньи бывают крупнее, так как “они по большей части ходят без пастухов во все лето по лесам, даже до нападения большого снегу”. Наибольший эффект от столь архаичного свиноводства был в Елатомском уезде, где “свиньи, кои во все лето даже до нападения снегу живут и плодятся в лесах и, питаюсь там желудями и другими лесными плодами, вырастают крупныя против других уездов, лежащих в южной части сего наместничества”. При этом лошадей, коров и коз в уезде держат в малом количестве⁷³. Так, в расчете на тягло, барщинные крестьяне Тамбовской губ. имели в среднем менее двух лошадей (Елатомский у. — 1,78 лош., Шацкий у. — 1,4 лош., Темниковский у. — 1,42 лош., Спасский у. — 1,24 лош., Моршанский у. — 1,89 лош., Тамбовский у. — 1,95 лош., Козловский у. — 1,95 лош., Кирсановский у. — 1,94 лош.), точнее, нормальная обеспеченность рабочим скотом была лишь в четырех уездах. У оброчных крестьян рабочего скота было существенно меньше: в среднем на уезд в Елатомском у. — 1,48 лош., в Шацком у. — 1,37 лош., в Темниковском у. — 1,29 лош. и в Кирсановском у. — 1,72 лош. Низкой была обеспеченность продуктивным скотом (в среднем по восьми уездам 1,08 коровы и 4,47 овцы на тягло) у барщинных крестьян губернии, а также у оброчных крестьян (в среднем по четырем уездам 0,92 коровы и 4,2 овцы на тягло)⁷⁴.

⁷¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 10.

⁷² Там же. — Л. 8.

⁷³ Там же. — Л. 27.

⁷⁴ Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство: Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмена крепостничества в России. — Йошкар-Ола, 1997. — С. 100, 133.

**“Мякинное парево”
или разнотравье?**

После краткого обзора состояния кормовой базы и уровня развития скотоводства перейдем к знакомству с самими кормами.

Так, наблюдатель по Олонецкому наместничеству (80-е годы XVIII в.) подчеркивал, что лошадей, коров, овец и свиней “обитатели здешнего края... питают их весною и летом наилутчим кормом на пространных лугах, обильно водою напояемых и... пользуясь избыточеством сенных покосов, имеют скота более других северных жителей. Подножным кормом довольствуется скот от мая по октябрь месяц”. А холодный климат “не попускает возражаться или по крайней мере усиливаться здесь скотскому падежу”⁷⁵. Лучшие луга были, конечно, по берегам рек, но “не меньше знатное получается количество сена и на ращищенных среди лесов пожнях”. Как уже говорилось, особо ценились “те сена, которые перемешаны щевелем, мышняком с метликою и трилиственником”⁷⁶. Пожалуй, только в низовьях Северной Двины в Архангельском у. были столь же богатые пастбища и сенокосы. Но уже в Холмогорах сена не хватало. Рогатый скот, даже дойных коров, кормили яровой и овсяной соломой. Лишь для лошадей кормом было “непременно сено”. В Шенкурском у. рогатый скот также кормили яровой и овсяной соломой, добавляя осоку. По утрам давали “мякинное парево с наливкою горячей воды”. Сверх того дойных коров кормили и сеном, а свиней — “солодилнею и квасною гущей”⁷⁷. Впрочем, уже в южной части Олонецкого края коров в осенне-зимнюю пору кормили 2, иногда 3 раза в день крупной соломой (ржаной и яровой), сено и мелкую солому (сечку) давали для “поманки”⁷⁸. Лишь отелившихся коров несколько недель кормили мякиной с мелкой соломой, а также обваренным кипятком сеном. Телят кормили сеном и мелкой яровой соломой. Свиньям в морозы давали репу, а козам кору от дров. Лошадей кормили сеном, мякиной и яровой соломой⁷⁹. Весьма примечательно, что во многих селениях Олонецкого наместничества “кормят скот тростником, по корельски *рока* называемым, растущим по болотам и при берегах озер, от которого скот жиреет. Тростник сей поселяне косят и жнут в июне месяце, вяжут в пучки и сушат... А при употреблении в корм, изсекши его мелко, кладут в корыто и обваривают кипяченою водою”⁸⁰.

Тверские корма

Для Центра России наиболее подробные сведения о кормовых рационах для скота есть по Тверской губернии. Общая оценка наблюдателей: скота в губернии мало, он “весьма мелок”, и держат его лишь для

⁷⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 63.

⁷⁶ Там же. — Л. 38 об.

⁷⁷ Там же. — № 497. Л. 34 об, 76—76 об., 81.

⁷⁸ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XIII. — С. 1—2.

⁷⁹ Там же. — С. 9—12.

⁸⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 39.

удобрения навозом полей. В губернии нередки падежи. “Особливо на коров от осенних дурных рос, падающих на траву”⁸¹. “Скот здешний мелок и нередко бывает подвержен падежу, а особливо коровы как по причине прогоняемого из Украины чрез сей уезд [скота], так и в большие жары от недостатка текучей воды в селениях, лежащих на суходолах, где скот довольствуется грязною и нечистою водою из прудов”⁸². Лишь в округе Микулинского и Воловицкого станов, “где от тучных пажитей и от хороших вод [скот] бывает рослее и умножается больше”, и “падежи бывают очень редко”⁸³. Но это исключение. В большинстве уездов положение с кормами было тяжелым. Василий Приклонский сообщает некоторые детали о кормовых рационах по Кашинскому уезду. Здесь корм скоту давали (как и всюду) трижды в день. Утром и вечером дойных коров кормили и доили не на скотном дворе, а в избе. В эти часы на корм шла мякина ячменная, обваренная кипятком, и сено. Скот во дворе получал овсяную, ячменную, иногда пшеничную солому. В полдень и за час до сумерек скот выгоняли на водопой к реке или ручью, после чего всем шла на корм яровая солома. Овцы сено почти не получали. Лишь матки с ягнятами получали хорошее сено. Вечерний корм был также из яровой соломы. Телятам давали, как правило, хорошее сено, овсяную муку, обваренную кипятком или разбавленную сывороткой. Годовым телятам шел хлебный колос, сухой или замоченный кипятком. Лошадям (их кормили особо) шло сено, мелкая солома. Овес давали редко, только “езжалым лошадям”⁸⁴. В Вышневолоцком у. “езжалых лошадей”, то есть рабочих, “кормят сеном и изредка — овсом”⁸⁵. В Тверском у. “овес дают только одним езжалым лошадям, когда збираются итьги в коноводы (для проводки судов, — Л. М.) или ехать в извоз”⁸⁶. Точно так же и в Новоторжском у. “лошадей кормят сеном, а когда собираются в дорогу — овсом. А весною [кормят] мякиною, которою обливают водою и сие берегут к тому времени, когда пахать начинают”⁸⁷. В Вышневолоцком у. “дойным коровам по утрам, впуская в избу, дают хлебные спашки, облитыя теплою водою (спашки — сор и мякина, сметенные с вороха обмолоченного зерна, — Л. М.)”⁸⁸. В Новоторжском у. “коров кормят овсяной и яшной соломою сухою, а дойным дают мякину”⁸⁹. В Тверском у. дойным коровам гуменный корм не только обваривают теплой водой, но и посыпают мукою⁹⁰. Телят в Тверском у. также кормят сеном, яровой соломой и сухим гуменным кормом, обварен-

⁸¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 28.

⁸² Там же. — С. 42.

⁸³ Там же. — С. 28, 132.

⁸⁴ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12—14.

⁸⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 98.

⁸⁶ Там же. — С. 28.

⁸⁷ Там же. — С. 161.

⁸⁸ Там же. — С. 98—99.

⁸⁹ Там же. — С. 161.

⁹⁰ Там же. — С. 28.

ным теплою водою и обсыпанным мукою⁹¹. В Новоторжском уезде “овец довольствуют сеном”. В Вышневолоцком у. “маленьких ягнят подкармливают в великий пост овсом”⁹². В Новоторжском у. свиней племенных кормили пареною гречневою соломою, обсыпая ее “молотою посыпкою”⁹³. А в Вышневолоцком уезде свиней кормили овсяной “яшной мукою, замешанной на теплой воде”⁹⁴. Смесью пополам ржаной и овсяной муки свиней кормили на убой в Тверском уезде⁹⁵.

Обычай доить коров в избе, держать в избе новорожденных телят, ягнят и птиц характерен был для многих районов Центральной России. Шел этот обычай от крайне бережного отношения к скоту, от стремления уберечь от падежа и болезней молодняк, от стремления сберечь маточное поголовье. И тем не менее в Тверской губернии падежи скота были явлением нередким, “особливо на коров от осенних дурных рос, падающих на траву, которую скот по утрам рано со дворов выгоняясь, ест вместе с травою”⁹⁶. Во Владимирском уезде дойных коров кормили, помимо обваренной соломы и мякины, квасной гущей (скорее, это делали в помещичьих хозяйствах). Мелкий скот и лошади получали солому, сечку, обваренный колос с ржаной мукой или отрубями и, наконец, сено⁹⁷. В Переяславском крае сено мелкому скоту и лошадям давали с примесью соломы (яровая солома здесь именовалась “пушной”). Рогатый скот получал лишь разновидности соломы⁹⁸. В Калужской провинции коровам давали ржаной и ячменный колос, ячменную солому (все чаще обваренное кипятком), ржаную сечку с “осыпкой”, т. е. обсыпали мукой и заливали кипятком. Овцы и козы получали сено и солому, свиньи — мякину. Лошадей здесь кормили сеном, ячневой и овсяной соломой, и овес давали лишь перед дорогой⁹⁹. В Каширском у. коров кормили в основном яровой соломой, лишь в большие морозы давали сено. Овцам шли колосья с мелкой соломой (сечкой), сено тоже лишь в большие морозы и после ягнения. Молодняк держали в избе и кормили “месивом из овсяной соломы с мукой и сеном”. Кормили скот утром и вечером. Днем особо не кормили, а лишь устилали скотный двор (денник) ржаною соломой. Свиньям давали гречишную или иную мякину с отрубями, иногда с примесью ячневой муки¹⁰⁰.

Интереснейшие соображения дал известный русский историк и государственный деятель первой половины XVIII в. В.Н. Татищев. Причем реко-

⁹¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 28.

⁹² Там же. — С. 99.

⁹³ Там же. — С. 161.

⁹⁴ Там же. — С. 98—99.

⁹⁵ Там же. — С. 28.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Ответы... города Володимера // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 97—101.

⁹⁸ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 86.

⁹⁹ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XI. — С. 89—90.

¹⁰⁰ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 148—149.

мендованный им рацион кормления скота явно рассчитан на простые крестьянские хозяйства. “Чрез всю зиму и весну, — пишет В.Н. Татищев, — всякий скот и лошадей довольствоваться сечкою, колосом, ухвостьем и ухоботьем, обваривая оные горячею водою, и пересыпать отрубями и мукою и сена давать по малому числу”. “Зимою свиней кормить племенных лошадиным калом, осыпая немного отрубями. И коров по нужде тем [же] довольствоваться можно”¹⁰¹. Последние советы просто поразительны, ибо точнейшим образом отражают психологию российского дворянина-помещика, постоянно находящегося под бременем размышлений и забот по поводу хронической бескормизны крестьянского (а иногда и помещичьего) скота. Если дворовые собаки с голодухи сжирают кал, то почему же нельзя им кормить свиней и даже коров?!

Рационы для скота господских хозяйств

В помещичьем хозяйстве этой зоны уровень кормления был гораздо выше. Как правило, скоту вволю давали сена, в частности, коровам около пуда сена в сутки. Лошади получали значительно больше овса и сена. Наоборот, в инструкциях приказчикам иногда проскальзывают предупреждения о вреде лошадям овса в излишних дозах, о вреде кормежки хлебом (он давал слабость ногам молодых жеребят). И все же общая недостаточная обеспеченность кормовой базой животноводства Нечерноземья часто сказывалась и на собственном феодальном хозяйстве. Даже в дворцовых хозяйствах часто не хватало овса и сена. В подмосковных владениях соломенная сечка была обычным кормом лошадей. В 1737 г. на “гуменный корм” был переведен рогатый скот¹⁰².

Елагинские нормы кормления и реальность

В помещичьем хозяйстве Центральной России уровень кормления был выше, чем у крестьян. Но в оценке его важно исходить из представлений о кормовых рационах самих современников, и такой материал есть в нашем распоряжении. В 60-х годах XVIII в. известный историк екатерининской эпохи и человек близкий ко двору, Иван Елагин, разрабатывая вопросы реформирования страны, обратился к проблемам сельского хозяйства. В его работах есть, в частности, и расчеты по кормовым рационам скота. В качестве нормальных рационов кормления скота сеном у И. Елагина фигурируют следующие: для рабочей лошади — 30 фунтов сена в сутки, для коровы — 20 фунтов в сутки, для овцы — 10 фунтов¹⁰³. Как из-

¹⁰¹ Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник Имп. МОИДР. — 1852. — Кн. 12. — С. 16.

¹⁰² Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России в первой половине XVIII в. — М., 1964. — С. 244.

¹⁰³ Елагин И. Проект действ. ст. сов. и члена дворцовой канцелярии Ивана Елагина об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли... январь. 1766 г. (Далее: Елагин И. Проект) // Журнал землевладельцев. — М., 1859. — № 21. — С. 140—145.

вестно, в Нечерноземье стойловое содержание скота продолжалось необычайно долго: 6,5—7 месяцев или 198—212 суток. Следовательно, лошади на 7 месяцев нужно было 161,4 пуда сена, корове — 107,6 пуда, а овце — 53,8 пуда. Учитывая, что в XVIII в. скот был мелок, этих норм было, видимо, достаточно (в XX в., например, для лошади норма повысилась до 180—200 пудов).

Теперь ознакомимся с реальными рационами кормления скота в господских конюшенных и скотских дворах. Довольно подробные на этот счет сведения есть в обширной инструкции 1751 года графа П.А. Румянцева, именуемой “Учреждением”¹⁰⁴. Его вотчины были и в Московской, и в Нижегородской, и в ряде других губерний Центральной России. Не менее интересна и другая инструкция того же времени (1755—1757 гг.), составленная неким Тимофеем Текучевым (или Текутьевым), вьедливым помещиком одной из тверских вотчин (примерно в 100 верстах от Твери) в районе Кашина в XVIII в. (последним ее владельцем был П.П. Львов)¹⁰⁵.

В румянцевских селах “разъезжие” (рабочие) лошади в период стойлового содержания получали в сутки “по полупуду сена”. На период в 7 месяцев это составит 106 пудов на голову¹⁰⁶. Точно такая же норма была и в кашинском “имении” П.П. Львова. Разница лишь в том, что скот здесь имел “дворовый корм” с 1 ноября по 18 мая (198 дней). Впрочем, в инструкции сделано уточнение, что по полупуду сена лошади получали “в то время, когда употребляются” в работе¹⁰⁷. Итак, при “елагинской” норме 12 кг в сутки в барских конюшнях норма равнялась всего 8 кг. А неработным лошадям сена шло вдвое меньше, то есть по 10 фунтов на ночь (4 кг). Если полагать, что в период стойлового содержания лошади были в работе хотя бы три месяца, то общий расход сена на таких животных достигал чуть более 80 пудов (82,5 пуда). Что же касается “неработных лошадей”, то в кашинских селах, по инструкции Т. Текучева, на все 198 суток они получали буквально мизерную норму от 45 до 49,5 пудов сена (по 3,6—4 кг в сутки). И только жеребята (видимо, 1—2-х лет) получали по “елагинской” норме — 148,5 пуда на 198 суток (или 159 пудов на 212 суток). Сено делили на три порции в сутки. “А сена на крупных [жеребят], прибавливая фунтов по 15 в сутки, 3-х и 4-х годовым изредка давать вместе с большими (5-ти — 6-ти лет)”¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Материалы для истории вотчинного управления в России. Учреждение графа П.А. Румянцева 1751 г. (Далее: Учреждение гр. П.А. Румянцева). Подготовил М.В. Довнар-Запольский // Университетские известия. — 1903. — № 12. Прибавления. — Киев, 1903.; Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904.

¹⁰⁵ Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279 — 6—90. Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755—1757 гг. (Далее: Инструкции об управлении...). — Рукопись найдена Е.Б. Смилянской.

¹⁰⁶ Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1903. — № 12. — С. 14.

¹⁰⁷ Инструкции об управлении... Л. 23 об.

¹⁰⁸ Там же.

Ознакомимся теперь с нормативами по овсу. Самый ранний для XVIII в. материал есть по пошехонской вотчине известного государственного деятеля середины XVIII в. П.М. Бестужева-Рюмина, расположенной в 10 верстах от г. Череповца. В его инструкции 1733 г. фигурируют следующие нормы: “Жеребцам стоялым, которые на стойле, давать по 2 штофа чистого овса и по 2 штофа сечки”. Считая в штофе по 0,5 кг овса, получим 1 кг овса и 1 кг сечки (то есть мельчайшим образом иссеченной яровой соломы). На 7 месяцев это составит 13,25 пуда чистого или 26,5 невеянного овса. “А полевым лошадям с поля октября с первого числа (то есть перешедшим на стойловое содержание, но еще днем гуляющим по полям, — Л. М.) давать пушного (невеянного, — Л. М.) овса на 4 лошади по четверику по декабрь месяц”¹⁰⁹. Считая в четверти 5,33 пуда овса, получаем четверик, равный 10,66 кг, а на гарнец придется 1,33 кг (соответственно в штофе 0,499 кг). Следовательно, полевая (рабочая) лошадь получала здесь в день 2 гарнца или 2,66 кг невеянного овса (чистого будет вдвое меньше). Если считать это нормой не до декабря, а на все 200 суток, то всего на лошадь шло 33,2 пуда невеянного (пушного) овса.

В Тверской (Кашинской) инструкции Т. Текучева (1755—1757 гг.) “рабочим [лошадям] в то время, когда употребляютца, сена по 20 фунтов, овса невейного или чистого (пополам с сечкой) — по 2 гарца (гарнца, — Л. М.) в сутки — ноября с первого по май месяц, 18-й день” (то есть на 198 суток, — Л. М.). “А полагая например на 10 рабочих [лошадей] по вышеписанной препорции в каждой день, итого будет сена 905 пудов, овса невейного или чистого (с сечкой пополам) — 50 четвертей 4 четверика и 4 гарнца”¹¹⁰. Таким образом, на 198 суток, считая по 2,66 кг невеянного овса на лошадь в сутки, всего необходимо было 526,7 кг (а на 200 суток — 563,9 кг) или 32,9 пуда (на 200 суток — 33,25 пуда). Иначе говоря, налицо точное совпадение с нормами пошехонского владения П.М. Бестужева-Рюмина от 1733 г. Следовательно, можно говорить об общепринятой в господском хозяйстве практике. Но это сильно отличается от идеальной, по российским обычаям, нормы. В частности, А.Т. Болотов считал идеалом норму в 5,33 кг пушного овса в сутки для рабочей лошади и 2,66 кг — для нерабочей¹¹¹.

Суровость реальной жизни может быть подкреплена и материалом инструкции 1751 г. графа П.А. Румянцева, по которой “стоялый” жеребец получал в месяц по 4 четверика или 2,66 пуда овса¹¹². За 7 месяцев это составит 18,6 пуда. Возможно, что речь шла о чистом, провеянном овсе, поскольку ежедневная его порция равнялась одному гарнцу, то есть 1,33 кг (или 2,66 кг невеянного овса). На 212 суток, таким образом, расходовалось 35,2 пуда пушного овса. Иначе говоря, эта норма на 9 пудов больше, чем

¹⁰⁹ Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье // Русский архив. — 1904. — Кн. 1. — М., 1904. — С. 29—30.

¹¹⁰ Инструкции об управлении... Л. 23—23 об.

¹¹¹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 178—179.

¹¹² Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1903. — № 12. — С. 14.

по инструкции П.М. Бестужева-Рюмина, но столько же, сколько получали рабочие лошади. Наконец, еще один пример. В дворцовом ведомстве по инструкции 1731 г. “стоялый” жеребец (в терминах дворцового ведомства это “кораванный” жеребец) получал на 7 месяцев около 37 пудов овса. Правда, срок “дворового корма” здесь был равен 9 месяцам и общее количество овса достигало 9 четвертей¹¹³. Однако суточная норма от этого не менялась (2,8 кг).

В Пошехонской вотчине П.М. Бестужева-Рюмина вполне сознавали, что рацион этот полуголодный. Поэтому за две недели до припуска к кобылам жеребца-производителя переводили на усиленное питание — на ячменное зерно — по норме вдвое большей, чем овса¹¹⁴.

Рабочие или “разъезжие” лошади во время работы получали в пошехонской вотчине по 2 гарнца овса в сутки, “а в прочем (то есть в нерабочее время, — Л. М.) — сечку, примешивая мало овса” или сечку, облитую растворенной в воде мукою¹¹⁵. Таким образом, мы имеем снова точнейшее совпадение с общепринятой в господских конюшнях суточной нормой: 2,66 кг невейного (пушного) овса на рабочую лошадь. На 7 месяцев это составит 35,2 пуда. В вотчинах П.А. Румянцева неработным лошадям овса не давали “вовсе”, а “довольствовались их сеном и яровой соломой”¹¹⁶. В Кашинской вотчине, по инструкции Тимофея Текучева, неработным лошадям овес все же давали. Только получали они его через день, по утрам по одному гарнцу, то есть по 1,33 кг. В итоге за 99 суток общий расход овса составлял всего лишь 8,23 пуда, а в остальные 99 суток его не давали¹¹⁷.

В пошехонской вотчине П.М. Бестужева-Рюмина на жеребят шло 18,7 пуда чистого овса¹¹⁸. В дворцовом ведомстве было примерно то же самое. Жеребчики-сосунки на 7 месяцев получали всего четверть овса (5,33 пуда, или около 400 г в сутки). Возможно, что эта доза обоснована самой практикой.

“Большие кобылы”, двухлетние и трехлетние жеребята получали в дворцовых волостях на 7 месяцев по 3 четверти, то есть около 16 пудов овса. Еще меньше получали “развозные” лошади, а также “конские жеребчики” и кобылки (возможно, это четырехлетки). На 7 месяцев им полагалось лишь по 2,5 четверти, или по 13,3 пуда овса¹¹⁹.

Экскурс в XVI век

В подтверждение традиционности более чем скромных рационов по кормлению лошадей овсом можно привести любопытные сведения по концу XVI в. Речь идет о содержании лошадей в конюшенных дворах вот-

¹¹³ Волков С.И. Инструкции управителям дворцовых волостей. 1731 г. // Исторический архив. — Т. VI. — М.—Л., 1951. — С. 180—181.

¹¹⁴ Русский архив. — 1904. — Кн. I. — М., 1904. — С. 29—30.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1903. — Кн. 12. — С. 14.

¹¹⁷ Инструкции об управлении... — Л. 23—23 об.

¹¹⁸ Русский архив. — 1904. — Кн. I. — С. 29—30.

¹¹⁹ Волков С.И. Указ. соч. — С. 180—181.

чин Иосифо-Волоколамского монастыря, раскинувшихся по обширной периферии Подмосковья. По “высшему разряду” шли выездные лошади (иноходцы, “брацкие санники”), а также “кошовые” кони, жеребцы-четыrehлетки и т. д. Им “на год надобет овса на 7 месяцев”, по четверти на 10 лошадей на день. На каждую лошадь шло, таким образом, около 57 пудов овса (в “старой четверти” в XVI в. было 2,7 пуда овса)¹²⁰. На день это составит по 4,3 кг. Эта норма, как мы увидим далее, самая щедрая для России. Однако обычные для Западной Европы нормы овсяного годового рациона были еще выше. Русский агроном конца XVIII в. М. Ливанов, изучавший земледелие и скотоводство в Англии, свидетельствует, что рабочая лошадь получала там в год от 22 до 25 четвертей овса, то есть от 117 до 133 пудов овса, иначе говоря, в течение года лошадь получала в сутки 5,13—5,8 кг овса¹²¹. Близкая к этому уровню норма была и во Франции.

Другая категория монастырских лошадей — это “стадные кобылы”, жеребята “селетки”, мерины “делавые” и т. д. Они получали по норме: на 10 лошадей осмина овса в день (т. е. полчетверти, или 1,33 пуда). Итоговый расход на голову в этой группе — 28,6 пуда на 212 дней (на 198 дней — 26,7 пуда). Это самый скудный режим кормления (по 2,1 кг, вероятно, невянного овса). Однако у старцев на таком рацоне сидели даже рабочие лошади (“кобылы деловые”). Лишь за 8 недель до сева, “перед сохою и в сошную пору”, их переводили на корм по первому разряду (4,3 кг в сутки).

В целом рабочие лошади, занятые на пашне, получали на 212 дней по 33,6 пуда овса. В среднем же 307 монастырских лошадей получали на 7 месяцев по 28,45 пуда овса (или по 2,15 кг в сутки)¹²².

Соломенные рационы В приведенных выше материалах нет рационов для рогатого скота, поскольку проблема его кормления не так занимала умы приказчиков, как содержание коней. Однако из приведенных советов В.Н. Татищева четко следует, что основная пища рогатого скота — гуменный корм и солома. В частности, в инструкции П.А. Румянцева есть строгий наказ: “По обмолоте каждого овина тот гуменный корм и еровую солому разделить всякой скотине по состоянию в корм”¹²³, “лучшее и само чистое отбирая, употреблять на телят, а потом оставшее лутчее — коровам, а достальное — быкам, применявая потребное число сечки, которой всегда чтоб без недостатку нарезывано было”¹²⁴.

¹²⁰ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря. 1590—1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова (Далее — Вотчинные хозяйственные книги). — Т. I. — М.—Л., 1976. — С. 32—33.

¹²¹ Ливанов М. О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. — Николаев, 1799. — С. 143.

¹²² Вотчинные хозяйственные книги. — Т. I. — С. 32—33.

¹²³ Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1904. — № 6. — С. 52.

¹²⁴ Там же. — С. 54.

В неурожайные и ненастные годы весь скот был на голодном пайке, что случалось даже в дворцовом хозяйстве. В 1763 г. в дворцовых селах центральных уездов России на 984 лошади было израсходовано за год 177120 пудов сена (по 180 пудов на лошадь, что является идеальным рационом). Обычно же при норме 18,5 пудов сена на месяц за 7 месяцев расходовалось около 130 пудов. Кроме того, была еще яровая солома (24 пуда на голову) и овес (56 пудов за 7 месяцев на голову)¹²⁵. Нормы, как видим, поистине царские и намного больше, чем в дворянских конюшнях и скотных дворах. Но все это в благополучные годы. Между тем есть сведения о кормлении скота в неурожайные годы. Таким был, например, 1745 год и ряд лет после него. Доля сечки и соломы тогда резко возрастала.

Даже в инструкции дворцовым приказчикам 1731 г. доля соломы в обычной практике была очень большой. Так, “кобылам большим и двух- и трехлетним жеребяткам” на семь месяцев на голову в среднем шло 5 возов соломы¹²⁶. Считая на один воз по 100 снопов, а в сотне овсяных снопов 5,8 пуда¹²⁷, в итоге получим 29 пудов на голову. По А.В. Чаянову, 10 пудов соломы эквивалентны 6 пудам сена (только по калорийности!)¹²⁸. Следовательно, 29 пудов соломы заменяют 17,4 пуда сена. На жеребца-производителя (“стоялого” или “караванного”) шло 18 возов соломы¹²⁹, то есть 104,4 пуда, а это заменяло 62,6 пуда сена. Самого же сена (считая в мерной копне 15 пудов) было лишь по 40,5 пуда. В итоге племенной жеребец получал на 9 месяцев 103,6 пуда, или в сутки около 6 кг сена. Норма, рассчитанная, пожалуй, только на выживание животного.

До солнца пройти три покоса — ходить будет не босо

О возможностях содержания скота в крестьянском хозяйстве мы можем судить по вышеприведенным данным о среднем количестве скота на одנותяглое, “средственного”, крестьянина (2 лошади, 2 коровы, 2 овцы). По “елагинским” нормам, на такое поголовье на 7 месяцев необходимо было создать запас сена примерно в 622 пуд. А одנותягловое среднее хозяйство реально накашивало около 300 пудов сена¹³⁰. Расчет календарных возможностей для работы в сенокосную пору подтверждает эту цифру. Конкретными данными о дневной производительности косцов мы не располагаем, ибо в барском хо-

¹²⁵ Индова Е.И. Указ. соч. — С. 244.

¹²⁶ Волков С.И. Указ. соч. — С. 180—181.

¹²⁷ Петровская Н.Ф. Наказы вотчинным приказчикам. Первая четверть XVIII в. // Исторический архив. — Т. VIII. — М.—Л., 1953. — С. 228.

¹²⁸ Чаянов А.В. Указ. соч. — С. 116—117.

¹²⁹ Волков С.И. Указ. соч. — С. 180—181.

¹³⁰ Труды ВЗО. — 1767. — Ч. VII. — С. 85; — 1769. — Ч. XII. — С. 97—101; — 1770. — Ч. XIII. — С. 12—13; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 301, 325; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 28, 40, 48, 59, 78, 131, 132, 144, 161; Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 282 и др.

зяйстве эти работы выполнялись либо сгоном, либо урочно, но урок ложился на семью, а не работника. Правда, в нашем распоряжении есть материалы польских инструкций по производительности труда на барской косьбе во второй половине XVIII — начале XIX в. (*“dwóch kosców powinni skosić morg sianożęci”*). Считая в десятине два морга, получаем норму в 4 дня на десятину. Однако она рассчитана на худой укос. При среднем укосе тратится 5 дней, а при хорошем — 6 дней¹³¹. Материалы, опубликованные А. Скребицким для середины XIX в., ориентируют на более высокую производительность в 4 дня и иногда в 5 дней¹³². В XVIII в., видимо, более реальна средняя норма в 5 дней. Итак, при сроке сенокоса в 30 дней косец-мужчина должен был иметь 18—20 дней для чистой косьбы, скашивая по 0,2 дес. в день. Расход времени на сушку равен был как минимум неделе. Время на возку и стогование можно оценить как 3—4 дня. То есть на все 30—32 дня.

Вопрос об укосе, причем типичном, усредненном, может быть решен в первом приближении. А.В. Чаянов в 20-е годы XX в. считал средний укос по России в 100 пуд. с дес.¹³³. Справочники 50-х годов XX в. дают обычный выход сена с десятины (га) около 1 т (62 пуда)¹³⁴. Вышеприведенные материалы по укосам Московской губ. в 80-е годы XVIII в. итожат средний укос на уровне 82 пуда с дес. А ведь это наиболее благополучные по укосам районы.

Тем не менее, для наших расчетов возьмем за исходную цифру 80 пудов с дес. Следовательно, месячная работа одנותяглового крестьянина-косца дает нам площадь покоса примерно в 4 дес., и при укосе в 80 пуд. с десятины общий итог будет равным 320 пудам, то есть результат очень близок к сведениям наших источников.

Таким образом, если в одנותягловом хозяйстве 2 лошади, 2 коровы и 2 овцы, то есть 4,5 головы крупного скота (считая по кормам 4 головы мелкого скота за одну голову крупного), то в среднем на голову получим лишь 66,7 пуда сена. В этом случае на лошадь в идеале придется около 70 пудов, на корову около 50 пудов, а на овцу около 30 пудов, а практически и овца и корова получали по 37—38 пудов сена, то есть одинаковую норму, поскольку овца питалась только сеном (не считая веников), а корова часто ела одну солому. Именно с этим обстоятельством связан, между прочим, обычай крестьян основной территории России держать минимум овец: “...многие люди рассуждают: чтоб овец меньше иметь, будто оне весьма без-

¹³¹ Polskie instruktarze economiczne z konca XVII i z XVIII wieku / Wydal St. Pawlik. — Kraków. — 1915. — S. 106. См. также: S. 190 (косьба средней доброты сена занимала 2,5 дня на один морг, плохого — два дня на морг, доброго — три дня). Данные по Слонимскому и Дзешненскому поветам.

¹³² Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. — Т. III. — Бонн-на-Рейне. — 1865—1866. — С. 366—367.

¹³³ Чаянов А.В. Указ. соч. — С. 116.

¹³⁴ Справочник председателя колхоза. — Кн. II. — М., 1956. — С. 546.

прибыльны, потому что оне содержатся на сене”¹³⁵. Такова была реальность. Если же ориентироваться на нормы кормления И. Елагина (то есть *нормальные*), то для того, чтобы получить 622 пуда, однодояговое крестьянское хозяйство должно было иметь около 50 дней сенокоса и примерно 8 десятин покоса, что являлось чистой фантазией. Разумеется, сено крестьяне заготавливали и после сенокосной поры, а иногда косили до сентября. Но все это делалось урывками, косили где придется, вечерами, а может быть, и ночами, брали и “неверную отаву”, то есть наименее питательную траву (а ведь если ее сдавали барину, то виновника за это нещадно секли). Самое же главное состояло в том, что для подобного благоприятного варианта заготовки сена не было реальной основы. Вышеприведенные сводные данные об обеспеченности в конце XVIII в. сенокосами свидетельствуют, что в Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Калужской губерниях в расчете на мужскую душу приходилось всего 0,4—0,7 дес. сенокоса. На крестьянское однодояговое хозяйство (4 души обоего пола) это составит примерно 0,8—1,5 дес. сенокоса.

Видимо, постоянное ограничение возможности сенокосения во времени содействовало и тому, что в течение веков сформировалась и соответствующая система соотношения лугов и пашни.

Экскурс в старину

С момента уточнения Г.В. Абрамовичем размера “двусаженной” мерной веревки для учета запасов сена (4,79 м)¹³⁶ стало возможным точно фиксировать традиционные нормы кормления коров в более ранний период, в частности, нормы в Иосифо-Волоколамском монастыре по хозяйственным книгам конца XVI в. А.А. Шапиро считал эти нормы мизерными (“на корову на одну копна сена мерная на 12 недель”, а на овцу — на 10 недель), ибо, имея одну лошадь и одну корову, крестьянин “сравливал” им всего 105 пудов сена (корове 30 пудов, а лошади — 75 пудов)¹³⁷. В этом случае, действительно, корове в сутки доставалось лишь 2,4 кг, а лошади — 6,0 кг сена.

Проверка этих расчетов вполне подтверждает, что это еще не худшие нормы. Дело в том, что А.А. Шапиро использовал данные К.Н. Щепетова по хозяйственным книгам Иосифова монастыря за 1592 год, который, види-

¹³⁵ Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки. — С. 12—13.

¹³⁶ Абрамович Г.В. Некоторые изыскания из области русской метрологии XV—XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. — Т. XI. — М., 1963. — С. 365—366. Речь идет о конкретной длине “мерной сенной двухсаженной веревки”. Длина ее оказалась две сажени с аршином (и это поперечник копны, а по окружности в копне 3 сажени). В практике обмера и взвешивания сена есть несложная формула $СП^2/33$, где С — окружность, П — перекидка через копну). Подставляя значения, получаем объем традиционной для средневековья копны в 4,8 куб. м. Средняя плотность сена $1 м^3 = 50$ кг. Таким образом, в мерной копне 15 пудов сена. Г.В. Абрамович средний укос с десятины принимает за 60 пудов.

¹³⁷ Шапиро А.А. Русское крестьянство перед закрепощением. — Л., 1987. — С. 24—25.

мо, был благоприятным для животноводства, ибо общий укос в монастыре достигал 9 тыс. мерных копен (около 134 тыс. пудов)¹³⁸. Среди многообразных расходов сена старцы выделили на продуктивный скот всего 3274 мерных “двусаженных” копны¹³⁹. А так как в хозяйстве монастыря было 489 коров, бычков и телок, а также 939 овец, то в среднем на голову пришлось 2,3 мерных копны, или 34,5 пуда, что близко к данным А.Л. Шапиро. На 385 лошадей монастырские старцы выделили 2 тыс. мерных копен, то есть в среднем всего на лошадь пришлось 5,2 копны, или 77,9 пуда (или по 6,3 кг в сутки)¹⁴⁰.

Но хозяйственные книги этого же монастыря содержат данные о гораздо более худших рационах кормления скота. В 1594 г. было резкое снижение норм “стравливания” сена: “на корову на одну копна сена мерная на двадцать восемь недель”, “а на овцу на одну копна сена мерная на двадцать недель”¹⁴¹. Во всех подразделениях (“приказах старцев”) на 541 корову, бычков и телят, а также на 936 овец было выделено только 1878 мерных копен “двусаженных”, что в среднем составило всего по 1,24 копны или по 19 пудов на голову на 7 месяцев стойлового содержания¹⁴². Иначе говоря, по сравнению с 1592 г. рацион был снижен вдвое. Если в 1592 г. корова получала в сутки 2,8 кг сена, то в 1594 г. норма была снижена до 1,2 кг, а для овцы норма с 3,4 кг снижена до 1,7 кг (у овцы сена больше, чем у коровы). Старцы-управители, хорошо сознавая бедственное положение с кормами, трагичность всей ситуации, каждому содержателю стада напоминали: “...беречи того напрасно: тем свое приказное стадо кормити, что ему написана в сей росписи. А лишняго ему сена мимо с[и]ю розписи отнюдь не довати”¹⁴³. Конечно же, скотники нарушали этот запрет, но если и прибавляли скотине сена, то увеличить значительно столь мизерную норму они не могли.

С содержанием лошадей в монастыре в 1594 г. было немногим лучше. На самый скудный рацион в 3 мерных копны на 7 месяцев стойлового содержания были посажены “служние”, то есть “привилегированные” лошади (возившие седоков, вероятно, из монастырской братии и управленцев). Это 45 пудов на сезон, или по 3,4 кг на сутки (правда, столь голодная норма сена компенсировалась очень приличной дозой овса). Остальным лошадям полагалось 60 пудов на 7 месяцев, или по 4,5 кг в сутки¹⁴⁴. Таким образом, рабочий скот монастыря был в 1594 г. на том же положении, что и “неработающие” лошади в барских усадьбах XVIII в., то есть им задавали сена в 2,7—3,5 раза меньше полновесной нормы¹⁴⁵.

¹³⁸ Вотчинные хозяйственные книги. — С. 62—83. Подсчет наш, — А. М.

¹³⁹ Там же. — С. 109.

¹⁴⁰ Там же. — С. 84—109. Подсчет наш, — А. М.

¹⁴¹ Там же. — Ч. II. — С. 270.

¹⁴² Там же. — С. 266—298. Подсчет наш, — А. М.

¹⁴³ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. — Ч. II. — С. 293, 294 и др.

¹⁴⁴ Там же. — Ч. II. — С. 266—291, 293, 294, 298 и др. Подсчет наш, — А. М.

¹⁴⁵ Осьминский Т.И. Бюджет пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1731 г.). // Вопросы аграрной истории (Материалы научной конференции). — Вологда, 1968. — С. 362.

Следует подчеркнуть при этом, что сена на зимний корм выделялось столь мало не потому, что скудны были заготовки того или иного года. И в 1592 г., и в 1594 г. монастырем ежегодно заготавливалось свыше 9 тыс. мерных копен, или свыше 135 тыс. пудов сена. Но оно шло на самые разные нужды обширного хозяйства монастыря, а часть его даже продавалась. Стало быть, дело не в каких-то экстраординарных обстоятельствах. Так было принято!

Что касается практики крестьянского хозяйства, то ситуация вполне очевидна. В одנותягловом дворе корова на период стойлового содержания получала примерно столько же сена, что и овца (чуть более 40 пудов, а иногда и меньше), а лошадь — около 70 пудов, что более чем вдвое ниже норм XVIII в. По данным Т.И. Осьминского, на рабочую лошадь в крестьянском хозяйстве расходовалось в среднем не более 15—20 пудов овса, чаще же гораздо меньше, в то же время в Англии годовой расход овса на рабочую лошадь был в 7—8 раз больше.

**Ела кашу коса —
ходи ниже,
не ела каши коса —
бери выше**

Между тем даже скромные запасы сена оставались крестьянину тяжким трудом. В сенокосную пору вся крестьянская семья экономила буквально секунды драгоценного времени.

А.В. Друковцев называет этот период “волово́й работой”. Проезжая район г. Киржача Владимирской губ., И.И. Лепехин под впечатлением пустых деревень пишет в дневник: “...страдная пора, которая от сельских жителей потому называется, что в сию пору начинается сенокос... ибо, принявшись за работу, крестьяне оставляют свои дома почти пустыми...”¹⁴⁶. “Всякий тут со своим семейством прилагал труды к трудам”¹⁴⁷. Выехав в луга, крестьянская община устраивала таборы. В одной из инструкций читаем: “...таборы косцам занимать окружно, при воде, в конце лугов, а не в середине”. “Окружно”, то есть оградив себя по кругу телегами и одрами для возки сена. На сенокосной барщине строго следили за тем, чтобы “в дома не доработав отнюдь не пускать”¹⁴⁸. Крестьяне, особенно на своем сенокосе, неделями, питаясь кое-как, жили в таборах. В.Н. Татищев, хорошо зная этот “сенокосный” (да и “жатвенный”) быт, дает в своих записках весьма любопытный совет: “в летнее время делать сыры молошныя, пахотное масло, ибо способно употреблять во время работы летом *по неимению случая варить пищу от поспешности в работе*” (курсив мой, — Л. М.)¹⁴⁹.

И тем не менее, несмотря на сверхнапряженные усилия, великорусский крестьянин не мог обеспечить свой скот полноценным кормом, и основой пи-

¹⁴⁶ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий по России, изданных Императорской Академией наук. — СПб., 1821. — С. 9.

¹⁴⁷ Там же. — С. 6.

¹⁴⁸ Волков С.И. Указ. соч. — С. 184.

¹⁴⁹ Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки. — С. 27.

тания оставался гуменный корм: солома, ухвостье, мякина и т. д. Причем так было не только у крестьянина, но и у барина. На Западе Европы яровая солома также была кормом для скота, но отнюдь не в таких дозах, как в России.

Поэтому практически урожай зерновых испокон века оценивался двояко: какова солома и каково зерно? В хозяйственной терминологии документов бытовали термины “ужин” и “умолот”. Первый относился к соломе, а второй к зерну (например, “хлеб ужинист, но мелкоколосен” и т. д.). Но солома была кормом, лишенным витаминов, имеющим умеренную калорийность, кормом, скорее вредным для животных (особенно если солома прокопченная в дыму овинов, от нее скот худел, да она была и горькая на вкус, как уверяют агрономы XVIII в.). Наиболее тяжелой и грубой пищей была ржаная солома, которая шла в ход, когда ничего иного не оставалось. Средневековые животноводы предпочитали ячменную солому (“а овсяной и гороховой, что у них зубы крошатся и животные болезни бывают — не давать”)¹⁵⁰. Но ячменной соломы, кроме северных окраин России, было слишком мало, и в ход шел весь “гуменный корм”.

Привыкай коровка ко ржаной солодке

В России, однако, не всегда хватало и соломы. В тяжелые годы даже в дворянском хозяйстве обычной рабочей лошади задавали лишь 46,5—49% полагающегося “соломенного” рациона, и это при том, что основной корм (сено) был в величайшем дефиците (20 пудов на голову на 7 месяцев)¹⁵¹.

Чтобы прояснить ситуацию в обычном крестьянском хозяйстве, проведем следующий расчет. По А.В. Чаянову, с десятины ярового посева (овса) в России получали в среднем около 70 пудов соломы. Каждые 100 снопов весили 5,8 пуда (один пуд — это 17,3 снопа). На каждые 6 пудов сена замена соломой (по калорийности) должна составить 10 пудов¹⁵². В типично среднерусской губернии (а у нас есть данные о количестве снопов, получаемых с посева четверти зерна всех озимых и яровых культур по 7 уездам Тверской губ. за 80-е годы XVIII в.) на десятину ярового посева в пересчете на овес получали в среднем 1214 снопов соломы, то есть те же 70 пудов¹⁵³. Таким образом, если в одנותягловом крестьянском хозяйстве яровые посевы составляли бы 2—2,5 дес., то, в пересчете на овес, можно было бы получить чуть более 180 пудов яровой соломы.

Теперь посмотрим, сколько ее было нужно. Если практическая норма сена на крестьянскую корову составляла примерно 40 пудов, то до полной,

¹⁵⁰ Инструкции об управлении... — Л. 23 об.

¹⁵¹ Волков С.И. Указ. соч. — С. 180—181.

¹⁵² Чаянов А.В. Указ. соч. — С. 116—117.

¹⁵³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 74, 83, 94, 105, 129, 141; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 53; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 294.

по И. Елагину, нормы (107 пудов) не хватало около 67 пудов сена. Эквивалент этому дефициту составил бы в соломе 111,7 пуда. При практической ориентировочной норме сена для лошади в 70 пудов до полной нормы нужно было бы добавить 90 пудов. Эквивалент в соломе составил бы 150 пудов. Итак, суммарный эквивалент дефицита сена для лошади и коровы составил бы около 262 пудов соломы. Но мы знаем, что для одנותяглового хозяйства максимум яровой соломы не превышал 180 пуд. Дефицит существенен — 31%. Но ведь и это лишь расчет, ибо реальный посев чаще всего был меньше (на 1,5 дес. ярового посева соломы могло быть около 105 пуд.).

Так как же среднее крестьянское хозяйство умудрялось держать 2 лошади, 2 коровы, да еще 2 овцы, не говоря о свиньях? Здесь вполне уместно вновь вспомнить совет В.Н. Татищева своим современникам кормить племенных свиней лошадиным калом с присыпкою отрубей, да и его замечание, что на худой конец и коров можно (!) этим же кормить (!). На практике, вероятно, в ход шла ржаная солома — грубый и тяжелый корм. Хотя и ее было не так много. Ведь ржаной соломой крестьянин крыл и ремонтировал крышу жилых и хозяйственных построек, она же шла на подстилку скоту (а ее менять надо было хоть раз в неделю, ограничившись в остальные дни ворошением подстилки вилами...).

Нужда не ждет ведряной погоды

В итоге скот на огромных пространствах Черноземья держали впроголодь — лишь бы давал навоз (но реально не хватало и навоза).

К весне в скотных дворах крестьян была тревожная атмосфера. Еле стоявших на ногах животных иногда и подвешивали на веревках. “К весне, а особливо, если она не рано вскроется, оказывается великий недостаток в корме, и в сие время без жалости, — писал А.Т. Болотов, — на скотину взглянуть не можно. Тут она обыкновенно и мрет”. “Лошади [же] так смариваются, что весною не прежде на них начинают пахать, как покажется довольный корм в поле”¹⁵⁴. А ведь тут подстерегала еще одна беда: истощенная на дворовом корме лошадка набрасывается на молодую траву и от этого получает новую хворь. Поэтому крестьяне старались выпускать скот уже на подростшую, “заматерелую” траву, отчего задерживались сроки вспашки, боронования и сева: “куда ни кинь — всюду клин”. Весенняя работа — самая тяжелая из-за слабости рабочего скота. Г.И. Шипов в инструкции управителю села Любашевки Ефремовского уезда так и пишет: “У них (у крестьян, — Л. М.) лошади... весною от бескормицы тощи и малосильны”¹⁵⁵. Вследствие веками сложившихся стереотипов крестьяне добровольно ограничивали запасы сена и при хорошем укосе в некоторых селах сено даже про-

¹⁵⁴ Болотов А.Т. Замечания о неравенстве в нашем отечестве, а больше еще в карачевских местах скотоводства с земледелием // Экономический магазин. — 1784. — Ч. XVIII. — С. 36—44.

¹⁵⁵ Университетские известия. — 1909. — № 7. — Киев, 1909. — Прибавления. — С. 240.

давали. В итоге такого содержания и разведения скота в огромной части России крестьянский скот был мелок. И.И. Комов откровенно заявлял: "...лошади у крестьян малорослы"¹⁵⁶. Чуть более оптимистично пишет И.Г. Георги: "Русские лошади средней величины, имеют большия головы, уши повислые почти, большия, некрасивыя, но бодры, крепки и рьяны. Рогатая скотина не крупна, но бодра. Коровы дают немного молока и то жидкого..."¹⁵⁷. Т.И. Осьминский по материалам пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина, где продуктивное скотоводство было на высоком уровне, подсчитал среднюю урожайность коров и выяснил, что в год корова давала 50 ведер, или 600 л молока¹⁵⁸. Однако жирность этого молока здесь была выше средней, ибо в господском стаде от каждой коровы получали в год пуд масла. Обычно же в помещичьих инструкциях речь идет о норме в размере 30 фунтов от коровы (примерно 12 кг). Так, в инструкции в дворцовые волости читаем: "А скопы от коров... от каждой по 30 ф. масла самого доброго и чистого с солью"¹⁵⁹. Такие удои в XVIII в. — это итог довольно существенного прогресса, хотя по современным меркам это удои хорошей козы.

Тем не менее, например, в начале XVII в. примерно в этих же краях ситуация была много хуже, что явствует, в частности, из записок Ст. Немецкого (1606—1608 гг.), жившего ряд лет в районе Белоозера. "Скотный двор построен (у крестьян, — Л. М.) довольно скверно: как скоро стелится корова, теленку не дают сосать: только выдоивши корову, поят того теленка, которого желают вскормить... Поэтому теленок смолоду изнурен и скот несколько мелок, как это хорошо видно на ютовых шкурах. Скотину мало кто выращивает и у бояр, и у крестьян. Зима действительно длинная и три четверти года надо скот кормить в скотном дворе... Масла не умеют делать, сметаны не собирают: она горкнет. Как скоро масло приготовят, его топят... Коров летом и зимою только два раза в день доят..."¹⁶⁰

Разумеется, скепсис поляка велик: ведь в Польше сезон земледельческих работ существенно дольше, интенсивность нагрузки слабее, скот на пастбище пасется гораздо дольше, кормов нужно меньше. А отсюда и удои больше, и молоко жирнее, и сметану можно собрать быстро, и сыры могут зреть дольше и быть янтарно-желтыми и т. д. Для него сливочное масло, сметана, различные сыры были элементарным предметом питания. А в России "русское масло" — это масло топленое, и оно было главной целью "скопа", то есть накопления продуктов переработки молока. Конечно, у крестьян была и сметана, но ее было мало и ели ее в праздники. Тем не менее, в XVIII в. скота, как мы видели, было побольше. Несмотря на постоянный дефицит

¹⁵⁶ Комов И. О земледельных орудиях. — СПб., 1785. — С. 57.

¹⁵⁷ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов (Далее — Георги И.Г. Описание... народов). — Ч. IV. — С. 163.

¹⁵⁸ Осьминский Т.И. Указ. соч. — С. 366.

¹⁵⁹ Волков С.И. Указ. соч. — С. 183.

¹⁶⁰ Записки Станислава Немецкого (1606—1608). — М., 1907. — С. 164.

кормов, крестьяне умудрялись в Нечерноземье выкормить и бычка на продажу, и даже овцу. Да и доили коров в XVIII в. уже, как правило, трижды в день.

Разумеется, у прослойки зажиточных крестьян и количество скота было больше, и содержание его было лучше. О богатых крестьянах, “хороших хозяевах”, А.Т. Болотов писал: “...рабочей лошади добрые хозяева дают в сутки сена полпуда, соломы 10 фунтов и пол четверика овса (это даже слишком много, — Л. М.). А нерабочей — овса по гарнцу по утру и в вечеру и соломенную сечку, пересыпанную ржаною или овсяною мукою”¹⁶¹. Для них и для “бояр” совет А.Т. Болотова: “...не надлежит лошадей кормить только овсом: от такой пищи бывают они многокровны и происходят на теле выметки... Не полезно также содержание их и на одной траве, имеющей в себе излишество соков. От того лошадь в работе делается слаба и истомчива, но рогатой и другой скотине трава весьма здорова”¹⁶².

В среде богатых крестьян и помещиков сложились свои представления о породистом скоте. “Быки некладенные”, то есть производители, должны быть “не старше 12 и не моложе трех годов”: “рослые, крепкие, головастые, грудастые и не высоконогие”¹⁶³. Племенные овцы должны быть “широкогрудистые, короткорогие с меренкою шерстью”, а бараны — “рослые, лобастые, широкогрудистые... круторогие... чтоб белы были”¹⁶⁴. В среде дворян и управителей имений эти критерии отбора скота были общеприняты¹⁶⁵.

А вот другие советы, другим крестьянам, у которых вопросы селекции и отбора скота отнюдь не были актуальны. Имея их в виду, В.Н. Татищев высказывает в высшей мере оптимистичное положение: “...скотина ж без всякой нужды без лугов (!) продовольствоваться может одним полевым кормом”, то есть соломой, ухоботьем, мякиной, ухвостьем и т. п.¹⁶⁶ Понимая, что от такого корма хорошего скота не будет, В.Н. Татищев помещикам советует “на племя давать (крестьянам, — Л. М.) корову, овцу, свинью, гусей пару”¹⁶⁷ и т. д.

Защити мою коровушку, святой Егорий, Власий и Протасий

К весне кормов в крестьянском хозяйстве не хватало. Поэтому иногда пастьба началась очень рано, как только сойдет снег, хотя по закоренелым обычаям выгон скотины был лишь на Егория. Но в плохой и тяжелый по кормам год приходилось и по еще не сошедшему снегу гонять скотину в лес на веточки¹⁶⁸.

¹⁶¹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 179.

¹⁶² Там же. — С. 179—180.

¹⁶³ Учреждение гр. П.А. Румянцева. — С. 15.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Инструкции об управлении... — Л. 23 об.

¹⁶⁶ Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки. — С. 12—13.

¹⁶⁷ Там же. — С. 19.

¹⁶⁸ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 14—16.

Причем не хватало зимнего корма не только в Нечерноземье, но и в ряде черноземных районов¹⁶⁹. В частности, сплошной подсчет данных, проведенный В.П. Яковлевой по 8 уездам Тамбовской губ. за 30—40-е гг. XIX в., дал следующий результат. У барщинных крестьян в среднем на голову крупного скота в Елатомском у. приходилось 31 пуд сена, в Шацком у. — 8,8 пуда, в Темниковском у. — 22,7 пуда, в Спасском у. — 12,4 пуда, в Моршанском у. — 14,2 пуда, в Тамбовском у. — 21,7 пуда, в Козловском у. — 13,2 пуда, в Кирсановском у. — 13,2 пуда. У государственных крестьян обеспеченность сеном в расчете на голову крупного скота была столь же удручающе. В Елатомском и Шацком уездах на голову крупного скота было 24,5 пуда сена, в Темниковском у. — 13,5 пуда, в Моршанском у. — 12,2 пуда, в Козловском у. — 8,9 пуда, в Тамбовском у. — 17,7 пуда и в Кирсановском у. — 9,5 пуда. И только в господском хозяйстве, то есть в крупном крепостном производстве, обеспеченность сеном скота резко возрастает, хотя остается иногда далекой от нормы. В Елатомском у. эта обеспеченность равна 62,4 пуда на голову крупного скота, в Шацком у. — 26,1 пуда, в Темниковском у. — 66,9 пуда, в Спасском у. — 52,9 пуда, в Моршанском у. — 101,2 пуда, в Тамбовском у. — 92,6 пуда, в Козловском у. — 81,6 пуда и в Кирсановском у. — 93,3 пуда¹⁷⁰. Такого рода подсчеты особенно важны, ибо иных примеров массовой статистики обеспеченности скота сеном в литературе нет. Однако данные по обеспеченности сенокосами подтверждают вышеприведенный материал и по Тамбовской губ., и по другим районам. Так, на душу м. п. в Рязанской губ. было 0,62 дес. сенокосов, в Тульской губ. — 0,46 дес., в Орловской губ. — 0,66 дес., и только в Курской губ. — 0,9 дес.

Между тем, в Нечерноземье, далеко на севере было уникальнейшее место в низовьях Северной Двины, где продуктивное скотоводство было на гораздо более высоком уровне. Несмотря на суровый климат, здесь была великолепная кормовая база — широкая пойма Двины с заливными лугами по берегам и многочисленным островам на протяжении 200 км. Травы поймы обладали исключительными питательными свойствами и были основным, практически единственным кормом рогатого скота и зимой и летом. При зимнем содержании в сутки на корову шло примерно около пуда сена. Если была добавка овсяной или ячневой (иногда ржаной) муки, сена шло несколько меньше. Лишь в менее состоятельных хозяйствах в рацион включались солома и мякина. Правда, то и другое в небольшом количестве, т. к. пашен здесь было сравнительно мало. Большая часть сена шла сухим кормом и лишь немного — в запарке. Интересно, что в практике двинского скотоводства имела место регулярная солевая подкормка (ок. 40 г в сутки)¹⁷¹. Это было возможным благодаря ближайшему расположению соляных месторождений и дешевизне соли.

¹⁶⁹ Болотов А.Т. Замечания о неравенстве в нашем отечестве, а больше еще в карачевских местах скотоводства с земледелием // Экономический магазин. — 1784. — Ч. XVIII. — С. 36—44.

¹⁷⁰ См.: Яковлева В.П. Указ. соч. — Сс. 100, 160, 51.

¹⁷¹ Резников Ф.И. Скотоводство в низовьях Северной Двины в XVII—XVIII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IV. — М., 1960. — С. 129.

В летний период скот пасли в основном на островах с прекрасными водоями без пригона в скотные дворы. Уникальный корм поймы сказывался на качестве рогатого скота, вес которого был почти вдвое больше обычного (300—350 кг), а удойность, по оценке Ф.И. Резникова, составляла 12—20 л в сутки. Доеание было 2, иногда (видимо, в продленные дни) 3 раза в сутки¹⁷².

В XVIII веке холмогорское скотоводство имело ярко выраженный племенной характер. Особо благоприятные условия поймы еще с XVII в. дали прочную основу для целенаправленной селекционной работы. Быков здесь, в отличие от всей России держали и пасли отдельно. Селекция шла в трех основных направлениях. Прежде всего это создание особо рослой крупной породы коров и быков. В практике крестьянского скотоводства сформировалось два критерия рослости скота (высота у холки животного и длина от холки до крестца или от холки до бедра). Холмогорский скот, по данным 1757 г., был очень крупным. Если обычный новгородский скот имел высоту у холки 93—111 см, то холмогорский — 120—128 см. Ему уступал даже украинский, так называемый черкасский скот (115—125 см). По живому весу холмогорский скот в среднем на 145 кг тяжелее черкасского и на 235 кг новгородского. Вес быков доходил до 400 кг¹⁷³. Это было выдающееся явление в области зоотехники и племенного скотоводства¹⁷⁴.

Скоту тепло — корма меньше

Зимой холмогорский скот помещался в хлевах, которые строились под одной крышей с жилым домом. Чаще всего над хлевами располагался сенник. В условиях лютых северных морозов скот был таким образом надежно от них укрыт. Весьма сходными были условия зимнего содержания в соседнем Олонецком наместничестве. Наблюдатель пишет об этом следующее: "...рачительный присмотр и содержание онаго [скота] чрез всю зиму в покрытых и теплых хлевах в находящемся в нижнем жиле двора под сараями, сеном и соломою наполненными, делает его гораздо лутчим в сравнении с [скотом], родящемся в других ближе к северу лежащих провинциях"¹⁷⁵. Зажиточные крестьяне на юге Олонца коров, свиней, овец держали в мшенниках и овчарнях¹⁷⁶. Однако на том же Архангельском Севере, в Шенкурском у. в хлевах зимою помещались лишь дойные коровы и овцы. "Прочая скотина стоит и бродит по дворам и улицам, много претерпевает от стужи"¹⁷⁷.

В Тверской губернии как, видимо, и в большинстве районов Центра, коров, телят и даже овец держали частью в жилых избах, частью в омшан-

¹⁷² Резников Ф.И. Указ. соч. — С. 120—124.

¹⁷³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 34 об.

¹⁷⁴ Резников Ф.И. Указ. соч. — С. 115—135. Известную роль при этом сыграл и завоз в XVIII в. в Архангельск нескольких экземпляров рогатого скота голштинской породы.

¹⁷⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 62 об.

¹⁷⁶ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... до южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XIII. — С. 10—12.

¹⁷⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 81.

никах. Остальной скот оставался на скотном дворе, над которым на зиму крыли соломенную крышу. Корм распределяли по яслям, колодам, прутьяным плетухам или просто валили кучами поверх застилаемой для навоза соломы¹⁷⁸. Примерно такие же условия были и во Владимирском уезде, где в стужу скот находился “в огороженных заборами и плетнями, покрытых соломой дворах”. Овец, свиней и годовалых телят держали в теплых омшанниках, а коров “для обогрева” и дойки помещали в избу¹⁷⁹. В Рязанской провинции “каждый крестьянин содержит скот зимою под навесами. Где есть лесные места, то сии навесы огорожены бывают забором, а в безлесных — плетнем и от ветру и снегу скважины затыкают мхом и соломой”¹⁸⁰. В Каширском уезде “вокруг крестьянского двора полусараи или навесы, крыты соломой”. Под навесами делают для скота хлевы, закуты и плетенки, распределяя каждый вид скота в особое место. На юге Тульской губ. обычно делали “скотинные сарайчики” со стенами, оплетенными хворостом¹⁸¹. Такие же полусараи были и южнее. Так, в районе Саратова скот стоял в зимнее время в “отчасти отверстых сараях, кои не что иное суть как навесы, построенные вокруг двора, имеющие токмо с трех наружных сторон стены... Покрыто сие строение старою соломой”¹⁸². Вероятно, так же было и в Воронежской губернии, поскольку, например, в Острогожской провинции “скотные дворы и овчарни построены по крестьянскому обычаю”¹⁸³.

Хранение сена

Столь же традиционны были и способы хранения кормов (сена и соломы). Это скирды и стоги. Обычная величина стога от 100 до 300 пудов. Такой способ хранения сена считался наиболее рациональным. Сено сохраняло свои питательные свойства год и более. По наблюдениям А. Олишева, гнила при этом лишь одна шестая доля сена (снизу стога и сверху)¹⁸⁴. На Севере России, в Архангельском крае была распространена практика хранения сена в “зародах”. В частности, в Шенкурском у. зароды были высотой в 4,5 аршина (ок. 3,4 м), а шириною всего в аршин (ок. 72 см)¹⁸⁵. Такие зароды имели подпоры и разделялись на секции, называемые “промежками”. В “промежок” клали 3—4 волоковые копны. В Архангельском уезде в такие “промеж-

¹⁷⁸ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 12.

¹⁷⁹ Ответы... города Володимера // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 98—100.

¹⁸⁰ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 53.

¹⁸¹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 147; Университетские известия. — 1909. — № 7. — Киев, 1909. — Прибавления. — С. 237.

¹⁸² Примечания на лежащие около Саратова места в рассуждении сельского домостроительства // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 35.

¹⁸³ Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 177.

¹⁸⁴ Ответы... города Володимера // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XII. — С. 10. В Рязанской провинции копына обычно была не более 4 пудов. См.: Ответы Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 65—66; Олишев А. Описание годовой крестьянской работы в Вологодском уезде с примечаниями // Труды ВЭО. — 1766. — Ч. II. — С. 119.

¹⁸⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 76 об.

ки” длиною в сажень клали от 5 до 7 копен (от 4 пудов и более в копне)¹⁸⁶. В Олонецком наместничестве “скошенные сена кладут везде в стоги между воткнутыми рядом жердями и подпирают оные со всех сторон”¹⁸⁷.

Там, где часто шли дожди, делались всякого рода модификации. Например, в Галицкой провинции в 60-е годы стога формировали на специальных козлах¹⁸⁸. В конце XVIII века такая же практика зафиксирована для всех низких мест в Костромской губернии. На колья высотой до 1,5 аршин кладут жерди и хворост, а на них ставят стога. В отличие от других регионов, стога здесь были небольшими (от 70 до 100 пудов). Копны же, как обычно, — 5—8 пудов¹⁸⁹. Сено хранили также в сараях, под навесами, в специальных сениках. Но встречалось это реже и лишь у состоятельных хозяев.

Там же, где размеры скотоводства были настолько велики, что обычные крестьянские постройки не годились, строили специальные загонные дворы. Как правило, эти дворы были крытыми, с настилом помоста. В них содержали и кормили лошадей. Хотя в Острогжской провинции встречались загонные дворы без настилов и даже без крыш¹⁹⁰. Короткий зимний период, частые зимы без длительного снежного покрова позволяли некоторым скотоводам вообще держать зимой лошадей и овец под открытым небом. Особенно это бывало в районах, пограничных с Украиной, где, в частности, овец большей частью держали зимой на воле. Отсюда и украинский обычай стричь овец лишь раз в году (весной), в то время как наличие у русских крестьян крытых и сравнительно теплых овчарен позволяло им стричь овец дважды — осенью и весной, что давало более мягкую шерсть¹⁹¹.

Господский скот

Содержание скота в помещичьих хозяйствах было совсем иным. Почти всюду в имениях были теплые скотные дворы, с отдельными омшанниками для овец, телят и свиней. Встречались у помещиков и племенные скотные заводы. Один из таких заводов — Е.А. Цурикова — имел быков и коров английской, голландской и холмогорской породы. Скотский завод был и у В.Б. Голицына¹⁹². Лошадей держали в специальных конюшнях с денником, просторными стойлами с двойными дверями (плотными и решетчатыми). Матки и жеребята стояли в отдельных денниках¹⁹³. Приве-

¹⁸⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 26—26 об. Так же в Холмогорском у. (Л. 58).

¹⁸⁷ Там же. — № 518. Л. 38 об.—39.

¹⁸⁸ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 87.

¹⁸⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 41 об.—42.

¹⁹⁰ Ответы по Острогжской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 171, 177.

¹⁹¹ Гильденштедт И.А. Путешествие академика Гильденштедта. — Отд. отт. // Харьковский сборник. — 1891. — С. 79.

¹⁹² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18903. Л. 7 об., 11.

¹⁹³ Удолов Ф. О содержании конских заводов // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VI. — С. 168—170.

дем одно из типичных описаний образцовой барской конюшни: "...конюшни и клевы [должны] иметь окнами на восток и в ночь, а двери на полдень. И ставить головами в ночь покойныя, пространныя, светлыя, с высокими и широкими дверми, с твердыми и немного скатистыми полами и яслями стойл[ы] повыше лошадиной груди. Стойла просторные, в коих бы стоять и лежать [лошадям] свободно было. В середине конюшни — жолоб для стоку мочи. В потолке [строение] пониже, чтоб зимою тепло, а летом холодно было... В темных конюшнях и клевах стоящие лошади часто спотыкаются и всего пугаются, а в светлой — [лошадь] веселая и здоровая. А притом бы вода блиско была. Все клевы и на дворе убить глиною и зделать борозды для проходу воды. А за двором, в пристойном месте — широкую и глыбокую яму, и, как в нее навозной сок накопитца, — класть солому и от того будет хороший навоз"¹⁹⁴.

Уровень плотности населения, сложнейшая система землепользования, сопровождающаяся "черездесятищиной", сокращение размеров пастбищ, резкие между ними отличия по ведущим типам трав — все это диктовало необходимость в нечерноземной полосе поднадзорной пастьбы скота, т. е. с пастухом. Этот обычай довольно цепко держался среди русского населения и в южных районах. Так, в оренбургских степях башкирский скот гулял вольно, а гурты и стада скота русских (казаков и крестьян) паслись с пастухами (и лошади и коровы)¹⁹⁵.

Медовая роса — к падежу скота

Тем не менее поднадзорный выгул скота в условиях Нечерноземья не спасал скот от эпизоотий, которые были столь часты, что нередко приводили к тяжелому ущербу поголовью на громадных пространствах этой зоны. Обилие лесов, низких сырых мест, погодные условия — все это способствовало болезням и падежу скота. Крестьянские традиции скотоводства, идущие издревле, были направлены лишь на создание условий максимальной изоляции пораженного той или иной болезнью скота данной территории от соседних. Но с увеличением плотности населения это имело все меньший успех. Обычное лечение скота — наборы диких лечебных трав (пижма, горошек, глухая крапива, дикая рябина, молодой дубовый лист и др.), кровопускание, окуривание и т. п., с помощью которых пытались лечить болезни, которые назывались в XVIII в. "мотыльница", "лихая", "чилчик" и др.¹⁹⁶ Успех был, однако, в редких случаях. Часто падежи были от бескормицы в неурожайные годы. Эпизоотии поражали в равной мере и крестьянский, и помещичий скот. Разница была лишь в том, что в ряде случаев более упитанный и крепкий скот помещичьих хозяйств нес меньший урон во время

¹⁹⁴ Инструкции об управлении... Л. 22 об.—23.

¹⁹⁵ Рычков П. Ответы по Оренбургской губ. // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 135.

¹⁹⁶ См.: Труды ВЭО. — 1795. — Ч. II. — С. 29—30; — 1791. — Ч. XIV. — С. 293, 317. Ответы по Острогжской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 179 и др.

падежа. То же самое было и с дворцовым хозяйством. Известны крупные падежи лошадей и дворцового скота в 1720—1721, 1737—1738 гг. В сороковых годах XVIII в. почти ежегодные падежи (1745, 1746, 1747, 1748, 1749 гг.) нанесли очень большой урон дворцовому коневодству и скотоводству¹⁹⁷. Управитель дворцовых костромских и казанских сел в 1749 г. сообщал, что “у крестьян скот выпал уже до последнего”¹⁹⁸. Есть сведения, что с 1744 г. падежи шли почти непрерывно вплоть до 1767 г.¹⁹⁹ Даже в южной Тамбовской губернии “во всех округах... каждой почти год, невзирая на предосторожности от правительства употребляемые, великое препятствие скотоводству причиняет падеж, а особливо рогатому скоту”²⁰⁰. А.Т. Болотов в 60-е годы вообще пришел к выводу, что почти постоянные эпизоотии вынуждали крестьянство ограничиваться лишь минимумом скота. Отзвук тяжелых неурожаев и скотских падежей видится в инструкции 1794 г. приказчику с. Любашевки Ефремовского у. Тульской губернии: “...как ныне с чувствительною прискорбностью вижу их (то есть пострадавших крестьян, — Л. М.) от прошедших времен изнуренных, что и дворы их в крайнем разорении, а самих — в совершенном изнеможении”²⁰¹.

Хотя черноземные и степные районы также подвергались эпизоотиям, однако ущерб здесь был значительно меньше. Больше всего страдал рогатый скот, меньше всего овцы, крупные эпизоотии которых были в южных районах раз в 20—25 лет. Думается, что немалое объяснение этому лежит в природно-климатическом факторе — большей сухости климата, постоянных ветрах, отсутствии низких заболоченных пространств и т. п. Однако наибольший интерес представляет опыт организации скотоводства этих районов. Речь идет о хуторском принципе скотоводства.

Хуторское степное скотоводство

Хуторская система порождена опытом крупного скотоводства южных великорусских и украинских районов. При этой системе крупные поселения, до нескольких сотен и более дворов, сочетаются с рассеянными по периферии многочисленными хуторами. Как правило, на хуторе было несколько (иногда до десятка) жилых строений и большие хозяйственные постройки для скота. Пашенных угодий на хуторах практически не было или было очень мало. Такая система создавала максимальные условия изоляции друг от друга на случай эпизоотий крупных овечьих гуртов, стад крупного рогатого скота и конских табунов. Хуторская система существовала не только в районах Украины. Многочисленные хутора были в южных уездах Курской и Тамбовской губерний, особенно Воронежской губернии и др.

¹⁹⁷ Ишова Е.И. Указ. соч. — С. 122—126.

¹⁹⁸ Там же. — С. 127.

¹⁹⁹ Ответы по Острогской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 92.

²⁰⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 10.

²⁰¹ Университетские известия. — 1909. — № 7. — Киев, 1909. — Прибавление. — С. 238.

Думается, что хуторская система скотоводства сформировалась и под влиянием организации племенного отбора, в частности в коневодстве. Конские табуны были разбиты на сравнительно некрупные косяки, где паслись кобылицы с трехлетними жеребьями. “Крестьяне в табуны свои старых жеребцов не пускают”, — писал знаток коневодства Ф. Удолов²⁰². Естественно, что в подлинном смысле слова племенного дела в крестьянском коневодстве еще не было, но хуторская система создавала оптимальные условия поддержания нормальной плодовитости кобылиц, широкого применения ручного спаривания и т. д.

Российские конские заводы

Помещичьи хозяйства этих районов во второй половине XVIII в. все больше переходили к организации конских заводов. Вплоть до 60-х годов конские заводы были преимущественно у казны. Наиболее крупные из них — Хорошевский и Бронницкий под Москвой, Даниловский и Сидоровский в Костромской, Гавриловский, Шешковский и Всегодичский во Владимирской, Скопинский и Богородицкий в Тульской и Рязанской губерниях и др. К 60—70 гг. XVIII в. поголовье конских казенных заводов достигало 7—8 тысяч голов. Наряду с селекцией отечественных пород (Богородицкий, Скопинский и др. заводы) на них были лошади шведской, немецкой, английской, испанской, итальянской, арабской, кабардинской, черкасской, персидской и др. пород²⁰³.

В середине XVIII в. было уже около 20 частных заводов. В 80-х годах в Московской губернии было 20 заводов, в Ярославской — 6, в Смоленской — 10, в Тверской — 44, в Рязанской — 12, в Тульской — 24, в Курской — 29, Орловской — 50 и т. д. В 1776—1777 гг. в Бобровском у. Воронежской губ. был создан Хреновский конный завод А.Г. Орлова, где к концу века с молодняком числилось до 3 тыс. голов²⁰⁴. В Воронежской и Тамбовской губерниях также было большое число помещичьих конских заводов. В Орловской губ. были известны конские заводы А.А. Хитрово, А.С. Лопухина, Ю.В. Долгорукова, Л.И. Цурикова, М. Жидкова, В.Б. Голицына, Е.Ф. Данилова и др.²⁰⁵ Были такие заводы и в Поволжье, Пензенской губ. и др.

Частные заводы занимались в основном отечественными породами, но в наиболее крупных шла работа с английскими, арабскими лошадьми и т. п. (например, в Авчурином имении Д.М. Полторацкого). Под Смоленском был завод графа А. Орлова-Чесменского, где были “арабские, турецкие, татарские, персидские, английские” породы скакунов²⁰⁶.

²⁰² Удолов Ф. Указ. соч. — С. 181.

²⁰³ Индова Е.И. Указ. соч. — С. 115—118.

²⁰⁴ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 390—392.

²⁰⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18903. Л. 7 об., 11, 15.

²⁰⁶ Сивков К.В. Указ. соч. — С. 152; Русская старина. — 1877. — Февраль. — СПб. — Т. 18. — № 1—3. — С. 319.

Рационы кормления и рынок

На заводах вводились и усложненные рационы кормления животных. Применялись помимо основных кормов — сена, овса и соломенной сечки, особо тщательно приготовленной и состоявшей из кусочков соломы длиной до 5—8 мм, витаминные концентраты в виде толченой сосновой иглы. Весной жеребцов кормили горохом, бобами, сухим ячменем, парным коровьим молоком. Ожеребившихся маток кормили неделю пареным овсом, поили талой водой с овсяной мукой, давали соль. Жеребят давали пареный толченый овес с теплой водой и молоком. Трижды в день давали лучшее сено и т. д.²⁰⁷

Цена породистых лошадей нередко достигала нескольких сотен рублей. Обычные российской породы лошади из помещичьих табунов были сравнительно недороги, хотя значительно дороже крестьянских. Это были рослые и сильные животные. В Калужской провинции, в частности, в 60-х годах “помещики от небольших (до 50 голов, — Л. М.) своих конских заводов лошадей продают в Москве от 20 до 70 рублей, крестьяне продают лошадей в ближайших городах от 2 до 15 руб.” Здесь были и русские, и немецкие, и украинские породы²⁰⁸. В Олонецком крае обычная рабочая лошадь в 60-е годы стоила 12—20 руб.²⁰⁹ В Каширском у. крестьянская лошадь стоила 5—7 руб.²¹⁰ Столь разная цена на конское поголовье зависела от разного качества поголовья, т. к. в крестьянском хозяйстве выращивали и крупных и мелких животных, и сильных и сравнительно слабых²¹¹. Так, по Острогожской провинции в 60-х гг. отмечается, что в крае “лошадей породных плодится мало, а все почти простые рождаются, ко употреблению в работе, да и то не сильные, ибо с самого рождения, до употребления в работу кормятся полевым кормом во всякое время”²¹².

С поголовьем рогатого скота в крестьянском хозяйстве в большинстве районов племенной работы не велось, хотя скот был по качеству весьма неравноценный. В нечерноземных районах породы были преимущественно дойные, в отличие от южных черноземных и степных районов, где у коров молоко было часто водянистым и держали их для телят, т. е. для расплода. Это было типичное мясное скотоводство. Телят в Нечерноземье поили молоком лишь в первые недели, иногда до 4—5 месяцев, постепенно отучая от молока. В степных районах телята и ягнята росли на материнском молоке минимум полгода, а чаще до годовалого возраста. Вследствие этого скот

²⁰⁷ Удолов Ф. Указ. соч. — С. 192.

²⁰⁸ Ответы по Калужской провинции // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XI. — С. 108.

²⁰⁹ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XIII. — С. 32.

²¹⁰ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 168—169.

²¹¹ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 70.

²¹² Ответы по Острогожской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 179.

южнорусских областей и Украины был более рослый, что естественно для мясного скотоводства.

При общем развитии северного холмогорского скотоводства как скотоводства элитного (отличавшегося формированием строго определенной масти: пестро-черной и черной с белой головой), предназначенного на товарном рынке сбыта для улучшения молочного животноводства, в XVIII в. (далее это не прослеживается) была и побочная линия развития, связанная с мясным откормом телят, отбракованных от племенной группы. Это телята с менее развитым костяком, меньшим аппетитом и т. д.²¹³ Таких телят (а также барашков) по “давнишней привычке” крестьяне отпаивали свежим молоком в большинстве своем до 5—8 недель, а иногда и до 30—40-недельного возраста. Это была единственная их пища. Телята достигали, как правило, восьмипудового веса, а барашки — до одного пуда²¹⁴.

Для изоляции от другого какого-либо корма телят держали в специальных ящиках или чуланах. Все это предпринималось для получения при убое мяса исключительной белизны. Годовалые выращенные на молоке телята достигали веса 15—20 пудов²¹⁵. Правда, практиковали это только в одной Княжеостровской волости²¹⁶.

Российские овцы

Господствующей породой в овцеводстве была овца русская обыкновенная. Она шла как на мясо, так и на шерсть. Стрижка русских овец проводилась дважды — весной и осенью, что делало шерсть более мягкой, хотя и не столь длинной. Шерсть этой породы овец шла на грубые шерстяные сукна, которые главным образом выпускали русские мануфактуры. Во второй половине XVIII в. уже существовала впоследствии знаменитая романовская порода овец, овчина которой обладала выдающимися качествами. В 80-х годах романовские купцы уже закупали в уезде “бараньи деланные овчины” и “мерлушчатые тулупы”, которые шли на петербургский рынок²¹⁷. Казенные овчарные заводы держали кроме русских овец породу “черкасских белых”²¹⁸, шерсть которых очень ценилась. Один из крупнейших суконных мануфактуристов 80-х годов XVIII в. И. Осокин считал, что “самые лучшие из русских овец белых и других шерстей находятся в южных урочищах реки Камы по левую сторону ее течения”, т. е. в так называемых “закамских горах” Урала²¹⁹. Частично эта порода была и в Татарии. И. Осокин

²¹³ Резников Ф.И. Указ. соч. — С. 117.

²¹⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 34 об.

²¹⁵ Труды ВЭО. — 1792. — Ч. XVI. — С. 261—263.

²¹⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 34 об.

²¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18861. Л. 151.

²¹⁸ Индова Е.И. Указ. соч. — С. 110, 124.

²¹⁹ Осокин И. Примечания для приведения в лучшую доброту разных российских шерстей // Труды ВЭО. — 1791. — Ч. XIV. — С. 184—192.

насчитывал у русских овец шерсть семи сортов и шести цветов. Лучшим сортом был подшерсток или, как его называли в XVIII веке, “пуш” молодых русских овец, который не уступал, а был даже лучше шерсти испанских овец. “Пуш” старых овец, по мнению И. Осокина, мало уступал испанской шерсти²²⁰.

Кроме овец русских пород в Европейской России, еще со времен Петра I, разводили овец английской породы. Стада этих овец в 60-х годах столетия были “в некоторых местах вдоль по Медведице реке”²²¹. Шерсть их высоко котировалась на рынке (на месте фунт стоил 20—25 коп., а все руно украинской овцы примерно в это же время стоило 22 коп.)²²². Довольно распространена была и так называемая “шленская” (шлезвигская) порода овец. По данным И. Осокина, в России разводили и овец испанской породы.

Таким образом, в области скотоводства уровень его развития, практический опыт, организационные и зоотехнические основы были резко отличными друг от друга в зависимости от природно-климатических и экономических условий. В нечерноземной полосе России и в некоторых черноземных губерниях в большинстве своем господствовала традиционная система разведения и содержания скота, унаследованная от предшествующих столетий. Развитие скотоводства было здесь целиком подчинено принципам натурального хозяйства, так называемому критерию целесообразности. Стремление достигнуть какого-то реально возможного оптимума не обязательно вело к упрощению основ содержания скота. Наоборот, здесь критерий целесообразности приводил к таким парадоксальным усложненным приемам, как зимнее содержание молодняка и коров в жилом помещении крестьянина (а в подпечке жили куры-несушки). Крестьянин здесь шел на прямые осложнения своего бытия во имя целесообразности, не считаясь с затратами труда и неудобствами быта. Тот же принцип целесообразности превращал обмолот зерна в изнурительную процедуру сбора до последней крохи так называемого гуменного корма для скота. Лишь в сфере помещичьего хозяйства идет процесс резкого возрастания индивидуально-го опыта, четко прослеживается усиление роли интродукции.

Степное скотоводство и Нечерноземье

Совсем иную картину, совсем иной механизм, регулирующий методы содержания скота, мы видим в южных черноземных и степных районах.

Здесь в большинстве своем совокупность приемов организации скотоводства была уже подчинена в конечном счете законам товарного производства.

Реальным итогом этого был поток продуктов скотоводства на Север в их самом разнообразном виде, начиная от живого скота и кончая мясом, салом, шкурами, кожами, шерстью.

²²⁰ Осокин И. Примечания для приведения в лучшую доброту разных российских шерстей // Труды ВЭО. — 1791. — Ч. XIV. — С. 184—192.

²²¹ Примечания на лежащие около Саратова места в рассуждении сельского домостроительства // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 43.

²²² Труды ВЭО. — 1795. — Ч. II. — С. 171—186.

Купечество юга Московской, а также Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Оренбургской и других губерний в качестве важнейшей статьи своих торговых оборотов имело посредническую торговлю рогатым скотом, овцами и лошадьми. Среди крупнейших посреднических рынков были такие, как Кашира, куда выгонялось из малороссийских и южнорусских губерний в год до 16 тысяч голов скота для отправки в живом весе на рынки Москвы и Петербурга и столько же забивалось для первичной переработки²²³. Через Зарайск прогонялось до 12 тысяч голов скота в Москву и Петербург с частичной переработкой на мясо, сало, кожи и т. п.²²⁴ Через Коломну проходило до 45 тысяч голов рогатого скота, большая часть которого перерабатывалась на 34 салотопенных заводах. Одной солонинки коломенские купцы заготавливали до 400 тысяч пудов²²⁵. Крупными центрами посреднической торговли скотом были Рязань, Калуга, Серпухов, Можайск и др.²²⁶ Гурты малороссийских волов к осени достигали не только Петербурга, но через Ярославль доходили даже до Костромы²²⁷. В меньших масштабах это же делали купцы из Епифани, где кроме того был и большой конский торг, а также купцы из Мещовска, Лихвина, Венева, Сапожка, Крапивны, Одоева, Перемышля, Козельска, Боровска, где главным образом были торговые операции с лошадьми и т. д.²²⁸. Ежегодная продажа в Воронеже достигала 30 тыс. голов крупного и 5 тыс. голов мелкого скота²²⁹. Купечество в Острогской провинции в крупных размерах закупало в провинции и в донских юртах лошадей, рогатый скот и овец и перепродавало их купцам из Центра. Только торговцы самого Острогска закупали до двух тысяч голов скота²³⁰. Крупнейшая ярмарка скота была в Белогорье, откуда скот гнали в Москву и Петербург²³¹. Овечью шерсть везли непосредственно в Москву²³². Крупный торг рогатым скотом и лошадьми был в г. Бирюч. В Калитву на 4 ярмарки пригоняли “табунами калмыцких, казацких и русских лошадей, рогатый и мелкий скот”²³³.

Особенно “великое множество” рогатого скота, лошадей и овец сгонялось на Вознесенскую ярмарку в слободе Россошь. Коломенские и тульские скупщики гнали этот скот в Москву, Петербург, Ригу, Курск, Тулу, Зарайск и др. города²³⁴. В Богучарском у. в слободах Калач, Подгорная, Ольховатка, Ширяева, Старая Меловая на ярмарках продавалось большое

²²³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 37—38.

²²⁴ Там же. — Л. 82.

²²⁵ Там же. — № 18861. Ч. X. Л. 13 об.

²²⁶ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 399.

²²⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 35 об.

²²⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860.

²²⁹ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 289.

²³⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 83.

²³¹ Там же. — Ч. IV. Л. 174.

²³² Ответы по Острогской провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. VIII. — С. 181.

²³³ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 398.

²³⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. III. Л. 137—139.

количество лошадей, рогатого скота и овец с последующим отгоном их в Москву и другие города²³⁵. В Беловодском у. на 4-х ярмарках в слободе Старый Жлон скупался великороссийскими купцами скот из донских станиц и калмыцких степей, а гурты его гнали в Орел, Тулу и Москву²³⁶. В слободе Осиновке главный торг в Великопостную ярмарку был скотом и овцами, которые отгонялись в Тулу и Москву²³⁷. В слободе Евсюг мартовская ярмарка также имела крупный торг рогатым скотом для Москвы и Петербурга²³⁸.

В Валуйках был крупный торг скотом (купцы из Тулы, Мещовска, Калуги, Зарайска и Коломны)²³⁹. В г. Купянске торг скотом достигал оборота до 4 тыс. руб. Веневские, зарайские и тульские скупщики гнали его в Москву и Петербург²⁴⁰. В Бобровском у. на Большой Троицкой ярмарке был главный торг лошадьми (до 3 тыс. голов), скупаемыми купцами Ельца, Орла и Калуги. Осенняя Средняя ярмарка (8 сентября) собирала также огромное количество скота для отгона в Петербург и Москву²⁴¹. Известная июльская ярмарка в г. Задонске специализировалась также на торге лошадьми и собирала скупщиков из Воронежа, Тулы, Рязани, Серпухова, Ельца, Козлова и далекого Романова на Волге²⁴². В Воронежском у. у Толшевского монастыря собиралась известная Преображенская ярмарка, где главный торг был лошадьми (скупщики из армейского ведомства, Курска, Орла, Тулы, Калуги и Суздаля)²⁴³.

В переработанном виде рынки Воронежской губ. к 1797 году поставляли свыше 150 тыс. пудов овечьей шерсти, 525 тыс. овчин, 232 тыс. пудов говяжьего мяса, 68 тыс. пудов сала, 40 тыс. пудов коровьего масла и т. д.²⁴⁴ Продукты животноводства, поступавшие на рынок из Курской губ., в 80-е годы достигали объема в 600 тыс. руб.²⁴⁵

Не меньшая доля скота и продуктов скотоводства шла из Тамбовской губернии, особенно ее южной части, и через саму губернию. Крупный торг "табунами лошадей", то есть оптовая посредническая торговля, был в Тамбове. Большие партии скота и лошадей продавали в Борисоглебске²⁴⁶. В Тамбовском у. на ярмарки в селах Троицкая Дубрава, Лысые Горы, Рассказово, Сазонтиevo и Анастасьевские Бондари "в не малом количестве пригоняют на продажу скот"²⁴⁷. В г. Козлове на ярмарки в девятую и деся-

²³⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. — Ч. IV. Л. 160 об.

²³⁶ Там же. — Ч. III. Л. 146.

²³⁷ Там же. — Ч. III. Л. 147.

²³⁸ Там же. — Л. 148.

²³⁹ Там же. — Ч. II. Л. 64 об.

²⁴⁰ Там же. — Л. 72.

²⁴¹ Там же. — Ч. III. Л. 105.

²⁴² Там же. — Ч. I. Л. 39—40.

²⁴³ Там же. — Ч. II. Л. 93 об.

²⁴⁴ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 398.

²⁴⁵ Там же. — С. 399.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 23 об.

тую пятницы после Пасхи “пригоняют заводских и табунных казачьих лошадей довольное число”. А козловские купцы “более промышляют торговлею рогатого и мелкого скота, который закупают в Малороссии и в Донских станицах, из коего часть отгоняют для продажи в Москву, а часть бьют в солонину, вытопляют сало и отправляют в Санкт-Петербург”²⁴⁸. В г. Лебедяни в течение года бывали четыре ярмарки (шестого января, в Духов день, шестого августа и первого октября), две из которых, “знатнейшие” (вторая и четвертая), продолжались по три недели. На них “в бесчисленном множестве” пригонялись казачьи лошади и лошади с конских заводов²⁴⁹.

Много скота и лошадей пригоняли в Центральную Россию из Малороссии. В городе Гадяч на Георгиевскую ярмарку, продолжавшуюся с 23 апреля в течение пяти недель, пригоняли до 60 тыс. голов рогатого скота и множество лошадей из Киевской, Екатеринославской и Харьковской губерний. Этот скот скупали купцы из Рыльска, Болхова, Курска, Орла, Тулы для продажи в Петербурге и Москве²⁵⁰. В Ромнах были две главные ярмарки Малороссии (Вознесенская и Ильинская), куда “изо всех заводов и из донских станиц наводят табунами великое число лошадей, а из окольных мест рогатый скот”. Весь товар скупали купцы Москвы, Тулы, Орла, Болхова, Воронежа, Курска, Харькова и др.²⁵¹ На ярмарки в г. Прилуки пригонялись скот и лошади из Пирятина, который скупали торговцы из Москвы, Орла, Калуги, Тулы, Дорогобужа, Стародуба и Белоруссии²⁵².

Большая посредническая торговля была на рынках Пензенской губ. Рынки Поволжья принимали поток скота, лошадей и овец из Заволжских степей и Казахстана. Купцы города Лух Костромской губ. закупали “рогатую скотину” в Саратове и даже Оренбурге²⁵³. Поволжские города Дмитровка, Сызрань, Курмыш, Ардатов, Арзамас, Муром принимали большие партии скота, лошадей и продукты переработки для посреднической торговли. Жители г. Починки Нижегородской губ. специализировались на покупке скота в Оренбурге и других степных торговых центрах с последующей продажей его в Нечерноземье²⁵⁴. Только в одном Оренбурге в год через рынок проходило от 30 до 60 тыс. баранов и овец, до 10 тыс. лошадей. По данным комиссии А.Р. Воронцова, через Оренбург и Троицк в 80-е годы XVIII в. проходило до 4 тыс. лошадей и от 150 до 355 тыс. овец ежегодно²⁵⁵.

Весьма внушительное количество скота продавали калмыки (ежегодно от каждой кибитки по 1 голове рогатого скота, одной лошади и 5 овец). В год свыше 13 тысяч голов рогатого скота (на сумму примерно 130 тыс.

²⁴⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 54 об.—55.

²⁴⁹ Там же. — Л. 50.

²⁵⁰ Черниговского наместничества топографическое описание. — Ч. 1—2. — Киев, 1851. — С. 630.

²⁵¹ Там же. — С. 575.

²⁵² Там же. — С. 519.

²⁵³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 91.

²⁵⁴ Там же. — Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 38 об.—39.

²⁵⁵ Рубинштейн Н.А. Указ. соч. — С. 400.

руб.), свыше 13 тысяч лошадей (также ок. 130 тыс. руб.) и св. 65 тысяч овец (на сумму св. 70 тыс. руб.)²⁵⁶.

* * *

Итак, развитие скотоводства в лесной и лесостепной зоне Европейской России отличалось кардинальными особенностями. Важнейшей из них были неблагоприятные природно-климатические условия, которые диктовали необходимость необычайно длительного стойлового содержания скота, что, в свою очередь, требовало больших усилий и времени для заготовки кормов. Однако объективные условия ведения земледельческого производства как главного средства жизнеобеспечения крестьянского населения России резко ограничивали возможность снабжения животноводства полноценными кормами. Отсюда и происходят основные беды русского скотоводства: крайняя малочисленность и крупного рогатого, и мелкого скота, острый дефицит рабочего скота. Столь непривлекательное стагнационное состояние скотоводства было бы совершенно губительным для страны, если бы Российское государство не проводило активной политики освоения южных степных районов, где при минимальных затратах было возможным экстенсивное развитие скотоводства. К числу благоприятных условий такого развития следует прежде всего отнести экологический фактор. Лесная зона Нечерноземья была крайне неблагоприятной для развития в сколько-нибудь крупных масштабах скотоводства, так как была средой, постоянно воспроизводящей условия, способствующие возникновению эпизоотий самой различной этиологии. Это систематически подрывало базу даже простого воспроизводства поголовья скота.

Наоборот, как считали (и не без оснований) в средневековье, широкие открытые пространства степей с “горбатистыми” холмами, чередующимися с балками и оврагами, постоянно дующие ветры непосредственно связаны с резким падением количества эпизоотий. Сравнительно более короткий зимний период позволял здесь животным дольше находиться на подножном корму.

Больше того, близость громадной земледельческой зоны создавала предпосылки для раннего развития здесь товарного животноводства. Естественно, что гигантские гурты многотысячного поголовья малороссийского скота и скота из южных великороссийских губерний,двигающиеся по бесконечным шляхам и трактам к крупнейшим рынкам сбыта — Петербургу и Москве — это лишь наиболее яркая форма экономического воздействия на Нечерноземье скотоводческих районов. В большинстве случаев оно было менее заметно, т. к., вероятно, имело форму многозвеньевых подвижек скота с юга на север, при которых какой-либо конкретный скот не испытывал длительной перегонки по дорогам, а сбывался в ближайших к степи районах, которые, в

²⁵⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 46 об.

свою очередь, продавали излишки скота в той или иной форме в более северные и т. д.

Это экономическое давление зоны экстенсивного скотоводства в зоне Нечерноземья сказывалось прежде всего в сдерживании даже в немногих локальных районах, наиболее благоприятных для животноводства, развития торгового продуктивного скотоводства. Лишь там, куда это воздействие не доходило, в частности, на небольших пространствах низовьев Северной Двины, в XVIII в. скотоводство имело высокий уровень и обретало торговый характер.

Вместе с тем следует отметить, что уже во второй половине XVIII в. освоение южнорусских территорий приводило к смещению на юг и земледелия, которое десятилетие за десятилетием захватывало под пашню девственные ковыльные степи, сокращая выпасы и сенокосы, готовя почву для будущего кризиса животноводства в России.

Очерк восьмой

“ОГОРОДЫ В ГОРОДЕ” — ПАРАДОКСЫ РУССКОГО ОГОРОДНИЧЕСТВА И САДОВОДСТВА

Огородничество в России претерпело далеко не простой путь развития. Являясь, на первый взгляд, такой же отраслью крестьянского хозяйства, как и полевое земледелие, оно тем не менее занимало в крестьянской деятельности отнюдь не ведущее место. Поскольку главные затраты труда русского крестьянина поглощало полеводство с его весьма напряженным циклом разнообразных и трудоемких работ весенне-летне-осенней поры, то овощеводство в деревне оставалось лишь, как правило, занятием женщин и детей.

Однако в XVIII в. (особенно во второй его половине) в развитии огородничества происходит существенный перелом. В ряде местностей овощеводство поднимается на качественно иной уровень, превращаясь в торговое земледелие с высокой интенсификацией труда. Вместе с тем подобный процесс, как правило, характерен не для деревни, а для провинциального русского города. Корни подобного развития города уходят вглубь веков, ибо еще в начале XVII в. в Ростове Великом огородничеством занимался очень большой процент горожан. Во второй половине XVIII в. при весьма существенном росте промыслового отхода, форсированном развитии водных каналов и речного судоходства, появлении многочисленных фабрик и заводов в овощеводстве происходит качественный скачок: оно становится (как и садоводство) городским занятием с высокой интенсификацией труда, что крестьянину было просто не под силу. Достаточно сказать, что, в частности, в имениях Тизенгаузена в литовских пределах Польши во второй половине XVIII в. расход труда на один морг (около 0,5 дес.) огорода овощей был равен 9 коне-дням и 199 человеко-дням. Это значит, что даже на крестьянский огород в 15—20 соток необходимо было от 60 до 80 человеко-дней¹. Взять же их было неоткуда.

¹ Polskie instruktarze ekonomiczne z konca XVII i z XVIII wieku / Wyd. S. Pavlik. Krakow, 1915. Т. 1. S. 190.

Крестьянские огороды были, как правило, очень небольшими. В северной половине Тульской губ. “во многих местах в огороде не более 10—15 грядок”², в Галицкой провинции “огороды малы”³. Василий Приклонский сообщает, что в Кашинском уезде Тверской губ. каждого овоща “в огороде не в большом количестве”⁴. В Переяславль-Залесской провинции в огородах также “всего по самому малому числу”⁵ и т. д. В Ярославской губернии “огородные овощи сеются единственно для собственного домашнего употребления” (кроме Романовского и Ростовского уездов)⁶.

В свою очередь, минимальный размер огородов до предела сужал интересы крестьянина в овощеводстве, ограничивая ассортимент овощных культур лишь немногими, наиболее важными в хозяйстве. Почти повсеместно в крестьянских огородах были морковь, свекла, репа, огурцы, иногда кочанная, но больше “серая” (листовая) капуста. А.Т. Болотов — автор “Деревенского зеркала”, этой своеобразной экономической энциклопедии для крестьян — советовал “для перемены в естве (еде, — Л. М.) и приправы” (для вкуса, — Л. М.) сажать лук, чеснок, горох, бобы простые и турецкие (фасоль), брюкву земляную и “сверхземляную”, т.е. кольраби, разные сорта капусты, а также петрушку, пастернак, кервель и др.⁷ Разумеется, некоторые из этих овощей и трав встречались и в крестьянских огородах, но, видимо, довольно редко.

Сравнительно небольшой выбор культур для крестьянских огородов был следствием влияния и климата, и почвы. В частности, считалось, что морковь любит теплую почву, особенно рыхлую и хорошо ухаанную. Удобрляли землю под морковь обычно за год до сева. Чтобы семена моркови не слипались между собой (поскольку они “мохнатые”) — их перетгирали руками. Сеять считали нужным в тихий день. Когда всходы выбрасывали четыре листочка, гряду прореживали специальными граблями. При прополках следили, чтобы ростки были с интервалами между собой не менее 3-х вершков (св. 9 см). Недель через пять при очередной прополке уже все ростки должны были быть по одному в гнезде. Обычно в России было три срока сева моркови: рано весной, в конце июня и последний, предзимний сев в конце августа. В этом случае морковь оставляли в земле на зиму, срезая пожелтевшую ботву и хорошо укрывая гряды соломой. Предзимний сев давал корнеплоды уже весной, ранний весенний сев — к середине лета, а июньский — к осени⁸.

² Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 122.

³ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 79—82.

⁴ Приклонский Василий. Указ. соч. — С. 44.

⁵ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 95.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 3 об.

⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 66.

⁸ Новый и совершенный руской садовник или подробное наставление российским садовникам, огородникам, а наипаче любителям садов... (Далее — Новый садовник). — Ч. II. — Изд. 2-е. — СПб., 1793. — С. 61—67.

Свекла хорошо росла лишь на щедро, также за год до сева, удобренной навозом, тщательно вспаханной, а затем еще и глубоко перекопанной земле. Обычный срок сева — начало и середина мая. Всходы появлялись через четыре недели. Тогда свеклу прореживали, и начиналась периодическая прополка. По мере роста ботвы свеклу окучивали⁹.

В Архангельской губ. выбор овощных культур был очень скромн. Морковь и капуста росли лишь в некоторых околгородных волостях¹⁰. По левую сторону Двины сажали (вероятно, в городах) морковь, лук, чеснок, красную, белую и "обыкновенную" "серую" (листовую) капусту, а также пастернак и некоторые поваренные травы, интродуцированные здесь ростовскими огородниками-отходниками¹¹. В Холмогорском у. капуста, свекла, морковь и лук росли лишь "местами"¹². Бобы, горох, а также сельдерей и петрушка вырастали "не ежегодно"¹³. Хмель рос "в очень редких местах"¹⁴. В Мезенском, Шенкурском и Онежском у. на огородах были лишь капуста, редька и репа, причем капуста родилась "не везде"¹⁵. В Холмогорском у. репа и редька росли лишь на полях возле лесов, а также "на песках, покрытых илом"¹⁶.

В Вологодской губ. серый полевой горох, полевые и огородные бобы росли только по левую сторону р. Двины, да и то при этом давали толстую шелуху и "весьма мелкие плоды"¹⁷. В северной части губернии сажали лук, картофель, редьку и хрен. Остальные овощи сеяли лишь местами. Капуста здесь хотя и вызревала, но не давала семян, как не давали их репа, редька и брюква. За семенами ездили в Ярославль¹⁸.

В так называемой Ингерманландии, под Петербургом и Нарвой русские крестьяне сажали на огородах в основном репу и капусту, а кроме них: огурцы, лук, морковь и свеклу. "Наибольшее старание" крестьяне проявляли в отношении репы и капусты¹⁹. В Олонецком наместничестве огородных овощей в 80-х годах XVIII в. "сеют и сажают весьма мало". "Самая капуста и огурцы почитаются" "некоторою редкостью", "редька и бобы в малом количестве рождаются, а в Повенце их нет совсем"²⁰. Правда, в 60-х годах на юге Олонецкой провинции и по реке Свирь каждый крестьянин сажал репу

⁹ Новый садовник. — Ч. II. — С. 152.

¹⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 497. Л. 26 об.

¹¹ Фриз Яков. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии // Технологический журнал. — СПб., 1806. — Т. III. — Ч. I. — С. 14—15.

¹² Там же.

¹³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 497. Л. 56.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. — Л. 106, 75 об., 146.

¹⁶ Там же. — Л. 56.

¹⁷ Фриз Яков. Указ. соч. — С. 14—15.

¹⁸ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П. И. Кеппен). Оп. 1. № 257. Л. 52.

¹⁹ Ответы на экономические вопросы... барона Фр. Вульфа // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 70.

²⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. III. № 518. Л. 36.

и капусту, а также в городах сеяли морковь и редьку²¹. Однако, в пределах всего наместничества “морковь и свекла и другие огородные овощи и зелень совсем почти не произрастает”²². Во всех, за редким исключением, уездах Тверской губернии возвращивали, хотя и “посредственно”, капусту, свеклу, морковь, редьку, лук и чеснок²³. Правда, в Краснохолмском, Калязинском, Корчевском, Весьегонском, Вышневолоцком, Осташковском, Зубцовском, Старицком уездах сажали репу не только в огородах, но часто на полях и рощистях. В Весьегонском уезде не сеяли огурцы, а чеснок был редкостью, в Осташковском у. его не имели и не ели²⁴. Редкостью были огурцы и в Калязинском у.²⁵, не все сажали огурцы в Ржевском и Корчевском, Осташковском уездах²⁶. Зато хорошо родились огурцы в Кашинском и Краснохолмском уездах, а в Старицком у. они росли “посредственно”²⁷. В Вышневолоцком уезде картофель сажали не только “некоторые помещики”, как в большинстве уездов, но и крестьяне, а в Весьегонском у. его сажали “многие крестьяне”²⁸.

Очень хорошие урожаи капусты, огурцов, свеклы, моркови, репы, лука, чеснока отмечены по Московской губернии²⁹. В Верейском у. крестьяне, как правило, продавали огородные овощи, а более “урожались” “лук и чеснок”³⁰. “Огороденные” “произрастания” продавали и жители г. Бронницы³¹. В Переяславской провинции в огородах крестьян также были капуста, морковь, репа, свекла, огурцы и “прочее, что кому потребно”³². В Галицкой провинции на крестьянских огородах сажали капусту, репу, морковь, огурцы, лук и чеснок³³.

Из этого сравнительно небольшого обзора вполне очевидно, что в черноземных регионах ведущими культурами крестьянских огородов были в первую очередь репа и капуста, а ведь это, включая сюда еще и редьку, — “обыкновенная пища русского мужика средней полосы России”³⁴. Репа была особенно популярна в Северо-Западном и Северном регионах. Например, в Архангельске (как в городе, так и в уезде) отмечалось на огородах и в

²¹ Ответы на экономические вопросы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 27.

²² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. III. № 518. Л. 36.

²³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 23, 37, 48, 55, 83, 94, 140, 157.

²⁴ Там же. — С. 83, 105.

²⁵ Там же. — С. 48.

²⁶ Там же. — С. 119, 55, 105.

²⁷ Там же. — С. 37, 140.

²⁸ Там же. — С. 94, 83.

²⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 293.

³⁰ Там же. — С. 347.

³¹ Там же. — С. 169.

³² Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 95.

³³ Ответы на экономические вопросы по Галицкой провинции // Труды ВЭО. — 1768. — Ч. X. — С. 79—82.

³⁴ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. № 257. Л. 52.

полях "изобилие в репе и редьке"³⁵. Во всем Нечерноземье репу чаще сеяли на полях, так как крестьянские огороды были слишком малы.

Главным местом успешного выращивания этой культуры были росчисти. Под них выбирались ровные, не низкие участки, где земля была с супесью. После первой вспашки и боронования вывозили навоз, а после периода "пара" снова пахали и боронили. На следующий день жгли связки хвороста ("кубыши"). Потом золу или пепел разбрасывали по земле и тотчас боронили. Через два-три дня была снова вспашка. Иногда пахали еще и еще, добываясь мелкой структуры грунта. Семена репы брались из расчета на десятину 17 "хлебальских ложек", смешанных с 6 четвериками земли³⁶. Сеяли из руки, как хлеб. Кое-где чистые семена брали в рот и с воздухом рассеивали по полю. Наиболее ценными считались семена репы желтого, а не белого или красного цвета. Репа от них рождалась особенно крепкой и при хранении не вяла до Рождества (7 января). Сев был либо накануне 24 июня — дня Ивана Купалы, либо несколькими днями позже его. Ранний сев давал репу, не годную для хранения в так называемых "репных ямах"³⁷. Зрела репа к морозам Покрова дня. Урожаи достигали 50 четвертей (64 ц) с десятины и больше³⁸. Следовательно, в крестьянском огородничестве все-таки были такие культуры, приемы возделывания которых в XVIII в. достигли весьма высокого уровня и были тщательно отработаны. Правда, это требовало огромных затрат труда. Русский крестьянин шел на эти затраты из-за пищевой ценности репы и ее скороспелости. Ведь на просторах Нечерноземья репа была "вторым хлебом".

В более южных районах происходит корректировка в наборе наиболее важных овощей. А.Т. Болотов сообщает, что в Каширском у. "репа и морковь весьма редки на огородах"³⁹. В Рязанской провинции наряду с капустой и репой, морковью и огурцами, сажали также свеклу, брюкву, тыкву, редьку, дыни, "а изредка и арбузы"⁴⁰. В Тамбовской губ. в огородах были капуста, огурцы, горох, бобы, "репа, которая по большей части сеется в поле, на местах, вычищенных из лесу", а также редька, лук, чеснок, "земляные яблоки" (то есть картофель), которые "не во всех местах разведены". "Кроме сих овощей сеются еще на полях арбузы и дыни (в южной только части, потому что в северной они не созревают), где довольно количество их родится, но вкусом и весом противу астраханских и царьцынских не могут сравниться"⁴¹. В ряде районов Воронежской губернии овощи "вышли на

³⁵ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. № 497. Л. 21 об., 56—57.

³⁶ Примечания о земледелии в Ингерманландии, особливо в Копорском уезде // Труды ВЭО. — 1767 — Ч. VI. — С. 46—47.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. — С. 47.

³⁹ Болотов А.Т. Описание... Каширского уезда. — С. 179.

⁴⁰ Ответы по Рязанской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 61—62.

⁴¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 538. Л. 8 об.

поля”, и селяне производили их на продажу. Так, в Ливенском у. на “бакчах” сажали не только арбузы и дыни, но и тыквы и огурцы⁴². Много внимания уделяли “бакчам” в Павловском у. (арбузы, дыни, тыквы и огурцы), хотя, как и в Ливенском, в огородах здесь были обычные овощи (капуста, свекла, огурцы, лук и др.)⁴³. А в Ливенском у. на огородах была “пшеничка”, то есть кукуруза. В Беловодском уезде овощи также больше сеяли в полях, тут были арбузы, дыни, тыквы, но также и капуста, огурцы, петрушка и прочее⁴⁴.

В районе Нижнего Поволжья огурцы, морковь, редьку, репу, арбузы, дыни и другие культуры также сажали на бахчах. Чаще под бахчу отводили новь, которую поднимали плугом и рыхлили бороной. Вместе с тем бахчевые земли подвергали более интенсивной обработке: трижды пахали и трижды борошили. Семена сажали “со строгою расчетливостью и аккуратностью”. Всходы регулярно пололи⁴⁵.

В Оренбургской губернии в районах Яицкого городка, Ставрополя, Уфы и других сажали капусту, огурцы, морковь, редьку, репу, тыкву и горчицу, которые “родятся годом не худо”. В Оренбурге были лучшие для этого края дыни, семена которых привозили из Бухары. Огурцы росли здесь длинными — на четверть аршина (ок. 18 см) и были “очень вкусны солеными”. Лучшие арбузы росли на бахчах в районе Яицкого казачьего городка, в Илецком городке и на хуторах⁴⁶.

Из поваренных трав на крестьянских, а большей частью посадских огородах были укроп, тмин, сельдерей, портулак, цикорий, мелкий и “песчаный” лук, салат и др. В огородах появлялась, а к концу века уже широко распространилась петрушка.

“Огороды в городе”

Слабое развитие овощеводства в сельских поселениях сочеталось с отнюдь не самым интенсивным развитием ремесла и промышленности во множестве небольших российских городов. В таких городках постепенно накапливался тот тип горожан, про которых канцеляристы еще в XVII в. писали: “а кормятся черною работою”, “а кормятся черною огородною работою” и т.д. Что касается южнорусских городов, то, учрежденные лишь в XVIII в., они подчас чисто формально считались городами. Основой их было служилое население пограничных воинских формирований. Они-то и стали поначалу и купцами, и мещанами. Огородничество в таких городах было прежде всего основой “продовольствования” их жителей. Однако общее раз-

⁴² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 60—60 об.

⁴³ Там же. — Л. 79 об.

⁴⁴ Там же. — Л. 69.

⁴⁵ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. № 257. Л. 148.

⁴⁶ Рычков П. Ответы по Оренбургской губернии // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 117, 116.

витие страны включило их в орбиту торгового огородничества⁴⁷. Причем города стали и центром садоводства.

В городах, так же как и в уездах, в огородах сажали так называемые "простые овощи" (капусту, огурцы, свеклу, морковь, редьку и иногда лук). Так, в Костромской губ. набор именно этих овощей характерен для Костромы и уездных городков: Плесо, Нерехты, Кадыя, Галича, Чухломы, Солигалича, Макарьева-на-Унже и Кологрива. Во многих из них сажали горох, бобы и чеснок (Плесо, Галич, Макарьев, Кологрив, Кострома, Лух и др.)⁴⁸. Так называемые "поваренные" или душистые травы заметным явлением были лишь в Костроме, Лухе, Плесо, Галиче. Пастернак и петрушка отмечены наблюдателями лишь в Кадые, салат и укроп — в Галиче и Макарьеве, а чабер и мята — в Макарьеве. Тыква отмечена в Солигаличе и Кологриве, брюква — в Солигаличе, Макарьеве и Варнавине, картофель — в Костроме и Варнавине⁴⁹.

В ряде уездов Костромской губернии культивировали хмель (Костромской, Юрьеvec-Повольский, Кадыйский, Галичский и др. уезды). Культура взращивания хмеля отличалась здесь рядом особенностей.

Для хмельников в поймах р. Костромы и р. Волги выбирали сравнительно рыхлые земли в местах, закрытых лесом как от солнечного зноя, так и северных ветров. "На выбранных местах копают небольшие рвы, глубиною около аршина (св. 70 см), в которые накладывают навозу и в начале мая месяца сажают хмель изрезанными корнями таким образом, что две штуки корня кладут друг на дружку крестообразно, а крест от креста на аршин"⁵⁰. Рвы запахивают навозом и слоем земли. Входы хмеля накрывают соломой для теплоты, а потом втыкают тычины из оголенных жердей высотой в 2,5 сажени (около 4,5 м). Будущей весной производится проверка корней: загнившие корни удаляют, подсаживая новые и добавляя свежий навоз. В начале сентября, когда "шишки" хмеля спеют, плети подрезают и, удалив жерди, оципывают "шишки" ("перья")⁵¹. Занимались этим главным образом государственные крестьяне.

В Нижегородской губ. также основными огородными овощами были капуста, огурцы, свекла, морковь, редька (Нижний Новгород, Василь, Горбатов, Арзамас, Лукоянов и др.). Иногда сажали горох, тыкву, репу, бобы (Арзамас, Горбатов и др.)⁵². В слободе Выездной под Арзамасом было крупное производство лука, коим снабжался Нижний Новгород и округа⁵³. Крайне не-

⁴⁷ См.: Милов Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII в. // Вопросы истории. — М., 1968. — № 6.

⁴⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Колл. 115. №. 603. Л. 69, 55, 113 об., 141, 153 об., 154, 164 об., 176 об., 187 об.

⁴⁹ Там же. — Л. 215 об.

⁵⁰ Там же. — Л. 42.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. — Ф. 36. Оп. I. № 516. Л. 5 об., 25, 52, 11 об.

⁵³ Там же. — Л. 41 об.

большой размер огородов отмечается в г. Семенове, жители которого “главное продовольствие” по этой причине вынуждены покупать на базарах⁵⁴.

Ассортимент огородных культур в Пензенской губ. почти ничем не отличался от Нижегородской губ. Капусту, огурцы, свеклу, морковь, редьку и лук сажали в Саранске, Нижнем Ломове, Керенске, Наровчатом, Троицке, Инсарах, Мокшане и др. городах⁵⁵. Бобы отмечены по Троицку и Мокшану, горох — в Саранске и Троицке, репа — в Мокшане, Шешкееве и Городище⁵⁶. В г. Чембар кроме огурцов и капусты “более ничего” не сажали, т.е. возможно, что здесь мы встречаемся с узкой специализацией, видимо, для производства на рынок⁵⁷. В огородах г. Пензы среди овощей особо выделены простые и длинные огурцы, капуста “ординарная и других родов”⁵⁸.

В более южных районах, в частности в Воронежской губ., в ассортименте обычных огородных культур появляются дополнительно тыква, дыни, арбузы (г. Бирюч, Валуйки, Беловодск и др.)⁵⁹. Арбузы и дыни в некоторых районах сеяли на полях (г. Валуйки, Беловодск). В Воронежской губ. широко распространены были петрушка и пастернак (Купянск, Бирюч, Задонск и др.)⁶⁰. В Коротояке в огородах сажали фасоль и “турецкую пшеничку” (так в XVIII в. называли кукурузу)⁶¹. В Задонске сеяли “русскую горчицу” и анис⁶².

В некоторых городах Урала в конце XVIII в. наблюдалось сравнительно большое разнообразие огородных культур. Практически повсеместно сажали капусту и морковь (Пермь, Екатеринбург, Ирбит, Оха, Оса, Соликамск, Камышлов). В большей части городов сеялась репа (Екатеринбург, Пермь, Ирбит, Соликамск), редька (Екатеринбург, Пермь, Соликамск, Ирбит, Оханск, Оса), горох (Пермь, Соликамск, Ирбит, Чердынь, Камышлов), бобы (Пермь, Ирбит, Соликамск, Оха, Чердынь, Камышлов, а Оса — лишь “малая часть”). Лук сеяли во многих уральских городах: в Екатеринбурге — лук репчатый и лук-“батун”, а просто “лук” — в Перми, Ирбите, Соликамске, Оханске, Осе и Камышлове. Свекла отмечена наблюдателем лишь в Оханске, Осе и Камышлове, бобы — в Перми, Соликамске, Ирбите, Оханске, Чердыни и Камышлове. Чеснок был в Екатеринбурге и Перми, тыква — в Перми, Ирбите и Камышлове, редис, брюква и “малая часть маку” — в Екатеринбурге, хрен — в Соликамске⁶³. Впрочем, наш

⁵⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 516. Л. 56 об.

⁵⁵ Там же. — № 525. Л. 13, 20, 17, 24, 29, 32, 41 об., 51 об.

⁵⁶ Там же. — Л. 59 об., 54.

⁵⁷ Там же. — Л. 46.

⁵⁸ Там же. — Л. 7 об.

⁵⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 60—61, 64 об., 68.

⁶⁰ Там же. — Ч. II. Л. 72, 60-61.

⁶¹ Там же. — Ч. I. Л. 40.

⁶² Там же. — Ч. II. Л. 87 об.

⁶³ Там же. № 18920. Ч. I. Л. 38 об., 94; Ч. II. Л. 120 об.; Ч. I. Л. 67 об., 45 об., 81; Ч. II. Л. 106 об.; Ч. I. Л. 88.

источник, возможно, и не вполне исчерпывающий и дает право лишь на общее представление о характере уральского огородничества. Одно несомненно: огороды уральских городов, как правило, предназначались "для своего употребления". Лишь по Екатеринбургу наблюдатели отмечают, что часть овощей отвозят в Красноуфимск, куда овощи поступали также из Троицкой крепости.

Рыночное овощеводство

В Центре России, вокруг самого крупного городского центра — Москвы, сложилась особая обстановка. Ввиду сильного развития московской промышленности и ремесла, высокой плотности городской застройки московские огородники не могли удовлетворить рыночный спрос. Поэтому в орбиту торгового огородничества были втянуты ближайшие к Москве сельские районы. Селения по рекам Москве, Клязьме и Оке изобиловали овощами. Такой тип развития уже в XVIII в. привел к отказу в ряде районов от традиционного зернового производства. Во многих ближайших к Москве селениях "упражнялись в сажании огородных овощей, как то: свеклы, моркови, редьки, луку, чесноку, огурцов, капусты и картофеля так, что во многих селениях почти все поля обращены в огороды"⁶⁴.

Во многих городах Нечерноземья, даже промышленно развитых, овощеводство и садоводство в XVIII столетии обрели ярко выраженный торговый характер. В Центральной России кроме собственного потребления овощи выращивались для торговли в уездах. В анкете ВЭО по Переяславской провинции прямо отмечено, что овощи крестьяне "более по необходимости покупают в городе"⁶⁵. Дмитровские купцы Подмосковья "овощами торгуют в своем городе и уезде, также отправляют и в ближние города и уезды"⁶⁶. Жители Ярославского городка Данилова развозят свои овощи по уезду⁶⁷. В Можайске "капусту и огурцы сажают в великом количестве, которое употребляется на продовольствие городских и уездных жителей"⁶⁸. В Верее капусту и огурцы сажают "для жителей городских и продажи поселянам в близлежащих уездах"⁶⁹. В Волоколамске горожане выращивали капусту, огурцы, морковь, горох, свеклу, редьку и прочее "в великом количестве"⁷⁰.

Торговый характер городского овощеводства неизбежно способствовал разработке рациональной агротехники и агрокультуры. В итоге сложного процесса взаимовлияния стоимостных рычагов рынка и совершенствования агрокультуры торговое овощеводство городов постепенно подчиняется специализации.

⁶⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 85.

⁶⁵ Ответы по Переяславской провинции // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VII. — С. 95.

⁶⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 6; Цекатов А. Словарь географический государства Российского. — М., 1806. — Ч. II. — Ст. 211.

⁶⁷ Там же. — № 19178. Л. 67 об.

⁶⁸ Там же. — № 18862. Ч. VII. Л. 3 об.

⁶⁹ Там же. — № 18861. Ч. V. Л. 70.

⁷⁰ Там же. — № 18862. Ч. II. Л. 3. См. также: № 18861. Ч. VII. Л. 8 об.

Промышленное луководство

Мы уже говорили о том, что под Арзамасом, в Выездной слободе специализировались на производстве лука. В Промышленном центре России было несколько таких городов, где главным товаром был лук. Это г. Дмитров, где А.Т. Болотов отмечал “произведение великого множества репчатого луку, которым засаживались превеликие огороды”⁷¹. Это Верей и Боровск. В частности, в Боровске уже в 60-х годах XVIII в. “главный торг большею частию жителей — чесноком и луком, который родится лутчего рода в таком количестве, что в иные годы с лишним на 4 тыс. руб. отвозят в Москву и в близлежащие города”⁷². Верей, так сказать, соперничала с Боровском в производстве лука. В конце XVIII в. лука и чеснока здесь сеяли громадное количество — ежегодно до 10 тыс. четвертей. Под лук и чеснок пошли не только все площади городских огородов, но и обширные пространства городских выгонных земель, на которых обычно пасли скот. Верейский лук также славился “во всей России лутчим”⁷³. Крупные партии его везли в Москву, Тулу, Тверь, Ржев, Торжок, Гжатск, Смоленск, Мещовск, Болхов, Орел, Козельск, в Белоруссию и Польшу⁷⁴. Под влиянием городского овощеводства и некоторые села Верейского уезда специализировались на разведении чеснока и лука⁷⁵.

Наконец, в волжском Романове “садят капусту, чеснок, редьку, свеклу, морковь и лук не только для собственного расхода, но и на продажу, так что лук продается в городе и развозится водою и сухим путем ценою не менее до 20 тыс. руб.”⁷⁶ Во владимирском городке Лух большинство жителей имело “пропитание... от черных огородных работ”, а объектом торговли были “лук, чеснок и прочей овощь”⁷⁷.

Сорта лука в XVIII в. были различными: лук-“сеянец”, “песочный” лук, лук-“порей”, репчатый лук, лук-“батун”, лук-“цибуля” и т. д.

Лук-“сеянец”, предназначенный на рынок, в конце XVIII — начале XIX в. сеялся на огромных участках стандартного размера: 15 сажен (св. 30 м) в длину и около 6 сажен (12 м) в ширину. На такую площадь шло 16 золотников (ок. 70 г) семян⁷⁸. Лук-стриженец, или “цибуля обыкновенная”, сеялся главным образом в районах к югу от Москвы. Обыкновенная цибуля имела перья длиной около 5 вершков (до 25 см), а семянной ствол

⁷¹ Болотов А.Т. Записки... — Т. II. — Ст. 994.

⁷² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18782. Л. 39.

⁷³ Там же. — № 18860. Л. 20.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — СПб., 1772. — Т. I. — Ч. II. — С. 347.

⁷⁶ РГВИА Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 40.

⁷⁷ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — Т. I. — Ч. II — С. 157.

⁷⁸ Левшин В. А. Огородник, удовлетворяющий всем требованиям, до сего относящимся... (Далее — Левшин В. А. Огородник). — М., 1817. — С. 37—41.

до аршина и более (св. 70 см) с резким утолщением средней части пера. У поздней цибули (яковлевской) перья были короче, но толще. Цибуля давала много продолговатых луковиц на общей белой мочке⁷⁹. Лук-“порей” сеяли обычно “под зиму”, а в июне пересаживали на другие гряды⁸⁰. По цвету луковицы различались на красные и желтые.

Наиболее подробно промышленная технология производства лука раскрыта А.Т. Болотовым описанием навыков и культуры взращивания лука в г. Боровске. “Наилучший и крупнейший да и вкуснейший, — писал ученый, — лук родится на второй год после посева... севака”⁸¹. “Севак” получался посевом семян. Их предварительно готовят к севу так: “кладут в чаши, намачивают водою и ставят на лавки (в избе, — Л. М.), где ни жарко, ни холодно. Стоят (семена, — Л. М.), пока не наклюнутся и не пустят ростки. Тогда (пересыпают их, — Л. М.) в сита или частые решета и в реке перемывают. Негодные — долой, а хорошие сушат”⁸². Вся эта процедура подготовки к севу занимает примерно шесть дней. Подсохшие пророщенные семена сеют “не слишком часто” на хорошей земле, “но более песчаной”, так как на тучной земле луковички вырастают “слишком велики и негодны”. Лук полют несколько раз в лето. Когда перья осенью засохнут, луковички “севака” выкапывают и сушат. Размером луковички должны быть с лесное яблоко или “в орех и мельче”. “Паче, чем он мельче, тем почитается лутчим и продается дороже”⁸³. Сушат “севак” на солнце, а потом в овинах. Хранят этот лук всю зиму “в особых полатях из тоненьких жердочек” в черных избах, чтобы лук не сопре и чтобы “как дым, так и дух проходил насквозь”. На дощатых полатях этот лук загнивает. Зимой лук регулярно перебирается. Прокопченный дымом лучок называется теперь “варенцом”. Именно этот лучок сажается для получения “крупнейшего”, в диаметре до 2-х вершков (св. 8 см), “мякотельного” вкуснейшего репчатого лука. “Варенец” сажают “по вскрытии весны” на хорошо ухаанной, мягкой земле в гряды. Интервал посадок около 36 см, невзирая на размеры той или иной луковички (“в сем случае они не жалеют земли”). Гряды должны быть с наклоном *не на юг*. Летом перья от такого лука берегут — не щиплют; гряды часто полют и, если при этом ломают стрелки, то “они луковицы почитают уже за негодные”.

Готов лук, когда стрелки “развалятся и лягут на землю”. От одного “севака” получают по 2—3 больших луковицы. После выкопки и обрезки лука его десять дней просушивают на солнце, а потом в овинах “на частых жердочках”, поддерживая малый огонь. Так сушат шесть дней. Потом идет сортировка на 3 руки (сорта). Самый мелкий объединяют с “севаком”. Крупный хранят в омшанниках на полатях из жердочек, по необходимости

⁷⁹ Левшин В. А. Огородник. — С. 46—47.

⁸⁰ Новый садовник. — Ч. II. — С. 49.

⁸¹ Экономический магазин. — М., 1782. — Ч. XII. — С. 161—171.

⁸² Левшин В. А. Огородник. — С. 46—47.

⁸³ Новый садовник. — Ч. II. — С. 49.

подсушивая жаром в горшках или малым огнем⁸⁴. Этот лук идет на продажу и называется “первак”. Если “первак” очень мелок, то его сажают и получают “другак”. Мелочь от “другака” тоже сажают, как “севак”, и получают “третьяк”, а потом и “четвертак”. Более старого лука не бывает, так как мелкий “четвертак” идет в пищу и т.п.

Самые крупные луковичы “первака” сажают в самую лучшую землю отдельно — из них получают семена. Стрелы такого лука достигают метровой высоты и больше. Спелые стрелы срезают, собирают в пучки и вешают головками вниз “под сараем, где ветер, а под ним — рогожка, куда сыплются семена”.

Боровичи-луководы во второй половине XVIII в. также практиковались в своем мастерстве, уезжая огородничать в другие города и уезды. Там они “сажают лук хотя на наемной, дорогою ценою земле, но от одного получают немалую прибыль”⁸⁵.

Таков лишь в общих чертах метод выращивания репчатого лука. Конечно, от А.Т. Болотова ускользнули многие нюансы. Основной из них — качество приготовленной под сев земли и отбор семян, что и было, видимо, “секретом” боровичей. Тем не менее и описанные нами приемы агрикультуры сами по себе резко отличны от общей практики. Тот же А.Т. Болотов писал, что “у нас в деревнях не делается для посадки никакого выбора, сажается как ни попало и нередко десятилетний и более” (по возрасту) лук⁸⁶. Крупные луковичы для высадки лишь разрезаются обычно на столько кусков, сколько вылезло ростков (“на 4 и на шестеро”). Эти куски сажали в гряду на глубину 2 вершка (св. 8 см), но очень загущенно: интервал был всего 3—4 вершка (12—16 см). Стрелки все лето обламывали, и вязали их лишь тогда, когда они начинали вянуть. Все это, а также не вполне тщательная прополка, вело к тому, что в итоге лук получался мелкий.

Технология выращивания чеснока была очень схожа. Товарный чеснок получался из зубчиков чеснока, высаженных на глубину 2 вершка (св. 8 см) с интервалом 2—3 вершка (8—12 см), а иногда — 4—5 вершков (16—20 см). В начале июня листья вязали в узлы. Когда в середине июля они начинали блекнуть и вянуть, чеснок выкапывали, вязали в пучки и хранили в теплом сухом месте. Обычно в головке получали 12—15 зубков⁸⁷.

Видимо, ценность чеснока во многом зависела от качества земли. Наиболее славился верейский чеснок, а также чеснок из сел Ростова Ярославского, хотя в Нечерноземье чеснок был очень популярен и выращивался во многих крупных городах.

⁸⁴ В начале XIX в. в Романове-Борисоглебском лук хранили в избах, нанизывая на нитки и подвешивая на специальных перекладинах. — Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кепен). Оп. 1. № 257. Л. 33.

⁸⁵ Экономический магазин. — Ч. XII. — С. 168.

⁸⁶ Там же. — С. 170.

⁸⁷ Левшин В. А. Огородник. — С. 51; Новый садовник. — Ч. II. — С. 138—139.

Несмотря на то, что огурцы и капуста выращивались почти в каждом крестьянском огороде, в XVIII в. намечается ряд центров товарного производства этих культур.

В подмосковном городе Дмитрове — крупном центре торгового овощеводства — помимо лука и чеснока “в рассуждении грунта и положения места” были благоприятные условия для выращивания огурцов и капусты⁸⁸. Масштабы посадок современники оценивали как “изобилие”, в итоге которого “знатное количество для продажи отвозилось в соседственные города и посады”⁸⁹. Вместе с тем немалый торг дмитровские огородники производили мятой — одной из самых необходимых поваренных трав XVIII столетия⁹⁰.

Муромские огурцы

Приокский город Муром специализировался только на огурцах. Таких центров в Нечерноземье было очень немного: можно вспомнить и г. Ростов, хотя в нем выращивали и другие овощи и травы. Про жителей Муромы наблюдатели писали: “Всему гражданству общий промысел состоит в огуречных огородах. Огурцы у муромцев разделяются на зеленцы и семяники (на семена шли огурцы от первой завязи и только с округлыми концами, — Л. М.). Зеленцы употребляют они для домашних расходов, а семяники попускают лежать на грядках до самой их спелости. Потом разбивая собирают семена и распродают в окрестные города и села на вес. И пуд семян от двух до восьми рублей продается”⁹¹. Муромский сорт огурцов был широко распространен. В 60-х годах XVIII в. славился огурцами и г. Владимир, а к концу века — г. Покров. В отличие от “муромских”, “покровские” огурцы лучше годились к солению, поскольку у “муромских” была очень тонкая кожура⁹². В Тульской губернии широкой известностью пользовались свои — “мяснотские” огурцы⁹³.

Наиболее популярными сортами у огородников были огурцы ранние (парниковые), хотя обыкновенные огурцы открытого грунта также были очень распространены. В помещичьих и отчасти посадских огородах выращивали множество сортов огурцов: “простые”, или “желтые”, “белые”, или “голландские”, “длинные”, или “турецкие”, “скороспелые”, “мохнатые”, “шпанские”, “змеиные” и т.п.⁹⁴ В огородах сажали преимущественно “простые” и “белые” (“по состоянию климата и почвы огурцы выражаются из белых — в зеленые, из шероховатых — в гладкие”)⁹⁵. В парниках росли

⁸⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18861. Ч. IX. Л. 15 об.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — Т. I. — Ч. I. — С. 29.

⁹¹ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. № 251. Л. 7.

⁹² Там же.

⁹³ Левшин В. А. Огородник. — С. 244.

⁹⁴ Новый садовник. — Ч. I. — С. 98—100. Были еще огурцы “кустистые”, “черные” и т.п.

⁹⁵ Левшин В. А. Огородник. — С. 232, 244.

скороспелые. “Длинные” огурцы сажали и в огородах, и в парниках⁹⁶, практиковались и так называемые “садила”.

Скороспелый сорт огурцов в городах и помещичьих усадьбах сеяли в парниках иногда даже глубокой зимой. Для парника рыли специальный ров шириной в 2 аршина (св. 140 см) и глубиной в 1 аршин (св. 70 см). Ров делали с выпуклым в центре дном для стока воды. Потом по периметру рва, длина которого может быть любой, выкладывали кирпичную или каменную стенку до поверхности земли. Ров заполняли свежим конским навозом, перемешанным с соломой. Накладывали его “ровно и рыхло”, слоями, плотно утаптывая каждый слой и следя, чтобы не было комьев, горок и ложин (ямок). И так — слой за слоем, пока навоз не выйдет на уровень земли⁹⁷. Потом на кирпичную стенку монтировали ящик из толстых досок высотой по ширине досок. Северный край ящика должен был быть на 6 дюймов (св. 15 см) выше южного. Ящик снаружи укрепляли брусками. А на них ставили “окончины”, т.е. рамы из сухого дубового дерева без поперечин. Рамы стеклили, готовя в раме выем. Стекла монтировали как тесовую крышу, т.е. начинали с нижнего конца рамы, и каждая последующая полоска стекла накладывалась на предыдущую. “Смычки” стекол и края рам замазывали специальной замазкой⁹⁸. Рамы красили масляной краской. Затем в парник закладывали землю, слой которой для огурцов, салата и редиса был не более 6 вершков (ок. 25 см)⁹⁹. Навозная подушка сильно разогревалась, поэтому несколько дней (иногда и до двух недель) ждали, пока жар не сойдет и земля не станет теплой, как парное молоко. Семена огурцов, предварительно вымоченные 4 часа в воде и пророщенные в ветошке (тряпиче), сначала сажали в горшочки с легкой землей, а горшочки вкапывали в грунт. Семена на посев брали 3—4-летнего возраста. Пересадка всходов производилась несколько раз, пока, наконец, всходы не сажали в грунт парника рядами с интервалом 6 вершков¹⁰⁰. У плетей зашпикивали ростки на третьем коленце, а у вторичных плетей — по первое коленце¹⁰¹. Парник регулярно проветривался, всходы поливали. На ночь парники накрывали рогожами. Обычно тепло от навоза в парнике шло два — три месяца¹⁰². Остывший парник обваливали свежим навозом.

Паровые гряды, или “садила” делали в апреле — мае так же, как парники, только без ящика (или обрuba). Поверх навоза клали слой хорошей земли, формируя гряду. Сеяли, когда жар сойдет (через 10—12 дней). Если после сева жар возобновлялся, то колом делали отверстия в земле и навозе,

⁹⁶ Новый садовник. — Ч. I. — С. 173—174.

⁹⁷ Там же. — С. 114—115.

⁹⁸ Левшин В. А. Огородник. — С. 32—35.

⁹⁹ Новый садовник. — Ч. I. — С. 116.

¹⁰⁰ Там же. — С. 98—101.

¹⁰¹ Левшин В. А. Огородник. — С. 239—245.

¹⁰² Левшин В. А. Садоводство. — М., 1805. — С. 117.

чтобы тепло быстрее выходило. На ночь гряды покрывали войлоками, толстыми соломенными матами или оконницами¹⁰³.

В России в обычные гряды на открытом грунте сеяли огурцы в три срока: в первых числах мая, в середине и конце мая. Часто сеяли в определенный срок — 21 мая. Поздние или обыкновенные огурцы сеяли в середине и конце мая в хорошую погоду. Многие огородники комбинировали сев огурцов с посадкой простой или цветной капусты. В ямку на глубину 2—3 см сажали 8—10 зерен, закрывали слоем земли и поливали. В хорошую погоду всходы показывались на пятый — шестой день. При формировании первых трех листиков слабейшие ростки вырывали, оставляя по 5 более крепких ростков. Землю постоянно рыхлили, пололи и поливали. После снятия цветной капусты гряду чистили, междурядья поднимали и снова удаляли слабейшие ростки. В конце июля появлялись первые огурцы¹⁰⁴.

В южных же краях России огурцы сеяли с 1 по 20 мая на полях. С осени на поля вывозили навоз. Весной пахали и боронили гладкими лехами, "то есть разсеяв, как хлебные зерна, по гладко ухапанному и выбороненному месту"¹⁰⁵. Огуречные промышленники находили "сей способ лучшим"¹⁰⁶. Степные огурцы находили широкий сбыт как свежими, так и в виде соевых. На засолку здесь шли огурцы только самой поздней завязи.

Коломенская капуста и ростовские огородники

Во многих городских центрах наряду с огурцами важную роль играла и другая продукция, выращиваемая на рынок, — капуста. Наиболее широко распространенными были очень немногие сорта: "кочанная обыкновенная", "серая листовая" капуста были непрямым овощем в крестьянских огородах. Белокочанная и цветная капуста чаще разводились в городских огородах.

В конце XVIII — начале XIX в. уже повсеместно славилась коломенская белокочанная капуста. Посадки ее были не только в огородах, но и в полях¹⁰⁷. Семена "большой коломенской капусты" перед севом подвергали мочке в течение трех часов, затем проращивали во влажной тряпице. Сеяли ее на "рассадах" или хорошо унавоженных паровых грядках ("садилах") в апреле месяце. Рассаду перед пересадкой обмакивали корнями в раствор из животной мочи, иловатой земли и воды. Кочны большой коломенской капусты отличались величиной, а отдельные экземпляры были весом до 30 фунтов (ок. 12 кг)¹⁰⁸. Белокочаный сорт был широко распространен в Подмоскovie и ближайших к нему городах. Так, например, в Можайске на-

¹⁰³ Левшин В. А. Огородник. — С. 29—32.

¹⁰⁴ Новый садовник. — Ч. I. — С. 101—102.

¹⁰⁵ Левшин В. А. Огородник. — С. 241.

¹⁰⁶ Левшин В. А. Садоводство. — Ч. I. — С. 175.

¹⁰⁷ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. № 251. Л. 6.

¹⁰⁸ Там же.

блюдатели отмечали: “Сеют здесь в изобильном числе капусту и огурцы, которые употребляются на продовольствие... соседственных городов”¹⁰⁹.

Много огородников-капустников было в Ярославской губ., особенно в г. Ростове и уезде (села Поречье, Угодичи, Сулость, Вязовское, Зарецкое), а также в заштатном г. Петровске¹¹⁰. Вообще говоря, торговое овощеводство в этом районе было хотя и единственным, но многоплановым производством. Центром его в конце XVIII — начале XIX в. была обширная низменность вокруг озера Неро с его плодороднейшим илом — сапропелем. Ведущими культурами в XVIII в. были огурцы, капуста, лук и чеснок. Немало внимания уделялось и поваренным травам, имевшим, как и указанные овощи, широкий сбыт прежде всего в Ярославле, в поволжских городах и городах Промышленного Центра. Разнообразие поваренных трав, культивируемых ростовцами, буквально поражает. Автор топографического описания Вологодской губернии начала XIX в. отмечает, что в дворянских огородах Вологды под прямым воздействием ростовских огородников появились такие травы, как укроп, щавель, мята, петрушка, портулак, садовый кресс, черниковый ревень, базилик, кервель, цикорий, чабрец, шалфей, богородская трава, просвирняк, иссоп, лаванда, зоря, мелисса, рута, белый мак, очная мощь, дикая ромашка, дягиль, ложечница, зверобой, полынь, горчица и сахарный горох¹¹¹. Стало быть, все эти поваренные и лекарственные травы возделывались в Ростове и Ростовском уезде. Часть этих трав, несомненно, выращивалась в парниках и теплых паровых садах (например, базилик, и др.)¹¹². К таким поваренным травам относился и сельдерей, который сеяли несколько раз. Первый сев в начале весны (в апреле) был в парниках, где он давал хорошие всходы через 3—4 недели. Затем его пересаживали в открытый грунт на жирные и влажные гряды, соблюдая интервал в 4 вершка (ок. 17 см). В холодные ночи гряды покрывали рогожами. Второй сев был уже через 3—4 недели, в начале мая, на открытых грядах на солнечных местах. Третий сев был в конце мая, и для этого использовались гряды с самой тучной землей, освещаемые преимущественно утренними лучами солнца. Могли быть и более поздние посевы с последующей пересадкой в парники¹¹³. В конце XVIII в. ростовцы предпринимали попытки выращивания так называемого “кинареечного семени”, по вкусу напоминавшего современникам “сарочинское пшено”.

В конце XVIII — начале XIX в. ростовские огородники стали уделять внимание производству зеленого (“сахарного”) гороха.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18861. Ч. V. Л. 7 об.

¹¹⁰ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. — М., 1885. — С. 14.

¹¹¹ Фриз Яков. Известия, служащие к топографическому описанию Вологды // Технологический журнал. — СПб., 1806. — Т. 3. — Ч. I. — С. 15—17.

¹¹² Левшин В. А. Огородник. — С. 117.

¹¹³ Новый садовник. — Ч. II. — С. 160—161. Поваренные травы активно возделывались и муромскими огородниками. См.: Паллас П.-С. Указ. соч. — Т. I. — С. 55.

Это один из многих сортов гороха (а в России культивировались такие сорта, как горох “серый”, или обыкновенный, горох пучковой, горох тычковый, горох-ползун, горох скороспелый и др.), который сеяли очень рано — в апреле (независимо от характера весны, так как горох боится лишь осенних “заморозов”). Ранний горох сеяли в теплые паровые садилы с глубиной рва в пол-аршина (св. 30 см), куда слоями засыпался свежий конский навоз с последующей утрамбовкой каждого слоя. Сверху насыпалась земля на ладонь высоты. Сеяли за 1—2 дня до полнолуния. В холодную погоду был сев сухой, а в теплую — горох мочили сутки. По вечерам регулярно паровые гряды накрывали от возможных морозов. Полив обычно был вечером (пучковый и тычковый горох знатоки рекомендовали поливать по утрам)¹¹⁴.

В конце XVIII — начале XIX в. ростовцы стали переходить от посевов цикория как травы для салатов к посевам его ради корней, из которых приготавливался так называемый “цикорный кофе”, ставший в ту пору входить в моду¹¹⁵. Ростовцев уже в XVIII — начале XIX в. отличала высокая культура приемов выращивания самых разных овощей и трав. Их огромный эмпирический потенциал в достаточной мере отражается в том, что иные ростовские огородники по запаху земли могли определить, что лучше всего (выгоднее всего) сажать на данной почве¹¹⁶. Высоко развито было у ростовцев-огородников парниковое хозяйство.

Капуста-капорка

Традиции огородничества, земельная теснота, обилие опытных умельцев-огородников привели к практике отхода профессионалов-огородников в другие районы. Можно вспомнить, что жители Боровска уходили на промысел для выращивания лука и чеснока в других местностях. Обитатели заштатного городка Петровска, близ Ростова, имели промысел, “отъезжая в Петербург, Ригу и Ревель, где, нанимая сады и огороды и оныя обрабатывая, торгуют теми садовыми и огородными произрастениями, в чем по большей части и занимаются”¹¹⁷. Жители г. Петровска и Ростовского уезда в конце века (1798 г.) уходят для огородных работ уже и в южные районы, в частности в г. Оренбург, “где содержат или из найма обрабатывают огороды”¹¹⁸. В начале XIX в. ростовцы уже в Вологде. Весьма вероятно, что эта практика привела и к широкому влиянию “ростовской культуры огородничества”. Поэтому пристального внимания заслуживает агрикультура возделывания важнейшего продукта огородничества, практикуемого русским населением в Копорском уезде и, видимо, вообще в Ингерманландии. Копорская

¹¹⁴ Новый садовник. — Ч. I. — С. 162.

¹¹⁵ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (П.И. Кеппен). Оп. 1. № 257. Л. 56—64.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19176. Л. 80 об.

¹¹⁸ Там же. — № 19178. Л. 29 об.

белокочанная капуста была главным товаром, идущим из здешних сел в Петербург, Нарву, Кронштадт и другие города¹¹⁹.

Сорт капусты “капорка” был широко известен и во всем российском Нечерноземье. Главные ее разновидности — капорка ранняя и славянская. Первая из них спела к 1 июля, а вторая — к 1 августа¹²⁰. Кочны этой капусты были невелики, но формировались в сравнительно короткие сроки¹²¹. Раннюю капорку сеяли в марте в парниках-рассадах. Но гораздо большее значение имел поздний сорт.

Возделывали его на тучной, мягкой и не очень мокрой земле. Песчаные и глинистые грунты не годились. На старых капустниках землю пашут четыре раза, унавоживают мелким навозом. Причем перед вывозкой навоза пашут и боронуют и тотчас после вывозки и разбрасывания навоза “подпахивают и заборонуют”. Перед “сажкой” пашут и боронуют в четвертый раз. Потом делают гряды и ровняют их лопатами. Садят рассаду капусты в третьей декаде июня (на Иванов день — 24 или на Петра и Павла — 29), обычно вечером, делая колышком ямки в расстоянии друг от друга “на ведро”. Сажая рассаду в ямки, тут же поливают из ведра ковшом или уполонником. В других случаях предпочитали сажать в сухую землю, когда нет дождя. Потом шел полив в течение трех суток по вечерам. В случае жаркой погоды полив был дважды в день (утром, “когда роса обвалится”, и вечером, “когда перед закатом роса начинает засыхать”)¹²². Больше капусту не поливали до самой осени, считая, что от полива омывается корень, а капустный лист синее и блекнет. Если очень сильно пошли сорняки, делается однократная прополка. Таким образом были созданы сорта белокочанной капусты, которые требовали минимального ухода. Борьба с главным вредителем капусты — капустным червем шла главным образом вручную — его собирали и сжигали. Самая “сильная” капуста, которую не брали черви, была на лядинах и росчистях. Там землю удобряли пережиганием кубышей, т.е. вязок хвороста. “Случается”, как писал современник, “что и до трех раз пережигают”, “а коли дерн толст, то и топором его рубят, чтоб землю сделать мельче и рыхлее”¹²³. Спела капуста к стуже около Покрова дня. Тогда ее срубали, отходы прессовали тут же в поле в особые кучи, огражденные тыном. Лили туда теплую воду и ставили гнет. Это был корм скоту, “а по нужде и людям”¹²⁴. Капусту в основном квасили на зиму.

Часть кочнов капусты хранили, а весной высаживали на семена. Капустные рассадники делались на старых грядах величиной 3 сажени на 1,5 ар-

¹¹⁹ Примечания о земледелии в Ингерманландии, особливо в Копорском уезде // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VI. — С. 50—53.

¹²⁰ Левшин В. А. Огородник. — С. 341.

¹²¹ Там же. — С. 192.

¹²² Примечание о земледелии в Ингерманландии, особливо в Копорском уезде // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VI. — С. 50—53.

¹²³ Там же. — С. 52—53.

¹²⁴ Там же.

шина (5 м х 1 м). Гряды ровняют лопатой, потом жгут на них дерн и хвост. Далее граблями очищают, оставляя ровный слой пепла, иногда гряды слегка метут метлой. Сеют семена на ровный слой пепла (одна "хлебальная лошка" семян с шестью горстями земли на грядку). Семена покрывают черной землей слоем в два пальца толщиной. Поливают лишь тогда, когда покажутся ростки. И далее поливают по вечерам ежедневно (иногда дважды в день) до тех пор, пока листьями рассады не покроется земля¹²⁵. Главный вредитель рассады — мошка. Ее отваживали либо посыпкой пепла вокруг растений, либо приготовлением раствора для опрыскивания из листьев лопушника с куриным пометом. Раствор делался закисшим.

"Иноземные" сорта капусты

Помимо белокочанной капусты на рынки русских городов поступала и краснокочанная капуста (в XVIII веке ее иногда звали "черной капустой"). Так, в конце века в Коломне на огородах выращивали наряду с огурцами, хреном, картофелем "белую и черную капусту"¹²⁶. Кроме того, возделывались зеленая и желтая савойская капуста. Во многих городах России огородники разводили цветную кочанную капусту. Лучшие из них добились формирования крупного, белого и мелкозернистого кочна. Уже в конце XVIII в. рыночные условия были таковы, что цветная капуста продавалась начиная с июня и до глубокой зимы (до так называемых Святков)¹²⁷. Конечно, сажали цветную капусту прежде всего в парниках, начиная с марта месяца. В открытых садах или паровых грядах — в мае. После формирования всходов с 4-мя листками производилась пересадка, либо в другой парник, либо в открытый грунт.

Нередко в помещичьих огородах цветную капусту выращивали, сажая рассаду под стеклянными колоколами в открытом грунте, снимая затем колокола или пересаживая в третий раз, когда наступало тепло. При пересадке рассады полив был очень умеренным (иногда раз в две недели). Потом частота полива увеличивалась (один раз в 2—3 дня), и при образовании кочна норма полива снова увеличивалась. При появлении кочнов проводилось окучивание¹²⁸.

Из других подвидов цветной капусты в XVIII в. особое распространение получил брунколь или бронколь. Лучшей рассадой этого сорта считалась кудрявая и темная цветом. По достижении растением половины своего обычного роста "сердечко" надламывали, чтобы растение дало больше отростков. Лучшими урожаями цветной капусты были также на кубышах¹²⁹. Из

¹²⁵ Примечание о земледелии в Ингерманландии, особливо в Копорском уезде // Труды ВЭО. — 1767. — Ч. VI. — С. 53—54.

¹²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18861. Ч. X. Л. 13 об.—14.

¹²⁷ Левшин В. А. Огородник. — С. 196.

¹²⁸ Там же. — С. 192—196.

¹²⁹ Эйзен Г. И. Наставление, каким образом сушить всякие травы и корни // Труды ВЭО. — 1773. — Ч. XXV. — С. 54—55.

других сортов капусты можно отметить возделывание кольраби и др. По Черноземью есть сведения об огородничестве г. Пензы. Там к капусте, видимо, был особый интерес, ибо наряду с “яблонными” и вишневыми садами было большое разнообразие сортов капусты (здесь сажали: “цыприкую (?), цветную, раннюю цветную, любскую, белую кочанную, острую красную, зеленую и кудрявую”)¹³⁰.

Что такое тыквенные “садила”

Из южных бахчевых культур далеко на север проникла тыква. Жители городов Нечерноземья приспособились успешно выращивать многие сорта этой культуры в открытых грядках и парниках. Среди многих сортов тыквы, сажаемых в городских и дворянских огородах (тыква обыкновенная желтая, тыква белая, тыква мрамированная, т.е. мраморная, тыква “чалмою”, тыква кубышичная, тыква-труба и т. п.), наиболее распространенными были три сорта (тыква желтая, белая и мрамированная)¹³¹. Поскольку тыква спеет за четыре месяца, то сажали ее рано (обычно в середине апреля) в специальные миниатюрные садила, т.е. теплые унавоженные участки. Для этого рыли ямки квадратной формы шириной около полуметра (12 вершков) и глубиной в 30 см (6 вершков). Их наполняли навозом (видимо, конским, т.к. он должен был разогреваться). Бугорок над землей делался тоже главным образом из навоза, скорее всего, перепрелого. В бугор сажали пророщенные семена или уже готовые ростки, выращенные в парнике или настоящем саделе. Все это накрывали крышкой из соломы или рогожи, открывая только в дождь. При появлении ростков покрытия снимали, что происходило через 5—6 дней. Через 5—6 недель главные плети, достигшие длины 4 аршин (ок. 3 м), зашпицовывали на концах, а на первое от зашпица коленце насыпали земли. Засыпанная плеть прорастала и усиливала питание всего растения. При появлении вторых плетей их также зашпицовывали. На каждой плети оставляли не более двух крупнейших плодов, остальные срезали. Зреющие тыквы регулярно переворачивали, подставляя под лучи солнца равномерно весь плод. Под тыкву обычно подкладывали кирпичи или что-то подходящее, изолируя весь плод от холода земли и излишней влаги. Полив был обильным (“не опасаясь лишка”), неколодезной водой. В сушь поливали ежевечерне. Крупные плоды открывали, отгибая листья. Спелые тыквы срезали, но оставляли лежать на солнце 10—15 дней. Затем их помещали в прохладное помещение, где они лежали длительное время. Искусные огородники XVIII в. умели различать тыквенные растения и выделять “мужские” и “женские”. “Огородники утверждают, что растения мужские приносят плода большие крупнейшего”¹³².

¹³⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. № 525. Л. 8 об.—9.

¹³¹ Новый садовник. — Ч. II. — С. 178—182.

¹³² Левшин В. А. Огородник. — С. 247—253; Новый садовник. — Ч. II. — С. 178—182.

Стихийная интродукция

На городских огородах и в помещичьих хозяйствах во второй половине XVIII в. появилось множество новых сортов и видов овощных растений и поваренных трав, что свидетельствовало о резком увеличении доли и влияния на агрокультуру так называемого индивидуального опыта.

Как известно, интродукцией в растениеводстве называется тенденция распространения (и стихийного, и сознательного) каких-либо ценных растений-аборигенов из локального региона начального произрастания в иные регионы мира. Процесс интродукции в XVIII веке дал России уже упомянутые кольраби и савойскую капусту, баклажаны, пастернак, петрушку, лук-порей, рокамболь, сельдерей пахучий, сахарную (белую) свеклу, подсолнечник, тмин, фенхель, эстрагон, шалфей, мяту перечную, вайду, морену красильную, шпинат и др.¹³³ Возделывались так называемый сахарный горох, спаржа, которая была широко распространена и в диком виде “доброю не хуже... огородной”¹³⁴, турецкие и русские бобы, скорпинера, сахарный корень и др. А.Т. Болотов был среди первых энтузиастов посевов английской горчицы, в 90-х гг. в Москве уже продавали горчичное масло¹³⁵.

Процессы интродукции были особенно ярко выраженными в южных районах России, где были наиболее благоприятными условия для возделывания многих европейских средиземноморских и восточных культур. Еще Петром I под Воронежем был устроен огромный сад, “где чинены были разные опыты, дабы усмотреть, могут ли в сих странах произрастать полезные плоды, растения, виноград и другие травы”¹³⁶. Такой же опытный питомник был и под Азовом. Уже в XVIII в. необычайно быстро распространились в огородах тмин, сельдерей, петрушка, пастернак и др.

Как сажали астраханский перец

В Самаре жители “издавна сажают в огородах своих называемый у них стручковый или астраханский перец, который именуют у нас больше горчицею”¹³⁷, — писал в 90-е годы века современник. Семена перца, похожие на чечевицу, предварительно проращивали, потом сеяли, как капустную рассаду и поливали дважды в день, утром и вечером, в течение 12 дней. По достижении растением высоты в четверть аршина (18 см) пересаживали в мягкие гряды, как капусту. Ежедневный полив продолжался до цветения (в сушь поливали и в цветение). Потом оставляли в покое до сня-

¹³³ Воронина Е. П. Роль сельскохозяйственных культур в аграрном прогрессе России в различные исторические периоды // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 год. — Л., 1972. — С. 193.

¹³⁴ Эйзен В. И. Наставление, каким образом сушить всякие травы и корни // Труды ВЭО. — 1773. — Ч. XXV. — С. 60, 54.

¹³⁵ Труды ВЭО. — 1796. — Ч. II. — С. 312.

¹³⁶ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. — СПб., 1771. — Ч. I. — С. 153.

¹³⁷ О стручках перечных // Труды ВЭО. — 1795. — С. 66—67.

тия урожая. В Самаре общий сбор перца достигал 1500—2000 пудов. Пуд кривых красных стручков жгучего перца стоил 2—2,5 руб. Большие стручки были длиной около 15 см. Погодные условия заставляли иногда снимать перец недозрелым и вносить дозревать на полатах в избе. Зрелый перец обычно перерабатывали (сушили, толкли в ступах). Расходовали перец экономно — стручок на месяц¹³⁸.

Где в России были лучшие сады?

Сугубо торговый характер имело и великорусское садоводство.

Дворянские фруктовые сады, иногда в несколько сотен и тысяч деревьев, сдавались на откуп перекупщикам, которые, как правило, были опытейшими садоводами. В одном из наказов приказчику конца 60-х годов четко определена доходность хорошего сада: “всем известно, что иногда такой же доход получается с них, как и с целой хорошей деревни”¹³⁹. Ту же мысль находим и у А.Т. Болотова: “Вы знаете, какие есть сады в Каширском уезде! Не принесет того деревня иная, что принесут они господину”¹⁴⁰. Да и сам А.Т. Болотов после ухода с должности управителя дворцовых имений Бобриковской и Богородицкой волостей получал со своих садов в с. Дворяниново весьма солидный доход. В Словаре Афанасия Щекатова, в частности, говорится, что у дворян Рязанского, Пронского, Зарайского уездов “плоды садовые покупают коломенские и зарайские купцы, которые сим немалую часть своего торгова составляют”¹⁴¹.

Основной товар садоводства нечерноземной полосы России — яблоки. Их разводили даже в Олонецкой провинции, где в Курвоской волости у крестьян, а в Оштинской волости у горожан были хорошие яблони¹⁴². В Ярославле “многие имея в своих садах яблоки, вишни, смородину и малину... употребляют в продажу”. Яблоневые и вишневые сады были в г. Углич¹⁴³.

По мнению А.Т. Болотова, яблони и некоторые другие садовые деревья любят больше тяжелые, вязкие и глинистые, унавоженные земли¹⁴⁴. Именно такие земли преобладали в междуречье Оки и Волги, где и сосредоточены были наилучшие фруктовые сады (это районы Калуги, Тулы, Коломны, Владимира, Муром, Нижнего Новгорода и т.д.). В частности, в Калуге было огромное количество садов, из которых “пространнейший и богатейший

¹³⁸ О стручках переных // Труды ВЭО. — 1795. — С. 67—69.

¹³⁹ Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина // Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XVI. — С. 163.

¹⁴⁰ Экономический магазин. — М., 1780. — Ч. I. — С. 51.

¹⁴¹ Щекатов А. Словарь географический государства Российского. — М., 1807. — Ч. 5. — Стб. 475.

¹⁴² Ответы на экономические вопросы, касающиеся... южной части Олонца // Труды ВЭО. — 1769. — Ч. XIII. — С. 27.

¹⁴³ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 3 об.; № 19176. Л. 25.

¹⁴⁴ Болотов А.Т. Некоторые примечания о замосковных ближних местах // Труды ВЭО. — 1791. — Ч. XIV. — С. 324.

здесь так называемый Шемякин сад в Заверхней части (города, — Л. М.), в котором всякие деревья, как-то: сливы, груши, вишни, абрикосы и прочие ежегодно богатые плоды производят". От одних яблок, отправляемых в Москву, доход бывает "более нежели на 200 тыс. руб."¹⁴⁵ Жители Коломны "имеют обширные плодовые сады, от которых хозяева получают довольную прибыль. Сим заведением город Коломна перед прочими прославляется", в Коломне "делается самая лутчая из разных плодов сахарная постила"¹⁴⁶. Большой торг яблоками был в г. Малоярославец. В Рузе "от плодовых садов и огородов получают довольную прибыль"¹⁴⁷. В Верее "в садах... растут в изобилии яблоки, сливы, вишни и груши"¹⁴⁸. Гороховец имеет "великие плодовые сады, так что от них города мало видно. В них родятся яблоки разного сорта, из них делают постилы и от продажи оных получают немалый прибыток"¹⁴⁹. В Серпухове "разведены обширные сады... Жители из яблок, вишен, крыжовника и смородины делают сахарную постилу с отличным искусством и отправляют в Москву, Санкт-Петербург и другие города"¹⁵⁰. В Вязниковской слободе большинство населения занимается "разведением вишневых и яблонных садов, которых в городе нарочитое множество"¹⁵¹.

Огромное количество садов было в городах некоторых черноземных губерний России (Орле, Мценске, Ливнах, Курске, Воронеже, Тамбове и др.). В частности, изрядные сады с яблонями, вишней, сливами, дулями, грушами, терном, бергамотом, черносливом и т.п. отмечены топографами в г. Воронеже¹⁵². С.Г. Гмелин, проезжая Воронеж, кроме городских садов с яблонями, грушами и вишнями отмечал, что яблок, вишни и груш было полно в ближайших лесах, а лесная вишня шла на производство "вишневки"¹⁵³. Городские сады дворян в этой зоне иногда были строго регулярными, т.е. с аллеями, куртинами, косячками и т.п. Так, на севере Курской губ. в г. Дмитровске был огромный сад князя Кантемира, занимавший около 12,5 десятин. Территория его была разбита аллеями на 16 куртин. Аллеи (дороги) были обсажены двумя рядами лип и "кронными липовыми ж деревьями". В куртинах росли яблони, дули, сливы, вишни, смородина, крыжовник и малина. В другом саду, принадлежащем полковнику кн. Н.И. Трубецкому и капитану кн. Дм.Ю. Трубецкому, была также планировка с выделением куртин, между коими были кленовые и липовые аллеи. Кроме обычных яблонь, вишен, слив и т. п., здесь росли арены и барбарис, волошский орех и др.¹⁵⁴

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18752. Л. 14.

¹⁴⁶ Там же. — № 18861. Ч. X. Л. 13 об.

¹⁴⁷ Там же. — № 18862. Ч. IX. Л. 2.

¹⁴⁸ Там же. — № 18862. Ч. I. Л. 2.

¹⁴⁹ Топографическое описание Владимирской губернии, сост. в 1784 г. — Владимир, 1906. — С. 62.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18862. Ч. X. Л. 4 об.

¹⁵¹ Топографическое описание Владимирской губернии, сост. в 1784 г. — С. 98; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 57 об.

¹⁵² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18868. Ч. I. Л. 35.

¹⁵³ Гмелин С.Г. Указ. соч. — С. 154.

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18905. Л. 4 об.

Широко распространилось садоводство в городах Курской губернии. Так, в Белгороде было четыре больших сада, не считая мелких. Наблюдатель (Сергей Ларионов) отметил, что здесь “черешня отменно вкусна”¹⁵⁵. В Богатове отмечено Ларионовым лишь два сада. В Путивле было мало садов, но в них особо отмечены посадки крыжовника и трех сортов смородины. В Льгове сады вообще не отмечены. В Фатеже садоводство в 80-х годах XVIII в. только начиналось¹⁵⁶. В Тиме было всего 10 садов, в Дмитриевске — 12, в Обояни — 16, в Рыльске — 25, в Новом Осколе было 5 больших садов, зато в Старом Осколе был 71 сад¹⁵⁷. Наиболее богаты садами были города Кароча (98 садов) и Суджа (5 больших и 145 малых садов)¹⁵⁸. В Кароче были “славны яблоки и чернослив”, в Новом Осколе преобладали яблоки и вишни, в Судже в многочисленных садах росли яблоки, бергамот, дули, груши, сливы, вишни, а также малина, крыжовник, смородина. А в Тиме в садах были лишь яблоки. В Старом Осколе в изобилии росли яблоки, бергамот, груши, сливы и, главное, вишни.

Однако сады были далеко не во всех городах Черноземья и Поволжья. Топографические описания отмечают, например, отсутствие садов в большинстве городов Костромской губ. (Нерехта, Плесо, Лух, Кадый, Галич, Чухлома, Солигалич, Макарьев-на-Унже, Кологрив), хотя в самой Костроме сады были (а в них: яблони, вишни, смородина, крыжовник, малина и небольшое количество вишни)¹⁵⁹. Не было садов и во многих городах Нижегородской губ. (Василь, Семенов, Макарьев, Лукоянов, Ардатов, Арзамас)¹⁶⁰, Пензенской губ. (Верхний и Нижний Ломов, Керенск, Наровчатов, Троицк, Инсары, Ченбар, Мокшан, Шекшеев и др.)¹⁶¹. Исключением были Пенза, Саранск и Краснослободск. В Пензе “имеют некоторые у себя сады, состоящие из яблоневых и вишневых деревьев”¹⁶². В Саранске “некоторые имеют у себя сады... из яблоневых и вишневых деревьев”¹⁶³. В Краснослободске кроме яблоневых и вишневых деревьев в садах выращивали и сливы. Практически не было садов в Тамбовской губернии. В частности, про Темников наблюдатель заметил: “Садов неотменно пещаному грунту заводить не можно”¹⁶⁴. В Елатме “яблоки, груши, вишни растут в садах, но с малым плодородием”¹⁶⁵. В самом Тамбове “яблоки, груши и вишни растут в садах,

¹⁵⁵ Описание Курского наместничества... собранное Сергеем Ларионовым... — М., 1786. — С. 65.

¹⁵⁶ Там же. — С. 74, 123, 96, 150.

¹⁵⁷ Там же. — С. 144, 82, 102, 133, 110, 116.

¹⁵⁸ Там же. — С. 88—92, 138.

¹⁵⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Колл. 115. № 603. Л. 55, 69, 94, 101, 111, 141, 153, 164, 176, 187, 36.

¹⁶⁰ Там же. — Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 17—54, 7 об., 13, 34.

¹⁶¹ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 27 (И.Ф. Герман). Оп. 1. № 126. Л. 18, 21, 28, 30, 34.

¹⁶² Там же. — Л. 10.

¹⁶³ Там же. — Л. 14 об.

¹⁶⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 30.

¹⁶⁵ Там же. — Л. 26 об.

а в лесах только одни яблоки, и то весьма редко. В полевых местах — терн, вишня и персики(?), которых родится довольно количество"¹⁶⁶.

В "копытце" или "в раскол"?

В XVIII в. уже бытовали вполне сложившиеся принципы взращивания и ухода за плодовыми деревьями. Традиционными для XVIII в. были прививки "в раскол" (или "в расщеп") и "в копытце" (или "вкось")¹⁶⁷. В первом случае штамп подвоя (т.е. дерева, к которому прививают новый сорт) срезался перпендикулярно стволу. Пенек расщеплялся вдоль, и в расщеп вставлялся клиновидный срез черенка так, чтоб слои камбия черенка и подвоя совпадали. Место прививки замазывалось садовой замазкой и крепко завязывалось. При прививке "в копытце" делался клиновидный вырез у подвоя, затем брался срезанный под тем же углом черенок подходящей толщины, плотно прижимался и крепко обвязывался мочалом. В XVIII в. на одном дереве могло быть сделано от 20 до 600 прививок "в раскол" и "в копытце"¹⁶⁸. Прививки разных сортов к одной и той же яблоне были широко распространенной практикой. А.Т. Болотов писал, в частности: "И последний мужик уже знает, что это произвести через прививки легко"¹⁶⁹. От Болотова мы узнаем и о распространении так называемых "закожных прививок". Он пишет: "У некоторых есть обыкновение спиливать всю яблонь негораздо высоко от земли и за кожу запускать множество тонких черенков"¹⁷⁰. К числу "закожных" прививок относится и окулировка, или "листочковая" прививка, которую в России ввел в практику сам А.Т. Болотов.

В XVIII в. в лесах еще было обилие диких яблонь, поэтому прививки, как правило, делали к пересаженным в сад дичкам. Размножали яблони и пригибанием большого дерева к земле так, чтобы прикопать часть кроны и получить отводки¹⁷¹. Менее популярным был практиковавшийся у помещиков способ разведения новых деревьев семенами (так называемыми "почками").

В конце XVIII — начале XIX в. появилась специализация в садоводстве в виде разведения садовых питомников. В частности, в Вязниковской слободе Владимирской губ. многие жители занимались "рассаживанием яблонных и вишневых деревьев"¹⁷². А.Т. Болотов сообщает, что под г. Серпуховом в селе Липецы графов Головкиных почти все жители были садоводами и "многие из них торговали прививными и почковыми яблоньками и получали себе на том довольно прибыли"¹⁷³. В 1779—1780 гг. трехлетние яб-

¹⁶⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 538. Л. 8 об.

¹⁶⁷ Экономический магазин. — М., 1781. — Ч. V. — С. 389.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Экономический магазин. — М., 1781. — Ч. V. — С. 394.

¹⁷⁰ Там же. — С. 389.

¹⁷¹ Новый садовник. — С. 1.

¹⁷² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 57—57 об.

¹⁷³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. I—IV. СПб., 1870—1873. Приложения к "Русской старине" (Далее: Записки...). Т. II. 1871. — Ст. 970.

лоньки с черенковыми или листовыми прививками стоили 2—3 руб.¹⁷⁴ Производство яблоневых саженцев было и в г. Муроме. Здесь уже в XIX в. под саженцы в почву на глубину около 18 см выстилали еловую кору, чтобы корни саженцев не прорастали вглубь и проданное деревце легко вынималось из грунта. Нередко садовые деревья выращивали и продавали в специальных корзинах¹⁷⁵. Таким способом могли выращиваться и “отрывки”, то есть специально оторванная приствольная поросль.

Проблема “омоложения”

В плодовых садах XVIII в., особенно в помещичьих, яблони эксплуатировались, как правило, очень длительный период. В старых садах было немало деревьев 50—60-летнего возраста, а возраст яблони в 30—35 лет был самым плодотворным периодом. Поэтому немаловажной было практика “омоложения” деревьев, что еще тогда решалось разными способами. Одним из них была обрезка старой кроны. Другой способ заключался в поднятии грунта вокруг дряхлеющей нижней части ствола плодового дерева. В итоге этой процедуры дерево оказывалось как бы в кадке или в плетеной корзине. Наконец, третий способ: листву неплодоносящей яблони в августе общипывали, а в мае буравили в нижней части ствола дыру, которую закладывали сучком, срезанным от плодоносного дерева, и заклепывали “белым варом” (“воск с трипентином”)¹⁷⁶. Такая жестокая операция давала эффект, но А.Т. Болотов выступал против подобной практики.

Ягодные кусты, как правило, размножали черенкованием (т. е. закапыванием срезанных черенков на две трети их длины в землю), а также отводками (закапыванием или присыпанием земель пригибаемых плотно к земле веток того или иного ягодного кустарника). Практиковалось размножение ягодных кустов и корневыми отпрысками (например, малины).

Обычно садовая земля обильно удобрялась навозом (главным образом скотским). Помещичьи сады и сады городских мещан (купцов и др.) тщательно обрабатывались осенней и весенней копкой. Отпрыски регулярно срезались. По окончании активных обменных процессов в деревьях в садах формировались кроны. Борьба с вредителями была простейшей: сбор гнезд с личинками и окуливание деревьев. “Курево разводили с вечера, смотря по ветру”. Топливом для костров был навоз или сырой хворост. Там, где это не помогало, червей обирали и давили. Подсыпали под плодовые деревья слой золы, чтобы черви-“бродяги”, упав с веток, гибли в золе. Весной общипывали старый лист, “лиственные комья”, кожуха и колечки¹⁷⁷. И все же, несмотря на все эти меры, урон от вредителей был немалым. Урожаи были

¹⁷⁴ Экономический магазин. — М., 1780. — Ч. I. — С. 179, 185.

¹⁷⁵ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (И.Ф. Герман). Оп. 1. № 251. Л. 6—7.

¹⁷⁶ Друковцев С.В. Экономический календарь. — М., 1786. — С. 87.

¹⁷⁷ Печерский Петр. О предохранении яблок от червей // Труды ВЭО. — 1780. — Ч. XI. — С. 4.

отнюдь не регулярны. По выражению А.Т. Болотова, садовый урожай “годом повеселит, а там опять несколько лет дожидайся”¹⁷⁸.

О садовых откупщиках

Как уже говорилось, опытнейшими знатоками садоводства были откупщики, которые обычно ранней весной уже присматривали сады, заключая договора или сделки уже в период цветения. По состоянию, цвету, наличию или отсутствию пятен на завязях и бутонах (так называемых “яблочных пупышей”) откупщик точно оценивал шансы на урожай и назначал цену. Нередко бывали ситуации, когда, откупая на второй сезон, откупщик, “в прошлом лете давший хозяину дорого, на это лето не сулит прежней цены и вполье (т.е. и половины, — Л. М.) ... хотя бы сад цветами как молоком облился”¹⁷⁹. Неурожаю фруктов из-за вредителей-червей, которые в конце концов “вылезают наружу, оставив в доброте яблока порок, цене — ущерб”¹⁸⁰, весьма способствовала ранняя, теплая и сухая весна. И, наоборот, урожай фруктов больше сулила дождливая и прохладная весенняя погода¹⁸¹. Изредка сады всей средней полосы России вымерзали совсем. Так, до 1781 г. в Нижнем Новгороде садов “весьма было достаточно”, но “сей год для плодовых деревьев столько был несчастлив, что ни одного не осталось живого — позябли”¹⁸². Примерно в то же время (в 1780 г.) жестокие морозы повредили все сады в г. Костроме¹⁸³. Наконец, в 1782 г. зимою погибли сады г. Тулы и округи. У А.Т. Болотова “вишен было великое множество, но оныя пропали все...”¹⁸⁴

Сколько сортов яблок было в России?!

В России в XVIII столетии было буквально фантастическое количество разных сортов яблок и отчасти груш. Разумеется, основная работа по селекции и выведению новых сортов велась в дворянских садах помещичьих усадеб и в садах городского мещанства и дворянства. А.Т. Болотов описал в конце века свыше 600 сортов яблок и груш, культивируемых преимущественно в Тульской округе. Столь огромное множество сортов свидетельствует о многовековой для России культуре селекции, отбора и акклиматизации лучших плодовых деревьев. В Тульской округе было много сортов украинских и русских яблок разной величины, вкуса, разного налива и неналивных, особенно много было зимних и осенних сортов, годных “к мочению и к солению и к пастилам”, а также скороспелых и летних сортов¹⁸⁵.

¹⁷⁸ Экономический магазин. — М., 1780. — Ч. I. — С. 52.

¹⁷⁹ Там же. — С. 26.

¹⁸⁰ Там же. — С. 30.

¹⁸¹ Там же. — С. 39.

¹⁸² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 5 об.

¹⁸³ Там же. — Колл. 115. №. 603. Л. 30.

¹⁸⁴ Экономический магазин. — М., 1783. — Ч. XV. — С. 377.

¹⁸⁵ Экономический магазин, — М., 1780. — Ч. I. — С. 58.

Среди зафиксированных А.Т. Болотовым яблок можно прежде всего отметить широко распространенные сорта. Это хорошо нам знакомая “грушовка” — полукислый летний сорт, очень популярный в XVIII веке¹⁸⁶. Это также известный нам “анис” (“анисимовка”) — не очень крупный, полукислый, отличающийся крепостью и яркой окраской, очень плодовитый и давний сорт¹⁸⁷. Очень широко была распространена “боровинка” — “кислое со сладью”, некрупное яблоко¹⁸⁸. Издавна популярным в торговле был один из лучших летних крупных кисло-сладких плодов — “зеленый налив”¹⁸⁹. Знаменитейшим, лучшим яблоком в XVIII в. считалось “скляновское” (крепкий, прочный, крупный кисло-сладкий сорт, обладавший выдающейся лежкостью — мог храниться до июня следующего года)¹⁹⁰. Популярным в торговле яблоком была “титовка”, имеющая варианты местных названий (липецкое, пратовское, палцигское)¹⁹¹. А.Т. Болотов дал этому, как правило, очень крупному (до 10 см в диаметре), полукислому вкусному плоду, выходящу с Украины, иное название — “харьковка”. Очень славилась и охотнее других, по словам Болотова, покупались небольшие яблоки, известные под названием “плодовитка” (полусладкий сорт, особенно хорош в мочении и отличается особой лежкостью)¹⁹². Наконец, повсюду популярен был сорт “скрут”, для XVIII в. это один из давних сортов, отличавшихся большим размером (ок. 10 см в диаметре), полукислым вкусом и красотой. Повсеместен был сорт “арапское”¹⁹³.

В своем помологическом описании А.Т. Болотов большое внимание уделяет местным сортам тульского региона. Среди них известный в Туле сорт яблок “толкачи”, отличающийся крупным размером (ок. 8 см в диаметре) и хорошим кисло-сладким вкусом¹⁹⁴. Славился в Туле редко встречавшийся сорт “крыжапель тульская”, известный даже в конце XIX в.¹⁹⁵ “Отменно славился” высокоурожайный сорт “золотаревское”, выведенный в саду Золотарева, а также сорт “чебышевское” из сада Чебышева и сорт “меховское” из сада купца Меховникова¹⁹⁶. В Туле и ее окрестностях хорошо известен был сорт “гусевское”, в котором помологи конца XIX в. видели современный им “апорт”. Это очень крупное (до 10—12 см в диаметре), яд-

¹⁸⁶ Болотов А.Т. Изображения и описания разных пород яблок и груш, родящихся в Дворяниновских, а отчасти и в других садах. Рисованы и описаны А. Болотовым... С 1797 по 1801 год. Извлечение из рукописи... А.С. Гребницким (Далее — Болотов А.Т. Изображения... яблок и груш) // Плодоводство в России. Материалы исследования. — Вып. III. — Спб., 1910. — С. 46—47.

¹⁸⁷ Там же. — С. 54.

¹⁸⁸ Там же. — С. 96.

¹⁸⁹ Там же. — С. 92.

¹⁹⁰ Там же. — С. 65—66.

¹⁹¹ Там же. — С. 50—51.

¹⁹² Там же. — С. 48—49.

¹⁹³ Там же. — С. 52—53, 80.

¹⁹⁴ Там же. — С. 67.

¹⁹⁵ Там же. — С. 69.

¹⁹⁶ Там же. — С. 74—75.

ренное яблоко, отличавшееся необычайной лежкостью (до августа следующего года)¹⁹⁷. Сорт "боква" принадлежал к числу давних и лучших кислых сортов тульских яблок¹⁹⁸. К числу зарекомендовавших себя тульских сортов относится "пастуховка" из сада тульского оружейника В.А. Пастухова, хотя А.Т. Болотов отмечает, что в Туле эти яблоки в его время называли по имени деда Пастухова "харламовскими"¹⁹⁹. К числу "именитых и славных" тульских сортов Болотов относил "зеленку украинскую", отличавшуюся размером, вкусом и лежкостью²⁰⁰.

Из тульских сортов представляют интерес яблоки с тульских железоделательных заводов. Там при Ченцовском филиале еще в XVII в. во времена А. Виниуса был заложен большой фруктовый сад, перешедший потом к Нарышкиным. В XVIII в. здесь культивировались и были хорошо известны два сорта: "царицынское" и "ченцовка" (оба крупные, твердые кисло-сладкого и сладко-кислого вкуса)²⁰¹. Из остальных тульских сортов можно отметить "скляновское тульское", "седачевское" и молдавку²⁰².

Яблоки из Тульской округи, в частности из г. Богородицка, также пользовались спросом (богородка, ждановка, настенское, рассыпная и др.)²⁰³. Известен ряд сортов из сада некоего Иполитова (политовские сорта: аляковка, величавка, варваровка, духовитка, курское, реповка, иполитовка и фарисейка)²⁰⁴. Известны были и другие сорта из усадебных садов — осиповка, хитровка, волковка (коломенского купца Волкова, очень крупное — до 12 см в диаметре — "величественное" яблоко), пановка, белобородовка и др.²⁰⁵ Известны были в Туле и сорта из более отдаленных мест ("безцветка" — из рязанских садов²⁰⁶, павловское — из воронежских краев²⁰⁷, два сорта из садов знаменитых железоделательных заводов Мосалова: "масаловка" и "мышецкое" — оба из садов села Мыщецкого)²⁰⁸.

Наконец, сам А.Т. Болотов вывел очень ценные сорта, названные им "болотовка", "андреевка" и "ромодановка"²⁰⁹. Кроме того, двадцати трем сортам А.Т. Болотов дал свои названия²¹⁰.

Весьма примечательно то, что многие зимние сорта яблок из Тульской округи отличались очень хорошей лежкостью. До мая — июня лежали анд-

¹⁹⁷ Болотов А.Т. Изображения... яблок и груш. — С. 77—79.

¹⁹⁸ Там же. — С. 85—86.

¹⁹⁹ Там же. — С. 88.

²⁰⁰ Там же. — С. 89—91.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. — С. 75—76, 77, 106.

²⁰³ Там же. — С. 99—105.

²⁰⁴ Там же. — С. 105.

²⁰⁵ Там же. — С. 105—107.

²⁰⁶ Там же. — С. 105—106.

²⁰⁷ Там же. — С. 98.

²⁰⁸ Там же. — С. 105—107.

²⁰⁹ Там же. — С. 59—61, 93.

²¹⁰ Там же. — С. 100—105.

реевка, скляновское, волковка, золотаревское, меховка, седачевское. До июля — августа лежали арапское, крымка, болотовка, гусевское, “опорот украинский”.

“Яблоки-гиганты”

Высоким уровнем садоводства отличались селения и в низовьях Оки. Садоводство, точнее, разведение яблоневых садов, “есть главный промысел... многих по Волге и Оке лежащих деревень”²¹¹. В г. Горбатове “купечество промышляет садами”²¹². Наиболее интересно садоводство дер. Изболотской в 30 верстах ниже знаменитого промыслового села Павлова. Здесь сады разбивали “на ключистых уступах речных берегов”, что создавало особый микроклимат, защиту от ветров и солнечный обогрев. Здесь были поистине искусные садовники, которые вывели выдающийся сорт яблок, называвшихся “киревские”. Величина их достигала размера ребячьей головы, а вес доходил до 4 фунтов, т.е. свыше 1 кг 600 г. Этот сорт широко размножался прививками. “Когда дерево весною пустит отпрыски, то подрезывают его с одного разу острым ножом поближе к земле на-кось; наставляют на остальной комель отборную, столь же толстую и так же на-кось отрезанную ветвь от яблони хорошего рода... Облепив прививок мастью, составленной из топленого масла и серы, перевязывают. Если же прививка не удастся по желанию, что однако ж случается редко, то следующей весной прививают другой насадок. В четвертое лето приносят обыкновенно сии деревья уже и плод”²¹³.

Вполне понятно, что такие сады охотно брались откупщиками на откуп. Они сами караулили плоды, снимали и транспортировали на рынки. Хозяева садов деревни Изболотской вкупе с господским садом имели ежегодный доход от 8 до 10 тысяч руб.²¹⁴ Цифра громаднейшая.

“Слаботелые” сливы

А.Т. Болотов отмечал и изобилие сливовых деревьев этой зоны. “Слив родится у нас в иных садах, — писал он — превеликое и такое множество, что хозяева иногда не знают, что с ними делать”²¹⁵. К сожалению, основные сорта слив давали плоды “слаботелые”, то есть настолько мягкие и нежные, что они не годились к хранению. Ситуацию при обильном урожае слив ярко передает Болотов: “Налив себе сколько надобно, и не зная, что с другими делать, (хозяин, — Л. М.) старается уже их сживать с

²¹¹ Примечания, служащие к познанию домостроительства и состояния мест, по рекам Клязьме, Москве и Оке лежащих // Академические известия на 1780 год. — Ч. IV. — Апрель. — С. 493.

²¹² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 52.

²¹³ Примечания, служащие к познанию домостроительства и состояния мест, по рекам Клязьме, Москве и Оке лежащих. — С. 493—495.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Экономический магазин. — М., 1780. — Ч. IV.

рук продажею в городах четвериками (т. е. пудами, — Л. М.)²¹⁶. В то же время преждевременный сбор плодов делал их невкусными²¹⁷.

О владимирских вишнях

Многие города Владимирщины специализировались на разведении вишневых садов. Особенно много их было в Суздале и Владимире. В 80-х годах века жители Суздаля преимущественно занимались "торговлей и разведением садов, особливо вишневых, из коих ягоды и сок, из сих ягод выжатой в сделанных нарочно для того станах, отвозят для продажи в Москву". Доходы в зависимости от размера сада колебались от 50 до 500 руб.²¹⁸

Специализация на выращивании вишни во Владимире была выражена наиболее ярко. Местная агрикультура создала здесь четыре сорта вишен: "васильевская", "родительская", "кулачиха" и "кислиха". "Сих двух последних, — писал современник, — родится нарочитое множество"²¹⁹. Сады, которых было огромное число, по характеру планировки были "иррегулярными, наподобие лесного дикого кустарника".

Важно подчеркнуть, что основные сорта (в частности, "родительская" и "кислиха") были кустообразные. "Родительская" не выше 2,5—3 аршин (1,8—2,16 м), с темною морщинистою корой. Листья эллиптические, заострены при верхушке и при основании. Они гладки на обе стороны. Плод шарообразный темно-красного цвета, "довольно сладок и вкусен"²²⁰. Сорт "кислиха" также представлял собой куст с повислыми ветвями; кора его серая морщинистая. Листья маленькие, эллиптической формы, блестящие. Плоды также круглой формы, светло-красного цвета, вкусом кислы. Этот сорт был скороспелый и созревал на две недели раньше "родительской". Кустообразные вишневые деревья на зиму засыпали снегом, иногда пригибали. Поэтому они выдерживали морозы не в пример другим сортам. В частности, сорт "васильевская" был древообразным, и в сильные морозы много деревьев гибло. Листья "васильевского" сорта были крупнее, чем у "родительской", овальной формы, в основании округленные, а у верхушки остроконечны. Плод крупный, несколько плосковат, цветом светло-красный и прозрачен на свет (видна косточка). Возможно это был вид черешни²²¹.

Владимирская вишня эксплуатировалась лишь в молодом возрасте. Считалось, что после 10 лет дерево слабеет, и его вырубали. Размножали вишню исключительно корневыми отпрысками и делением кустов. Урожайность была в среднем около 5 пудов от каждой сотни кустов.

²¹⁶ Экономический магазин. — М., 1780. — Ч. IV. — С. 394.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Топографическое описание Владимирской губернии, сост. в 1784 году. — Владимир, 1906. — С. 23; Ицекатов А. Географический словарь государства Российского. — М., 1807. — Ч. 5. — Стб. 1239.

²¹⁹ Топографическое описание Владимирской губернии, сост. в 1784 году. — С. 15.

²²⁰ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 30 (И.И. Герман). Оп. 1. № 251. Л. 6 об.

²²¹ Там же.

В период созревания садов охрану от птиц несло множество сторожей, сидевших на специальных вышках-помостах, называвшихся “клячугами”. От них в разные стороны к деревьям и над деревьями было протянуто большое число веревок, увешанных для бряцания и грохота осколками стекла и другими деталями. Сторожа дерганием веревок поднимали нестерпимый грохот, чем и сохраняли урожай²²². Из вишен здесь также давили сок и бочками отправляли в Москву на морс, вишневку и т. д.²²³

Сады Юга России

В южных районах России особый интерес представляет разведение таких фруктов, как абрикосы, которые выращивались в Черкасске на Дону, Азове, Астрахани и др. южных городах. В Астрахани абрикосы называли “курегами”, в Черкасске — “серделами”. В Черкасске в XVIII в. начали сажать миндаль. В тех же городах разводили и персики. В Астрахани они были особенно крупными и вкусными. Были они и в Черкасске, где звались — “шипталами”²²⁴.

В Астрахани вообще во второй половине XVIII в. заметное место в хозяйстве занимало садоводство. В казенной садовой конторе Астрахани в штате было несколько сотен русских садовников (с семьями их было в 1785 г. 508 душ мужского пола и 506 душ женского пола)²²⁵. Кроме того, к садам было прикреплено юртовых татар 406 душ мужского пола (348 душ жен. пола) и некоторое число армян. Из русских садовников половина работала круглый год и была на жаловании, остальные работали весной и осенью, то есть два месяца в году. Приписные татары поставляли по 100 человек на два месяца бесплатно (в порядке повинности)²²⁶. Собственно сады казенного ведомства занимали 347 десятин земли (на них был разбит 21 садовый участок). Кроме того, в городе было 114 частных садов²²⁷. В них были яблони, вишни, дули, груши, айва, чернослив, тутовые и миндальные деревья, грецкий орех, русский орех, сливы и, конечно, виноград. Сажали также крыжовник, барбарис²²⁸.

Из овощных культур сажали и сеяли: капусту, огурцы, тыкву, стручковый перец, арбузы, дыни, редьку, свеклу, хрен, салат разных сортов, морковь, некоторые поваренные травы, в частности, горчицу и мяту и др.

Садовые работы осложнялись необходимостью постоянного полива. Создана была огромная система желобов, подающих воду. Причем боль-

²²² Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 12.

²²³ Топографическое описание Владимирской губернии, сост. в 1784 году. — С. 15.

²²⁴ Гильденштедт И.А. Речь о произведениях российских... декабря 29 дня 1776 года // Академические известия на 1780 год. — Ч. V. — Май. — С. 35—54.

²²⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 29.

²²⁶ Там же. — Л. 38.

²²⁷ Там же. — Л. 44 об., 40 об.

²²⁸ Лохтин. Краткое топографическое и статистическое описание Астраханской губернии // Технологический журнал. — СПб., 1806. — Т. 3. — Ч. IV. — С. 13.

шинство садов было расположено на холмах высотой иногда до 4 сажен (св. 8 м). Подавали туда воду с помощью ветряных и конных подъемных мельниц (“чигирей”)²²⁹. “Сие сопряжено с великими издержками, ибо для посредственного сада (необходимы, — Л. М.) одна или две поливательных машины, действующих ветром, которые обходятся... от одной до двух тысяч рублей каждая и почасту требует поправок. Другого вида маленькие машины называются “чигири”, действующие лошадьми, также требуют издержек...”²³⁰

Небезынтересно, что казна в Астрахани поощряла разведение лекарственных растений и их сбор на природе. Для этого существовали специалисты-сборщики (“нарочные люди”). Вот примерный перечень собираемых трав и растений²³¹: солодковый корень, ирь, черенковый ревень, спаржа белая, проскурняк, просфирки, воробьево семя, живучая трава, татарник большой, песошная осока, дикая чибучина, полевая горчица, дикий аврак, будра, блекота, сцолоцкие травы, попово румянцо, волчий корень, чистик, дикий лен, конский щавель, конский чеснок, лабазник, кошачий мокрак, мак красный, полевая мята, донник, кровавник, попутник, дикой крес, чечина трава, извот, портулак, жербовняк, кокушкины слезы, волчья ягода, бузина, непенник, дубровка, паклук, послани, крестовник, вятла, ежевика, титрак, квисня, исенцы, шакуря, жидовник репик, чернобыльник, цихарь, поляк, пхиковник, девгяль, ясень, богородская трава, соломонова печать, лохъ, копарцы, илемъ, земляной кадан и др.²³²

Огромное количество садов (567) было в Кизляре, жители которого уделяли им основное внимание²³³. Некоторые занимались хлопководством²³⁴.

Российское виноградарство

Широкое распространение в черноземных и южных степных районах России в XVIII в. получил виноград. В южных районах России выращивались главным образом столовые сорта винограда. Виноградные сады были в Воронеже, Глухове, у русских однодворцев Харьковской губернии, в Святогорском монастыре на Донце, в казачьих станицах Усть-Медведицкой и Цимлянкой. Виноградные сады были повсеместны от устья Цимлы и до Азова и Таганрога. На Нижней Волге виноградные сады были в Царицыне и селах Верхняя Кулалина и Верхняя Добринка²³⁵. Однако особенно много винограда было в Астрахани. Здесь, как и во многих других местах, начало разведения винограда вели с Петра I, который выписал в Астрахань для казенных садов все наиболее известные сорта европейского

²²⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 41.

²³⁰ Лохтин. Указ. соч. — С. 16.

²³¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18570. Л. 45. Орфография источника.

²³² Там же. — Л. 45, 97, 88 об.

²³³ Там же. — Л. 84.

²³⁴ Там же. — Л. 84 об.

²³⁵ Гмелин С.Г. Указ. соч. — С. 156; Гильденштедт И.А. Речь о произведениях Российских... декабрь 29 дня 1776 года. — С. 35—36.

винограда и опытных виноградарей. К 70-м годам XVIII в. в Астрахани насчитывалось около 20 сортов винограда, главным образом столовых. С 80-х годов казенные сады перешли в руки частных предпринимателей-помещиков. Да и в целом виноградарство было главным образом в помещичьих садах. Г. Радинг писал, что в 80—90-х годах в Астрахань “за вкусным виноградом от всех мест... приезжают и оный по всей России, также за границы развозят”²³⁶, и “в великом множестве”²³⁷. Широкий сбыт винограда имел прямое влияние на агрикультуру. Большинство сортов было жесткокожих, годных для дальней транспортировки. Пуд лучшего винограда в Астрахани стоил в начале 90-х годов XVIII в. три рубля²³⁸.

“Технология” виноградарства в Астрахани в общих чертах сводится к следующему. Черенки виноградных лоз срезают осенью и прикапывают в ямах, покрытых тростником и сеном от морозов. Весной для посадки черенков делают ровик, наполнив его хорошей землей, смешанной с навозом. Черенки сажают не вдоль ровика, а поперек — концами наружу, т. е. в стороны. Далее следует обильный и постоянный полив. Через год или два виноградные молодые лозы пересаживают в землю собственно виноградника. Существовал и прием отводок от лозы, когда отводки пригибают в аналогичный ровик, сделанный вдоль “многолозных виноградин, закрывают унавоженной землей так, чтобы концы торчали наружу”. И снова идет ежедневный обильный полив. Через год отводки можно отделять “от матери”²³⁹. На зиму виноградные лозы в Астрахани прикапывали (зарывали, прикрывая сеном и землей)²⁴⁰. Весной их разрывали, очищали от земли и привязывали поперек к тычкам или шестикам. Иногда, перевязывая лозы, делали из них крытые аллеи. Смысл этого приема в создании условий тени от солнца для будущих кистей винограда. “По связывании поливаются... беспрестанно до самого их созревания”. При этом виноград очень часто пропалывают и жгут высокие костры для отпугивания птиц. Для последней операции часто нанимают детей²⁴¹.

Кроме столовых сортов винограда в Астрахани, как и в других местах, в конце века все чаще ведутся работы по разведению винограда для изготовления вина. В астраханских помещичьих садах в виде опыта создавались небольшие партии вин. Некий Илья Григорьев делал черное густое вино типа понтиак, Яков Овчаркин — типа сиракузского красного муската, купец Иван Попов — из кишмиша делал вино типа шампанского. Шампанское делали в XVIII в. в станице Цимлянской²⁴².

²³⁶ Радинг Г. Историческое описание разведения в России винограда // Труды ВЭО. — 1792. — Ч. XV. — С. 166.

²³⁷ Там же. — С. 170.

²³⁸ Там же. — С. 167.

²³⁹ Там же. — С. 168—169.

²⁴⁰ Там же. — С. 171.

²⁴¹ Там же. — С. 170.

²⁴² Труды ВЭО. — 1796. — С. 286.

Таким образом, овощеводство и особенно садоводство и виноградарство в России в районах с русским населением было на весьма высоком агрикультурном и агротехническом уровне. Здесь активно проявлялись новые по сравнению с феодальной эпохой факторы, воздействующие на культуру садоводства и овощеводства, создающие условия для ее постоянного совершенствования и роста.

***"Барские затен"
(парники, теплицы
и оранжереи)***

В России XVIII в. торговля овощами и фруктами имела сезонный характер, и основная их масса появлялась на рынке ближе к осени. Зимой встретить в продаже свежие овощи, не говоря о фруктах, было практически невозможно. Основная часть народа — крестьяне — длительное время обходилась без этих продуктов. Исключением, как уже говорилось, были зимние запасы соленой и свежей капусты, соленых огурцов, репы, лука, чеснока, редьки, моркови, свеклы и некоторых других корнеплодов.

Совсем иное дело — нужды богатых горожан и дворянства. В их среде и в зимнее время удовлетворялась потребность в свежих овощах и особенно в некоторых фруктах. Важнейшую роль в этом играли парники, теплицы и оранжереи, которые практически были многочисленны во всех крупных русских городах. Так, даже в северной Вологде в конце XVIII — начале XIX в. "великое множество южных плодов разводится в теплицах"²⁴³. В Костроме в практике были "небольшие парники для дынь, арбузов и ранней зелени"²⁴⁴. Кэтрин Вильмонт, жившая в начале XIX в. в Москве у княгини Е.В. Дашковой, подчеркивала, что в России "теплицы — насущная необходимость". "Их в Москве, — пишет эта англичанка, — великое множество, и они достигают очень больших размеров: мне приходилось прогуливаться меж рядов ананасных деревьев — в каждом ряду было по сто пальм в кадках, а на грядках оранжереи росли другие растения"²⁴⁵.

Оранжереи в России делились на "сухие" и "паровые", то есть собственно теплицы. "Сухие" представляли собой удлиненные или другой формы помещения с остекленной стеной или окончинами, выходящими, как правило, на юг, и отапливаемые печами. Окончины могли быть прямыми, то есть встроенными в стену, но могли быть и с "переломом", иначе говоря, составляли и часть крыши. "Каждая окончина должна иметь ставы (то есть ставни, — Л. М.) для закрытия в большой солнечный жар" или в зимнюю стужу²⁴⁶. Дымовые трубы печей или располагались под землей в обвод всей оранжереи, согревая грунт и воздух, или устраивались вдоль задней стены

²⁴³ Фриз Яков. Указ. соч. — С. 17.

²⁴⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Колл. 115. № 603. Л. 36 об.

²⁴⁵ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России / Сост. Г.А. Веселия; Под ред. С.С. Дмитриева. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — С. 310—311.

²⁴⁶ Новый садовник. — Ч. II. — С. 108—110.

помещения, “восходя постепенно”²⁴⁷. Печь располагалась в центре теплицы. Если же строили две печи, то их помещали на противоположных концах теплицы. В сухой оранжерее поддерживалась постоянная температура, а растения росли в кадках или горшках на подставках и досках.

Хитроумный обогрев В паровых оранжереях (или теплицах) кроме печей устраивался еще и грунтовой подогрев, применяемый, пожалуй, только в России. Величина теплицы зависела от состоятельности владельца, но, как правило, размер ее позволял делать по всей длине теплицы ров глубиной в полтора аршина (чуть больше метра) и шириной в три аршина (св. двух метров) и больше. Дно рва вымачивалось кирпичом или камнем, а стены одевали кирпичной кладкой. Ров наполняли “кожевенной корою”, то есть отходами от кожевенного производства. Дело в том, что в XVII—XVIII вв. в России при изготовлении выделанных юфтевых кож применялось их дубление в чанах с толченой древесной корой, преимущественно кустарников. После использования в производстве заводчики-кожевники помещали кору в специальные ямы, а потом продавали горожанам и дворянам для теплиц и парников. Кора заполняла весь ров и постепенно от гниения сильно нагревалась. Этот остроумнейший, экологически чистый способ обогрева теплиц давал возможность постоянного подогрева грунта в течение огромного времени: в течение 5—6 месяцев, т.е. вдвое дольше, чем подогрев конским навозом. Сначала кору разогревалось до максимума и создавало “первой и величайший жар”²⁴⁸. Иногда случалось и возгорание коры, что вынуждало переделывать все заново. По прошествии шести месяцев треть коры обновлялась, и тепло поддерживалось еще два месяца.

Над слоем коры делался парник, т. е. строили парниковый ящик и насыпали слой земли. В землю ставили горшки с теми или иными растениями. Рядом могли стоять, как это видела К. Вильмонт, и кадки с плодовыми деревьями и т. п.

Узнать лимоны — круглый год

Самым распространенным плодом и в крупных оранжереях знати, и в скромных теплицах среднего дворянства и богатых горожан был лимон. А.Т. Болотов писал: “К лимонам мы так уже привыкли, что сей изящной... плод... сделался нам необходимо надобным и таким, без которого мы обойтись уже не можем”. “Ныне в оранжереях у многих и у нас сей плод родится”²⁴⁹. В крупнейших оранжереях знати сосредоточивалось огромное количество таких деревьев. Один из посетителей подмосковной

²⁴⁷ Новый садовник. — Ч. II. — С. 107—108.

²⁴⁸ Там же. — С. 116.

²⁴⁹ Экономический магазин. — М., 1780. — Ч. I. — С. 91—92.

усадьбы А.К. Разумовского, сына графа К.Г. Разумовского, оставил описание знаменитого ботанического сада в Горенках: “Мы вступили в оранжевую, под комнатами первого этажа находящуюся и в длину более 200 шагов простирающуюся. Мы очутились посреди искусственного сада из померанцевых и лимонных деревьев, состоящих в трех густых рядах и составляющих длинные аллеи... Все деревья украшались плодами, хотя в нынешнем году снято оных более трех тысяч”²⁵⁰.

В России в XVIII — начале XIX в. было известно большое количество сортов лимонов: лимон сладкий, лимон грушевидный, лимон царский, лимон-“адамово яблоко”, лимон бороздчатый, лимон красивый, лимон полноцветный. Сорта лимонов распространялись главным образом тремя способами: путем обычной прививки, посредством аблактировки (т. е. сближением и соединением двух ветвей разных деревьев без отделения прививаемого побега от маточного растения, что было особенно удобно в условиях оранжерей и теплиц), а также применением окулировки на простых цитронных черенках, выращенных от косточек²⁵¹. Цитрон, как и померанец, были типичными оранжерейными растениями; но они дают не очень вкусные, горькие плоды и поэтому издавна использовались как подвои для цитрусовых (и не только лимонов, но и апельсинов).

Особенно популярны в домах знати были апельсины. В январе 1804 г. Марта Вильмонт, также жившая у кн. Е.Р. Дашковой, писала: “...сейчас в Москве на тысячах апельсиновых деревьев висят плоды. В разгар сильных морозов цветут розы...”²⁵² Марта Вильмонт посещала дворец кн. Юсупова в Москве, где был так называемый “зеленый зал”. В центре его — “ротонда для увеселения гостей, окруженная апельсиновыми и лимонными деревьями огромной высоты”²⁵³.

Персики — зимой, весной и летом

В оранжереях крепостные садовники выращивали персики самых разных сортов. В конце XVIII — начале XIX в. бытовали следующие сорта: белый ранний, ранний пурпуровый, кровавый, венерина грудь, нектарин, малый миньон, французский миньон, белая магдалена, красная магдалена, ранний невингтон, белый альберж, монтоман, канцлер, адмираль, рамбулет, беллегар, португальский и др.²⁵⁴

Персики сначала выращивались от косточек, сажаемых в парниках с легкой сухой землей на глубину около 16 см (4 вершка) и с таким же интервалом друг от друга. Зимой парники тщательно укрывались войлоком, соломенными толстыми и т. п. Весною грунт пололи, изредка поливали. На

²⁵⁰ Вестник Европы. — СПб., 1810. — Ч. 52. — № 13. — С. 53.

²⁵¹ Новый садовник. — Ч. II. — С. 41.

²⁵² Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер Вильмонт из России. — С. 243.

²⁵³ Там же. — С. 369.

²⁵⁴ Новый садовник. — Ч. II. — С. 125—127.

вторую весну растения пересаживали в оранжереи в ящики с интервалом около метра. Землю обкладывали слоем соломы для сохранения влаги. В сухое время полив был раз в неделю. В ящиках растения были два — три года. Потом их окончательно пересаживали в кадки. Персиковые деревья требовали тщательного ухода, обрезки отпрысков и отраслей, удаления прямых сучьев и т. п.

В оранжереях для персиковых деревьев первоначально поддерживался прохладный режим с приоткрытыми (летом) окошками, чтобы стимулировать не рост побегов, а только цветение. Полив в этот период был умеренным. При топке печей не допускалось ни малейшего дыма и угара. В период формирования плода в погожие дни деревья опрыскивали влагой. Самый ответственный период — когда плоды “идут в кость”. В это время климат в оранжерее должен быть гораздо теплее. С середины марта садовники-смотрители понемногу начинали проветривать, открывая верхние окончины. Но в апреле и вообще в период созревания плодов проветривания снова прекращали. Доступ воздуха был только через отдушины в потолке в самое жаркое время. За деревьями был тщательный уход вплоть до удаления тряпками зеленой плесени с горшков и земли²⁵⁵.

Персики выращивали так, что они зрели практически не только весной и летом, а даже зимой. Марта Вильмонт в январе 1804 г., описывая обеды московской знати, замечает, что на них “...подаются всевозможные деликатесы, плоды совместного труда природы и человека: свежий виноград, ананасы, спаржа, персики, сливы etc...”²⁵⁶

Груши, вишни, сливы...

В кадках в оранжереях выращивали грушевые деревья зарубежных сортов. Количество этих сортов было поистине огромным (маркиза, луиза, амадота, сент-жерменов, неаполитанская, жаргонель, летний бенкре-тиен, колмарская, виндзорская, красный русселот, померанцевый мушкет, хийская, голландский бергамот и др.). Многие сорта имели, вероятно, чисто русское происхождение (большая луковица, розовая, благовонная, большая водяная, ивановская, виноградная, зеленая сахарная, мартыновская, скоро-спелка, мушкатная, красная мушкатная, малая мушкатная, большая бланковая, бланковая мушкатная, долгая бланковая, летний бергамот, осенний бергамот, поздний бергамот, померанцевая, королевина и др.)²⁵⁷.

Размножение их, так же как и персиков, производилось и черенкованием, и отводками, и прививками к дичкам, и окулировкой и т. п. Раннеспелые сорта давали в оранжереях плоды уже к июню — июлю, позднеспелые — к октябрю — ноябрю и даже к концу декабря. Некоторые сорта плодоно-

²⁵⁵ Новый садовник. — Ч. II. — С. 128—130.

²⁵⁶ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. — С. 242—243.

²⁵⁷ Новый садовник. — Ч. I. — С. 168—176.

сили зимой вплоть до ранней весны (до апреля)²⁵⁸. Грушевые деревья в оранжереях требовали "великого присмотра". Если деревья росли в грунте, то вниз клали известь и камни, чтобы не заглублялись корни.

В оранжереях росли и ранние сорта вишен и слив. Особенно разнообразны были сорта "иноземных" слив (черная дамасская, орлеанская, мироболан, фиолетовый педигрон, белый педигрон, большая империяльная, белая империяльная, бринпольская и др.). Были и местные сорта (желтая скороспелая, абрикосовая, круглая красная, малая королеваина, чернослив, золотая, вишенка и др.)²⁵⁹. Часть из них высаживалась в открытый грунт, обычно вдоль стены, смотрящей на восток или запад. Землю выбирали не слишком сырую. С пустоцветом боролись подкладыванием под корни сухой глины. Обрезку проводили очень осторожно.

Вишни ранних сортов выгоняли в оранжереях или в теплицах, помещая их в кадки или ящики с 5—6 дырами. На дно клали черепки. Стволы обвивали сырым мохом. При цветении поддерживалась большая, чем обычно, температура²⁶⁰. Под вишни брали песчаную землю и поддерживали сухой режим (в мокром грунте росли лишь кислые сорта)²⁶¹.

"Московские" ананасы

В оранжереях Москвы и Подмосковья выращивали не только виноград, но даже ананасы. Много дельных наблюдений по агротехнике возделывания этой культуры высказывали А.Т. Болотов, В.А. Левшин и др.

Выращивание ананасов — "многотруднейшее и попечительнейшее хождение"²⁶². Малейшая оплошность приводила к полной гибели всего дела. Тут не пренебрегали ни единой мелочью.

Для ананасов необходима была специальная ананасная теплица с парником, так как одного "сухого пара" оказывалось недостаточно. Как обычно, в теплице строились 1—2 печи с дымоходами, обводящими все помещение и сам парник. Парник требовался "не низок, не высок, не слишком широк". В ящик накладывали либо свежайший конский навоз, либо кожевенную толчею. "Для согрева и выгонки ничто не способнее, как кора с кожевенных заводов", она дает весьма "ровное тепло". "Кора сия берется свежая, так как вынимается кожевниками из ям; надлежит ей быть не старше 3—4 недель". Иначе — уже не греет. Кора при засыпке в парник не должна была быть слишком мокрой, ибо тогда она быстро гнивала. Иногда ее вынуждены были и подсушивать. Толщина слоя корья в ананасном парнике колебалась от 90 см до 108 см (от 3 футов до полусажени). Как и в других случаях, парник внутри обносился кирпичной стенкой, а дно вымащивали кам-

²⁵⁸ Новый садовник. — Ч. I. — С. 168—176.

²⁵⁹ Там же. — Ч. II. С. 163.

²⁶⁰ Там же. — Ч. I. — С. 132—135.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же. — С. 60—71.

нем. Кора, если правильно заложена, т. е. рыхлым слоем, разогревалась за 2—3 недели (при холодах на неделю больше). По достижении нужной температуры горшок с отраслью ананаса зарывают в корье. Причем в такой гряде нужная температура держится три месяца при условии регулярной топki печей и обогрева дымоходами теплицы.

Земля для горшков заготавливается год. Для молодых побегов — легкая, хотя и с малой долей песка, и не “слишком твердая”. Для более взрослых растений — землю нужно “тяжелую, плотную и тучную” (берут ее обычно из-под дерна или со дна прудов). В землю добавляют треть перегоревшего и “перебитого”, т. е. размельченного коровьего навоза. Для молодых растений брали горшки небольшого размера, а для более крупных — побольше. Пересадка в новые горшки производилась не чаще двух раз в год (в конце апреля и в сентябре), иначе плод вырастал мелким.

Через три месяца корье в парнике обновляли, частью удаляя, а частью добавляя свежее, снова устанавливая горшки еще на 5—6 недель. Потом следовала пересадка в новый парник. При пересадках растения могли загнить, и за этим следили, удаляя гниль.

Ананас размножался лучше всего путем отщипывания части кроны либо выше плода, либо ниже его. Считалось, что это дает в итоге наиболее крупные плоды. Листья должны быть короткими, мясистыми и тугими. Ранки от отщипывания будущих растений должны обязательно до посадки подсохнуть. Если поверх корья делали слой конского навоза (например, если нужно повысить температуру), то плоды становились мельче. Режим проветривания был очень жестким, так как излишнее тепло вредило растению. Проветривали обычно лишь после ненастья, когда скапливался “дурной воздух”. Зимой постоянно следили, чтобы окончины были плотно закрыты. Плоды созревали к январю — февралю.

Ананасы выгоняли и в летних парниках, размером выше обычных²⁶³.

Таков этот интереснейший опыт русских садовников, искусных умельцев, достигавших простейшими средствами в суровейших климатических условиях поистине потрясающих результатов. Естественно, что за всем этим стоял и громаднейший труд сотен и тысяч крепостных крестьян.

Парники и витаминная зелень

В теплицах и парниках выращивали не только экзотические плоды тропиков и субтропиков. Среднее дворянство, состоятельные горожане пользовались парниками для выращивания ранней зелени, в частности, для различных салатов. С февраля в парниках сеяли не только огурцы, но и “месячную редьку” (или редис). Сеяли ее во влажную, глубоко перекопанную землю. Зимой и ранней весной в парниках сеяли латук, кресс,

²⁶³ Новый садовник. — Ч. I. — С. 60—71.

рапунцель, сельдерей, портулак, спаржу²⁶⁴. Сеяли и так называемые "травные салаты" (эстрагон, иссоп, кервель, цикорий, мяту, Melissa, шалфей, душицу, руту, розмарин, пимпелель, горчицу и др.)²⁶⁵

Арбузы и дыни Нечерноземья

Сравнительно широко доступным было и выращивание в теплицах и парниках арбузов и дынь. Наиболее популярными и общепризнанными были следующие сорта дынь: бухарки сеточные, бухарки гранчатые, бухарки зеленотелые (скороспелые), дыни астраханские (белые или сахарные), дыни крымские, дыни молдавские, дыни "озимые" (отличавшиеся чрезвычайно долгой сохранностью — до января и дольше), "дыни, подобные арбузам"²⁶⁶. В ходу были и зарубежные сорта (канталупы итальянские, оранжевые, флорентийские, голландские и т. п.)²⁶⁷.

Парники для дынь делали размером 2,5 м х 4 м (три с половиной аршина на два аршина)²⁶⁸. Глубина ямы для навоза была, видимо, обычной (ок. 70 см). Ее готовили с осени. Набивали яму навозом в зависимости от срока сева. Ранние сорта сеяли в теплицах в середине или конце февраля, а также в середине или конце марта. Что же касается апрельского и майского сева, то их производили уже в парниках. Поэтому навоз набивали с расчетом, чтобы он нагрелся к сроку сева²⁶⁹. Поверх навоза иногда настилали слой сухой соломы, а потом — слой земли²⁷⁰. Семена дынь мочили сутки и высаживали густо с интервалом 4—20 см (от 1 до 5 вершков) на глубину одного сантиметра. Семена прижимали пальцем и прикрывали землей. Через 4—5 дней появлялись ростки. А через 3—4 недели, когда ростки были в палец длиной, их рассаживали в новые ящики (в каждый ящик лишь по 3—4 корня), вынимая корни непременно вместе с землей и помещая в готовые ямки. При появлении третьего листика выламывали "сердечко", стимулируя рост плетей.

Для мартовских посевов все эти операции предназначены были и для парников. Под стеклами теплиц и парников растения находились примерно до 10 июня, т. е. до теплой поры (иногда это было и в мае). С парников в это время снимали оконницы, накрывая ими парники только ночью и в холодные дни, а из теплиц растения высаживали в теплые грядки (садила). Готовя их примерно так же, как и под тыквы, рыли ямы глубиной и шириной в пол-аршина (ок. 31 см), наполняя их свежим конским навозом и плотно утаптывая его, чтобы начал согреваться. Поверх делали земляную гряду.

²⁶⁴ Новый садовник. — Ч. II. — С. 158.

²⁶⁵ Там же. — С. 158—159.

²⁶⁶ Левшин В. А. Огородник. — С. 255.

²⁶⁷ Новый садовник. — Ч. II. — С. 189.

²⁶⁸ Левшин В. А. Огородник. — С. 268.

²⁶⁹ Новый садовник. — Ч. II. — С. 189—195.

²⁷⁰ Левшин В. А. Огородник. — С. 31.

После первого жара высаживали ростки дынь. Садил с ростками дынь постоянно покрывали рогожами на жердочках, делая что-то вроде шалаша или палатки²⁷¹. Иногда растение покрывали горшком без дна, но на ночь закрывали и горшок. Вокруг сажал строили забор или ставили щиты, защищая растения от ветра (для дынь ветер очень опасен). Далее оставалось следить за ростом плетей. Полив был очень скупым. Воду, согретую солнцем, вечером лили не на корень, а возле него. Корень окучивали. Первую плеть защипывали после появления двух коленцев или трех — четырех листов, постоянно вырезая так называемые “водяные побеги”²⁷². Практически обрыв и обрез делали каждые восемь дней. Когда на третьих плетях появлялись плоды, производился их отбор: слабые удаляли. При формировании уже небольших дынек плети через 2 коленца после плода обрезали. При созревании под дыни, как и под тыквы, клали черепки, плитки и т. п., поворачивая время от времени то одну, то другую сторону к солнцу²⁷³. Поздние дыни, выращиваемые с самого начала в парниках, сразу же помещали по одному корешку под каждую оконницу в маленький бугорок земли. Землю для парников готовили за год до использования. Лучшей землей считался состав из двух частей глины и одной части старого коровьего навоза. Тщательно перемешанная земля лежала на воздухе. Периодически ее перекапывали и очищали от сорняков. Полив здесь в начале был очень умеренным (2—3 раза в неделю). С ростом растения наращивали и бугорок. Через 5 недель плети уже занимают весь ящик парника. Тогда с внешней стороны парника копали ровик рядом со стенами ящика глубиной в один аршин (70 см), а шириной в аршин с четвертью (ок. 90 см). Его набивали свежим конским навозом для подогрева грунта. Ящик поднимали, подставляя под него камни, и давали таким образом плетям возможность беспрепятственного роста. Первые плети защипывали у первого коленца, вторые — у второго—третьего коленца, а третьи — с плодами защипывали через три коленца от плода. Так же как и в садах, оставляли лишь лучшие плоды. Каждую ночь, а в непогоду и днем парник накрывали оконницами, а часть плетей — рогожами²⁷⁴.

Выращивание в парниках и теплицах арбузов следовало практически тем же канонам агрикультуры. Лучшими сортами арбузов были: темно-зеленые персидские (до пуда весом), гладкие зеленые астраханские арбузы (также пудовые), моздокские скороспелые арбузы, кизлярские арбузы, “мармированные” исфаганские арбузы, гладкие, продолговатые с белой кожей царьцынские арбузы, доходившие весом до 30 фунтов (12 кг), “италианские” арбузы (как правило, некрупные) и некрупные померанцовые арбузы желтого, а иногда беловатого цвета²⁷⁵.

²⁷¹ Левшин В.А. Огородник. — С. 272.

²⁷² Там же.

²⁷³ Новый садовник. — Ч. II. — С. 189—195.

²⁷⁴ Левшин В.А. Огородник. — С. 276.

²⁷⁵ Там же. — С. 295.

Сеяли их в теплицах в горшки или ящики в феврале. Семена мочили четыре дня. При длине плетей в 20 сантиметров пересаживали в парник (по одному растению в каждый парник)²⁷⁶.

Завершая данный очерк, следует подчеркнуть, что автор его не преследовал цель доказать сколько-нибудь значительный размах российского торгового огородничества и садоводства. Разумеется, в XVIII в. эта отрасль экономики еще делала внушительные, но первые шаги в этом направлении. И должно быть совершенно понятным, что российское мещанство в очень большой степени было на продовольственном самообеспечении, обращаясь к рынку лишь за продуктами животноводства и полеводства. Задача этого очерка в другом. И это, прежде всего, показ динамичности в развитии этой отрасли экономики, в накоплении опыта и поисках того или иного более совершенного приема агрикультуры, в том подчас феноменальном мастерстве, которого, в частности, достигли потомственные профессионалы-огородники (ведь ростовцы, как уже отмечалось, определяли качество огородной почвы по запаху!). Носители этой агрикультуры, этого мастерства — все те же русские люди, предки которых еще недавно скородили сохой бесплодную почву российского Нечерноземья. Кажется невероятным, но факт остается фактом, что русское огородничество горожан даже в суровых природных условиях России составляло яркий контраст по сравнению с земледелием и животноводством крестьян, а ведь все дело в том, что статус посадского человека, горожанина при всей тяжести посадских и казенных натуральных служб не закрывал пути для резкой интенсификации огородного промысла. У горожанина было на это время! У русского крестьянина такой возможности и такого времени не было.

²⁷⁶ Левшин В.А. Огородник. — С. 297.

Очерк девятый

ИЗБА И ПОДВОРЬЕ ДВА ВЕКА НАЗАД

Русская изба

Материал и форма русского крестьянского жилища в XVIII в., как и в более раннее время, были довольно жестко детерминированы природно-географическими условиями России. Строительного камня в стране было очень мало. А в условиях суровой и долгой зимы каменное строение потребовало бы столь большое количество дров, что его заготовить крестьянину, пользуясь одним лишь топором, было просто не под силу. Единственной альтернативой камню было дерево.

Экономия дров была важным фактором, влияющим и на конструкцию жилища из дерева — этого более доступного и хорошо удерживающего тепло материала. Исстари повелось строить крестьянские дома из боровой сосны или ели (так называемого “красного” дерева), так называемый “пресный” лес, росший в низинах, считался менее пригодным. Причина тому не только в отменных строительных качествах боровых пород деревьев (толщина и длина бревен, их прямослойность, смолистость, а следовательно, прочность, легкость обработки и т. д.), но и в их безвредности (экологической чистоте — сказали бы мы сейчас) для здоровья человека. А.Т. Болотов, например, писал, что если строили жилье из березы, то у людей, как правило, возникали сильные головные боли, тошнота, а иногда даже вылезали волосы на голове¹.

Изба строилась из крупных, до трех саженей длиною (ок. 6,36 м) круглых бревен, которые по четыре соединялись в четырехугольник — венец. Воздвигая венец на венец, строители делали остов или сруб дома, который у двух противоположных стен с высотой постепенно, уменьшаясь в длине, сводился на нет, образуя основу для возведения двускатной крыши. Иногда крышу делали “костром”, то есть четырехскатной. Изба нижним венцом (самым мощным, сделанным из толстых бревен, иногда дубовых или лиственничных) опиралась на низкий фундамент, деревянный (например, из

¹ Экономический магазин. — М., 1783. — Ч. XIV. — С. 87.

вкопанных пней) или каменный. Изба имела деревянный пол из полубревен или тесаных толстых досок. Сам пол, а соответственно и жилье располагались либо близко к земле (и даже на земле), либо на довольно большой высоте. И. Георги замечает: “Избы большей частью строятся высоко, около сажени от земли и имеют подполья или подвал, род кладовых или погребов теплых для поклажи запасов съестных и других”². В одном из описаний по Тверской губернии встречается прямое подтверждение этому: в Краснохолмском у. крестьяне в такие подполья “на зиму ставят квас, капусту и грибы”³.

Всякая избушка своей кровлей крыта Конечно, для разных районов конструкции избы и подполья были разными. В топографическом описании Севера России отмечается, что, в частности, в Холмогорском у. “избы не равныя (то есть разной величины, — Л. М.), не высоки, но широки, с подпольями...”⁴ “Ширина” избы, видимо, означала большую, чем обычно, жилую площадь, а обширные высокие подполья хорошо известны нам по более поздним, сохранившимся от XIX в. крестьянским постройкам.

Наличие в избах высоких подполий подтверждается документами XVIII века, в частности по Владимирской губернии. Наблюдатель отмечает здесь основную тенденцию в архитектуре крестьянских изб: “Главное ныне (речь идет о 80-х годах, — Л. М.) при построении оных (то есть крестьянских домов, — Л. М.) украшение состоит в высоте избы”⁵. В Тверской губ. почти всюду крестьянские избы также строились с высокими подпольями (Кашинский у., Корчевский у., Краснохолмский у., Весьегонский у., Вышневолоцкий у., Осташковский у., Новоторжский у., Зубовский у.)⁶. В Бежецком у. высокие с подпольями избы строились в лесных местах, ближе к Вышневолоцкому и к Тверскому уездам, а около самого Бежецка принято было строить невысокие избы, хотя также имеющие подполья⁷. Наоборот, в Ржевском у. возле города строили высокие избы с подпольями, “а в прочих местах — низкия”⁸. Невысокие избы преимущественно строили в Тверском, Старицком и Калязинском уездах (в последнем даже изб с подпольями было мало)⁹. Видимо, такова была давняя традиция, сложившаяся под влиянием чисто местных условий.

Внешне высокие крестьянские избы с подпольями воспринимались как двухэтажные. У. Кокс писал, например, что “в двухэтажных (избах, — Л. М.) низ служил кладовой”¹⁰.

² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов (Далее — Георги И.Г. Описание... народов). — СПб., 1776. — Ч. IV. — С. 135.

³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 177.

⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об.

⁵ Топографическое описание Владимирской губ. — С. 10—11.

⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — №. 41, 59, 77, 87, 98, 111, 161, 132.

⁷ Там же. — С. 69.

⁸ Там же. — С. 122.

⁹ Там же. — С. 27—28, 144, 51.

¹⁰ Русская старина. — 1877. — Т. XVIII. — С. 314.

В южных безлесных районах дома русских крестьян были и тесны, и низки. А.Т. Болотов отмечал, что в степных местах зимою “к дворам прибывает такие субои, что прямо с улицы можно въехать в сани в избу”¹¹. Конечно, это возможно было не только за счет высоты “субоев”, но и в силу того, что сами избы были низкими, летом в них было даже сыро (“низкие избы, навоз, лужи и болота под окнами”)¹². Подполье в такой избе нередко было ниже уровня земли.

Что такое горница?

Русская изба, как правило, состояла из одного “покая”, или помещения. У. Кокс, проехавший в 1778 г. из Смоленска в Москву, а из Москвы в Петербург, отмечал: “В редком доме было два покая”¹³. В этом случае возможно, что изба была “пятистенной”, то есть с длинной передней стороной избы величиною в два бревна и врубленной бревенчатой перегородкой внутри дома. Эта перегородка соединяла два сруба (см. рис. 19).

Иногда крестьянский дом имел не только собственно “жилую избу”, но и холодную горницу, отделяемую от теплой избы сенями. Об этом пишет И. Георги, отмечая в доме “светлицу” (или горницу) и “стряпушую” (или “поварню”), которые “разделяются сеньми”¹⁴. Здесь “поварня” — это жилая изба. О том, что холодная горница расположена “через” сени, — сообщает и наблюдатель по Владимирской губернии¹⁵. В некоторых районах холодные горницы были частым явлением. Так, в описании Клинского у. Московской губ. отмечено, что избы строят “с холодною горницею или сенником для поклажи всякой рухляди”¹⁶. Если горница это сооружение из бревен, то есть рубленое помещение с окнами, то “сенник” — сооружение, видимо, более легкое, “дощатое”. В Волоколамском у. той же губернии “через сени поставлены вышки для клажи платья и прочаго крестьянского прожитка”. Под “вышкой” здесь имеется в виду та же холодная горница, построенная на очень высоком подклете. Поэтому ее окна были заметно выше окошек жилой избы (отсюда и название “вышка”).

Чулан — другая изба. Без ухжей не дом, а булдырь

Однако часто за сенями строили просто клеть (бревенчатый чулан, кладовую). Так, от наблюдателя по Бронницкому у. Московской губ. узнаем, что “пред избою — сени и клеть, за клетью — навесы и для скота клевы (хлевы, — Л. М.)”¹⁷. В Воскресен-

¹¹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 93.

¹² Там же. — С. 12.

¹³ Русская старина. — 1877. — Т. XVIII. — С. 314.

¹⁴ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 136.

¹⁵ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10—11.

¹⁶ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 241.

¹⁷ Там же. — С. 182.

ском у. той же губернии строение состоит “из черной избы и сеней, против коих находятся клетки...”¹⁸

Подчеркнем, что и клеть и холодная горница — это элементы двора. Вся эта комбинация сооружений позже, в XIX в., именовалась “связью”, так как могла быть под единой крышей (изба + сени + клеть, или изба + сени + горница, или изба + сени + сенник. См. рис. 20).

Двором жить — не лукошко шить

Принадлежность клетки (или вышки, или горницы, или сенника) двору особенно четко видна из описания дворов Тверской губ. Так, в самом Тверском у. “дворы строят не весьма пространными с холодною горницею или сенником, для поклажи всякой рухляди”¹⁹. По Кашинскому у. отмечены “дворы, построенные с холодною горницею для поклажи всякой рухляди”²⁰. В Зубцовском у. “дворы делаются просторные, на коих ставится горница или сенник, омшанник и другия разныя перегородки”²¹. Заметим, что часто холодная горница и омшанник, служащий для разных целей, в том числе и для зимовки мелкого скота, совмещались в одном срубе. Так, наблюдатель отмечал, что в Краснохолмском у. “подле избы делаются сени, а против нея клеть, или горница, где лежит всякое платье. Внизу, под клетью — омшанник, где также держат квас, “буде подполье холодно”²². Вместо горниц сенники отмечены по Весьегонскому и Ржевскому уездам Тверской губ.²³

В северных районах холодные горницы, как элемент двора встречались, видимо, реже (“горницы — изредка”)²⁴.

Русская печь

По расположению печи русская изба в XIX в. и, по всей вероятности, в XVIII в. имела четыре типа внутренней планировки: северно-среднерусский, восточный южнорусский, западный южнорусский и западно-русский (см. рис. 21). Первый тип был широко распространен на русском Севере, в Центре и Поволжье. Второй тип бытовал в Тамбовской, Воронежской губерниях, на востоке Тульской и Орловской губерний. Третий тип господствовал на основной территории Орловской и Курской губерний, а также на юге Калужской губернии. Наконец, четвертый тип был принят в Псковской и на юге Новгородской губернии, хотя отчасти встречался и в ее северных районах (этот тип по сути совпадает с так называемой белорусско-украинской планировкой)²⁵.

¹⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 164.

¹⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27—28.

²⁰ Там же. — С. 41.

²¹ Там же. — С. 132.

²² Там же. — С. 77.

²³ Там же. — С. 87, 122.

²⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об.

²⁵ Русские. Историко-этнографический атлас. — М., 1967. — С. 138—139, карта 26.

Печь нам мать родная

В центральных районах России печь стояла в правом углу от входа. И. Георги называет ее “очень большой”²⁶. Соответственно пространство перед устьем печи вплоть до фасадной стены избы называлось собственно “стряпущей” или “поварней” (“варильней”)²⁷. Строили печь на отдельном фундаменте, чтобы печь не покосила избу. Как правило, он представлял собой небольшой сруб, набитый песком, камнями, кирпичом и т. д. Печь сооружалась либо из кирпича, либо из особо прочной глины. Судя по одной из зарисовок А.Т. Болотова, низ печи составлял довольно мощное подпечье с полым внутри пространством, имеющим выход в поварню. Устье печи размещалось довольно высоко и имело большой шесток, составлявший единую плоскость с подом печной топки. Передняя стенка печи, имевшая арочное отверстие топки, называлась челом. На высоте примерно двух метров или несколько ниже печь завершалась плоской поверхностью, в которую иногда встраивалась лежанка²⁸. Бывали печи, весь верх которых использовался под лежанку. Г.Г. Громов полагает, что в XVIII в. у верха печи был специальный дощатый настил, на котором спали. Настил этот опирался на угловые брусья-опоры²⁹. А.Т. Болотов подтверждает широкое распространение в XVIII в. не только кирпичных, но и глиняных печей. “Я могу, — пишет он, — из собственной своей и многолетней опытности смело утверждать, что глиняные печи прочнее и лучше деланных из кирпича и каменьев... Наконец ... и самая отчолки нет ни малой нужды делать и сводить из кирпичей, а можно и их по сделанным из дерева дугам и кружалам поделать из той же глины и обгоревши будутъ столь же хороши, как лучшия своды”³⁰.

Всего дороже честь сытая, да изба крытая

В XVIII в. в русской крестьянской избе появился потолок. Раньше его не было, и пространство внутреннего помещения избы уходило под самую крышу. Чтобы в избе было тепло, в такой ситуации крышу делали особо прочной и не пропускающей холод. Часто крыша имела в основе берестяное покрытие (для этого широкие полосы бересты долго варили в воде, пока они не становились эластичными и прочными). Сверху, на крыше, сооружали плотное соломенное (из ржаной соломы) покрытие. Реже (у богатых крестьян, однодворцев и т. п.) крыши покрывались тесом или дранью (широкой и длинной щепой). В России были районы, где таких добротных покрытий было много. Так, в топографическом описании по Тверской губернии 1783—1784 гг. специально отмечено, что в Корчевском у.

²⁶ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 134.

²⁷ Там же.

²⁸ Деревенское зеркало. — Ч. I. — С. 24. Иллюстрация.

²⁹ Очерки русской культуры XVIII в. — М., 1985. — Ч. 1. — С. 331—332.

³⁰ Экономический магазин. — 1783. — Ч. XIII. — С. 217.

“крестьянское строение хорошо (а обычная оценка “посредственно”, — Л. М.), крыто по большей частью тесом или дранью”³¹. Крестьянские избы “кроются по большей частью дранью” в Весьегонском и Осташковском уездах³². В Московской губ. в большинстве уездов тесом и дранью крыли крестьянские избы лишь в некоторых местах (в Московском, Рузском, Серпуховском, Звенигородском, Клинском и других уездах)³³. В Воскресенском у. избы крыли тесом в селениях на больших дорогах и частично в селениях государственных крестьян³⁴. В Коломенском у. крестьянские избы крылись дранью в селениях, “близ лежащих к городу”³⁵.

Иногда на крышу насыпали слой земли (чаще это делали на хозяйственных постройках).

Топка избы

и появление потолка

Традиционно изба топилась “по-черному”, то есть дым из устья печи выходил (“курился”) прямо в помещение избы и только потом через отверстия в крыше (специальные деревянные трубы — “дымники”) и в стенах (через окошки) выходил наружу. В описании по Архангельскому уезду прямо отмечено, что “печи в прежних (то есть старой постройки, — Л. М.) домах черные и с деревянными трубами”³⁶, то есть “дымниками”. Топка по-черному была непосредственно обусловлена суровыми природно-географическими условиями: долгая и морозная зима, холодные осенне-весенние погоды. Такой способ топки печи, даже при открытых дверях и окнах, быстро нагревал помещение при сравнительно небольшом расходе дров. Неудобства, связанные с этим способом топки, сказывались не столь ощутимо, так как нижний уровень дымового слоя во время топки избы в помещении без потолка был на довольно большой высоте и позволял находиться в избе. К тому же дым постоянно дезинфицировал помещение, сводя к минимуму число тараканов, сверчков и т. п.

Но вот в XVIII в., главным образом во второй его половине, в деревенских избах стал появляться потолок. О потолках в избах русских крестьян как об обязательном элементе конструкции дома пишет С.В. Друковцев. Приурочивая по обычаю к ноябрю месяцу крестьянские работы по ремонту избы, он замечает: “Крестьянин должен осмотреть свою избу, пол и потолок сколотить (то есть поправить, — Л. М.). Во всякой избе должно быть три перевода, чтобы потолок не гнулся”³⁷. “Переводы” — это балки, опи-

³¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 59.

³² Там же. — С. 87.

³³ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. — С. 93, 280, 328, 202, 241.

³⁴ Там же. — С. 164.

³⁵ Там же. — С. 368.

³⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 38 об.

³⁷ Друковцев С.В. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам (Далее: Экономическое наставление...). — СПб., 1772. — С. 133.

рающиеся на стены сруба избы. Сам потолок составлялся из тонких бревнышек или полубревен. Сверху щели замазывались глиной, закрывались сухим листом и т. п. О потолке как обычном элементе крестьянской избы пишет И.И. Лепехин. Сетуя на высокую опасность возникновения в деревнях пожаров, ученый восклицает: "Вообразите по надызбицам (то есть чердакам, — Л. М.) развешанные кудели, изсохшие веники и другие удобно загориться могущие припасы..."³⁸ О заполнении крестьянских чердаков льном, пенькой, пряжей, соломой, прутьями, деревянной стружкой и даже сеном также пишет и А.Т. Болотов³⁹. Конечно, раньше все это тоже висело на шестах в верхнем пространстве избы, не имеющей потолка. Теперь же внутренность избы стала много опрятнее, и, конечно, в избе стало намного теплее (даже жарко!).

Дымно, да сытно

Вместе с тем с появлением потолка резко снизилась комфортность помещения во время топки печей. Дым стал стлаться чуть ли не до самого полу, находиться в нем во время топки было трудно. Эта типичная ситуация описана, в частности, в мемуарах А.Т. Болотова. В одной из поездок в свои шацкие деревни он замечает: "Самая избушка, в которой мне надлежало жить... по несчастью встретила... нас дымом... в избу за дымом войти было не можно..."⁴⁰ Сами же крестьяне, видимо, "к тому и привычны", хотя, конечно, и для них дым был "сверх беспокойства..."⁴¹ В Тверской губернии во время топки, пользуясь отсутствием людей, хозяйка даже вводила в избу дойную корову и мелкий скот. "В избах их, — пишет наблюдатель по Старицкому у., — бывает во время топления печей дымно и хладно, а притом весьма нечисто по причине, что во время топления кормят в избе скотину, и что б(ы) дым выходил, отворяют все окошки и двери. После обеда, когда печь истопиться, скотина накормиться, тогда выметають избу, закрывают окошки и в избе становится жарко"⁴². Видимо, подобный обычай был не только там, где были черные избы. Как уже говорилось, русские крестьяне кормили ценный скот главным образом в избе ради того, чтобы корм не остыл, что считали очень важным для здоровья животных.

Дым в черной избе нещадно коптил стены и потолок дома. И. Георги пишет, что "избы столь закопчены, что походят на агатовыя"⁴³. И.И. Лепехин упоминает о "черной и от дыму изсохшей крестьянской хижине"⁴⁴.

³⁸ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768—1769 гг. (Далее — Лепехин И.И. Дневные записки). — Ч. III. — СПб., 1771. — С. 61—62.

³⁹ Деревенское зеркало. — Ч. III. — С. 195.

⁴⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1795 гг. (Далее — Болотов А.Т. Записки...). — СПб., 1871—1873. — Т. III. — С. 82.

⁴¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 133.

⁴² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 144.

⁴³ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 133.

⁴⁴ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 62.

Особенно неуютно выглядела черная изба там, где, за неимением дров, топили соломой. В южных районах с исчезновением леса практика топки избы соломой становилась все более распространенной: “Во многих местах у нас деды топили дровами, а ныне внучаты соломкою или пометом топить начинают”, — горько замечает И.И. Лепехин⁴⁵. Об одной из таких изб в Козловском у. очевидец пишет: “...вошел я в избу и обогрившись увидел, что потолок и стены покрыты были не токмо сажеею, но оная всюду висела бахромами... от того, что... дровищ нет и принуждены топить соломой и собираемым бурьяном или толстобылою соломой”⁴⁶.

Конечно, опрятные хозяйки постоянно обметали потолки твердым голиком, скоблили стены, следили за чистотою устья печи, состоянием пола и т. д.

Появление “белых” изб

С распространением потолка в XVIII в. (а может быть, наряду с этим) в практику постепенно входит топка “по-белому”, то есть стали все шире распространяться печи с дымовыми трубами, выходящими на крышу. Этот процесс во второй половине века нарастает несмотря на то, что топка по-белому требовала гораздо больше дров. В частности, по инструкции П.А. Румянцева, на каждый покой, где была печь, требовалось в год 24 м³ дров, и речь здесь идет о топке по-белому⁴⁷. Значительное распространение “белых изб” среди крестьянства России подтверждают и исторические источники. Так, в Холмогорском уезде Архангельской губ. в 80-х годах XVIII в. были “в избах у многих печи с выкладными из кирпичей трубами, а у иных — простые” (курсив мой, — Л. М.)⁴⁸. В описании собственно Архангельского у. подчеркнуто, что черные избы — это старые, “прежние” дома, “а ныне довольно с трубами, кирпичем выкладенными”⁴⁹. Для новгородских земель, ближайших к большой дороге из Москвы в Петербург, англичанин У. Кокс отмечает, что здесь “крестьяне жили с большими удобствами... курные избы почти не встречались”⁵⁰. В Московской губернии, пожалуй, только по Клинскому у. наблюдатель отмечает, что “во многих же селениях делают печи с трубами”⁵¹. В Московском, Волоколамском, Дмитровском уездах избы с трубами делают лишь “в некоторых местах”, “в некоторых селениях”, “у некоторых”⁵². В Серпуховском у. белые избы бывают в экономических (бывших монастырских) селах⁵³, также и в

⁴⁵ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 88—90.

⁴⁶ Бологов А.Т. Записки... — Т. II. — С. 94—95.

⁴⁷ Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1907. — № 7. Прибавления. — Киев, 1907. — С. 68.

⁴⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. №. 497. Л. 62 об.

⁴⁹ Там же. — Л. 39.

⁵⁰ Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 25—26.

⁵¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 241.

⁵² Там же. — С. 93, 260, 221.

⁵³ Там же. — С. 328.

Воскресенском у. белые избы выстроены “на больших дорогах и частию в селениях казенного ведомства”⁵⁴. В Рузском у. “бывают и белые избы”⁵⁵. По двум уездам Московской губернии наблюдатели сделали четкий вывод: “избы... без труб”, “домы имеют без труб” (Никитский и Верейский уезды)⁵⁶.

Видимо, в первую очередь наблюдение И. Георги о бытовании в России не только запущенных неказистых деревень с черными избами, но и деревень, которыми можно гордиться, относится прежде всего к Центру России, к районам развитых промыслов и отходничества (“есть целыя деревни, в коих дома каменные или деревянные, с таким вкусом выстроенные, какое редко и в самой Немецкой Земле найти можно”)⁵⁷.

Составители топографических описаний отмечали в Нижегородской губернии чистоту изб, где топили “по-белому”, и, наоборот, неопрятность в “черных” избах. Так, в Сергачском у. “живут нечисто”, избы содержат черные, в Перевозском у. “живут нечисто, избы черные”, в Лукояновском у. “живут весьма дурно, в черных избах”⁵⁸. Все это преимущественно южные безлесные районы. И, наоборот, в Нижегородском у. “народ живет с отменною чистотою, ибо в избах их видима белизна”⁵⁹. Вероятнее всего, это объясняется наличием печей с трубами. В Княгининском у. “живут порядочно, соблюдают чистоту”⁶⁰. В Васильском у. “живут с некоторою чистотою, сохраняя в домах своих белизну”⁶¹. В Гороховском у. “живут очень чисто”⁶². В Семеновском у. “живут хорошо и в домах своих соблюдают чистоту”⁶³. Все это не только районы, богатые лесом, но имеющие развитые крестьянские промыслы, отходничество, что являлось источником крестьянских приработков, дававших возможность постройки белой избы. Конечно, такие районы были и на юге губернии. Скажем, в Ардатовском у. “живут в домах чисто и содержат белизну”⁶⁴, а в соседнем Арзамасском у. “народ... живет не такую уже чистотою, как в Нижегородском округе... избы содержат черные”⁶⁵.

Итак, в нечерноземных районах, особенно там, где развивались крестьянские отхожие промыслы, топка изб “по-белому” охватывала довольно большие массы крестьянского населения. Во всяком случае, по приволжскому Нерехтскому у. Костромской губернии, где было сильно развито ткачество, наблюдатель прямо отмечает: “Строение изб большею частию с труба-

⁵⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 164.

⁵⁵ Там же. — С. 280.

⁵⁶ Там же. — С. 133, 349.

⁵⁷ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV — С. 136.

⁵⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. I. №. 516. Л. 37, 43 об., 47; Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 25—26.

⁵⁹ Там же. — Л. 8.

⁶⁰ Там же. — Л. 33 об.

⁶¹ Там же. — Л. 29.

⁶² Там же. — Л. 19.

⁶³ Там же. — Л. 58.

⁶⁴ Там же. — Л. 50 об.— 51.

⁶⁵ Там же. — Л. 13, 18 об.

ми”⁶⁶. По Владимирской губ., где также были широко распространены ткацкие промыслы и развивались крестьянские текстильные мануфактуры, наблюдатель также отмечает: “Печи во многих местах делают белые с трубами, а прочия без труб”⁶⁷.

Та же тенденция, хотя и нечетко, видна и в характере отопления крестьянских изб Тверской губернии, где население активно занималось промыслами. В Вышневолоцком у. “труб... кроме большой Санкт-Петербургской дороге и по (реке, — Л. М.) Мсте (где шла трасса Вышневолоцкого канала, — Л. М.) мало делают”⁶⁸. В самом Тверском уезде “во многих селениях делают печи с трубами”⁶⁹. В Зубцовском у. “печи большею частию с трубами”, в Старицком у. “избы невысокие, печи с трубами”⁷⁰. В остальных уездах печи с трубами редкость (в Кашинском у. избы “большею частию без труб”, в Краснохолмском у. “трубы... у редких”, в Осташковском у. “изб с трубами... мало”, в Корчевском у., где избы очень хороши (с тесовой крышей и т. п.), лишь “у некоторых” были печи с трубами, в Калязинском у. “печи большею частию без труб”)⁷¹. Наконец, в Бежецком, Весьегонском, Ржевском уездах крестьянские избы были только курными, т. е. печи были без труб⁷².

Черные избы — агатовые стены

Как уже говорилось, в южных безлесных районах России топили печи соломой и, конечно, “по-черному”, экономя топливо. Так, наблюдатель по Пензенской губ. отметил, что в Пензенском, Саранском, Мокшанском, Чембарском и других уездах крестьяне живут в черных избах (по Чембарскому у.: “печи топят соломой”, по Саранскому у.: “степные поселения — в черных избах” и т. д.)⁷³.

Однако отсутствие леса сказывалось не только на топке по-черному и на характере топлива (солома, бурьян, кизяк и т. п.). Отсутствие леса имело следствием массовое распространение строительства очень маленьких, тесных, имевших убогий вид хижин крестьянских домов. И.И. Лепехин, проезжая Курмышский и Алатырский уезды Нижегородской губ., отмечал не только топку по-черному, но и этот убогий вид крестьянских жилищ. Здесь были богатые черноземы, дающие высокий урожай, обеспечивающий крестьян хлебом. “Однако между ними бедность наиболее глазам представляется. Причиной тому безлесные места... Не можно без сожаления смотреть на бедные их хижины, на безприют их скота в ненастливые пого-

⁶⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Колл. 115. № 603. Л. 67 об.

⁶⁷ Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1789 г. — С. 10—11.

⁶⁸ Генеральное соображение по Тверской губ. — С. 98.

⁶⁹ Там же. — С. 27—28.

⁷⁰ Там же. — С. 144.

⁷¹ Там же. — С. 41, 77, 111, 59, 51.

⁷² Там же. — С. 69, 87, 122.

⁷³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 11 об., 15 об., 46, 47—49, 53 об.

ды..."⁷⁴ Общий вид такого строения можно представить по описанию А.Т. Болотовым домика в степных краях, где он квартировал одно время. "Избушка с небольшим только в сажень (то есть, видимо, шириною около 2,5—3 м, — Л. М.), закопченная не только снутри, но и снаружи... Двери вышиною немногим более аршина" (то есть 72—100 см, и влезать в избушку нужно было чуть ли не ползком, — Л. М.)⁷⁵. (В Центре России в избах двери были немного выше, но также приходилось входить нагибаясь⁷⁶.) Далее А.Т. Болотов пишет: "Печь занимает собою большую часть избы, из худых не последняя, заслонка деревянная... Пол хоть воском натирай, так гладок... Стол у нас изрядной с пузушком... Пузо его составляет у нас шкаф или хранилище как хочешь назови... ибо полочки не важивались"⁷⁷. В избе находилась широкая скамья "коник", на которой спал хозяин, и две лавки высокие: "ногами до земли не достать"⁷⁸. В избе "потолок наш таков: ...ежели б сметать всю ту крупную и черную дрянь, которая с него на постели и на все места навалится, то думаю, — пишет А.Т. Болотов, — что с доброй бы гарнец набралось" (то есть объемом с нашу трехлитровую стеклянную банку, — Л. М.)⁷⁹. Автор "Деревенского зеркала" подчеркивал, что "в низеньких тесных избах часто живут, особливо зимою, целыми семьями, и такие избы редко или совсем не проветриваются"⁸⁰.

Причина распространенности во второй половине XVIII в. тесных низких изб в степных регионах в массовом уничтожении лесов промышленниками — владельцами винокуренных заводов. А.Т. Болотов, имея в виду винокурение, писал: "Нигде не было сие так ощутительно, как в провинциях безлесных и лежащих от Москвы к югу... не можно изобразить, какое великое множество наипрекраснейших рощей и заказов, заводимых еще дедами нынешних жителей и многие десятки лет с великим рачением береженных и могущих целую сотню лет продовольствовать собою многих, переведено и искоренено при сем случае... а сколько претерпела главная Тульская государственная засека и в тамбовских местах государев ценной лес, составляющий собою... государственныя сокровища, о том и упоминать нечего... цена на лес час от часу поднималась и дороговизна оному, а особливо строельному, сделалась так велика и несносна, что все стали кричать и вопить..."⁸¹

В 1785 г. в Фатежском у. Курской губ., куда лес привозили из Брянской округи, десяток трехсаженных бревен (длиною около 6,36 м) стоил 7 руб., а десяток половых трехсаженных досок — 2,5 руб., тес той же меры —

⁷⁴ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 98—99.

⁷⁵ Болотов А.Т. Записки... — Т. III. — С. 678.

⁷⁶ Русская старина. — 1877. — Т. XVIII. — С. 314.

⁷⁷ Болотов А.Т. Записки... — Т. III. — С. 678.

⁷⁸ Там же. — С. 678.

⁷⁹ Там же. — С. 679.

⁸⁰ Деревенское зеркало — Ч. II. — С. 12.

⁸¹ Современник или записки для потомства А.Т. Болотова. Сообщил Н.В. Губерти. — СПб., 1891. — С. 27—28.

25 руб.⁸² На севере Курской губ., куда лес шел из Орла, он несколько дешевле: сотня бревен длиною в 8 аршин (5,76 см) стоила 25 руб. Но в то же время половые доски этого размера — 61 руб. за сотню⁸³. В то же время в Краснохолмском у. Тверской губ. сотня девятиаршинных бревен стоила 13—14 руб.⁸⁴, в Вышневолоцком у. сотня бревен той же меры продавалась по 10 руб., а сотня пятисаженных бревен (около 15 аршин) — 25—30 руб.⁸⁵ В Калязинском уезде готовый сосновый сруб избы стоил от 18 до 30 руб. (еловый — 15—20 руб.)⁸⁶, а в южных безлесных местах деревенский дом нормальной величины мог стоить не менее 100 руб. В конце XVIII в. в своем “Деревенском зеркале” А.Т. Болотов писал: “Деревянное строение дошло уже в малолесных местах до того, что крестьянская изба без других пристроек сотню рублей стоит”⁸⁷. А ведь это составляло огромную непосильную сумму даже для небедного крестьянина. Из-за дороговизны леса крестьяне “для нескольких бревен принуждены ездить верст за 100 и больше”⁸⁸.

Лишь наиболее состоятельное население степного юга России могло строить нормальные избы. Правда, это уже были не срубные постройки, а мазанки из плетей и глины. В первую очередь эти просторные дома стали строить однодворцы. И.А. Гильденштедт отмечал, в частности, что они “уже не живут (речь идет о 70-х годах XVIII в., — Л. М.) в курных избах, а строят свои избы на малороссийский лад с печами, снабженными дымовыми трубами”. В отличие от украинских домов, где был земляной пол, в домах однодворцев пол был дощатый⁸⁹. Заметим при этом, что быт и одежда воронежских крестьян оставались великорусскими. В 1773 г. А.Т. Болотов отметил, что в Шацком уезде переведенцы из Епифани и Козлова “поставили домики себе изрядные и дворы их были несравненно лучше старинных степных наших олухов”⁹⁰. По дороге в Шацк в одной из своих поездок он ночевал в однодворческом селе Коптево, где у хозяина “светличка была... беленькая”⁹¹, то есть топилась по-белому. Видимо, в тех селах, где были богатые дома однодворцев, топка по-белому была обычной. А.Т. Болотов в путевых заметках отметил одно из таких сел однодворцев — Лысые горы под Раненбургом. В селе было около 4 тыс. душ мужского пола (то есть около 8 тыс. человек), и “все дома у них крыты дранью”, а не соломой, что было признаком богатого дома⁹². В домах такого типа “печь хотя и была русская из кирпичей, однако известкою выбелена,

⁸² Ларионов С. Описание Курского наместничества. — С. 154.

⁸³ Там же. — С. 46.

⁸⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 75.

⁸⁵ Там же. — С. 95.

⁸⁶ Там же. — С. 49.

⁸⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 260—261.

⁸⁸ Там же. — С. 97.

⁸⁹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — Отд. отт. // Харьковский сборник. — 1891. — С. 64—65.

⁹⁰ Болотов А.Т. Записки... — Ч. III. — С. 82.

⁹¹ Там же. — С. 80.

⁹² Там же. — С. 78.

с наклонным на шестке колпаком или отвесом, чтоб дым из чела в избу не валил, а проходил весь в трубу”⁹³.

Что такое “красное окошко”?

В русской крестьянской избе в XVIII в. все чаще стали появляться “красненькие окошки” взамен окон старого типа (“волоковых”). “Волоковое окно” — это продолговатое отверстие, образуемое путем вырубания его в стене сруба. Обычно оно было высотой в бревно, хотя образуется оно из вырубков по полбревна в обоих смежных бревнах сруба. О волоковых окнах речь идет в описании домов Архангельской губернии Шенкурского уезда: “окна узкие, в них окончины стеклянные и слюдяные”⁹⁴. Часто волоковые окна закрывались просто доскою, укрепленную в пазах. Доску “волочили” туда или сюда, открывая или закрывая окно: “У нас в избеушке все поползушки”.

“Красным” окно называлось, пожалуй, оттого, что оно было несравненно лучше волоковых и имело настоящие рамы — “окончины” со стеклами. К тому же оно часто украшалось. В Холмогорском у. такие окна были “чистою смолою и красками выкрашенные”⁹⁵. Красные окна были таковыми и потому, что располагались к тому же в передней стене избы. И. Георги пишет: “Окон в избах к большому или переднему углу бывает по два, от полуаршина (ок. 30 см) до полутора (ок. 1 м), с стеклами, вставленными в рамы. Да одно перед печью, в полы против тех (то есть вдвое меньше, — Л. М.), и одно подле печи (сие часто без стекол, а только что закрывается небольшою доскою, для того приделанною)”⁹⁶. Последние два окна, описанные И. Георги, были, видимо, волоковые. Во Владимирской губ. в селах на больших дорогах в крестьянских избах на улицу выходило и по два, и по три красных окна⁹⁷. По всей Московской губернии “построение домов... состоит из избы, которая построена переднею стеною на улицу с двумя большими волоковыми и одним красным окошками” (данные по Бронницкому, Никитскому, Звенигородскому, Дмитровскому, Рузскому, Можайскому, Серпуховскому, Подольскому и другим уездам)⁹⁸. Для уездов Тверской губернии мы можем лишь фиксировать отсутствие в крестьянских избах красных окошек или практики их устройства. Здесь лишь “имущие и в промыслах упражняющиеся крестьяне строят избы с красными окнами, а в некоторых местах и печи с трубами”⁹⁹. Причем, наблюдатели здесь заметили довольно ощутимую сопряженность топки по-белому и наличия красных окошек.

⁹³ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 121.

⁹⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об.

⁹⁵ Там же. — Л. 62 об.

⁹⁶ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 135.

⁹⁷ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10—11.

⁹⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 122, 133—134, 202, 221, 280, 302, 328, 141—150 и др.

⁹⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 10.

Так, по Тверскому у. отмечены печи с трубами, “избы с красными окошками”, в Зубцовском у. печи “большей частью” с трубами, а “избы с красными окнами”¹⁰⁰. Там, где мало и редко встречаются печи с трубами (Кашинский, Корчевский, Осташковский, Краснохолмский, Калязинский уезды), редко и мало встречаются избы с красными окошками¹⁰¹. Наконец, в Новоторжском у. избы с красными окнами были “у редких”, хотя печей с трубами не было¹⁰². В Старицком у., где избы имели печи с трубою, красные окна делали мало¹⁰³. В Ржевском и Бежецком уездах избы были черные и без красных окон¹⁰⁴. В Вышневолоцком уезде избы с красными окнами, как и печи с трубами, встречались в избах по Санкт-Петербургскому тракту и реке Мсте¹⁰⁵.

Красные окна были очень небольшими, длина их косяка, то есть боковины коробки окна (отсюда их иногда называли “косячатыми”), чаще всего достигала 30—70 см. Конечно, они были больше волоковых. Англичанин У. Кокс отмечал, что в избах новгородских крестьян “окна были не такие крошечные”, как волоковые¹⁰⁶, т. е. речь шла о красных окнах.

Расположены были красные окошечки высоко от пола. На гравюрах того времени видно, что окна чаще были на уровне плеч человека, то есть в окно выглядывала лишь голова. Вполне возможно, что в таких случаях при топке печей по-черному дым мог выходить и из этих окон, а нижний уровень слоя дыма тем самым повышался, что создавало больше удобств в доме во время топки.

Где оконенки брюшинны, тут и жители кручинны Крайне ограниченное число окон создавало вечные сумерки в избе, но тем самым изба была теплее и экономилось топливо.

В степных районах красные окна имели, по-видимому, одну окончину, а не двойную, как обычно, притом не всегда со стеклами. А.Т. Болотов пишет о степной избе, где он квартировал, что у красного окна “...вместо окончины натянута кожуринка какая-то на лучок”¹⁰⁷. В Поволжье, возле Саратова, И.И. Лепехин отметил, что в белых избах тамошних жителей оконницы были “из требушины коровьей, из сомовой или белужей кожи”¹⁰⁸. В более северных районах окончины зимою были двойные. С.В. Друковцев, например, наставлял помещиков следить за крестьянами, чтобы окончины были двойные, светлые и плотные, “дабы... ветер и стужа проходить не могла”¹⁰⁹.

¹⁰⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27—28, 132.

¹⁰¹ Там же. — С. 41, 59, 111, 77, 51.

¹⁰² Там же. — С. 161.

¹⁰³ Там же. — С. 144.

¹⁰⁴ Там же. — С. 69, 122.

¹⁰⁵ Там же. — С. 98.

¹⁰⁶ Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 25.

¹⁰⁷ Болотов А.Т. Записки... — Т. II. — С. 679.

¹⁰⁸ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 149.

¹⁰⁹ Друковцев С.В. Экономическое наставление... — С. 9.

**Жилья с локоток,
а житья с ноготок**

Ограниченность пространства избы заставляла крестьян иметь в помещении лишь крайне необходимые вещи. У. Кокс всюду отмечает в домах лавки по стенам, деревянные столы, глиняные горшки на полках и т. п.¹¹⁰ И. Георги пишет, что “в избе около стен деревянные прилавки или скамьи на деревянных ножках... К переднему углу избы находится длинный деревянный стол. А в углу, на стене изображения или угодников божиих, почитаемых российской церковью, или же лик Спасителя и Богоматери на полках... К полкам прикреплены восковые свечи..., а инде лампы с деревянным маслом”¹¹¹. У. Кокс всюду видел “по середине избы” лампаду, сосуд со святой водой и, конечно, “иконы, грубо писанные на дереве”¹¹². Есть упоминания и о наличии в крестьянских избах стульев¹¹³. В описании Владимирской губернии обращается внимание на то, что лавки и полки часто украшены фигурными вместо карнизов досками¹¹⁴. На полках стояла разнообразная утварь: деревянные блюда, чашки и ложки, ножи, плошки глиняные, глиняные мисы, деревянные кружки (вместо десертных тарелок), чаши, глиняные горшки, железные сковороды и другая “поваренная” и столовая посуда. В самой поварне стояла на полках, лавках и полу кухонная утварь, молочная посуда (крышки, кувшины), ведра, кадки. Иногда бывала у крестьян медная и оловянная посуда (не для кислых блюд!)¹¹⁵.

Вещи, в том числе одежда, часто висели в самой избе на стенах и шестах. Шесты, видимо, были элементом старой конструкции дома, где не было потолка. Вещи хранились и в холодных горницах, клетях, сенниках, в сундуках и поставках с веревочными рукоятками. “Некоторые к тяжелым сундукам приделывают колесцы или широкия полозья, как у саней”¹¹⁶. Разумеется, такие элементы обстановки были лишь у богатых крестьян. У бедных немощных крестьян было иначе. Бедный крестьянин имел “мало рубах и один кафтан”¹¹⁷.

В русской крестьянской избе в страшной тесноте жили, как правило, 8—10 человек. Так было, в частности, в большинстве уездов Тульской губернии. В одном из вариантов топографического описания этой губернии 1780 г. есть точные цифры числа жилых изб в уездах. Соотнеся эти данные с числом душ мужского пола, можно более или менее точно установить населенность этих изб (принимая женскую половину населения примерно равной мужской). Такие данные охватывают как помещичьих, так и государст-

¹¹⁰ Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 24.

¹¹¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 135.

¹¹² Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 24.

¹¹³ Деревенское зеркало. — Ч. III. — С. 62.

¹¹⁴ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10—11.

¹¹⁵ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 137; Деревенское зеркало. — Ч. III. — С. 62.

¹¹⁶ Деревенское зеркало. — Ч. III. — С. 199.

¹¹⁷ Друковцев С.В. Экономический календарь, или Наставление городским и деревенским жителям в разных частях экономии (Далее: Экономический календарь). — М., 780. — С. 11.

венных крестьян. Сделанные расчеты показали, что в Тульском, Каширском и Чернском уездах на крестьянский дом приходилось 4,8—5,0 душ муж. пола или 9—10 чел. обоего пола. В Крапивенском, Белевском, Елифанском, Веневском и Алексинском уездах — 4,0—4,5 душ муж. п. или по 8—9 человек на дом. А в Новосильском и Богородском уездах по 5,6 души муж. пола или по 11 человек на дом¹¹⁸. По Московской губернии мы располагаем более точными данными на 1787 год. На крестьянский дом в Московском у. в среднем приходилось 6,45 души обоего пола (чел.)¹¹⁹. Это, видимо, наиболее комфортные условия жилья. В Воскресенском, Никитском, Богородицком, Клинском и Дмитровском уездах 7,37—7,77 чел.¹²⁰ В Подольском, Волоколамском, Рузском, Бронницком, Коломенском, Верейском и Можайском уездах 8,14—8,68 чел.¹²¹ Наибольшая скученность была в Серпуховском и Звенигородском уездах (9,14—9,87 чел.)¹²². Тот же очень высокий уровень плотности населения в жилом помещении отмечают наблюдатели по Тверской губернии. В Зубцовском, Краснохолмском, Вышневолоцком, Осташковском и Ржевском уездах в одном доме живут по 2 семьи¹²³. Если на среднюю семью приходилось 4 человека, то 2 семьи составят 8 человек. В Старицком, Тверском, Кашинском, Корчевском в одном доме “живут по большей части две семьи”¹²⁴. Наибольшая скученность была в Бежецком и Весьегонском уездах, где в одном доме жили “по две и по три семьи”, т. е. до 12 человек на избу¹²⁵. Разумеется, часть крестьян (прежде всего зажиточные, часть дворцовых, государственных крестьян) жила в лучших условиях. Но так было далеко не везде.

Составители топографических описаний по северу России (Архангельская губ.) практически дают те же сведения и по государственным крестьянам. В Шенкурском уезде, например, “в одной избе от 6 до 10 человек и более живут”¹²⁶.

В головы кулак, а под боки — и так

В связи с этим самая острая проблема в избе — место для сна. Разумеется, в условиях крайней тесноты о кроватях не было и речи (исключения, конечно, были). Спали на лавках и прилавках. Стоящие в красном углу избы лавки — “коники” были специально рассчитаны для сна. Спали, конечно, и на печи, но главным образом старики и дети. Условия в избе были

¹¹⁸ Дильтей Ф.Г. О Тульском наместничестве // Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи. — СПб., 1781. — Ч. I. — С. 31—32, 41, 63, 70, 73, 51, 49, 39, 67, 59.

¹¹⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 93.

¹²⁰ Там же. — С. 160, 129, 114, 235, 216.

¹²¹ Там же. — С. 143, 255—256, 274—275, 178, 365, 345, 298—299.

¹²² Там же. — С. 323, 198.

¹²³ Генеральное изображение по Тверской губернии. — С. 132, 77, 99, 111, 122.

¹²⁴ Там же. — С. 144, 28, 41, 59.

¹²⁵ Генеральное изображение по Тверской губернии. — С. 69, 87.

¹²⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об.

очень неблагоприятными для всех, особенно для детей. Наблюдатель по Тверской губернии отмечает: “Зимою все генерально страждут кашлем и простудою: неминуемым следствием их образа жизни в черных избах, в коих по утрам бывает очень холодно, а по вечерам и во всю ночь чрезвычайно жарко”¹²⁷. Дети же спали, как правило, нагими (тот же автор подчеркивает “суровое детей в черных избах и почти без всякой одежды содержание”)¹²⁸ и, разумеется, часто простуживались. Взрослые простуживались еще и из-за того, что по ночам из “необычайного жара”, “вспотевши, выходят из избы неодетые, подвергаясь припадкам, происходящим от простуды”¹²⁹.

Поиск более комфортных условий для сна привел к тому, что в избе исстари устраивались под потолком возле печи (где изба остывала меньше всего) специальные настилы-полати. Это было основное место сна для семьи. И. Георги писал: “Под потолком, подле печи палати для обнощевания семьи”¹³⁰. Живописную картину ночной крестьянской избы, полной заночевавших гостей, дает У. Кокс. Особенно поразили его воображение свисающие с полатей руки, ноги и даже головы спавших на полотах людей. “Нам, — писал У. Кокс, — никогда не выдавшим подобного зрелища, ежеминутно казалось, что они свалятся на пол”¹³¹. Путешественникам в дороге приходилось спать прямо на полу, где расхаживали цыплята (дело было в начале сентября). Однажды ночью У. Кокса обеспокоили бывшие в избе, топившейся по-белому, свиньи. Он вскочил и при тусклом свете лучины увидел: “В одном углу товарищи Кокса спали на соломе, а неподалеку от них на другом ворохе соломы помещались слуги. Трое длиннородых мужиков в своих мешковатых одеждах растянулись на голом полу. У дверей одетые женщины дремали на лавке; одна крестьянка расположилась на печи с четырьмя почти совершенно голыми детьми”¹³². В дополнение надо упомянуть о душной жаре и отнюдь не приятных запахах, переполнявших избу. На больших дорогах в таких избах на ночь могло собираться до 20-ти человек¹³³. Конечно, это не столь типичная ситуация. Обычно же, как уже говорилось, зимой в избе спало 8—10 человек. Разумеется, спали в одном помещении и мужчины, и женщины, и дети (“нередко в самых первобытных костюмах”)¹³⁴. “Российский народ, простолюдины, не заботятся слишком, как чужиестранцы, — писал И. Георги, — о пуховиках или мягких перинах и матратах, но спят без постели, особливо холостые: на полу, на скамьях, подмостках, залавках, кутниках, казенках, на печках — зимою, а летом и на открытом воздухе, подослав соломы или сена и покрыв оную дерюгою, а

¹²⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 8.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. — С. 9. Большая детская смертность объяснялась также и частыми эпидемиями оспы, “истребляющей множество малолетних”.

¹³⁰ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 135.

¹³¹ Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 24.

¹³² Там же. — Т. XVIII. — С. 314.

¹³³ Там же. — Т. XIX. — С. 25.

¹³⁴ Там же. — С. 26.

иногда на войлоке, без подушки или с небольшою (подушкою, — Л. М.), под жидким из дерюги одеялом, а больше под тем же одеянием, в котором днем ходят. Но зажиточные имеют постели перьяные и пуховые, одеяла теплые для зимы, а для лета легкия, пологи или кровати с занавесками...”¹³⁵

Наблюдения И. Георги подтверждаются местным материалом. В Топографическом описании Краснохолмского у. Тверской губ. читаем, что крестьяне “спят по лавкам и на полу. Старики на печи, старухи — на полатах. Одеваются (то есть накрываются, — Л. М.) шубами, кафтанами и дерюгами, вытканными из хлопяного холста; употребляют иногда подушки, набитые хлопками (клоками, очесьем льна, — Л. М.), и постельники — мелкою яровою соломою”¹³⁶. В описании Корчевского уезда той же губернии отмечено, что крестьяне в избах “спят на войлоках под дерюгами и на соломе”, то есть на соломенных постельниках¹³⁷. В описаниях Тверского у. сказано: “спят на постелях, набитых соломою, а летом сверх того и под пологами”¹³⁸. В Кашинском у. “спят на войлоках по лавкам и на полу на соломе”¹³⁹.

Хоть лыком шит, да мылом мыт

Столь стесненные условия жизни диктовали необходимость поддерживать чистоту в доме.

Опрятная крестьянская хозяйка “не токмо стол и лавки очищала, но и пол выскребала до суха и, выкинув сор, курила в избе, зажегши веточку можжевельника, или клала с орех величины смолы на жар”¹⁴⁰. Кроме курения можжевельником, весною и осенью печи поливали на горячий камень “то уксусом, то квасом... чтоб шел пар без пригары и чтоб был здоровой воздух”¹⁴¹. Летом пол усыпали не только соломой, но и березовыми листками, свежеею травою (например, донником), полевыми цветами, “а зимою сухим песком и нарубленным ельником”¹⁴². Конечно, бывало и иначе. На Севере России, например, пол в избе не мыли¹⁴³. Старательная крестьянская женка “детей своих каждую неделю мыла... раза по два и по три... Белье каждую неделю на них переменяла, а подушки и перины часть проветривала на воздухе, выколачивала”¹⁴⁴. Для всей семьи обязательна была еженедельная баня. Недаром в народе говорились: “Баня парит, баня правит. Баня все поправит”. В некоторых краях в бане “вспотев натирались редькой или диким перцем, излечиваясь от простуд”¹⁴⁵. “Ужасно (особливо

¹³⁵ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 183.

¹³⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77.

¹³⁷ Там же. — С. 59.

¹³⁸ Там же. — С. 27.

¹³⁹ Там же. — С. 41.

¹⁴⁰ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 124.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. — С. 121.

¹⁴³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об.

¹⁴⁴ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 127.

¹⁴⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 68.

для чужестранцев) видеть, — пишет И. Георги, — когда россияне, распарясь в бане до красного цвету, выбегают и бросаются в холодную воду, в реку, озеро, купаться или ложаться на снег, которой под ними во мгновение растаеет”¹⁴⁶. Там, где бани располагались далеко от деревни, как это часто случалось в районах южнее Москвы, крестьяне “босоногие, гологрудые, без шапок с полверсты... (шли, — Л. М.) домой с обледенелыми головами и с сосульками на бородах”. Даже русский человек XVIII в., пишущий об этом, восклицал: “Смотря на вас, ужас кожу подирает и кажется, что смерть на носу сидит”¹⁴⁷.

Несмотря на то, что такая закалка вела и к осложнениям (“сильнейшим от того горячых и грудных распаений, колик и распаений всей внутренности...”)¹⁴⁸, обычай и необходимость брали свое, и из поколения в поколение русский крестьянин исполнял эти суровые процедуры. Иначе в условиях жилищного уплотнения народ не выжил бы из-за эпидемий, которые в итоге были не столь часты.

Конечно, в рабочее дневное время семья была главным образом в деле, на улице, в поле, во дворе. Даже лютой зимой, “назябшись на морозе то в леску за дровицами, то в пуне за соломой и сенцом или хотьбою за конями и скотиною, да и виль на печку, а после опять с печки на трескучий мороз”¹⁴⁹. Топили жарко, но не все. В черноземных местностях у бедных дров не хватало, “иные бабы... в холодной избе ставят под сарафан горшок с калеными углями” и лишь тогда выполняют нужную работу¹⁵⁰.

Крестьянский двор

Летом помещения было больше прежде всего за счет холодной горницы, сеней или “пристенка”¹⁵¹.

Об одной из летних поездок А.Т. Болотов пишет: “Добродушная старушка, хозяйка того дома, предложила нам свои сени, как обыкновенное их летнее обиталище”. Конечно, сквозь “неплотные стены” поддувал ветер, и путешественники отказались от предложения¹⁵².

Непосредственно к сеням или “пристенку” пристраивалось крыльцо, “на которое возходят по лестнице деревянной”¹⁵³. Крыльцо обычно было “досчатый”, т. е. не имеющим никаких украшений. Но иногда их украшали. Так, наблюдатель по Владимирской губернии отмечает “балясчатые” крыльца деревенских изб¹⁵⁴.

¹⁴⁶ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 183.

¹⁴⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 8.

¹⁴⁸ Там же. — С. 8—9.

¹⁴⁹ Там же. — С. 7.

¹⁵⁰ Там же. — Ч. III. — С. 157.

¹⁵¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 135.

¹⁵² Болотов А.Т. Записки... — Т. IV. — С. 969.

¹⁵³ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 135.

¹⁵⁴ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10—11.

**Двор — что город,
изба — что терем**

За избой или рядом с ней располагался двор, имевший в разных районах различное устройство (см. рис. 23). Русский крестьянский двор по планировке имел несколько типов (1 — крытый двор в однорядной связи, 2 — крытый двор, 3 — полукрытый двор, или двор “покоем”, 4 — двор “глаголем”, 5 — двухрядная и 6 — рядная застройка двора, 7 — “круглый” двор).

Первый тип был преобладающим видом постройки во всей нечерноземной полосе, а на Севере был единственным типом русского крестьянского двора. Второй тип имел распространение лишь на южнорусских окраинах, Дону и степном Предкавказье. Третий тип (покоеобразная связь, т. е. в виде буквы “П”) преобладал в Среднем Поволжье вплоть до Саратова, а также в Вятской, Пермской и Казанской губерниях. “Глаголеобразная связь” концентрировалась главным образом в междуречье Оки и Волги. Пятый тип распространен в Центральном районе, включая Смоленскую и Калужскую губернии. Трехрядная постройка двора была локализована в западнорусских районах. Наконец, замкнутая связь, образующая своего рода “круглый двор”, была преобладающим типом постройки в Смоленской, Калужской, Орловской, Курской, отчасти Тульской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерниях¹⁵⁵.

У. Кокс по дороге от Твери к Новгороду обратил внимание, что в изредка встречающихся деревнях “все здания имели продолговатую форму, и к избе неизменно примыкал сарай с навесом”¹⁵⁶. Это был типичный крытый крестьянский двор (видимо, это первый тип). В описании Старицкого уезда Тверской губернии можно прочесть описание двора четвертого или пятого типа: “Дворы их (то есть крестьян, — Л. М.) строятся продолговатыми четвероугольниками — ворота подле избы; напротив избы (то есть за нею, — Л. М.) ставят холодные горницы для поклажи своего платья и других вещей; на дворе делается омшанник для мелкой скотины, сарай для крупной. Двор весь покрывается соломой, а для навоза по всему двору стелется солома”¹⁵⁷. Как видим, крестьянский двор в XVIII в. еще не имел бревенчатых стен и выглядел как навес, под которым были помещения для скота и так называемые “разгородки” для крупной скотины¹⁵⁸. Особенно четко это видно из аналогичного описания крестьянского двора во Владимирской губернии: “...весь двор кругом стараются сколько возможно закрыть [над] хлевами и сараями до самых ворот и до избы драньем и соломой, оставляя к крыльцу небольшое для свету пространство без крышки. А сие делают они более для теплоты скотины зимою”¹⁵⁹. В Краснохолмском у. Тверской губ. летом в крыше двора делали отверстие “для свету”, но на зиму все по-

¹⁵⁵ Русские. Историко-этнографический атлас. — М., 1967. — С. 140—148, карта 33.

¹⁵⁶ Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 24.

¹⁵⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 144.

¹⁵⁸ Там же. — С. 28, 41, 87, 132.

¹⁵⁹ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10—11.

крывали наглухо¹⁶⁰. Однако по-настоящему тепло было лишь в омшанниках, где был мелкий скот. “Крупная [скотина] по всю зиму ходит по двору и от стужи много претерпевает”¹⁶¹.

Ворота были рядом с домом и выходили на деревенскую улицу. Наблюдатель по Владимирской губернии отмечает: “Ворота у них — не последнее украшение, которое составляется из двух претолстых верей, иногда гладко, а иногда резьбою сделанных и накрытых тесом или дранью. В заднюю двора часть делают другия ворота, где у них находится коноплянник, а за оным сажень через 30 от двора — овин и сарай для молотьбы хлеба”¹⁶². Такая организация крестьянского двора и усадебной земли типична. Встречаются отклонения лишь в деталях. Скажем, в Весьегонском у. Тверской губ. “за дворами следуют огороды, на коих ставятся житницы для хлеба; за ними в некотором разстоянии делают овины”¹⁶³. В Тверской губ., как и во многих иных районах, овины были расположены близко от крестьянского двора, поэтому частые пожары овинов кончались гибелью всей деревни¹⁶⁴.

Обилие построек на дворе — один из основных признаков богатства. Это амбар или кладовая, сарай или стойло, “навес или поветь, баня, овин, хлев, птичник и иногда домашний колодец”¹⁶⁵. У бедных это лишь клеть. На севере России эта клеть или чулан была прямо при доме¹⁶⁶. “Дворы, смотря по количеству скота, бывают тесные и пространные, которые или изнутри или снаружи пристраиваются” (то есть или сзади избы или рядом с нею); “для овец и телят — мшоны хлевы”, то есть проконопаченные мхом. В хлевах зимою в этих краях были и дойные коровы. “Прочая скотина стоит и бродит по дворам и улицам, много притерпевает от стужи”¹⁶⁷.

Правда, в южных безлесных краях такого обилия построек на дворе иногда не было и у состоятельных крестьян. А.Т. Болотов, описывая однодворческое село Лысые горы Рязанской губернии, замечает: “Дворы их истинно грех и назвать дворами. Обнесены кой-каким плетником и нет ни одного почти сарайчика, ни одной клетки, да и плетни: иной исковеркан или иной на боку, иной избоченся стоит и так далее”¹⁶⁸.

Чтоб было дворно и не проторно

В заключение дадим общую характеристику крестьянского двора на русском Севере. Изобилие здешних лесов создает, как говорили современники, “удобность строить дворы и избы свои высокия и пространныя.

¹⁶⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77.

¹⁶¹ Там же. — С. 98—99.

¹⁶² Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 11.

¹⁶³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 87.

¹⁶⁴ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128 (Топографическое, историческое и камеральное описание городов и уездов Тверской губернии). Л. 107 об. и др.

¹⁶⁵ Георги И.Г. Описание...народов. — Ч. IV. — С. 136.

¹⁶⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об., 38 об.

¹⁶⁷ Там же. — Л. 48 об., 81.

¹⁶⁸ Болотов А.Т. Записки... — Ч. III. — С. 78.

Достаточнейшие из крестьян живут в белых избах, имея печи с трубами. Все же вообще покрывают жилища свои тесом и дранью¹⁶⁹. “Здесь все дворы покрывают сплошь и делают внутри помост наравне с полом высоких своих изб, разделяя двор, так сказать, в два жила, из которых в нижнем помещен скот в теплых и мшоновых хлевах, а в верхнем, в которой находится наружной с улицы въезд (взвоз, — Л.М.), сохраняет солому, сено, повозки, земледельческие орудия и всякую крестьянскую збрую”¹⁷⁰. Нетрудно заметить, что это описание типичного крестьянского двора Олонецкой провинции почти полностью “повторяет” конструкцию известного экспоната крестьянской народной архитектуры в Кижях, на Онежском озере (дом Елизарова из дер. Середки, 1880 г.). Описание, приведенное нами, датируется примерно 1785—1789 гг., то есть старше на целое столетие, что дает уверенность предполагать, что перед нами традиция, уходящая в глубь веков.

Между прочим у тверских корел, в частности в Вышневолоцком уезде, дворы в 80-х годах XVIII в. были точно такие же (“внутри над всем двором помосты и взезд, куда на зиму убирают корм для скота”¹⁷¹).

Планировка деревни

Наконец, следует упомянуть, что построение деревень на громадных просторах России было подчинено единой структуре. На пути от Твери до Новгорода У. Кокс писал о характере деревень: “Все они были похожи между собою и состояли из одной улицы”¹⁷². Другой путешественник, И.И. Лепехин, следуя из Петербурга через Москву и далее в Среднее Поволжье также отметил, что “деревни у русских улицами”¹⁷³. Впрочем, такая конфигурация поселений не мешала деревне быть по-настоящему красивой. И. Георги пишет: “...есть целые деревни, в коих дома каменные или деревянные, с таким вкусом выстроенные, какое редко и в самой Немецкой Земле найти можно”¹⁷⁴. На севере России, в частности в Архангельской губернии, крестьяне не всегда сохраняли уличный порядок, а избы были “разсеяны на малые околотки”¹⁷⁵. Свободная застройка встречалась и к югу от Москвы. В том же селе Лысые Горы, описанном А.Т. Болотовым при проезде через г. Раненбург Рязанской губ., не было и следов какой-либо планировки: “...там двор, здесь другой, инде дворов пять в кучке, инде десяток. Те туда глядят, сии сюда, иной назад, другой наперед, иной боком”¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 62 об.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 98.

¹⁷² Русская старина — 1877. — Т. XIX. — С. 24.

¹⁷³ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 147.

¹⁷⁴ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. III. — С. 136.

¹⁷⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 80 об.

¹⁷⁶ Болотов А.Т. Записки... — Т. III. — С. 78.

Хотя еще при Петре I указом от 7 августа 1723 г. предписывалась общая перестройка деревень по планам, но реализация его была затруднена. Особенно это касалось идеи уравнивания всех усадебных участков, чтобы дома стояли друг к другу на равных, безопасных для пожара интервалах. Но равные участки усадебной земли приходили в противоречие с давней общинной традицией землю под дворы разделять по тяглам (это особенная, очень важная отличительная черта русской передельной общины)¹⁷⁷.

При семи домах восемь улиц

В 80-е годы XVIII в. в Тверской губернии построенных по петровскому указу деревень было ничтожное количество (несколько процентов). Все деревни уличной планировки были тесными, то есть дворы стояли очень близко друг к другу, а сами улицы были узки и кривы (Вышневолоцкий, Тверской, Ржевский, Осташковский, Кашинский и другие уезды)¹⁷⁸. Часто и уличная структура нарушалась (видимо, из-за разновременности построек, пожаров и т. п.). В Бежецком у. в деревнях “улицы кривы и не порядочны”, в Корчевском у. “деревни... тесны, безпорядочны”, в Зубовском у. дворы, построенные не по плану, “сидят весьма тесно и без всякого порядка”¹⁷⁹. Так было во многих районах России. Даже на русском Севере “во всех селениях улицы кривы и уски и жители строят дворы свои, не наблюдая никакого порядка и соотношения к другим”¹⁸⁰. Наблюдатель отмечает грязь на улицах селений. Более того, “дворы строятся тесно, улицы узки и кривы, отчего по веснам и по осеням воздух в селениях бывает нездоровой и производящий болезни”¹⁸¹. Эту же мысль проводит и автор “Деревенского зеркала”.

Само поселение и лежащие вокруг угодья были тщательно огорожены. Наиболее подробно об этом сообщает “Хозяйственное описание Пермской губернии”, сделанное Н.С. Поповым в конце XVIII — начале XIX в.: “Каждое селение (а иногда и несколько вместе) во всех уездах ограждается со всех сторон в довольном от него разстоянии огородом из жердей или плетня зделанным. Сию работу производят все того селения крестьяне, разделя длину городьбы на число душ. Огражденное сим образом пространство называется поскотиною, где разный скот сего селения пропитывается, начиная с самой весны, дотоле, пока находящиеся за поскотиной на нивных полях хлебы убраны будут в клади и огородаются, как сенные зароды, стоги и скирды остожем... При редких селениях пространство поскотин соразмерно бывает числу содержимого крестьянского скота; отчего происходит,

¹⁷⁷ Друкотцев С.В. Экономический календарь. — С. 126.

¹⁷⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 98, 28, 122, 111, 41.

¹⁷⁹ Там же. — С. 69, 59, 132.

¹⁸⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 62 об.

¹⁸¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 10.

что в некоторых посекотинах терпит скот почти настоящий голод...”¹⁸² В разных районах России городьба эта была разной. В частности, в районе г. Твери и Вышнего Волочка У. Кокс обратил внимание на множество “деревень, а равно полей и огородов, огороженных деревянными палисадами в 12 футов высоты...”¹⁸³ Это были гигантские сооружения до трех метров высоты, дававшие полную гарантию сохранности скота.

Разумеется, русские люди, веками жившие в России, настолько привыкли к конструкции своих домов, к устройству двора, что перестали замечать относительность их удобств и комфорта. По существу же даже беглое знакомство с материалами XVIII столетия свидетельствует о том, что великорусский крестьянин всегда жил в крайне стесненных условиях без малейших признаков комфорта. Строительный материал для жилища — это всегда дерево, ибо на кирпичный дом не было средств даже у богатых крестьян. Каменные дома в деревне появились в XIX — начале XX в., и строились они на доходы от промысловой деятельности и в крайне ограниченном количестве. Длина срубных бревен предопределяла крайнюю тесноту в “теплом жиле”. А отсюда главное неудобство жизни — отсутствие условий для комфортного ночного отдыха. Не менее важный момент — температурный режим избы. Извечная занятость русского мужика ограничивала возможность заготовки дров. Ручные пилы стали изредка проникать в быт лишь где-то во второй половине века, и заготовка длинных поленьев секирным топором была делом хлопотным. Дрова экономили, и лучшим средством для этого была топка печи по-черному. Как мы видели, малейшие сдвиги в доходах крестьянина (а они в России той эпохи были связаны только с промыслами) тотчас вели к благоустройству его “деревянного жила”: появлялись “белые” избы, а в них — потолки, у богатых крестьян заводились кровати, подушки, одеяла и т. д.

В целом же анализ жилищных и хозяйственных условий крестьянского быта свидетельствует о сравнительно низком уровне благосостояния основной массы крестьян.

Кроме того, безраздельное господство эфемерных деревянных построек и топка по-черному (не говоря уже об овинах без печей) вели к частым пожарам, к потере всего нажитого годами. Если, скажем, в некоторых регионах Англии основная масса сельских зданий сохранилась с XVI—XVII вв., то в России такого явления не могло быть в принципе. Столь своеобразная черта уклада деревенской жизни отражалась фундаментальным образом на менталитете русского человека.

¹⁸² Попов Н.Г. Хозяйственное описание Пермской губернии. — Пермь, 1804. — С. 58.

¹⁸³ Русская старина. — Т. XIX. — С. 24.

Очерк десятый

ЗАБЫТАЯ ОДЕЖДА НАШИХ ПРЕДКОВ

В XVIII в. на всей территории обитания русского народа сохранился единый тип (“обыкновенный”) одежды, причем, по утверждению современников, весьма древнего происхождения. У мужчин это кафтан, балахон, рубашка, порты (зимой еще и подштанники), онучи, лапти, шляпы, треух и, конечно, шуба. У женщин это сарафан (или ферязь), рубаха, душегрейка, понева, зипун, онучи, лапти и шуба.

Рад Епифан, что нажил серый кафтан

У мужчин однообразие одежды особенно характерно (отличия лишь в качестве материала, что было по сути социальным отличием). Основная, верхняя одежда — это кафтан. Он был прямого покроя, без талии (приталенные кафтаны с клиньями в полах встречались редко), длина доходила до самых колен (иногда полы кафтана доставали икры ног). Кафтан шился без карманов, без обшлагов на рукавах, без разреза задней полы, то есть покрой его был предельно прост, и сшить его могли сами крестьяне. На кафтан шло домашнее, сермяжное сукно. В южнорусских землях, за Окой, великорусы носили кафтаны “из толстого сераго или белого сукна” осенней стрижки овец¹. В Пензенском и Саранском уездах Пензенской губ. кафтаны были из серого домашнего сукна овечьей шерсти², как, впрочем, и в Нижегородском³, Краснохолмском⁴, Волоколамском⁵, Серпуховском, Можайском, Верейском уездах⁶. Из сермяжного сукна носили кафтаны в Воскресенском у. Московской губ.⁷, в Шенкурском, Архангельском и Онеж-

¹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — Отд. отт. // Харьковский сборник. — 1891. — С. 55.

² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 11 об., 15 об.

³ Там же. — № 516. Л. 8.

⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 76.

⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 259.

⁶ Там же. — С. 327—328, 301, 348.

⁷ Там же. — С. 163.

ском уездах Архангельской губ.⁸ Вероятно, сермяжное сукно шло на кафтаны и в Олонецкой губ. (кафтаны здесь шили “из простого сукна”)⁹. Судя по ценам, сермяжное домашнее сукно было более грубым и ткалось из мешанной шерсти, поскольку стоило оно существенно меньше серого и белого сукна (соответственно серпуховским ценам 1781 г. — 15 коп. за аршин, а серое и белое — по 20 коп. за аршин)¹⁰. В Московском, Клинском, Богородицком, как отметили современники, крестьяне “носят летом обыкновенные русские кафтаны серого и черного сукна (неокрашенных сукон)”, “серые и черные сермяжных сукон кафтаны”, “серые и черные из домотканного сукна из овечьей и коровьей шерсти”¹¹. В таких районах, как Холмогорский, Вышневолоцкий, Калязинский, Корчевский уезды, на кафтаны шло домотканое “смурное” (“избурочерносерое”) сукно¹². Смурые кафтаны считались более престижными, чем серые. В частности, по Вышневолоцкому у. наблюдатель отмечал: “Живущие по Петербургской дороге и по Мсте опрятнее и ходят в смурых кафтанах”¹³. В ряде районов Московской губ. (Коломенском, Бронницком уездах) мужчины летом носили серые, белые и черные сермяжного сукна кафтаны¹⁴. А в Рузском и Звенигородском уездах — в серых и смурных кафтанах¹⁵. В Дмитровском уезде — в серых и черных¹⁶.

В целом цветовая гамма крестьянских кафтанов была не слишком богатая. И только там, где промыслы давали материальный достаток сравнительно большому количеству населения, одежда крестьян была более яркой. Так, в Дмитровском уезде те, что позажиточнее, носили синие кафтаны. В Московском у. те, что “позаживнее”, носили кафтаны из тонких иностранных сукон¹⁷. На севере, в Холмогорском у. на общем фоне опрятных “смурных” кафтанов встречались и “цветных разных сукон кафтаны”¹⁸. В Архангельском у., по свидетельству современника, “лучшие кафтаны, сшитые (видимо, покрытые) из китайки (хлопчатой ткани, — Л. М.) или из московского, а некоторые и из заморского сукна посредственной (то есть нормальной, средней, — Л. М.) цены”¹⁹. В соседнем Онежском уезде зажиточные крестьяне также носили кафтаны и полукафтаны из цветных

⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 79 об., 35 об., 150.

⁹ Там же. — № 518. Л. 59 об.

¹⁰ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 27 (И.Ф. Герман). № 111. Л. 12—12 об.

¹¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91—92, 232—240, 119.

¹² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 98, 51, 59.

¹³ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 98.

¹⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 367—368, 181.

¹⁵ Там же. — С. 279, 201.

¹⁶ Там же. — С. 220.

¹⁷ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 220, 91—92.

¹⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62.

¹⁹ Там же. — Л. 35 об.

(тонких) сукон²⁰. Что касается большинства крестьян этого региона, то эти “убогие” крестьяне носили полукафтаны “шерстяные, домашнего своего рукоделия”. Во Владимирской губ. зажиточные “в особые дни носят суконные синие и прочих цветов кафтаны”²¹. Наконец, редко, но встречались “кожаные”, то есть кожаные кафтаны. Так, в Дмитровском уезде “козлиные кожаные” имели богатые крестьяне²². Носили кожаные кафтаны и зажиточные крестьяне Корчевского уезда, а также Новоторжского уезда²³.

Рубаха холщевая — хоть огня присеки

Под кафтаном у мужчин была одна рубашка и порты. Порты из холста с неширокими (а в южнорусских областях широкими) штанинами держались на вздержке или гашнике, то есть на продернутом в закрытом шве шнурке²⁴. Кроме холста штаны шили из пестреди (нитяной ткани, в которой основа была крашеной, а уток белым или наоборот)²⁵. В южных районах на порты шел толстый холст (видимо, посконь)²⁶. Длина штанины была до щиколоток. Зимой для тепла надевали подштанники.

Крестьянская рубаха была туникообразного (простейшего) покроя, длиною до колен. Носилась она навывпуск, поверх штанов. Шили рубахи из льняной или посконной ткани (из волокна конопли), а также из хлопчатобумажных тканей. Вот что об этом пишет И. Георги: “Рубахи, имеющие боковую пазуху (разрез у ворота на левой стороне груди, — Л. М.), застегиваемую медною или серебряною пуговкою и обложенную часто снурком шелковым, серебряным и золотым, а иногда и узеньким позументом, смотря по тому, из какой материи будет рубаха: холстины, кумачу, пестредины или и полушелковой, красного и синяго цвету, а, следовательно, и по достатку. Рубахи — без воротников, с широкими рукавами, подпоясаны ремнем или тесьмою, висят сверху штанов до колен”²⁷.

В Онежском у. богатая крестьянская молодежь носила “красная александрейские рубашки с обложенным по вороту золотым и серебряным позументом”²⁸. В Холмогорском у. достаточные крестьяне “употребляют синие и красные с золотым и серебряным галуном или плетешком рубашки”²⁹. В Новоторжском у. зажиточные крестьяне носили синие рубашки с узким околоротниковым позументом или плетешком. В Калязинском у. крестьяне, имеющие промыслы (мастеровые), “надевают синия и красная рубашки с позументом”³⁰.

²⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 150.

²¹ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9.

²² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 149.

²³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 239—240, 160.

²⁴ Очерки русской культуры XVIII века. — Часть первая. — М.: МГУ, 1985. — С. 359.

²⁵ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — СПб., 1799. — С. 128.

²⁶ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

²⁷ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 128.

²⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 150.

²⁹ Там же. — Л. 62.

³⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160, 51.

По одежке протягивай ножки

В летнюю пору русские крестьяне носили не только кафтаны, но и так называемые балахоны (иногда именуемые полукафтанами, понитками, сермягами). По сути это был крестьянский кафтан из легкой холщевой ткани. В некоторых районах были балахоны и из более толстой холстины, поскони, и из полусукна или понитки, сделанного из портяной (пеньковой или льняной) основы и шерстяного утка. Иногда основа была шерстяной, а уток льняной, и такая ткань считалась более прочной. Балахон был чаще всего рабочей одеждой. “В летнее время, — пишет современник, — для лучшей прохлады носят сделанные из холста легонькие понитки такого же, как и серые их кафтаны, покроя”³¹. (Уточним, что пониток — это крестьянское полусукно из пеньковой или льняной основы и шерстяного утка.) Иногда балахоны шили из крашенины (у А.Т. Болотова отмечен на одном дворе “красенький балахончик”)³². В Коломенском у. носили “балахоны ревендушные белые и черные, тонкие, называемые крутиковые, зделанные из понитки”³³. “Тканые из ниток с шерстью и холщевые понитки” носили также в Клинском уезде³⁴. Богатые же крестьяне этого уезда одевали также и “китайчатые азямы” (длинное и широкое одеяние типа халата из довольно редкой тогда простой бумажной ткани, то есть — ситца)³⁵. А в Московском у. “те ж, кои позаживнее” носили “балахоны китайчатые”³⁶.

На русском Севере мужчины, вероятно, балахоны носили отнюдь не всюду. Их одежда здесь: “кафтан, полукафтан и шубы обыкновенного покроя”. В Холмогорском уезде наблюдатель фиксирует лишь кафтан³⁷. В Онежском у. “убогие крестьяне носят летом полукафтаны крашенные и холщевые, а зимою — шерстяные домашнего своего рукоделия”³⁸. Возможно, это и были балахоны. Правда, по Архангельскому уезду также отмечены кафтаны и полукафтаны³⁹. “Холстинные балахоны” отмечены автором топографического описания Шенкурского уезда⁴⁰ и в Олонецкой губернии, где балахоны шили “из холста, нарочно для сего употребления вытканного”⁴¹. Не исключено, что полукафтаны — это “фуфайки”, о которых писал И.Г. Георги (“имеют фуфайки или длинные камзолы, с пуговицами, суконные”)⁴².

³¹ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9.

³² Болотов А.Т. Записки... — Ч. III (1772). — СПб., 1873. — С. 85.

³³ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 367—368.

³⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 239—240.

³⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 239—240.

³⁶ Там же. — С. 91—92.

³⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 150, 62.

³⁸ Там же. — Л. 150.

³⁹ Там же. — Л. 35 об.

⁴⁰ Там же. — Л. 79 об.

⁴¹ Там же. — № 518. Л. 59 об.

⁴² Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 129.

**Лапоть знай лаптя,
а сапог сапога**

Ярким, бросающимся в глаза стороннему наблюдателю элементом мужской одежды была обувь. В записках английского путешественника У. Кокса (1778 год), оставившего путевые впечатления по маршрутам Тверь — Торжок — Вышний Волочек — Новгород и маршруту Москва — Смоленск, читаем следующее: “По наружности новгородских крестьян... особенно удивила с первого взгляда толщина их ног”. “Я, вероятно, пришел бы к заключению, что у них какая-то необыкновенная нога, если бы много раз не присутствовал при их туалетах. Помимо двух пар шерстяных чулок (дело было, видимо, зимою, — Л. М.), они укутывают ноги суконными и холщевыми онучами, в несколько аршин длиною и на всю эту массу тряпья натягивают еще иногда громаднейшие сапоги”⁴³. Путешественник наблюдал крестьянство, живущее на важнейшей дороге из Петербурга в Москву, где достаток крестьян был существенно выше, чем у основного населения. Поэтому более типична ситуация с обувью, отмеченная современником для Владимирской губернии: “Обувь у крестьян обыкновенная: онучи — то же серое сукно длиною аршина в три (то есть более 2-х метров узкая полоса ткани, — Л. М.), кое начинают увивать с пальцев ножных по самое колено, а после, надев лапоть, веревками онаго (то есть от лаптя идущими, — Л. М.) укрепляют сие обернутое около ноги сукно”⁴⁴. В летнюю пору в ходу были белые холщевые онучи. Зимой же на ноги навивали и те, и другие, то есть поверх холщевых еще и шерстяные. Описывая южные однодворческие селения, где крестьяне “удержали без всякой перемены великорусскую одежду”, И.А. Гильденштедт подчеркивает, что поселяне “вместо сапог носят лапти”, а “ноги они обвертывают толстыми шерстяными тряпками”⁴⁵. В другом конце России, в западнорусских землях “около Жукопы и Двины (запад Осташковского у., — Л. М.) носят шерстяные оборы, то есть онучи, белые, обвитые до половины ноги черными ремнями”⁴⁶, а на ногах те же лапти. В Старицком у. современник также отметил “лапти плетеные дома и онучи из домашней шерсти”⁴⁷.

Лапти на Руси доставались крестьянину путем затрат большого труда, времени и постоянной заботы. Вот что писал об этом в конце XVIII в. академик И. Лепехин: “Для каждой пары лаптей потребны две толстые лутошки (липовые стволы или заготовки, — Л. М.), а мелких 3 и 4 надобно. В зимнюю пору мужик проносит лапти 10 дней, а в рабочую летнюю пору и в 4 дни истопчет. И так ему потребно в год по крайней мере 50 пар, на которые, взяв среднее число, до 150 лутошек потребно. Каждый отпрыск лутошки на влажных местах не прежде 3-х лет может быть годным для драгания лык, а по крепкой земле еще более требует времени: почему липняк за-

⁴³ Русская старина. — 1877. — Т. XIX. — С. 25.

⁴⁴ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

⁴⁵ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

⁴⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 110.

⁴⁷ Там же. — С. 143—144.

всегда вдвое уменьшается против приросту”⁴⁸. К концу XVIII в. запасы липовых порослей резко уменьшились: “уже не около двора своего дерут лыки, но иногда верст за 10 и далее принуждены бывают ходить”⁴⁹. Поэтому в XVIII в. все больше на лапти идет лыко от вяза. Тонкое лыко последних сделало лапти более изящными, а в XIX в. появились сделанные из них праздничные лапти (особенно женские). В конце XVIII в. И. Георги уже вязовое лыко ставит на первое место, говоря о “лаптях, делаемых из древесной коры вяза, липы и подплетаемых пенькою сученою”⁵⁰. Гильденштедт также пишет, что “носят лапти, которые делают из вязового и липового лыка”⁵¹. Лишь в описании Можайского у. отмечено, что крестьяне носят “лапти, плетенные из молодой липовой коры”⁵².

На одного мужика, по данным И.И. Лепехина, в год нужно было от 50 до 60 пар лаптей. Резкое сокращение липовых лесов еще в XVIII в. привело к тому, что крестьяне в конечном счете для изготовления лаптей пускали в ход кору лозы, ивняка, бредины, а на севере лапти и вовсе делали из бересты. Итак, на семью в 4 человека иногда требовалось до 150 пар лаптей (на сумму, примерно, в 1,5—2,5 руб.)⁵³. Разумеется, на изготовление столь большого количества лыкового плетения необходима была затрата большого рабочего времени. Однако “свое” время не шло ни в какое сравнение с той суммой денег, которая необходима была бы для покупки кожаной обуви. Для покупки сапог себе крестьянин должен был продать четверть собранного хлеба, а для приобретения сапог жене и детям — еще две четверти (см. рис. 24).

Купил сапоги, да не избыл босоты

Сапоги, в частности, шили из кожи, выделанной на дегте или ворванном сале. Длинные, выше колен голенища оставались сыромятными. Это была довольно громоздкая, но прочная обувь. Сапоги, как мужские, так и женские, часто подбивались железными или медными скобами. Не менее распространенными были мужские кожаные коты, представляющие собой “род полусапогов без голенищей”⁵⁴. И.Г. Георги называет их большими башмаками “без ключей и пряжек”⁵⁵. В некоторых регионах коты были мужской верхней обувью типа калош, обувяемых сверх сапог или бахил. В северных районах бахилы были суконной обувью, по типу котов. Иногда бахилами называли тяжелые рабочие кожаные сапоги. Еще одна разновидность кожаной обуви — упоки (мужские сапоги грубой работы с сыромятными, видимо, короткими голенищами). Кро-

⁴⁸ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 68.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 128.

⁵¹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

⁵² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 302.

⁵³ Лепехин И.И. Дневные записки. — Ч. III. — С. 68.

⁵⁴ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

⁵⁵ Там же. — С. 128.

ме Севера и Северо-Запада упоки встречались и на северо-западе Тверской губ.⁵⁶ В Плесском у. Костромской губ. мужчины носили “зимой валеные из шерсти упоки”⁵⁷. В целом же кожаная обувь была редкостью, дорогим удовольствием. Наблюдатель по Старицкому у. четко определил, что крестьяне носят сапоги лишь от избытка или для щегольства⁵⁸. А это могли себе позволить лишь богатые люди. В пределах Нечерноземья “достаточное” или зажиточное крестьянство формировалось, как правило, возле крупных городских центров, водных транспортных артерий, больших трактов, а также в районах сосредоточения промысловых зон. В частности, автор описания Тверской губернии отмечал, что среди подгородных жителей “кожаная обувь употреблялась многими, а особливо живущими по Волге сапожниками, в Осташковском уезде — рыбаками и новоторжцами. Но в отдаленности городов носят лапти, сколько для сбережения денег, потребных на кожаную обувь, столько ж для теплоты ног, увиваемых толстыми суконными онучами по привычке с малолетства тому зделанными”⁵⁹. Возможно, автор здесь лукавит, ибо для тепла сапоги могли одевать и на шерстяные онучи и на шерстяные чулки. Во всяком случае, кожаная обувь в центральной России — удел очень немногих, да и то носили ее большей частью в праздничные дни. Так, во Владимирской губ. зажиточный крестьянин для праздников и выездов “надевал на ноги сапоги с медными скобами”⁶⁰. В столичном Московском уезде “обувь у всех почти бывает кожаная, иные ж в лаптях”⁶¹. В Богородицком уезде Московской губ. с сильно развитыми текстильными промыслами “обувь большей частью имеют кожаную: коты или сапоги, а те, кои поскуднее, носят лапти”⁶². В Коломенском у. Московской губ. “обувь употребляют кожаную, а более носят лапти”⁶³. В Можайском уезде той же губернии “обувь мужчин и женщин одинакая: по праздникам носят сапоги и коты или бахилы, а в будни — лапти”⁶⁴. В Звенигородском у. уже ситуация иная: “обувь употребляют более лапти, а некоторые и кожаную”⁶⁵. Точно так же было и в Воскресенском уезде⁶⁶, да и в Клинском (“обуваются в лапти и онучи, а некоторые — в сапоги и коты”)⁶⁷. По Бронницкому уезду той же Московской губ. наблюдатель уже прямо заключает: “Обувь же многие имеют кожаную, как-то: коты и сапоги, а то более — лапти”⁶⁸. В

⁵⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 80 (Весьегонский у.), с. 40 (Кашинский у.).

⁵⁷ Архив ФИРИ РАН (Спб.). Колл. 115. № 603. Л. 67 об.

⁵⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 143—144.

⁵⁹ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 12. Л. 24.

⁶⁰ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

⁶¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91—92.

⁶² Там же. — С. 118—119.

⁶³ Там же. — С. 368.

⁶⁴ Там же. — С. 302.

⁶⁵ Там же. — С. 201.

⁶⁶ Там же. — С. 164.

⁶⁷ Там же. — С. 239.

⁶⁸ Там же. — С. 181.

Серпуховском и Рузском уездах кожаная обувь — удел “некоторых” или “немногих”⁶⁹. В Арзамасском уезде Нижегородской губ. там, где были развиты “валеные” промыслы (“в некоторых селениях валяют шляпы, войлоки...”), изготавливали и “шерстяные сапоги”, то есть обувь, которую много позже стали называть “валенки”⁷⁰.

В непосредственной близости от Твери кожаную обувь имели многие, а в Тверском уезде наблюдатель свидетельствует о крестьянах: “Обувь их — лапти и онучи, а у некоторых по праздникам и сапоги”⁷¹. В Волоколамском у. Тверской губ. “обувь употребляют по большей части кожаную”⁷². В Корчевском у. “зажиточные, особливо сапожники, ходят в сапогах”⁷³. Точно так же в Калязинском у. мастеровые крестьяне, “и особливо сапожники, носят... сапоги”⁷⁴. В Осташковском у. те, что ловят рыбу, “ходят в сапогах, подбивая оные железными скобами”⁷⁵. По двум уездам Тверской губернии замечания современников позволяют предполагать, что кожаная обувь была распространена, хотя практически надевали ее изредка. В частности, в Весьегонском, Новоторжском и Кашинском уездах повседневная обувь — лапти, а по праздникам одевали в Весьегонском у. — “сапоги, упоки и коты”, а в остальных уездах — “сапоги и коты”⁷⁶. Наконец, в Краснохолмском у. “по праздникам у некоторых сапоги”, а в Тверском у. — “у некоторых по праздникам и сапоги”⁷⁷.

По остальным территориям в нашем распоряжении нет подобных материалов. Но что касается южных заокских районов, то там, как писал Гильденштедт, “вместо сапог носят лапти”, а летом ходили босиком⁷⁸.

Таким образом, такая деталь одежды, как мужская обувь, особенно ярко подчеркивает общий низкий уровень жизнеобеспеченности великорусского крестьянства. Единственным, пожалуй, районом благополучия крестьян по части обуви был русский Север — район Архангельска и Холмогор, то есть нижнего Подвинья, где, как мы видели, на небольшой территории сложились исключительно благоприятные условия для скотоводства. По Архангелогородскому у. автор топографического описания считал нужным подчеркнуть, что здесь носят “обувь все (и нищие) кожаную, лаптей не носят”⁷⁹. В Холмогорском у. “обувь — niskие коты, бахилы, в праздники — сапоги”⁸⁰. Даже по Шенкурскому уезду отмечено: “обувь — кожаная”⁸¹. Да и

⁶⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 328, 276.

⁷⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). № 516. (Ф. Воронцовых). Л. 18 об.

⁷¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

⁷² Там же. — С. 98.

⁷³ Там же. — С. 59.

⁷⁴ Там же. — С. 51.

⁷⁵ Там же. — С. 110.

⁷⁶ Там же. — С. 86, 40, 160.

⁷⁷ Там же. — С. 77, 98.

⁷⁸ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64—66.

⁷⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 35 об.—36.

⁸⁰ Там же. — Л. 62.

⁸¹ Там же. — Л. 79 об.

в соседней Олонецкой губернии, где также был сильно развит промысловый отход, “обувь все генерально носят кожаную, а лапти, из березовых лык сплетенные, употребляют только во время пашни”⁸².

Хоть шуба овечья — душа человеческая

Зимою великорусские мужики носили овчинные шубы. Как правило, это были “короткие овчинные тулупы, большей частью нагольные”⁸³. Тулупы были прямого, русского покроя с шалевидным воротником, с запахом, то есть без пуговиц и крючков. Подпоясывались тулупы обычными суконными покроями, представляющими собой узкий, отрезанный от домотканого сукна край ткани, или специальным кушаком. И. Георги отмечает распространенный обычай одевать поверх тулупа кафтан или зипун (“на нагольные тулупы надевают свои сермяжные зипуны или кафтаны и подпоясывают каламенковым или другим шерстяным поясом”)⁸⁴. В топографических описаниях такой обычай иногда отмечают наблюдатели. Так, в Звенигородском и Дмитровском уездах крестьяне ходят “зимою в нагольных овчинных шубах, сверх коих надевают и кафтаны” (“сверх коих надевают теж самые кафтаны”) ⁸⁵. В Коломенском у. крестьяне одевают “зимою шубы нагольные овчинныя, сверх коих надевают сераго, белаго и черного цвета домотканного сукна кафтаны”⁸⁶. Во Владимирской губернии этот обычай был также распространен: “а в зимнее время под кафтаны надевают овчинныя шубы”⁸⁷. Казалось бы, куда логичнее одеть кафтан под тулуп, а не наоборот. Но столь нелогично сельский житель поступал, видимо, исключительно для сбережения тулупа, так как овчина домашнего изготовления была непрочна и быстро изнашивалась. Средний срок изнашивания такой шубы — 3 года⁸⁸. Таким образом, если носить просто одну лишь нагольную шубу, то для этого надо не иметь кафтана, либо, видимо, нужен немалый достаток. Тем не менее такие крестьяне были во многих уездах Московской и Тверской губерний и носили лишь одни нагольные шубы (Московский, Богородицкий, Клинский, Рузский, Можайский, Серпуховской, Воскресенский, Бронницкий, Тверской, Старицкий, Осташковский, Весьегонский, Кашинский и др. уезды)⁸⁹. Был такой обычай и на Севере (Шенкурский, Онеж-

⁸² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 59 об.

⁸³ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. VI. — С. 128.

⁸⁴ Там же. — С. 129.

⁸⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 201, 220.

⁸⁶ Там же. — С. 367.

⁸⁷ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

⁸⁸ Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90. — Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755—1757 гг. (Далее: Инструкции об управлении...). Л. 38 об.

⁸⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91, 112—119, 239, 279, 301—302, 323, 163; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 271, 143, 111, 86, 41.

ский уезды Архангельской губ.)⁹⁰. Гораздо реже крестьяне покрывали нагольную шубу каким-либо материалом. В частности, это была либо простая холстина, либо крашенина. И. Георги отмечает, что “покрытые” шубы встречаются редко⁹¹. Так, наблюдатель по Кашинскому уезду отмечал, что крестьяне носят нагольные шубы “или покрытыя толстою белою холстиной”⁹². Например, в Воскресенском уезде Московской губернии крестьяне, которые “позажиточнее... и шубы носят крытые”⁹³. Зажиточные крестьяне крыли свои шубы более дорогим и щеголеватым материалом. Так, в Клинском у. шубы “у иных, крытые сукном и китайкою”⁹⁴ (так называли тогда еще редкую хлопчатобумажную ткань). На русском Севере, близ Архангельска богатые крестьяне покупали тонкие цветные сукна не только на кафтаны и полукафтаны, но и крыли такими сукнами шубы. Например, в Холмогорском у. встречались “шубы, поволоченные цветными ж сукнами и китайками”⁹⁵. Богатые молодые крестьяне Онежского у. “шубы и кафтаны имеют цветных тонких сукон”⁹⁶. И. Георги отмечает шубы, “покрытые у зажиточных васильковым или другим сукном”⁹⁷.

Наряду с шубами-полушубками или тулупами в XVIII в. были в употреблении и тулупы в современном понимании этого термина. Это шубы, широченные как халат, длиною до пят, с откидным воротом, застегивающиеся на обе стороны на крючках. В крестьянской жизни длиннополые шубы необходимы были в первую очередь в зимних извозах и деловых поездках. По свидетельству В.А. Александрова, такие шубы часто были достоянием всей семьи (да и тулупы были такого кроя, что их могли носить и мужчины, и женщины). Длиннополые шубы тоже покрывались материей, а поскольку носили их в основном богатые, то и крылись такие шубы шелком, бархатом и т. п.

Шапка в рубль, а щи без круп

Самая живописная деталь мужской крестьянской одежды — головной убор. И. Георги, в частности, писал: “Шапки зимою, а часто и летом — высокия суконныя или плисовые синия, коришневия с околышем: узеньким овчинным или другого какого меху; летом — круглыя поярковыя (то есть валеные из молодой шерсти, — Л. М.), с высокою кверху расширяющеюся тульею, черныя, увязанныя разных цветов лентами”⁹⁸. Плисовые шапки это, конечно, редкость и встречались они, в частности, на Севере (например, в Онежском у. “шапки плисовые более черного цвета”)⁹⁹. Более

⁹⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. Л. 79 об., 150.

⁹¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 128.

⁹² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 41.

⁹³ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 103.

⁹⁴ Там же. — С. 239.

⁹⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62.

⁹⁶ Там же. — Л. 150.

⁹⁷ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 128.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 150.

детальное описание типичной для всего Нечерноземья зимне-летней шапки находим в описании Владимирской губернии. “Шапки носят или того же сукна (что и кафтаны, — Л. М.), или другого цвета, высокие, наверху коих четверугольная площадка с небольшими рожками, а внизу опушенная или мерлушкою, или всегдашнего употребления черною овчиною, на коей два разреза с небольшими мысами”¹⁰⁰. Такие зимне-летние шапки носили, например, в Осташковском у. (“летом и зимой ходят в шапках”), в Коломенском у. (“равно ходят и в шапках овчинных”), в Клинском у. (“шапки высокие с овчинным маленьким околышем”) ¹⁰¹, в Архангельском у. (“четыреугольные высокие шапки из сукна, а лучше — из плису сшитые”) ¹⁰². Однако наряду с шапками мужчины летом носили и круглые шляпы. Так, в Московском у. летом крестьяне “шляпы имеют круглые с высокою тульею, вокруг которой обвязана лента” ¹⁰³. В Новоторжском у. “на головах носят шапки суконные разного цвета, летом — шляпы” ¹⁰⁴. Во Владимирской губ. “зажиточные крестьяне для праздника и выездов одеваются... на голову с высокою тульею шляпу, обложенную по тулье разными лентами” ¹⁰⁵. Эти же высокие летние шляпы носили в Клинском у. (“высокие шляпы”), в Рузском у. (“шляпы носят круглые с высокою тульею”) ¹⁰⁶, в Новоторжском у. (“летом шляпы”) ¹⁰⁷, в Серпуховском у. (“шляпы имеют круглые с высокою тульею”) ¹⁰⁸, в Весьегонском у. (“летом — шляпы”) и т. д. ¹⁰⁹ Еще один тип летней одежды — валяные колпаки. Однако в XVIII в. они, видимо, еще не распространены (в частности, они отмечены по Краснохолмскому у. — “летом — шляпы и колпаки из серого сукна, кверху четырехугольные”) ¹¹⁰. О меховых шапках в XVIII в. почти нет никаких упоминаний (конечно, речь идет о крестьянах, а не иных сословиях). Лишь в далеком лесном Весьегонском у. “на головах надевают летом шляпы, зимою — шапки и малахай, опушенные лисьим мехом” ¹¹¹ (малахай — ушастая шапка на меху, где две лопасти закрывают щеки, а третья лопасть сзади закрывает затылок).

В южных районах России основной головной убор — “шляпа с отвислыми полями” ¹¹².

¹⁰⁰ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9.

¹⁰¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 110; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 367, 239—240.

¹⁰² Архив ФИРИ РАН (Спб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 35 об.

¹⁰³ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91.

¹⁰⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160.

¹⁰⁵ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

¹⁰⁶ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 239, 279.

¹⁰⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160.

¹⁰⁸ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 328—329.

¹⁰⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

¹¹⁰ Там же. — С. 77.

¹¹¹ Там же. — С. 86.

¹¹² Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

Непременным элементом крестьянской одежды были рукавицы, причем нужны они были не столько для тепла, сколько для работы. По длине кожаные рукавицы доходили до локтя (И. Георги: “крестьяне рукавицы имеют длинные кожаные, достигающие почти до локтей”)¹¹³. Зимой в них вкладывали шерстяные варежки (И. Георги: в рукавицы “вложены, для зимы, валишки или шерстяные валяные рукавицы, которые покороче кожаных”)¹¹⁴. Эта практика подтверждается сведениями топографических описаний. Так, по Московскому у. отмечены “рукавицы большие кожаные с шерстяными варигами”¹¹⁵. В Краснохолмском у. крестьяне носили “зимою на руках рукавицы с варягами по самый локоть”¹¹⁶. Этот элемент крестьянской одежды был, видимо, повсеместным. Так же как, впрочем, и кушаки, которыми подпоясывались кафтаны, зипуны и шубы. Кушак был из шерстяной ткани шириною в 30—40 см. В частности, в Московском у. “подпоясываются кушаками шерстяными полосатыми, домотканными, а заживные — шелковыми”¹¹⁷. Те же полосатые шерстяные домотканые кушаки были в Рузском, Серпуховском уездах и т. п.¹¹⁸ Простые, более узкие пояса (видимо, покровки) были в южнорусских уездах¹¹⁹. И. Георги отмечает каламенковые пояса¹²⁰.

Завершая этот краткий обзор, подчеркнем главное: крайний рационализм и бедность в одежде мужчин, полное отсутствие излишеств, максимальная приспособленность к особенностям климата и, наконец, “домашнее происхождение” одежды, большую часть которой шила крестьянская семья. Отсюда ее мешковатость¹²¹, простота кроя. Наблюдатель по Старицкому уезду подчеркивал, что русский мужик “покупное имеет: шляпу, рукавицы и кушак, сапоги”¹²². Конечно, какую-то одежду шили у портного, но, видимо, это было далеко не часто. Ведь недаром мужские рубахи не имели воротника: так проще и кроить, и шить. Разумеется, в разных провинциях империи были “исключения в некоторых наружностях или покрое платья”, но они были незначительны¹²³.

Бабья рубашка — те же мешки: рукава завяжи, да что хошь клади

В женской крестьянской одежде разнообразия несравненно больше, чем в мужской. Правда, основные типы одеяний очень многочисленны и стандартны. Это сарафан, рубаха, телогрея (душегрейка), носовец, понева и шуба. Но разнообразие и

¹¹³ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 128.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91.

¹¹⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77.

¹¹⁷ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91.

¹¹⁸ Там же. — С. 279, 239.

¹¹⁹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

¹²⁰ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 128.

¹²¹ Русская старина. — 1877. — Т. XVIII. — №№ 1—3. — С. 314.

¹²² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 143.

¹²³ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 129.

декоративность одежды достигались усилиями самих женщин: вышивкою разноцветными нитями и наложением разного рода декоративных материалов и прочих украшений. Женская рубаша чаще всего из льняной ткани (а на юге — из поскони, то есть “толстого холста”)¹²⁴. Шилась она “с долгими рукавами, от плеча широкими, а к кисти — узкими, вышитыми разных цветов бумагою, а у некоторых — шелком”. Сами рубашки, как правило, были тоже длинными. В южнорусских краях, там, где в летнюю пору девушки ходили в одних рубашках, “подол рубахи также бывает вышит бумагою или шелками”¹²⁵.

Однако рубаша у женщин была необходимым, но менее заметным элементом одежды, поэтому наши источники редко дают описание этого элемента женской одежды. Правда, по Тверской губернии ряд сведений по XVIII в. все же есть. Так, в описании Вышневолоцкого уезда сказано: “рукава у рубах вышивают бумагою”¹²⁶. Об одеянии женщин Краснохолмского у. сказано: “У рубашек вышивают рукава гарусом, что у них называется “ластовки”, носят также широкия рукава с манжетами, называя их брыжалью”¹²⁷ (брыжи, брыжжи — присборенная полоса, оборка в складках или “боры”, собранные в манжеты). Автор же топографического описания по Кашинскому уезду пишет: “Молодые девушки и женщины вышивают рукава у рубашек шелком и гарусом, что у них называется “проймами”. К рубашкам пришивают холстинные манжеты, обшитые нитяными кружевами своего рукоделия”¹²⁸. Когда женщины на голове носят высокие кокошники, “то почитается иметь (как это было во Владимирской губернии, — Л. М.) рубахи с предлиннейшими рукавами”¹²⁹. Одним словом, разнообразие в покрое и, главное, в орнаментировке женских рубах было, вероятно, очень большим. Притом, как видно, даже в почти соседних уездах одни и те же элементы вышивки рукавов назывались по-своему.

Красна девица до гряд: “Поверх рубашки, — пишет Гильденштедт, — оне надевают сарафан, не имеющий рукавов, опоясываются поясом”¹³⁰. В Нечерноземье сарафаны были “кумачные китайчатые, крашенные, цветов красного и синего, и холстинные (то есть белые, — Л. М.), на коих сверху до низу — частый ряд медных, а иногда серебряных пуговиц”¹³¹. Разумеется, что наиболее дешевыми и распространенными были белые холщевые и крашенные

¹²⁴ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64.

¹²⁵ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

¹²⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 98.

¹²⁷ Там же. — С. 77.

¹²⁸ Там же. — С. 41.

¹²⁹ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10.

¹³⁰ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64.

¹³¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

сарафаны. В Московском уезде крестьянки “средственного состояния (ходят, — Л. М.) в сарафанах кумашных и китайчатых, обложенных выбойчатою выкладкою или лентами, а те, кои победнее, имеют сарафаны из посконной холстины (пенькового холста, — Л. М.), большей частью окрашенные синею краскою”¹³². И действительно, многие крестьяне простые холщевые и синие крашенные сарафаны носили в будни.

Так, в описании Клинского уезда, а также Можайского и Верейского уездов читаем: “Женщины одеваются в будни в синие крашенные, по праздникам — в кумашные и китайчатые сарафаны”¹³³. В Дмитровском уезде: “Женщины же в синих крашенных, а кои побогатее, в праздничные дни в кумашных и китайчатых сарафанах”¹³⁴. В Волоколамском, Рузском и Звенигородском уездах женщины вообще носят “синие крашенные сарафаны”, а “китайчатые и кумашные” носят те, что “зажиточные”¹³⁵.

В Тверской губ. картина весьма сходная. По будням женщины и девки носят простые крашенные сарафаны (Краснохолмский, Калязинский уезды)¹³⁶. В основном они были синего цвета. Однако в Вышневолоцком у. холстинные будничные сарафаны были желтые и синие¹³⁷, в Весьегонском у. — “черные и синие, а в некоторых местах и желтые”¹³⁸. В Осташковском у. употребляли “в работные (дни) — синие крашенины или белые холстинные, по их названию — “касталоны”¹³⁹. Рабочие сарафаны были лишены каких-либо украшений выкладками или вышивкою. В описании Кашинского уезда прямо сказано: “в работные дни сарафаны надевают без кружев”¹⁴⁰. Лишь в описании Тверского уезда указано, что были сарафаны “крашенные, обложенные по краям выбойкою”¹⁴¹. Иногда рабочий сарафан был предельно простым и назывался он “носовец”. Наблюдатель по Новоторжскому у. отметил: “В будни женская одежда состоит в сарафане или носовце, без рукавов, из крашенины или просто из холстины”¹⁴². В этих краях “носовец” — это род мешка из сурового холста с прорехою вверху и рукавами. Часто он надевался для тепла сверх сарафана и, конечно, для работы. На русском Юге женщины носили сарафаны “из толстого камлота, большей частью окрашиваемого в синий цвет берлинской синью и реже — в красный — мареной... Камлот оне также ткут сами из собственной шерсти весенней стрижи”¹⁴³ (камлот — суровая шерстяная ткань, большей частью с косой ни-

¹³² Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91.

¹³³ Там же. — С. 239, 302, 348.

¹³⁴ Там же. — С. 221.

¹³⁵ Там же. — С. 260, 279, 201.

¹³⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77, 51.

¹³⁷ Там же. — С. 98.

¹³⁸ Там же. — С. 86.

¹³⁹ Там же. — С. 111.

¹⁴⁰ Там же. — С. 87.

¹⁴¹ Там же. — С. 27.

¹⁴² Там же. — С. 160.

¹⁴³ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64—65.

тью). Однако встречались сарафаны и из холста. Так, в Пензенском уезде женщины носили “зделанные из крашенного холста сарафаны”¹⁴⁴. В Саранском уезде были в ходу “деланные из крашенинного домашнего холста сарафаны”¹⁴⁵.

**Кто в камке,
кто в парче,
а мы в холсту
по тому ж мосту**

Праздничные сарафаны в Нечерноземной полосе шились в основном из крашеных хлопчатобумажных тканей, покупаемых в городе: ярко-красного кумача и синей китайки (Краснохолмский, Вышневолоцкий, Старицкий, Осташковский, Богородицкий, Волоколамский, Дмитровский, Клинский, Рузский, Можайский, Звенигородский уезды и др.)¹⁴⁶. На Средней Волге, в Нижегородском у. точно так же “женский пол” носил “китайчатые и кумашные сарафаны, а иные из крашенного холста”¹⁴⁷. Автор “Ручного дорожника”, описывающего путь из Петербурга в Москву в 1802 г., описывает “прелестных девушек в красных сарафанах” близ Вышнего Волочка. Любопытный путешественник пишет о сарафане, что он “сзади несколько бористый (то есть с волнистыми складками, — Л. М.), с переду пуговицами застегнуто; обложенный кругом цветными лентами, а у богатых золотыми кружевами”¹⁴⁸. На русском Севере кроме кумача и китайки на праздничные сарафаны употреблялась такая шерстяная ткань, как стамед и даже каразея (реденькая грубошерстная ткань с косой нитью)¹⁴⁹, а зажиточные праздничные сарафаны шили из камки (шелковой китайской ткани с разводами). У зажиточных крестьянок Холмогорского уезда камчатые сарафаны были с нашитыми на перед (с верху до подолу) пуговицами и “басаментами”. Назывались такие сарафаны — “сушуны”¹⁵⁰. (Да и почти всюду суконные глухие сарафаны называли “шушунами”.) В Архангельском у. по праздникам также одевали такого же покроя, как сарафаны, “шушуны” из китайки, кумача, “стамеду”. “Самые лучшие — из камки или тафты”¹⁵¹, то есть дорогих покупных тканей. Но уже в Шенкурском у. у женщины по праздникам, так же как и во всей России, сарафаны были: “крашенинники, китаешники и кумашники”¹⁵². В Онежском уезде в будни — сарафаны крашенинные, а в праздники — “китаешные, кумашные и каразейные”¹⁵³. В Олонецкой губернии типичная жен-

¹⁴⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525 (Топографическое описание Пензенского наместничества вообще). Л. 11 об.

¹⁴⁵ Там же. — Л. 15 об.

¹⁴⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77, 98, 143, 111; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 112—119, 201, 221, 239, 260, 279, 302, 202.

¹⁴⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 8.

¹⁴⁸ Глушков. Ручной дорожник... — СПб., 1803. — С. 111.

¹⁴⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 35 об.

¹⁵⁰ Там же. — Л. 62 об.

¹⁵¹ Там же. — Л. 35 об.

¹⁵² Там же. — Л. 79 об.

¹⁵³ Там же. — Л. 149.

ская одежда также состояла из сарафанов “крашенинных, китайчатых, кам- лотовых и кумашных”¹⁵⁴. Женские сарафаны в Нечерноземье были не только из легких тканей, шили они и из толстого холста и даже из сукна. Так, в описании Тверского уезда читаем: “сарафаны употребляют кумачные, китай- чатые и крашенинные... и суконные, называемые “сукманы”, которые носят одне женщины”¹⁵⁵. Широко были распространены сукманы в самом богатом уезде Олонецкой губернии — Каргопольском. Так, “женский пол наряжается несколько отменнее других: там женщины вместо сарафанов носят с длинными рукавами сукманы, делаемые из тонких разного цвета сукон. Сей род одежды шьют широко и нестройно”¹⁵⁶. Такого рода плотная верхняя одежда, как шушуны и сукманы, видимо, функционально заменяла мужские кафтаны. Впрочем, И. Георги отметил, что женщины России “носят зипуны холстинные и суконные своего рукоделия, такие же, как мужския”¹⁵⁷.

Говоря о сарафанах, необходимо заметить, что нередко встречалась такая особенность покроя, как фальшивые рукава. Так, в описании Владимир- ской губ. сказано, что во многих уездах, где крестьянки носят сарафаны, “употребляют или сарафаны с длинными рукавами, кои назаду, перевязывая накрест, затыкают под пояс, или просто без рукавов”¹⁵⁸. В далеких от горо- дов северных “волостях и к морю” бабы носили “сарафаны же с расшитыми шерстяными или бумажными полосами и с распущенными назад долгими ус- кими рукавами”¹⁵⁹.

Пуговки литые — петельки витые

Наряду с сарафаном в женской крестьянской одежде был и такой аналог ему, как “ферязь”.

Эта разновидность женского платья надева- лась, как правило, на праздники. Во второй половине XVIII в. ферязь встречается главным образом в Нечерноземье, в частности в Тверской губ. Здесь есть материалы, дающие наиболее точное представление о том, что такое ферязь. В “Ручном дорожнике” И. Глушкова, изданном в 1803 г., указано, что в Твери (и округе) девицы “носят с длинным, в поларшина по- долом, наперед застегнутое пуговицами, а назади бористое платье, называе- мое ферези, у которого маленькая спинка”¹⁶⁰. В Новоторжском уезде жен- щины одевали “в праздники ферязи синие, наперед с пуговицами и выклад- кою из выбойки, сделанными рукавами”¹⁶¹. В Весьегонском у. “по праздни- кам носят кумачные и китайчатые ферязи с рукавами и окладкою из набой-

¹⁵⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 59 об.

¹⁵⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

¹⁵⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 59 об.

¹⁵⁷ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

¹⁵⁸ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10.

¹⁵⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 150 об.

¹⁶⁰ Глушков. Ручной дорожник... — СПб., 1803. — С. 160—161.

¹⁶¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160.

ки”¹⁶². В Зубцовском у. крестьянки носили “ферязи по праздникам, и оныя шьют кумачные, китайчатые и крашенинные”¹⁶³. Во Владимирской губернии “из женского полу девки носят сарафаны или ферези китаешные и кумашные, перепоясываясь или шелковыми астраханскими поясами или покроями от тонких сукон”¹⁶⁴.

Кофта посконна, да юбка суконна

Наконец, еще об одной из разновидностей крестьянской женской одежды, надеваемой на сарафан для тепла. Это разного рода душегрейки, телогрейки, шубейки и т. д. Так, в Калужинском у. наблюдатель отметил, что “по Волге в некоторых деревнях сверх сарафанов носят душегрейки”¹⁶⁵. А в Московском уезде “женщины же ходят летом в бумажных и китайчатых, а сродственнаго состояния — в крашенинных шубках”¹⁶⁶. В Богородицком у. “женщины же носят телогреи крашенинные, а побогаче — красные кумашные и китайчатые”¹⁶⁷. В Коломенском уезде “женщины также летом употребляют телогреи крашенинные, а позажиточнее — кумашные и китайчатые”¹⁶⁸. На севере, в Архангельском уезде в качестве верхней одежды носили “из атласной или недорогой шелковой материи сшитой полушубок или шубейку”¹⁶⁹. По сути своей это были короткополые кофты с рукавами и без рукавов (нагрудная женская одежда).

Самая кардинальная разница в женской одежде связана с тем, что в районах к югу от Москвы сарафаны постепенно исчезают и вместо них женщины и девушки носят особого рода юбки. Вернее, это скорее предтеча юбок — “понька” или “понява” — уходящий в глубь веков архаичный тип набедренной одежды. Понька состояла из двух длинных не сшитых полотнищ холста, перегнутых на талии на шнурке. Этнографы связывают происхождение “понювы” с обрядом совершеннолетия девушки. В XVIII в. поневы — это одежда уже замужних крестьянок. Во Владимирской губернии “живущия в Володимирской и Судогодской округах за рекою Клязьмою, к Мурому, женщины большею частию одеты в поньки, кои весьма сходятся к юбкам, но только половина оных должна быть или синяя, или красная, а другая — белая”¹⁷⁰. Это были уже сшитые вместе полотнища, хотя были и распашные не сшитые поневы, были и поневы “с прошвой”, то есть сшитые как юбки со вставкой впереди третьего куса материи и т. д. Если в Бронницком уезде, к юго-востоку от Москвы, крестьянки носили “летом сарафан

¹⁶² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

¹⁶³ Там же. — С. 132.

¹⁶⁴ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

¹⁶⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 51.

¹⁶⁶ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 91.

¹⁶⁷ Там же. — С. 112—119.

¹⁶⁸ Там же. — С. 367.

¹⁶⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 35 об.

¹⁷⁰ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

и понявы крашенинныя”¹⁷¹, то уже в Серпуховском у. “женщины же носят летом и зимою полосатые разного цвета понявы шерстяныя”¹⁷². Иначе говоря, к югу Москвы это уже был постоянный компонент одежды. Характерно, что А.Т. Болотов, зайдя в одной из своих поездок из Богородска в свои козловские имения в однодворческую избу, отметил среди “лучшей пажити” (то есть нажитого добра, — Л. М.) несколько шуб, кафтанов, юпок, телогреек и тому подобное”¹⁷³. Четкая комбинация телогреи и юбки наблюдалась в селах близ Коломны (“а подгородные — в китайчатых телогреях и коломенковых юпках”)¹⁷⁴. Заметим, кстати, что граница сарафанов и “поняв” удивительным образом совпадает, в первом приближении, с границей изменений к югу от Москвы ряда чисто производственных приемов при уборке хлеба (очень большие снопы, отсутствие овинов, практика сыромолота и т. п.). А в той же Владимирской губернии, “что касается до Переяславской, Вязниковской, Гороховской, Ковровской и Шуйской округ, то в оных женщины носят сарафаны и ужасной величины кокошники спереди или круглые назад, с двумя рогами наперед или с одним большим рогом”¹⁷⁵.

На женские прихоти не напасешься

Вот здесь мы и переходим к знакомству с самой дорогой сердцу русской крестьянки и самой сложной деталью одежды — головным убором.

Кокошник — это верхняя часть головного женского убора. Такою же верхнею частью является и сорока. Нижней же частью, собственно наголовником, является кичка. В качестве нижнего головного убора выступают также “волосник” (род шапочки, чепчика, называемого иногда “зборником”, иногда они простеганы).

Повседневный верхний головной убор — “повойник” или “повоец”. Это плат, полотнище, обвитое сверх волосника. Повойник может быть повязкой, фатой, шириной. В будни женщины повязывались и просто белыми холщевыми платками, и, так же как и в праздники, могли повязываться “бумажными, шелковыми платками”¹⁷⁶.

Кичка — общее, вероятно, наиболее архаичное название головного убора. В XVIII в. кичка чаще всего имеет не чистую форму самостоятельного головного убора (хотя это встречается), а выступает в комбинированных формах с сорокой или кокошником. Чаще всего кичка сочетается с сорокой как нижняя часть головного убора. Эта исходная вариация описана у И. Георги: “Кичка — род повязки, простеганная на шерсти, обернутая в холсти-

¹⁷¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 181.

¹⁷² Там же. — С. 328.

¹⁷³ Болотов А.Т. Записки... — Т. IV. — С. 975 (1792 г.).

¹⁷⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 328.

¹⁷⁵ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10.

¹⁷⁶ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 279 (Рузский уезд).

ну, дабы выше сидела и держалась бы на оной сорока”¹⁷⁷. В свою очередь, наиболее вразумительное описание “сороки” дает И.А. Гильденштедт: “На голове женщины носят низкий цилиндрический убор, сделанный из красной и белой материи, а спереди и сзади вышитый или обшитый галуном”¹⁷⁸. Еще более ситуацию проясняет наблюдатель по Можайскому уезду. Он пишет: “На головах замужние женщины носят род маленьких кокошников, называемых сороками, вышитых гарусом, шелком и золотом”¹⁷⁹.

Сороки имели самые разные конфигурации. И. Георги отметил, что “сороки имеют вид полумесяца, обращенного вверх рожками, которая бывает иногда вышита шелками, а праздничная — и позаментами выложена, а сзади покрыта она красным кумачем”¹⁸⁰. Были сороки с одним рогом и вообще без рогов. В Тверском уезде “женщины носят род кокошника, весьма низкого (то есть передняя часть его почти не увеличена по высоте, — Л. М.), называемого сорока, с подзатыльниками, унизанными бисером и кистями. Вышивают оные золотом, шелком и гарусом”¹⁸¹. И. Глушков в “Ручном дорожнике” описал эту сороку как “точную плоскодонную круглую чашку, имеющую сзади на ладонь шириною спуск — подзатыльник”¹⁸². Подзатыльники украшались вышивкой и бисерными “поднизями”, что распространено было в южных районах, а частью и в средней полосе. Сорока, как и кика, делалась из лубка, выгнутого по форме “кузовком” (той самой “чашкой”). Кички как самостоятельный вид головного убора имели самую разную форму (рогатые, котелкообразные в виде овала, лопатообразные, копытообразные и т. п.). Так же как и сороки, кички имели подзатыльники, расцвеченные вышивкой и бисером.

Сверх сорок и кичек повязывались платки (“холстинные, бумажные и шелковые, всякая сообразно... достатку”)¹⁸³.

Вот тебе кокуй, с ним и ликуй

Наконец, несколько слов о самой известной части крестьянского женского головного убора — кокошнике. “Кокошники, — пишет И. Георги, — род косокруглой каски, вышитой шелками. Под кокошником — подбрусник из холстины, вышитой шелками или бумагою разных цветов”¹⁸⁴. “Подбрусник” — здесь, видимо, функциональное название волосника, наголовника, поскольку кокошник сзади подвязывался, покрывался платками, фатами (то есть своего рода “убрусами”). Кокошник имел переднюю деко-

¹⁷⁷ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 131.

¹⁷⁸ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64—65.

¹⁷⁹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 302.

¹⁸⁰ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 131.

¹⁸¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

¹⁸² Глушков. Ручной дорожник... — СПб., 1803. — С. 127—128.

¹⁸³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

¹⁸⁴ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

ративную часть — “начельник” и донце (или начельник и волосник) со спуском позади ленты. Начельник был самым разным по своей и форме, и величине. Но во всех случаях он напоминал что-то вроде опахала или округлого щита, вертикально охватывающего сверху голову женщины (впрочем, кокошники носили и девушки, тогда как сороки и кички — замужние жены). Начельник обычно пришивался к “донцу” или к волоснику, шапочке или даже к сороке и кичке.

Маленькие, низкие кокошники в народе часто называли сороками и наоборот. Однако большие высокие кокошники трудно было спутать с чем-то другим.

Как уже упоминалось, во Владимирской губернии в ряде уездов (Переяславском, Гороховецком, Ковровском и Шуйском) женщины носили “ужасной величины кокошники”, где огромным был начельник. Но наряду с этим видом головного убора там же встречались и круглые (то есть цилиндрические) кокошники, которые следовало бы назвать сороками, поскольку они были “назади с двумя рогами или наперед с одним большим рогом, которые снизу везде, по достатку своему, стараются украшать жемчугом, золотом и прочим, присовокупляя к оному жемчужовья и бисерныя поднизи”¹⁸⁵ (то есть нити нанизанного бисера, сплошной ряд которых образовывал “ряску”). Реальные размеры огромных кокошников помогают представить наблюдения И. Глушкова, занесенные в “Ручной дорожник” близ Вышнего Волочка. Он пишет о замужних женах: “На голове носят почти вертикально стоящую из толстой бумаги доску, вышиною в три четверти аршина (то есть чуть более полуметра, — Л. М.), выложенную золотыми гасами и жемчугом, которой фигура вверху круглая, оканчивающаяся внизу, у ушей прямыми углами. Сей тягостной, как сами они признаются, убор называется кокошником”¹⁸⁶. Конечно, приведенный пример дает образчик экстравагантного богатого украшения. Но “ужасные” владимирские кокошники, вероятно, были похожи на них своей величиной. На юге Владимирской губернии, вблизи р. Оки П.-С. Паллас обратил внимание на еще одну владимирскую вариацию женского головного убора. Будучи возле села Дмитриево, академик записал: “Российские крестьянские жены в здешней стране имеют отменной головной убор, которого я еще нигде не видал, а именно: у них на голове жесткая плоская кичка или сорока с высоким наперед наклонном, середина которого вырезана полукругом и так представляет два тупые рога. Кичку покрывают по крестьянскому обыкновению белым платком и завязывают на затылке”¹⁸⁷. На север от Владимирщины, в Костромском крае бытовали, по-видимому, такие круглые кокошники (в частности, в Нерехотском уезде)¹⁸⁸. Сороки с одним и двумя рогами носили крестьянки южнее р.

¹⁸⁵ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10.

¹⁸⁶ Глушков. Ручной дорожник... — СПб., 1803. — С. 161—162.

¹⁸⁷ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — Ч. I. — СПб., 1773. — С. 50.

¹⁸⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Колл. 115. № 603. Л. 67 об.

Клязьмы (во Владимирском, Судогодском и, вероятно, Муромском уездах)¹⁸⁹. В Ярославском крае женская мода на кокошники была иной. Головной убор “здесь отличен, а именно: женщины носят продолговатые остроконечные, наподобие треугольника, кокошники, кои привязывают оне к затылку вверх, перпендикулярно, оставляя переднюю часть головы открытою”¹⁹⁰. Подобная мода распространялась частично даже в соседнюю Тверскую губернию. Так, в описании Калязинского уезда читаем: “женщины носят кокошники: к Кашинской границе — круглые, высокие, к Углицкой — *остроконечные, высокие ж* (курсив мой, — Л. М.), к Корчевской — низкие”¹⁹¹.

В пределах Тверской и Московской губерний кокошники, как правило, были низкие и близки к сорокам. Женщины этих краев носили и то и другое, точнее, одно и то же они, вероятно, называли по-разному.

Так, в том же Кашинском уезде “женщины носят кокошники, не весьма высокие, спереди унизанные бисером или вышитые шелком и гарусом. Некоторые надевают по праздничным дням тафтяные и других шелковых материй. Сверх кокошников повязываются белыми холстинными платками, зажиточные ж — бумажными и шелковыми”¹⁹². В Новоторжском уезде женщины “на головы надевают низкие кокошники, которые делаются выбойчатые и шелковые”¹⁹³. В Осташковском у. — “носят сороки — шелковые и бумажные, сверх того повязываются платками”¹⁹⁴. В Вышневолоцком уезде снова “женщины носят кокошники”¹⁹⁵. В Краснохолмском у. “носят сороки, вышитые шелком. Сверх того повязываются платками шелковыми и холстинными”¹⁹⁶. В Весьегонском уезде “женщины носят кокошники не очень высокие, спереди вышитые красным гарусом и шелком, у коих сзади поднизи бисерные. По праздникам употребляют шелковые (кокошники, — Л. М.), сверх коих повязываются платками шелковыми, бумажными и холстинными, вышитыми по углам шолком и гарусом красного цвета или блестками”¹⁹⁷. По Ржевскому уезду отмечены были на головах женщин лишь повойцы¹⁹⁸. А в Зубцовском у. “женщины носят повойцы и кокошники низкие, шитые шелком, а по праздникам — шелковые с позументом. Сверх кокошников покрываются покрывалами холстинными и шелковыми”¹⁹⁹.

В сопряженных с Тверским краем уездах Московской губернии чаще встречаются кокошники того же типа. В Волоколамском у. “женщины носят кокошники низкие, шитые гарусом, бумагою и шелком, а по праздникам —

¹⁸⁹ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 10.

¹⁹⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 96. № 63507 (арх. 1035). Л. 5.

¹⁹¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 51.

¹⁹² Там же. — С. 40.

¹⁹³ Там же. — С. 160.

¹⁹⁴ Там же. — С. 111.

¹⁹⁵ Там же. — С. 98.

¹⁹⁶ Там же. — С. 77.

¹⁹⁷ Там же. — С. 86.

¹⁹⁸ Там же. — С. 122.

¹⁹⁹ Там же. — С. 132.

шелковые с позументом”²⁰⁰. В Звенигородском у. у женщин “на головах кокошники и чепцы”²⁰¹. Материалы Клинского уезда дают максимальное представление о многообразии моды. Здесь женщины “на головах имеют кокошники, зборники, сороки и чепцы простые, а кто побогаче — вышитые гарусом, шелком и золотом”²⁰². В Дмитровском у. “на голове употребляют из разных материй кокошники и шитые золотом, шелком и бумагою сороки. Подвязываются так же разными платками”²⁰³. Наконец, в Московском уезде “на голове носят платки, кокошники, кички парчевыя и тафтяныя с позументом, прикрыты будучи шелковыми фатами с позументом и бумажными белокрайками”²⁰⁴. Это, конечно, сказано только о богатых.

Начиная с Московского уезда к югу все чаще встречаются кички как самостоятельный головной убор и особенно — сороки. Так, в Воскресенском у. “употребляют сороки и кокошники, вышитые шелками и золотом, а прочие — в повойниках”²⁰⁵. В Коломенском уезде “на головах носят кички и сороку, у некоторых шелками и золотом вышитые и выложенные позументом”²⁰⁶. Наконец, в самом южном уезде, Серпуховском: “на головах пестрые и белыя сороки, а позаживнее — китайчатая, в праздники — тафтяныя кокошники”²⁰⁷. Южнее, видимо, также чаще были сороки.

Наконец, о русском Севере. В Архангельском уезде в будни женщины носили зборник или повойник из шелковой или бумажной материи. “А лучшее употребляют кокошник, по приличным местам выложенный, смотря по достатку, серебрянными или золотыми гасиками. Жены достаточных мужей (имеют) кокошники с верхом, вышитом золотом, и жемчугом переды высажженные”²⁰⁸. Идучи в гости и в церковь, женщины употребляли “на голове чебак куний или соболий, а богатые — кораблик”²⁰⁹. Изредка в Архангельской округе встречались на женщинах старинные монашеского типа “подкапки”²¹⁰. В Холмогорском уезде женщины, “в покаях будучи — носят косые кокошники (видимо, ярославского типа, — Л. М.) и зборники. А вне оных — разноцветные триухи, кораблики и чесаки (чебаки, — Л. М.)”²¹¹. В Онежском у. “головные бабьи уборы — в набойчатых, камчатых, атласных и в других шелковых повойниках и кокошниках, обложенных золотыми или серебрянными позументами”²¹². В Шенкурском у. — “шелковые, бумажные и

²⁰⁰ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 259.

²⁰¹ Там же. — С. 201.

²⁰² Там же. — С. 240.

²⁰³ Там же. — С. 221.

²⁰⁴ Там же. — С. 91—92.

²⁰⁵ Там же. — С. 163.

²⁰⁶ Там же. — С. 317.

²⁰⁷ Там же. — С. 328.

²⁰⁸ Архив ФИРИ РАН. (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 36.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же. — Л. 35 об.—36.

²¹¹ Там же. — Л. 62 об.

²¹² Там же. — Л. 150 об.

набойчатые кокошники, фаты и чебаки. На шеях бисерные наборники”²¹³. По соседней Олонецкой губернии наблюдатель лишь лаконично отметил, что на головах женщин: “сороки, повойники и платки”²¹⁴. На юге России “на голове женщины носят низкий цилиндрический убор, сделанный из красной и белой материй, а спереди и сзади вышитый или обшитый галуном. Под этот убор, называемый сорокой, оне прячут волосы”²¹⁵.

Девка красна до замужества

Резко отличен головной убор у крестьянских девушек. В XVIII в. они носили так называемые “перевязки” или “повязки” (это широкая полоска ткани с украшенной налобной частью, называемой челкой, почелком и т. п.). По И. Георги, девичий убор “состоит из ленты, в косу вплетаемой, которая будучи заплетена втрое, висит над затылком, а спереди составляет убор сей род коронки из позаментов или золотой сетки. Так же косники (то есть полоски ткани, шнура, лент, сшитые в виде треугольника, — Л. М.) бисерные, привязанные к косе”²¹⁶. В Архангельском уезде “девки повседневно ленту вокруг головы и с гасом по лбу повясок. В праздники — чіолки или вьюнки, бисером, а некоторые — жемчугом высаженные, на затылке привешены лапости (точнее, лопасти, — Л. М.) из шелковой материи и по концам золотом обшиты или серебряною широкою сеткою. На шеях перла или наборошники бисерные. В ушах — серебряные серги”²¹⁷. В Шенкурском у. девичий убор составляют “бисерные почелки, шелковые широкие ленты с савязками... фаты и чебаки”²¹⁸. В Онежском уезде “девки носят бисерные челки, золотые, шелковые и набойчатые повязки. На шее бабы и девки повязывают бисерные или дешевого жемчуга наборочные, серебряные цепочки. В уши вкладывают серебряные сережки”²¹⁹. Тот же тип головного девичьего убора был и в Тверской губернии. Так, в Тверском у. “носят повязки и ленты шелковыя, мишурныя. На шеях повязывают из простых разноцветных камней ожерелья и на косах — бисерные кисти”²²⁰. В Кашинском у. “повязки тафтяныя, а другия — шелковыя, мишурныя и золотые. В косы вплетают алыя и других цветов шелковые ленты”, а на шеях те же ожерелья из каменьев и широкие ленты²²¹. В Весьегонском уезде у женщин и девушек на шее были бисерные ожерелья, а в Вышневолоцком — “пронизочные и бисерные ожерелья”²²². Повязки и ленты носили девушки

²¹³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 79 об.

²¹⁴ Там же. — № 518. Л. 59 об.

²¹⁵ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

²¹⁶ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

²¹⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 35 об.—36.

²¹⁸ Там же. — Л. 79 об.

²¹⁹ Там же. — Л. 150.

²²⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

²²¹ Там же. — С. 40.

²²² Там же. — С. 86, 98.

из Можайского, Весьегонского уездов²²³. Повязки у девушек отмечены также в описании Нерехтского уезда²²⁴. В Краснохолмском у. “девки носят ленты в косах. Кроме того в косы вплетают бисерные кисти”²²⁵. В Вышневолоцком у. в косы вплетали ленты, а на головах были “миширные и шелковые с позументом повязки”²²⁶. В подмосковных уездах девушки и женщины носили “серьги в ушах большие, длинные, с толстыми кольцами о двух или трех подвесках”²²⁷. Это отмечено по Московскому, Рузскому и Серпуховскому уездам (в последних двух серьги были “длинные с подвесками”)²²⁸. И. Георги отмечал, что женщины и девушки “на шее имеют бисерные ожерелья, гранатки, цепочки своего рукоделия, серьги длинные бисерные, кольца медные или серебряные на пальцах ручных”²²⁹. В Весьегонском у. кресты носили на бисерных цепочках²³⁰. На юге России “девушки же повязывают голову белой повязкой, а волосы заплетают в одну плоскую косу. Серьги носят всеми. Оне обыкновенно состоят из небольшого кольца и подвешенных к нему кораллов. Девушки носят коралловые нитки и вокруг шеи”²³¹.

***Купи шубу крытую,
а одежду шитую***

Наконец, несколько слов о женских шубах. По покрою женские овчинные шубы практически не отличались от мужских. В описании Клинского уезда так и сказано: “а в зимнее время сверх летней носят одежду, сходную с мужчинами”²³². В Кашинском у. “в зимнее время как мужчины, так и женщины носят одинакового покрою овчинные шубы нагольные или покрытые толстою белою холстиною”²³³, то есть самым дешевым материалом. Чаще всего покрывали холстиной, удлиняя срок ношения, именно женские шубы, поскольку мужчины, как правило, поверх шуб зимою носили кафтаны. Подобная практика у женщин нам встретилась лишь в описании Коломенского уезда: “зимою — нагольные овчинные шубы, сверху коих надевают белые тонкие суконные шушуны, а позажиточнее — в шубах, крытых китайкою и камкою”²³⁴. Таким образом, покрывать тканью шубу — дело не дешевое. Поэтому часто женщины ходили в одних нагольных шубах. Так, в Бронницком у. у женщин “зимою — шерстяные (то есть овчин-

²²³ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 302; Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

²²⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Колл. 115. № 603. С. 67 об.

²²⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77.

²²⁶ Там же. — С. 98.

²²⁷ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 92—93, 279.

²²⁸ Там же. — С. 328.

²²⁹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

²³⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

²³¹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64—65.

²³² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 240.

²³³ Там же. — С. 41.

²³⁴ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 368.

ные, — Л. М.) шубы нагольные, а у некоторых — крытые крашениною и китайкою”²³⁵. В Волоколамском у. “по зимам носят шубы нагольные, у некоторых же покрытые крашениною”²³⁶. Наиболее четко разделена практика бедных и тех, кто побогаче, в описании Зубцовского уезда: “по зимам носят шубы нагольные, а побогаче — покрытые крашениной...”²³⁷

В некоторых районах встречались женские шубы особого покроя. Так, в Ржевском у. “по зимам (женщины, — Л. М.) надевают овчинные широкие шубы нагольные с большим из черной овчины воротником, называемые бармихами”²³⁸. “По зимам носят нагольные шубы и бармихи” и в Осташковском уезде²³⁹. Наконец, в столичном Московском уезде, где промысловый отход был сильно развит и жизненный уровень крестьянства чуть выше обычного, крытые тканью шубы были явлением обычным (“зимою же сверх употребляемой одежды носят крашенинные шубы, а в праздники — на заячем меху, покрытые китайкою”, то есть довольно дорогим материалом²⁴⁰).

Хоть жмут — да коты, просторны — да лапти Несколько больше расход крестьянской семьи был и на женскую обувь. Сразу же оговоримся, что основная масса и замужних женщин, и девушек носила лапти, хотя онучи у женщин часто были более изящными. И. Георги писал, что женщины “ноги обувают в онучи шерстяные или холстяные, а иногда — в шерстяные чулки. Лапти — с оборями черными шерстяными, а инде из тонких веревочек”²⁴¹. Так же как и у мужчин, ношение кожаной обуви женщинами зависело от уровня развития экономики района. Там, где развиты промыслы, вблизи крупных рек и больших трактов, чаще носили кожаную обувь. В целом же даже у женщины она была редкостью. Так, в Новоторжском уезде женщины “носят лапти”²⁴². Типы женской кожаной обуви очень немногочисленны. Это сапоги, коты и башмаки. Женские коты, по свидетельству И. Георги, “род полусапогов без голенищ, отороченные красным сукном или сафьяном”²⁴³. Коты могли быть “круглые” и “высокие” спереди. Башмаки были, видимо, дороже котов. В частности, в Краснохолмском уезде женщины носили “лапти и коты, но редко — в башмаках”²⁴⁴. Еще один вид женской обуви — упоки, представляющие собой, вероятно, более грубый вариант котов. В XVIII в., как

²³⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 182.

²³⁶ Там же. — С. 260.

²³⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 132.

²³⁸ Там же. — С. 122.

²³⁹ Там же. — С. 110.

²⁴⁰ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 92—93.

²⁴¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

²⁴² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160.

²⁴³ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 132.

²⁴⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77.

уже говорилось, появляются и шерстяные упоки. Так, в Осташковском у. женщины носили “лапти и упоки и шерстяные оборы”²⁴⁵. В Кашинском у. “обувь женская состоит в лаптях, башмаках и упоках”²⁴⁶. В Рузском и Серпуховском уездах женщины “обуваются в лапти, а некоторые в башмаки и шерстяные чулки”²⁴⁷. Наблюдатель по Можайскому у. отметил, что “обувь мужчин и женщин одинакая: по праздникам носят сапоги и коты или бахилы, а в будни — лапти, плетеные из молодой липовой коры”²⁴⁸. В Тверском у. “обувь женская состоит в лаптях и сапогах”, в Зубцовском и Волоколамском у. — “в лаптях, сапогах и башмаках”²⁴⁹. Наблюдатель по Старицкому уезду выделил девушек: “девки покупают ленты, носят по праздникам сапоги и новоторжские туфли с медными и железными скобами”²⁵⁰. В столичном Московском у. ситуация с женской обувью весьма контрастная: “некоторые всегда ходят в башмаках, а другие — в лаптях”²⁵¹. Наконец, на Севере, где кожаная обувь — обычное явление, женщины Архангельского уезда придерживались весьма своеобразной моды: “в обувь употребляют разные башмаки: как в простые дни — кожаные, в праздничные дни — различных цветов суконные и других материй”²⁵². Правда, в соседней Олонецкой губернии, видимо, не было такой моды. Все женщины носят “коты и башмаки. Во время полевых работ употребляют и лапти” (из березового лыка)²⁵³. Что касается Юга России, то тамошние женщины “ходят или в лаптях, или босиком”²⁵⁴.

В заключение упомянем о женских поясах. Это большей частью были покромки от сукон (в частности, в Вельегонском у. “подпоясываются покромками”)²⁵⁵, иногда это покромки дорогих цветных сукон (в Тверском у. “подпоясываются покромками красного сукна”)²⁵⁶. В богатых селениях подпояски более дорогие. Например, в Московском у. женщины имели шелковые пояса²⁵⁷. А во Владимирской губернии девушки подпоясывались “или шелковыми астраханскими поясами или покромками от тонких сукон”²⁵⁸. На Юге России носили “пояса делаемые из редкой шерстяной ткани домашнего приготовления ... красные или полосатые, иногда они заменяются платками”²⁵⁹.

²⁴⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 111.

²⁴⁶ Там же. — С. 40—41.

²⁴⁷ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 280, 328.

²⁴⁸ Там же. — С. 302.

²⁴⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27, 132, 260.

²⁵⁰ Там же. — С. 143.

²⁵¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 92—93.

²⁵² Архив ФИРИ РАН (СПб). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62 об.

²⁵³ Там же. — № 518. Л. 60.

²⁵⁴ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 65.

²⁵⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

²⁵⁶ Там же. — С. 27.

²⁵⁷ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — С. 92—93.

²⁵⁸ Топографическое описание Владимирской губернии. — С. 9—10.

²⁵⁹ Путешествие академика Гильденштедта И.А. — С. 64—65.

Деньгам нет заговенья

Подводя итог нашему краткому очерку о женской одежде русских крестьянок, следует отметить, что в ней доля покупных материалов гораздо больше, чем в мужской одежде. Ведь, скажем, тверской крестьянин в 80-е годы XVIII в. тратил на одежду в среднем в год около одного рубля (“на шапку, шляпу и рукавицы” — 97,5 коп.)²⁶⁰, иногда эта сумма была чуть больше (в 1781 г. в Можайске десяток “вариг больших” стоил 1 р. 40 коп., десяток “шляп высоких русских” — 3 руб. 30 коп., то есть шляпа и рукавица стоили 47 коп.). Да и домашнего изготовления материал на мужскую одежду был довольно дешев (например, в Серпухове один аршин сермяжного сукна стоил в 1781 г. 15 коп., серого — 20 коп., белого — 20 коп.; один аршин льняного холста — 6 коп., посконного холста — 2,5 коп., в Можайске синяя рубашечная ткань — 9 коп. за аршин, а “портошная” — 11 коп., крашенина “алленая, синяя” — 11 коп. и т. п.²⁶¹). А минимальный расход одежды на мужика (на примере дворового человека) был таков: “в 3 года по одной шубе и кафтану, шапка и рукавицы, и по две рубашки в год ... и по одной паре онуч”²⁶². Второй вариант расхода одежды на дворового очень близок к цитированному: “в год рубашки — четыре, порток — трое, чулок шерстяных — одна пара, кафтан — в два года, шуба — в три года”²⁶³.

Материал на женскую праздничную одежду был намного дороже. Например, “ленты шелковые русские” — 55 коп. десяток, “платок бумажный” один — 80 коп., набойчатый платок — 22 коп., пестрядь александрийская один аршин 27 коп., кисея один аршин — 60 коп., ленты мишурные — 24 коп., чулки шерстяные — 2 р. 40 коп. за десяток, “кумач мелкий донской” — 2 р. 20 коп. за конец, сукно синее фабрики Хованского — 60 коп. за один аршин²⁶⁴. Такие женские украшения, как перстни, пуговицы, стоили дешево (серег медных сотня — 2 р. 20 коп., перстней медных сотня — 60 коп., пуговиц медных сотня — 26 коп., пуговиц оловянных сотня — 35 коп., перстней оловянных сотня — 24 коп. и т. д.)²⁶⁵. Но в целом траты были (с учетом доходных статей рядовой крестьянской семьи из 4-х человек в 5—10 руб.) немалые. Тверской крестьянин при составе семьи в 4 человека на женщину и детей должен был бы тратить в среднем в год 3 р. 27 коп. (при этом на детей, конечно, шла малая часть)²⁶⁶. И тем не менее среднего достатка крестьянин хотя и не дотягивал до такой суммы, однако старался угодить женской половине семьи. Наблюдатель жизни крестьян на русском

²⁶⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 25—26.

²⁶¹ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 27 (И.Ф.Герман). № 111. Л. 8 об.—12.

²⁶² Учреждение графа П.А. Румянцева. 1751 г. // Университетские известия. — 1903. — № 12. — Прибавления. — С. 4—5.

²⁶³ Инструкции об управлении... — Л. 38 об.

²⁶⁴ Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 27 (И.Ф. Герман). № 111. Л. 8 об.—12.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 25—26.

Севере в этой связи отметил, что вообще во всей губернии (да и во всей, очевидно, Великороссии, — Л. М.) “праздничные наряды доведены до излишества, которые покупают поселяне несоразмерною прибыткам крестьянским ценою”²⁶⁷.

На наш взгляд, причина столь “неразумного” расхода средств в том молчаливом уважении мужской половины крестьянства к своим женщинам за их тяжелый, непомерный труд в хозяйстве. Эту суровую долю русской женщины отметил в конце XVIII в. И. Георги: “Они весьма пекутся о чистоте в доме, прядут на самопрялках и на пряслице, ткут холстину и сермяжные сукна на станках... белят, валяют, красят, вяжут кружева... для утиральников и повязок, делают войлоки, стряпают кушанье, пекут хлебы, смотрят за домашнею живностию и вообще больше всех других европейских поселянок упражнены, можно сказать, до излишества, ибо сверх работ своих во весь почти год отправляют на дому и в поле те же работы, что и мужчины, выключая немногих”²⁶⁸. И. Георги не стал раскрывать тяжелую полевую работу великорусских женщин, но можно ее несколько детализировать. Так, в описании Кашинского уезда Тверской губернии мы находим перечень именно женских работ: “Женщины чрез зиму прядут, кормят мелкую скотину и мужчинам в присмотре за крупною помогают. С марта по июнь ткут холсты и сукна, вышивают гарусом ширинки и платки, в огородах копают, сажают овощи и помогают мужчинам в чищении лугов. В июне возят навоз и оный разбивают. В июле ходят на сенокос, лен полют, потом выбирают и рожь жать начинают. В августе продолжают жнитво, выбирают и стелят лен, овец стригут. В сентябре дожинают хлеб, огородные овощи убирают, мнут и треплют лен. В октябре и ноябре пособляют молотить”²⁶⁹. А вдовы еще и пашут, и боронят, и сеют. Да и в некоторых районах в обработке земли участвуют и все женщины (в Ржевском уезде, например, “женщины в озимую пашню боронят”)²⁷⁰. А в Вышневолоцком уезде в “несемьянистых хозяйствах женщины и косят, а иногда пашут”²⁷¹. И так на Руси было многие столетия. Здесь уместно еще раз вспомнить Поучение к попам 1166 г. новгородского архиепископа Ильи, где, в частности, есть такие строки: “и жены, делающие страду, врежающиеся, измечают: аще не зелье — без вины суть”²⁷², то есть, если крестьянка на тяжелых полевых работах, повредив себе чем-то, сделает выкидыш и если она не принимала зелье, то вины ее в убийстве младенца нет. Разумеется, если православная церковь принимает такое постановление, то такие несчастия были, видимо, весьма распростра-

²⁶⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60.

²⁶⁸ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 172.

²⁶⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 39.

²⁷⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 257.

²⁷¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 57.

²⁷² Цит. по кн.: Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. — СПб., 1897. — С. 130.

ненным явлением, что убедительно подтверждает условия тяжелого, надрывного труда русской женщины. Именно поэтому сельский уклад жизни создал как некую компенсацию обычай, допускающий щегольство, хотя и весьма скромное, русской женщины-труженицы. Именно поэтому крестьянская семья шла на некоторые траты, “но не столько от необходимости, сколько для щегольства и украшения”²⁷³.

Однако необходимо отметить, что огромный вклад в изготовление праздничной, да и повседневной одежды вносила сама женщина, ибо она и пряла, и ткала, и шила сама. В описании Старицкого уезда отмечено, что “балахоны шьют из домашних холстин”²⁷⁴. В описании Краснохолмского у. наблюдатель подчеркнул, что крестьянские жены “ткут холсты, шьют рубашки, как на мужей, так и на детей. Дочери ж — девки — должны сами одеваться, а поэтому и сажают их по десятому году за гребень” (то есть за прядение льна)²⁷⁵. В описании Старицкого уезда подчеркивается, что “между крестьянами в обычае, дабы девки 16-ти летние одевались сами, не требуя от отца”²⁷⁶. Следовательно, свою одежду женщины шили сами. Недаром тверской бытописатель заметил, что великорусские крестьянки “платье надевают довольно стройно, но просторное и не стянутое”. Замечание само по себе нелогично: либо “стройное”, то есть приталенное, сделанное “по фигуре”, либо “просторное и не стянутое”, то есть сшитое не по фигуре. Его определение, что платье “довольно стройно”, есть лишь проявление некоего снисхождения, дополненное вслед за этим и вовсе ханжеским замечанием, что, мол, такое самодельное, мешковатое платье “немало споспешествует здоровью”²⁷⁷. Как уже отмечалось, с осени примерно до марта женщины чесали лен и пряли. “Крестьянка в неделю отпряжет льну два фунта. Из тонкой пряжи выткается 3 аршина, из толстой — пять. А в зиму напрядет она на 80 аршин по цене 5—6 руб.”²⁷⁸. С марта женщины начинают ткать холсты и полотна. “Прилежные крестьянки” ткут за 3 месяца от 50 до 80 аршин холста (то есть от 36 до 57,6 м)²⁷⁹.

Ориентируясь на производительность крестьянского ткача, при 11-часовом рабочем дне чистого труда, делающего узкое полотно длиной в 60 аршин за 46 дней ткачества при 9 днях подготовительных работ²⁸⁰, можно оценить трудозатраты этих крестьянок. На изготовление 50 аршин при ежедневной 11-часовой работе необходимо 45 дней (36 м ткани, 80 см в день). На изготовление 80 аршин (57,6 м) при той же длительности ежедневного

²⁷³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

²⁷⁴ Там же. — С. 143.

²⁷⁵ Там же. — С. 76.

²⁷⁶ Там же. — С. 144.

²⁷⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 24.

²⁷⁸ Там же. — Л. 84 об.

²⁷⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 143, 257.

²⁸⁰ Инструкции об управлении... — Л. 38—38 об.

труда необходимо было 72 дня. И это при условии полного освобождения от других работ и забот. Но ведь от них крестьянку никто не освобождал. В итоге получается, что, ведя все работы по хозяйству и делая 50 аршин за 3 месяца, крестьянка ежедневно должна была тратить на ткачество 5,5 часа. А если за 3 месяца она умудрялась сделать 80 аршин, то в каждый из 90 дней она должна уделять ткачеству по 8,8 часа(!). Все эти расчеты основаны на реальных данных и свидетельствуют о воистину каторжной нагрузке русских крестьянок. А ведь когда на русском Севере женщин освобождали от забот по хозяйству, то за год они делали от 200 до 300 аршин холста. Так, в Шенкурском у. “взрослые девки и молодые вдовы чрез год, если нет иной работы”, перепрядут льну от 30 фунтов до одного пуда, выткут холста от 200 до 300 аршин и более²⁸¹. Это означает, что, работая по 11 часов в день, они в год тратят от 180 до 270 дней, не считая времени, необходимого для прядения льна.

Вот так русской женщине XVIII века, да и предшествующих столетий, доставалась ее нарядная праздничная одежда. Подтверждение этому читаем в описании Старицкого уезда: “Женщины все сии наряды получают продажею холстов своей работы”²⁸².

Однако, чтобы подороже продать холст, надо еще много труда положить, чтобы придать ему товарный вид. Вот лишь один из рецептов обработки (беления) домашнего холста: “Лутчее время зачинать белить маия с первых чисел... Сваря щелоку помочить в оном сутки и вынув вымоют в чистой воде или вместо того положат в гущу квасную на сутки. И выняв вымоют в чистой воде и высушат. Потом наболтав песку, то есть золы, в теплой воде в кадке так густо, чтоб к руке льнуло, и в том помочат, обваляя всю холстину, и положат в корчаги и нальют с той кадки щелоком и поставят в печь на сутки. И выняв песок или золу, смоют чисто и постелют на лужу (то есть на луг, — Л. М.) дни на 4 или на 5. А потом позволя так же, как выше написано, поставят на сутки в корчаге в печь, вынут и смоют в воде и постелют на траву на 5 дней. И всякой день бережно колотят и опять на траву постилают. И ежели покажетца еще суровато — так же парить один раз. Только смотреть, чтоб золою не проедало и желтых пятен не было. И для того чисто сполоскать и на траву разстилать. Потом чрез пять дней возмут березовой золы, просеют ситом и, замеся комами плоскими в кадке, положат в печь на дрова и зажгут. И, как раскалитца, нальют в кадку кипятку и ту перезжоную золу в комах положат в кипяток по розмеру, размешают и тое холстину помочат. Потом положат в корчагу и, долив щелоком, поставят в печь на сутки. А ставят в такой жар, как хлебы садить надлежит. И выняв и вымыв чисто, выколотят (бережно) и зделают квасы, положи в сыворотку овсяной муки, заквасят. И в тот квас холстину кладут

²⁸¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 78—78 об.

²⁸² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 144.

сутки на двои. А буде желта — на трои. Потом, чисто вымыв, высуша, наблают в корчагу мыла, положат в нее холст, поставят в горячую печь с утра до вечера, и выняв, вымыв начисто высушат и скатают²⁸³. Вот так и завершается долгий труд русской крестьянки, связанный с проблемой крестьянской одежды.

Как известно, одежда — важнейший признак богатства или бедности социума в целом — свидетельствует о весьма скромных возможностях российского общества. Суровые природно-климатические условия объективно требовали существенно больших расходов на одежду сельских жителей, чем в большинстве регионов Западной Европы. Однако у сельских великорусов таких средств не было. В итоге весь народ деревенский, несмотря на суровую зиму и слякотную осень, ходил в лаптях и толстенных онучах. Крестьянские шубы были в ходу и зимой, и летом. Одежда носилась до последней возможности, что отразилось даже в пословицах и поговорках (“рубаха трут трутом: на плечах перегорела”, “запили заплатки, загуляли лоскутки”, “сапоги каши просят”, “сапоги смазаны и дыры замазаны” и т. п.). Естественное стремление людей быть одетым получше при общем низком благосостоянии общества часто вызывало у соседей сарказм и насмешливое отношение (“лбом красится, а затылок вши едят”, “одна нога в сапоге, другая в постолле”, “как смерд ни нарядится, а кус дерьма на себе унесет”, “в чем к обедне, в том и по сельди” и т. д.).

И тем не менее гибкая приспособленность русских людей поразительна. Лапти и онучи, вызывающие ошеломленное удивление иностранцев, в сложившихся психологических стереотипах находили полное оправдание (зимой в двойных онучах казалось теплее, чем в сапогах). И снова бросается в глаза: при малейшем увеличении дохода (за счет промыслов!) крестьянин старается купить сапоги, шляпу с меховым околышем, поясок из дорогого сукна и т.д.

Как уже говорилось, одежда и особенно украшения для женщин были предметом особых забот, и тут часто денег не жалели, хотя достигались женские наряды далеко не просто. Однако весьма важно, что основные компоненты одежды крестьянские женщины создавали своим трудом за счет сна и отдыха.

²⁸³ Инструкции об управлении... — Л. 36 об. — 37.

Очерк одиннадцатый

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПИЩА

Традиционно крестьянская пища отличалась простотой и грубостью (была “сурова”, как говорили в XVIII веке). Однако под простотой и грубостью надо иметь в виду лишь степень реализации экономических возможностей русского крестьянского хозяйства. Ведь пища — лишь один из многих, хотя и важных компонентов воспроизводства самого хозяйства. Много времени в течение семи месяцев в году требовалось на отопление жилища, на уход за скотом и птицей, на шитье одежды, на изготовление сложнейшего и многочисленного крестьянского инвентаря и т. д. В XVIII веке русский крестьянин кое-что уже мог купить, продав какой-либо товарный излишек. Однако в основе его хозяйство оставалось натуральным.

Поэтому главный момент, определяющий структуру и качество пищи, можно свести к следующему: максимум пользы в минимум затраченного времени. Быстрота в приготовлении пищи — решающее звено, ибо женщина, готовящая пищу, занята обычно еще огромным количеством дел. Здесь снова можно вспомнить слова И. Георги о том, что русские крестьянки “сверх своих работ во весь почти год отправляют по дому и в поле те же работы, что и мужчины, выключая немногих”¹. По выражению А.Т. Болотова, женщина в семье работала “беспрестанно до пота”². Где уж тут заниматься разносолами, когда женщина сидела за работой нередко далеко за полночь, а вставала в 4-м часу утра.

Фактор времени, его экономии лежит и в основе деления пищи на обыкновенную и праздничную, то есть ту, при приготовлении которой можно потратить большее время и сделать ее, следовательно, более “сложной”, более качественной, разнообразной и т. д.

Хлеб — всему голова Основу основ в пище русского крестьянина составляет хлеб. Мы уже рассказывали о причинах того, почему из зерновых хлебных культур главная роль принадлежит ржи. От-

¹ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 172.

² Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 239.

сюда ясно, что главный хлеб русских крестьян был ржаной “черный хлеб”.

Культура выпечки ржаного хлеба складывалась веками, и к XVIII столетию она в идеальном виде представляла собой следующее³. Хлеб в русской печи пекли отнюдь не каждый день, а лишь раз в неделю, ибо у крестьянки не было иной возможности⁴. К тому же считалось, что свежесвыпеченный хлеб “тяжел” и вреден для желудка. От каждой выпечки обычно оставлялся ком теста — так называемый “заквас”. Этот заквас хранился густо обваленным в муке в темном месте. Срок хранения — до двух недель. Заквас замешивается из ржаной муки на воде (лучше всего ключевой). Для быстрого закисания иногда подбавляли квасной гущи (на два четверика муки — два ковши квасной гущи)⁵. Вместо закваса для опарных хлебов брали пивные дрожжи, замешивали их мукой и квасили в теплом месте.

Итак, заквас кладут в квашню, где засыпана уже мука и приготовлена посредине ямка: для кома закваса. Потом на заквас льют горячую воду столь высокой температуры, чтоб “терпела рука”. Тесто тщательно растирают, используя лишь треть находящейся в квашне муки. Получив “несколько крутое тесто”, его сгребают в середину и накрывают толстым холстом, засыпают сверху мукой и накрывают крышкой. В зимнее время дополнительно накрывают шубой и ставят квашню возле печи. Все эти операции крестьянка делает с вечера, оставляя накрытую квашню до утра. Утром идет замес собственно теста: сгребают прочь муку, снимают холстину и льют опять-таки горячую воду (“чтоб терпела рука”) в середину закваса. Тщательно размешивают, не оставляя комков и комочков. Потом “намесивают” остальную муку, отложив лишь часть муки для обваливания самих хлебов. При этом следят, чтобы не пережидить раствор и не загустить его излишней мукой. Затем тесто накрывают скатертью (зимой ее сначала нагревают) и сверху чем-нибудь теплым и оставляют на полтора часа. Готовое тесто проверяют, хорошо ли оно взшло (опускают кулак в тесто до дна и быстро вынимают: тесто должно само собой “заровняться”). Далее, когда протапливается печь, валяют из теста хлебы и покрывают их сукном. Чтобы не испортить форму хлебов, кладут между хлебами поленца. Часть теста оставляют на будущий “заквас”. Потом из жарко натопленной печи выгребают угли, оставляя небольшую кучку у устья печи, выметают под печи дочиста голиком, насаженным на палку, и закрывают ненадолго заслонкой, “чтоб поуходился” жар... и ставят хлебы в печь (крупные хлебы к самому заду и по боковым стенам, а мелкие — в середину). Пекутся хлебы: около трех часов — ситные, около четырех часов — решетные⁶. Когда хлеб испечен — проверяют каждую штуку, постучав пальцем в нижнюю корку: хлеб должен “звонить”. Вынув хлебы, необходимо ставить их ребром, “штоб отошли и отмякли осты-

³ Деревенское зеркало. — Ч. II — С. 27—29.

⁴ В более ранние времена выпечка хлеба, вероятно, была еще реже и размеры готовых хлебов были очень великими (до 9—12 кг).

⁵ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 27—29.

⁶ Ситные хлебы — из муки, провянной через сито, а решетные — через решето.

вая”⁷. Не рекомендовалось ставить готовые горячие хлебы в “спертое место”. Остывший хлеб хранился, как правило, в прохладном месте (например, в специальной кадке погребя, чтобы не плесневел)⁸.

***И не допекши едят,
да сыты бывают***

Конечно, от этого идеального процесса хлебопечения в жизни часто были различного рода отклонения. Например, если крестьянка сделает “заквас” слишком холодным, то в итоге хлеб получается “комистым” (т. е. комками). Наоборот, если “заквас” слишком горяч, то хлеб выходит слишком жестким, твердым. Когда у нерасторопной хозяйки перекистет тесто, хлеб получается щелистым, форма его расплывается (в желудке от него резкие боли). Если крестьянка истопит печь слишком жарко — хлеб сверху перегорит, а внутри останется непропеченным, “грубым”. Наоборот, в слабо истопленной печи — хлеб не печется, а лишь сохнет, “теряет силу”, а внутри становится клейким. Когда хозяйка впопыхах, едва замесив тесто, быстро валяет хлебы и сует их в печь (“чтоб поскорее отделаться”), то корка хлеба вздувается кверху, а мякиш его становится крепким и пресным (в желудке он лежит, “как свинец”).

В реальной жизни нередко бывали случаи, когда капризы природы в лице непогодных, ненастных дней в период жатвы приводили к тому, что зерно прорастало, портилось либо, наоборот, не созревало. А жатва — есть жатва! Зерно надо убирать! Мука в итоге из него получалась клейкая и “солоделая”, а тесто “расплавается, плохо всходит”. Поэтому хлеб не выпекается и по сути просто вреден для здоровья.

Чтобы не отравиться таким хлебом и не нажить серьезных болезней, народный опыт выработал целую систему способов обезвреживания муки из такого зерна⁹.

Зерно такого сорта кроме овинной сушки в снопах надо еще раз тщательно сушить в печах небольшими партиями. Муку из этого зерна не набирают плотно в кадки колотушками, как это делают с обычной мукой, а хранят ее “порохово”, то есть во взбитом, рыхлом, пушистом виде. Перед замесом квашни муку снова сушат в печи. При замесе меньше, чем обычно, льют горячей воды. И побольше добавляют квасной гущи или просто больше берут старой закваски (то есть кислого теста). Больше обычного кладут и соли: на четверик муки (ок. 13 кг) — по 4 горсти соли. Замес должен сильнее закиснуть, поэтому его укутывают теплее обычного. Во взмошедшее тесто добавляют больше обычного муки, делая очень крутое тесто, и при вымешивании его “не жалеют рук”¹⁰. И снова оставляют тесто, дабы оно хо-

⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 31.

⁸ Там же. — С. 30—31.

⁹ Там же. — С. 41—42.

¹⁰ Там же. — Ч. II. — С. 42.

рошенько поднялось. Хлебы формуют небольшой величины и “тонковатые”. Главное же — из такой муки пекут очень небольшое количество хлебов, так как они очень быстро плесневеют. Иногда в воду для замеса добавляют чистой просеянной золы (опускают в воду мешочек с золой) и даже... пару рюмок “простого, доброго вина”¹¹.

В мужицком брюхе и болото сгниет

Необходимо добавить, что хлеб из проросшей или зеленоватой ржи — не единственный хлеб, вредный для здоровья. Нередко зерно ржи невозможно одним веянием отделить от спорыньи. Мука со спорыньей бывает синеватая, темная, “дурно” пахнет. Тесто из нее также расплывается, а хлеб разваливается. Но на Руси, видимо, из-за острой нехватки времени, спорынью оставляли в муке, то есть ее “из ржаных зерен не выкидывают, мелют вместе”. В южных районах России при помоле пшеницы также оставляют и головню, что тоже далеко не безвредно. Наконец, необходимо добавить, что в зерно южных степных районов часто и много попадало просто черноземной пыли. “В степных местах, — пишет Друковцев, — где земля черная... белой муки нет, для того что черная пыль, облипнув круг зерна, вместе в молотье приходит. От того вкус в печеном тесте дурен и горек бывает”¹². К тому же тока, на которых молотили хлеб, были большей частью земляные, и здесь зерно дополнительно покрывалось плотным, прочным слоем черной пыли, которую не всегда можно было даже отмыть. Таким образом, и от этого пшеничная мука крестьян часто была темноватого цвета, и все это попадало в хлеб¹³.

Крестьянство южной России пользовалось иногда и белым пшеничным хлебом, а на Севере, например в Архангельской губ., в ряде уездов (в Холмогорском у. и др.) пекли исключительно ячменный хлеб¹⁴. Пожалуй, исключением был лишь собственно Архангельский уезд, где крестьяне пекли как ржаной, так и ячменный хлебы (иногда же обе муки смешивали)¹⁵.

Добровольные фальсификации: “голодный хлеб”

В голодные годы в крестьянстве широко употреблялись разного рода фальсификации хлеба в виде самых различных, а порою даже страшных, на наш взгляд, добавок к ржаной муке. Среди наиболее доброкачественных, так сказать, безобидных для здоровья добавок была трава-сорняк лебеда или ее пищевые разновидности. Использование ее известно по разным источникам. А.Т. Болотов, в частности, указывал, что в Тульской губ. в голодные годы

¹¹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 42.

¹² Друковцев С.В. Экономический календарь. — М., 1780. — С. 90.

¹³ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 43—44.

¹⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62 об.

¹⁵ Там же.

“семяннами оной целые уезды прокормились”¹⁶. Он же сообщал, что в Нижегородской губ. при неурожаях хлеба многим (крестьянам) “заменяют недостаток онаго (то есть хлеба, — Л. М.) семена травы лебеды”¹⁷. В литературе XVIII в. лебеда обрела печальную славу “второго хлеба”. Из семян лебеды делали муку и “мешая оную с некоторым количеством муки, пекут хлебы”¹⁸. Разумеется, что повсеместно в голодное время в муку добавляли мякину. В жестокие голодные годы в ряде районов России не бывало и лебеды. Например, в Архангельской губернии, когда не хватало муки, толкли сосновую кору, так называемый “березовый дуб”, траву вахку. “Истолча вместе с мякиною прибавляют малое количество муки и пекут из того хлеба закваскою”¹⁹. Когда же муки (ржаной или ячменной) не бывает совсем, то “перемешав кору и прочее с рыбою и молоком, делают пресные и тонкие колобки”²⁰. В соседней Олонецкой губ. дефицит хлеба был практически постоянным: “Чистой хлеб во всех, окромя Каргопольского уезда, употребляют поселяне, исключая богатых, — по март и апрель месяц. А с того времени до нового хлеба (то есть полгода, — Л. М.) мешают с ржаной и ячменной мукою сосновую кору, в муку истолченную, которую снявши с дерева, сушат летом на солнце и, очистя верхний черный слой, толкут и месят тесто, прибавя несколько ржаной и ячменной муки”²¹.

Так же как и в Архангельской губ., здесь “во многих погостах Повенецкой округи пекут весною лепешки из корня травы, называемой вежки, которую мешают с хлебной мукою. Трава сия родится на берегах больших ручьев и вырастает в вышину до трех четвертей аршина (ок. 54 см, — Л. М.). Листье имеет похожее на березовые. По наступлении весны поселяне вырывают ее корень, сушат оной и толкут в муку. Вкус сих лепешек, хотя и горек, но жители, приобыкнув по нужде к употреблению их в пищу, ядят без отвращения и большого вреда”²².

Описывающий этот горестный обычай автор топографического описания доказывает сравнительную безвредность этого хлебного заменителя тем, что, несмотря на продолжающийся семь лет подряд неурожай хлеба, жители 30-ти деревень не испытали увеличения смертности²³.

Однако последствия принятия такой пищи, употребляемой в России более или менее регулярно, однозначны: “крестьяне бывают малосильны и к работе неспособны”²⁴.

¹⁶ Экономический магазин. — Ч. XI. — С. 157.

¹⁷ Там же. — С. 158.

¹⁸ Там же. А.Т. Болотов пишет о случаях приготовления из семян лебеды каши “на молоке и яйцах”. Однако скорее всего — это экстравагантный опыт (“она отменно хороша”).

¹⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 146—147.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. — № 518. Л. 61.

²² Там же. — Л. 61 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. — № 497. Л. 147.

В Центральной России были популярны и такие добавления в ржаную муку, как пырейник (корни его надо было мыть, сушить в тени, крошить, сушить вторично в печи, молоть и добавлять в ржаную муку — на три четверика ржи один четверик корней пырейника). Добавляли также и корни репейника (вымыть, скрошить, высушить на солнце, истолочь в иготи и добавлять в замес квашни). Иногда добавляли конопляные или льняные жмыхи и т. д.²⁵

В конце века начинается активная пропаганда нового весьма добротного “заменителя хлеба” в голодные годы — картофеля (“отличное пособное средство в голодные годы”) ²⁶. Его рекомендовали класть вареными и очищенными яблоками прямо в замес теста, чтобы оно (тесто) стало очень густым. Далее, как обычно, тесто месят и пекут хлебы. Такой хлеб, как знали уже в XVIII веке, “белее обычного ржаного, не скоро черствеет, столь же сытен, к тому же может дать экономию до половины объема ржаной муки” ²⁷. Но знакомство русского крестьянства с картофелем растянулось на многие и многие десятилетия.

Употребление в пищу настоящего ржаного хлеба — существенный показатель крестьянского благосостояния. Когда современники хотели подчеркнуть это благополучие, они писали: “...пища их состоит в чистом ржаном хлебе...”. Так, в частности, характеризует питание крестьян наблюдатель по Тверскому, Калязинскому и Кашинскому уездам Тверской губернии ²⁸.

Шанежки да пирожки, так под самые корешки

Наряду с хлебом в крестьянском питании очень популярны были быстро изготавливаемые блины и оладьи из овсяной, яшной, а в южных районах и из гречневой муки. Наблюдатель по Корчевскому, Тверскому и другим уездам Тверской губернии отметил, что крестьяне обычно “завтракают блинами и оладьями” ²⁹, а также лепешками из ржаной муки, иногда и простыми пирогами с кашей, морковью, капустой, творогом и т. д. ³⁰ Видимо, это же ели и по зимам, когда вставали задолго до рассвета (“сие называется перехватка”) ³¹. На севере, в Олонецкой губернии даже у богатых крестьян “кушанье” во многом состоит “в блинах овсяных и житных с кашею, в молоке, в калитках (четырёхугольных ватрушках, — Л. М.) и наливках (разновидность ватрушки, — Л. М.), делаемых с кашею же и с сыром в концах, в пряженых (жареных в масле, — Л. М.) пирожках и в косовиках (косых пирогах, — Л. М.), начиненных яйцами, сыром и яшневою кашею” ³².

²⁵ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 77.

²⁶ Там же.

²⁷ Экономический магазин. — Ч. XIII. — 1783. — С. 173.

²⁸ Генеральное изображение по Тверской губернии. — С. 27, 51, 41.

²⁹ Там же. — С. 59.

³⁰ Там же. — С. 41, 27.

³¹ Там же. — С. 77.

³² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

**Голодному Федоту
и щи в охотку**

Самой основной едой, кроме хлеба, были у крестьянина щи из рубленой кислой капусты — то есть кислая капуста, вареная в воде с добавлением растительного масла (чаще всего так называемого “конопляного сока”) в постные дни и сметаны — в скоромные дни. Для этого капусту квасили: заготавливая на зиму, ее рубили и клали в кадку, пересыпая слой за слоем ржаной мукой и солью. На каждый ушат шло до фунта соли. В кадку капусту набивали накрепко колотушками, сверху ставили тяжелый гнет. Иногда, если капуста давала мало рассола (особенно не кочанная белая, а листовая зеленая “крестьянская серая” капуста), то ее заливали так называемым “белым квасом”³³. В капусту добавляли тмин, укроп, анис, можжевельные ягоды и др.³⁴ Точно так же поступали и с белокочанной капустой; впрочем, крестьяне сажали ее значительно реже, чем мещане в городах.

**Капуста лучше пуста:
хоть в брюхе не порожне**

Щи (или “шти”) входили в круг “всегдашней грубой ествы”. “Щи да щи, капуста кислая да солomата” — вот и вся еда крестьянина³⁵. “Главная и всеобщая крестьянская пища, — читаем мы в описании Краснохолмского уезда Тверской губернии, — состоит во щах, которые варят в скоромные дни с салом, забеливая сметаной, а в постные дни с овсяными крупами, заливая соком” (то есть конопляным маслом)³⁶. В постные дни в щи добавляли грибы, соленую рыбу, иногда сметки, сушеную плотву³⁷.

**В щучьей голове —
что в холопей клетн,
в язевой — что в барской**

“Плотицы... почитаются... наипоследнейшею из всех рыб, употребляемых в пищу... и употребляются по самой крайней уже нужде”³⁸. Тем не менее крестьяне плотвой не брезговали и заготавливали ее впрок. Вот один из способов: “Вычистить и выпотрошить, прикинуть гораздо солью и, давши несколько полежать, высушить в печи на разостланной соломе так, чтобы она не крошилась. Потом, наполняя ею кадочки, держать в сухом месте для употребления в случае недостатка другой рыбы...”³⁹ Вообще во многих районах, лишенных крупных рек и озер и, соответственно, рыбных ловель, “жители в посты, а особливо в летнее время, претерпевают в рыбах великое оскудение”⁴⁰. В некоторых районах Черноземья для еды закупали дешевую

³³ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха... — СПб., 1790. — С. 43. См. ниже о “белом квасе”. Вероятно, дороговизна соли делала эту практику очень частой (отсюда и название процедуры: “квашение капусты”).

³⁴ Там же. — С. 42.

³⁵ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 65.

³⁶ Генеральное изображение по Тверской губернии. — С. 77.

³⁷ Там же. — С. 110, 140; Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62 об.

³⁸ Экономический магазин. — Ч. XIII. — С. 133.

³⁹ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 88.

⁴⁰ Экономический магазин. — Ч. XIII. — С. 157.

подпортившуюся сазанину с низов Волги⁴¹. Да и зимняя рыба часто была бракованная, так как ее не прикалывали живой: и “многие люди” в итоге имели “неприятную и вредную для здоровья пищу”⁴².

В щи добавляли также соленые огурцы, обязательно заправляли их сеяной ржаной, или овсяной, или ячневой, или гречневой крупой, мукой и т. п. В скоромные дни иногда в щи шло ветчинное сало, изредка клали говядину или свинину (обычно после забоя), в богатых дворах — ветчину⁴³. В Олонецкой губернии бедные крестьяне в обычные дни ели рыбные щи, а в праздничные — щи с мясом и с крупами (то есть “варят по достатку капусты с яшневой крупой”) ⁴⁴. В редких домах варили так называемые “щи сборные”, куда шло и мясо, и ветчина, и гусь, и куры, лук и т. п.⁴⁵ Чаше, видимо, это были щи с ветчиной и говядиной. Вот их рецепт: “Возьми .капусты, говядины, ветчины, горсть овсяной крупы, луку. Налей все то водою и вари до тех пор, чтобы нарочито упрело. Потом разболтавши в особливой чашке немного муки с коровьим маслом на той же штенной жижке, опусти во шти и после подбели сметаной”⁴⁶. На столе могли добавлять репчатый лук, сухари, чеснок и т. д. Но, видимо, все рецепты таких щей были предназначены для праздников.

***“Однако ж мы едим
и без мяса хорошо”***

В старом черноземном центре, как и во многих иных регионах, мясо было редким блюдом. В “Деревенском зеркале”, этой своеобразной энциклопедии крестьянской жизни, А.Т. Болотов пишет, что даже в очень богатой крестьянской семье пища была хотя и сытная, но очень простая. “Мясо на столе кроме праздников и пирования у него (то есть богатого мужика, — Л. М.) не бывало. Щи с салом, забеленные сметаной, да каша с маслом — вот и все”⁴⁷. В этой книге А.Т. Болотов описывает своего рода бунт детей крестьянского богача Матвея: “Скотом и другим прочим бог нас одарил, а мясо едим редко!” На предложение детей съедать хотя бы по барану в неделю отец сделал расчет, что только на год нужно 34 барана! А где их взять? Вывод был однозначный: “однако ж мы едим и без мяса хорошо”⁴⁸. Правда, на Севере, в частности в Олонецком крае, богатые крестьяне нередко ели “жареную дичину” и яичницу⁴⁹. Хотя кур здесь недоставало, но была практика специального устройства колод с дуплами для птиц. В итоге крестьяне брали из них и яйца, “и молодых уток”⁵⁰.

⁴¹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 18.

⁴² Экономический магазин. — Ч. XIII. — С. 227.

⁴³ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 115—116.

⁴⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 150 об.

⁴⁵ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 115.

⁴⁶ Там же. — С. 114.

⁴⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 226.

⁴⁸ Там же. — С. 227.

⁴⁹ Архив ФИРИ РАН. — СПб. — Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

⁵⁰ Там же. — Л. 63 об.

Мясная еда в будни чаще всего для основной массы крестьян являлась едой сезонной. В Черноземье “осенью или зимою, убив скотину, едят мясо сплошь, пока ево не станет; после того хлебают пустые щи”⁵¹. В пищу мясо шло обычно спустя 2 дня после битья скотины (говядина и свинина) и ее хранения на льду (баранина и телятина — спустя одни лишь сутки). Зимой убойное мясо лежало не менее пяти суток (а баранина и телятина — не менее 3-х суток)⁵². В летнее время мясо клали, чтоб не испортилось до готовности, в воду, или в уксус, или в пиво, или в кислое молоко. Телятину или молодую свинину, баранину и т. д. варить клали сразу в кипятки⁵³.

В другое время в еду изредка шли мясные соленья. Как правило, мясо берегли до так называемой “свальной работы”. Хорошая хозяйка берегла молоко на “молочные скопы” (то есть творог, масло), которые продавала, а взамен “покупала... мясо, а особливо в те времена, когда была тяжелая работа”⁵⁴. В Краснохолмском у. Тверской губ. “лучший их (крестьян, — Л. М.) стол бывает во время сенокосов и тогда употребляют они по большей части мясо, а особливо ветчину, которую и берегут к тому времени”⁵⁵.

В летнюю пору и осенью варили пустые щи из свежей капусты с одной сметаной, заправив их мукой (ржаной или гречневой). В праздник свежие щи бывали и с мясом. В частности, к таким щам относятся так называемые “ленивые щи”, когда капусту клали, не шинковав, а лишь разрезав кочан на четыре крупных куска (добавляя говядину, свежую муку и сметану).

На тухлое да на горькое нет приправы

Летом, правда, случалось, что хозяйки подавали щи и с тухлинкой, так как в эту пору мясо “вдруг протухает”, “особливо, когда настоит непогодь или гроза”, и “щам противной вкус и вонючий дух производит”. Впрочем, существовали и способы удаления этого запаха и вкуса (“выгорелые древесные угли на 2 минуты в горшок с варящимся протухлым мясом, удалив пену”)⁵⁶.

Перед варкой свежей капусты ее, перебрав, обваривали кипятком (“чтоб еда эта меньше пучила брюхо”). Капусту, пораженную летом медвяной росой, несколько часов мочили в воде, чтоб сошла вся слизь. Горох обычно мочили перед варкой целые сутки, меняя несколько раз воду⁵⁷. Вообще в “мочливое”, т. е. дождливое лето капусту, горох и корни лучшие крестьянские хозяйки варили, заливая холодной водой, и, слив ее, еще раз заливали и кипятили второй раз⁵⁸.

⁵¹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 103.

⁵² Там же. — С. 63.

⁵³ Там же. — С. 125.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 77.

⁵⁶ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 63.

⁵⁷ Там же. — С. 125.

⁵⁸ Там же. — С. 42—43.

Посоля — все съестся

Помимо капусты в XVIII веке засаливали в кадках также редьку, свеклу и хрен; так же как капусту, их шинковали (“шитковали”), клали “довольно соли”, посыпали сеяною ржаной мукой и “квасили” в течение 7 дней в теплой избе⁵⁹. Свеклу не только солили, но и на самом деле квасили, т. е. заливали квасом. Вот один из рецептов: “Очистя свеклу, положить в кадку плотно и налить белым густым квасом, зделанным из одной ржаной муки, и заквасивши сохранять для употребления”⁶⁰. В постные дни крестьяне Тверского уезда ели с квасом не только кислую капусту, но и грибы (грузди и рыжики)⁶¹. Грибы и капусту с квасом ели также в Осташковском у. Тверской губернии⁶². Кислую капусту с квасом ели в Кашинском у. той же губернии⁶³.

Что такое “белый квас” или “кислые шти”?

Поскольку квас очень широко использовался в XVIII в. при приготовлении, в частности, крестьянской пищи, не говоря о том, что был важнейшим и часто единственным напитком и заменял “чай”, мы остановимся на нескольких старинных способах его приготовления.

Белый квас, или “кислые шти” обычно делали так: “Возьми винного аржаного (или яшного, — Л. М.) солода по одной мере; пшеничной, ржаной и грешневой муки по одному четверку (то есть по четверти этой меры — Л. М.). Смешавши все то вместе, облей кипятком и разбивай комья веслом часа 3 или 4”⁶⁴. Потом “разведи горячую водою так, чтоб весло свободно в чану ходить могло. Все оное переложив в спусник (то есть чан с дырой в дне, — Л. М.), наливай горячую водою. Дай стоять час. Спусти сусло в чан и, как простынет и будет теплотою, как парное молоко, положи в сусло хороших свежих дрожжей три столовых ложки и свежей мяты. Закрой чан крепко и, как покажется белая пена, тогда мешай чаще. Не давать много перекусать! Сливай в бочку, положи еще довольно... мяты. Поставь на лед”⁶⁵. В старых рецептах, как мы видим, расчет на приготовление и кваса и иных напитков идет сразу в больших количествах с тем, чтоб хранить в бочках в подполах долгие месяцы, экономя время и сырье.

Еще один интересный рецепт “кислых штей” — “пузырных” — выглядит так.

⁵⁹ Друковцев С.В. Экономический календарь. — С. 94.

⁶⁰ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 5.

⁶¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27.

⁶² Там же. — С. 111.

⁶³ Там же. — С. 41.

⁶⁴ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 46.

⁶⁵ Друковцев С.В. Экономическое наставление. — СПб., 1772. — С. 41—42; См. также. Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 32.

“Кислые шти пузыряныя. Возьми четыре четверика муки (ок. 2 пудов, — Л. М.) ситной (ржаной, — Л. М.); пшеничной, крупчатой (ржаной, — Л. М.) и грешневой — по 5 фунтов (т. е. по 2 кг, — Л. М.), хорошаго ячного солоду четверик (ок. 6,5 кг, — Л. М.). Смешавши все сие вместе, зделай раствор на теплой воде и бей не менее двух часов, чтобы все комья разбились. Потом обвари кипятком и мешай довольно. После того, вливши туда холодной колодезной воды, поставь на льду в котлах, чтобы гуща опала на дно. Потом слей то сусло в особой чан. Заквась хорошими дрожжами и положи 10 фунтов сухой мяты. И, не давая много закисать, слей в бочки, положи в каждую из них по горсти соли. Через 4 дня будут кислые шти готовы к употреблению”⁶⁶.

И худой квас

лучше хорошей воды

Более простой и, видимо, практикуемый чаще в крестьянстве рецепт “кислых штей” состоит в следующем: “...взять 3 части муки ржаной, а четвертую часть солода ржанова смолотова. Положить в кадку. Надобно иметь самую горячую воду и наливать на муку попеременно: ковш кипятку, а потом ковш холодной воды. Так лить, пока в меру разведешь. Вымешав дать устояться и после слить в боченок и положить мяты. Заквасить приговок, подмолодив мукою дрожжи, в погребе, а не на очаге. Мяту же класть лучше с мукою и солодом перед затиранием”⁶⁷.

Наконец, еще проще, чем “белый квас”, была рецептура “красного кваса”. Брались ржаной и яшний солоды вместе, поровну. Смешав их, заваривали кипятком. Потом это выстаивалось один час. Затем, посолив, целый час мешали веслом, “чтоб сусло не промзгло”. Затем массу сусла разводили горячей водой, “чтоб весло свободно в чану ходить могло...” И потом все делали, как в процедуре приготовления “белого” кваса⁶⁸. Впрочем, существовал и очень быстрый способ приготовления “красного” кваса: взять по четверику яшного и ржаного солода, а также 2 четверика ржаной муки. Все смешав, заварить горячей водой. Поместить это в корчаги и поставить в печь, замазав ее устье глиной. Утром, вынув корчаги, выложить содержимое в кадушку и вылить туда ведер шесть кипятку. Добавить квасной гущи и 2 пучка мяты⁶⁹.

Похлебки

и соломата

Из квашеных овощей зимой варили различные похлебки (в мясоед добавляя мясо или сметану). Обильно добавляя в них лук и чеснок, похлебки варили и летом. Так, например, “постные бураки” готовили следующим образом: “Искроши свеклу кружками, а потом длинными кусочками. Варить с ка-

⁶⁶ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 46—47.

⁶⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 34.

⁶⁸ Друковцев С.В. Экономическое наставление. — С. 41—42.

⁶⁹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 32—33.

пустою и луком, поджаренною, обваленною в муке рыбою и по довольно укипении подправить луком с маслом и перцем⁷⁰. А “скоромные бураки” варили иначе: резали свеклу (как и в первом случае) и варили в квасу с говядиною, ветчиною и крупно искрошенным луком, “чтобы то укипело довольно и свекла уварилась”. Потом надо “взять свиного сала и ячных или овсяных круп и в деревянной ступе истолочь так, чтобы крупа разбилась, а сало измякло. И разведя то из тех же бураков отваром, влить в них и забелить сметаню⁷¹”.

В пост — редьки хвост.

Хвощ — деревенский овощ

Из постных похлебок можно упомянуть гороховую похлебку, а также “соломату”, представляющую муку, разваренную на молоке⁷². Постные рыбные похлебки были часто без овощей. Вот одна из них: “Искрошить маленькими кусками тешки и нарезать кружками соленых огурцов. И положи туда соли, муку и перцу, варить в молодом квасу или огуречном разsole с уксусом⁷³”. В ряде мест, особенно в северных лесных районах, были в употреблении и грибные похлебки.

Весною, когда запасы квашеной капусты и других квашений иссякали и появлялась зелень, варили щавелевые “щи”. Была очень “популярна” и сныть (“по причине употребления оной всеми деревенскими жителями в вешнее время на варение щей⁷⁴”). Летом варили и ботвиньи (“ботвинье с луком” ели, например, крестьяне Кашинского у. Тверской губ.)⁷⁵. Щавель заготавливали на зиму в сушеном виде. На различные похлебки впрок сушили также траву лебеды, морковную, свекольную, редьковную ботву “и тому подобные травы, которые употребляются в пищу⁷⁶”. Сушили их весной и летом “в молодом соку”, а не осенью, когда в сушку шла сама свекла, морковь и т. д.

Грибы

Наконец, несколько слов о грибах. “В лесистых странах (то есть районах, — Л. М.) грибы и хлеб, — пишет П.-С. Паллас, — обыкновенная пища скудных крестьян”. Вечно находясь в жестком цейтноте, крестьяне в России “употребляют почти всякие грибы, хотя уже в них и червь завелся. Однако не слышно, чтобы вредны были грибы⁷⁷”, — замечает этот почтенный академик. Но, к сожалению, русский крестьянин частенько травился грибами. Неизвестный нам, но внимательный и въедливый наблюдатель, составивший прекрасное описание Тверской губернии, отметил, что при “неумеренном ядении гри-

⁷⁰ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 5.

⁷¹ Там же. — С. 5—6.

⁷² Деревенское зеркало. — Ч. III. — С. 33.

⁷³ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 90.

⁷⁴ Экономический магазин. — Ч. XII. — С. 31.

⁷⁵ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 41.

⁷⁶ Друковцев С.В. Экономический календарь. — С. 69.

⁷⁷ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — Ч. I. — СПб., 1773. — С. 69—70.

бов” крестьяне часто страдают кровавым поносом (Новоторжский, Ржевский, Осташковский и др. уезды)⁷⁸. Больше того, в ряде уездов “страждут многие падучею (болезнью, — Л. М.), по замечанию здешних медиков, от многого ядения грибов приключаящегося” (Ржевский, а также Корчевский, Весьегонский, Новоторжский уезды)⁷⁹. Хотя неизвестный нам наблюдатель 80-х годов XVIII в. старался подчеркнуть, что тверские крестьяне питались “хорошо и сытно”, “сытно и много”⁸⁰, однако, видимо, не от хорошей жизни в постные дни они переедали грибов (это тяжелая и малокалорийная пища).

Как пирог с грибами — Важнейшей пищей были грибы на русском Севере. Так, в Олонецком наместничестве так все с руками

пища крестьян состояла: “в хлебе, в масле и в молоке; большею же частию — в рыбе, репе и грибах, которые во всей губернии употребляют в великом количестве, заменяя ими огородные овощи”, а бедные — нередко и самый хлеб”⁸¹. Соленые грибы были обычной пищей бедных крестьян в будние дни⁸².

Среди грибов, употребляемых в пищу, П.-С. Паллас отметил следующие: “гриб” (видимо, белый гриб, — Л. М.), валуй, груздь, рыжик, волжанка, скрипица, опенки, “которых много сушат”, масленик, березовик, боровик и сморчок⁸³. “Из всех больше примечания достоин... гриб осиновик, которой имеет совершенный вид масленика, только гораздо больше и суше”. При разломе он с нижней стороны шляпки буреет и синеет, а через несколько минут голубеет, “а на последок преизрядным лазоревым цветом” окрашивается⁸⁴. По нашим понятиям, это типичный “польский гриб”. Грибы, — пишет академик, — “крестьяне едят соленые или вареные с конопляным маслом или печеные на углях”⁸⁵.

Русские каши

Важной составной частью пищи русских крестьян были каши. Их варили регулярно из “грешневых, полбенных, ржаных или овсяных, также и просяных круп”⁸⁶. Как правило, это были крутые каши, сваренные на воде.

Гречневая каша — матушка наша

Особого вкуса гречневая каша готовилась способом, напоминающим современную ее обработку на пару: “Насыпь полгоршка перемытых грешневых круп. Остаток (объема горшка, — Л. М.) дополни водою и, брося

⁷⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 159, 121, 109.

⁷⁹ Там же. — С. 121; См. также: С. 58, 85, 159.

⁸⁰ Там же. — С. 59, 144.

⁸¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

⁸² Там же.

⁸³ Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — Ч. I. — С. 69—70.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 140.

туда, смотря по количеству, соли, перемешай и поставь в устье печи. Когда же истопится печь и каша сгуститься, то горшок, опрокинувши вверх дном, поставь в самую печь и заслони заслонкой⁸⁷. У крестьян также была популярна и “кашица жидкая, размазня” (и не только гречневая!). Ее “в пост конопляным или маковым, а в скоромные дни — коровьим маслом приправляют”⁸⁸. В районах Черноземья стало появляться и так называемое “сорочинское пшено” (т. е. рис). Основное его качество — очень сытная еда. “Одним фунтом (риса, — Л. М.) могут восемь человек до сыта наестся”. Для этого фунт крупы заливают 8 фунтами воды. По разбухании добавляют еще воды и варят на малом огне часа четыре или больше. Крестьянству господа даже рекомендовали рис в пищу в голодное время (!), подчеркивая выгодность такого питания, когда не хватало ржи и ржаной муки⁸⁹. А.Т. Болотовым даже был сделан интересный расчет: в дороговизну фунт “пшена” стоил 20 коп. (речь идет о конце 90-х годов века). На 8 чел. в месяц нужно было 12 руб., так как в течение 30 дней предполагалось двухразовое питание. Это заменяло 2 четверти ржи, то есть 16 пудов (в дорогое время четверть стоила до 8 руб. Итого — 16 руб. в месяц). Итак, на человека в месяц шло всего 7,5 фунтов “пшена”, то есть по 0,25 фунта в день. А.Т. Болотов считал это количество риса эквивалентным потреблению 1,6 кг хлеба в день на одного человека (речь идет о голодном питании!)⁹⁰.

Овсяная каша хвалилась, будто с коровьим маслом родилась В нечерноземных районах было очень мало гречи и не было ни проса, ни “сорочинского пшена”. Основными блюдами были здесь яшная и овсяная каши. Прежде всего эти каши были единственными в Олонецком наместничестве. Причем регулярно они были на столе у богатых крестьян (а “бедные в праздничные только дни варят щи с мясом и с крупами, и едят молоко и овсяную кашу. А в прочие (дни, — Л. М.) употребляют в пищу рыбные щи, рыбу, грибы, соленные и сушеные ягоды, редьки, тесто... и рыбники”)⁹¹. В описании Тверского, Кашинского, Осташковского уездов Тверской губернии в пище крестьян отмечены “овсяная или яшная каша с маслом”, “крутая каша с маслом” отмечена по Корчевскому у., “кашицы с разными крупами” — по Новоторжскому у., “овсяная кашица” — по Краснохолмскому у. и т. д.⁹² В роли каши иногда выступает так называемая “обалиха”, которую варили из житной и гречневой муки (Краснохолмский у.)⁹³. По постным дням в Новоторжском у. Тверской губернии ели специально приготавливаемое сложеное тесто или “кулагу”⁹⁴. Повсеместно варили горох. В той

⁸⁷ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 43—44.

⁸⁸ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 140.

⁸⁹ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 76.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

⁹² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27, 41, 111, 59, 160, 77.

⁹³ Там же. — С. 77.

⁹⁴ Там же. — С. 110.

же Олонецкой губернии бедные крестьяне готовили некие интересные блюда. Это “тесто, делаемое из ржаной муки, гороховую и репную шейницу”⁹⁵.

Репа брюху не крепа

В постные дни в пище крестьян огромную роль играли овощи (“огородные овощи употребляют сырые, пареные и вареные”)⁹⁶. На первом месте здесь была пареная репа, популярность которой была огромна: и вкусна, и спеет за два месяца⁹⁷. На Севере — это важнейший продукт, ибо большая часть пищи состояла “в рыбе, репе и грибах”⁹⁸. Как видели, крестьяне засевали репой огромные площади земли в полях, при усадьбах и на новинах. Часто и много ели редьку, нарезанную кружками с конопляным маслом и луком⁹⁹. В Весьегонском и Вышневолоцком уездах Тверской губ. крестьяне ели “особенное кушанье, называемое гущею. Она состоит из толченого начисто ячменя, бобов и гороху, вместе смешанных, которые варят в печи, прибавляя несколько конопляного соку, а когда уварится, то кладут в оное масло или мед. И так едят”¹⁰⁰.

Поешь рыбки — будут ноги прытки

В средней полосе, там, где были крупные реки и озера, в прибрежных селениях основой питания была рыба. Ярким примером может служить Осташковский у. Тверской губ. с озером Селигер. О пище крестьян уезда в описании сказано, что она “во всякое время состоит в рыбе; мяса же употребляют мало и в большие праздники и на сенокосах”¹⁰¹. В Осташковском у. рыбная ловля была высокоорганизованным промыслом, рыбу умели ловить, да так, что каждый вид ее ловили отдельно. На каждый сорт рыбы было свое орудие лова. “Крупную рыбу ловят летом тереготами, а по зимам — балаутами; снетки летом — чмутами, а зимою — ставками; мережами — щук и плотиц; норотами — язей; рядухами — судаков и лещей; оборами — окуней, плотиц и язей” и т. д.¹⁰² Живая крупная рыба: судаки и лещи от 6 вершков и более (около 30 см и более) — стоила 5 руб. сотня, щуки и язи — 2 руб. сотня, плотва — 12 коп. сотня. Соленая рыба стоила дешевле. Например, 5-ведерная бочка судаков и щук — 1,5 руб., такая же бочка язей, плотиц и окуней — 80 коп. Вяленые щуки и язи стоили 1 фунт — 5 коп. Сушеные снетки осенние — четверик 50 коп., весенние — четверик 30 коп. и т. п.¹⁰³ Конечно, дорогая рыба не для крестьян. Чаще употребляли сушеную рыбу. В Вышневолоцком у. крестьяне “по постным дням

⁹⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60.

⁹⁶ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 51.

⁹⁷ Там же. — С. 27, 77, 41, 161.

⁹⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. С. 60.

⁹⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27, 41.

¹⁰⁰ Там же. — С. 86; См. также: С. 98.

¹⁰¹ Там же. — С. 111.

¹⁰² ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 230 об.

¹⁰³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 109.

употребляют рыбу, которую на зиму заготавливают сухой¹⁰⁴. В Ржевском у. по постным дням едят соленую и сухую рыбу¹⁰⁵.

На р. Оке “бедные люди, которые единственно для собственной себе пищи достают рыбу, ловят удами и бреднями, некоторые ставят помцы” (сейчас это приспособление называется намет или наметка)¹⁰⁶. “Настоящие рыбные промышленники ловят рыбу самоловами или переметами, волокушами и заколами и ловля продолжается ночью”¹⁰⁷. Еще более развита такая ловля на р. Волге. В одной лишь Астрахани ежегодно в конце XVIII — начале XIX в. вылавливалось свыше 60 тыс. тонн белуг, осетров, севрюг, сомов, сазанов и судаков¹⁰⁸.

В северных регионах страны (Архангельская, Вологодская, Петербургская и другие губернии) рыба была также очень существенной частью питания. В частности, для Вологодской губернии наблюдатель отмечает, что рыба — “главная и важная часть народного продовольствия”¹⁰⁹. За нехваткой своей рыбы в губернию подвозят (в основном зимой) мерзлую, сушеную и копченую рыбу. Из Белоозера — мерзлого судака и корюшку, из Сибири и Нижней Волги — мерзлую нельму, белугу, осетра, стерлядь и даже омуля. Из Архангельска — треску и сельдь. Из Онеги и Архангельска — семгу. При этом автор добавляет, что завезенные в губернию рыбы “получаются всегда более или менее попортившиеся”¹¹⁰. Рыба шла в пищу, как правило, в ухе или жареная; подавалась на стол вяленая рыба¹¹¹.

Кисели и взвары. Лечебные ягоды

На Севере, в Олонецком наместничестве, сушеные ягоды постоянно входили в пищевой рацион бедных крестьян¹¹². Поэтому многие женщины, а особенно молодые, сосредоточивались на сборе ягод и грибов¹¹³.

Существенным моментом питания крестьян были кисели и взвары. На взвары шла сушеная черника, сушеная малина, слива и яблоки. Из малины также делали так называемый малиновый уксус и употребляли его как лечебное средство, давая “больным почти во всех болезнях”¹¹⁴ (иногда его заменял черносмородиновый сок). Ягоды в обыденном питании не играли существенной роли. Они были в основном лечебным средством. Это, во-пер-

¹⁰⁴ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 98.

¹⁰⁵ Там же. — С. 122.

¹⁰⁶ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768—1769. — СПб., 1771. — Т. III. — С. 54.

¹⁰⁷ Там же. — С. 56—57.

¹⁰⁸ Лохтин. Краткое топографическое и статистическое описание Астраханской губернии // Технологический журнал. — Т. III. — Ч. 4. — СПб., 1806. — С. 34. Подсчет наш, — Л.М.

¹⁰⁹ Фриз Яков. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии // Технологический журнал. — Т. III. — Ч. I. — СПб., 1806. — С. 24.

¹¹⁰ Там же. — С. 24—25.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

¹¹³ Там же. — Л. 55.

¹¹⁴ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 27.

вых, калина вареная (особенно от золотухи). Впрок ее заготавливали веточками. Среди лечебных ягод видное место занимала морошка (куманиха). Поморы, например, брали ее с собой на тюлений и моржовый промысел как средство от цинги¹¹⁵. “Здоровым пойлом” считалась куманиха, залитая водой, как говорили, она “освежала кровь”¹¹⁶. На хранение впрок шли также брусника и рябина, которые заливали водой и варили из них кисели. В южных районах основой для взваров были сушеные яблоки, груши, дули и сливы. Поскольку клюква считалась “самой здоровой” из всех ягод (к тому же она “лежит очень прочно свежей”)¹¹⁷, для заготовки ее отбирали наиболее крупные ягоды и заливали их клюквенным же соком (его делали из остальных ягод, помещая их в горячую печь, где они лопались; затем их толкли и давили сок). Клюквенные кисели были широко распространенным блюдом.

Киселем брюхо не испортить

Кисели делали даже из ржаных отрубей (варили их в молоке), но чаще — из овсяной крупы¹¹⁸. В Олонецкой губернии в большом ходу были “кисель овсяной и ржаной с молоком”¹¹⁹. Крестьянские жены готовили и болтушку из толокна и теплой воды. Крестьяне освежались и подкреплялись этим питьем во время длительной и тяжелой работы. От простуд пили и ели замешанную на кислом молоке (простокваше) гречневую муку¹²⁰. В жару пили молочную сыворотку, воду и квас¹²¹. Те, кто победнее, пили простой “красной квас”, иногда даже прокисший (“окислый”) или смешанный с квасною гущей (что считалось вредным для желудка); пили и разведенный уксус. В Нечерноземье, в частности в Тверской губернии, пили лишь квас и воду¹²². В Олонецкой губернии был распространен квас из репы (“урожай репы во всей губернии весьма обилен; из нее приготавливают не токмо кушанье, но и квас, которой служит вместо обыкновенного питья жителям сего края”)¹²³.

Что пожешь, то и поживешь

Такова в общих чертах крестьянская будничная пища, которая была в употреблении на огромной территории великорусских земель. В подтверждение приведем ряд целостных характеристик крестьянского питания. Так, в Холмогорском уезде Архангельской губ. в питании были “в молочные дни обыкновенные щи со сметаню, а иногда и с мясом, в постные —

¹¹⁵ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 86.

¹¹⁶ Там же. — С. 90.

¹¹⁷ Там же. — С. 84—85.

¹¹⁸ Экономический магазин. — Ч. XV. — 1783. — С. 8—9.

¹¹⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

¹²⁰ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 12. Между прочим, в наши дни эта смесь практикуется как средство для понижения сахара в крови при легких формах диабета.

¹²¹ Там же. — Ч. II. — С. 126—127.

¹²² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27, 41.

¹²³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 36.

рыба, репа, капуста, ягоды и грибы”¹²⁴. В Шенкурском у. той же губернии ели горох, толокно, капусту, репу, редьку, грибы, ягоды, также временами и рыбу¹²⁵. В Архангельском уезде в пищу крестьян входило молоко, репа, редька, капуста и ягоды... а также “обыкновенная рыба”, особенно при уловах зимой — навага и сельдь¹²⁶. В Онежском уезде — ржаной и ячменный хлеб (как, впрочем, и в других уездах губернии), молоко, щи со сметаной, а иногда “особливо прожиточные крестьяне варят щи и с говядиною, но в большем у всех употреблении — рыба”¹²⁷. Приготавливают здесь и разные сорта каши; едят также редьку, репу, грибы и ягоды.

В Олонецкой губернии пища крестьян состоит: “в хлебе, в масле и в молоке; большею же частию в рыбе, репе и грибах, которые во всей губернии употребляют в великом количестве, заменяя ими огородные овощи, а бедные нередко и самый хлеб”¹²⁸. В Ярославской губернии в пищу крестьяне употребляют “чистой хлеб, вареные овощи и молоко. Мясо не каждый день употребляют”¹²⁹.

В Старицком уезде Тверской губернии “всегдашнее, не переменяющееся их кушанье: щи, молоко, овсяные блины, яшная каша, горох, лук и грибы”¹³⁰. В Кашинском у. той же губернии пища крестьян “состоит в чистом ржаном хлебе, молоке, щах со сметаной, а иногда и с мясом, в овсяной или яшной каше с маслом; пекутся также на завтрак яшные и овсяные блины, лепешки из ржаной муки, так называемые мягкие, и пироги с грешневой кашей, творогом, капустою и морковью. В летние дни варят овсяную или яшную кашницу, шти с конопляным соком и горох; едят пареную репу, толокно, ботвинье с луком, кислую капусту с квасом и редьку с конопляным маслом, грузди и рыжики с квасом”¹³¹. И так изо дня в день, из года в год при тяжелой крестьянской работе. Та же суровость пищи крестьян подчеркнута наблюдателями для Пензенской губ. (Саранский у.) и Нижегородской губ. (Арзамасский у.)¹³².

А.Т. Болотов, хорошо понимая однообразие крестьянской пищи, пытался рядом простейших советов в созданном им руководстве для крестьянской жизни (“Деревенском зеркале”) улучшить ее качество (“для перемены естве и приправы оных надо садить лук, чеснок, горох, бобы простые и турецкие, сеять петрушку, пусторнак, кервель, брюкву земляную и сверхземляную и разныя капусты”)¹³³. “Петрушка и пусторнак делают великий вкус”, — убеждал А.Т. Боло-

¹²⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62 об.

¹²⁵ Там же. — Л. 80.

¹²⁶ Там же. — Л. 37.

¹²⁷ Там же. — Л. 150 об. — 151.

¹²⁸ Там же. — № 518. Л. 60.

¹²⁹ ГИМ. ОПИ. Ф. 96 (63507). № 1035. Л. 5.

¹³⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 144.

¹³¹ Там же. — С. 27, 41.

¹³² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 15 об.; № 516. Л. 18 об.—19.

¹³³ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 66.

тов, замечая при этом, что реальностью это может стать лишь тогда, когда “в навозе не будет недостатка”¹³⁴. А эта проблема оставалась нерешенной.

Праздничная пища

В праздничные дни крестьян-тружеников на столах ждали иные “ествы”. Это, во-первых, мясные щи¹³⁵ или похлебки (например, “варить баранину с луком, морковью или репой; и после подправить подпалкой”)¹³⁶. Это — жареное мясо, студень, птица (разумеется, у состоятельных крестьян)¹³⁷. Это различного рода селянки (вот пример рецепта одной из них: “Взявши кислой белой капусты, мелко искрошенного луку, коровьего масла, уксусу, перцу, нарезаной мелкими кусочками ветчины, положи все то на сковороду и поджарь нарочито”. Можно добавить крошева свежих огурцов и лука)¹³⁸. Это, наконец, ячницы простые, с ветчиной и так называемые “драчены” (вот один из рецептов: “Разбить в чашку несколько яиц и, сбивши их, прибавить туда молоко и масло и опять сбивать, подбавляя понемногу пшеничной или крупчатой (ржаной, — Л. М.) муки до тех пор, покамест зделается наподобие блинного теста. После чего, немного осоля, поставить в печь в вольной дух”)¹³⁹. В праздники крестьянки каши варили на молоке¹⁴⁰, готовили также сырники и т. д.¹⁴¹

Напекла, наварила — Главная же праздничная еда — разное **хоть отца с матерью жени** печение.

Это, во-первых, пироги. Кулебяки большие с целыми рыбами, с кашею, с яйцами¹⁴². В Олонецком наместничестве богатые крестьяне ели “колюбаки” из ржаной муки и начиненные мясом, “колюбаки грешневые и яшневые”, “калитки” и “наливки”, “делаемые с кашею же и с сыром в концах”, “пряженные (жареные, — Л. М.) пирожки и косовики, начиненные яйцами, сыром и яшною кашею”¹⁴³. В праздник пекли пироги подовые с огородными кореньями, с луком, капустою, с рыбой, с говядиною, изрубленною мелко и т. д.¹⁴⁴ У богатых крестьян пироги, а также блины, оладьи из ржаной, пшеничной, гречневой и овсяной муки бывали не только в праздники, но и в будни, так же как сдобные белые калачи,

¹³⁴ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 66.

¹³⁵ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 37, 150 об.—151.

¹³⁶ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 89. Подпалка — отвар муки с маслом на воде.

¹³⁷ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 18. Жареное мясо крестьянская семья ела, беря его руками с деревянных больших тарелок или плоских.

¹³⁸ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 102.

¹³⁹ Там же. — С. 34.

¹⁴⁰ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 140.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Архив ФИРИ РАН. (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 60 об.

¹⁴⁴ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 140.

сайки, баранки (из “крупичатой”, т. е. лучшей, самой “белой” ржаной муки)¹⁴⁵. О крестьянской еде в праздники А.Т. Болотов писал: “Как то известно мне, что в некоторых уездах в большие праздники кроме мясных щей, едят сметану с пшеничными колачами, яшницу с ветчиною, блины, пряженцы, алады, пироги”¹⁴⁶, ватрушки, лепешки и т. д.¹⁴⁷

На закуску в праздники были пряники, лесные орехи, “сушеной садовой овощ” (т. е. фрукты), “постелы из огородных, полевых, лесных и болотных ягод”, сами ягоды с молоком, со сливками, с патокою¹⁴⁸.

Мужик с медом и лапоть съел

Патокой в XVIII в. назывался перепускной мед или мед, отделенный от сот либо “варкой” его с водой, либо пропусканьем сквозь “сита умеренной теплоты”. Остаток не пропущенного сквозь сито меда с сотами выжимался сквозь толстый и нагретый сильно в горячей воде мешок. Такой мед назывался сырец, так как до конца он от воска не очищался. А мед, затвердевший в сотах, назывался крупичатым. Мед от молодого, этого года, роя пчел назывался еще и ярым. По мере отстаивания и очищения любого меда лучший его слой — верхний — назывался стеклянным медом¹⁴⁹.

Почти весь мед крестьяне, как правило, продавали. На продажу шел главным образом мед-сырец. Он был не лучшего качества, так как “весьма многие люди, а особливо мужички, перепускают мед на продажу единым выжиманием онаго в мешках, в которые кладут они его весь перемешавши и без всякого разбора, хотя мед и сам собою перечищается (от мусора, — Л. М.) и по прошествии 8 или 14 дней вся нечистота наверх поднимается”. Если мед перепускают горячим, нагревая его в печах, то этим “отнимают у меда хороший колер, вкус и наилучшую силу”¹⁵⁰.

Хорошо бы есть получше, да негде взять

Праздничные “яствы” были довольно редким явлением крестьянской жизни, и в будние дни они были лишь желанной мечтой. Помимо личных, семейных празднеств, крестьяне отмечали большие церковные праздники и храмовые праздники своего погоста. Большие церковные праздники отмечают визитом в церковь к обедне, после чего следует домашний праздничный обед. “В праздники после обеда выходят на улицы, и тамо старики, в кружках стоя или сидя, разговаривают, а молодые забавляются разными играми и песнями”¹⁵¹. “К храмовому же празднику приуго-

¹⁴⁵ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 140.

¹⁴⁶ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 120.

¹⁴⁷ Там же. — С. 18.

¹⁴⁸ Георги И.Г. Описание...народов. — Ч. IV. — С. 140.

¹⁴⁹ Экономический магазин. — Ч. XV. — С. 148—149.

¹⁵⁰ Там же. — С. 262—263.

¹⁵¹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 52. (Калязинский у.).

товляются заранее, варят пива и зовут сродников и приятелей, которые обыкновенно съезжаются в самый день праздника к вечеру. Гости привозят с собой пироги. Пиршество начинается с того времени, когда священник отпоеет у хозяина в доме молебен. Пируют по два и по три дни, препровождая время в питье, в непрестанной почти еде, пении песен и плясок¹⁵². Так характеризует наблюдатель обычный праздник крестьян Тверской губернии: “Работающий до пота крестьянин и семья его задолго наперед радуется таким праздникам и ожидает с нетерпеливостью лучших еств, соделывающих им отменное удовольствие”¹⁵³. В этих-то условиях резко контрастирующей будничной и праздничной еды и сложился у русских крестьян довольно печальный обычай переседать на праздники.

***Ест — что бельма
на лоб лезут***

Современник, весьма трезвый наблюдатель, пишет по этому поводу: “Такие ествицы в годовые праздники, в масленицу, на свадьбах и на крестинах первые и лутчие в деревнях. Потчуют у нас гостей едою до того, што глаза остолбенеют, язык не ворочается и словечка не добьешься”¹⁵⁴. “Недостаток в мясной пище делает крестьян до нее алчными, так что они на пирушках, на приклад, на свадьбах и на крестинах обжираются, а чрез то получают болезни...”¹⁵⁵ “Все наши мужички и женки едят охочо, да после сильно и хворают... протянувшись пластом, а иногда, скорчась в дугу, лежат на скамье денька по два, а иногда от могучей боли в животе на брюхе ужом вертаться”¹⁵⁶. Таковы иногда случающиеся печальные следствия этого контраста, в основе которого лежат недостаточная продуктивность сельского хозяйства, сверхтяжкий труд и крепостной гнет.

***Скляница вина
да полтора блина,
так и будет с меня***

В праздники были и напитки праздничные: пиво, брага, мед сыченый, квасы медовые и вино. “Российский народ, — пишет И. Георги, — обыкновенно ежедневно ест по три раза, но большая часть два раза. В Малой России же случается, что по пяти раз в день едят. Чему причиною обилие во всем съестном... Все семейство или артель (общество) ест вместе, а где много семейства, там прежде мужчины (что очень редко случается), а после женщины”¹⁵⁷. В черноземных районах, например в Тверской губ., “в первое место за стол садится старшей из семьи. Первейшая из семьи бывает обыкновенно стряпущей: она никогда за стол не садится, но подает из печи кушанье на стол, а

¹⁵² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 145. (Старицкий у.).

¹⁵³ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 120.

¹⁵⁴ Там же. — С. 20.

¹⁵⁵ Там же. — С. 108.

¹⁵⁶ Там же. — С. 20.

¹⁵⁷ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 181—182.

обедает сама после. Едят прежде всего горячее”¹⁵⁸. (В некоторых местах стряпушую называют “большухой”¹⁵⁹.) “Любят сидеть за кушаньем долго и не торопятся есть. У самого низкого состояния стол всегда почти накрыт скатертью и посуда столовая очень чиста. Когда случаются за столом посторонние, то и любят подпить изрядно. Причем надлежащая пристойность к женскому полу не бывает забыта, как бы ни шумна была компания от горячих напитков. Подпившие же не только не сварливы или обидчивы, но напротив тем паче благоприветливы, дружелюбны, гостеприимны, вежливы бывают... Всякий не оставляет охмелевшего слишком, но охотно провожает его, поддерживает, охраняет от падения и сбережет ему принадлежащее в целости”¹⁶⁰. Таковы были, видимо, в XVIII веке типичные крестьянские праздники и веселья.

Как уже говорилось, крестьяне чаще пили напитки домашнего производства. В праздники — сыченый мед (медовуху), брагу и пиво, реже — вино.

Как делали домашнее пиво

Вот один из тогдашних рецептов домашнего пива: “Возьми самого хорошего ячменю две с половиною четверти (ок. 20 пудов, — Л. М.); вывей оной чисто, обрости исподволь в солод (то есть дай прорасти этому зерну, — Л. М.), чтобы не перегорел (то есть не допусти самовозгорания прорастающего зерна, — Л. М.) и высуша вывей и смели. Смолотой солод, положи в чан, налей теплою водою так, чтобы весло свободно могло ходить в чане. Держи оное полусуток. Потом, переложив в спустник, наливай кипятком. Между тем, взявши десять фунтов (ок. 4 кг, — Л. М.) хорошего хмелю, налей горячею водою и держи полусуток (отдельно, — Л. М.). Сусло спустя (из спустника, — Л. М.), вылей в котел и вари с хмелем до тех пор, покамест весь хмель потонет. Потом, выливши в чан, мешай как можно чаще; и, как простынет, то заделай “приголовок” следующим образом: отнявши (из чана, — Л. М.) ушат сусла, простуди, чтобы оно было, как парное молоко; положи полкружки хороших дрожжей. И как скоро закиснет, то, положи сей приголовок в сусло, покрой крепко. Потом, когда станет подниматься хмель в верх, то каждые полчаса (надо, — Л. М.) мешать веслом; и продолжать оное до суток (!). Потом весь хмель решетом сними, не выжимая из него (из пива, — Л. М.) дрожжей; и как пиво простынет, и дрожжи падут на низ, то сливай в бочки как можно чище. Потом в каждую бочку положи по одному фунту сырого хмеля, по одной кружке отъемного вина и по три фунта белой патоки (то есть меда, — Л. М.). Закупоря бочку, замажь глиною и поставь на лед”¹⁶¹. Теперь пиво должно выстоять, ибо незрелое пиво приводило к болезням.

¹⁵⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 27. (Тверской у.).

¹⁵⁹ Там же. — С. 87.

¹⁶⁰ Георги И.Г. Описание... народов. — Ч. IV. — С. 181—182.

¹⁶¹ Осипов Н.О. Старинная русская хозяйка... — С. 90. Конечно, крестьяне варили пиво более простым способом, но основа рецепта была одна и та же.

**Гулять гуляй,
да не загуливайся**

Вино крестьян — это хлебная водка. В домашних условиях ее практически не делали. Это товар покупной, хотя производство его нехитрое. На винный солод шло зерно ржи, овса (конечно, было и жутьничество — на солод шла и мякина). Смолот мелко соложеное зерно, помещали все это в чан и заливали горячей водой. Когда сусло было готово, его спускали в другой чан и трижды промывали горячей водой. Затем, собрав все в чан, клали туда дрожжи из расчета на каждую четверть солода по ведру дрожжей. Затем чан плотно закрывали, “чтоб дух не выходил”. Квасили, пока пена пучилась. А когда пена “начнет упадать” — тотчас разливают в медные кубы и подвергают содержимое двойной перегонке (то есть путем испарений, которые в специально охлаждаемых трубах оседают каплями и текут в емкость, после чего эту жидкость снова помещают в куб и гонят снова). В итоге получалось так называемое двойное вино¹⁶².

**Алкоголизм
в XVIII веке**

В XVIII в. наряду с государством с его откупщиками, “черкаскими обывателями”, имели право винокурения и помещики. Особенно интенсивно развилось винокурение во второй половине века. “Безчисленное множество корыстолюбивых дворян как богатых, самых знатных, а в том числе и самых средних... давно уже грызли зубы и губы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли... Повсюду началось копанье и запруживание прудов, повсюду рубка (лесов, — Л. М.) и воздвигание огромных винных заводов, повсюду кование медных и железных котлов с приборами; и медники едва успевали наделывать столько труб и казанов, сколько требовалось их во все места... и сколько ни было в рядах (то есть на базарах, — Л. М.) запасной меди, вся она обращена была в котлы и казаны, и как цена оной возвысилась вдвое против прежнего, то принялись мастера и за переплавливание самой медной монеты... Вдруг во всем государстве медная монета почти вся пропала...”¹⁶³ Сдавая государству небольшое количество вина, владельцы заводов огромную часть его продавали по дешевке и буквально наводнили русскую деревню (главным образом Центр России) водкой, торгуя в передвижных точках — так называемых “выставках”. А.Т. Болотов с гневом и болью писал о “плачевном и великом влиянии, какое имела повсеместная и дешевая продажа вина на нравственное состояние всего нашего подлаго народа, особливо деревенских жителей. Все они, прельщаясь дешевизною вина, и имея всегдашний повод к покупке онаго, по обстоятельству, что оное везде и везде продавалось, и не только за деньги, но и в долг, и под заклад платья, скотины и других вещей, вдалились в

¹⁶² Друковцев С.В. Экономическое наставление... — С. 31—32.

¹⁶³ Болотов А.Т. Современник или записки для потомства. Сообщил И.В. Губерт. — СПб., 1891. — С. 21, 30.

непомерное пьянство и не только пропивали на вине все свои деньги, но нередко весь хлеб и скотину и чрез то не только вконец разорялись, но повреждалось и нравственное их состояние до бесконечности. Они делались из постоянных и добрых людей негодяями и пропойцами, и из добрых хозяев мотами и расточителями, из прилежных и трудолюбивых поселян — ленивцами и тунеядцами, и из честных и праводушных — плутами, ворами и бездельниками...”¹⁶⁴

Разумеется, в памфлете А.Т. Болотова против екатерининской политики, написанном *post factum*, дана концентрированная суть произошедшего. Пьянство и алкоголизм стали злом, весьма заметным, но отнюдь еще не массовым. Основная часть крестьянства сохранила более или менее твердые устои и осуждала это зло. В нравственно-поучительных сценках народной жизни “Деревенского зеркала или общенародной книги”, в частности, дается отповедь деревенскому пьянице: “...с тех пор, как стал ты чрез меру подпивать, ошалел... ты видишь сам, как дела твои идут наоборот. Выборной и наказчик от дверей твоих почти не отходят. Ты делаешь всему селу позор, стыд, и ребята, увидя тебя издали, дразнят, балагурят, бегают за тобою и кричат со всех сторон: пьяница! чихирник!...”¹⁶⁵ Ясно, что в данной ситуации пьяница в XVIII в. — явление еще сравнительно редкое, хотя и опасное, так как злоупотребление водкой иногда охватывало целые села: “...находятся тому плачевные примеры по некоторым деревням, где водится такое закоренелое обыкновение, что при сельских забавах и плясках парни подносят девкам стаканами горелку и считают себе обиду, если оне не выпьют, понужая их опорожнить насильно. В таких деревнях не видно почти ни одново румянова и свежева лица; все бабы и взрослые девки бледны и желты, как мертвецы...”¹⁶⁶ О таких и подобных им селах знали за много верст вокруг и знали в подробностях, что “...в том селе водится дурной еще обычай, что при свадьбах сват и дружки, а при крестинах — кумовья, которых часто бывает по дюжине, бражничают, куликают и гостей поят до повала”¹⁶⁷.

Спившиеся люди и тогда, в далеком прошлом, представляли собой отталкивающее зрелище. “Смотреть страшно и гадко на то, — пишет А.Т. Болотов, — когда такой скаред во зло употребленной дар, (а водку А.Т. Болотов считал отличным лекарством в мизерных дозах — Л. М.) с насилием опять из себя извергает. Как он там лежит безумнее быка и осла; и как даже глупые ребята им мерзят и над ним балагурят... Водка у такого невоздержанного пьяницы в брюхе зажигается и из горла выбрасывает такое полымя, что ужас кожу подирает”¹⁶⁸.

Что касается основной массы крестьян, то благонравные пирушки и праздничные застолья проходили и весело, и мирно. В Новоторжском у. Тверской губернии “праздничают крестьяне о Святой недели, об Рождестве и к обоим

¹⁶⁴ Болотов А.Т. Современник или записки для потомства. Сообщил И.В. Губерт. — СПб., 1891. — С. 30—31.

¹⁶⁵ Деревенское зеркало. — Ч. II. — С. 135.

¹⁶⁶ Там же. — С. 135—137.

¹⁶⁷ Там же. — С. 137.

¹⁶⁸ Там же. — С. 138—139.

праздникам пиво варят”¹⁶⁹. В Архангельской губернии, как отмечал наблюдатель, крестьяне в праздники “варят пиво и делают браги, взаимно друг к другу ходят”¹⁷⁰. В мемуарах А.Т. Болотова есть беглое наблюдение о крестьянском празднике, который был в сентябре месяце в селе Ивановском близ г. Данкова (Болотов ехал в свое тамбовское имение из Богородска). Он отметил, что на годовом празднике хозяин потчевал гостей лишь брагой и пирогами¹⁷¹. Въедливый автор топографического описания Тверской губернии выяснял у тамошних медиков обо всем, чем страждут тверские крестьяне. И он обнаружил и горячки, и лихорадки, и кашель, и кровавые поносы, и падучую болезнь от “многого ядения грибов”. В Вышневолоцком уезде отметил даже случай “французской” (как тогда говорили) болезни, но нигде не нашел неумеренного пьянства¹⁷². Только лишь о Кашинском уезде есть сдержанное замечание: “к пьянству не все склонны”¹⁷³. Конечно, надо иметь в виду, что у тракта Москва — Петербург пьянство-таки имело место (и об этом замечает У. Кокс). В “Деревенском зеркале” А.Т. Болотов воссоздает типичное узкосемейное праздничное застолье. “В самую масленицу жена одного дома, затопив печь, напекла по обыкновению блинов, оладьев, пряженцев и всяких пирогов и, позвав с надворья мужа и двоих взрослых (сыновей, — Л. М.) на завтрак, поднесла каждому по доброй чаре вина и, выпив сама, начала утирать (то есть уплетать, — Л. М.) с ними горячее и масляное печение. Потом выпили по другой; а после и по третьей и наевшись так отяжелели... [что] легли спать...”¹⁷⁴

Итак, краткий обзор материалов по крестьянской пище лишь подтверждает главную и уже высказанную мысль о том, что в условиях суровой природы с коротким земледельческим сезоном работ весь быт, весь уклад жизни великорусского населения Европейской России носил четко выраженный “мобилизационно-кризисный” характер. Такой быт заставлял выбирать и крайне рациональный тип питания. Прежде всего это обилие хлебопекарных изделий, заготавливаемых сразу на большой срок, преобладание в пище не скоропортящихся продуктов поварского мастерства (щи, каша, квас), обилие солений (солонина мясная, “коренные” сорта рыбы, то есть “крутого” соления, сушеная, вяленая рыба и т. п.), наконец, большая роль “даров природы” (лесные ягоды, грибы и т. п.). Существенную роль играли и огородные заготовки и заготовки диких поваренных трав (серая листовая капуста, репа, редька, ботвиньи свежие и квашенные, щавель, сныть и т. д.). В целом рацион пищи был весьма однообразен, хотя в итоге способствовал поддержанию сил и здоровья населения.

Конечно, сравнительно небольшой слой зажиточного крестьянства имел более разнообразную пищу, но и она всегда была далека от изысканности.

¹⁶⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 161.

¹⁷⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 497. Л. 62 об.

¹⁷¹ Болотов А.Т. Записки... — Т. IV. — С. 1018—1020.

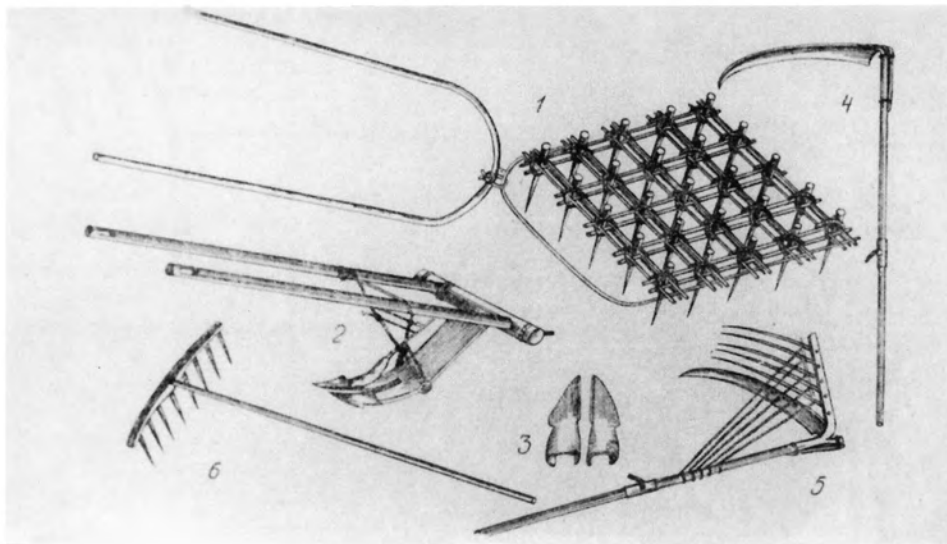
¹⁷² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 109.

¹⁷³ Там же. — С. 39.

¹⁷⁴ Деревенское зеркало. — Ч. III. — С. 153.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Феодальная Россия — социум особого типа

1. Сельскохозяйственные орудия. XVIII в. (1 — борона, 2 — соха с полицей, 3 — сошники, 4 — коса, 5 — коса с крюком, 6 — грабли).
(Труды ВЭО, ч. II, 1767, с. 128-129).

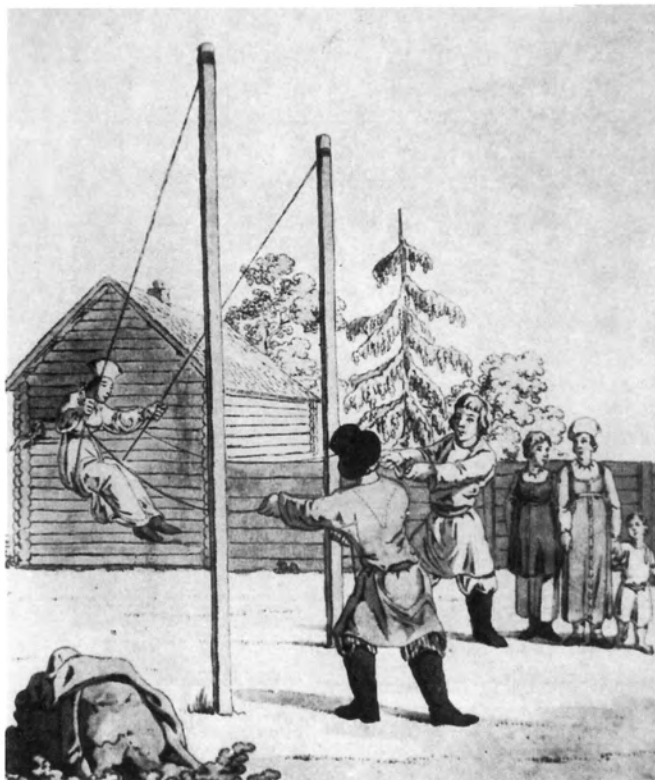
2. Д.А.Аткинсон. Пашущий крестьянин. Раскрашенная гравюра
(Гос. Эрмитаж).

А.О.Орловский.
Крестьяне, нюхающие табак.
Литография. 1825.
(Гос. Эрмитаж).

Х.-Г.Гейслер.
Заключительный момент
игры в городки.
Офорт. 1805.
Раскрашенный оттиск.
(Гос. Эрмитаж).

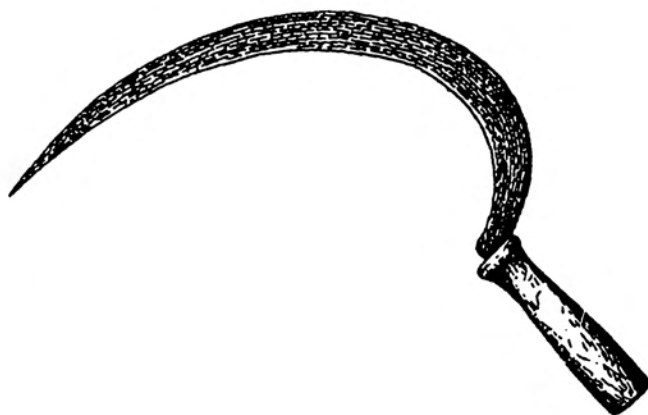
Х.-Г.Гейслер. Качели.
Раскрашенная гравюра.
Офорт. 1805.
Раскрашенный оттиск.
(Гос. Эрмитаж).

К.Вагнер. Игра в бабки.
Раскрашенная гравюра
с рисунка Е.Карнеева.
(Гос. Эрмитаж).

8. А.Г.Венецианов. На пашне. Весна.
Холст, масло (Гос. Третьяковская галерея).

9. Серп
*(Русские. Историко-этнографический атлас.
М., 1967, карта 7).*

10. Жатва в дворцовом имении
(Тульская губ.).
Гравированный рисунок.
(Деревенское зеркало или
общенародная книга.
Ч. I, СПб., 1798,
титольный лист).

11. А.Г.Венецианов.
На жатве. Лето.
Холст, масло
(Гос. Третьяковская галерея).

А.П.Лосенко.
Голова крестьянина в ушанке.
Этюд для картины
«Владимир перед Рогнедой».
1770. Бумага. Рисунок.
(Гос. Русский музей).

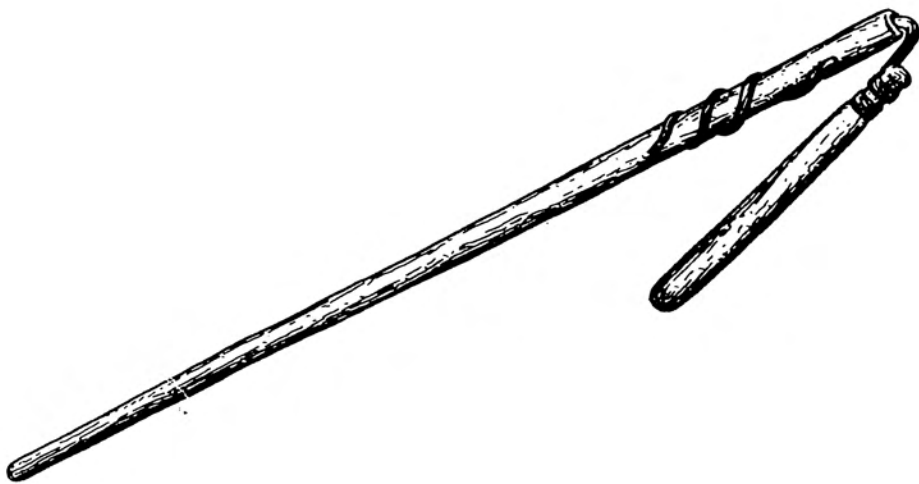
Ж.-Б.Лепренс.
Крестьянка из Московии
в обычной одежде.
1768. Офорт.
(Лист 2 из серии
«Костюмы женщин
Московии. Вторая сюита» —
«II-e Suite d'habillement
des Femmes de Moscovie»).

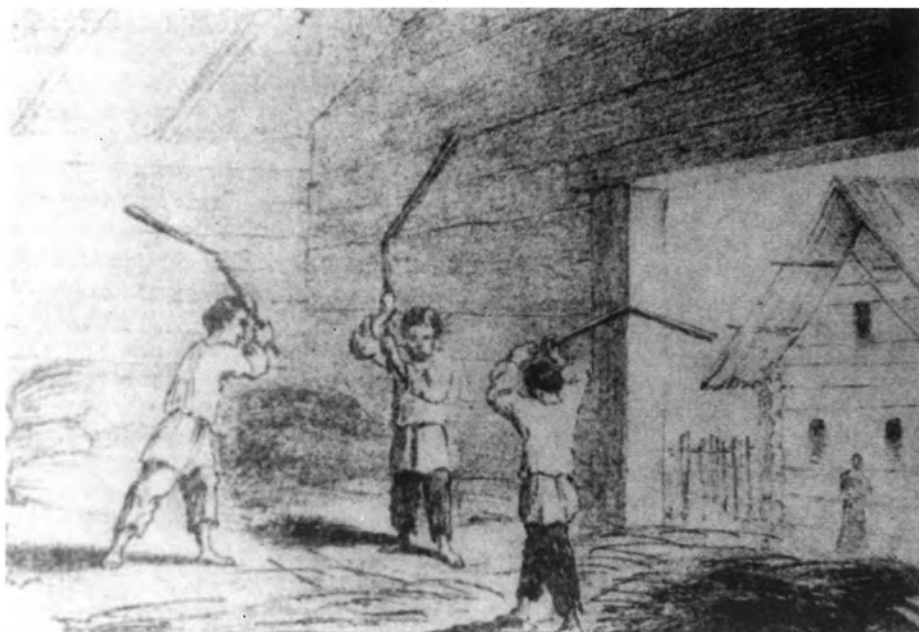
Ж.-Б.Лепренс.
Женщина с коромыслом.
1764. Офорт. (Лист 8 из серии
«Различные костюмы
и обычаи русских» —
«*Divers ajustements
et Usages de Russie*»).

И.П.Аргунов.
Портрет неизвестной крестьянки
в русском costume.
1784. Холст. Масло.
(Гос. Третьяковская галерея).

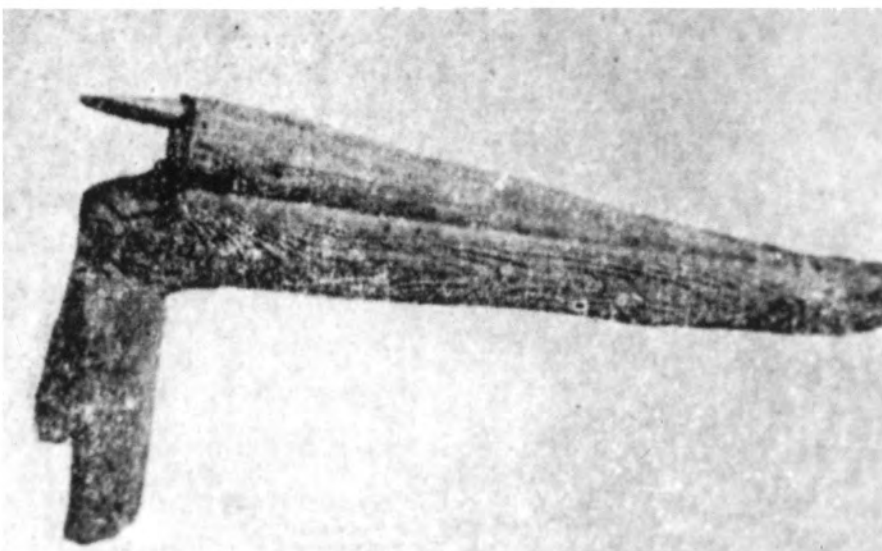
15. Цеп
(Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, карта 7).

16. Молотьба цепами.
Гравюра XVIII в. (Гос. исторический музей).

17. Д.А.Аткинсон. Сортировка и сушка конопли и льна.
Раскрашенная гравюра. (Гос. Эрмитаж).

18. Мялка щелевая корневая (с двумя щелями).
Первая половина XIX в.
(Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К.
Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной
культуры. Определитель. М., 1959, илл. 34).

И.Ф.Тупылев. Крестины.
1800. Холст, масло. (Гос. Третьяковская галерея).

И.Кокере. Игра «скачать на доске».
Цветная аквантина с офортом по рисунку Е.Карнеева. 1812.
(Гос. Эрмитаж).

Ж.-Б.Лепренс.
Замужняя женщина
с детьми.
1765. Офорт. (Лист 5
из серии «Различные
костюмы северных
народов» — «*Suite
de divers habillements
des peuples du Nord*»).

В.Эриксен.
Столетняя царскосельская
крестьянка с семьей.
1768. Пергамент. Пастель.
Деталь.
(Гос. Третьяковская
галерея).

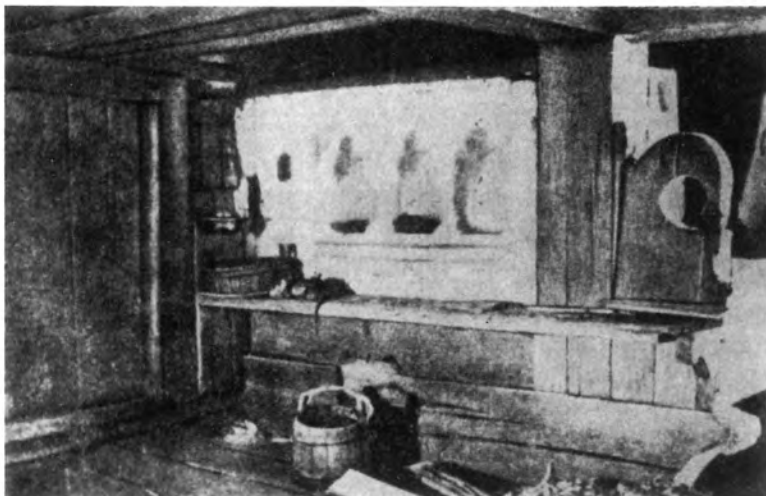

25. Ж.-Б.Лепренс. Рассказчики. Лавис.
(Гос. музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина).

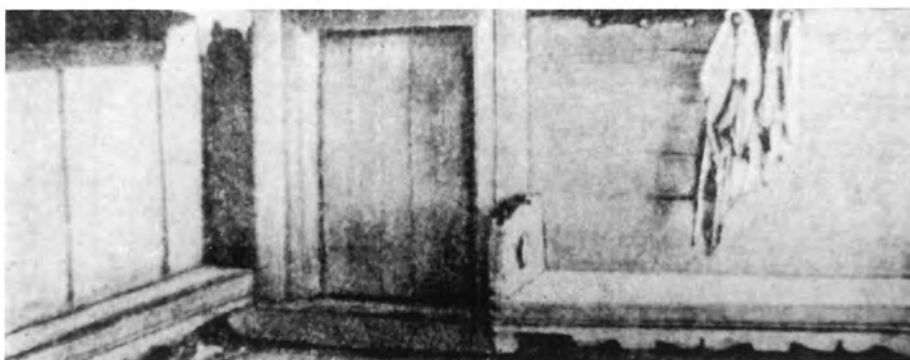
26. Н.Г.Чернецов (копия с картины И.М.Тонкова).
Пейзаж («романтический») с церковью.
Черная акварель. (Гос. Третьяковская галерея).

27. Внутренний вид курной избы. Постройка 1765 г.
(«Изба семи государей» — *Материалы по этнографии России*,
т. II, Пг., 1914, с. 7).

28. Соломенная крыша общей связи избы и двора.
(*Русские. Историко-этнографический атлас*. М., 1967, карта 22).

29. Часть избы, лавка-коник с подзором, часть голбца (слева).
Деревня Поченовская Тотемского уезда Вологодской губ. Начало XIX в.
(*Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия*,
вып. VII, М., 1910, табл. 94).

И.-Я.Меттенлейтер.
Деревенский обед.
1786. Холст. Масло.
Деталь.
(Гос. Русский музей).

А.Вишняков
(Вишнеков).
Крестьянская
пирушка.
Холст. Масло
(Гос. Русский музей).

Деревенский пьянчужка.
Гравированный рисунок. (*Деревенское зеркало*
или общенародная книга, ч. II, СПб., 1799, с. 78).

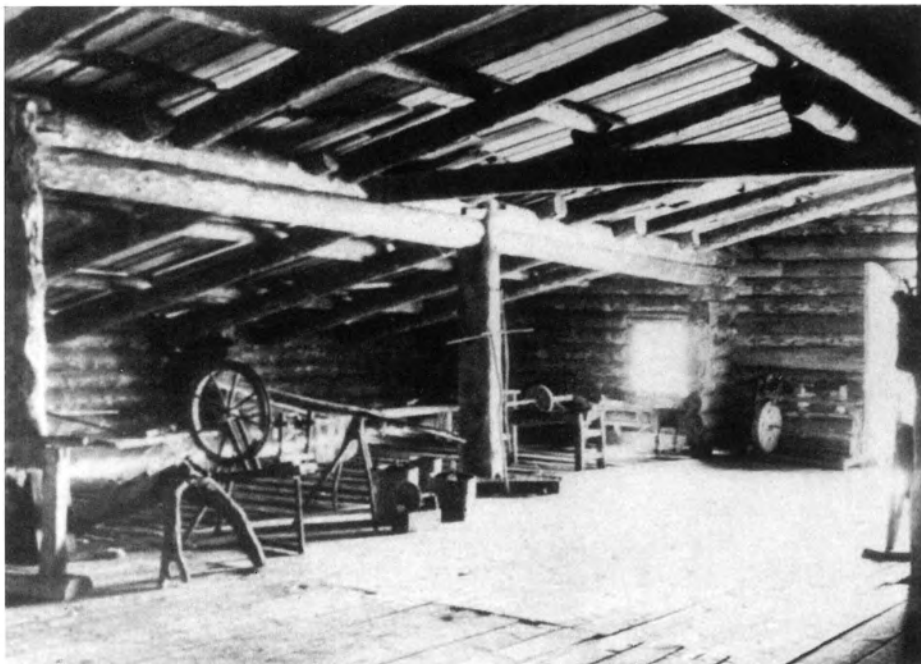

И.М.Тонков. Сельский праздник.
1790-е годы. Холст. Масло. (Гос. Русский музей).

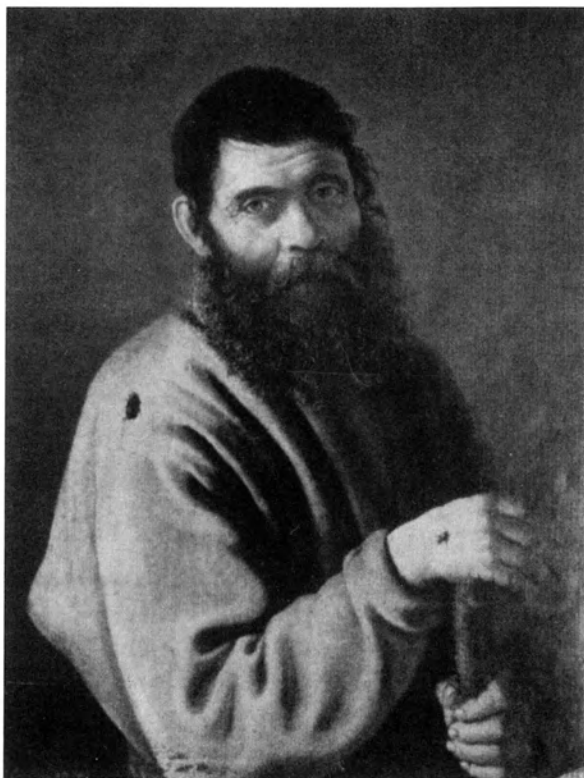
34. Взвоз дома Елизарова
из дер. Середка,
Заонежье. 1880 г.
(Историко-архитектурный
заповедник. Кижы).

35. Дом Ошевнева.
Хозяйственный двор.
Сеновал. 1878 г.
(Историко-архитектурный
заповедник. Кижы).

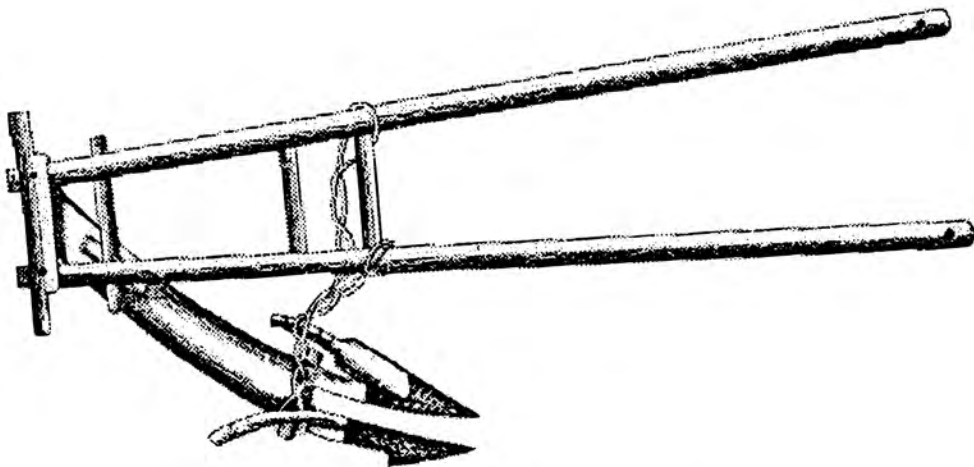

Н.И.Аргунов.
Портрет смеющегося старика.
1788 г. Холст, масло
(Гос. Русский музей).

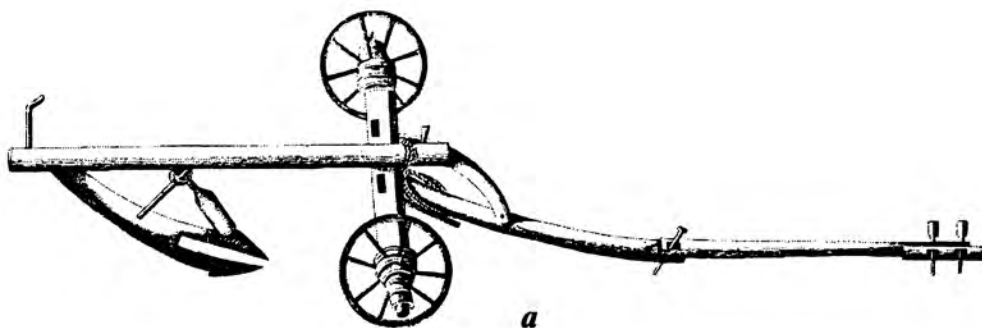

Ф.Жувене.
Мужик с тараканом. 1723.
Холст, масло.
(Гос. Русский музей).

14 Милов Л. В.

3. Соха с перекладной полицей. Рисунок А.И.Гильденштедта
(Технологический журнал, т. I, ч. II, СПб., 1804. Приложения).

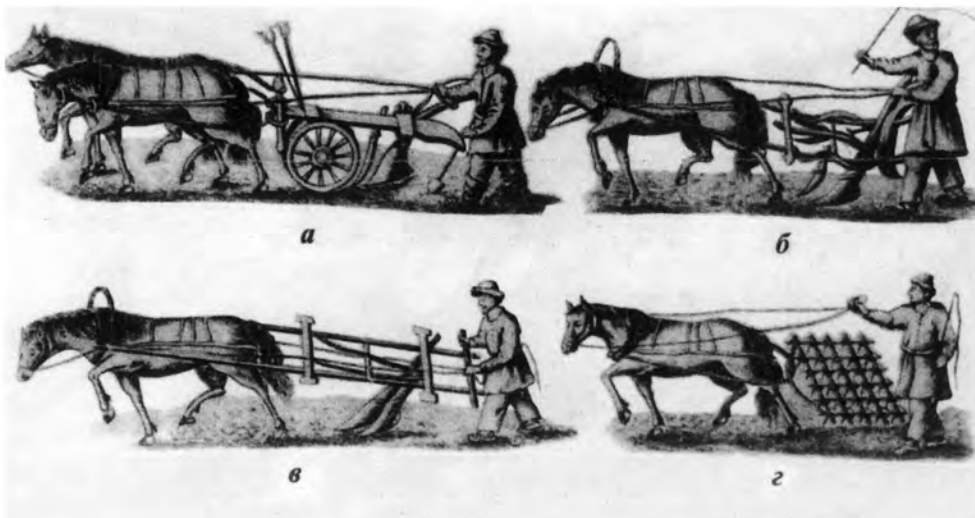

a

б

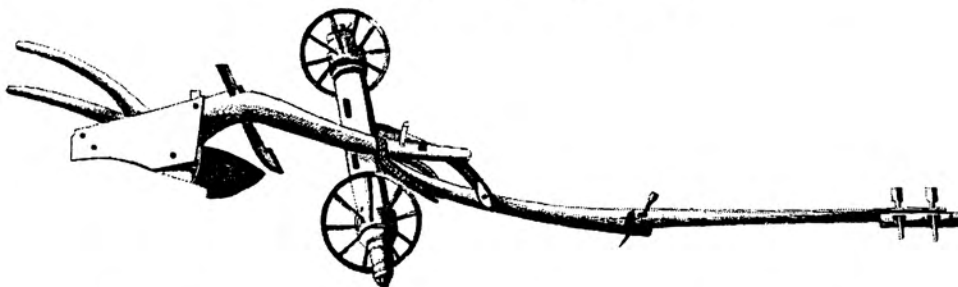
4. Соха с колесным передком и дышлом для запряжки волов (а).
Упрощенный вариант с дышлом (б).
(Технологический журнал, т. I, ч. II, СПб., 1804. Приложения).

5. Упряжки с сельскохозяйственными пахотными орудиями. 1767 г.

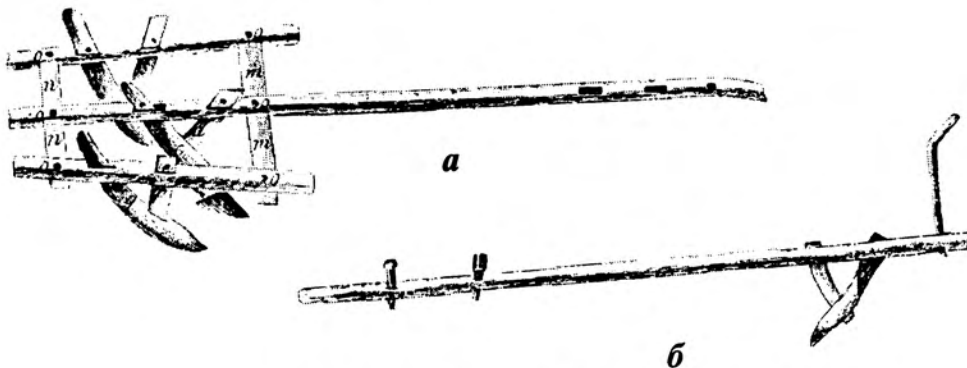
а — русский плуг, б — косуля, в — соха, г — борона.

(Труды ВЭО, 1767, ч. VII, с. 29-30).

6. Большой малороссийский плуг. Рисунок А.И.Гильденштедта.

(Технологический журнал, т. I, ч. II, СПб., 1804. Приложения).

7. Рало, *а — тройное рало, б — одинарное рало.*

Рисунок А.И.Гильденштедта.

(Технологический журнал, т. I, ч. II, СПб., 1804. Приложения).

Ж.-Б.Лепренс. Крестьянин.
1769. Лавис (Гос. музей
изобразительных искусств).

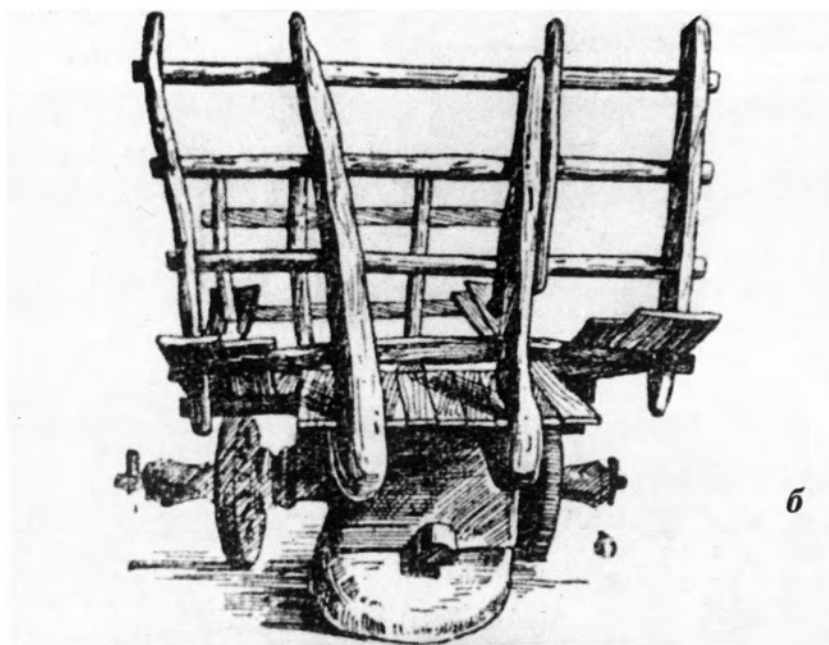
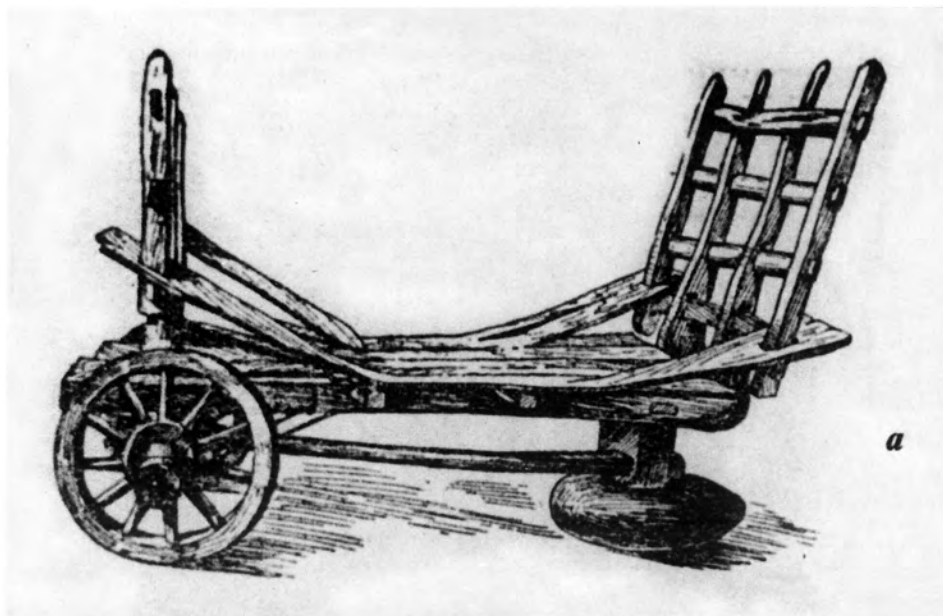
И.-Я.Меттенлейтер.
Крестьяне и торговец пирогами.
Медь. Масло. (Гос. Русский музей).

Продавец гречневых пирогов.
Литография по рисунку
А.Орловского. 1823 г.
Раскрашенный оттиск.
(Гос. Эрмитаж).

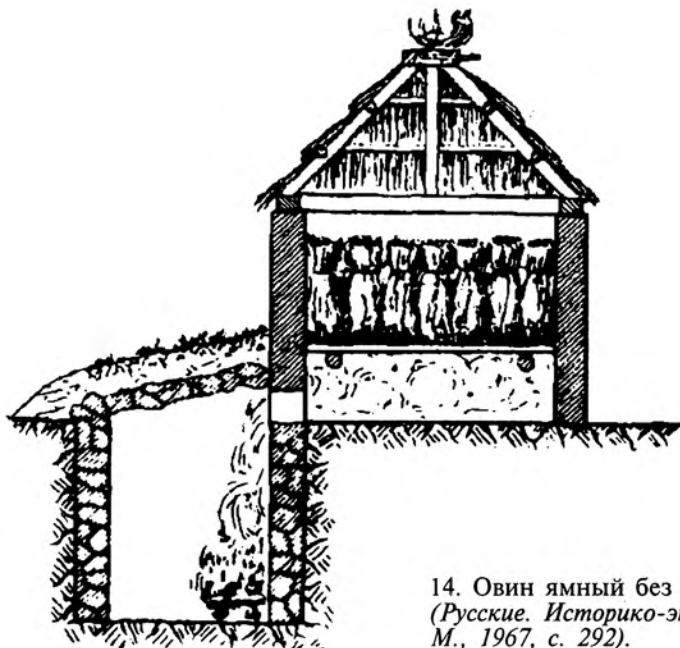
Неизвестный художник
II половины XVIII в.
Подгулявший крестьянин.
Бумага. Акварель.
(Гос. Третьяковская галерея).

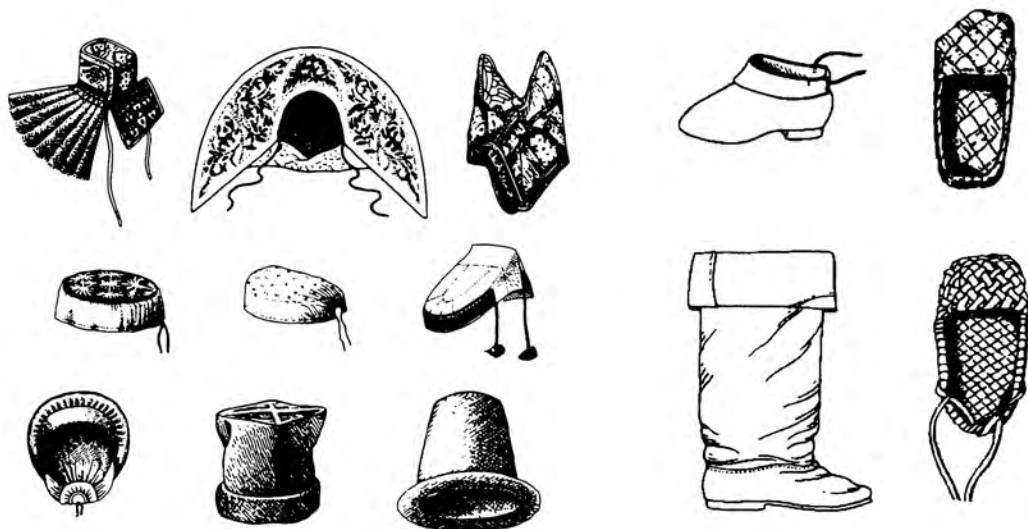
12. Старинный одер с дрожинами-копанками (дефектный экземпляр).
В профиль (а) и сзади (б).
Рисунок (Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К.
Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры.
Определитель. М., 1959.).

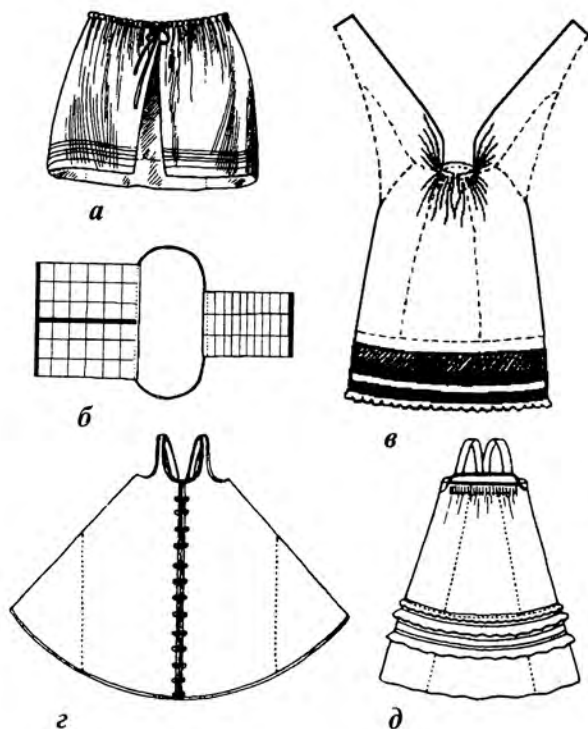
13. Амбар с повалом, двухэтажный. Дер. Емельяниха
Городецкого района Горьковской области. Начало XIX в.
(Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К.
Хозяйство и быт русских крестьян.
Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959, с. 157).

14. Овин ямный без печи
(Русские. Историко-этнографический атлас.
М., 1967, с. 292).

Типы головных уборов и обуви. XIX в.
(Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967,
карты 54, 56, 57, 66, 70, 71).

Конструкция некоторых видов
женской одежды. XIX в.
а — понева распашная,
б — понева несшитая,
в — рубаха, г — сарафан
распашной косоклиный,
д — сарафан прямой на лямках.
(Русские.
Историко-этнографический
атлас. М., 1967, карты 42, 47).

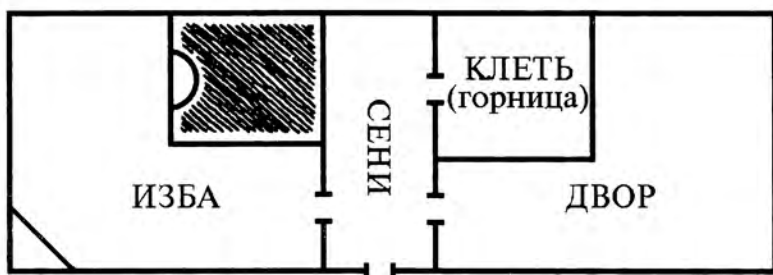
Ж.-Б. Лепренс.
Женщины из народа.
1765. Офорт. (Лист 6
из серии «Различные костюмы
северных народов» —
«*Suite de divers habillements
des peuples du Nord*»).

М. Шибанов.
Празднество свадебного
договора.
(Суздальская провинция?).
1777. Холст. Масло.
(Гос. Третьяковская галерея).

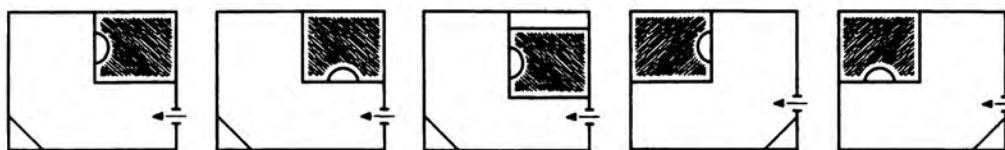

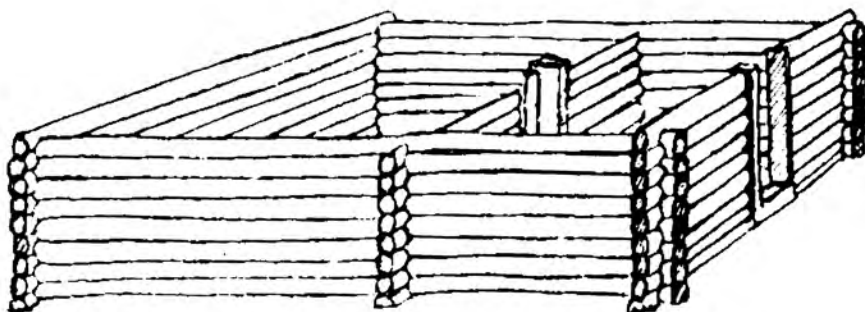
19. Коса-горбуша
(Русские. Историко-этнографический атлас.
М., 1967, карта 7).

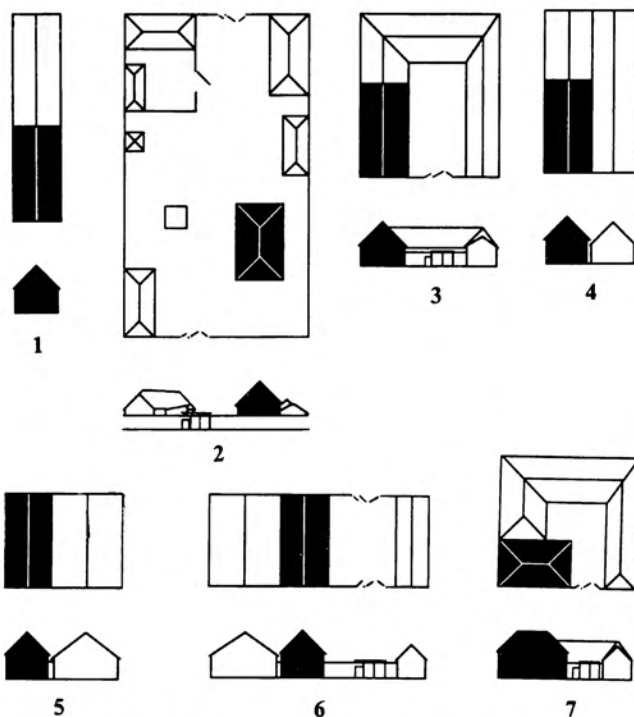
20. Схема одного из вариантов
расположения холодной горницы (клети).

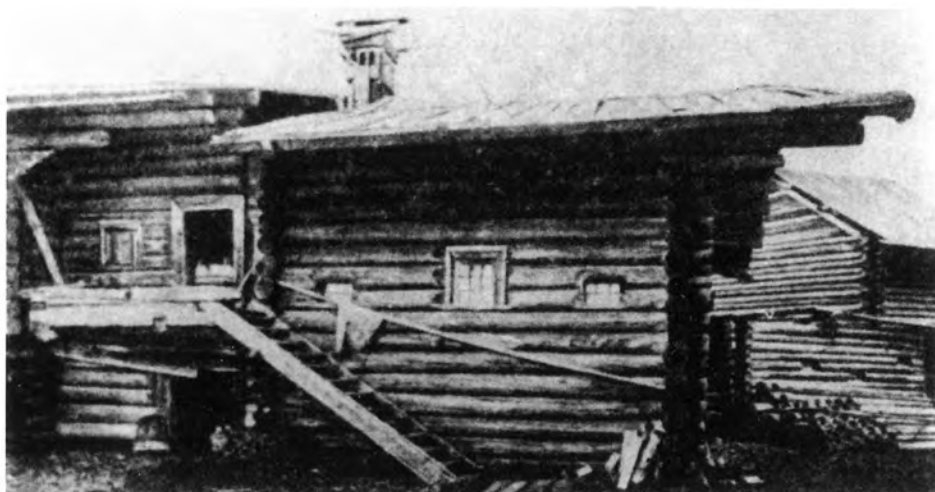
21. Варианты размещения печи в русских избах XVII-XIX вв.
(Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, карта 26).

22. Пятистенный сруб избы XVIII в. (Рис. Г.Г.Громова)

23. Типы дворовых усадеб
и связей жилых и хозяйственных построек (XIX в.).
(Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, карта 33).

24. Курная изба. Постройка 1765 г.
(«Изба семи государей» — Материалы по этнографии России,
т. II, Пг., 1914, с. 2).

Людская в дворцовом имении Тульской губ.
Гравированный рисунок. (*Деревенское зеркало или общенародная книга*, ч. I, СПб., 1798, гл. XXV. Заставка.)

И.П.Ерменев. Обед (крестьяне за обедом).
Бумага. Акварель. (Гос. Русский музей).

Неопрятное застолье.
Гравированный рисунок. (*Деревенское зеркало*
или общенародная книга, ч. II, СПб., 1799, с. 113).

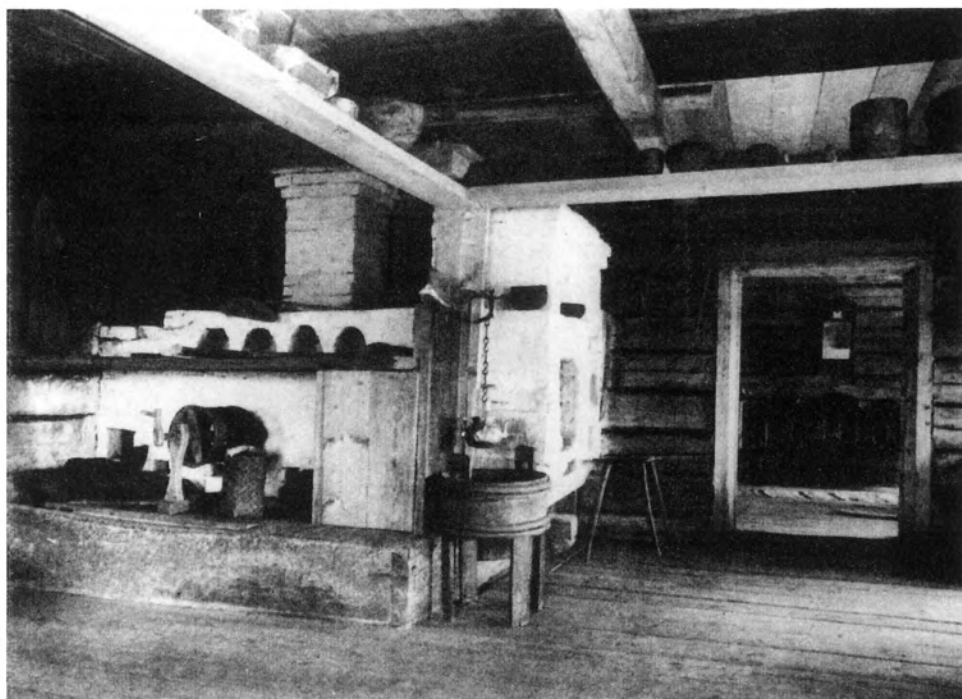

М.Шибанов. Крестьянский обед.
1774. Холст, масло. (Гос. Третьяковская галерея).

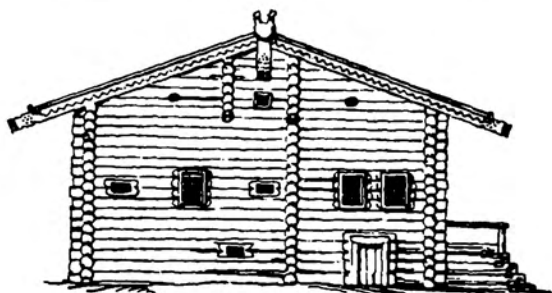
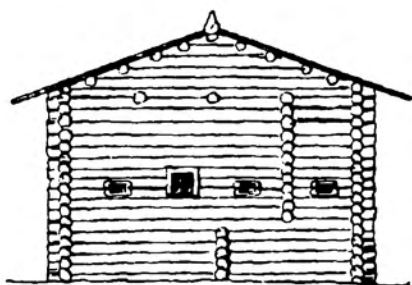
30. С.Ф.Шедрин.
Крестьянский двор.
Рисунок. Бумага тонированная.
Угольный карандаш. Мел.
(Гос. Русский музей).

31. Интерьер дома Ошевнева
из дер. Ошевнево.
Заонежье. 1876 г.
(Историко-архитектурный
заповедник. Кижы).

32. Изба с красными и волоковыми окнами. Дер. Петухово
Городецкого района Горьковской обл. Сер. XIX в.
(Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К.
Хозяйство и быт русских крестьян.
Памятники материальной культуры.
Определитель. М., 1959, илл. 106).

33. Типы окон
в северных избах. XVIII в.
(Маковецкий И.А.
*Архитектура русского
народного жилища.*
М., 1968, с. 89).

Крестьянский сход в дворцовом имении слушает управителя.
Тульская губ. Гравированный рисунок. (*Деревенское зеркало
или общенародная книга, ч. II, СПб., 1799, с. 1*).

Неизвестный художник конца XVIII в. Праздник в деревне.
Детали. Холст, масло.
(*Гос. Третьяковская галерея*).

Глава I.

МАЧЕХА-ПРИРОДА И СУДЬБЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (ТУПИК ИЛИ РАЗВИТИЕ)

Исследованные нами особенности и уровень производственной базы земледелия России на территории ее исторического ядра приводят в целом к выводу, что в условиях необычайно короткого по времени периода сельскохозяйственных работ в течение многих веков великорусский крестьянин, так же как, впрочем, и другие народы, жившие в пределах Восточноевропейской равнины, был резко ограничен в возможностях интенсификации агропроизводства.

В первой части работы читатель ознакомился с технологической стороной русского земледелия, увидел “земледельные” орудия крестьян, оценил эффективность их применения в те крайне сжатые сроки работ, уместающиеся в период между весенней слякотью и заморозками, задерживающими и срывающими оптимальные сроки посева, и заморозками осенними, бывающими нередко и в конце августа (по старому стилю), а изредка даже в его середине. Под извечной угрозой потери созревающего хлеба от непогоды проходила изнуряющая людей жатва. Наш выдающийся историк В.О. Ключевский писал по этому поводу: “Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии”¹. Тут необходима, конечно, и оговорка, что для ровного и постоянного труда у великороссов никогда не было и условий. Как писал И. Комов, “...в Англии под ярь и зимою пахать могут”². А только в таких, роскошных для нас, условиях возможен и размеренный, постоянный труд. Поэтому в Англии под ряд культур в конце XVIII в. пахали по три — четыре раза (на песчаных почвах), а на глинистых — до шести раз³.

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 8 томах. — М., 1956 — 1959. — Т. I. — М., 1956. — С. 314.

² Комов И. О земледелии. — М., 1788. — С. 1—2.

³ Там же. — С. 218.

Как было показано, коварство нашей природы не ограничивается коротким сезоном сельскохозяйственных работ, оно в еще большей мере проявляется в том, что в России часто наблюдается полное отсутствие корреляции между затратами труда и получаемым урожаем. Конечно, низкие урожаи, как было показано в первой части работы, были следствием вынужденно низкой агрикультуры крестьянского земледелия, но в гораздо большей степени они были следствием капризов мачехи-природы. Причем низкая урожайность была и в более ранние столетия. И эту особенность русского земледелия подтверждают источники начиная с конца XV в. Россия по общему уровню урожайности вечно держалась между прибытком в сам-2 — сам-3⁴. Идеальная, по крестьянским понятиям, погода — это в меру теплое и влажное (“благорастворенное”) лето. Но подобное лето — редкое событие. В Нечерноземье такие культуры, как пшеница (в том числе и пшеница-лебянка), греча, конопля, не вполне вызревали от недостатка тепла (“требует более теплоты”) ⁵. Кроме того, пшеница побивается “мглою”, “от поднимающихся от болотных рос” ⁶. Вообще в Нечерноземье “много вредят хлебу” “влажные пары, поднимающиеся от озер и болот” ⁷. Там, где поля окружены лесами, “пары” действуют сильнее, поэтому на новых пашнях, “в середине лета расчищенных, хлеб зреет долее” ⁸. В Нечерноземье такие культуры, как “проса и мак не родятся по причине не довольно жирной для сих хлебов земли, а более за краткостию теплого времени” ⁹. Ведь, в частности, в Вологде в конце XVIII — начале XIX в. по-настоящему теплых дней было 60, в Великом Устюге — только 48, а в Яренске — всего лишь 24. В целом в Вологодской губернии настоящее лето длилось с 8 июня по 20 июля ¹⁰. Серый полевой горох, полевые бобы и даже огородные бобы сажали лишь на левобережье Двины, а на другом берегу они не вызревали ¹¹. В Подмосковье лето начиналось фактически с середины июня.

Но особой бедой в Нечерноземье были и дождливая затяжная непогода, когда замедлялся рост растений, и нередкие засухи. На огромных пространствах, где преобладали глинистые, суглинистые и иловатые почвы, “в жаркое время делается на поверхности пашни корка, а в дождь... вода, непроходящая сквозь глину, отнимает... от хлебного корня влажность и умножает оную непомерно. От чего корень, лишаясь части питательных соков, производит тонкий стебель и мелкий колос” ¹².

⁴ См об этом: Милов А.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — 1992. — № 4—5. — С. 38.

⁵ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 13 об.

⁶ Там же. — Л. 55—56.

⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 105.

⁸ Там же. — С. 93.

⁹ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 12 об.

¹⁰ Фриз Яков. Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии // Технологический журнал. — Т. 3. — Ч. 1. — СПб., 1806. — С. 10—15.

¹¹ Там же. — С. 14—15.

¹² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 272.

Завершает этот сложный узел парадоксов обилие неплодородных и просто худых почв.

Столь суровые, неблагоприятные условия хозяйствования, действовавшие в течение многих столетий, безусловно, закаляли великорусов, превратив их в великую нацию тружеников. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но незаурядную изобретательность и находчивость. Думается, что приведенные в первой части книги материалы по развитию российского огородничества и садоводства служат убедительным тому подтверждением.

Но совсем иное дело пашенное полевое земледелие. Здесь многовековая борьба великорусского пахаря с природой не давала такого эффекта, как в городском огородничестве с его хитроумными парниками, садами и т.п.

Тем не менее изучение исторических источников свидетельствует о том, что крестьяне упорно искали выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации.

Великорусский пахарь, имея семью сам-четвертый и тянувший одно тягло, из века в век ежегодно стоял перед непосильной задачей обработать свой пашенный надел примерно в 4,54 дес. посева, вложив в каждую десятину столько же труда, сколько вкладывали его, соблюдая все агротехнические операции, в крупном господском хозяйстве. Однако если в господском хозяйстве этот уровень затрат труда по обработке земли, как уже упоминалось, достигал 39—42 чел.-дней, то крестьянин чисто физически был ограничен вдвое меньшим рабочим временем (22—23 рабочих дня на десятину, а при условии барщины этот бюджет времени мог быть и еще вдвое меньшим). Справиться с этой задачей можно было бы, работая день и ночь в течение, по крайней мере, трех месяцев, что было абсолютно нереально. Другой вариант обработки полного надела сводился к самой примитивной поверхностной скородыбе земли, а то и просто к разбросу и заскореживанию семян. Навоз при этом запахивали кое-как, а пашня в итоге становилась неплодной, ничего не рожала, в результате чего ее забрасывали на много лет¹³.

¹³ По материалам межевания в Московском уезде в дачах с. Окатова, с. Яковлевского и многих других "земли всей не запахивают, а оставляют в пуге", "оставляют многое число в пуге", "землю всю за неимением навозу не запахивают". В даче дер. Казеевой на 50 душ м. п. приходилось 179 дес. пашни, то есть по 3,6 дес. на д. м. п. Однако здесь "землю всю не запахивают, а оставляют половину за неурожаем хлеба". В дер. Бабкино Лутского у. Петербургской губ. "высеваются крестьянами: ржи 22 четверти, ячменю 2 четверти, овса 8 четвертей, пшеницы 1 четверть, гороху 4 четверика, гречи 6 четвертей, семени льняного 1 четверть". Беря при подсчете средние для этого района нормы высева, получаем 52, 8 дес. посева (с паром это будет ок. 78 — 80 дес.), в то время как по межеванию здесь было 166 дес. 630 саж. пашни. В дер. Владычино того же уезда высевалось: "ржи 17 четвертей, овса 5 четвертей, жита 3 четверти, гороху 1 четверть 2 четверика, гречи 5 четвертей, льняного семя 1,5 четверти". Вместе с паром это займет примерно 63 — 65 дес., а пашни здесь 190 дес. 1553 саж. Следовательно, в том и в другом случае не занято 47 — 67% пашни (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18859. Ч. VI, дачи 20, 40, 41, 64, 73, 98, 36, 114, 349, 555; Ч. VII, дача 803 и др.; Ч. VI, дачи 67, 199, 139; РГАДА. Ф. 1328. Оп. 1. № 2806. Л. 4—4 об.; Фонд Межевой архив. Экономические примечания Петербургской губ. № 8, дача 1422; Ф. 1328. Оп. 1. № 2893; Фонд Межевой архив. Экономические примечания Петербургской губ. № 8. Л. 294).

Чаще крестьянин шел иным путем, следуя принципу: “лучше меньше, да лучше”. Иначе говоря, стремясь соблюсти хотя бы на минимуме нормативы агрикультуры, он сознательно уменьшал площади своего посева. Еще в конце 1950-х годов Н.Л. Рубинштейн обнаружил на основе статистики Генерального межевания и губернаторских отчетов, что во второй половине XVIII в. при среднем наделе пашни в Нечерноземье в 3—3,5 дес. на душу муж. пола фактический посев был намного меньше и вместе с паром составлял всего 53,1% от этого не слишком большого надела¹⁴. Остальная пашня просто не использовалась. Это означает, что реальный посев в двух полях на мужскую душу был равен 1,24 дес., а на семью из 4-х человек — 2,48 десятины, хотя формально посевная площадь на тягло достигала 4,54 дес. в двух полях.

В свое время историки с явным недоверием отнеслись к наблюдениям Н.Л. Рубинштейна. В частности, В.К. Яцунский прямо заявлял, что “с агротехнической точки зрения для нечерноземного трехполья полученное Н.Л. Рубинштейном соотношение не поддается объяснению”¹⁵. Однако со временем материал такого рода накапливался, но лишь теперь найдено объяснение этому парадоксу.

Разумеется, та площадь реального высева на душу м. п., которую установил Н.Л. Рубинштейн, имеет приближенный характер. Как уже говорилось, В.И. Крутиков, тщательно изучивший статистику посевов и урожаев по Тульской губ. с конца XVIII в. до середины XIX в., установил, что посев действительно не занимал всей пашни в течение всего этого периода, хотя разрыв постепенно уменьшался. В 1788 г. доля посева составляла здесь всего 46,7% пашни, что даже меньше посева по Н.Л. Рубинштейну.

Конечно, столь сильное сокращение посева даже при минимальном соблюдении агрикультуры в случае низкого урожая резко ухудшало положение земледельцев, и их хлебный баланс означал бы полуголодное существование. Имеющиеся в литературе исследования крестьянских хлебных бюджетов в целом подтверждают реальность описанной нами ситуации. Примерный расчет хлебного бюджета был сделан А.С. Прокофьевой по вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря для 30-х годов XVIII века¹⁶. Исходные данные здесь весьма добротны (книги “пятинного сбора” 1730 г.). По каждому из 232 крестьянских дворов зафиксирован высев по каждой культуре и валовой сбор. Подсчитав средний высев на двор (1 четверть ржи, 3 чтв. овса, 0,14 чтв. ячменя и 0,13 чтв. пшеницы) и среднюю реальную урожайность (рожь

¹⁴ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). — М., 1957. — С. 202.

¹⁵ Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 год. — М., 1961. — С. 42.

¹⁶ Прокофьева А.С. Хлебный бюджет крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории (материалы научной конференции). — Вологда, 1968. — С. 352—353.

сам-6,1; овес сам-2,4; ячмень сам-4,1 и пшеница сам-4,2), Л.С. Прокофьева получила реконструкцию усредненного валового урожая на крестьянское хозяйство: 54,9 пуда ржи (6,1 чत्व.), 50,4 пуда овса (7,2 чत्व.), 4,8 пуда ячменя (0,6 чत्व.) и 5,4 пуда пшеницы (0,6 чत्व.). Зная нормы высева и натурального оброка, она восстанавливает и площадь посевов (ок. 2,5 дес.), и полные хлебные расходы двора при среднем составе семьи — 6 человек обоего пола. За норму потребления зерновых берется 12 пудов на человека. Таким образом, итоговая сумма — 72 пуда на семью, и, оценивая общий расход на семью (с учетом семян и уплаты оброка) в 125,4 пуда (69,5 пудов ржи, 49, 4 пуда овса, 2,1 пуда ячменя и 4,4 пуда пшеницы), Л.С. Прокофьева констатирует дефицит хлебного бюджета в 10 пудов.

Обычная для XVIII в. норма годового потребления взрослого человека вдвое больше той, что фигурирует в расчетах Л.С. Прокофьевой, и равна 3 четвертям (24 пуда). Такая норма, как правило, встречается в помещичьих инструкциях XVIII в., когда речь идет о содержании дворовых и работных людей. Причем расчеты производятся иногда помесечно (“2 четверика ржаной муки, круп 1 гарнец”), а иногда и в годовом исчислении (“всех холостых содержать на моей пище, щитая на всякого человека в году муки ржаной по 3 четверти, круп по одному четверику с половиною, толокна и гороху на посты по одному четверику, в мясные дни мяса по полфунту”) ¹⁷. Однако питание дворовых было основано почти исключительно на ржаной муке. Даже “деловые” люди в вотчине П.М. Бестужева-Рюмина (1731 г.) получали в год 18 пудов ржи, 5,25 пуда ячменя и овса. Крестьянский годовой рацион, по Т.И. Осьминскому, включал 18 пуд. ржи (72% годового рациона), 1 пуд пшеницы (4%), 2 пуда ячменя (8%) и 4 пуда овса (16%) ¹⁸. В северном Пошехонье гречи не было, но, видимо, был горох, доля которого неизвестна. Вместе с тем в нашем распоряжении есть любопытные расчеты пищевого рациона для дворцовых крестьян. “На каждого работника, — пишет Иван Елагин, — довольно в день разного хлеба 4,5 фунта. Сие средство столь основательно и умеренно, что хотя некоторые люди съели бы больше, но таких число гораздо менее тех, кои весьма меньше сея меры употребляют к насыщению своему” ¹⁹. “А солдатский паек муки и с крупую отнюдь полных и трех фунтов в день не составляет” (за год менее 27,4 пуда). При норме 4,5 фунта в день годовая норма для работника составила бы 1642 фунта, или 656,8 кг (41 пуд). “И из сего, — пишет И. Елагин, — может он и брагу варить, и квас ставить, и довольное иметь пропитание”, и, добавим от себя, подкармливать скотину.

¹⁷ Учреждение гр. П.А. Румянцева // Университетские известия. — 1903. — № 12. Прибавление. — С. 3.; Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавление. — С. 68.

¹⁸ Осьминский Т.И. Указ. соч. — С. 362—363.

¹⁹ Елагин Иван. Проект действ. стат. сов. и члена дворцовой канцелярии Ивана Елагина об определении в неотъемлемое владение дворцовым крестьянам земли... // Журнал землевладельцев. — М., 1859. — № 21. — С. 140.

Наиболее ценным для нас является данный И. Елагиним конкретный состав “разных хлебов”²⁰, ибо, по существу, это представление человека XVIII в. о нормальном питании людей низшего слоя общества. Сюда входила рожь в годовом объеме в 2 четверти и 3,5 четверти “разного ярового хлеба”. В месячный ассортимент включалось: ржи 66 фунтов, гороха 12 фунтов, ячменя 9 фунтов, “гречухи” 26 фунтов, овса 26 фунтов, то есть всего 139 фунтов, или 56,9 кг²¹. Суточный рацион состоял бы, исходя из этого расклада, из 789 г ржи (44% дневного рациона), 355 г овса (19,9%), 123 г ячменя (6,9%), 164 г гороха (9,2%) и 355 г гречи (19,9%).

Учитывая калорийность каждого “хлеба” в отдельности, определяем, что суточная норма в 1786 г соответствует примерно 5867 килокалорий (ккал). Разумеется, такой уровень питания даже сам И. Елагин считал “избыточественным”, хотя при тяжелом физическом труде и при недостатке мясной пищи это уж не столь избыточно. К тому же, на детей и престарелых автор проекта полагал лишь половинную норму (2, 75 четверти в год). В итоге на двух человек, из которых один — полный работник, а другой — из престарелых или из детей, придется 66 четвериков. В пересчете на тягло это составит 138 четвериков (пудов) на год²². И. Елагин оперирует хозяйством, где имеется восемь взрослых работников и еще восемь человек, получающих лишь половинную норму в 893 г в сутки. По его расчетам, на 16 человек в год необходимо было бы 24 четверика ржи и 54 четверика ярового, что не вполне точно. На самом деле ржи должно было бы быть 22 четверти, а ярового — 44 четверти. Отсюда на душу пришлось бы по 33 четверика (пуда) на год или по 4,12 четверти на человека. Именно такой уровень питания И. Елагин считал нормальным для своего времени.

Отсюда довольно четко следует, что общепринятая годовая норма зерна в 3 четверти²³ или 24 пуда на взрослого человека — это норма, ниже которой опускаться рискованно, поскольку в пересчете на калорийность (с учетом разной калорийности каждого “хлеба” в ассортименте обычаев и представлений XVIII столетия) это составляло примерно 3200 ккал (овощная пища по калорийности не была существенной добавкой к этому рациону). Главное же заключается в другом. В расчетную норму крестьянского питания в 24 пуда непременно включался расход на подкормку скота. По расчетам Т.И. Осьминского, только на одну рабочую лошадь крестьянин должен был расходовать как минимум 16 пудов овса в год²³. Следовательно, на каждого в семье из четырех человек приходилось примерно 4 пуда таких затрат. Но этого мало, ведь, как мы видели, крестьяне практиковали подсып-

²⁰ Елагин Иван. Указ. соч. — С. 141.

²¹ Там же.

²² И. Елагин на 8 взрослых и 8 малолетних рассчитал 24 четверти ржи и 54 четверти ярового, вместо 22 четвертей ржи и 44 четвертей ярового, что составит 66, а не 78 четвертей.

²³ Осьминский Т.И. Указ. соч. — С. 363.

ку муки и коровам, и свиньям, и курам. Если “средственный” крестьянин имел две коровы и одну свинью, то минимальная годовая норма таких расходов могла быть никак не меньше 8 пудов на год. Таким образом, от 96 пудов на собственно питание остается около 72 пудов, то есть на душу лишь 18 пудов (около 2400 ккал в сутки). И этот расчет сделан на однолошадное тягло. Однако нормальный “средственный” крестьянин имел две лошади, и в таком случае фонд семьи на питание должен уменьшиться еще на 16 пудов. Но и это не все: ведь крестьянин должен был что-то продать, чтобы получить деньги на текущие расходы. В итоге от 72 пудов останется чуть ли не 50 пудов на 4-х человек (или примерно около 1700 ккал на человека в сутки). Если же на лошадь давать лишь 10 пудов, то суточный рацион на одного человека повысится лишь до 2,1 тысяч килокалорий.

Думается, что после такой калькуляции совершенно очевидно, что годовая потребность в зерне для крестьянина в три четверти — это суровый режим очень скудного питания, жесткий режим экономии и т.д. Вместе с тем для XVIII—XIX столетий такая норма (но только для питания) была общепринятой. Она была принята в армии, она же фигурирует и в научной литературе на XIX в. (см., например, П.И. Кеппена и др.)²⁴

Следовательно, исходя из изложенного нами, результаты Л.С. Прокофьевой могут быть скорректированы: на 4,2 полных едока потребуется уже 100,8 пуда. С учетом расхода зерна на корм скоту дефицит хлебного бюджета среднего крестьянского хозяйства (6 душ) возрастает до 60,3 пуда. К тому же и сама Л.С. Прокофьева, опираясь на свои расчеты, замечает, что дополнительный учет расхода зерна на одну лишь лошадь так влияет на уровень состоятельности крестьянских хозяйств, что 70% дворов оказываются не обеспеченными зерном²⁵

Обратимся теперь к данным по хлебному бюджету середины XVIII в., исследованным А.М. Шабановой по вотчинам Александро-Свирского монастыря²⁶. Обработывая их, можно прийти к следующим итогам. По Кондужской волости беднейшая группа дворов (74% хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 четверика (пуда). Во второй группе дворов (17% хозяйств) средний излишек составлял всего 14 четвериков. Лишь третья группа, к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба — до 214 четвериков (но они составляли всего лишь 9% хозяйств). Однако, приведя все подворные доходы в соответствие с удельным весом той или иной группы дворов, мы получим в итоге в среднем по волости дефицит типичного хлебного бюджета в 33,4

²⁴ Кеппен П.И. О потреблении хлеба в России. — СПб., 1839. — С. 3; См. также: Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. — СПб., 1877. — С. 292.

²⁵ Прокофьева Л.С. Указ. соч. — С. 352—353.

²⁶ Шабанова А.М. Бюджеты крестьянских дворов Александро-Свирской вотчины в середине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. — Рига, 1977. — С. 104—113.

четверика. По другой волости, Лоянской, где земледелие было основой существования крестьян Приладожья, беднейшая группа (47,5% дворов) имела дефицит в среднем на двор 29 четвериков (пудов). Во второй группе (33% дворов) излишки достигали всего 12,2 четверика. И только в третьей, зажиточной группе (19,5% дворов) излишки были солидны — 124 четверика. Общий баланс (взвешенный по каждой группе) дает всего 14,4 четверика хлебных излишков. В целом же по всем свирским владениям Александрова монастыря хлебный баланс был дефицитным.

Напомним, что в основе общего низкого процента товарных излишков или их отсутствия были малые посевные площади и низкая урожайность. В частности, в большинстве уездов Тверской губ. во второй половине XVIII в. на “соху” приходилось не более десятины в поле, то есть на тягло 3 дес. пашни; в ряде же уездов — чуть более десятины, следовательно, на тягло максимум 4—4,5 дес. пашни. Данные такого рода позволяют сделать некоторые расчеты²⁷. Берем максимальный вариант — на “венец” (тягло) в поле по 1,5 десятины. При высеве 1 чтв. ржи и 3 чтв. овса (в обоих полях по 2400 кв. саж.), урожайности ржи сам-4, а овса — сам-2,5 валовой сбор равен примерно 17,25 чтв., а с учетом посева ячменя, пшеницы и т. п. — примерно 19 чтв. (чистый сбор — 12,5 чтв.). На семью из четырех человек, то есть 2,8 полных едока, расход зерна достигает 8,5 чтв., а излишек — около 4 четвертей. Если же урожай ржи и овса сам-3, а полных едоков 3,3 (трое взрослых и один ребенок), то и тогда остаток для рынка равен примерно 3 четвертям.

Но такая площадь посева встречалась не часто. При более распространенном варианте, когда крестьянин имел (как, в частности, в Ржевском уезде) “на соху не более десятины в поле”, а урожайность сам-3, ситуация складывалась иная. При посеве четверти ржи и 2,5 чтв. овса чистый сбор составлял всего 7,7 четверти. При 2,8 полных едока излишков хлеба совсем нет (на едока приходится всего 2,96 четверти). Расчет наш подтверждается свидетельством источника. В Ржевском уезде в XVIII в. крестьяне хлеб “продают лишь в лучшие годы”²⁸. При увеличении густоты посева (ржи — до 10 четвериков, а овса — 3 чтв.) и хорошем урожае (сам-4) чистый сбор увеличится до 13,45 четверти. Товарный излишек достигнет в этом случае 3 — 5 четвертей. Но при урожае сам-3 он сократится до 0,45 четверти.

Таким образом, для крестьянина разница урожая всего лишь в один “сам” имела в России громадное значение, ибо давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. Однако достигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удавалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход — резко снижать свое потребление и таким об-

²⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 40, 97, 131, 143, 151, 160 и др.; См. также: ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 58, 181, 305.

²⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 119.

разом “получать” товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, так как не мог создать серьезных товарных запасов.

Иллюстрируя эти рассуждения, приведем расчет крестьянского бюджета, сделанный современником, описавшим типичное хозяйство Новоторжского уезда Тверской губ. в 80-х годах XVIII в.: “Примерно полагая на каждую долю (то есть 2 тягла или венца, — Л. М.), высевается здесь ржаного и ярового хлеба до 10 четвертей. С того в средний год урожается 26 четвертей. На расходы употребляется до 12-ти. К предбудущему году оставляется на семена 10. Остальные 4 четверти — продаются”²⁹. В данном случае густота посева оценена несколько выше, чем в данных нами расчетах, и весь посев на тягло составит 1,5 чत्व. ржи, 3 чत्व. овса и по 0,5 чत्व. ячменя и пшеницы. А вот урожайность реальная, на круг, гораздо ниже, чем в наших расчетах (сам-2,6!), и дана она, видимо, с учетом потерь от погоды, перевозки и т. п. Это очень важное свидетельство!

За вычетом семян на два венца (4 работника, или 8 человек обоего пола) чистый сбор составит 16 четвертей. Если считать в венце 2,8 полного едока, то на каждого из них придется по 2,86 четверти. Это практически почти совпадает с нормой потребления, и товарного излишка нет! Однако современник “оставляет” крестьянам на питание и корм скоту... по 1,5 чत्व. (!) на душу (12 пудов). И только за счет этого появляется товарный “излишек”: по 2 чत्व. на венец. Естественно, в реальной жизни были отклонения от этой “модели”, но отклонения и вправо, и влево, а общая тенденция показывает крайне незначительные возможности получения товарного зерна при сохранении “средственного” (нормального) уровня жизни. Заметим, что в случае с типичным хозяйством Новоторжского уезда примерная площадь посева на тягло (или венец) составляет около 2,4 дес., а в расчете на душу мужского пола — 1,2 десятины. Это полностью совпадает с данными Н.Л. Рубинштейна.

От хлебного баланса конкретных групп крестьянских хозяйств Нечерноземья и модели баланса типичного крестьянского хозяйства примерно в два тягла перейдем к данным более общего характера.

В этой связи весьма интересны наблюдения и оценки князя М.М. Щербатова — русского историка, экономиста, публициста, депутата Комиссии о новом Уложении, члена Комиссии о коммерции и президента Камер-коллегии. В 60—80-е годы XVIII в. он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны. В послевоенной историографии за М.М. Щербатовым прочно закрепилась слава заскорузлого консерватора, ярого защитника крепостничества, ретрограда и т. д. Между тем М.М. Щербатов был личностью далеко не столь однозначно примитивной. Он прекрасно знал европейскую литературу, в том числе и работы выдаю-

²⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 160.

щихся представителей французского Просвещения, но при этом он хорошо знал реальное состояние страны, положение крестьян и сельского хозяйства в целом. Благодаря работам французских просветителей М.М. Щербатов обращал пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и губительное влияние их на состояние земледелия страны. Отсюда его резкая оценка эффективности труда земледельца как чрезвычайно низкой. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ общую, хотя и приблизительную оценку эффективности земледелия страны³⁰. Численность ее населения была приравнена им к 18 млн душ обоего пола, то есть несколько занижена, ибо в момент этого расчета (конец 60-х годов) она была ближе к 23 млн душ обоего пола³¹. Число работников в земледелии М.М. Щербатов оценивает примерно в 3 млн чел., площадь, засеваемую каждым из них, в 6 десятин. При общем высеве в 96 млн четвериков (пудов) и урожайности не ниже сам-5 общий сбор ржи оценивается им в 480 млн четвериков ржи и 144 млн четвериков яровых, а чистый сбор в 504 млн четвериков. Из них на питание, исходя из расчета в 24 четверика в год на человека (24 пуда), ежегодно должно уходить 432 млн четвериков. Остаток или излишек равен, таким образом, всего 72 млн четвериков, или по 4 четверика (пуда) на человека. Эта величина настолько ничтожна, что при малейшем снижении урожая населению страны угрожала нехватка зерна даже для минимальной нормы питания. В расчетах М.М. Щербатова много неточностей, но они, так сказать, взаимно погашают друг друга (занижено число пахарей, но завышена площадь обрабатываемой ими пашни и т. д.). Приблизительность своих расчетов признает и сам М.М. Щербатов: "Независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшения в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод"³². Итоговая оценка им эффективности российского земледелия практически совпадает с приведенными нами усредненными данными крестьянских хлебных бюджетов.

Далекие от глобальных обобщений практики из дворян по сути точно так же оценивали реальные условия жизни крестьян. Речь идет об оценках уровня выживания великорусского пахаря. Так, А.Т. Болотов в конце 60-х годов XVIII в. считал нормальным пашенный надел на тягло в 4,5 дес. в трех полях. Правда, в тягле у него 2,5 души м. п., переведя на стандартное тягло в 2 души м. п., получаем размер посева 2,4 дес. на тягло³³. В.Н. Татищев считал крайний предел выживания для барщинного крестьянина 4

³⁰ Щербатов М.М. Неизданные сочинения. — ОГИЗ, 1935. — С. 5—6.

³¹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1971. — С. 83—91.

³² Щербатов М.М. Неизданные сочинения. — С. 5—7.

³³ Болотов А.Т. Наказ для управителя. § 6 // Труды ВЭО. — СПб., 1770. — Ч. XVI.

дес. пашни на тягло (2 дес. на душу м. п.), что означает посев в 2,67 дес. на тягло³⁴. Наконец, И.Т. Посошков в начале XVIII в. полагал, что высев на двор должен быть не менее 4 четвертей³⁵. При всех неопределенностях состава двора и тогдашних норм высева и допуская, что в те времена господствовали отнюдь не загущенные высевы, норматив И.Т. Посошкова близок к размеру посева на тягло (4 чел. об. пола) в 2,5 дес.

Реальная практика эксплуатации крестьянского хозяйства полностью совпадает с этими оценками. Возьмем в качестве примера те уезды, где есть данные по минимальному оброку и соответствующей пашне. Так, в 1769—1773 гг. в Клинском у. Московской губ. 3203 д. м. п. оброчных крестьян платили самый низкий в уезде оброк из расчета 2 руб. с души м. п. При этом пашенный надел у них был 1,8 дес. на душу м. п. в трех полях (посев на тягло 2,4 дес.). В Боровском у. той же губернии 1437 д. м. п. оброчных крестьян также платили оброк из расчета 1,8 руб. с души м. п., имея при этом пашенный надел в 2 дес. на д. м. п. в трех полях (посев на тягло 2,67 дес.). В Дмитровском у. той же губернии 853 д. м. п. оброчных крестьян платили оброк 1—1,5 руб. с д. м. п., имея при этом по 2,2 дес. пашни на д. м. п. в трех полях (посев на тягло 2,93 дес.). Таким образом, очевидно, что во всех трех случаях мы имеем объективно минимальное количество пашни на душу м. п. и тягло³⁶.

Такая же практика была и по отношению к барщинным крестьянам. Приведем в пример итоги сплошного подсчета данных по каждой из дач Генерального межевания по 23 уездам Европейской России (см. табл. 2.1)³⁷.

Сразу же оговоримся, что площадь посева определена здесь чисто формально (две трети от пашенного надела). Но даже на этом уровне рассмотрения проблемы по 12 уездам потенциальный посев меньше 3 дес. на тягло. А в Дмитровском у. он намного меньше любого минимально допустимого посева (правда, урожайность здесь была существенно более высокой, что компенсирует недостаток высева). И только в Костромском крае, в Смоленских землях и в Черноземье потенциальная площадь посева несколько выше, хотя в ряде уездов она все же минимальна (Каширский, Сергачский, Орловский, Мосальский, Трубчевский уу.). Если же учесть, что реальный посев был еще меньше, то вывод о резком ограничении природно-климатическими условиями России производственных возможностей крестьянского хозяйства вновь подтверждается.

Проверим теперь наши наблюдения сводными статистическими данными о посевах и урожаях в конце XVIII — первой половине XIX в. Эти дан-

³⁴ Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник МОИДР. — М., 1852. — Кн. 12. Смесь. — С. 13.

³⁵ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. — М., 1951. — С. 260.

³⁶ См.: Милов А.В. Исследование об Экономических примечаниях к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). — М., 1965. — С. 289.

³⁷ Там же. — С. 177—269.

ные по концу XVIII в. обработаны Н.Л. Рубинштейном, но их можно дополнить расчетами В.М. Кабузана о численности крестьянства на период IV и V ревизий по рассматриваемой нами территории (см. табл. 2.2)³⁸.

Таблица 2.1.

Размер посевной площади на тягло (пашенный надел без парового поля)

Уезды	Посев (дес. на 2 д. м. п.)	Годы	Уезды	Посев (дес. на 2 д. м. п.)	Годы
Вологодский	2,1	80-е	Каширский	2,8	1766—1771
Костромской	4,0	70—80-е	Епифанский	4,2	1776—1780
Кинешемский	4,1	80-е	Мосальский	2,9	1776—1779
Нерехтский	2,9	70—80-е	Сергачский	2,66	1784—1787
Мышкинский	2,9	70-е	Ефремовский	5,2	1776—1780
Дмитровский	1,7	1769—1773	Орловский	2,68	1777—1779
Клинский	3,3	1769—1773	Луганский	5,5	1777—1779
Вяземский	4,4	1776—1779	Трубчевский	2,9	1777—1779
Смоленский	4,0	1776—1779	Щигровский	3,8	1781—1788
Мало- ярославецкий	2,66	1769—1773	Корочанский	3,3	1781—1788
Тарусский	2,9	1776—1780	Землянский	4,5	1778—1781
Боровский	2,8	1769—1773			

Данные о численности крестьян в той или иной губернии синхронны со сведениями о посевах и сборах, что делает этот материал наиболее точным.

Прежде чем рассматривать эти результаты, следует вспомнить о соотношении посева в четвертях с площадью этого посева в десятинах. В вышеприведенном типичном хлебном бюджете по Новоторжскому уезду посев в 5 четвертей (с типичным соотношением культур) вполне располагается на площади 2,4 дес., и это посев на тягло. При урожае сам-2,6 на полного едока чистый сбор равен всего 2,86 чтв. Среднегубернские показатели табл. 2.2 свидетельствуют о том, что в Московской, Петербургской, Костромской, Калужской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Курской и даже Воронежской губерниях одנותягловый крестьянин имел посев в 2,4 дес. или чуть больше. Следовательно, резко ограничивающее воздействие природно-климатических условий на производственные возможности индивидуального крестьянского хозяйства выявляется и на этих материалах со всей определенностью. Крестьяне чаще всего не могли использовать даже ту небольшую по размеру пашню, которой владели (речь идет обо всех, а не только о барщинных крестьянах).

³⁸ Исходные данные см.: Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. — Приложение II. — С. 414—453; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизий). — М., 1971. — С. 94, 99, 103, 107, 111, 115.

Таблица 2.2.

Уровень земледелия Европейской России на основные годы IV и V ревизий

Губернии	Годы ревизии	Посев (тыс. чтв.)	Сбор (тыс. чтв.)	Всех крестьян (д. м. п.)	Посев на тягло (чтв.)	Чистый сбор на душу нас. (чтв.)
Московская	1782	707	1465	404515	3,5	0,9
Московская	1795	1119	2820	422167	5,3	2,0
Петербургская	1795	353,5	1112,3	169216	4,2	2,2
Костромская	1795	932	1835	383129	4,9	1,2
Владимирская	1795	1243	2742	434523	5,7	3,4
Нижегородская	1795	1143,8	2808,2	404879	5,6	2,0
Калужская	1782	696	2233	368632	5,7	3,0
Калужская	1795	951	3086	357223	5,3	2,99
Тульская	1782	998	4886	409332	4,9	4,7
Тульская	1795	1476	6299	417187	7,1	5,8
Рязанская	1782	1115,5	4819	411143	5,4	4,5
Тамбовская	1795	1595	3170	485158	6,6	3,2
Курская	1795	1350	2953,5	561214	4,8	2,6
Орловская	1795	1576	3382	460839	6,8	3,7
Пензенская	1795	1486,3	3714,3	336668	8,8	3,3
Воронежская	1795	1121	3235	431039	5,2	2,4

Что же касается конечного результата, то факты, которые фигурируют в таблице 2.2, отнюдь не оптимистичны. Резкие колебания погодных условий губительным образом сказываются на урожае. Даже в черноземных губерниях чистые сборы на душу населения были более чем скромными, а главное, нестабильными. Чистые сборы в Воронежской и Курской губерниях были намного ниже нормы в 3 четверти на взрослого едока. В Тамбовской и Пензенской они едва ее превышали. Единственно, что выручало здесь крестьянина, так это скотоводство и случающиеся большие урожаи. Что же касается Нечерноземья, то в Московской, Петербургской, Нижегородской и Костромской губерниях положение было крайне тяжелым, и у крестьян этих краев запасы хлеба кончались где-то к апрелю или даже раньше. В расход также шел скот, причем далеко не лишний в хозяйстве.

Если нарушить строгость в синхронности используемых данных и считать базовые показатели о посеве и сборах хлебов по годам, так сказать, "смежным" с основным годом IV или V ревизий, то материал для суждений будет существенно увеличен. Это данные за 1781, 1783, 1794, 1796 годы (см. табл. 2.3)³⁹.

³⁹ Исходные данные см. примечание к табл. 2.2.

Таблица 2.3.

Уровень земледелия Европейской России в 1781, 1783, 1794, 1796 годах

Губернии	Годы	Посев (тыс. чтв.)	Сбор (тыс. чтв.)	Посев на тягло (чтв.)	Чистый сбор на душу нас. (чтв.)
Ярославская	1796	1093	1904,1	6,1	1,1
Калужская	1783	828	2332	4,3	2,0
— “ —	1794	905	2875	5,0	2,75
— “ —	1796	942	2782	5,2	2,6
Нижегородская	1796	1139	3762	5,6	3,2
Тульская	1794	1430	5603	3,4	10,0
Рязанская	1781	1173	4321	5,7	3,8
— “ —	1794	1903	5278	9,0	4,0
— “ —	1796	2103,8	5611,3	10,0	4,1
Тамбовская	1781	972	2964	4,6	2,3
— “ —	1794	1701,4	4235,2	7,0	2,6
Орловская	1796	1573	6009	6,8	4,8
Пензенская	1796	1486	6889	8,8	8,0
Курская	1783	691	1987	2,8	1,3
— “ —	1796	1321	5071	4,7	3,3
Симбирская	1794	1209	2562	6,1	1,7

Как следует из материалов таблицы 2.3, расширение круга наблюдений вносит некоторые коррективы. Прежде всего следует отметить рост посевов в 90-е годы по сравнению с 80-ми годами. Правда, этот рост прослеживается далеко не всюду. Почти вдвое был рост по Рязанской, Курской и почти в полтора раза по Тамбовской губернии, заметный рост произошел по Московской и Тульской губерниям. Посевы в расчете на тягло по Рязанской и Пензенской губерниям поднялись до 9—10 четвертей, что соответствует площади посева 4,5—4,6 дес. на тягло. В Тамбовской и Орловской губерниях посевы на тягло чуть превысили 3 дес. Однако в остальных губерниях посевы сохранились на минимальном уровне. Вместе с тем с полной очевидностью выясняется, что в России связь расширения посевов с увеличением валовых сборов отнюдь не однозначна. Если средняя чистого сбора на душу населения по 80-м годам равна 3,8 четверти, то по 90-м годам, несмотря на рост посевов по площади или по густоте, она упала до 3,2 четверти на душу населения. А это все тот же минимальный солдатский годовой паек. К этому следует добавить, что в конце XVIII в. то и дело в отдельных губерниях случались сильные неурожаи. В 1795 г. чистый сбор на душу населения по Московской губ. снизился до катастрофического уровня 0,9 чтв. на душу, в Костромской губ. — до 1,2 чтв. на душу, в 1796 г. в Ярославской губ. — до 1,1 чтв. на душу и даже в черноземной Курской

губ. в 1783 г. чистый сбор на душу составил 1,3 чत्व., да и в Симбирской губ. в 1794 г. он был немногим выше (1,7 чत्व. на душу нас.)⁴⁰. А ведь при 1,5 четвертях годового хлебного продовольствия калорийность падает до 1500—1600 ккал, и это полуголодное существование. А пустыми шами, редькой и даже репой сыт будешь недолго. А где взять присыпку для скота?! Да и скот в этих условиях продержат очень сложно и т. д.

И.Д. Ковальченко для 1785 — 1796 гг. рассчитал душевые нормы посева по Европейской России в целом и по ее крупнейшим регионам. Приведем итоги этих расчетов: Северный регион — 0,54 чत्व., Северо-Западный — 1,24 чत्व., Центрально-Нечерноземный — 1,23 чत्व., Центрально-Черноземный — 1,29 чत्व., Средне-Волжский — 1,65 чत्व., Украинский левобережный — 0,59 чत्व., Приуральский — 1,07 чत्व. В целом средний душевой высев составил 1,18 чत्व. на душу или на тягло 4,72 четверти, что означает среднюю величину площади пашни под этот посев, равную снова тем же 2,4 десятины (в двух полях)⁴¹.

В описании Тверской губернии автор его старается доказать, что это условия нормального существования земледельца. Так, характеризуя крестьянское хозяйство Тверского уезда, наблюдатель пишет: "...всякий, примерно полагая, имеет земли в каждом поле не менее десятины. А потому и остаются у него излишняя четверть или две овса, сена, а ис скота — бык и овца, а также несколько коровьего масла, яиц, творога и за сие он получит в год не более 6 руб."⁴² Крестьянин "середняк" в Вышневолоцком у. также продает хлеб, скот, мед, воск, масло коровье, яйца, творог, холст — всего на 9—10 руб. в год⁴³. В Калязинском у. в однотоловом хозяйстве "в год продают быка, овцу и свинью и всего на 7—8 руб."⁴⁴ И жизнь, отмечает наблюдатель, у них не бедная, и хлеба хватает. В Кашинском уезде при урожае сам-4 и сам-5 этот "середняк" продает 2 или 3 четверти хлеба и "излишнего быка и овцу", получая за все в год 7 или 8 руб.⁴⁵ В Бежецком у. крестьяне "средственного" достатка продают в год своих продуктов на сумму до 10 руб.⁴⁶ В Корчевском у. — до 7—8 руб.⁴⁷ В Весьегонском у.

⁴⁰ И.Д. Ковальченко рассчитаны чистые сборы на душу населения за десятилетие 1785—1796 гг. в целом по 12 губерниям (Архангельская губ. — 1,1 чत्व., Олонекская губ. — 1,31 чत्व., Рязанская губ. — 2,15 чत्व., Орловская губ. — 4,03 чत्व., Тамбовская губ. — 2,69 чत्व., Курская губ. — 2,54 чत्व., Воронежская губ. — 2,88 чत्व., Саратовская губ. — 3,35 чत्व., Оренбургская губ. — 0,75 чत्व., Симбирская губ. — 1,65 чत्व., Московская губ. — 1,23 чत्व. и Калужская губ. — 2,56 чत्व. — см.: Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. // История СССР. — 1959. — № 1. — С. 72).

⁴¹ Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства. — С. 65 (по Северному региону у автора опечатка — 0,62).

⁴² ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 58.

⁴³ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 97.

⁴⁴ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 108.

⁴⁵ Там же. — Л. 85—85 об.

⁴⁶ Там же. — Л. 143 об.

⁴⁷ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 59.

“средственный крестьянин” продает 2 четверти хлеба, одного бычка или телу, одну свинью, одну овцу, масло, творог, яйца, но выручка от всего не превышает 5—6 руб.⁴⁸

Казалось бы, выглядит все вполне благополучно. Однако это лишь на первый взгляд. В нашем распоряжении есть типичный бюджет 80-х годов XVIII в., сделанный “по расчислению нескольких лет на каждый год”. Это бюджет крестьянина “посредственного состояния” с женою и двумя детьми, “живущего домом”⁴⁹. В год ему “потребно”:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение — 4 руб. 50 коп. с половиною.

2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына — 7 руб. 49 коп.

3. На соль — 70 коп.

4. На упряжку и конскую сбрую — 1 руб. 95 коп. с половиною.

5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. — 97 коп. с половиною.

6. На земледельные инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду — 4 руб. 21 коп.

7. На церковь — 60 коп.

8. Для жены и детей — 3 руб.

9. На непредвиденные расходы — 3 руб.

Итого — 26 руб. 43 коп. с половиною.

Даже если из числа расходных статей исключить “страховой фонд” в 3 руб. и сократить расход на женщин и детей вполнину, то все равно останется сумма, даже не сопоставимая с вышеприведенными доходами от продажи продуктов крестьянского хозяйства Калязинского, Кашинского, Весьегонского, Бежецкого, Корчевского и др. уездов. По сравнению с реальными потребностями они выглядят просто смехотворными. В целом по губернии необходимая сумма расходов по поддержанию средственного крестьянского однопольного двора (“на всякие в доме расходы”) колеблется от 20 до 26 руб.⁵⁰

Но обратимся снова к фактам. В Зубцовском у. однопольный крестьянин имел посев до 3 дес. в двух полях, то есть несколько выше минимальной нормы. Заготавливая до 300 пудов сена, он содержит скот не только для своих нужд, но и на продажу. Такой крестьянин в год может продать бычка, свинью, двух овец, три четверти хлеба, а также по мелочи: мед, воск, хмель, грибы, коровье масло, творог, яйца и т. д. Общая “прибыль” с хозяйства составляла 8—10 руб. Однако “по вернейшему исчислению” для нормальной жизни и “на подати и расходы” ему нужно до 26 руб.⁵¹ Иначе говоря, крестьянин-середняк далеко не сводит концы с концами. В Стариц-

⁴⁸ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 86.

⁴⁹ Там же. — С. 25 — 26.

⁵⁰ Там же. — С. 8.

⁵¹ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 279.

ком у. имеющий “на соху” не менее десятины пашни крестьянин продает всего “по цене на 8 или 9 руб.”. А на расходы и подати ему также необходимо 26 руб.⁵²

Даже там, где сумма необходимых расходов уменьшена, реальные доходы крестьян выглядят мизерными. Так, в Новоторжском у. “с каждой доли (то есть с двух тягол, — Л. М.) продается скота, масла коровьего, яиц, творога, грибов и ягод на 6 руб.”⁵³ Необходимо же было иметь “по вернейшему исчислению” 21 руб. В Вышневолоцком у., как уже говорилось, все продажи составляли 9—10 руб. в год, а на нужды и подати необходимо было 20 руб.⁵⁴ В Краснохолмском у. от хозяйства в год выручалось не менее 10 руб., а на нужды “здешнему крестьянину в год не более 17 руб. надобно”⁵⁵.

И так было не только в тверских краях, так было и в соседней Ярославской губернии, где уровень земледельческого производства был ниже, а “на всякие домашние расходы потребно крестьянину в год от 25 до 30 руб.”⁵⁶ С большой долей уверенности можно сказать, что подобное соотношение доходов и необходимых расходов характерно для всего Нечерноземья.

Если же цитированные выше необходимые затраты не производились, в конце концов, крестьянский двор беднел, хозяин его терял волю и упорство. Подобное хозяйство выглядело следующим образом: “1. С двора навоз течет; 2. Мало дров заготовлено; 3. Изба холодна и не конопачена; 4. Зимой лаптей и веревок не наготовлено; 5. Изба и сарай от дождя каплют; 6. Колод, яслей и решет нет для корму скота; 7. Стол немыт, а изба нечиста; 8. Тараканы и сверчки в избе; 9. Ножи, борона и сошники тупы; 10. Коса, серп и топор худы; 11. Мало рубах и один кафтан; 12. Лошадям, скоту и птицам невод (безводица, — Л. М.); 13. На дворе своего колодезя нет; 14. В погребе льду нет; 15. Летом телег, а зимой саней нет; 16. Лошадь с садном, а седла (седелки, — Л. М.) нет; 17. На полосе хлеб хуже всех; 18. Навоз не запахан; 19. Хлеб убирает позняя всех; 20. Летом избу топит, а не варит ничего; 21. Худые и сырые хлебы печет; 22. Ранее всех ест; 23. А долее всех спит; 24. Квасу в доме нет; 25. Здоровой по миру ходит и милостыни просит”⁵⁷.

Уровень реальной жизни большей частью, по-видимому, располагался между крайней бедностью и состоянием выживания, когда хозяин, применяя всевозможные “крестьянские извороты”⁵⁸, поддерживал на плаву свой двор и семью. В конечном же счете речь должна идти о крайне низком уровне земледельческого производства в целом для Европейской России и в осо-

⁵² Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 143.

⁵³ Там же. — С. 160.

⁵⁴ Там же. — С. 97.

⁵⁵ Там же. — С. 76.

⁵⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 4 об.

⁵⁷ Друковцев С.В. Экономическое наставление. — С. 49—50.

⁵⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19176. Л. 22 об.

бенности для территории ее исторического ядра. Земледелие здесь практически едва осуществляло функцию простого воспроизводства.

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., А.Т. Болотов писал: “Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием”⁵⁹. “Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засеивать свою пашню в способное время и для этого (из-за этого, — Л. М.) у него всегда был недород”, “незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле”, “имея одну негодную или две лошади, [крестьяне] с нуждою землю свою вспахать могут” — такие оценки давали основной массе крестьян XVIII в. современники⁶⁰.

В целом, чтобы завершить этот пласт весьма суровой информации, свидетельствующей о вечно низкой производительности труда в земледелии нечерноземной России, вернемся к вопросу о затратах труда. В очерке шестом, специально посвященном этому вопросу, проверяя надежность материала офицерских описей, мы дали довольно большое число оценок затрат труда на всех видах работ, кроме обмолота, на вольном рынке найма рабочей силы. Итогом была найденная нами примерная средневзвешенная оценка всех работ на десятину нечерноземных полей в 7 руб. 60 коп. Применительно к вологодским землям для соотнесения затрат труда с ценой на рынке полученной с этой десятины продукции сделаем простейшие расчеты. В 50—60-е гг. XVIII в. за четверть ржи в этих краях платили один рубль, а за овес — 60 коп.⁶¹ Если взять здешнюю урожайность по ржи сам-8 и сам-5 для овса, то получим доход в 9 руб. 40 коп. Добавляя несколько к этой сумме за счет других культур, в целом оценим доход на два поля в 10 руб., то есть по 5 руб. на десятину (разница в полтора раза). Затраты же труда стоят намного дороже (7 руб. 60 коп.). Аналогичен расчет и по Ярославскому у.: цена ржи примерно 1 руб. 20 коп., овса — 80 коп.⁶²; урожайность здесь возьмем оптимальную — для ржи сам-5, овса сам-4. Это дает доход на два поля 7 руб. 20 коп. С надбавкой на другие культуры (“мелкий хлеб”) получаем 8 — 8,5 руб. В расчете на одну десятину это составит 4—4,25 руб., что снова намного ниже оценки затрат на вольном рынке (в 1,8—1,9 раза). Если же взять объем урожая более реальным, то по Вологде (при урожайности ржи сам-4, а овса сам-3) доход с десятины в двух полях упадет до 2,6 руб., а по Ярославлю (при урожайности ржи сам-2,5, а овса сам-2) доход упадет до 1,3 руб.

⁵⁹ Литературное наследие. — М., 1933. — № 9—10. — С. 175.

⁶⁰ Труды ВЭО. — 1770. — Ч. XVI. — С. 64, 74, 115, 125—126; 1766. — Ч. II. — С. 157.

⁶¹ См.: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII — XIX вв.). — Л., 1985. — Приложение. Таблицы 4, 5.

⁶² Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. — С. 64—65.

Думается, этот расчет предельно обнаженно характеризует драматизм повседневной жизни большинства российских крестьян огромного Нечерноземья с его безнадежно нерентабельным сельскохозяйственным производством.

Что касается заокских черноземных просторов, то, как уже говорилось в седьмом очерке, о некоей рентабельности говорить вполне возможно. При скромном развитии промышленных предприятий и ограниченном спросе рабочих рук на промыслах цена на вольный труд в земледелии была, вероятно, намного ниже, чем в Промышленном Центре и на севере Европейской России. Достаточно привести лишь один пример. В селе Медяны в Алаторском уезде владения Нижегородского Печерского монастыря труд вольного наемника стоил в расчете на десятину в 2-х полях 1,42 руб. (сюда включены работы по пашне и севу яри и озими, жатва и молотба). Точно так же по селу Ратово подобные работы стоили 1,4 руб. за десятину в 2-х полях⁶³. Цена же получаемого хлеба была здесь в 2—3 раза выше. Низкие цены на сельскохозяйственный труд в этих плодородных краях могут быть объяснены сравнительно небольшими затратами труда, то есть примитивностью агрикультуры. Важную роль играла и крайняя хаотичность в чередовании урожайных и неурожайных лет, что было жестким препятствием в формировании рыночной конъюнктуры.

* * *

Ситуация с развитием сельскохозяйственного производства в первой половине XIX в. была не лучше. Для начала ознакомимся с итогами многолетнего изучения материалов приложений к губернаторским отчетам И.Д. Ковальченко и приведем итоги статистической обработки им информации о размерах посевов хлебов и картофеля в расчете на душу населения (таблица 2.4)⁶⁴.

При комментировании материалов таблицы № 2.4 о посевах хлебов и картофеля необходимо помнить, что обобщенный хлебный бюджет тверского однопольного хозяйства в 80-х годах XVIII в. предусматривал посев в 5 четвертей при площади посева примерно в 2,5 дес. в двух полях и составе семьи из 4-х человек. В нашей таблице итоговым показателем является реконструкция тягла путем увеличения душевого посева в четыре раза. Таким образом, наше тягло несет, скорее, статистическую нагрузку, тем не менее вполне достоверно отражая основную тенденцию развития, как во времени, так и в пространстве.

Итак, в первое десятилетие XIX в. в пределах Нечерноземья самое благополучное положение было в Псковской и Смоленской губерниях, где на

⁶³ См.: Соколова Н.В. Монастырское землевладение и хозяйство в Нижегородском крае в XVII — XVIII вв.: Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. — М., 1990. — Табл. 18, 17.

⁶⁴ Исходные данные см.: Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства в России в первой половине XIX в. — С. 64—65.

тягло посев был на 60% больше “тверского” посева. В самой Тверской губ. посев также увеличился на 12,5% (нельзя исключать при этом возможности роста посевной массы зерна за счет увеличения густоты высева). На Севере доля хлебных посевов катастрофически мала, и не выручали крестьян даже более высокие урожаи. Что же касается Центра России, то совершенно очевидно его почти бедственное состояние. В Костромской и Калужской губерниях средний высеv на тягло был даже меньше пяти четвертей, а это означало, что крестьяне возделывали пашню на полосах, меньших, чем 2,5 дес. в двух полях. Чуть больше 5 четвертей были высеvы в Ярославской и Владимирской губерниях, а в Вятской и Пермской губерниях высеv на тягло был на “тверском” уровне: ровно 5 четвертей.

Не слишком сильно отличались посеvы и в Черноземье. Здесь резко выделяются Тульская и Пензенская губернии, где пятичетвертную норму посеvы превысили на 48—71%. Однако в Курской и Рязанской губерниях высеv практически на “тверском” уровне, то есть посевная площадь оставалась в пределах 2,5 дес. В Тамбовской и Саратовской этот уровень превышен на 19—29%.

Перейдем теперь к анализу данных по двум десятилетиям, непосредственно предшествующим реформе 1861 г. Заметим, что сопоставление с другими десятилетиями допустимо здесь лишь в первом приближении.

Первый же важнейший вывод буквально ошеломляет. Ведь спустя три десятилетия средний высеv в пределах территорий русских губерний не только не увеличился, но, может быть, даже уменьшился (в 1802—1811 гг. 5,54 чtv., а в 1841—1850 гг. 5,13 чtv.). За этими сухими цифрами стоит трагичная судьба русского крестьянства. Знакомство с материалами первой части работы дает возможность осознать, путем какого огромного напряжения сил нашему земледельцу доставалась каждая четверть зерна. И в XVIII веке, и много раньше сельскохозяйственная пора — это “страда”, страдание, тяжелый надрывный труд. Ведь русский пахарь всегда работал на пределе своих возможностей. И тем не менее, шли десятилетия, а площадь высева в расчете на тягло оставалась та же.

В советской историографии все исходные данные, которыми мы оперируем, были известны, но на них смотрели только как на свидетельства губительного воздействия на экономику крестьянского хозяйства жесточайшего крепостного права. Один из образованнейших людей конца XVIII в., И.Г. Георги писал, правда с известной долей лакировки, следующее: “Крестьянин каждый имеет собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем, который имеет силу не меньшую закона”. При условии выплаты в той или иной форме ренты все, что “крестьянин вырабатывает или ремеслом своим достает, остается точно ему принадлежащим, тем владеет он во всю жизнь свою спокойно, отдает в приданое за дочерьми, оставляет в наследие своим сыновьям и родственникам по воле своей невозбранно. Без такой свободы и

Таблица 2.4. Посевы хлебов и картофеля в первой половине XIX в. (в четвертях)

Губернии	Годы									
	1802—1811			1841—1850			1851—1860			
	На душу нас. всего	На тягло		На душу населения		На тягло всего	На душу населения			На тягло всего
		всего	хлебов	картоф.	всего		хлебов	картоф.	всего	
Архангельская	0,35	1,4	0,29	0,04	0,33	1,32	0,28	0,03	0,31	1,24
Вологодская	—	—	0,67	0,03	0,70	2,8	0,68	0,03	0,71	2,84
Олонецкая	0,54	2,16	0,54	0,04	0,58	2,32	0,56	0,03	0,59	2,36
Петербургская	—	—	0,90	0,20	0,10	4,4	0,44	0,10	0,54	2,16
Новгородская	—	—	0,93	0,11	1,01	4,04	0,82	0,10	0,92	3,68
Псковская	2,05	8,2	1,18	0,18	1,36	5,44	1,12	0,11	1,23	4,92
Смоленская	1,98	7,9	1,98	0,16	2,14	8,56	1,90	0,14	2,04	8,16
Ярославская	1,37	5,48	1,28	0,10	1,38	5,52	1,31	0,20	1,51	6,04
Костромская	1,19	4,76	1,28	0,06	1,34	5,36	1,34	0,05	1,39	5,56
Тверская	1,56	6,24	1,51	0,21	1,72	6,88	1,41	0,16	1,57	6,28
Московская	1,26	5,04	0,89	0,09	0,98	3,92	0,87	0,09	0,96	3,84
Владимирская	1,40	5,6	1,29	0,06	1,35	5,4	1,28	0,07	1,35	5,4
Калужская	1,08	4,32	1,30	0,13	1,43	5,72	1,22	0,08	1,30	5,2
Тульская	1,85	7,4	2,01	0,13	2,14	8,56	2,06	0,13	2,19	8,76
Рязанская	1,27	5,08	1,35	0,05	1,40	5,6	1,34	0,08	1,42	5,68
Орловская	—	—	1,70	0,14	1,84	7,36	1,58	0,11	1,69	6,76

Таблица 2.4. Посевы хлебов и картофеля в первой половине XIX в. (в четвертях)

Губернии	Годы										
	1802—1811			1841—1850			1851—1860				
	На душу нас.		На тягло всего	На душу населения		На тягло всего	На душу населения		На тягло всего		
	всего	всего		хлебов	картоф.		хлебов	картоф.		хлебов	картоф.
Тамбовская	1,49	5,96	5,96	1,39	0,05	1,44	1,33	0,09	1,42	5,68	
Курская	1,31	5,24	5,24	1,29	0,09	1,38	1,23	0,09	1,32	5,28	
Воронежская	—	—	—	1,37	0,06	1,43	1,29	0,08	1,37	5,48	
Пензенская	2,14	8,56	8,56	1,70	0,04	1,74	1,51	0,06	1,57	6,28	
Симбирская	—	—	—	1,43	0,03	1,46	1,32	0,03	1,35	5,4	
Самарская	—	—	—	—	—	—	1,47	0,03	1,50	6,0	
Саратовская	1,61	6,44	6,44	1,35	0,03	1,38	1,34	0,04	1,38	5,52	
Вятская	1,25	5,0	5,0	1,46	0,04	1,50	1,48	0,04	1,52	6,08	
Пермская	0,81	5,0	5,0	0,96	0,02	0,98	0,99	0,03	1,02	3,56	
Оренбургская	—	—	—	1,26	0,02	1,28	0,86	0,03	0,89	3,56	

безопасности не мог бы крестьянин наживать по 100 тысяч рублей и более капитала. Собственность крестьянина состоит в его доме, имении, скоте и земле, сколько ему наделу с прочими той деревни крестьянами достанется, а приобретение его зависит от его рук, досужества, проворства и рачения”⁶⁵.

Из слов этого современника, по крайней мере, следует, что, будучи “крещеной собственностью”, крестьянин тем не менее оставался собственником жизненных средств. Но в отличие от промысловика, земледелец редко богател именно вследствие того, что земледелие в пределах исторического ядра Российского государства имело жестко ограниченные мачехой-природой рамки.

Из сопоставления итогов предреформенного двадцатилетия четко видна тенденция к снижению размера посева в расчете на тягло, и это справедливо расценивается как следствие возросшей крепостнической эксплуатации (средний посев на тягло с 5,13 чтв. в 1841—1850 гг. снизился до 4, 83 чтв. в 1851—1866 гг.).

Но в первую очередь речь должна идти о попытке объяснения, почему в районах, не являющихся оплотом господства крепостничества, размеры посева на тягло составляют по-прежнему 2,5 или 2,9 дес. на тягло в двух полях. В пояснение приведем итоги нашей обработки данных книги В.П. Яковлевой, изучившей архивные материалы по состоянию сельского хозяйства Тамбовской губернии в конце 40-х — 50-х годах XIX в. (см. таблицу 2.5)⁶⁶.

Таблица 2.5.

Размер посева на душу м. п. у государственных крестьян Тамбовской губ.

Уезды	Посев на д. м. п. (в дес.)	Посев на д. м. п. (в чтв.)	Посев на тягло (в дес.)	Посев на тягло (в чтв.)	Лошадей на тягло
Елатомский и Шацкий	1,55	2,42	3,0	4,84	1,5
Темниковский	1,66	2,79	2,92	5,58	1,46
Моршанский	1,84	3,19	3,28	6,38	2,12
Козловский	1,78	2,85	3,16	5,7	1,86
Тамбовский	1,99	3,13	3,58	6,26	1,44
Кирсановский	2,45	3,61	4,9	7,22	1,86
ИТОГО в среднем	1,88	3,00	3,47	6,00	1,7

Подробные расчеты В.П. Яковлевой, сделанные с учетом каждой дачи межевания Менде, объема высева каждой культуры трехпольного севооборота на душу муж. п., позволяют, в частности, определить посевную площадь

⁶⁵ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. 4. — С. 116 — 117.

⁶⁶ Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмены крепостничества в России. — Йошкар-Ола, 1997. — С. 155.

на тягло у государственных крестьян губернии, то есть населения, подвергнувшегося наименьшему угнетению со стороны “централизованного феодала”. Исходя из минимально нормальных норм высева (ржи — 10 четвериков, овса — 3 четверти, ячменя — 16 четвериков и. т. д.), мы рассчитали примерную площадь высева на душу муж. п. и на тягло. Полученные результаты свидетельствуют, что в Шацком и Елатомском уездах площадь высева на тягло несколько выше 2,4 дес. и доходила до 3,0 дес. в двух полях. А в пяти черноземных хлебопашенных уездах реконструируемая площадь высева достигала 3,57 дес. на тягло (по 6 уездам — 3,47 дес. при среднем высеве в 6 четвертей на тягло). Если же, скажем, высев ржи в нашей реконструкции загустить до 1,5—2,0 четвертей на десятину (а мы уже видели, что такие высевы в Черноземье были), то площадь высева сократится почти на десятину (примерно до 2,6 дес.).

В книге у В.П. Яковлевой есть очень ценный материал и по барщинным крестьянам. У этой категории крестьянства среднее количество высеваемых четвертей в расчете на тягло в 50-х годах XIX в. было: в Елатомском у. — 5,32 чтв., в Шацком у. — 5,04 чтв., в Темниковском у. — 4,54 чтв., в Спасском у. — 6,99 чтв., в Моршанском у. — 5,37 чтв., в Тамбовском у. — 6,18 чтв., в Козловском у. — 6,43 чтв. и в Кирсановском у. — 6,37 чтв.⁶⁷ Опираясь на аналогичные по средним высевам в помещичьих хозяйствах, где известна и площадь пашни⁶⁸, можно экстраполировать расчеты по помещичьим высевам на высевы барщинных крестьян. В среднем помещики 8 уездов имели высевов 6,34 чтв. в расчете на крестьянское тягло при посевной площади в двух полях, равной 4,36 дес. Следовательно, крестьяне, имея средний по 8 уездам высев в 5,78 чтв. на тягло, использовали под этот посев примерно 4 дес. (3,98 дес.) в двух полях. Таким образом, общая нагрузка на тягло, включая барщину, могла бы достигать до 8,34 десятины. Эта цифра, разумеется, очень велика. В реальности сумма площадей пашни была меньше, ибо на пашне помещика использовались и дворовые люди.

В связи с этим крайне важно выяснить обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом. Обычно для этой цели привлекаются данные подворных описей первой половины XIX в., но в нашем случае целесообразно использовать сведения Экономических примечаний Менде, где представлены имения и мелкие, и средние, и крупные. Материалы по государственным крестьянам Тамбовской губернии, обработанные В.П. Яковлевой, свидетельствуют о том, что на голову рабочего скота здесь приходилось не более 3,4 четверти высева (или примерно 2,3 дес. пашни). Такая же нагрузка на лошадь была и у оброчных крестьян губернии. По каждому из 4-х уездов, где есть данные по оброчным крестьянам, размеры высевов в расчете на тягло были следующими: в Елатомском у. — 3,95 чтв. (при 1,48

⁶⁷ Яковлева В.П. Указ. соч. — С. 95.

⁶⁸ Там же. — С. 38.

лош. на тягло), в Шацком у. — 4,84 чтв. (при 1,37 лош. на тягло), в Темниковском — 3,2 чтв. (при 1,29 лош. на тягло) и в Кирсановском у. — 8,14 чтв. (при 1,72 лош. на тягло)⁶⁹. При условии, что из числа южных уездов в этой выборке есть лишь один Кирсановский у., средняя по 4-м уездам будет лишь грубым обобщением (5,03 чтв. при 1,46 лош. на тягло), хотя конечный итог нагрузки на рабочую лошадь (3,45 чтв. высева на голову тягловой силы) точно совпадает с нагрузкой у государственных крестьян. Таким образом, наши данные вполне достоверны.

По сравнению с обычной нагрузкой на рабочую лошадь у государственных и оброчных крестьян, нагрузка на лошадь у барщинных крестьян, на первый взгляд, должна быть оценена как чудовищная, а поэтому и маловероятная. Но, как уже говорилось, на барской пашне работали и дворовые люди. Их вклад в обработку барской пашни можно восстановить, хотя бы в первом приближении, пользуясь данными о количестве барских лошадей по восьми уездам губернии. В работе В.П. Яковлевой эти сведения даны в расчете на крестьянское тягло (Елатомский у. — 0,2 лош., Шацкий у. — 0,18 лош., Темниковский у. — 0,18 лош., Спасский у. — 0,33 лош., Моршанский у. — 0,19 лош., Тамбовский у. — 0,46 лош., Козловский у. — 0,24 лош., Кирсановский у. — 0,23)⁷⁰. Суммируя эту долю с общей обеспеченностью рабочим скотом барщинных крестьян этих уездов, мы получим на тягло уже не 1,7 лош., а 1,95 лош., следовательно, в совокупности с высевом на барской пашне на голову рабочего скота в итоге приходится 4,28 дес. посевной площади в двух полях. Это, разумеется, тоже очень большая нагрузка на рабочую лошадь. К тому же следует учитывать весьма скудную кормовую базу в крестьянском хозяйстве, где к весне обычно корм был на исходе.

В книге В.П. Яковлевой есть ценнейшие данные о размерах заготовок сена для рабочего и продуктивного скота. В пересчете на голову крупного скота у государственных крестьян в среднем по 6 уездам приходилось на стойловый период всего лишь 14,4 пуда. Цифра чисто символическая, и слабосильность крестьянских лошадей при таком корме совершенно очевидна. Ведь это только в Западной Европе, в частности в Англии, еще в конце XVIII в. с августа по октябрь овец пасли на молодых травах, а на зиму выгоняли на репные поля и только в сильные холода помещали в тепло, давая хорошее сено, репу и капусту. На репные поля с ноября и на всю зиму выгонялся весь скот, а весной — на лучшие пастбища. Коров за 6 месяцев до отела начинали кормить хорошим сеном, хотя, видимо, могли бы кормить и зерном (тогда считалось, что от такого корма у коров могут лопнуть сосцы)⁷¹. А рабочая лошадь, как уже говорилось, только одного овса получала в год от 22 до 25 четвертей.

⁶⁹ Яковлева В.П. Указ. соч. — С. 38, 95, 133.

⁷⁰ Там же. — С. 51.

⁷¹ Ливанов М. О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. — Николаев, 1799. — С. 186—187.

Возвращаясь к рассмотрению производственных потенциалов крестьянской рабочей лошади, следует заметить, что посевная нагрузка, достигающая 4,28 дес. на голову, может быть объяснена только чрезвычайно примитивной обработкой земли. В описании губернии в Экономических примечаниях Менде, в частности, сказано: “Во многих местностях Тамбовской и Воронежской губерний” “высевают овес по непаханной земле, не боронуют посеянную рожь и не навозят поля, что и дает им возможность возделывать земли гораздо более”⁷². Не менее интересно и замечание по практике земледелия Борисоглебского уезда: “Обстоятельства нашей местности таковы, что, кто посеет больше, тот и с доходами, хотя обработка земли производилась бы и не с надлежащею тщательностью и своевременностью”⁷³. Таким образом, если в конечном счете на тягло барщинного крестьянина приходилось 4,28 дес. посева, то усилия на их обработку было намного меньше, чем обычно.

Подводя итог нашему разбору вопроса о реальном посеве одנותяглового крестьянского хозяйства, следует отметить, что практически всюду он был ограничен площадью в 2,4—2,6 дес. в двух полях. Там, где были богатые черноземы, площадь высева могла быть увеличена только за счет резкого снижения требований к качеству обработки почвы, за счет посевов по стерне, за счет отказа от боронования и т. п.

Возвращаясь к материалам по всем русским губерниям Европейской России, следует обратить внимание, что к середине века наибольшие высевы по-прежнему были в Смоленской (8,56 чтв.), Тульской (8,56 чтв.), а также в Орловской (7,36 чтв.). Около 7 четвертей на тягло засевали одנותягловые крестьяне Тверской (6,88 чтв.) и Пензенской (6,96 чтв.) губерний. Север по-прежнему имел почти символические высевы. Очень мало высевали в Петербургской и Новгородской губерниях (4,0—4,4 чтв.). В остальных губерниях Черноземья и Нечерноземья посевы уместались в интервале от 5 до 6 четвертей на тягло (Псковская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Симбирская, Саратовская, Вятская, Пермская и Оренбургская губернии).

В предреформенное десятилетие, как уже говорилось, общая тенденция развития земледелия была связана со снижением производства. При этом в некоторых нечерноземных губерниях оно явно сопровождается переключением крестьян на промысловые занятия (в Московской губернии высевы за 50 лет упали с 5,04 чтв. до 3,84 чтв. на тягло, в Пермской губ. произошло снижение с 5 чтв. до 3,56 чтв. на тягло). Видимо, то же происходило и в Петербургской губернии, где к 1861 году высев упал до 2,16 чтв. на тягло. Однако весьма важно, что в главнейших местах сосредоточения крестьянской промышленной деятельности (в Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской губерниях) высев не снизился, а кое-где несколько

⁷² Яковлева В.П. Указ. соч. — С. 40.

⁷³ Там же. — С. 38—39.

ко вырос, хотя и очень незначительно. Это обстоятельство весьма красноречиво, ибо оно свидетельствует о том, что в XVIII—XIX вв. процесс общественного разделения труда (отделения промышленности от земледелия) совершался в крайних, болезненных формах. Крестьяне переключались на промысловые занятия не потому, что в земледелии в итоге роста производительности труда, интенсификации агропроизводства появлялись излишние людские ресурсы, как можно было бы полагать, не зная материала. Напротив, сельскохозяйственное производство в Промышленном Центре России оставалось по-прежнему общественно необходимым, и общество нуждалось в этой продукции. Но крайне неэффективное земледелие не способно было прокормить земледельцев, и это толкало их в города, на каналы, на фабрики, способствовало возникновению крестьянского ремесленного производства. Товарный хлеб в России — это дар капризной Природы.

Чтобы убедиться в этом, ознакомимся с данными об урожайности зерновых в первой половине XIX в. (см. таблицу 2.6)⁷⁴.

Таблица 2.6.

Урожайность озимых и яровых культур и чистые сборы на душу населения в первой половине XIX в. (в среднем в год в "самах")

Годы	1802—1811	1841—1850	1851—860	Чистые сборы на душу населения		
Губернии				1802— 1811	1841— 1850	1851— 1860
1	2	3	4	5	6	7
Архангельская	4,4	4,0	3,3	1,18	1,04	0,73
Вологодская	—	3,4	3,4	—	1,67	1,71
Олонецкая	3,6	3,8	3,4	1,39	1,63	1,46
Петербургская	—	2,9	2,9	—	2,34	1,15
Новгородская		2,8	2,6	—	1,82	1,56
Псковская		2,7	2,6	3,20	2,32	2,05
Смоленская	2,6	2,5	2,3	3,21	3,30	2,67
Ярославская	2,6	2,7	2,7	2,15	2,44	2,72
Костромская	2,7	2,7	2,8	2,08	2,32	2,55
Тверская	2,5	2,5	2,5	2,36	2,55	2,50
Московская	2,3	2,8	2,3	1,60	1,79	1,39
Владимирская	2,5	2,7	2,8	2,04	2,37	2,42
Нижегородская	3,3	3,1	3,3	3,64	3,01	3,24
Калужская	2,5	2,7	2,2	1,62	2,52	1,57
Тульская	3,3	3,6	3,2	4,24	5,62	4,74

⁷⁴ Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. — С. 68—69.

1	2	3	4	5	6	7
Рязанская	3,8	3,6	3,1	3,57	3,68	3,08
Орловская	—	3,5	2,9	—	4,64	3,33
Тамбовская	4,4	3,9	3,5	5,18	4,13	3,58
Курская	3,8	3,8	3,1	3,69	3,92	2,78
Воронежская	—	3,0	3,2	—	2,88	3,16
Пензенская	3,5	3,3	3,9	5,33	4,05	4,23
Симбирская	—	3,3	4,0	—	3,31	3,97
Саратовская	3,2	3,4	3,6	3,48	3,34	3,58
Самарская	—	—	3,6	—	—	3,90
Область Войска Донского	3,8	—	—	2,10	—	—
Оренбургская	—	3,1	3,7	—	2,69	2,42
Ставропольская	4,3	4,0	—	3,24	2,25	—
Вятская	2,8	3,6	3,2	2,31	3,85	3,40
Пермская	3,0	3,8	3,5	1,6	2,71	2,59
ИТОГО в среднем	3,23	3,2	3,1	2,82	2,90	2,68

Если в 50-х годах XIX в. расчетная потребность в продовольственном зерне достигала 138 млн чтв. (15,456 тыс. т), то реальный сбор в среднем за 10 лет достигал всего 141 млн чтв. (15,792 тыс. т). Казалось бы, одно с другим вполне совпадает. Однако, во-первых, расчет продовольственных потребностей основан был на заниженной норме употребления зерна и круп (около 17,4 пуда на взрослого едока, или 278,4 кг), составляющей без расхода на корм скоту в сутки чуть более 2000 ккал. Кроме того, никак не были учтены потребности крестьян в продаже зерна для поддержания своего хозяйства, личных потребностей в одежде, необходимых средств для уплаты налогов и податей. А ведь зерновая часть дохода земледельца играла во всем этом немалую роль. Далее, этот хлебный баланс страны не учитывал государственные закупки зерна на армию, не включал в себя расходы на винокурение и экспорт зерна. С учетом их общий баланс имел бы весьма большой дефицит.

Разумеется, это не означало, что в стране не было винокурения или товарного зерна. По расчетам И.Д. Ковальченко, объем хлебного рынка в России в 50-х годах XIX в. достигал примерно 37 млн чтв. (по другим расчетам — 43—49 млн чтв.)⁷⁵. Но и товарное зерно и винокурение — это в существеннейшей мере итог дальнейшего снижения уровня питания.

⁷⁵ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. — М., 1967. — С. 97; Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. — М., 1974. — С. 143.

Дореформенный рынок — это рынок продажи хлеба из нужды, хотя независимо от этих мотивов он служил ареной действия законов товарного производства.

Отсюда неизбежен главный вывод: Россия была многие столетия социумом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Особенно ярко это проявилось при изучении величины чистых сборов хлебов в расчете на душу населения. Данные на этот счет есть по трем десятилетиям первой половины XIX в.

Главное, что следует сразу же отметить, это уже знакомая нам по пятому очерку неизменность низкого уровня урожайности за полстолетия. И тем не менее, эта стабильность — итог весьма упорного труда русских крестьян, труда, как мы видели, требующего мощной концентрации физических и духовных сил народа в борьбе за средства поддержания жизни. При этом, к сожалению, как и в предыдущие столетия, в XIX в. по-прежнему не было корреляции между затратами труда и его итогами даже в масштабах протяженных периодов времени. В этом наиболее ощутимо и проявляется коварная роль нашей мачехи-природы.

Сводные, по десятилетиям, данные по урожайности скрывают от читателя отдельные взлеты урожайности в отдельных губерниях или целых группах губерний. Однако они скрывают и нередкие бедствия в сельской жизни тех же губерний и целых регионов, когда миллионы крестьян в жатву едва собирали на семена. Конечно, столь масштабные бедствия были не столь часты, но на ликвидацию их последствий уходили годы.

Из данных таблицы № 2.6 четко видно, что урожайность в нечерноземной зоне чаще всего была ниже сам-3, хотя в помещичьих хозяйствах она могла быть выше, чем в крестьянских. Огромное количество земледельцев не могли себя прокормить ни в начале, ни в середине XIX века. Средняя по губернии урожайность в Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Калужской губерниях колебалась от сам-2,3 до сам-2,8. Выше сам-трех урожайность в Нижегородской губ. держалась за счет ее черноземного юга. Что же касается самого Черноземья — тогдашней житницы Европейской России, — то, как видно из данных за полвека, возможности в создании мощного постоянного потока товарного зерна были в это время очень скромными. В первое десятилетие какие-то явные излишки имели лишь Тамбовская, Рязанская, Курская, Ставропольская губернии и Область Войска Донского. По 40-м годам к таким губерниям можно отнести снова ту же Тамбовскую, Курскую, Ставропольскую и Пермскую губернии. Важно, что средняя десятилетняя урожайность в нечерноземных регионах не опускалась в эти годы ниже сам-2,7 (кроме Тверской и Смоленской губерний).

В предреформенное десятилетие происходит давно известный в историографии спад в урожайности, особенно ощутимый в черноземных регионах

(Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Курская губернии). Четко определена и причина этого: кризис системы крепостничества. Немаловажно, что при этом в ряде южных регионов было некоторое повышение урожайности (Пензенская, Симбирская, Оренбургская губернии). Добавим, что в более южных районах — на Украине, в Бессарабии, в Области Войска Донского — уровень урожайности был чуть выше (в 10 украинских губерниях и Бессарабии в 1801—1810 гг. он был в среднем сам-3,4, в 1841—1850 гг. — сам-4,2, в 1851—1860 гг. — сам-3,8). В целом же в Европейской России так и не появились регионы с ритмичным и постоянным производством зерновой товарной продукции.

Исключительно экстенсивный характер земледелия, и невозможность при тогдашнем уровне российской цивилизации развивать производство путем его интенсификации неизбежно и постоянно выдвигали проблему освоения новых территорий для увеличения валового продукта земледелия. Зерновое производство в России развивалось, таким образом, в первую очередь за счет вовлечения в него новых людских ресурсов. Нужда общества в хлебе постоянно стимулировала этот процесс.

Убедиться в этом помогают сводные данные о величине чистых сборов хлебов в расчете на душу населения по трем десятилетиям первой половины XIX в. Данные таблицы 2.6 раскрывают довольно неприглядную картину жизни народа с точки зрения душевой обеспеченности зерном. В Архангельской и Олонецкой губерниях в первом десятилетии этого века приходилось на душу населения соответственно 1,18 четверти и 1,39 четверти в год. Конечно, из этих запасов ничего продать нельзя, да и на питание не хватит, не говоря уже о подкормке скота. А коль скоро народ все же жил, то, видимо, важную роль в питании играла и рыба, и кое-какие овощи, а возможно, и мясо.

Здесь уместно напомнить факты, уже приводившиеся в одиннадцатом очерке, что в 80-х годах XVIII в. жители Олонецкой провинции во всех уездах, кроме Каргопольского, с марта или апреля практически постоянно до нового хлеба толкли в муку сосновую кору и, “прибавя несколько ржаной и ячменной муки”, пекли некие хлебы. В соседней Архангельской губ. толкли так называемый “березовый дуб” и траву вахку, а когда мука совсем кончалась, делали колобки из толченой коры, перемешав ее с рыбою и молоком. Обобщенный по десятилетиям расчет чистых сборов за первую половину XIX в. только подтверждает безысходную хлебную нужду северян-архангельцев и олончан.

Конечно, в промышленных губерниях было получше. В первом десятилетии самый скудный “хлебный паек” имели Московская (1,6 чтив. на душу) и Калужская (1,62 чтив. на душу) губернии. Однако их население, особенно в Московской губ., активнейшим образом было втянуто в промысловую и промышленную деятельность, и поэтому земледелие здесь отходило на вто-

рой план, уступая место привозному зерну, что, несомненно, содействовало удорожанию хлеба, так как абсолютная масса его становилась меньше. В остальных губерниях Промышленного Центра (Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской) чистые сборы на душу населения были в пределах 2,0—2,36 чтв. При таком зерновом фонде даже по 12 пудов на душу невозможно выделить на питание, так как сэкономленного все равно не хватило бы на скотину.

Конечно, народ приспособлялся, в пище было много овощей (репа, редька, капуста). Картофель еще только-только входил в рацион крестьянской пищи. Разумеется, большую роль играли “дары леса”. Но нужно помнить, что ритм трудовой жизни крестьянина позволял ему делать лишь стремительные вылазки на “грибную охоту”, и грибы заготавливали в основном дети. А как известно, грибы — продукт коварный, и к тому же низкокалорийный. Автор топографического описания Тверского края, обративший особое внимание на эту деталь крестьянской жизни, отмечал среди наиболее частых причин детской смертности две главных: оспу и поносы. А среди взрослых в Тверском крае нередки были случаи падучей болезни. Причиной ее, по мнению тамошних медиков, было “неумеренное потребление грибов”. Что же касается мясной пищи, то, как было показано в 11-м очерке, крестьяне Нечерноземья мясо ели редко, а молоко чаще шло на “скопы” (масло, сметана), а скопы шли на рынок, хотя в одנותягловом хозяйстве их собирали (копили) немного. Ведь крестьянские коровы не чета помещичьим, от которых в год можно было собрать 30—40 ф. масла (12—16 кг). В Нечерноземье веками действовал принцип: “У нас не столько масло, сколько скотина нужна” (на навоз, — Л. М.)⁷⁶.

Разумеется, в черноземных краях хлебный достаток был выше, и это заметно по данным таблицы 2.6. В первом десятилетии XIX в. в черноземных краях хлеба получали много. В описании Тамбовского края в 80-х годах XVIII в. подчеркивалось, что у многих крестьян в скирдах хранился едва ли не весь годовой запас зерна. При условии полного потребления получаемой продукции предполагаемый суточный хлебно-крупяной “рацион” в первом десятилетии века в таких губерниях, как Тамбовская или Тульская, был бы равен соответственно 5525 ккал и 4523 ккал. А по Пензенской губ. суточная норма достигала бы 5685 ккал. Однако потребности крестьянского хозяйства были и многочисленны, и многообразны, на что и шли некоторые излишки, хотя их было и не столь уж много.

В остальных губерниях уровень чистых сборов на душу населения был 3,24—3,69 чтв., что очень незначительно превышает установленный нами минимум. А Область Войска Донского просто не была обеспечена зерном.

За десятилетия — тридцатые годы XIX в. массовых систематических данных о посевах и сборах хлебов по стране в целом не сохранилось ввиду от-

⁷⁶ Инструкции об управлении... — С. 6.

сутствия губернаторских отчетов. Таковые есть лишь по двум предреформенным десятилетиям. Первое десятилетие (1841—1850 гг.), пожалуй, выглядит наиболее благополучным, и различия с началом века не имеют сколько-нибудь кардинального характера. В редких случаях среднестатистический душевой сбор увеличился больше, чем на четверть (например, по Тульской губ.). В целом же, если средняя душевая обеспеченность по 21 губернии была на уровне 2,82 чтв. (около 3000 ккал), то в 1841—1850 гг. она повысилась лишь чисто арифметически (2,9 чтв.).

Северные регионы несколько увеличили потенциальный годовой хлебно-крупяной “рацион” (Олонецкая и Вологодская губернии имели в среднем за 10 лет на душу 1,63 чтв., или примерно 1740 ккал, и 1,67 чтв., или ок. 1780 ккал). В целом же по Нечерноземью увеличение его не превысило 0,3 чтв. на душу. В 11-ти черноземных и степных губерниях средний чистый сбор на душу населения составил 3,4 чтв., и, строго говоря, ни о каких излишках хлеба по этому региону речи не могло быть. Но путем снижения уровня потребления образовывался немалый фонд зерна на продажу. Выполнение этой задачи облегчало наличие в крестьянском хозяйстве достаточного количества скота.

Наконец, несколько комментариев о собственно предреформенном десятилетии. Данные по чистым сборам лишь подтверждают сказанное выше. Налицо некоторый спад земледельческого производства, хотя мы опираемся на материал лишь 29 русских губерний. Правда, данные по украинским губерниям и Бессарабии не меняют общей картины. Средний душевой чистый сбор за предреформенное десятилетие в этих губерниях был равен всего 2,2 чтв. И это отнюдь не зерно лишь для продовольствия. Прибалтийско-Белорусский регион также имел средний чистый сбор хлебов в 2,3 чтв. на душу населения. Следовательно, некоторое снижение уровня зернового производства было характерно для Европейской России в целом, и снижение это было, как известно, за счет кризиса крепостничества.

По 27 русским губерниям средний чистый сбор составил всего лишь 2,68 чтв. на душу населения, или 21,4 пуда, что почти на три пуда ниже солдатского годового пайка. И вновь напомним, если бы весь этот сбор шел на питание, положение было бы по-житейски суровым, но отнюдь не угрожающим. Но нужды на хозяйство и подкормку скота резко ухудшали ситуацию. Ведь только на одну лошадь семье из 4-х человек необходимо было выделить по 3—4 пуда с души, а ведь были еще и коровы, и свиньи.

Что касается 14 нечерноземных губерний, то здесь средний душевой чистый сбор снизился до 1,98 чтв. При условии, что все шло на питание, суточная норма достигала бы всего лишь 2,1 тыс. килокалорий. Таким образом, без дополнительных источников дохода — это уже почти суровое существование. А ведь и здесь был скот, и нужна была и подсыпка, и овес.

Конечно, жизнь была сложнее, и крестьяне сами снижали потребление, экономили на каждом шагу. Не следует забывать и о тех 20% крестьян,

которые, по словам кн. М.М. Щербатова, “питаются мякинным хлебом, живя скорее, как животные, а не как люди”. Большую роль при этом играли промысловые заработки и работы на фабриках. Но тот поток товарного хлеба, который шел из более южных районов страны в Нечерноземье, и в частности в промышленные губернии, судя по данным о чистых сборах, увеличивал объем недостающего зерна до необходимого нормального уровня в 3200 ккал на душу населения лишь на треть от необходимого. При этом увеличение товарной массы в Нечерноземье могло быть только за счет снижения уровня потребления населения собственно черноземных и степных губерний. Что, видимо, и было в реальной действительности, так как развитое скотоводство позволяло здесь снижать хлебно-крупяные составляющие пищевого рациона.

В целом же анализ развития земледельческого производства Европейской России, и прежде всего русских губерний, свидетельствует о том, что приращение объема зерновой продукции шло только за счет расширения посевных площадей, иначе говоря, только за счет увеличения территории обитания путем постоянной колонизации и освоения земель на юге и юго-востоке Европейской России. Но объем зерновой продукции в расчете на душу населения веками держался примерно на одном и том же уровне (и так было вплоть до 1913 г.).

Удивительное постоянство уровня зернового производства на минимальном пределе вместе с тем не препятствовало увеличению населения. Больше того, численность населения росла прежде всего по мере увеличения посевных площадей, то есть благодаря экстенсивному развитию сельского хозяйства, однако при этом практически весь народ продолжал заниматься почти исключительно хлебопашеством.

Пожалуй, можно сказать, что весь образ жизни населения исторического ядра территории России был процессом выживания, постоянного создания условий для удовлетворения только самых необходимых, из века в век практически одних и тех же потребностей.

Лишь последние 50 лет перед реформой 1861 года свидетельствуют о нарушениях этой закономерности. Выделенные И.Д. Ковальченко по 36 губерниям Европейской России сопоставимые данные по величине чистых сборов на душу населения по трем десятилетиям (1802—1811, 1841—1850, 1851—1860 гг.) показывают, что при росте площади посевов до 25% (с 37965 тыс. чтв. до 47449 тыс. чтв.) объем валовых сборов увеличился лишь на 18%, а рост населения при этом составил 48%, что привело (в пределах этой территории) к падению чистых сборов с 4,36 чтв. до 3,48 чтв. на душу населения⁷⁷.

После отмены крепостного права прогресс в технике, влияние новых производственных отношений привели к некоторому сокращению затрат тру-

⁷⁷ Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX века. — С. 84.

да, стала расти, хотя и немного, урожайность. Это вело к некоторому росту объема зерновой продукции, хотя кардинальных изменений по-прежнему не было. Сборы хлебов на душу сельского населения с 70-х по 90-е годы XIX в. выросли по Северному региону с 9,5 до 13 пудов; по Северо-Западному — с 13 до 14 пудов; по Центрально-Промышленному региону — с 13 до 15 пудов; по Приуралью — с 21 пуда до 28 пудов; а всего по Нечерноземью — с 16 до 18 пудов. По Западному региону Европейской России сборы не выросли. Во второй половине XIX в., как известно, стала существенной роль картофеля. С учетом его (в переводе на зерно) душевой сбор в Нечерноземье вырос с 17 пудов до 20,4 пуда (зерновой сбор по-прежнему не превысил 18 пуд.). В целом же по Европейской России душевой сбор вырос с 21 пуда до 25 пудов. Для всего населения он вырос с 19 пудов до 21,5 пуда⁷⁸.

Таким образом, сдвиги несомненно налицо, хотя в целом положение великорусского крестьянства (как и всего крестьянства страны) мало изменилось, и тот комплекс проблем, который веками стоял перед земледельцем, никуда не исчез. По-прежнему товарный рынок внутри страны и экспорт зерна росли в значительной мере за счет суровой экономии потребления. Еще в 1888 г. правительственная комиссия специального назначения фиксировала, что в России крупные и мелкие хозяйства «стали продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей»⁷⁹.

Больше того, в связи с реформой 1861 г. положение крестьянства сильно изменилось. Произошло резкое обеднение основной массы крестьянства. Сравнительное исследование расслоения крестьянства в дореформенный и пореформенный периоды, сделанное И.Д. Ковальченко по трем крупным гагаринским имениям Нечерноземья, дало следующие результаты. В Покровском имении Сапожковского у. в 1835 г. (251 двор) безлошадных и однолошадных дворов было 14,8%, в 1856 г. (264 дв.) — 22,4%, в 1887 г. (290 дв.) — 50,4%. В Мануйловском имении Ржевского уезда в 1856 г. (122 дв.) безлошадных и однолошадных дворов было 10,7%, в 1883 г. (395 дв.) — 53,4%. В Сосновском имении Горбатовского у. в 1857 г. (203 дв.) безлошадных и однолошадных дворов было 86,7%, а в 1869 г. — 92,1%. Соответственно резко сокращается число зажиточных дворов. В Покровском имении в 1835 г. дворов с тремя и более лошадьми было 23,9%, с четырьмя и более лошадьми было 29,4%. В 1887 г. эти группы составили соответственно 12,7% и 3,8%. В Мануйловском имении в 1856 г. дворов с тремя и более лошадьми было 63,1%, а в 1883 г. — 18,5%. Наконец, в Сосновском имении в 1857 г. дворов с тремя и более лошадьми было 3%, а в 1869 г. — 1,8%⁸⁰.

⁷⁸ Нифонтов А.С. Указ. соч. — С. 286—287.

⁷⁹ Там же. — С. 268.

⁸⁰ Ковальченко И.Д. О характере и формах расслоения помещичьих крестьян России в первой половине XIX в. // Исторические записки. — Т. 78. — М., 1965. — Табл. 15.

Начался новый этап в истории русского крестьянства, этап развития капитализма, который обострил так называемое аграрное перенаселение. Однако перенаселение это было в стране, едва покрывающей своим зерновым производством самые необходимые потребности населения.

Подводя итог развития хлебного баланса страны, мы еще раз убеждаемся, что Россия была на протяжении многих веков обществом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. Низкий уровень агрикультуры, низкая и очень низкая урожайность, весьма упрощенный уклад жизни крестьянства, вечно борющегося за выживание, — все это находится, казалось бы, в очевидном противоречии с выдающейся судьбой Русского государства, поднявшегося в конце XIV в. на борьбу с золотоордынским игом и, пройдя через жесточайшие испытания, к концу XVIII столетия ставшего одной из самых могучих держав Европы.

Тем не менее в основе такого пути лежит специфика российского социума, заложенные в его социальной и политической структуре некие компенсационные механизмы выживания, позволявшие России, хотя и сравнительно медленно, с большими социальными издержками, двигаться по пути прогресса, имея на себе “вериги” вечной отсталости земледельческого производства.

В связи с этим представляется немаловажным попытаться раскрыть ряд особенностей исторического развития страны как общества, обладавшего из века в век лишь необходимым минимумом совокупного прибавочного продукта.

Глава II.

КОМПЕНСАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЫЖИВАНИЯ

На наш взгляд, в истории российского общества наиболее ярко проявили себя два главнейших компонента механизма “выживания” — община и система крепостного права. Причем, если первый из них действовал преимущественно на микроуровне (волостная, деревенская община), то второй существеннейшим образом определял характер и структуру общества в целом, одновременно являясь орудием эксплуатации.

Крепостники и община

Литература об общине огромна, и в данной работе нет смысла затрагивать сложнейшие проблемы генезиса и типологии русской общины, эволюции системы общинного землевладения и землепользования. Подчеркнем лишь то, что в историографии, всегда уделявшей огромное внимание генезису феодализма на Руси и судьбам сельской общины, существуют различные подходы к типологии крестьянского землевладения и землепользования¹. При

¹ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. — М.: Л., 1966; Раскин Д.И., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л. О формах крестьянского землевладения XIV—XVI вв. // Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — М., 1971; Раскин Д.И., Фроянов И.Я., Шапиро А.Л. О формах черного крестьянского землевладения XI—XVII вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. — Л., 1972; Алексеев Ю.Г. Основные этапы развития русской общины // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — М., 1972. — Вып. II; Черепнин Л.В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. — М., 1972; Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. — Новосибирск, 1973; Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. — М., 1974; Шапиро А.Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. — Вологда, 1976. — Вып. VI; Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — М., 1976; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. — М., 1976; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. — М., 1977; Алексеев Ю.Г., Копанев А.И.,

этом практически все советские исследователи послевоенной поры пристальное внимание уделяли проблеме разложения общины, появлению крестьян-аллодистов на ранних этапах и формированию зажиточной верхушки и бедноты в позднефеодальный период. Обобщение особенностей развития русской общины на протяжении длительного исторического развития позволило ряду исследователей увидеть в ходе эволюции общины смену тенденции разложения тенденцией ее консолидации. Другие же по-прежнему придерживались оценки общины как выражения дуализма, сочетания частной и общинной собственности. При этом подчеркивалась важная роль общины в сдерживании внутриобщинной мобилизации земли с целью нейтрализации имущественного расслоения и пауперизации крестьян².

Особое внимание в историографии уделялось эволюции общины на Европейском Севере России, где в наиболее ранний период в рамках общины-волости сосуществовали разные формы землевладения (аллод, хотя и ущемленный самой общиной и государством, складничество, порождавшее долевою форму землепользования). В какой-то период долевая форма сочеталась с практикой распоряжения землей на правах частной собственности, хотя, видимо, это преувеличение. Вместе с тем, с течением времени общинная собственность оказалась под давлением государственных правовых норм и постепенно превращалась в форму индивидуального подворного владения. Однако социальные противоречия в общине и усиление влияния феодального государства, характерные для периода XVII столетия, в конечном счете привели к превращению тягловой черносошной общины в общину с явным креном к уравнительным основам³. В условиях абсолютизма и системы развитого "государственного феодализма" община стала распоряжаться даже пахотными угодьями, что произошло примерно к концу XVIII в.

Что касается судеб общины в Центре Европейской России, то позиции исследователей здесь неоднозначны. Одни из них считают, что свободная крестьянская община в силу стремительного роста феодальной собственности на землю в XV—XVI вв. исчезла (то есть расчленение территории общи-

Носов Н.Е. Мелкокрестьянская собственность при развитом феодализме // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. — М., 1978; Горский А.Д. О сущности и формах феодальной земельной собственности на Руси XIV—XV вв. // Там же; Горский А.Д. К вопросу о сущности черного землевладения на Руси XIV—XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. — М., 1979; Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII — начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. — М., 1979; Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Там же; Данилова Л.В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. — М., 1982; Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. — М., 1984; Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. — М., 1988 и др.

² Инкин В.Ф. Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье (Опыт сравнительного изучения поземельных союзов): Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. — Львов, 1978. — С. 9.

³ Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. — Вологда, 1976. — Вып. VI.

ны-волости на несколько феодальных владений якобы уничтожает эту общину, хотя, скажем, во Франции она из-за этого не исчезла). По мнению других, она и не исчезала. Больше того, фактический материал XVI в. свидетельствует о существовании общины-волости в Центре России. Причем на этом этапе развития она была близка к северному типу общины подворно-наследственного типа. Внутри такой волости-общины отдельные деревни могли по традиции иметь разное количество земли, так же как и каждый двор владел пашней разной величины. Тягло накладывалось на волость в целом, а внутрикрестьянские разruby совершались общинными органами крестьянского самоуправления. При праве распоряжения крестьян своими участками в случае их запустения определение их дальнейшей судьбы принадлежало уже волости. Каких-либо существенных различий в порядках землепользования между общинами владельческих сел и деревень и черными общинами, по-видимому, еще не было. Хотя черносошные общины Центра могли самовольно принимать (с общего согласия) на свои земли новопришельцев. Однако уже в этот период (XIV — начало XVI в.) в Центре страны ни черные общины, ни отдельные дворохозяйства уже не могли отчуждать черные земли⁴.

Историки почти единодушны в том, что в XVI—XVII вв. при интенсивном развитии многодворных поселений внутри сельских общин фиксируются земельные переделы, хотя еще и не вполне уравнильного характера. Дальнейшая судьба общины в Центре России была связана с подчинением ее феодальной власти и возложением на нее феодальных обязательств и повинностей. Нужно отметить, что при этом община не утратила важнейшие свойства социального и экономического дуализма, а сохранила их и в условиях крепостничества.

В XVIII — первой половине XIX в. эволюция общины становится тесно сопряженной с конкретной формой феодальной ренты, преобладающей в тех или иных регионах страны. В частности, крестьянство среднерусской полосы, оказавшееся в наиболее суровых условиях поместно-вотчинной крепостнической эксплуатации, обретает уравнильно-передельный тип общины. В то же время крестьянство, существовавшее в условиях действия системы централизованного изъятия ренты государством, развивается на основе подворно-наследственного землевладения.

Как известно, сельская община обладала феноменальной приспособляемостью к различным социальным условиям и к типам рент. Однако практически она всегда осуществляла и социальные и производственные функции посредством регулировки и управления механизмом перераспределения и использования надельной земли и удержания хозяйственно-бытового распорядка жизни⁵. При всей мощи власти помещика-крепостника община и ее ре-

⁴ Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. — Новосибирск, 1973. — С. 105—109.

⁵ Александров В.А. Сельская община в России (XVII — начало XIX вв.). — М., 1976. — С. 102—164.

шения были необходимым компонентом вотчинной системы управления. Многочисленные для XVIII — начала XIX в. “наставления”, “уложения”, “учреждения”, инструкции помещиков практически всегда предполагали право общины решать вопросы крестьянского землепользования и обеспечения тяглом, хотя помещик стремился направлять эти решения в своих интересах. В крупных поместьях, там, где формировались сложные общины, стремление деревенских общин сохранить за собой “свои” земли сталкивалось с политикой вотчинных управителей в реализации принципа уравнительности по имущественному состоянию крестьян путем систематической тягловой переобработки. Однако при “уравнивании” деревень перераспределения угодий чаще всего носили “временный” характер, ибо традиция всегда числила за той или иной деревней “ее” владения. Впрочем, уже в XIX в., когда прибыль от продажи хлеба стала всепоглощающей целью барина, он не всегда уже останавливался перед незыблемостью этих традиций.

В нашей литературе об общине принцип уравнительности традиционно рассматривался и как архаичный демократизм крестьянства, и как основа податной политики помещиков, заинтересованных в максимально возможной эксплуатации, в частности, барщинного крестьянства. В этом как бы олицетворялся классовый подход исследователей при анализе исторических процессов. Однако весь вышеприведенный нами материал о жизненном укладе великорусского крестьянства, проблемах хлебного баланса и крестьянского хозяйства, и страны в целом позволяет подойти к проблеме выявления основной роли общины и характера использования ее организации господствующим классом с более широких позиций.

В обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, каким и была Россия, на первом месте безусловно стояла проблема увеличения объема этого прибавочного продукта. Но одновременно для господствовавшего класса не менее важна была задача удержания основной массы производителей от разорения и гибели вследствие и воздействия природно-климатического фактора, и объективно необходимого ужесточения эксплуатации. В этой связи проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины и ее власть на все категории земель. В работах Н.А. Горской, Л.Н. Вдовиной и В.А. Александрова приведены поразительные факты передачи личных займов по прошествии ряда лет в “общий котел”, факты вторжения системы пределов на территорию крестьянского подворья, чего в германской марке не могло быть в принципе.

Обращение к материалам помещичьих инструкций может дать вполне определенное представление о том режиме и механизме регулирования жизни и труда российских земледельцев, который в недавнем прошлом оценивался лишь как жесточайший режим крепостничества. Разумеется, такая оценка вполне справедлива, ибо крепостничество — это режим грубой и суровой эксплуатации крестьянина. Но вместе с тем подобный взгляд страдает и односторонностью.

Рассмотрим основные “зоны внимания” создателей названных инструкций, сосуществующие рядом с главной заботой помещиков: изъятием феодалной ренты в любых формах ее проявления. Во-первых, в ряде инструкций четко прослеживается борьба с бедностью. Поскольку парцелльное хозяйство в России и его благополучие зависели от тысячи разного рода обстоятельств и случайностей, то оскудение и нищета были постоянной угрозой для крестьян. Эволюционируя многие столетия как почти чисто земледельческое общество, при слабом развитии процесса общественного разделения труда, российский социум (и прежде всего его господствующий класс) был крайне заинтересован в сохранении жизнедеятельности буквально каждого деревенского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на само общество. Заинтересованность в этом усиливалась низкой эффективностью земледелия, что, в свою очередь, постоянно обостряло нужду во все новых и новых рабочих руках.

Отсюда практически общий принцип верстания крестьян тяглом: “чтоб бедные тяглом отяжены не были”⁶. Наиболее дальновидные помещики почувствовали эту опасность еще при проведении первой ревизии. В частности, Артемий Волинский в инструкции Ивану Немчинову (1724 г.) писал: “И хотя ныне и учинена подушная перепись, и собираются подати поголовно, однако ж есть некоторые мужики в семьях многолюдны, а зело бедны, к тому ж и детей имеют малолетних, а другие, заводные, имеют у себя мало в семье мужеска полу. Того ради, есть ли не верстая их против тягол, а платить подати с голов так, что, у кого в семье есть мужеска полу, то, конечно, семьянистые и бедные в один год пропасть могут. А то [в итоге] подать вся ляжет на одних оставших. И тако и последние принуждены будут нищими быть, и, оставя свои дома, бежать”⁷. Вывод был однозначным: верстать не по мужским “головам”, а по тяглам.

Тот же принцип присутствует в инструкции А.П. Волконской, сестры А.П. Бестужева-Рюмина, приказчику с. Хлоповицы (ок. 1728 г.): “Перемерить землю крестьянам на нас поровну, а именно: мужу с женою, к тому ж подростки буде есть, а хотя и без подростков, по полудесятине в поле, а в дву потому ж”. При детях же “в возрасте” начислялась четверть десятины. Главное же: “...и на работу по земле ходить, под кем сколько будет”⁸. В переписке с приказчиками тот же Артемий Волинский в 1735 г. более подробно мотивировал и уравнивание в тяглах: “чтоб умеренная была всем в равенстве пашня моя и их собственная крестьянская. И чтоб подати и доходы с них могли уравнительно плачены быть, дабы от неуравнения некоторые

⁶ Петровская И.Ф. Наказы вотчинным управителям первой четверти XVIII в. // Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 253.

⁷ Москвитинин. — 1854. — № 3—4. — Кн. 1—2. — С. 29.

⁸ Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 210.

не приходили в скудость”⁹. В инструкции Ивана Ивановича Шувалова управителю села Мыт Владимирской губернии проводится идея уравнивания на своего рода макроуровне (1795—1797 гг.): “Землю уравниять так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве земли и выплачивала бездоимочно за оную подать”¹⁰. Наконец, отметим, что и в инструкции, написанной от имени Екатерины II титулярному советнику Андрею Шестакову по управлению селом Бобрики с деревнями, что в Каширском уезде, сказано: “А крестьянские покосы отдать в раздел по тяглам... по равному числу, чтоб один перед другим обижен не был”, да и тяглом здесь верстали “против одиноких ровно”, по числу людей¹¹.

Стремлению помещика разверстать тягло не только по наличию мужских душ, но и по тяглоспособности активно содействовала и крестьянская община своей системой мирского расклада тягла (“переверстку тягол чинить с мирского приговора между собою, самим”)¹². При этом действовала система круговой поруки или ответственности общины за неплательщиков. В Учреждении гр. П.А. Румянцева механизм этой помощи выглядел следующим образом: “За незначительными о себе (то есть “неумехами”, — Л. М.) крестьяны первостатейным, соцким, пятидесяцким и десяцким накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посеvu не покидали, или исполу сторонним не сеяли и в прочем дом свой не разоряли, в котором случае за всякой неплатеж государственных и моих доходов взыскивать с тех первостатейных, соцких, пятидесяцких и десяцких. И для того за два месяца до сеvu ярового хлеба таковым осматривать и в случае настоящих невозможностей, в чем они не сами притчиною, именныя списки с прописанием, кому что по тяглу высевать потребно, представлять первостатейным и соцким к вотчинным делам... где ж, по усмотрению моему, из моего хлеба выдать прикажу”¹³.

По инструкции конца XVIII в. гр. В.Г. Орлова (“Уложение” для с. Поречье Ростовского у.) вызволение бедных из нищеты возложено прямо на прожиточных: “Для облегчения бедных и маломочных наблюдать следующий порядок: с семейств их снимать приличное число “душ”, а земли от них за снятые “души” отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безо всякой платы, могли поправиться”. “Кто владел землею на 3 “души” и положено будет снять с него “душу”, или две, или все три, в таком случае владеть ему землею на одну или на две или на все три без всякой платы за нее. И сии снятые “души” накладывать на прожиточных... Сие облегчение сделать бедным не в одном моем оброке, но и во всех податях государственных, и во всех необходимых и чрезвычайных мирских расходах”¹⁴.

⁹ Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 220.

¹⁰ Там же. — С. 227.

¹¹ Журнал землевладельцев. — Т. VI (№ 23). — М., 1859. — С. 305.

¹² Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 253.

¹³ Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 44.

¹⁴ Университетские известия. — 1910. — № 4. Прибавления. — Киев, 1910. — С. 259.

Конечная цель таких мер емко сформулирована в инструкции управляющим дворцовыми волостями (1731 г.): “дабы были крестьянские тягла людством и работою удовлетворены”¹⁵.

Важнейшим моментом в системе мер по выживанию были помещичьи ссуды натурою: зерном, скотом или птицею. Это не было со стороны помещика актом некоей благотворительности, так как через год или два ссуда возвращалась, а иногда и с прибылью. Однако данная вовремя ссуда позволяла выжить попавшим в беду крестьянам. Так, в инструкции Артемия Волынского предписывается: “По вся годы (то есть в удобных, необходимых случаях, — Л. М.) свидетельствовать бедных мужиков, от чего он обеднял, а ежели не от лености, не от пьянства припала ему скудость, — таких ссужать хлебом всяким”, “и когда потом поспеет хлеб, оной, данной ему, от него взять, а прибыль ему отдать”. “И так во всех деревнях ссужать крестьян...” “Тако же хотя которые от своего непотребства и от лености обнищали, и тех ссужать. Однако ж — с наказанием, дабы впредь даром хлеба есть не повадно было”¹⁶.

В предписании А.П. Волконской (1728 г.) приказчику с. Хлоповицы приказано для неких дворовых, переводимых в деревню на тягло, “срубить избу из рубленого леса”, дать им корову, овцу “в зачет” и на семена “им хлеба в предбудущей год”. А первое время давать месячину, “покамест заведутся хлебom”¹⁷. В 1725 г. Артемий Волынский предписал приказчикам: “Велите во всех деревнях купить молодых овец и молодых свиней и раздайте на каждое тягло по одной овце и по одной свинье неимущим крестьянам. И по прошествии года брать с каждого тягла в год в декабре месяце по пуду свиного мяса, по 3 ф. масла коровья и по одному молодому барану”, а в июне — по 3 ф. шерсти и по 50 арш. посконного холста¹⁸. Кстати, именно у Артемия Волынского ссуды крестьянам замышлялись как долговременные акции. В той же инструкции он пишет: “Понеже у нас мелких (то есть непородистых, — Л. М.) лошадей заводу нет, а в том есть крайняя нужда, как для своей работы и пашни в подмосковной и других деревнях, так и для ссуды крестьянам скудным”, то необходимо закупить по торжкам в округе с. Батаево 10 кобыл и 5 жеребят и после четырехлетнего откорма “дать скудным”¹⁹.

В.Н. Татищев считал практику ссуд крестьянам обычным делом: “Крестьяном на племя давать корову, овцу, свинью, гусей пару, уток пару, индек пару и чрез год с каждого тягла собирать масла 20 ф., барана кладеного, борова... птиц... или деньгами”²⁰.

¹⁵ Исторический архив. — Т. VI. — М., 1951. — С. 186.

¹⁶ Москвитянин. — 1854. — № 3—4. — Кн. 1—2. — С. 28.

¹⁷ Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 211.

¹⁸ Москвитянин. — 1854. — № 3—4. — Кн. 1—2. — С. 35.

¹⁹ Там же. — С. 37.

²⁰ Временник МОИДР. — М., 1852. — Кн. 12. — С. 19.

Наконец, в помощи бедным и оскудевшим крестьянам иногда помещик выступал вместе с крестьянской общиной. Например, в инструкции П.Б. Шереметева (и кн. А.М. Черкасского, 1719 г.) предусматривается помощь “оскудалым” крестьянам в следующей форме: “Которые крестьяне похищением воровских людей... или волею Божиею лошаадьми и скотом опадут или каким-либо другим случаем придут в скудость... то велеть тою деревнею... всеми крестьянами вспахать и собрать... на семена и посеять ту, скудных, землю, дабы они, скудны, от того в пушую нищету не пришли... А где [деревня] менее 15 дворов... осеменить нечем... то дополнить тот сев ис пустовытного хлеба после беглых крестьян”²¹.

Во второй половине XVIII в. помещики уже организуют запасные хлебные магазины путем крестьянских и своих взносов. В частности, по инструкции И.И. Шувалова, взнос в магазин был равен с тягла по четверику ржи и с ревизской души по четверику овса. Из этих запасов управители И.И. Шувалова должны были “раздавать... неимущим крестьянам моёй вотчины заимообразно, в такое время, когда ещё не будет хлеб с полей снят”²². В московских селах кн. А.М. Черкасского деньги на мирские расходы собирали даже с новоросчистных земель (с десятины по гривне)²³.

Совместными действия барина и крестьянской общины были в случае помощи погорельцам. Так, в “Учреждении” гр. П.А. Румянцева (1751 г.) запрещается строить тесно дома в деревенском посаде. Если же “у которого дом сгорит или от ветхости новой принужден будет строить, то для вывозки лесу от тех 100 дворов (а в румянцевских вотчинах все дворы были поделены на сотни — бригады, — Л. М.), в которой он сотне состоит, учинить ему вспоможение, дав с каждого венца по подводе. Есть ли то приключится не одному, но многим (то есть сгорит много домов, — Л. М.), то по исчислению и из других сотен таковое ж вспоможение чинить: что всякому взаимно ожидать надлежит”, так как пожары бывают очень часто²⁴. При рубке леса для этих целей в виде исключения (“в случае чрезвычайной кому нужды”) с согласия общины (“общего того села или деревни всех крестьян согласия”) могут быть сделаны и дополнительные порубки леса. Погорельцы у П.А. Румянцева на полгода освобождались от платежей. Активно помогал П.А. Румянцев своим крестьянам и при текущем ремонте жилья и построек (“ежели кому случится нужда для переделки избы и прочаго домового нужного строения, то по осмотру давать, сколько самая нужда требовать будет”)²⁵.

Весьма существенным направлением борьбы с бедностью являлся запрет вотчинником разделов крестьянских дворов. Как известно, одним из самых

²¹ Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 94.

²² Там же. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 227.

²³ Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 259.

²⁴ Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 45.

²⁵ Там же. — 1903. — № 12. Прибавления. — Киев, 1903. — С. 12.

больших увлечений в советской историографии был поиск социального расслоения крестьянства. Причем не в XIX в., когда такое расслоение стало реальностью, а в гораздо более ранний период. Между тем, как мы видели, спецификой крестьянского общинного быта было неперменное распределение земли по “душам” и тяглам. При этом многолюдная семья (неразделенные братские и отцовские семьи) с большим числом работников (то есть крестьян-тяглецов) имела больше земли и в конечном счете имела шансы стать богатой. Да и бедная семья с большим числом детей (особенно мальчиков) с течением времени обретала солидное количество рабочих рук и также могла быть зажиточной. Однако, в конце концов, в силу тех или иных причин такие многолюдные крестьянские дворы с неразделенными семьями делились, превращаясь в несколько малых семей, одנותяглых (“одинаких”) хозяйств. Материал этой книги, надо полагать, с очевидностью показывает, что в условиях России и особенно Нечерноземья в XVIII—XIX вв. одנותягловое хозяйство обречено было либо на прозябание, либо на разорение. Недаром большинство крестьянских дворов — это двух-, трехтягловые хозяйства, где сосредоточено необходимое число рабочего и продуктивного скота и рабочих рук. При благоприятных обстоятельствах из таких дворов формировались зажиточные хозяйства.

Вотчинники в XVIII столетии, а может и ранее, прекрасно понимали неустойчивость и слабость “одинаких” хозяйств и всячески препятствовали делению сложных семей. “Крестьяном на особые дворы делиться не токмо не позволять, но и смотреть накрепко, чтоб того не чинили, понеже от того приходят в убожество”, — так гласит наказ кн. А.М. Черкасского²⁶. Управителям дворцовых волостей (1731 г.) в типовой инструкции строго наказывалось: “...смотреть, чтоб крестьяне из двора во двор от семей на одной тяглой земли разделов не чинили, дабы от того в зборах изронения и настоящим крестьяном обиды и разорения не было... И за такими напрасными разделами не токмо в платежах [не] имеют исправность, но приходят во всеконечное разорение”²⁷. В инструкции приказчику пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1733 г.) запрет разделов сформулирован весьма лаконично: “Крестьянам сыну от отца и брату родному от брата делиться на велеть”²⁸. В инструкции Андрею Шестакову от имени Екатерины II, как владелицы с. Бобрики, точно также приказано: “Всем крестьянам запретить, чтоб без позволения моего никто семьями своими не делился. А ежели кому за умножением людей... надлежит разделиться, о том крестьяном прислать ко мне челобитье, прописывая именно, сколько их в семье мужеска и женска пола душ, и каких лет, и что у них лошадей, всякого скота и хлеба...”²⁹ Намного раньше такой порядок был введен в вотчинах гр. П.А. Румян-

²⁶ Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 254; См. так же: Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 88.

²⁷ Исторический архив. — Т. VI. — М.—Л., 1951. — С. 186.

²⁸ Русский архив. — 1904. — Кн. 1. — М., 1904. — С. 32—33.

²⁹ Журнал землевладельцев. — Т. VI (№ 23). — М., 1859. — С. 301.

цева³⁰. Наконец, в Уложении графа В.Г. Орлова для с. Поречье с селами Ростовского у. заявлено столь же однозначно: “От разделу семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение, а потому оный вреден”³¹. Если же раздел необходим и он полезен, то разрешить. Но если выделившиеся — дураки и моты, то следует назначить опекунов. В некоторых случаях оговорена даже потенциальная опасность раздела. В частности, в инструкциях П.Б. Шереметева (и А.М. Черкасского) в с. Карачарово оговорено, что богатые семьи, берущие на себя дополнительное тягло из пустовытных земель, могли владеть запустевшими усадьбами землями, но им запрещено было строить на них новые строения “и в старое строение не переходить, отделяя, а то старое строение с места продать”³².

Еще одним аспектом профилактических мер против обеднения был запрет выдачи молодых девушек в чужие владения. Наиболее развернутую аргументацию этих действий помещика и его управителей находим у В.Н. Татищева: “Вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием, понеже от того крестьяне в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданое и тем богатыся чужие деревни”. В.Н. Татищев предлагает даже запретить кумовство в своих деревнях, чтобы не было лишних препятствий для женитьбы между односельчанами³³. В “Учреждении” П.А. Румянцева запрет этот категоричен: “девок своих на сторону отпускать в вотчинах не позволять”³⁴. В наказе Д.А. Шепелева в с. Глинки Михайловского у. приказано: “дворовых и крестьянских девок на сторону в чужие волости замуж не отдавать”³⁵.

Постоянный дефицит рабочих рук на селе заставлял и общину и помещика “благосклонно” относиться к возврату крестьян из бегов. Так, в инструкции 1719 г. кн. А.М. Черкасского предусматривается: “После беглецов... дворовые и хоромные строения... отдать в той деревне вытчикам и десяцким и лутчим крестьянам за хранение с росписью”. Через два года это имущество переходит к миру, но в случае же водворения беглецов на прежнем месте “пожитки возратить им все в целости без утраты”³⁶. Чуть позже Артемий Волинский в инструкции 1724 г. предписывает (имея в виду беглых): “отводить им распаханные земли из моих земель или вновь распахать всеми крестьянами и посеять аржаным и яровым хлебом моим первой (беглого, — Л. М.) хлеб; ему ж всеми крестьянами построить двор, во всем как надлежит, и дать ему двух овец, свинью и пять кур”. Если же вернувшийся готов взять на себя тягло, то ему “дать две лошади, а будет на пол-тяги — такому — одну лошадь из пахатных, и не взыскивать на нем... год”³⁷.

³⁰ Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 47.

³¹ Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 263.

³² Университетские известия. — 1904. — № 7. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 88—89.

³³ Временник МОИДР. — М., 1852. — Кн. 12. — С. 22.

³⁴ Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 47.

³⁵ Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 234.

³⁶ Там же. — С. 252.

³⁷ Москвитянин. — 1854. — № 3—4. — Кн. 1—2. — С. 36.

Режим выживания, так или иначе бытовавший прежде всего в крепостной барщинной деревне, подчас вызывал к жизни буквально драконовские меры по отношению к крестьянам. Так, гр. П.А. Румянцев запрещал принимать чужих крестьян: “пришлых без печатных пашпортов крестьян [пришедших] далее 30 верст, а [из] другого уезду, хотя 6 и ближе ни на одну ночь не впускать”³⁸. В инструкции Т. Текучева 1755 — 1757 гг. тот же жесткий режим: “Кто из людей и крестьян в посторонние деревни или куда в другое место иметь будет нужду отлучитца — тому сказав нужду свою, куда идет или едет и к кому, прикащику и старосте... А кто посвоеволничает долее того времени, на какое отпущен продлитца ил в другое место, а не туда, куда отпущен был, зайдет, того за обман и непослушание высечь”³⁹. Контроль помещика доставал и крестьянские семьи: “Всем людям и крестьяном друк за другом прилежно смотреть, ежели кто не радея о себе станет в домашнем деле, в работе, в смотреии дому и скота своего ленитца, долго спать, лакомить, мотать, пьянствовать, отлучатца без ведома, с недобрыми людьми знатца, воровать, грабить и не проча себе хлеб, скот, одежду и прочее свое, в чем ему самому нужда, тайно продавать... тот час ему самому говорить и унимать и прикащику с старостою сказать...”, “а им тово плута жестоко высечь”⁴⁰. В.Н. Татищев в целях экономии крестьянского времени и сбережения продуктов труда крестьян как достояния общины в целом полагал, что “крестьянин не должен продавать хлеб, скот и птиц лишних кроме своей деревни. А когда купца нет, то должен купить помещик повольною ценою. А когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает... тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двои и трой сутки”⁴¹. Граф П.А. Румянцев в “Учреждении” (1751 г.) вообще, “экономя” время крестьян, предписывает “для покупки хлеба всяких и припасов собою (то есть самостоятельно, — Л. М.) никого не посылать, но велеть на то миром выбрать [купца] и дать руки (взять поруку, — Л. М.), дабы, ежели сыщется, то он дороже настоящих цен ту покупку чинил, потерянное можно 6 было возвратить”⁴². Больше того, иногда помещик следил и ограждал от излишнего “шикования” крестьянских женок по части питания крестьянской семьи. Таков один из наказов Т. Текучева своему прикащику: “И смотреть накрепко, чтоб все в земле, в работе, в житье, достатке и исправности были равны, друг от друга безобидны...

Всем крестьянам приказать, чтоб они старались всегда свой готовой семенной хлеб иметь и отсыпать так, чтоб он ево в расходе не держал. А з другими ленивцами, лакомцами, мотами и плутами, кои не располагают на

³⁸ Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 43.

³⁹ Инструкции об управлении... — Л. 10 об.—11.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Временник МОИДР. — Кн. 12. — М., 1852. — С. 22.

⁴² Университетские известия. — 1903. — № 12. Прибавления. — Киев, 1903. — С. 9.

годовое житье свое, сколько ему надобно: дают волю бабам брать и стряпать без разбору, не ровнялись и не обманывали, и тем на свои душе греха, а нам убытку и разорения не доводили и за таковыми нерассудными смотрели их житья и о беспутствах их сказывали...

Никому из наших крепостных мужеску и женску полу без крайней нужды в посторонние деревни в праздничные и гулящие дни, где пиво варено, без зову самим собою не ходить и незваных к себе не пускать. Званых принимают, почитают, потчивают и провожают честно и порядочно. А незваных бранят, ругают, бьют и прогоняют и сверх того много клепят, лгут, а оправдатца, что приходил не зван, не можно"⁴³.

Все это нельзя упрощенно воспринимать как произвол помещиков, так как эти явления были вызваны безысходностью жизни крестьян.

Приведем еще один пример действий помещика и управителей в чрезвычайных обстоятельствах. "Есть ли ж паче чаяния, в случае недорода хлеба или в дороговизне, должен всякий прикащик у крестьян весь хлеб собственный их заарестовать и продавать запретить, дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать. Чрез то можно их удержать... от разброду"⁴⁴.

Разумеется, в случае недорода или сильного неурожая крестьяне, не имевшие хлеба, разбредались по миру ("сколько таких, которые не имеют хлеба и от того ходят по миру... что с такими оскудалыми делать и какое учинить вспоможение")⁴⁵.

В великорусской деревне всегда были нищие в силу самых разных превратностей судьбы. Они также были в сфере внимания помещичьих инструкций. В частности, Артемий Волинский предписывал: "Одиноких и бестяглых холостых робят... которые от младенчества и до возраста скитаютца по миру, таких брать на мой двор (ежели крестьяне сами не возмут) в работу и велите работать им..."⁴⁶ А. Волинский намеревался содержать и престарелых и сирот: "и... велеть [выявить] таких нищих престарелых и сирот, также и убогих вдов во всех деревнях... и которые явятся, что они могут работать — тех отдавать в работу своим крестьянам, которые заживные. И велеть их кормить и одевать, понеже они чужих нанимают же себе в работу. Буде же те нищие бродят для того только по миру, чтоб в туне есть хлеб, а не работать, таких насильно к работе принуждать и наказывать", "и брать на мой двор и кормить и одевать... чтоб туне никто не ел хлеба"⁴⁷.

Разумеется, не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать роль крепостного хозяйства и помещиков в создании и регулировании механизма выживания. Существеннейшую часть таких функций несли сами крестьяне-общинники. Община регулярно помогала своим членам, попавшим в прорыв в силу

⁴³ Инструкции об управлении... 1755—1757 гг. Л. 10—11.

⁴⁴ Временник МОИДР. — Кн. 12. — М., 1852. — С. 22.

⁴⁵ Университетские известия. — 1909. — № 7. Прибавления. — Киев, 1909. — С. 217.

⁴⁶ Москвитянин. — 1854. — Т. 1. — Отд. IV. — С. 27.

⁴⁷ Там же. — С. 25—26.

различных обстоятельств. Древнейшую традицию имел в России обычай помочей с его принципом “все у всех”, с поочередной отработкой на других помочах. Единственная награда за труд на помочах — завершающее угощение. Коллективная помощь в этой традиционной форме распространялась на все виды сельскохозяйственных работ (пахота, возка навоза, жатва, уборка льна, молотьба, сенокос, возка леса, дров, сборка и перевозка изб, постройка дома и т. п.)⁴⁸.

Больше того, в XVIII в. еще сохранились прочные традиции совместной работы, не вызванной нуждой в какой-то экстренной помощи тому или иному дворохозяину. В топографическом описании по Зубцовскому уезду Тверской губ. подмечено, что “в некоторых местах в обыкновении обрабатывать господскую пашню всем миром, а потом ходят и на свою поголовно”, т. е. тоже всем миром⁴⁹. В Вышневолоцком у. “в марте возят из лесу бревна, поправляют свое строение или другим помогают”⁵⁰. В инструкции П.М. Бестужева-Рюмина по новгородскому поместью говорится об обычае коллективной работы: “так же и в подсеках работали и чистили по вся годы, разделяя по тяглам в пристойных местах”⁵¹. В другой инструкции предписано: “В стоги сено метать окаяло 20 июля, выслав всех по тяглам... А между тем и свое сено, помогая друг другу, сметать могут и для того уволить всех на один день” (от барской работы, — Л. М.)⁵².

Вместе с тем крепостное право играло важную роль в своего рода коррекции ментальных последствий влияния природно-климатического фактора на земледелие исторического ядра территории Российского государства.

Весьма сложные природно-климатические условия территории исторического ядра России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, связанных с высоким нервно-психологическим напряжением, имели своим следствием не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского характера и психологии, но и особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян (“на авось мужик и пашню пашет”, “уродится не уродится, а паши” и т. д.), которые становились от этого отнюдь не проворными и трудолюбивыми.

В литературе XIX века не принято было активно обсуждать такие поведенческие особенности великорусского крестьянина, как небрежность в ра-

⁴⁸ См.: Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. — М., 1986. — С. 32—70.

⁴⁹ Генеральное соображение по Тверской губернии. — С. 132.

⁵⁰ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 204 об.

⁵¹ Русский архив. — 1904. — Кн. 1. — М., 1904. — С. 32.

⁵² Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90 (Инструкции об управлении...). Л. 15.

боте, отсутствие тщательности в ней и т. п. Между тем эти ментальности были заметным явлением, и прежде всего в среде барщинного крестьянства, то есть той категории населения страны, которая в условиях жесточайшей нехватки рабочего времени вынуждена была в первую очередь и в лучшие сроки работать на поле барина и в его усадьбе.

Приведем в пример одну из ярчайших, хотя и тенденциозных характеристик этой группы российских пахарей, написанную в середине XVIII столетия: “Должности (то есть должного уважения, — Л. М.) к государю (помещику, — Л. М.) и общей пользе не только не внимают, но и подумать не хотят. Лениость, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено... Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостью, ложным воздыханием, в работе — лениостию. Приготовленное общими трудами — крадут, отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить — не хотят. В приплоде своего скота и птиц от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи — лгут. Определенные в начальство, в расходах — денег, а [в расходах] хлеба — меры не знают. Остатков к предбудущему времени весьма не любят и, будто как нарошно, стараются в разорение приводить. И над теми, кто к чему приставлен, чтоб верне и в свое время исправлялось — не смотрят. В плутовстве за дружбу и почести — молчат и покрывают. А на простосердечных и добрых людей нападают, теснят и гонят. Милости, показанной к ним в награждении хлебом, деньгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят и вместо благодарности и заслуг в грубость и хитрость входят”⁵³.

В свое время эти многообразные явления весьма емко были охарактеризованы как “социальные проявления антагонизма производственных отношений”. Но здесь помимо проявления антагонизма ярко представлены и эмоции, и восприятия, и оценки крестьян и дворовых людей.

Главное же состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением и безразличное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи.

Столь крайняя и болезненная реакция крестьянина-труженика зарождается в условиях, когда вместо 1—1,5 десятин (в двух полях) более или менее тщательной вспашки он вынужден (и барин понуждает к этому!) пахать вдвое — втрое больше. Но там, где нужно вспахать 3 — 4 раза, он вынужден пахать 2 раза, а то и единожды. Там, где, как минимум, тщательная подготовка к севу возможна лишь при пяти—шестикратном бороновании, он вынужден бороновать 1—2 раза (“А обыкло боронить худу: семя едва покрывается земля”)⁵⁴. Однако сознание столь вынужденной небрежности мо-

⁵³ Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90. Л. 7 об.

⁵⁴ Исторический архив. — Т. VIII. — М., 1953. — С. 273.

жет привести, в конце концов, к нервному срыву, ожесточению, отчаянию и т. п. В итоге такие крестьяне “Божия наказания, голоду, бед, болезней и самой смерти не чувствуют”, “о воскресении мертвых, о будущем Суде и о воздаянии каждому по делам подумать не хотят и смерть свою за покой (!) щитают”⁵⁵. На наш взгляд, именно отсюда идет тот крестьянский “атеизм”, о котором писал В.Г. Белинский в знаменитом письме к Н.В. Гоголю (“годится — молиться, не годится — горшки покрывать!”). Только это в действительности не атеизм, а трагическая апатия и к жизни, и к Богу.

В инструкциях управителям вотчин крестьяне такого типа находятся постоянно в поле зрения. Причем речь идет не о барских работах, где небрежение и лень часто встречаются, а о собственном хозяйстве крестьян. Так, В.Н. Татищев пишет: “...в худых экономиях то не смотрят за крестьянскою работою, когда они обращаются в собственной свой работе, понеже от лени в великую нужду приходят, а после произносят на судьбу жалобу”. И кто “к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двоим и трое суток”⁵⁶. В инструкции дворецкому Ивану Немчинову Артемий Волинский (1724 г.) настоятельно предписывает, чтобы каждый крестьянин после барского урока на себя вспахал “против того вдвое”, “не отговариваясь тем, что посеять нечем или не на чем пахать, понеже на то им определяется ссуда”. “И тако всеми мерами ленивцев принуждать и накрепко того за ними смотреть”⁵⁷. В “Учреждении” гр. П.А. Румянцева предусмотрена борьба с теми же явлениями: “За незначительными о себе крестьянами ... накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посева не покидали, или исполу посторонним не сеяли и в прочем дом свой не разоряли”⁵⁸.

Обычно в такой практике историки видели консервирующие уравниловку действия помещиков. Однако если не забывать, что мы имеем дело с обществом, обладающим ярко выраженным экстенсивным земледелием, требующим непрерывного расширения пашни, с обществом, где дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве был постоянным и неутолимым в течение целых столетий, несмотря на более или менее стабильный прирост населения страны, то ракурс оценки не может не измениться. Ведь в условиях, когда общество постоянно получало лишь минимум совокупного прибавочного продукта, оно объективно стремилось к максимальному использованию и земли, и рабочих рук. И суровые рычаги принуждения — для той эпохи объективная необходимость. Тот же А. Волинский, глубоко изучивший поведение крепостных крестьян разбираемой нами группы, писал: “Токмо есть еще такие плуты мужики, что нарочно, хотя бы он мог и три лошади держать, однако держит одну, и ту бездельную, чтоб только про себя ему самую нужду

⁵⁵ Научная библиотека им. Горького МГУ им. М.В. Ломоносова. Отд. редких книг и рукописей. № 279—6—90. Л. 7 об.

⁵⁶ Временник МОИДР. — Кн. 12. — М., 1852. — С. 21.

⁵⁷ Москвитянин. — 1854. — Т. I. — Кн. 1—2. — Отд. IV. — С. 23—24.

⁵⁸ Университетские известия. — 1904. — № 6. Прибавления. — Киев, 1904. — С. 44.

вспахать, без чего прожить нельзя. И хотя бы и невейной хлеб есть, только меньше ему работать”⁵⁹. В условиях безнадежной нерентабельности продукции Нечерноземья данное поведение весьма логично. В этом гигантском регионе крестьянский труд всегда был и сверхнапряженным, и непривлекательным, так как, по словам кн. М.М. Щербатова, “худым урожаем пуще огорчается и труд [свой]... в ненависть приемлет”⁶⁰.

Таким образом, система крепостного права объективно способствовала поддержанию земледельческого производства там, где условия для него были неблагоприятны, но результаты земледелия всегда были общественно-необходимым продуктом. М.М. Щербатов, вполне понимая, что большая часть тогдашней России лежит в зоне неблагоприятного климата, считал, что внезапная отмена крепостного права (речь шла об обсуждении в 60-х годах XVIII в. вопроса о крепостном состоянии крестьян) приведет к массовому оттоку крестьян, ибо они оставят неплодородные земли и уйдут в земли плодородные. “Центр империи, место пребывания государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников...”⁶¹

Следовательно, крепостничество теснейшим образом связано с характером земледельческой деятельности российского крестьянства, оно органично свойственно данному типу социума, ибо для получения обществом даже минимума совокупного прибавочного продукта необходимы были жесткие рычаги государственного механизма, направленные на его изъятие. А для этого стал объективно необходимым и определенный тип государственности, который и стал постепенно формироваться на территории исторического ядра России.

Долгое время в нашей историографии, и прежде всего в трудах Б.Д. Грекова, проблема становления крепостного права решалась как один из вариантов “второго издания” крепостничества в странах к востоку от Эльбы. Разница была лишь в том, что страны к востоку от Эльбы действительно были втянуты в складывающийся европейский аграрный рынок, развитие которого стимулировалось развитием промышленного капитализма на Западе Европы. Что же касается Русского государства, то при отсутствии в XVI в. экспорта зерна историки выдвинули идею формирования внутреннего хлебного рынка, что вызвало к жизни такую форму феодального товарного хозяйства, как поместье. Рыночная функция поместья, в свою очередь, вызвала резкое усиление эксплуатации крестьянства в виде полевой барщины, что в конечном итоге привело к торжеству крепостного права. Отсюда происходил взгляд на крепостничество, как на “нисходящую фазу” феодализма в России, что привело к лихорадочным поискам “всероссийского рынка”, начиная с XVII в., поискам капитализма и т. д.

⁵⁹ Москвитянин. — 1854. — № 3—4. — Кн. 1—2. — С. 24.

⁶⁰ Щербатов М.М. Сочинения. — М., 1896. — Т. I. — С. 135.

⁶¹ Там же.

В этой связи представляется весьма необходимым уделить внимание специфике происхождения крепостничества в России.

О происхождении крепостничества

Поскольку крепостничество в России существовало в течение многих столетий, составляя одну из коренных особенностей русского феодализма, то причины возникновения крепостничества скорее всего следует искать не в пределах тех или иных конкретно-исторических ситуаций, а в факторах наиболее фундаментального характера, связанных с особенностями в становлении и развитии феодальных отношений, в частности феодальной земельной собственности и хозяйства.

К числу таких факторов мы в первую очередь должны отнести многовековое существование в России общины. Основной причиной жизнедеятельности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства, что обусловило ее большую внутреннюю прочность и влияние. Главной предпосылкой к этому была, как уже говорилось, специфика природно-климатических условий.

Сравнительно большая производственная роль древнерусской общины, в отличие от германского варианта марки, давала лишь простор развитию имущественной дифференциации, основывающейся, главным образом, на накоплении движимого имущества. Пауперизация, вероятно, была обусловлена, в основном, лишь сравнительно низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве. Размах пауперизации сдерживался силами той же общины, и пошедший по миру крестьянин редко оставался без земли. В Древней Руси вследствие этих причин аллодиальное владение, на наш взгляд, как исторически значимое явление не состоялось.

Процессы классовообразования в древнерусском раннефеодальном обществе характеризовались по преимуществу не разложением общины, а генезисом господствующего класса в недрах государственного аппарата (например, в лице дружинного компонента), поскольку государственность в Древней Руси, по всей вероятности, развивалась как внутренняя потребность жизнедеятельности “нации”, т. е. совокупности восточнославянских племен в период завершения разложения первобытнообщинного строя.

Эволюция господствующего класса древнерусского общества — это трансформация “слуг народа” в кооперацию господ над народом, процесс необычайно медленный, занимавший огромный многовековой период. Лишь в завершающей фазе этот процесс был осложнен и форсирован волнами завоеваний и покорений соседних союзов племен и государственных образований, шедшими из исторического ядра Киевского государства.

В силу этого и феодальная эксплуатация в Древней Руси зародилась как эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством.

Наиболее ярким выражением этого было полюдье⁶², практика которого к X в., вероятно, имела уже давнюю традицию.

Важнейшим следствием названных процессов стал феномен очень сильной государственной власти, а отсюда — и весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории. Личная зависимость крестьян-общинников была в тот период внешне незаметна и проявляла себя лишь в актах перераспределения земельных пространств вместе с населением из рук государства в руки тех или иных представителей господствующего класса.

Верховная собственность на землю находила свое реальное воплощение прежде всего в отчуждении определенной части совокупного прибавочного продукта общинного крестьянства, что постепенно закреплялось обычно-правовыми традициями (и в этом, на наш взгляд, одно из отличий централизованного взимания ренты от взимания дани). Вместе с тем, обычно-правовые отношения отражали и пределы господства класса эксплуататоров, опосредованного господством государственной власти. Это проявлялось, в частности, в том, что, получая феодальную ренту, государственная власть практически оставляла (была вынуждена оставлять) в руках общин всю полноту прав фактического владения (обладания) всеми земельными угодьями. Отсюда понятно, что единственно возможной формой феодальной ренты была рента-налог или централизованная рента. Ее реальным выражением, как и всюду в раннефеодальных государствах, была валютно-денежная форма, в качестве же специфичных древнерусских форм централизованной ренты выступали валютно-натуральные формы (меха и т. п.).

Таким образом, на этой стадии развития реализовывался лишь формационно необходимый минимум компонентов феодальных производственных отношений. Видимо, поэтому данная фаза обычно квалифицируется в историографии как раннефеодальная.

Как известно, фундаментальным признаком феодальных отношений являются рентные отношения. К. Маркс писал в свое время, что в эпоху феодализма “земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного продукта”. Причем непосредственный производитель доставляет земельную ренту “собственнику того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли”. Происходит это потому, что именно земля противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике.

Следовательно, наиболее развитая стадия феодальных отношений становится действительностью лишь тогда, когда, с точки зрения социальной, земля, на которой трудится непосредственный производитель, в его сознании

⁶² Термин “люди” в Древней Руси в одном из своих значений был синонимом термина “государство”. Отсюда “полюдье” может быть раскрыто как: поездка по государству с государственными делами.

“обособляется по отношению к нему”. Больше того, это обособление олицетворено “персоной земельного собственника”. Иначе говоря, в глазах непосредственного производителя земля уже олицетворяется фигурой феодала-собственника, т. е. стала условием труда, обособившимся по отношению к нему самому.

На наш взгляд, конкретно-исторически эта стадия превращается в реальность с того момента, когда земельный собственник обладает практической политической возможностью извлекать ренту в любой форме: отработочной, продуктовой или денежной. Подчеркнем, что речь здесь идет уже о развитой стадии феодальных отношений. В исторической действительности тех или иных государств или регионов в большинстве случаев преобладает практика одновременного применения всех форм ренты. Тенденция последовательной смены докапиталистических форм ренты от низших, какой была барщина, к высшим — в виде денежной ренты — выступает преимущественно лишь как тенденция к преобладанию той или иной формы ренты над остальными в общем объеме совокупного прибавочного продукта.

В частности, на стадии разложения феодальных отношений практически могут господствовать разные виды чистых форм ренты, что в наибольшей мере зависело прежде всего от той роли, которую экономика той или иной страны играет в складывающейся мировой системе общественного разделения труда. В странах с развитой промышленностью и торговлей, занимавших в эпоху разложения феодализма господствующее положение на мировом рынке, это могла быть денежная рента в чистом виде (например, Англия). А в феодальных странах, оказавшихся в положении аграрных придатков в системе зарождающегося мирового капиталистического рынка, это могла быть чистая барщина (например, страны так называемого “второго издания” крепостного права) и т. д.

На стадии становления и развития феодализма превалирование той или иной формы ренты в совокупном прибавочном продукте, охватывающем все формы ренты, было продиктовано также чисто конкретно-историческими обстоятельствами. Чаще всего преобладала в долевом отношении продуктовая форма ренты. Чистая сельскохозяйственная барщина (особенно полевая), как это ни странно, была возможна лишь при относительно высоком уровне общественного разделения труда, поскольку она неизбежно приобретает товарный, а не натуральный характер. Барщина же в натуральном хозяйстве непременно сочетается с другими формами ренты (продуктовой и денежной).

Определенную роль в выдвижении на первый план той или иной формы ренты может сыграть способ ее изъятия и способ распределения прибавочного продукта в господствующем классе. Здесь имеются в виду различного рода централизованные формы изъятия и распределения ренты, что обычно выдвигает на первый план продуктовую, а в период позднего феодализма — денежную форму ренты. Генезис самой примитивной, но отнюдь не земле-

дельческой барщины также связан с централизованными формами изъятия ренты. Уже на заре классового общества сумма общественно необходимых родовой общине работ по строительству дорог, мостов, храмов и т. п. была по своей потенциальной сути разновидностью барщинного труда — будущей отработочной рентой.

Специфичность древнерусского феодализма заключается в отсутствии как исторически значимого явления полевой крестьянской барщины. Причем речь не идет о барщине как преобладающей доле совокупной ренты. Вплоть до XIV в. крестьяне-земледельцы почти не знали полевой барщины. На этом поприще выступали, в сравнительно ограниченном масштабе, кабальные люди, холопы и т. д. Для выяснения этого феномена необходимо вкратце охарактеризовать некоторые специфические моменты эволюции феодальной земельной собственности.

В Древнерусском государстве становление государственного феодализма довольно рано дало возможность развития и частновотчинного земледелия. Но феодальное боярское землевладение развивалось не за счет захвата общинных земель путем внедрения в крестьянскую общину на основе скупки аллодов, а за счет интенсивной (как и во Франкском королевстве) раздачи земель вассалам князей, а также активизации системы служебных ленов и их дальнейшей трансформации в вотчинные владения различных рангов. Поэтому феодальные отношения внутри таких вотчин проявлялись в подчинении общины *in socio* путем постепенной феодализации (“окняжение” по Л.В. Черепнину), в данном случае “обояривания”⁶³ общинных земель посредством развития рентных отношений. Сами рентные отношения на уровне вотчины, разумеется, не могли иметь прежнюю форму налога-ренты в ее валютном проявлении (как было на уровне государства). Тем не менее преемственность была, и выразилась она в продуктовой ренте как явно преобладающей форме.

Естественно, что сохранение продуктовой ренты как главного компонента прибавочного продукта, идущего в руки феодалов, не совершалось во имя этой преемственности. Дело, видимо, в том, что ранние формы государственного феодализма в Древней Руси исключали наиболее грубое внеэкономическое принуждение крестьянского земледельческого населения; это была лишь “личная несвобода в какой бы то ни было степени”. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Разумеется, речь идет здесь только об основном населении — о крестьянах-земледельцах.

Кроме того, хотя по сути рентных отношений номинальному собственнику земли каждый непосредственный производитель противостоял самостоя-

⁶³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV — XVI вв. — Ч. I. — М., 1952 (Далее АФЭХ. — Ч. I). — № 122.

тельно, феодал-вотчинник, как до него — княжеская власть, имел дело в социальной практике прежде всего с общиной *in corpore*, что, видимо, в условиях Древней Руси даже повышало некую самостоятельность крестьянского хозяйства. Ведь вотчиннику противостоял крестьянин, за спиной которого была сплоченная община, осколок первобытного коммунизма.

Это не мешало, впрочем, становлению самих феодальных отношений. Юридически, а главное, практически уже на ранней стадии феодал обладал полнотой прав земельного собственника вплоть до права отчуждения земель вместе с их населением. Но даже при очевидном формальном господстве отношений феодальной зависимости переход к наиболее грубой форме эксплуатации крестьян был делом далеко не простым⁶⁴. Крестьянин-общинник в это время еще не воспринимал феодала-вотчинника как “олицетворение собственника земли”, которую он пахал. Поэтому господство продуктовой ренты обусловлено было отнюдь не тем, что отработочная рента была социально и экономически изжита.

На Руси почти исключительное развитие продуктовой ренты, скорее всего, объясняется как проявление реального политического насилия. В то же время реальные условия для укрепления феодальной собственности на землю, как экономические, так и социальные, постоянно обнаруживали потребность в полном освоении земли в собственность феодала. Вслед за этим могла уже развиваться отработочная рента.

Немногочисленные, но все же весьма убедительные факты свидетельствуют, что эта потребность (прежде всего в господской барской запашке и продукции своих полей лучшего качества) в Древней Руси все же удовлетворялась. Но такая барская пашня обрабатывалась холопами, а не крестьянами-общинниками. Иначе говоря, господствующий класс феодальной Руси удовлетворял свои нужды в собственной пашне, во-первых, минуя крестьянский мир общины и неизбежные в этом случае сложности общинного землеустройства, и, во-вторых, компенсируя неизбежный дефицит рабочего времени крестьянина холопим земледельческим трудом, т. е. трудом пауперизованных элементов и пленников.

⁶⁴ В этой связи надо отметить, что данные аспекты проблемы не стояли в центре внимания исследователей. Основное внимание историки уделяют борьбе господствующего класса и государства с так называемой черной общиной, оценка которой в разных работах различна. Одни историки (в первую очередь, Л.В. Черепнин, А.Д. Горский, С.М. Каштанов и др.) считают черные волости XIV — XV вв. феодально зависимыми от государства, другие — свободными от феодальной эксплуатации (И.И. Смирнов, Г.Е. Кочин, А.И. Копанев, Ю.Г. Алексеев и др.). Частновладельческая община до сих пор мало изучена. Можно указать такие работы: Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. — М.—Л., 1965; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV — XVI вв. Переяславский уезд. — М.—Л., 1966; Данилова Л.В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. — М., 1982. Некоторые исследователи считают, например, что мирская община сохранялась лишь в крупных феодальных владениях, “в мелких же она вовсе исчезала” (Шапиро А.Л. Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. — Вып. VI. — Проблемы истории русской общины. — Вологда, 1976. — С. 39).

Общезвестно, что отработочная рента политэкономически является наиболее примитивным и грубым способом изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. Однако вплоть до начала XVI в. господствующий класс при получении ренты в форме натуральных оброков был вынужден иметь дело прежде всего с мирской организацией общины, а не с личностью каждого крестьянина. Поскольку община как средство классового сопротивления и локальной сплоченности крестьян была, как уже говорилось, неискоренима в силу прежде всего экономических условий, то укрепление личной зависимости крестьян было всегда актуальной и желанной перспективой для господствующего класса. Социальное противостояние (не политэкономическое!) феодала-вотчинника общине *in concreto* не придавало производственным отношениям земельного собственника и непосредственного производителя должной прочности (гарантии) внеэкономического принуждения, поскольку феодал в социальной практике должен был постоянно чувствовать сплоченность крестьянского мира. На Западе эта проблема на разных этапах осуществлялась либо объективно-исторически (путем естественного, а стало быть, более или менее замедленного разложения общины), либо субъективно-исторически (путем разгрома общины). На Руси одним из возможных практических решений подобной задачи стало внедрение отработочной ренты, независимо от ее размера неизбежно ставящей крестьянина-общинника в условия наиболее грубой формы внеэкономического принуждения.

* * *

Специфичность развития феодальных отношений в условиях существования общины маркового типа наиболее ярко, хотя и опосредованно, проявилась в XIV—XV вв., а отчасти и в первой половине XVI в., в системе сельского расселения. Новейший исследователь истории сельского расселения до XVII столетия А.Я. Дегтярев пришел к выводу о полном господстве в Русском государстве вплоть до конца XVI в. мелких одно-двухдворных поселений. По обработанным А.Я. Дегтяревым данным по 17149 поселениям, в Северо-Западной Руси было 70,6% одно- и двухдворных поселений. Видимо, вплоть до конца XV в. этот тип сельского расселения был характерен и для Центра страны. Однако уже с конца XV в. в центральных районах эта система сельского расселения постепенно сменяется другой, с преобладающим типом более крупного поселения (6 дворов и более)⁶⁵.

Причиной господства мельчайших поселений А.Я. Дегтярев считает, главным образом, политику класса феодалов и феодального государства, развившуюся в массовом распространении в XIV—XV вв. налоговых льгот для новопоселенцев, сажающихся на новые, неокультуренные земли. Освобож-

⁶⁵ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV — XVII вв. Очерки истории сельского расселения. — Л., 1980. — С. 49, 38, 108, 111, 103—107, 112, 116, 120—121, 128—130 и др.

дение от различного рода государственных налогов и повинностей, а также повинностей и платежей в пользу феодала-землевладельца достигало 5—10 лет, а в отдельных случаях и более длительного срока. Это служило сильнейшим стимулом для заведения новых поселений. Такой ход рассуждений автора представляется в целом вполне убедительным.

Следует отметить, что социально-экономические факторы, и в частности политика льгот, непосредственно стимулировала лишь сам процесс расселения, процесс возникновения все новых и новых поселений, но отнюдь не определяли их размеры. Льготчику, а отчасти и землевладельцу, в принципе было безразлично, будет ли новое поселение одно-двухдворным или четырех-пятидворным. А.Я. Дегтярев здесь несколько недооценил природно-географический фактор, воздействующий на тип поселения, хотя приводит в своей работе довольно убедительный материал, доказывающий весьма существенное влияние качества почв на размер поселений⁶⁶. Заметим, что природно-географический фактор, вероятно, имел уже в XIV—XV вв. отнюдь не всеобъемлющий характер и в принципе допускал сосуществование разных типов поселений.

В исследовании А.Я. Дегтярева важнейшим для нас является не столько наблюдение о господствующем типе поселения, сколько убедительные факты стремительности роста новых поселений. Тип расселения на Руси свидетельствует о постоянном мощном форсировании этого процесса (поселения заводились при первой же и малейшей возможности, а потому и были только мельчайшими). Стремительность нарастания лавины новых поселений служит самым твердым обоснованием именно этой особенности.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать заключение, что политика массового насаждения новых льготных поселений в сущности была конкретно-исторической формой проявления процесса укрепления феодалной собственности на землю в условиях существования крестьянской общины. Этот процесс равноценен по своей объективно-исторической сути существенно значимому в основных западноевропейских странах варианту развития и укрепления феодалной земельной собственности на землю путем разложения общины и превращения аллодиального землевладения в крупную земельную собственность. Вероятнее всего, именно на основе аллода возник феодалный общественный и государственный строй с господством феодалной аристократии. Разница состоит в том, что если в Западной Европе этот процесс протекал на стадии вызревания феодализма как способа производства и об-

⁶⁶ Дегтярев А.Я. Указ. соч. — С. 144, 103, 116, 120—121, 128—130, 162—163. Б.А. Романов, считая, что размер поселения зависел от уровня развития производительных сил, ввел даже особый термин “вместимость” поселения, где под вместимостью понимается крайний предел рационального размера деревни и т. п. См.: Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII — XVII веков. — М.—Л., 1960. — С. 440.

щественного строя, то на Руси он проходил уже в период укрепления и развития феодализма.

Само укрепление и развитие феодальной земельной собственности в условиях неизбежного сохранения крестьянской общины было чрезвычайно сложно и многогранно. Одним из средств такого укрепления был процесс превращения исконного общинного крестьянского населения в “новоприходцев”, сажившихся на чужую землю, на землю феодала. При этом крестьянин воспринимал феодала уже не как внешнюю силу, которой он вынужден был покоряться, а как подлинного земельного собственника, собственника отчужденного от непосредственного производителя основного условия труда. Вероятно, только с этого момента входит в действие вся совокупность законов феодального способа производства. С этой точки зрения, режим насильственного внедрения феодальной ренты путем внеэкономического принуждения, а также элементов политической неполноправности можно, пожалуй, назвать лишь раннефеодальной стадией развития. Здесь уместно вспомнить, что именно в этой связи Ф. Энгельс в письме к К. Марксу довольно едко писал: “Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю, — в Фессалии, например, это имело место очень рано. Факт этот даже сбил меня и кое-кого другого в вопросе о средневековом крепостничестве; слишком легко склонялись к объяснению его простым завоеванием. Это так легко и просто решало дело...”⁶⁷ Как известно, во Франкском государстве с момента прихода германцев до становления подлинно феодальных отношений прошло четыре столетия, а в центре процессов этой эпохи было превращение феодалов в подлинных земельных собственников, так или иначе дающих крестьянам землю на условиях выполнения повинностей и платежей.

На наш взгляд, серьезным доказательством того, что политика массового насаждения новых поселений была попыткой расшатать общину, нейтрализовать обычно-правовые убеждения исконности общинного землевладения, сломить сопротивление общины и превратить феодалов в подлинных земельных собственников, служит актовый материал о так называемых “старожильцах”.

Традиция старой историографии, рассматривавшей “старожильцев” только в аспекте вызревания крепостничества (работы М.Ф. Владимирского-Буданова, М.А. Дьяконова, Ф.И. Леонтовича и др.), была воспринята и советской историографией. С этих же позиций подходили к изучению “старожильцев” Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин. По Грекову, “старожильцы” были первой категорией крестьянского населения, увязшей в путах зарождавшегося крепостничества: “Старожильство определяется не сроком прожи-

⁶⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 35. — С. 112—113.

тых за землевладельцем лет, а характером отношений между старожильцем и землевладельцем либо старожильцем и государством”⁶⁸. Сам термин “старожильцы”, по мнению ученого, появился тогда, когда возникла потребность отмежевать категорию старых, зависимых от землевладельцев тягловцев от увеличивавшейся массы “новоприходцев” (термин, предложенный Грековым)⁶⁹.

Л.В. Черепнин обратил внимание на весьма важное обстоятельство: “Крестьяне-старожильцы, ушедшие из феодальных владений, не перестают рассматриваться как старожильцы, и если они возвращаются на те участки, где жили раньше, то феодалы не смешивают их с крестьянами, приходящими из других княжений”⁷⁰. Это наблюдение послужило автору основой для более широких выводов. Их сущность сводится к тому, что “основная часть крестьян — “старожильцы” — начинает рассматриваться как крепкая земля, связанная с определенными земельными участками. Возврат старожильцев считается приходом на свои “старые места”. Это... понятие “старое место” крестьянина-старожильца сыграло большую роль в дальнейшем юридическом оформлении крепостнических отношений... Закон постановил, что ушедшие из феодальной вотчины старожильцы не перестают рассматриваться в качестве крестьян-старожильцев своего феодала”⁷¹.

Концепции старожильчества Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина были подвергнуты критике Г.Е. Кочинным и И.Я. Фрояновым. Г.Е. Кочин, подробно разобрав взгляды Б.Д. Грекова, на основе актового материала пытался (и небезуспешно) доказать, что “старожилец” — термин, равно как и явление, чисто житейское, бытовое. “Старожильцем” называли человека, издавна жившего в данной местности⁷². Был подвергнут критике и тезис Л.В. Черепнина о связи “старожильца” со “старым местом”, причем связи, видимо, хозяйственной и житейской⁷³.

На наш взгляд, эти критические замечания в целом справедливы, так как действительно “старожилец” — явление чисто житейское, что и отразилось в термине. Это, однако, не означает, что на материалах о “старожильцах” нельзя выявить процессы, имеющие прямое отношение к развитию феодализма. Именно это имели в виду и Б.Д. Греков, и Л.В. Черепнин. Правда, на наш взгляд, в этом случае точнее говорить не о развитии крепостничества, а о развитии феодальных производственных отношений.

Думается, что дело не в том, что ушедшие из своих сел и деревень старожильцы продолжают рассматриваться как старинные крестьяне своего

⁶⁸ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — 2-е изд. — М., 1954. — Т. II. — С. 95.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 211.

⁷¹ Там же. — С. 247.

⁷² Кочин Г.Е. — Указ. соч. — С. 416. О том, что “старожилец” — термин чисто житейский, писал еще В. Сергеевич в “Древностях русского права” (Т. III. — СПб., 1903. — С. 461).

⁷³ Фроянов И.Я. Старожильцы на Руси XV в. // Вестник ЛГУ. — 1981. — № 2. — История, язык, литература. — Вып. I. — С. 21—22.

прежнего феодала, как полагал Л.В. Черепнин⁷⁴, а в изменении самого статуса крестьян, вернувшихся на свои “старые места”. Б.Д. Греков вполне справедлив, когда объясняет появление термина “старожилец” необходимостью отличать старых, исконных жителей феодального владения от вновь пришедших и севших на льготу крестьян. Однако когда речь идет о “новоприходцах” особого рода, т. е. крестьянах-возвращенцах, то квалификация их как “старожильцев” связана с необходимостью фиксировать их более низкий по сравнению с подлинными новопоселенцами социальный статус⁷⁵.

По условиям льгот в налогах и повинностях старожильцы-возвращенцы резко отличаются от новопоселенцев. Так, в жалованной грамоте 1447 года Троице-Сергиеву монастырю великого князя Василия Васильевича о льготах сказано следующее: “...или кого к себе в то село и в деревни призовут жити людей старожильцев, которыхи переж сего тутю живали”, — им льгота в налогах и повинностях 7 лет, собственно “старожильцам”, т. е. старинным крестьянам троицкой вотчины, — 5 лет, а вновь пришедшим в троицкое село Нефедьевское и в деревни Угличского уезда — 10 лет⁷⁶. Таким образом, льгота старожильцам-возвращенцам на 2 года больше, чем собственно старожильцам, но на целых 3 года меньше, чем у обычных пришлых новопоселенцев. В льготной и несудимой грамоте 1453 года великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на деревни Ростовского уезда дана 10-летняя льгота “старожильцам, которыхи будут и переже того на них живали”, “а кого к себе перезовут людей жити на те пустоши из иных княжений” — льгота дана в 15 лет⁷⁷. В других грамотах разница в льготах с обычными новопоселенцами гораздо более сильная. В жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Фотию на владения Царевоконстантинова монастыря от 1426 года льготные сроки были следующими: “Хто будет из того монастыря и из сел того монастыря разошлись куды люди по которым местом, и придут опять на свои места, ино им на 5 лет не надобе ни которая моя дань... А кто придет в тот монастырь и в села того монастыря людей из иных княжений, а не из моей отчины из

⁷⁴ В более поздней работе Л.В. Черепнин отстаивал эти взгляды. См.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма: Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика (Далее: Черепнин Л.В. Спорные вопросы...). — М., 1972. — С. 231.

⁷⁵ Старожильцы, которые “переже сего тутю живали”, в отдельных случаях получали льготы, равные с “инокняженцами”. Однако в одних из них жалованные грамоты давали тархан, т. е. полную и бессрочную льготу для всех (См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (Далее — АСЭИ). — Т. 2. — М., 1958. — № 66, 192), в других же случаях срок льготы практически был близок к тархану (20 лет). Так, в грамоте 1455 г. белозерский князь Михаил Андреевич дает льготу всем категориям населения, в том числе и “тутошним”, и пришлым, включая “инокняженцев” (АСЭИ. — Т. 2. — № 164). Иногда общий срок даваемой льготы был практически минимальным для становления хозяйства, и разницы с инокняженцами не было именно по этой причине (АСЭИ. — Т. 2. — № 391). Таким образом, названные здесь варианты не представляются типичными, т. е. не являются социально-значимой практикой.

⁷⁶ АСЭИ. — Т. 2. — № 152.

⁷⁷ АСЭИ. — Т. 1. — М., 1952. — № 243.

великого княжения, и тем людям пришедшим на 10 лет не надобе некоторая моя дань...”⁷⁸ Здесь срок льготы для пришедших старожильцев вдвое короче, чем срок для новопоселенцев. В жалованной (льготной) грамоте великого князя Василия Васильевича Чудову монастырю 1436 года на села Переяславского уезда льгота для тех, кто “ис тех сел и из деревень и из с пустошей разошлись по иным местом, а придут жити на те свои места в те село и в деревни на те пустоши”, — 5 лет, а для “людей из иных княжений” — 10 лет⁷⁹. В льготной грамоте великого князя Василия Васильевича вдове Копнина 1442 года на пустоши, пустующие 10 лет, льгота для тех, “кого к себе перезовут людей на те пустоши тутошних старожильцев, которые переже того туто жывали”, — 5 лет. В то же время льгота для “инокняженцев”, пришедших людей — 10 лет⁸⁰. В жалованной (льготной и несудимой) грамоте великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе, датируемой в пределах 1448—1461 гг., в частности, сказано: “И яз князь великий пожаловал его, что которые люди ныне остались в тех селах или которые будут старожильцы из них разошлись по иным местом, а приедут в те села церковные жити опять на свои места, ино тем людем, которые ныне в тех селах живут, да и тем пришедшим старожильцам не надобе моя некоторая дань на 3 годы”, а для тех, кого “призовут жити из иных княжений”, — “на 10 лет не надобе моя дань”⁸¹. В этом случае старожильцы и “пришедшие старожильцы” уравнены, а льгота вновь пришедшим “людям” в 3 раза больше по своим срокам. В более ранней (1423 г.) льготной и несудимой грамоте великого князя Василия Дмитриевича нижегородскому Спасо-Благовещенскому монастырю на пустоши в Лыскове и Курмыше льгота “тутошним старожильцам”, кого “перезовут” “на те пустоши”, — 3 года, а тем, кого перезовут “из иных княжений”, — 10 лет⁸². В льготной и несудимой грамоте 1424 года того же Василия Дмитриевича некоему И. Кафтыреву в Костромском уезде “перезыв” на земли, что “у него нынеча опустели мором и межениною”, для “тутошних старожильцев” дает льготу в 3 года, а “перезыв” “из иных княжений” “пришедших людей” — 10 лет льготы⁸³. В жалованной льготной и несудимой грамоте Спасо-Ефимьеву монастырю великого князя Василия Васильевича от 1451 года текст о льготах гласит следующее: “А хто будет старожильцов моих людей ис тех деревень разошлись, а придут опять на свои места, ино что давали мои оброк в дань весне 10 алтын, а в осеннюю дань 10 алтын, ино им не надобе тот оброк на 2 году, а уйдут 2 году — и они

⁷⁸ АФЭХ. — Ч. I. — № 198.

⁷⁹ АСЭИ. — Т. 3. — М., 1964. — № 34.

⁸⁰ АСЭИ. — Т. 1. — № 224.

⁸¹ АФЭХ. — Ч. I. — № 145.

⁸² АСЭИ. — Т. 3. — № 296.

⁸³ АСЭИ. — Т. 3. — № 239.

дают по-старому... А кого к себе призовет людей из-ыного княжения, а не из моей вотчины, и тем людям пришлым не надобе им моя дань на 10 лет”⁸⁴. Таким образом, в этом случае разница срока льготы “пришлых старожильцев” от обычных новопоселенцев пятикратная, поскольку им дана была льгота лишь на 2 года.

Таким образом, налицо очень сильная разница в сроках льготы новопоселенцев и “пришлых старожильцев”. Л.В. Черепнин считает эту разницу естественной. “Ведь у них, — пишет ученый, — как старых поселенцев, было больше возможности наладить заброшенное хозяйство”⁸⁵. Думается, что ситуация была сложнее, и далеко не всегда меньшая льгота была напрямую обусловлена меньшими трудностями в восстановлении хозяйства. Меньшая льгота в большинстве своем отражает более низкий социальный статус “пришлых старожильцев”⁸⁶.

В актовом материале этой поры главное внимание акцентировано на том, кем является поселенец: “инокняжцем”, “пришлым старожильцем” или собственно “старожильцем”. Вместе с тем фиксация хозяйственной специфики мест поселения неопределенна. Наоборот, в более поздних материалах начала XVII в., в частности в писцовых наказах, при рассмотрении заселения запустевших в течение 10—15 лет земель главный упор был сделан на учет специфики хозяйственных трудностей и условий заселения и совсем не обращалось внимание на происхождение некрепостных, “охочих людей”: приходят ли они “со стороны” или являются “тутошними”, здешних волостей людьми⁸⁷. Разницы в податной льготе между “тутошними”, волостными и “охочими” людьми “со стороны” как таковыми не существует. Все зависит от конкретных хозяйственных условий. Напротив, актовый материал XV в. рисует совсем иную ситуацию. Здесь часто льгота не столь определенно зависит от условий хозяйствования новопоселенцев. Так, в жалованной льготной тверского великого князя Михаила Борисовича 1483 г. сказано: “А кого перезовут людей, а посадят на лесе на стари. И тем льгота на 20 лет. А на пустошах посадят людей, и тем льгота на 20 лет”⁸⁸. Хозяйственные условия

⁸⁴ АСЭИ. — Т. 2. — № 452.

⁸⁵ Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 246.

⁸⁶ В этой связи необходимо отметить, что Г.Е. Кочин не прав, когда подчеркивает: “Нет оснований... усматривать резкую грань в правах и социальном положении между пришлыми и старожильцами” (Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 406). Льгота — это отражение правового положения. Что касается конкретных доказательств, то в центре внимания Г.Е. Кочина стоит разбор жалованной льготной грамоты 1447 г. (АСЭИ. — Т. 2. — № 192). Однако ученому не удалось правильно установить пунктуацию текста, вследствие чего грамота № 192 прочитана неточно (Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 405).

⁸⁷ Акты писцового дела. — Т. I. — М., 1913. — С. 119, 186. Термин “со стороны” идентичен термину “иное княжение”, поскольку в рязанских грамотах вместо “иное княжение” фигурирует “с иных сторон” (АСЭИ. — Т. 3. — № 333, 354). Заметим, что более широкое толкование термина “иное княжение” отнюдь не означает отказа от него в буквальной семантике (см. об этом: Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV — XVI вв.). — Л., 1987. — С. 183).

⁸⁸ АСЭИ. — Т. 3. — № 158.

освоения различны (девственный лес и просто заросшая пашня), а срок льготы одинаков. В грамоте великого князя Василия Ивановича 1497 г., в частности, говорится о поселении “на лес на старь”: “а льгота... на 15 лет”⁸⁹, а в грамоте 1493 г. грамотчикам дана просто пустошь, при этом срок льготы — “под двор на 15 лет”⁹⁰ и т. д.

Следовательно, главная особенность состоит в том, что в актах XV в. при явно одинаковых хозяйственных условиях для разных новопоселенцев льготы были резко различны по срокам, и главной целью переизымов были люди, пришедшие на чужую землю, а не собственно освоение земель, ибо тогда было бы невозможно уравнивать по льготе легкую пустошь и девственный лес.

Продолжая наше обсуждение позиции Л.В. Черепнина, следует сказать, что в большом числе случаев старожильцев “тутошних мест” переизымали вообще на пустые места, как и “инокняженцев”. Кроме того, ушедшие из “своих мест” старожильцы могли вернуться и через 5, и через 10, 15 и 20 лет, и в этом случае их хозяйственные задачи восстановления “старых”, запустевших мест были не менее сложными, чем создание нового хозяйства, расчистка под пашню леса и т. п.

На наш взгляд, резкое уменьшение льготных сроков для “пришлых старожильцев” имело своей задачей четкое обозначение факта полного отчуждения у них “старых мест” феодалом, конец иллюзиям бывших исконных жителей на право владения “старыми местами”. У обычных новопоселенцев, пришедших “из иных княжений”, таких иллюзий не было, они садились на чужую для них землю и пришли специально на льготу, хотя несомненно, что с течением времени в силу экономической необходимости они снова врастали в систему общинного землепользования. Но это другой вопрос.

Стало быть, стержнем политики создания массовых новых поселений на льготных основаниях было не столько стремление привлечь из “иных княжений” рабочие руки для освоения новых земель, хотя такая задача действительно имела место, сколько стремление укрепить положение феодалов как полных земельных собственников. К этой мысли довольно близко подошел А.Я. Дегтярев, который пишет: “Окончательно стать собственником земли можно было, только застолбив ее деревнями, в которых посажены “свои” крестьяне”⁹¹. Автор лишь имеет в виду задачу хозяйственного освоения феодалом пустых земельных пожалований, куплей и непосредственных захватов. Но, если взглянуть на проблему шире, то станет ясно, что людские ресурсы страны перераспределялись столь сложным, ухищренным и несомненно дорогостоящим способом⁹² не столько во имя освоения новых земель, сколько

⁸⁹ АСЭИ. — Т. 3. — № 164. См. также № 165.

⁹⁰ Там же. — Т. 1. — № 293.

⁹¹ Дегтярев А.Я. Указ. соч. — С. 133.

⁹² “Переизым” крестьян сопровождался не только установлением пожалований с освобождением на значительный срок от государственных налогов и повинностей, но и освобождением от феодалов

во имя завершения процесса отчуждения от непосредственного производителя основного условия труда — земли. И.Я. Фроянов прав в том отношении, что “старожильцы” вовсе не прикреплялись к земле (“они часто срывались с места”, — пишет он)⁹³. Однако явление “старожильства” позволяет вскрыть указанный нами сложный глубинный процесс.

Изменение ракурса подхода к проблеме “старожильцев” позволяет иначе, чем прежде, оценить и сущность явления крестьянских переходов. Со всем не обязательно для столь ранней поры, как XIII—XIV вв. и даже первая половина XV века, рассматривать их в жесткой альтернативе “свобода — крепостничество”⁹⁴. Из сказанного выше следует, что крестьянские переходы (от одного землевладельца к другому) в значительной своей части обязаны инициативе феодалов-землевладельцев. Очевидно, нецелесообразно вследствие этого и постоянно рассматривать их как непреходящий атрибут свободы.

Крестьянские расселения в рамках маркового строя свободных общин вещь обычная, но она исторически и социально не равнозначна переходам, так как механизм миграций был совсем иным. Крестьянские расселения лишь укрепляли такие основы обычного права, как принцип наследственности и трудового права, лежавшие в основе крестьянских общинных представлений о земельной собственности. В условиях необычайно короткого сезона сельскохозяйственных работ, когда земледелец мог в любой момент остро нуждаться в помощи соседей, это не было колонизацией западноевропейского типа. Целью инициативы феодалов в области крестьянских переходов была как раз борьба за уничтожение или сокращение сферы действия крестьянского общинного наследственного права и сужение сферы действия принципа общинного трудового права до уровня одних лишь межкрестьянских отношений. Разумеется, в конкретно-исторической действительности все это проявлялось не столь однозначно, но общая тенденция, на наш взгляд, именно такова.

Традиционный подход к крестьянским переходам как элементу крестьянской исконной свободы лишает историков возможности не только определить начало таких переходов, но и объяснить социальный механизм их воз-

ренты крестьян, сажавшихся на земли вотчинников. Последнее особенно четко выявляется из строк судебного дела от 1504 г. Троице-Калязина монастыря с крестьянами во главе с Артемием Вострым (АСЭИ. — Т. 3. — № 172). В ходе спора старцы монастыря показали, что “жили Ортемко и его товарищи у нас в монастырских деревнях в старых, да из наших... деревень тот лес россекали, и прятали, и пахали, и косили, и дворы себе на тех местах поставили за монастырь, да и грамоты... льготные на те починки взяли у игумена и у братья за монастырь, а ужо... тому 4 года”. Нет необходимости доказывать, что на льготу садились и крестьяне, приходящие на великокняжеские земли (см., напр.: АСЭИ. — Т. 2. — № 293. Сямской сотский в Вологодском уезде в 1493 г. посадил на 12-летнюю льготу крестьян Афонку да Ивашку Фоминных: “не надобе им великого князя дань, ни волостелевы кормы, ни города ставити, ни ям, ни [в] выпные розрубы в столец не тянути ни во что”).

⁹³ Фроянов И.Я. Указ. соч. — С. 24.

⁹⁴ Договоры Великого Новгорода донесли до нас отражение развивавшихся крестьянских переходов начиная с XIII столетия (см.: Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Вестник ЛГУ. — 1978. — № 14. — История, язык, литература. — Вып. 3. — С. 32—33. См. также: Черепнин Л.В. Образование... — С. 251).

никновения. Л.В. Черепнин прямо заявлял: “Мы не знаем, как и когда возникло это право” (крестьянских переходов, — Л. М.)⁹⁵. В свое время И.И. Смирнов писал о том, что “Киевская Русь не знала права крестьянского перехода. Этот вывод вытекает... прежде всего из наличия такого социального института, как «изгойство»”⁹⁶. Думается, что с точки зрения социально-экономического развития феодалной вотчины момент возникновения переходов был прежде всего следствием сопротивления крестьянской общины процессу становления вотчины как полнокровной ячейки феодалного общественного производства, когда развитие рентных отношений в вотчине миновало свою простейшую стадию повторения отношений института кормлений, хотя; в свою очередь, уже лишенные своей земли крестьяне могли использовать переходы, протестуя против политики хозяина их земли.

Переходы возникали, таким образом, как орудие борьбы с общиной, хотя само явление переходов на практике оказалось значительно сложнее. В какой-то момент переходы стали уже препятствием укреплению феодалного способа производства. Больше того, с определенного этапа они действительно стали и элементом крестьянской свободы. Хотя если взглянуть глубже в сущность процессов более поздней поры, второй половины XV в. и XVI в., то придется признать, что и в это время крестьянские переходы все еще оставались в значительной мере порождением прежней необходимости расширения общины и укрепления права собственности феодала на землю. Поэтому, соглашаясь с И.Я. Фрояновым в том, что “едва ли возникновение переходов означало закрепощение крестьян”⁹⁷, в то же время необходимо со всей силой подчеркнуть социальную функцию переходов, используемых феодалами как орудие укрепления феодалной собственности на землю в борьбе с общиной.

При этом необходимо иметь в виду, что конкретно-исторически явление переходов обрастало и рядом сопутствующих функций. Среди них историки раньше всего увидели функцию борьбы за рабочие руки. Однако, на наш взгляд, существенное значение эта функция приобретает много позже, примерно с середины XVI века, но и тогда она остается производной.

Примерно к середине XV в. в некоторых районах страны интенсивность переходов уже была, видимо, необычайно высокой. В водоворот массовых переселений на льготу были вовлечены широкие массы крестьянского населения. Здесь представляется существенным уточнить понимание терминологии актового материала, касающейся определения группы крестьян-льготчиков, фигурирующих под названием “инокняженцев”. Л.В. Черепнин

⁹⁵ Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 243—244.

⁹⁶ Смирнов И.И. Проблемы крестьянства и феодализма в советской исторической литературе // 25 лет исторической науки в СССР. — М., 1942. — С. 102; См. также: Смирнов И.И. Заметки о феодалной Руси XIV—XV вв. (по поводу исследования Л.В. Черепнина “Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.”) // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 148.

⁹⁷ Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России. — С. 34.

склонен к буквальной трактовке термина “инокняженцы” как обозначающего крестьян, вышедших “из иных княжений”⁹⁸. На наш взгляд, этот термин несет вместе с тем и более широкую нагрузку. Его социальная функция подобна термину “государь” Псковской судной грамоты и ряда других документов. “Иное княжение” — это не только территория, не входящая в пределы княжеской юрисдикции и фискального обложения системы “государственного феодализма”. Сюда же входят и территории частновладельческих вотчин, где “вотчик” был “государем”, а следовательно, “князем”. Данную интерпретацию, на наш взгляд, подтверждает формуляр актов документациии, вышедшей из-под пера великого князя Тверского Михаила Борисовича. В жалованной льготной и несудимой грамоте Троицкому Калязину монастырю 1483 года на устройство новой слободки на Верхней Жабне, в частности, сказано: “Звати ему людей из зарубежья и из-за бояр здешних, а не з выти моее, великого князя”⁹⁹. Понятие “великое княжение” уточнено здесь не в смысле государственного образования как политического организма, а лишь в фискально-юридическом плане (“моя выть”). Таким образом, формула грамот московских великих князей и ряда княжений Северо-Восточной Руси, носящая негативный аспект: “не из моее вотчины, великого княжения”, может допускать право перезыва “из иных вотчин”. Такой ход рассуждений подтверждается и формуляром грамот великого Рязанского княжения. В ряде вариантов формуляра, аналогичного вышеприведенным, в рязанских жалованных грамотах неоднократно встречается и такой (1501 г.): “А кого к себе призовет из зарубежья... а из здешних неписьменных кого к себе призовет и тем людем не надобе им моя дань и ям и никоторая тягль...”¹⁰⁰ Этот или очень близкий формуляр встречается еще в четырех жалованных грамотах 1502—1519 гг.¹⁰¹ Не останавливаясь сейчас на термине “неписьменные люди”, обратим внимание на то, что формуляр по сути своего смысла идентичен тверскому и в какой-то мере московскому и иным формулярам Северо-Восточной Руси. Перезываются крестьяне двух категорий: 1) жители “иных княжений” (“из зарубежья”) в буквальном смысле этого слова и 2) крестьяне “тутошние”, “здешние”, местных вотчиков-бояр. Формуляр грамот князей Северо-Восточной Руси представляется наиболее разработанным и детальным, поскольку из “здешних” и “тутошних” выделялись, как было показано выше, еще и крестьяне, вернувшиеся на свои “старые места”. Но вместе с тем, этот формуляр путем “негативных” конструкций (“а не из

⁹⁸ Черепнин Л.В. Образование... — С. 252. В связи с этим подходом ученого его концепция влияния процесса централизации государства на размах крестьянских переходов выглядит несколько прямолинейно и упрощенно (“С объединением русских земель и образованием централизованного государства таких “иных княжений” оставалось все меньше. Так подготавливалось стеснение права перехода крестьян в масштабе всего государства”. — Там же).

⁹⁹ АСЭИ. — Т. 2. — № 158.

¹⁰⁰ АСЭИ. — Т. 3. — № 361.

¹⁰¹ Там же. — № 369, 362, 388, 389.

моее вотчины, великого княжения”) допускал, на наш взгляд, переэвиз тех же категорий крестьян, что и в рязанских и тверских актах. В правомерно-сти такой трактовки убеждает текст жалованной грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Ивановское Вологодского уезда. Здесь обычно лаконичная негативная формула “а не из моего княжения” передана следующим образом: “или кого к себе в то село переэвиз людей и в деревни из-ыного княжения, а не из моих волостей, ни ис сел”¹⁰².

Таким образом, подлинные крестьяне-льготчики, переэвизаемые от владельца к владельцу, вовсе не ограничивались числом пришедших из “иных княжений” в буквальном смысле этого слова, а потенциально охватывали большую массу крестьян внутри каждого княжения. И, что очень важно, они отнюдь не исчезали по мере образования единого Русского государства, как полагал Л.В. Черепнин.

Возможно, дело тут в другом. По мере развития процесса “переэвизов” крестьян от одних землевладельцев к другим он начинает обретать иные исторические черты. Помимо социальной функции укрепления земельной собственности феодалов процесс “переэвизов”, перерастая свои оптимальные рамки, стал, правда, очень медленно, превращаться в борьбу феодалов за рабочие руки. Тот и другой моменты оказались теперь слитыми воедино.

Далее. Объективная логика развития этого процесса привела к тому, что стал нарушаться другой параллельно протекавший процесс в общем потоке противоборства феодалов с общинным крестьянством — процесс привлечения крестьян к выполнению полевой земледельческой барщины.

Вопрос о характере и темпах развития полевой барщины крестьян имеет принципиальное значение для оценки роли общинного землепользования и землеустройства в период до появления первых юридических актов, связанных с упорядочиванием крестьянских переходов¹⁰³.

* * *

В последние десятилетия в историографии появились суждения о существенном значении отработочной ренты в системе феодалной эксплуатации крестьянства в Древней Руси XIV — XV вв. Собран довольно большой фактический материал в работах А.П. Пьянкова, А.Д. Горского и Л.В. Черепнина¹⁰⁴. Больше того, авторы этих работ с большей или меньшей уверен-

¹⁰² АСЭИ. — Т. 2. — № 199.

¹⁰³ В литературе это упорядочивание расценивается, как правило, в русле мер, генетически связанных с крепостничеством.

¹⁰⁴ Пьянков А.П. Формы феодалной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. // Ученые записки Могилевского гос. пед. института. — Вып. I. — Минск, 1955. — С. 3—30; Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — М., 1960. — С. 234—243; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. — М., 1960. — С. 227—232.

ностью утверждают тезис о распространении в этот период полевой крестьянской барщины.

С возражением в адрес подобного утверждения выступил Г.Е. Кочин¹⁰⁵. Суть его возражений сводится к критичной оценке уровня производительных сил в XIV—XV вв. “Земледелие, — пишет Кочин, — как особый раздел владельческого предпринимательства требовало таких сил и средств, каких не было у землевладельцев XIV—XV вв., особенно в тех удаленных от владельческого центра волостях — селах, из которых состояла основная масса земельных владений феодалов”¹⁰⁶. Автор в итоге исследования приходит к выводу о том, что “производство зерновых хлебов в собственном хозяйстве феодалов-землевладельцев в изучаемое время занимало скромное место”¹⁰⁷. Источниковедчески работы своих оппонентов Г.Е. Кочин практически не рассматривает. Основной упрек автора сводится к следующему: “Л.В. Черепнин и А.Д. Горский не отличают десятинной пашни, шестого и пятого снопа... от барщины”¹⁰⁸.

Надо сказать, что упрек этот явно излишне полемичен. И только лишь А.П. Пьянков весьма категорично отстаивает тезис о традиционности практики полевой барщины начиная с XIV века¹⁰⁹.

Тем не менее вопрос о степени распространения и характере полевой барщины в феодальных вотчинах XIV—XV вв. заслуживает внимания. Поскольку светские владельцы на этих работах все еще использовали труд холопов, то процесс становления полевой барщины можно проследить лишь на актах монастырей.

Наиболее раннее свидетельство уставной грамоты 1391 года о пашне на монастырь в свое время даже Б.Д. Греков расценил как полевую барщину¹¹⁰. Это мнение, как и суждения Л.В. Черепнина и А.Д. Горского, оспорил Г.Е. Кочин, который увидел в документе лишь отражение практики так называемой “жеребьевой” или десятинной пашни¹¹¹. По мнению ученого, при десятинной пашне господского поля как такового не существовало, феодал ни сам, ни через свой аппарат хозяйственными полевыми работами не ведал: “Землевладелец использовал не самую рабочую силу крестьянина, а получал ее результат — готовую продукцию — зерновой хлеб на полях”¹¹². Цити-

¹⁰⁵ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 349—355.

¹⁰⁶ Там же. — С. 353.

¹⁰⁷ Там же. — С. 313.

¹⁰⁸ Там же. — С. 352—353. Л.В. Черепнин согласился с этим замечанием и признал, что факты о барщине в XIV—XV вв. действительно отражают практику десятинной пашни, близкой к издольщине. См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 239—240.

¹⁰⁹ А.П. Пьянков прямо пишет о том, что в Северо-Восточной Руси барщина и господская запашка были обычным делом (Пьянков А.П. Указ. соч. — С. 14; См. также: С. 16—17, 19).

¹¹⁰ АФЭХ. — Ч. I. — № 21; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — 2-е изд. — Т. I. — С. 543.

¹¹¹ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 353—354. Этот вывод Г.Е. Кочина поддержан и развит Л.В. Даниловой. Необходимо отметить, что позднее Л.В. Черепнин согласился с серьезным характером данного суждения Г.Е. Кочина (см.: Данилова Л.В. О внутренней структуре... — С. 15; Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 239—240).

¹¹² Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 354.

руя грамоту, Г.Е. Кочин обращает внимание, что речь в ней идет не о господских особых полях, а всего лишь о “игумновом жеребии” в общем клину крестьянских полей. На первый взгляд кажется, что речь идет о тонкости, о второстепенной детали. Однако суть дела сложнее. При упрощенном подходе к явлению, когда улавливается лишь главное — “на кого” пашут, и опускаются нюансы обстоятельств пахоты, исследователь проходит мимо свидетельств конкретного механизма зарождения полевой барщины. А за этим могут скрываться реальные особенности зарождающегося господского феодального хозяйства.

Напомним контекст интересующего нас сюжета грамоты, где тягоспособные крестьяне монастырских сел и деревень обязывались: “церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставити, игумнов жеребей весь ролы орать взгоном, и сеяти, и пожати, и свести, сено косити десятинами и в двор ввести, ез бити и вешней и зимней”¹¹³ и т. д. Действительно, в тексте речь идет лишь о “жеребии”, а не об особых господских полях. Позднее, в XVI веке, необходимость говорить о “жеребии” отпала, так как во многих монастырях заводилась особая господская запашка. Была она, как правило, в селе, где было боярское или монастырское хозяйство (скотные дворы, конюшни и т. п.). К селу “тянули” ближайшие деревни, крестьяне которых пахали монастырскую или боярскую пашню в селе.

Наиболее ранний пример организации особого комплекса господских полей мы видим в ссылках судного списка о тяжбе Симонова монастыря с крестьянами с. Шипинского о землях Бежецкого Верха и Углича (1540 г.). В ссылках старожилов на писцовое описание конца XV — начала XVI в. фигурирует угличский князь Андрей Васильевич, который “выменил то село у сына боярского... а дал ему государь против того черные деревни во Княжеской волости. И приежщал... в то село пашню на государя наряжати дияк княж Ондреев — Митею звали Демидов. Да выменял... князь Ондрей Васильевич деревню Чюрилово... да выменял... деревню Степанское... и припустил, господине, те деревни к селу к пашне; да к тому... припускал к селу в пашню черные деревни; и сколько... к селу он припустил деревень в пашню, и тем... всем деревням давал дияк княж... траву по реке по Кестме... а под двором... у пашенных деревень ни у одное травы нет”¹¹⁴. Здесь процесс выделения комплекса барских полей в селе и придача к нему рабочей силы крестьян окрестных великокняжеских деревень отражены довольно четко. Общепринятый характер такой процедуры выявляется из ответа царя Федора Ивановича на письмо митрополита Варлаама о хозяйственных неурядицах Софийского дома (1592 г.). Совет царя сводился к тому, чтобы “лутчие места, которые ныне в поместьях розданы, поимать на себя и устроить села и пашни на себя”¹¹⁵.

¹¹³ АФЗХ. — Ч. I. — № 201.

¹¹⁴ АСЭИ. — Т. 2. — № 433.

¹¹⁵ Цит. по кн.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 47.

Что же касается “жеребия”, то в принципе вполне ясное понятие как доли в общем целом хорошо иллюстрируется материалами одного из земельных споров конца XV века (спор И.А. Носова с Я.И. Бессониевым и Ф.И. Кривым о церковной земле в Переяславском уезде — 1485—1490 гг.)¹¹⁶. Обе стороны сошлись здесь на том, что спорный участок находится в общем массиве полей церкви Воскресенья. Расхождение спорщиков лишь в юридическом оформлении прав на участок, долю в общем массиве полей. Свидетели одной из сторон, Я.И. Бессониева и Ф.И. Кривого, утверждали на суде: “Давали, господине, отцы их игумену или попу, — кой будет игумен или поп силен, много всхочет пахати, и отцы их, господине, по четверти или по две дадут в поле вспахати, чего сами не возмогут папахати, а к церкви, господине, земли не придаывали”. Другой спорщик — “вотчик” Ивашко (И.А. Носов) заявил: “И как яз... бил челом Григорию Васильевичу (более раннему владельцу, — Л. М.) и Григорей то мое селцо Олексеевское взял за собя, а мне... дал тут жеребей земли у церкви с попом по половинам. И как Григорей... постригся, так меня... отпустил и с тем с моим жеребием с церковным”. Возможно, Ивашко держал поместье от Григория Васильевича (не исключено, что он вообще вышел из холопов). Главное же заключается в том, что жеребей как доля юридически был не оформлен, не имел межевых границ и т. п. Это было лишь долевое участие.

Значение жеребия как доли хорошо выясняется из текста двух купчих 1525—1526 гг., по которым митрополичий боярин Р.Ф. Фомин купил “в дом” по частям село Степановское, принадлежавшее различным представителям рода Елдегиных в Московском уезде. В одной купчей оформлена “половина” сельца, состоящая из трех жеребьев, “с всем с тем, что к тому полусельцу... к трем жеребьем из старины потягло, с лесы, с луги, с пожнями, и с всему угоды, куды ис того полусельца трех жеребьев соха и топор и коса ходили”¹¹⁷. В другой купчей оформлена треть сельца Степановского и “шестой жеребей”. В итоге у Р.Ф. Фомина оказалось все сельцо. Треть в грамоте именуется “Онтонидин жеребей”. Купля оговаривает условия: “и с всем с тем, что к тому к Онтонидину жеребью и ее детей Сувора з братьею изстари потягло и к Злобину шестому жеребью Елдегина изстари ж потягло пашни, и пожень, и лесу, и всяких угодей во всех трех полех, куда коса и топор и соха ходила”¹¹⁸. К каждому жеребию относились определенные участки в пашне, пожнях, лесу и т. д. при общем делении на три поля. В купчей грамоте митрополичьего дьяка на деревню, селище и пустоши, купленные митрополитом у детей Микулы Соболева (1495—1511 гг.), соотношение долей еще более сложное¹¹⁹. У двух сыновей в двух жеребьях имела жере-

¹¹⁶ АСЭИ. — Т. 1. — № 521.

¹¹⁷ АФЗХ. — Ч. I. — № 65.

¹¹⁸ Там же. — № 66.

¹¹⁹ Там же. — № 178.

бей свой их мать (“да и тот жеребей, что у них пахала мати их Марья у обеих в их жеребьех в Володимерском уезде, в Холопье Луке, с луги, и с лесы, и з борным лесом, и с всякими угодыи и с всем тем, что к той деревне... потягло изстарини”).

Наконец, еще один немаловажный момент. В уставной 1391 г. сказано: “Игуменов жеребеи весь ролюи орать взгоном”. Поголовное участие крестьян в обработке пашни (“взгоном”, “згоном”) в эту эпоху могло означать лишь одно: очень небольшой размер “игумнова жеребия”. Видимо, в XIV веке, да и в значительной мере в XV веке, господская запашка была очень невелика. Именно мизерность ее размера позволяла монастырям просить крестьян в порядке зачета в их повинности или по иным мотивам обрабатывать их на монастырь. В середине XVIII в., когда уже появилась урочная система барщинных работ, при окончании работ небольшой остаток поля всегда обрабатывали згоном. Отголосок именно таких архаичных отношений можно видеть в одном из нормативных хозяйственных документов второй половины XVI века, т. е. времени, когда господская запашка стала уже повсеместным явлением, а величина ее постепенно становилась заметным бременем для крестьян. В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю господская запашка заводилась в обмен на льготы крестьянам в государственных налогах и повинностях. Запашка была еще весьма скромной по своим размерам. Тягловое распределение барщины организовывалось по вытям (по одной десятине запашки на выть). Самое же главное для нас заключено в оговорке: “А изоидутся в котором поле за десятинами пашня, и им бога ради спяхати згоном” (т. е. если в каком-либо селе конкретные размеры господского поля не уложатся в повытный расклад по одной десятине на выть и окажется лишний участок, то крестьянам предлагается вспахать его на добровольных началах “во имя бога”)¹²⁰.

Г.Е. Кочин, обосновывая характер жеребьевого пашни Константиново-Еленинского монастыря, обращается к более позднему (на 100 лет) хозяйственно-нормативному документу по тому же монастырю. Это грамота митрополита Симона некоему Юрке Масленицкому (1495—1511 гг.)¹²¹. В ней в ответ на жалобу о том, что монастырские крестьяне (сураломицы и добросельцы) мало пахнут на монастырь, дается подробная инструкция Ю. Масленицкому по организации пахотных работ на монастырь: “Дал бы еси христианом в тех селех в всех трех полех по 5 десятин, а на монастырь бы еси

¹²⁰ Цит. по кн.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — 2-е изд. — Т. II. — С. 52. Эти остатки архаичных порядков в барщинной эксплуатации крестьян во второй половине XVI века, видимо, были еще нередки. В уставной грамоте Новинскому монастырю 1590 года для дальних монастырских сел была характерна именно запашка господского клена “згоном”. В селе Спасском с деревнями Романовского уезда полагалось “крестьяном на монастырь пахати взгоном по 15 десятин в меру”, т. е. в поле. В селе Куликове с деревнями Костромского уезда “а пашни монастырские 4 десятины пахнут крестьяне и жнут изгоном”, да в Кашинском уезде в селе Кошелево с деревнями “пашню на монастырь пахнут по полутора десятин под рожь, а яри потому ж” (АФЗХ. — Ч. II. — № 23).

¹²¹ АФЗХ. — Ч. I. — № 205.

указал им пахать шестую десятину. А будет земли обильно, а кому будет земли надобе более того, и он бы по тому ж пахал и монастырскую пашню шестой жеребей. А кому не будет силы пахать 5 десятин, и он бы по тому пахал и монастырскую пашню и всякое дело делал по своей пашне”.

На наш взгляд, в данном случае трудно прийти к однозначному выводу. В документе уже дается подесятинный расчет, но ведется он лишь в общем соотношении. Исходной точкой расчета является сумма участков по каждому полю (5 десятин на двор), что в итоге должно составить во всех трех полях по 15 десятин на хозяйство. На монастырь рекомендуется пахать шестую часть или одну десятину в поле на двор. Далее в инструкции предусмотрено сохранение этого соотношения в случаях, когда дворовая площадь пашни будет в сумме трех полей больше или меньше 15-ти десятин. Здесь в равной мере можно предположить как жеребьевый принцип распределения господской запашки, так и бытование особых участков монастырской пашни. Поскольку на данном этапе здесь еще не появилась расчетная единица тягового обложения (“выть”), то можно считать, что текст отражает все еще архаичную систему “жеребьев”. В отсутствии расчетной единицы, подобной выти, система расчета особого господского поля делается очень сложной процедурой. В позднейшей практике господского барщинного хозяйства, как это мы отчасти видели по актам XVI века, все было наоборот: определялся размер господского поля с ориентацией на общее представление производственных возможностей деревни (а чаще с ориентацией на довольно еще скромные запросы самого помещика), и уже потом шла разверстка конкретного размера поля по тяглам, т. е. пропорционально тяглу или доле тягла устанавливался физический объем барщинного “урока”. Здесь же демонстрируется полная подвижность размеров господского поля в зависимости от ежегодных намерений крестьян. Норма, установленная Юрке Масленицкому в 5 десятин крестьянской пашни в поле на хозяйство, сугубо ориентировочна. В грамоте сказано: “а будет земли обильно” (т. е. если окажется, что угоды пашни гораздо больше ожидаемых), “а кому будет земли надобе более того” (т. е. если кто захочет иметь пашню больше ориентировочной нормы), “и он бы потому ж пахал и монастырскую пашню шестой жеребей”. И наоборот, там, где нет силы, — пусть пашет меньше 5 десятин, но все равно “шестой жеребей” должен быть распахан на монастырь. Таким образом, величина всех господских полей складывается из многих составных элементов, расположенных в разных местах общего массива полей. Причем их конкретная локализация могла изменяться.

На основании уставной грамоты 1391 года Царевоконстантинову монастырю можно сделать, на наш взгляд, наиболее важное наблюдение: в отношениях с феодалом с точки зрения организации хозяйственной связи община выступала *in corpore*. Огромная часть работ велась массой крестьян в целом, крестьянским коллективом, под руководством представителей крестьянского

мира. Особенно четко это видно на пахоте (и всех видах работ, к ней при-
мыкающих). У Г.Е. Кочина есть очень важная параллель уставной грамоты
1391 года с “рядной грамотой” крестьян Робицанской волости с новгород-
ским Юрьевым монастырем 1460 года¹²². И в том, и в другом случае перед
нами договорные отношения феодала с общиной о норме и характере кре-
стьянских повинностей. Думается, что именно эти факты с наибольшей убе-
дительностью выявляют главное препятствие для полного торжества фео-
дального способа производства, которым была общинная организация кре-
стьян. Этот фактор в первую очередь обусловил трудный, растянутый во
времени путь генезиса полевой барщины крестьян, первым этапом которой
были лишь переходные к собственно барщине формы, которые, по мнению
Г.Е. Кочина, были еще гораздо более близки к традиционной крестьянской
издольщине, т.е. хлебному натуральному оброку.

Думается, что в контексте данной работы не нужны особые усилия,
чтобы доказать рано сформировавшееся стремление феодалов (в том числе и
монастырей) к организации собственного земледельческого хозяйства. На-
помним, что лишь концентрация сравнительно больших объемов труда на
относительно небольших площадях в короткий сезон работ позволяла под-
нять агрикультуру и получать качественные продукты земледелия. Ведь ве-
ками, вплоть до XX столетия, крестьянин никогда не пропалывал всходы
яровых или озимых, да и сами всходы (и урожай) частенько не были луч-
шими. Нет нужды и напоминать, что высококачественная продукция
крупного земледельческого хозяйства в конечном счете составляла важ-
ную часть совокупного прибавочного продукта, многообразная трансфор-
мация которого в более отдаленной перспективе давала основу для удов-
летворения разнообразных потребностей государства и ведущих компо-
нентов государственного механизма.

* * *

Поскольку вопрос о характере господской запашки в XIV—XV веках
имеет принципиальное значение, затронем источниковую базу исследователей и
ознакомимся с типами источников, несущих необходимую нам информацию.

Сразу же надо сказать, что бесспорных фактических данных, на основе ко-
торых можно с уверенностью судить о существовании (главным образом во вто-
рой половине XV века) полевой крестьянской барщины в различного рода фео-
дальных владениях, значительно меньше, чем полагают некоторые авторы.

Во многих актах XV века указания на крестьянскую барщину слишком
неопределенны и могут быть оспорены. К ним прежде всего относятся сви-
детельства правых грамот различных монастырей (в первую очередь Трои-

¹²² Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 337—338. На это сопоставление ученого обращает внимание и
Л.В. Данилова (см.: Данилова Л.В. О внутренней структуре... — С. 16—17).

це-Сергиева и Симонова монастырей). Протоколы разбирательств земельных споров дают прежде всего материалы и факты по вопросу о принадлежности спорной земли (пашни или луга) монастырю или черным крестьянам (“земля великого князя”). Поэтому язык правых грамот весьма специфичен в том смысле, что многие выражения в их текстах настолько “ориентированы” на проблему принадлежности, что их нельзя понимать буквально. Так, в частности, в группе грамот, отражающих земельные споры Троице-Сергиева монастыря¹²³, фигурирует некий заказник (т. е. управитель) “старец” Афанасий. От его лица в правых грамотах идут формулировки: “а делал есмь на монастырь” (№ 586), “яз живу на том заказе семь лет и ту землю... пашу на монастырь” (№ 590). Или: “тот же Афонасей рек: ту землю... наперед мене ведал прикащик старец Касьян — пахал ее на монастырь, а земля монастырская” (№ 591). Перед нами формулировки слишком обобщенного характера. Когда “старец”-управитель (Касьян или Афанасий) говорят, что они “пашут”, то это не значит, что они именно сами пахали. В грамоте № 594 заказник “старец” Афанасий сам же дает более ясные формулировки: “а наперед мене... было туто на заказе старец Касьян семь годов, а ту... землю пахали на монастырь крестьяне монастырские”. Таким образом, если в грамоте № 591 “Касьян пахал ее на монастырь”, то на самом деле землю пахут монастырские крестьяне. В правой грамоте Симонова монастыря (№ 368) “старец”-чернец Семен также говорит: “а были... переже мене приказники... а тее земли и пустоши пахали на монастырь изстарины, а нынеча... после их яз пашу тее земли и пустошь на монастырь лет за 20”. В другой правой грамоте Симонова монастыря упоминается, что “посельские (т. е. тоже управители, — Л. М.) те земли пахали на монастырь” (№ 375).

В правых грамотах также речь идет и о том, что “пашут пашню” сами “старцы” монастырские. В правой грамоте Симонова монастыря о спорных землях селищ Куземкино и Дериково (Московского уезда) судья употребляет такие формулировки в вопросах следствия: “сколь паки той давно, как почали се пустоши старцы пахать?”. В грамоте № 374 судья также спрашивает черных крестьян: “сколь пак[и] то дано, как учали вашу землю старцы пахати?”. В ответах же употреблены такие выражения: “а нынеча пашут те старцы... из своего села Быловского” (№ 375), т. е. выясняется, что практически пашут крестьяне села Былова, принадлежащего монастырю. “Старцы”, “заказники”, “посельские” и приказчики “пашут землю” в текстах названных грамот только потому, что эти выражения служат формой доказательства принадлежности тех или иных территорий монастырям.

Вместе с тем, казалось бы, и в этих выражениях тексты грамот передают самую суть: крестьяне пахут на монастырь, т. е. выполняют полевую

¹²³ АСЭИ. — Т. 1. — № 586, 590, 591, 594.

барщину. Однако именно этот факт далеко не бесспорен, и здесь, думается, правые грамоты также дают очень условные формулировки, которые понимать буквально было бы слишком рискованно. В одной из правых грамот (№ 594) упомянутый нами заказник Афанасий заявляет следующее: “А яз... после Касьяна ту землю пашу семь же годов, да и деревню... на той земле монастырской поставил монастырской крестьянин, а уж тому шестой год”. Казалось бы, условность личного участия Афанасия в пахоте на монастырь сводится к тому, что на этой земле появилась деревня монастырского крестьянина, и на самом деле именно данный крестьянин “пашет на монастырь”. Однако в том же документе есть совсем иное свидетельство как раз этого крестьянина (Ивашки Михалева): “Яз... на той земле на монастырской на Шипулине деревню поставил, уж тому шестой год, а тянул... всеми пошлинами с монастырскими крестьяны”. Таким образом, сам Ивашка Михалев, видимо, на монастырь не пашет (“тянет пошлинами”).

Думается, что формулировки правых грамот о пахоте “на монастырь” можно понимать, по крайней мере, по-разному. Здесь возможна и полевая барщина, но гораздо более возможна традиционная издольщина. Судя по словам Ивашки Михалева, в разбираемой правой грамоте¹²⁴ речь идет о ней, хотя в то же время есть общая исходная формула: “пахать на монастырь”. Осторожность в оценке формул правых грамот необходима даже тогда, когда есть, казалось бы, прямые заявления о барщине крестьян (“А Ивашко Васильев тако рек: яз... жил в монастырской земле в Подкосове, а ту... пустошь Шипулинскую яз косил и пахал на монастырь, а тому лет с 15”), так как они часто соседствуют с более неопределенными формулировками по тому же сюжету. Например, Фегнаст: “а делали и косили ту пустошь из монастырской земли Подкосова”, т. е. пахали и косили ту пустошь крестьяне монастырского села Подкосова. Здесь даже не сказано “на монастырь”¹²⁵.

Наиболее ярко и убедительно условность формулировок правых грамот, судебных списков и иной подобного рода актовой документации, на наш взгляд, доказывает материал судебного списка, датируемого около 1499—1502 гг., по поводу земельного спора черных крестьян Мишутинского стана Переяславского уезда с Троице-Сергиевым монастырем. На первый взгляд, в грамоте есть наиболее неоспоримые свидетельства существования особого монастырского господского поля, обрабатываемого барщинным трудом крестьян. Один из свидетелей (крестьян-старожильцев) прямо заявил: “Да жил... в той деревне (спорной деревне, — Л. М.) отец мой за монастырем 30 лет и десятины, господине, на монастырь в селе Бебякове пахал, а яз... после отца своего живу в той деревне 10 лет, да пахал есми... десятины на монастырь в селе Бебякове 8 лет”¹²⁶. Потом дворский великого князя пере-

¹²⁴ АСЭИ. — Т. 1. — № 534.

¹²⁵ Там же. — № 489.

¹²⁶ Там же. — № 628.

вел его тяглом в Мишутинский стан и “на монастырь” пахать не велел, говорит старожилец, “и яз... от тех мест (т. е. с того момента, — Л. М.) и не пашу десятин” в течение двух лет. Можно предполагать, что, как черный крестьянин, он был льготчиком и не пахал “десятины” на великого князя, и 2 года назад его льгота кончилась. Во всяком случае, в ходе разбирательства выяснилось, что земля спорной деревни уже 60 лет пашется “на монастырь”, будучи фактически великокняжеской территорией Мишутинского стана. Судья в естественном недоумении спрашивает черных крестьян, претендующих на спорную деревню: ваши старожильцы пахали “на монастырь” уже 60 лет назад, “и вы о чем монастырю за только лет молчали” (что в переводе означает: почему, если ваши, т. е. черные крестьяне-старожильцы Мишутинского стана, вот уже 60 лет пахали “черную землю” “на монастырь”, не предъявляли иска монастырю)?

Ответ был несомненно правдивым и горестным: “пахали, господине, те земли на монастырь за пусто”. Этот ответ, на наш взгляд, полностью проясняет ситуацию. Земля деревни, послужившая предметом спора, в течение многих десятилетий числилась в Мишутинском стане “в пусте”, т. е. не была распахана и не была сенокосом. А “пустые” земли в традициях писцовых описаний, которые, по крайней мере, во второй половине XV века уже проводились, “в тягло” не входили, т. е. с них черные крестьяне не несли повинностей. Видимо, по инициативе старцев, хозяйствующих в селе Бебякове, эта “пустая” земля стала обрабатываться “на монастырь”. Сделать это можно было, лишь прельстив черных крестьян какими-либо льготными условиями. Тут, к сожалению, можно лишь гадать, было ли это “заемное серебро” “издельное” либо “заемное жито”, что менее вероятно. Но факт несомненный: черная “пустая” земля неофициально обрабатывалась черными крестьянами “на монастырь”. В этой ситуации форма отношений могла быть только издольщиной. Можно предполагать, что размер ее был крестьянам выгоден, т. е. был минимальным. Возможность столь длительной практики обработки “на монастырь” никого не смущала (даже дворских!), ибо земля полностью обрабатывалась черными крестьянами, а момент выдачи урожая “из пятого” или “из шестого” снопа практически трудноуловим. Можно даже предположить, что в более ранний период крестьяне-мишутинцы одновременно несли все повинности черных крестьян, и только в самые последние годы монастырь, пользуясь сложившейся “стариной”, стал обрабатывать землю “ис половья”, но по-прежнему черными крестьянами. В этом случае земля и хозяйство оставались за крестьянином, но, как бывало часто, такой крестьянин при согласии волости мог на время освободиться от государственных повинностей.

На этот счет есть характерный пример, когда в середине XV века некий Кирилл Юрьевич заключил ряд с Емецкой слободой об освобождении одного-двух слобожан, поступивших в половничество в купленное им село, от несения волостных повинностей (“А хто половник или два на том селе, а

на тех сочскому и всем слобожаном рѣзруби не класти... ни во кѣторый протор, ни въ что")¹²⁷. Разумеется, таких соглашений могло и не быть, и в этом случае крестьянин продолжал выполнять государственные повинности "с слобожаны". В разбираемом случае старожилец, пахавший "на монастырь", не нес волостного тягла, пока дворский не прекратил эту практику.

Таким образом, "пустая" земля обрабатывалась старцами неофициально посредством монастырской политики отработок за займы. Это знали дворские, считавшие такую практику временным состоянием. Феодалный суд великого князя при том, что давал отпор стремлению старцев захватить ряд пустошей Мишутинского стана¹²⁸, здесь встал на сторону могучего землевладельца — монастыря не потому, что была доказана принадлежность ему земли, а потому, что она обрабатывалась в течение многих десятилетий практически "на монастырь", и черные крестьяне, зная это, "молчали монастырю". Следовательно, поскольку земля официально монастырю не принадлежала, господского монастырского поля там не было, да и черных крестьян заставить работать на своей земле полностью в пользу монастыря было делом нереальным.

Лишь в редких случаях материал правых грамот дает бесспорные факты о господской пашне. Так, в правой грамоте 1485—1490 гг. о споре мелкого держателя великого князя и Симонова монастыря этот держатель (Ивашка Саврасов) заявляет, что в самые последние годы его землю "пахали... ту землю хрестьяне Симонова монастыря на монастырь, а и нынеча... на той земле Симонова монастыря сеяна рожь. А яз... сее весны ее под ярь взорил"¹²⁹.

Число свидетельств в пользу бесспорного существования господской запашки и полевой барщины сокращается и при более внимательном чтении текстов различного рода меновых, данных, купчих, а также духовных грамот.

А.Д. Горский, Л.В. Черепнин и особенно А.П. Пьянков, опираясь на упоминания в них о хлебе "стоячем" и "земном", считают их также свидетельством существования господской пашни¹³⁰. Правда, А.Д. Горский по поводу показаний купчих грамот делает весьма существенную оговорку: "не исключено, что... речь идет не о хлебе на господской, а о хлебе на крестьянской пашне"¹³¹. Если эту оговорку доводить до логического завершения, то можно сказать, что в документации перечисленного типа речь всегда идет о хлебе, приходящемся на долю господина. Л.В. Черепнин же трактует сведения такого типа весьма однозначно как упоминание о посевах господского хлеба. Хлеб "в земле" или "земной" и хлеб "стоячий" — это, по мнению ученого, "посевы и всходы зерновых культур"¹³².

¹²⁷ ГВНП. — № 191. Л.В. Черепнин неточно переводит этот текст, полагая, что половники живут в этом селе (Черепнин Л.В. Образование... — С. 235—236).

¹²⁸ АСЭИ. — Т. 1. — № 564. См.: Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. — М., 1974. — С. 145.

¹²⁹ АСЭИ. — Т. 1. — № 400.

¹³⁰ Пьянков А.П. Указ. соч. — С. 13—14.

¹³¹ Горский А.Д. Экономическое положение... — С. 242.

¹³² Черепнин Л.В. Образование... — С. 230.

Между тем хлеба “стоячие” не являются “всходами”; это всего лишь сжатый хлеб, но не обмолоченный и убранный в житницы феодала, а оставленный на полях (или в гумнах) в скирдах, что было лучшим в средневековые способом хранения хлеба в зерне. Это в свое время убедительно отметил Г.Е. Кочин¹³³. Справедливость такого понимания термина “стоячий” видна из текста духовной грамоты 1472 года дмитровского князя Юрия Васильевича, который раздал свои села по монастырям с “хлебом, что в земле, опроче стоячего хлеба”¹³⁴, т. е. сжатого, но оставленного стоять в скирдах. Считать, что посевы без всходов отдавались монастырям, а посевы со всходами не отдавались, было бы бессмысленно. Что хлеб “стоячий” — это хлеб в скирдах, четко следует из духовной князя И.Ю. Патрикеева (ок. 1499 г.), где весь наличный запас сжатого хлеба охарактеризован как хлеб “в житницах и стоячий”. Во всех подобных случаях речь идет о хлебных запасах, а не о хлебных полях¹³⁵. Больше того, во всех таких актах даны, как правило, лишь самые общие упоминания о господских запасах хлеба. Ведь даже в случае упоминания хлеба “в земле” нет никакой гарантии, что речь идет именно о господских полях с посевом хлеба, а не о господской доле в крестьянских полях. Необходимо быть осторожным даже в тех случаях, когда в текстах купчих есть прямые указания принадлежности хлеба. Здесь так же, как и в правых грамотах, встречаются слишком обобщенные, символические формулировки принадлежности. Так, в купчей Симонова монастыря, сделанной от имени архимандрита Геронтия, на село Старое Богородское на р. Рузе говорится: “А купил есмь его (т. е. село, — Л. М.) со всем тем, с лесом... куды его (т. е. продавца) соха ходила ис того села Богородицкого ис деревень. А что хлеб его сеян в земли, а то нам с ним наполю”¹³⁶. Здесь традиционная формула “куды соха ходила” сопряжена с принадлежностью (“его соха”), как и посевы хлеба (“его хлеб”). Однако из текста ясно, что владелец села и деревень сам не пахал, а пахали его крестьяне. Выражение “его соха” чисто символическое, оно выражает прежде всего принадлежность хозяйства землевладельцу. То же мы можем сказать и о выражении “его хлеб”, но, к сожалению, не можем узнать более точно наиболее существенную для нас деталь: посеян ли хлеб в особом господском поле или это хлеб “господского жеребия”, т. е. делянки в крестьянском поле. Для подобных документов, видимо, прежде всего важна была констатация конечной принадлежности продукции, а не буквальная фиксация процесса хозяйствования. В этом нас убеждает формулировка одной из духовных грамот на пустое сельцо (ясельничего Ф.М. Викентьева митрополиту Симону 1496 г.),

¹³³ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 157.

¹³⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. / Подгот. к печ. Л.В. Черепниным. — М.—Л., 1956 (далее: ДДГ). — № 68.

¹³⁵ ДДГ. — № 86, 87; АСЭИ. — Т. 1. — № 361; Т. 2. — № 346; Т. 1. — № 389, 241; АФЭХ. — Ч. II. — №№ 30, 334, 54, 62, 141; АСЭИ. — Т. 2. — 153.

¹³⁶ АСЭИ. — Т. 2. — № 346.

где говорится: “а что яз, Федор, в то сельцо примыслию серебра и хлеба и животины и по моем животе то сельцо... в дом Пречистой Богородицы...”¹³⁷ Следовательно, речь идет просто о нажитом феодалом хлебе.

Еще одна деталь позволяет думать, что в актах преимущественно речь идет о доле господского хлеба, а не об урожае с господских особых полей. Деталь эта касается слишком глухого и неопределенного указания места хранения снопов сжатого хлеба (“хлеб на поле”, “хлеб на полях”). Столь индифферентное отношение к определению места хранения хлеба может свидетельствовать также в пользу преобладания “жеребьевого” принципа выделения господских участков в общем поле. На наш взгляд, довольно убедительно подтверждает это предположение духовная Семена Наквасы, где завещатель называет самые разные места хранения его хлебных запасов в селе, где, видимо, была его усадьба¹³⁸: “А своим людем всем дал есми два одонья на поле за гумном” (т. е., возможно, за барским гумном); “А дал есми Олексею Клементьеву одонье ржи за двором за Бурцовым, опричь того что ся остало моего хлеба в поле и в гумне — а то моим братаничем”. Здесь ориентир места хранения — определенный крестьянский двор. Больше того, акцент на выделение из массы хлеба, что стояла в окрестностях этого двора, на поле и чьем-то гумне, одоний именно Семена Наквасы (“что ся остало моего хлеба”) подтверждает мысль о наличии господского “жеребия” в общей массе крестьянских полей.

Заведение “жеребьевой” пашни господина, возможно, обязано было (чисто внешне) случаям неиспользования крестьянами тех или иных загонок пашни. Такую практику хорошо отражает инструктивное указание уставной грамоты 1590 года Новинскому монастырю. В соответствии с практикой сроков выхода в Юрьев день в грамоте предписывается следующее: “А который крестьянин выдет за волость по сроку с отказом, и та выть пахати того села крестьяном, а тягло... монастырские подати давати всякие и дело делати покаместа крестьянин будет на ту выть; а игумену в ту выть не вступатися”¹³⁹. Здесь уже отчетливо проясняется практика круговой поруки: крестьяне и пашут, и “дело делают” (выполняют натуральные повинности), и подати платят за выбывшего из данной общины крестьянина. Однако для нас наиболее важна последняя часть текста, где монастырской администрации запрещается занимать “пустую выть”, т. е. пашню под свою запашку. Следовательно, такая практика или обычай не были редкостью.

Есть и прямые свидетельства такой практики. Так, в тексте отписной книги 1588—1589 гг. на поместья кн. Ф. Шестакова сказано: “пашни пахано на помещика крестьянских пустых вытей в разных местах”¹⁴⁰. Думается,

¹³⁷ АФЗХ. — Ч. I. — № 40.

¹³⁸ АСЭИ. — Т. 2. — № 474.

¹³⁹ АФЗХ. — Ч. II. — № 23.

¹⁴⁰ Известия Русского Генеалогического общества. — Вып. 9. — СПб., 1909. — С. 310—311.

что практикой жеребьевого или долевого выделения господского посева порождена формула, встретившаяся в грамоте от 1494 года волоцкого князя Бориса Васильевича в с. Шарапово на Клязьме. Интересующий нас фрагмент текста гласит: “А которые земли пахали мои крестьяне изстарины, се на косили на меня и на себя”¹⁴¹. Так повествовать, на наш взгляд, можно лишь об общих полях, в которых каждый раз выделяется доля посевов для господина-феодала. Поэтому о пашнях и говорят, что их пашут “и на меня и на себя”.

Пожалуй, твердо предполагать наличие господского поля по материалам данного типа можно лишь в тех редких случаях, когда наряду с запасами хлеба и зерновыми посевами есть сведения о семенах как элементе господского имущества. Так, в частности, в одной из купчих грамот конца XIV века (1397—1427 гг.) продавец деревни, видимо, мелкий вотчинник, деля деревню между двумя покупателями, специально оговаривает сохранение за собой семян от обеих половин продаваемой деревни¹⁴². Вполне вероятно и наличие господской запашки во многих селах великой княгини Софьи Витовтовны, так как в ее духовной упомянуты господские семена “яри” в качестве имущества, не подлежащего раздаче и продаже на “помин души”¹⁴³. В известной купчей 1483—1484 гг. на деревню в Белозерском уезде также фигурируют семена (“Се яз... купил есми... деревню... с хлебом и с семяны...”¹⁴⁴). Здесь, видимо, есть все основания видеть косвенное свидетельство существования господского поля, где хозяйство ведет сам феодал.

Есть и иные достаточно ясные свидетельства конца XV века о существовании особых господских полей. Так, в одной из грамот конца XV века отражен момент заведения во владения митрополита Симона господского хозяйства с особыми господскими полями. Для этого в митрополичий домен возвращают земли от одного из держателей (Н.И. Юрьева). В документе указаны размеры митрополичьих полей (“в одном поле митрополичи Петровские земли двадцать десятин, а в другом поле митрополичи земли Лихорадовские полчетвертатцать десятин, а в деревне в Лихорадове, что была за Невером же за Ивановым сыном Юрьева, митрополиче жалованье, в всех трех полях земли двадцать десятин с десятиною, а все пашни, и что на сечах сено косили — восемьдесят десятин без четырех десятин. И приказал тое землю митрополичу волостелю селецкому ведати и пахати на государя на митрополита”)¹⁴⁵. Есть и другая аналогичная грамота 1499 года, где так-

¹⁴¹ АСЭИ. — Т. 1. — № 576.

¹⁴² Там же. — Т. 2. — № 11.

¹⁴³ ДДГ. — № 87.

¹⁴⁴ АСЭИ. — Т. 1. — № 328.

¹⁴⁵ АФЗХ. — Ч. I. — № 51. Формула “ведати и пахати на государя” в данном контексте, как и в некоторых других грамотах, цитируемых Л.В. Черепнинным и А.Д. Горским, видимо, дает основание говорить об особо выделенной запашке в пользу феодала. В иных случаях эта формула несколько иная. Так, в докладной грамоте 1498—1499 гг. о докончании земельного спора митропо-

же для заведения господского хозяйства село возвращается в домен митрополита от держателя и дано указание: “то сельцо митрополичю волостелю селецкому... ведать и пахать на государя на митрополита”¹⁴⁶. Сохранившаяся выпись из писцовых книг Заболотцкого 90-х гг. XV в. дает конкретные размеры великокняжеских господских полей, которые ко времени писцового описания были отданы на оброк крестьянам¹⁴⁷.

Таким образом, проделанный нами разбор текстов актового материала свидетельствует о том, что более или менее уверенно о существовании господской запашки в виде особых массивов полей, вычлененных из общей системы крестьянского общинного землепользования и землеустройства, можно говорить лишь в очень немногих случаях. Точно так же крайне немногочисленно и количество случаев “жеребьевых” запашек на феодала. Вместе с тем, совершенно ясно, что практика заведения господской пашни крайне медленно, но все же пробивала себе дорогу.

Необычайно замедленный генезис господской запашки, обрабатываемой крестьянами в порядке полевой барщины, доказывается тем, что только в рамках очень больших временных периодов можно уловить какие-то изменения, фиксирующие сколько-нибудь заметную эволюцию от стадии “жеребьевой” пашни, очень близкой к издольщине, к стадии господской пашни, где семена и навоз для пашни крестьяне берут из господского же хозяйства, от стадии пашни “взгоном” в силу крайне незначительных ее размеров к солидной господской пашне, разверстанной десятинами (или ее долями) на каждую крестьянскую выть.

В селах великой княгини Софьи Витовтовны (1451 г.) мы видим следы господского фонда семян, но, видимо, при десятинном характере пашни. По сотной грамоте 1543—1544 гг. на дворцовое село Буйгород и Буйгородскую волость (67 деревень и село Палкино) “сельчане” и “деревеньщики” пашут на каждые 6 десятин “хрестьянской пашни” одну десятину на великого князя. Наказ сотной грамоты: “а навоз им возити на великого князя пашню своих дворов”¹⁴⁸ дает основание предполагать, что великокняжеский “жеребий” уже выделен из общего массива полей, хотя твердой уверенности в этом нет.

Процесс выделения господской запашки из общего массива крестьянских полей ощутим лишь только где-то с середины XVI века, когда в формуляре послушных, ввозных и ряда других актов, выдаваемых новым помещикам, появляется очень многозначительная оговорка: “и вы б все крестьяне... пашню его пахали, где себе учинит (подчеркнуто мной, — Л. М.) и

личьего Боголюбова монастыря и Цареконстантинова монастыря во Владимирском уезде по поводу пожни “костянтино-оленского” монастыря, отведенной теперь к Боголюбову монастырю, сказано: “и те... пожни ведати и косити нам к *Боголюбскому монастырю* (курсив мой, — Л. М.) с всем тем, куды топор и коса ходила изстарины”. См.: АФЗХ. — Ч. I. — № 200.

¹⁴⁶ АФЗХ. — Ч. I. — № 54.

¹⁴⁷ Там же. — № 166.

¹⁴⁸ АФЗХ. — Ч. II. — № 178.

оброк платили, чем ваз изоброчит”¹⁴⁹. Но даже во второй половине XVI века мы встречаемся с данными о господской пашне, позволяющими предполагать, что и в это время далеко не повсюду господские поля стали обособленными, а не входили отдельными загонками в участки крестьянских полей¹⁵⁰.

Наиболее завершенный этап выделения господской пашни из пут “жеребьевого” крестьянского землепользования можно видеть, на наш взгляд, в жалованной уставной грамоте 1590 года Нижегородскому Благовещенскому монастырю и Цареконстантинову монастырю Владимирского уезда, где, в частности, предписано: “А пашня монастырская пахати на выть по полуторы десятины ржи и овса, а сеять семена монастырскими и жати и класти и молотити и в житницы сыпати и навоз на пашню возити с монастырских конюшенных и з животинных дворов... А как крестьяне монастырскую пашню пашут и изделье всякое монастырское делают — и крестьяном свои хлеб ести”¹⁵¹. Здесь настолько все обособлено от элементов крестьянского хозяйства, что можно предполагать и обособление пашни, поскольку монастырские поля расположены в селах, где есть монастырские хозяйства.

Таким образом, перед нами двухвековая, чрезвычайно замедленная эволюция барщинного монастырского хозяйства, хозяйства, где холопский труд, столь широко распространенный в светском вотчинном хозяйстве, не применялся (повинности в великокняжеских селах — это другой тип развития).

Факт преобладания в большей части этого двухсотлетнего периода доле-вой господской запашки свидетельствует о громадной роли общинной корпорации в определении характера отношений крестьянина с феодалом. Больше того, этот факт свидетельствует о явном бессилии феодала преодолеть традиции общинного землепользования и землеустройства, наконец, о практической невозможности при данном уровне соотношения классовых сил ввести в хозяйственную практику отработочную ренту в ее наиболее грубой форме — форме полевой барщины.

Думается, что обычные мотивировки историков о том, что такая форма эксплуатации еще “не назрела”, что феодал не был заинтересован в заведении собственно господского хозяйства, в свете приведенных здесь доводов и соображений могут быть поколеблены. Нужда феодала в собственном хозяйстве подтверждается фактами существования в вотчинах, “боярщинах”, “волостках” господской пашни, обрабатываемой холопами. Желание феодала расширить круг своих потребностей, выйдя за рамки потребительских стоимостей, создаваемых в крестьянском хозяйстве, косвенно отражают форму-

¹⁴⁹ Самоквасов Д.Я. Архивный материал. — Т. I. — М., 1905. — Ч. 2. — С. 12. В.И. Корецкий приводит данные о формуляре, по крайней мере, пяти послушных грамот 50-х гг. XVI века по центру страны, где четко выделена указанная нами особенность (“И вы 6 крестьяне... пашню его пахали, где собе учинит по сей грамоте”). См.: Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. — М., 1970. — С. 23.

¹⁵⁰ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 52.

¹⁵¹ АФЗХ. — Ч. II. — № 24.

ляры кормленных грамот, где очень рано появляется клаузула: “А не люб будет волостелем корм, и они емлют за полоть мяса 10 денег”, “А не люб будет доводчикам корм, и они емлют за ковригу деньги” (здесь фигурируют крестьянские продукты) и т. д.¹⁵²

Этот столь мучительный и многовековой путь развития полевой крестьянской барщины не был, да и не мог быть стимулирован такими факторами, как развитие внутреннего или внешнего рынка. Кроме того, в случае воздействия такого фактора, как рынок, барщина неизбежно должна была бы приобретать характер господствующей формы ренты. Однако резкое увеличение господских запашек (в том числе и монастырских) в связи с совсем иными обстоятельствами отмечено исследователями лишь примерно с середины XVI в. Стало быть, большая часть периода указанной эволюции не была обусловлена этими причинами. Думается, что в данную эпоху действовали лишь механизмы укрепления феодальной собственности на землю. И феноменально медленные темпы эволюции полевой барщины обусловлены фактором существования именно общинного строя частновладельческой деревни.

Данное положение, на наш взгляд, находит подтверждение в выявлении взаимоотношений феодала с крестьянским населением своих владений по поводу полевых барщинных работ. Эволюция и трансформация “жеребьевой” пашни — это лишь хозяйственный аспект проблемы.

Актовый материал позволяет уяснить некоторые моменты и социальной стороны этой проблемы.

* * *

Здесь мы снова вернемся к интереснейшему тексту купчей 1483—1484 гг. на деревню в Белозерском уезде, где говорится: “Се яз... купил есми... деревню... с хлебом и с семяны, опрочь половничьи половины да их собины, и с пустоши, и с лесы, и с пожнями”¹⁵³. Помимо довольно твердого свидетельства существования здесь господского поля как элемента собственно господского хозяйства, в тексте грамоты есть чрезвычайно интересный материал о путях привлечения рабочей силы для обработки этих полей. Продавец оговаривает, что запасы хлеба продаются за исключением “половничьей половины”. Во-первых, отсюда следует, что продается хлеб и убранный в стога или в житницы, и “хлеб в земле”. Последнее означает, что поле было действительно целиком господским, поскольку оговорена “половничья половина”, а не господская “половина”. Во-вторых, факт упоминания половников в сочетании с фактом упоминания господских семян дает нам возможность подтвердить предположение, что половники работали здесь на господском поле. По материалам XVI—XVII веков половники всегда отдавали семена

¹⁵² АСЭИ. — Т. 3. — № 114 и др.

¹⁵³ Там же. — Т. 1. — № 328.

господину, а остальное делили “на полы”¹⁵⁴. В-третьих, упоминание так называемых “собин”, на наш взгляд, доказывает, что перед нами половники, сеющие именно на господском поле и имеющие в данной деревне не земельные наделы полевой пашни, как полагал Л.В. Черепнин, а лишь нерегулярную пашню в рощистях, займищах и т. п. Оговаривать в грамоте, представляющей акт купли деревни как хозяйственного комплекса, непричастие к объектам этой купли крестьянских наделов полевой пашни, по нашему мнению, бессмысленно. И вот почему.

В этой грамоте речь идет о местных половниках, т. е. живущих в этой деревне, но, вероятно, продавших свои участки феодалу. Если бы половники сохранили свои наделы, то они бы на них и выращивали господскую долю хлеба, но тогда в грамоте не упоминались бы господские семена, так как в крестьянском хозяйстве они и так должны быть.

Такие половники, лишившиеся своей земли, известны и по другим документам. Л.В. Черепнин приводит в пример купчую от середины XV века крестьян, приобретших для волостной церкви землю у некоего Харитона Родивонова. При этом Харитон порядился в церковные половники за право пользоваться проданным участком. Больше того, Харитон оговорил половничество не только для себя, но и для своих потомков (“до ево роду половья до исхода”)¹⁵⁵. Такие же половники отмечены в писцовых новгородских книгах конца XV века в деревнях своеземцев близ г. Орешка¹⁵⁶. Видимо, о таком же безземельном половнике идет речь в известном судном списке 1495—1499 гг. Троице-Сергиева монастыря с крестьянами во главе со Степаном Панафидиным, где, в частности, говорится: “На том Маткове жил Федор слободчик, а половничал на монастырь Троицкой, и жито делил на гумне с ключники монастырскими”¹⁵⁷. Здесь половник по бывшему или, точнее, постоянному месту жительства “слободчик”, т. е. черный крестьянин, хотя живет на монастырской земле, а следовательно, и пашет “исполу” монастырское поле. Количество таких примеров можно увеличить.

Если Б.Д. Греков, пользуясь в основном материалами второй половины XVI—XVII вв., был склонен видеть в половниках совершенно определенную категорию сельских жителей, что для этого периода в целом, видимо, справедливо, то Л.В. Черепнин для эпохи XIV—XV вв. вполне обосновал социальную неопределенность и расплывчатость так называемых половников. Их название обусловлено лишь размером отчислений от полученного урожая в пользу “работодателя”. Это и крестьяне, потерявшие земельный надел и попавшие в долговую зависимость, это и черные крестьяне с наделом, однако попавшие в силу обстоятельств во временное положение половника к со-

¹⁵⁴ См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 141—142.

¹⁵⁵ Черепнин Л.В. Образование... — С. 233; см.: ГВНП. — № 164.

¹⁵⁶ Аграрная история Северо-Запада России. — Т. I. — С. 202.

¹⁵⁷ АСЭИ. — Т. 1. — № 584. См. также: Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 336.

седнему феодалу¹⁵⁸. Состояние половничества по временной протяженности могло быть самым различным — от наследственного и пожизненного до краткосрочного в 1—3 года. Некоторые вариации половничества были сопряжены с потерей тех или иных прав и обязанностей в общине и т. д.

Вместе с тем, в число половников входила, пожалуй наибольшая по численности группа крестьян-издольщиков, т. е. крестьян, уплачивающих натуральный зерновой оброк, равный половине чистого урожая (т. е. без семян)¹⁵⁹. Наиболее важно, что этот вид половников был полноправным крестьянством¹⁶⁰. Они имели все права и обязанности общинника и, что самое главное, владели земельным наделом. В документах эта категория половников по общему положению стоит в одном ряду с третниками, т. е. с крестьянами, платящими оброк хлебом “из третьего снопа”, и, очевидно, с другими группами крестьян. Во всяком случае, в духовной митрополита Алексея сказано: “А все те села дано с серебром и с половники и с третники и с животиною”¹⁶¹. Такие крестьяне-общинники, уплачивающие зерновой оброк “ис половья”, очень многочисленны в Водской, Шелонской пятинах, в Шунгском погосте Заонежья и др., что выявляется по материалам новгородских писцовых книг конца XV века¹⁶².

¹⁵⁸ Мы не касаемся той категории половников, которая бытовала в среде черносошного крестьянства XVI—XVII вв. Это вопрос особый. (См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 137—147).

¹⁵⁹ В дореволюционной литературе преобладал взгляд на половников Древней Руси как на свободных арендаторов, составивших позднее основную массу крепостных крестьян (Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. — М., 1903. — С. 3—5). А.Я. Ефименко внесла коррективы в данный подход, определив половничество как разновидность порядничества и отметив немногочисленность слоя половников (Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. — М., 1884. — Вып. I. — С. 272—273). О кабальном характере половничества впервые высказался А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве. — СПб., 1890. — С. 105 и др.). Б.Д. Греков отверг взгляды на половников как на свободных арендаторов, высказав мнение о половниках как особой категории (классе) феодално-зависимых людей (Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — М.—Л., 1946. — С. 539, 684—687). Основной массой половников в Новгородских землях XV века С.А. Тараканова-Белкина считала крестьян-собственников средств производства, плативших феодалу долевого натурального оброка, составлявший половину урожая зерновых (Тараканова-Белкина С.А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. — М., 1939. — С. 74—77). Половничество считает близким к холопскому состоянию Л.В. Данилова (Данилова Л.В. Очерки по истории земледелия и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. — М., 1955. — С. 75—79). Подробнее историографию половничества см.: Шаниро А.Л. Историография половничества // Проблемы отечественной и всеобщей истории. — Вып. 7. — Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы историографии). — Л., 1983.

¹⁶⁰ Правда, в новгородской грамоте первой половины XV века на “черный бор” отмечено налоговое послабление половнику, сидящему на наделе (“... в соху два коня да третье припряж ... Плуг за две сохи... четыре пещи за соху... а кто сидит на исполовьи, на том взыти за полосохи” — см.: ААЭ. — Т. I. — № 32). Однако, вероятнее всего, такая практика была временным явлением, и размер налоговых послаблений мог уменьшаться или совсем отсутствовать. Л.В. Черепнин привел ряд примеров несения монастырскими половниками государственных повинностей и налогов. (См.: Черепнин Л.В. Указ. соч. — С. 235).

¹⁶¹ АСЭИ. — Т. 3. — № 28. Л.В. Черепнин согласен с тем, что в данной духовной имеется в виду под половниками и третниками “основное вотчинное крестьянство”, уплачивающее зерновой доход “ис половья” и “ис трети”. (См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 237.)

¹⁶² Аграрная история Северо-Запада России. — Т. I. — С. 141, 158, 277 и др.

Из сказанного, на наш взгляд, можно сделать весьма существенный вывод. В XIV—XV вв. заставить крестьянина-общинника пахать господское поле было необычайно трудно. Можно было довести размер продуктовой ренты до максимума той эпохи, т. е. изъять в форме оброка 50% “приполонного” хлеба, не считая других компонентов ренты, но заставить крестьянина работать на господском поле при той же норме эксплуатации реально было лишь в условиях потери им земельного надела или иных чрезвычайных экономических обстоятельств. В условиях напряженного и чрезвычайно короткого цикла земледельческих работ сила и характер внеэкономического принуждения должны были быть кардинально иными. Крестьянин-общинник, за спиной которого была поддержка сельского мира, должен был лишиться этой поддержки, должен был быть посредством политических рычагов непосредственно зависимым от феодала. Следовательно, вопрос о полевой барщине был непосредственно связан с проблемой коренной перестройки характера внеэкономического принуждения.

Итак, помимо робкого внедрения, в частности в монастырских владениях Северо-Восточной Руси, полевой барщины в виде переходной к собственно барщине формы “жеребьевой” пашни, мы можем выделить еще и окольные пути ее развития. Первым таким окольным путем был генезис крестьянской полевой барщины в виде одной из разновидностей половничества.

Другим, так сказать, окольным путем было серебреничество, или путь экономического закабаления.

Наиболее активно вопрос о серебреничестве в последние два десятилетия обсуждался И.И. Смирновым и Л.В. Черепниным. Опираясь на источники, И.И. Смирнов пришел к выводу, что серебреничество — это “определенная форма феодально-крепостнической зависимости крестьянства XV века”¹⁶³. Причем “серебро” никогда, по мнению ученого, не означало ренту, это исключительно кабальная ссуда. “Серебреничество” как разновидность долга служило мощным инструментом втягивания в сферу феодальной зависимости новых слоев крестьянства¹⁶⁴. Л.В. Черепнин подходит к “серебреничеству” крестьян как к более широкому и многообразному явлению, которое обнимало не только кабальные отношения на основе денежной ссуды, но и включало крестьян, обязанных внести денежный оброк¹⁶⁵. Г.Е. Кочин в целом занял позицию, которая близка к концепции И.И. Смирнова. Вместе с тем, Г.Е. Кочин сделал более резкое уточнение сущности “серебреничества”. Он считает отношения “серебреничества” отношениями крестьян и феодалов, “вышедшими за пределы обычного круга отношений: выплаты оброков и отбывания отработочной ренты”¹⁶⁶. Л.В. Черепнин как будто бы не согласился с подобной трактовкой (“нельзя принять безоговорочно”)¹⁶⁷.

¹⁶³ Смирнов И.И. Заметки... // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 152.

¹⁶⁴ Там же. — С. 153.

¹⁶⁵ Черепнин Л.В. Образование... — С. 245; Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 235—236.

¹⁶⁶ Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 358—359.

¹⁶⁷ Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 241.

Думается, что в оценке “серебренности” ближе к истинной И.И. Смирнов и Г.Е. Кочин. Вплоть до конца XV века денежный оброк был лишь незначительной частью феодальной ренты. Это прекрасно видно на материалах новгородских писцовых книг, а ведь этот регион, видимо, отличался более активным развитием товарно-денежных отношений. Наиболее обобщенным свидетельством этому является норма ссудного процента, точнее, ростовщического процента. В новгородских землях она составляла “на рубль гривна и 2 деньги”. В центральных районах страны ростовщический процент был намного выше (20% от суммы займа или “на пять шестой”).

Кроме того, “серебро оброчное” не связано с уплатой процентов, а это глубоко принципиальное отличие от кабальной ростовщической ссуды. Вряд ли социальная функция терминологии актов была настолько неразвита, чтобы не отличать в квалификации один вид платежа от другого. Думается, что не прав Л.В. Черепнин, когда считает возможным упоминания о “серебренниках” интерпретировать как упоминания крестьян, обязанных денежным оброком. Для этого нужна социально значимая практика существования денежной ренты в чистом виде, т. е. как самостоятельного явления, а это противоречит данным источников.

Л.В. Черепнин считает возможной наиболее широкую трактовку функций упоминаемого в духовных и данных грамотах XIV—XV вв. “серебра” прежде всего потому, что упоминания о нем слишком “глухи”, неопределенны, что дает свободу трактовки. Однако в текстах, на которые ссылается ученый, хотя и с трудом, но социальную определенность “серебра в селах” увидеть все-таки можно. Наиболее лаконичные клаузулы в грамотах такого рода имеют следующий вид: “...дал... в дом... село... и з деревнями, и с серебром, и с хлебом, и с животиною и со всем тем... что... потягло изстарины” (1480 г.)¹⁶⁸. На наш взгляд, упоминания “серебра” в подобном контексте не могут быть денежным оброком по следующим причинам.

Надо иметь в виду, что в такого рода текстах все завещаемое или даваемое разделено на две категории. К первой из них относится источник доходов. В качестве него в грамотах фигурируют “села” и “деревни” с угодьями (пашни, пожни, леса и т.д.). Термины “село” (“села”) и “деревни” в данном конкретном контексте имеют обобщенный смысл объектов эксплуатации, и они включают в себя такие компоненты, как “крестьянское население”, и всю совокупность доходов с этого населения. Ко второй категории относится личное имущество феодала, накопленное им в итоге эксплуатации источника дохода: “сел” и “деревень”. Это прежде всего хлебные запасы господского хлеба, вплоть до доли господского хлеба в несжатых посевах. Это страдный и иной господский скот (“животины”) как элемент собственно господского хозяйства (в то же время постройки, например, ни в купчих,

¹⁶⁸ АФЗХ. — Ч. II. — № 14.

ни в духовных никогда не фигурируют, так как они поглощены совокупным термином “село”). Наконец, это личные денежные “сбережения” (т. е. “серебро”, нажитое в ходе эксплуатации “сел” и “деревень” либо путем ростовщических операций). В духовных грамотах специально оговорены долги завещателя. “Серебро”, находящееся в “росте”, в духовных обычно идет по двум разделам. К первому относятся займы, сделанные, как правило, такими же, как завещатели, землевладельцами и вообще представителями феодального сословия. Во втором разделе идет “серебро в людях” или “серебро в селах”, т. е. займы крестьянам собственного села и деревень, в редких случаях упомянуты займы “заволостных” крестьян (не из своего владения)¹⁶⁹. “Серебро в людях” или просто “серебро” в селах и деревнях обычно фигурирует и в данных грамотах, поскольку феодал дарует не только объект эксплуатации, но и свое личное имущество, функционирующее в селах и деревнях (серебро, хлеб, скот).

Наиболее сложный текст из тех, на которые ссылается Л.В. Черепнин как на “глухие”, — духовная И.Н. Салтыкова-Травина (1483 г.)¹⁷⁰. Здесь в начале документа перечислены долги и займы различным феодалам. Они сделаны и как денежные займы, и как заклад драгоценных мехов. Затем идут распоряжения по “селах” и “деревням”. Здесь “серебро” упомянуто в двух различных функциях. Завещатель оценивает стоимость сел, передаваемых Троице-Сергиеву монастырю (цену села Спасского он определяет сам, так как его оценил еще отец И.Н. Салтыкова-Травина, а цену села Шерепово поручает определить своим приказчикам). Кроме того, по Спасскому даны распоряжения о личном имуществе “в селах и деревнях”. Это “жито Спасского села, да и деревенское” и “што в моем селе серебро на Водозе в Спасском да и в деревнях”. То и другое завещано жене, видимо, ввиду тяжелого финансового положения, и не передается старцам Троице-Сергиева монастыря. Таким образом, текстологически совершенно очевидно, что речь идет о займах, а не об оброке, собираемом обычно в строго определенные сроки дважды в год и который не передать старцам завещатель не мог.

Другой документ, на который сослался Л.В. Черепнин, — духовная В.Б. Тучки-Морозова (предположительно), датируемая 1497 годом¹⁷¹. Здесь текст проще для понимания, поскольку о селах и деревнях, завещаемых сыну, в грамоте говорится дважды. Первый фрагмент таков: “а что мои села... и яз теми селы и з деревнями благословил — дал сыну своему... со всем, как те села и деревни были за мною, и з серебром, и з с хлебом з земным и стоячим, и з животиною”. “Глухое”, по мнению Л.В. Черепнина, упоми-

¹⁶⁹ Выражение “заволостной” характерно для крестьянского общинного мира как “микрокосмоса” крестьянина. Человек, ушедший из села или деревни к другому феодалу, становился “заволостным” (в уставной грамоте 1590 года есть, например, такие формулы: “а хто выдет за волость”; в духовной И.Д. Курчева такие крестьяне названы “заволостными”). См.: АФЗХ. — Ч. II. — № 23, 228.

¹⁷⁰ АСЭИ. — Т. 1. — № 501.

¹⁷¹ Там же. — № 612.

нение в этом фрагменте “серебра” дальше комментируется: “и сын мой... ис тех сел что серебро на людех вымет, да испродает хлеба... и приказники мои теми денгами... долг мой заплатят”. Таким образом, “серебро” — это “серебро на людях”, которое очень трудно истолковать как денежный оброк.

Очень часты “глухие” упоминания серебра и в данных грамотах. Приведем несколько типичных клаузул из таких грамот. В данной княгине Елены Спасо-Евфимьеву монастырю (ок. 1463—1470 гг.)¹⁷²: “...се яз... дала есмь в дом... село... и с деревнями, и с пустошми, и с водами, и с лесы, и во всем, что потягло к ним изстарины... и с серебром, и со всем с тем, что в (селах,— Л. М.) ... ни было княжа”. Из текста совершенно четко выделяются первая и вторая категории завещаемого. Причем специфичность второй категории подчеркивается как личное имущество князя (“княгини”) — “и с серебром, и со всем с тем, что... ни было княжа”. В данной суздальско-нижегородского князя И.Б. Тугого Лука (предположительно) Спасо-Евфимьеву монастырю (1424—1425 гг.)¹⁷³: “се яз... дал... в дом монастырски... село... со всем с тем, што х тому селу потягло по старине, земля и пожни, да с серебром, и с скотом, и з житом”.

Здесь еще более резко отделены указанные нами две категории завещаемого. “Серебро” в названных типах актового материала фигурирует в строго определенной функции, которая ясна при всей кажущейся “глухоте” текста. Передача в составе дара или завещаемого состояния долговых ссуд была четко соблюдаемым обычаем. Это убедительно доказывается подробным комментарием духовной Г.М. Валуева 1543—1544 гг.¹⁷⁴, где после первой части описания займов и долгов феодалам следует текст: “Да что за мною государево жалованье село Мишютино; и мне в том селе досталось государева серебра во крестьянах 6 рублей с четвертию — и те деньги все во крестьянех по кабалам и по списку в Мишютине. Да взяти мне в Мишютине ж на крестьянех по своим кабаишкам 5 рублей”. Г.М. Валуев детализирует традиционный “глухой” пункт завещаний и даров (“сел с серебром”), и выясняется, что помимо займов под “рост” серебра, которыми ссудил крестьян он сам, у него были займы, полученные по жалованной данной грамоте от государя, когда ему было пожаловано село Мишютино. Не исключено, что именно там, в той данной, и была клаузула “село... и с серебром, и с хлебом, и с животиною”, которая теперь в духовной самого Г.М. Валуева раскрыта в отношении серебра как ссуды, данной крестьянам села по кабалам от имени государя, вероятно, его посельскими или сотскими.

Наконец, еще два документальных свидетельства, делающие, на наш взгляд, невозможным упоминания “серебра в селах” трактовать как денежный оброк крестьян. Одно из них в духовной вологодского князя Андрея

¹⁷² АСЭИ. — Т. 2. — № 462.

¹⁷³ Там же. — № 436.

¹⁷⁴ АФЗХ. — Ч. II. — № 176.

Васильевича 1481 года, где после упоминаний “серебра в селах” упомянуты “которые мои села и деревни за моими детьми боярскими с моим серебром”¹⁷⁵. Здесь речь идет о кабальных ссудах, данных князем крестьянам этих сел, возможно, до того момента, когда эти села он пожаловал в поместье или вотчину своим детям боярским. Правда, более правдоподобно предположить, что ссуды сделаны были просто крестьянам этих сел уже в то время, когда князь их роздал. Во всяком случае, полностью очевидно, что “мое серебро” никак не могло быть рентой, ибо ренту получали его “дети боярские”. Другой пример — духовная И.Д. Курчева (середина XVI века)¹⁷⁶. В ней сначала упомянуто “серебро” в своих селах (“А што взяти мне на своих хрестьянах на вотчинных и на поместных по коболам — хлеб, рожь и овес, и деньги”). Потом идет пункт о его “серебре” в селах других владельцев (“А што мне взяти по коболам хлеб и деньги на заволостных хрестьянах”). “Заволостные” крестьяне, как уже говорилось, — крестьяне сел вне данной вотчины. Таким образом, и здесь ясно, что “серебро” не может быть денежной рентой. Думается, что значение “серебра” в указанных контекстах бесспорно: это кабальные ссуды за “рост”.

Явление “серебреничества”, во всяком случае в XV веке, было широко распространенным. Оно превращается в массовое явление (тут И.И. Смирнов также прав). Упоминание о серебре как “серебре в людях” присутствует не только в духовных и данных грамотах¹⁷⁷. Оно проникает в жалованные, льготные, тарханские, что особенно важно, так как именно в этих текстах “серебреничество” отражается как общественно значимое явление¹⁷⁸. Наиболее выразительным подтверждением сравнительной массовости серебреничества являются крупные размеры сумм, находящихся “в людях”. В данной, тарханной и несудимой звенигородского князя Юрия Дмитриевича Саввино-Сторожевскому монастырю (1402—1403 гг.) в селе Белгино с деревнями было 30 рублей “серебра, что на людех”¹⁷⁹. В духовной А.М. Плещеева (1491 г.) в трех селах и двух сельцах с деревнями, расположенных в трех центральных уездах страны (Переяславском, Ростовском и Дмитровском), в займах под проценты “в людях” были очень крупные суммы денег (40, 20, 40 и 25 руб.)¹⁸⁰.

В практике серебреничества особое внимание привлекает “издельное серебро”. Упоминания актов об “издельном серебре” широко известны в нашей литературе. Это данная 30—40 гг. XV в. Анны Ильиной (“отдала в

¹⁷⁵ ДДГ. — № 74.

¹⁷⁶ АФЗХ. — Ч. II. — № 228.

¹⁷⁷ См.: АФЗХ. — Ч. I. — № 125, 192; АСЭИ. — Т. 1. — №№ 70, 90, 100, 108, 130, 155, 175, 181, 342, 448, 501, 513, 536, 539, 612; Т. 2. — № 29, 44, 99, 153-а, 361; Т. 3. — № 28, 53, 59 и др.; ДДГ. — № 68, 74, 86 и др.

¹⁷⁸ АСЭИ. — Т. 2. — № 192, 193.

¹⁷⁹ АСЭИ. — Т. 3. — № 53.

¹⁸⁰ Там же. — Т. 1. — № 562.

дом... село Городище... да и Перхурьевское... да и которые... деревни... и с житом и с ызелным серебром, а издельного серебра 7 рублев..."¹⁸¹, духовная В.В. Галицкого 1433 года ("...мой брат зберет серебро делное с людей ис того села из Озерецкого и из деревень...")¹⁸², духовная великой княгини Софьи Витовтовны 1453 г., где наиболее важны следующие фрагменты: 1) села... "с серебром, что на людях", 2) "а половину издельного серебра велела есмь христианом-серебреником отдавати", 3) "а кто будет от тех издельников охудал, а и половины того издельного серебра заплатити не может, и сын мой... тому велит отдати... все издельное серебро"¹⁸³. Указания на "издельное серебро" есть в духовной вологодского князя Андрея Васильевича 1481 г. ("на хрестиянх мое серебро издельное и ростовое, и мое жито на них заемное и оброчное, и которые мои села и деревни за моими детми боярскими с моим серебром")¹⁸⁴, данной черницы Анны на село Курлагинское с деревнями 1450—1454 гг. ("а что в нем серебра делного на людех")¹⁸⁵, духовной Андриана Ярлыка 1460 г. ("и што в тех селцех и в деревнях на людех мое серебро делное и ростовое")¹⁸⁶. В духовной князя Михаила Андреевича (1486 г.) фигурирует "серебро издельное" "в пашне" и "в земле" и др.¹⁸⁷

Здесь снова необходимо коснуться спора Л.В. Черепнина и И.И. Смирнова. Л.В. Черепнин, логически развивая охарактеризованную выше точку зрения на "серебро в селах" и "серебро в людях" не только как на долговую кабалу, но и как на эксплуатацию крестьян путем денежного оброка, приходит к выводу, что "издельник серебреник" — это "человек, работающий из денежного оброка"¹⁸⁸. Неправомерность подобной трактовки "издельного серебра", равно как и "издельников серебреников", вполне очевидна в свете приведенных нами аргументов. Типологически комплекс терминов "серебро издельное", "серебро дельное" и "серебро ростовое" выступает лишь в функции детализации понятия "серебро в селах" и "серебро в людях". Больше того, общие представления о характере эпохи XIV—XV вв., да и ряд фактических данных позволяют предполагать, что в серебреничестве крестьян-земледельцев основной формой займа было не "ростовое серебро", когда проценты выплачиваются деньгами, а именно форма "дельного серебра" или, что точнее, "издельного серебра", когда процент или "рост" оплачивается трудом крестьян¹⁸⁹. То, что под "серебром в людях" чаще всего разумеется

¹⁸¹ АСЭИ. — Т. 1. — № 90.

¹⁸² Там же. — № 108.

¹⁸³ ДДГ. — № 68.

¹⁸⁴ Там же. — № 74.

¹⁸⁵ АСЭИ. — Т. 2. — № 153а.

¹⁸⁶ Там же. — № 361.

¹⁸⁷ СГГ и Д. — Ч. I. — № 122.

¹⁸⁸ Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 241—242.

¹⁸⁹ С.Б. Веселовский считал "издельное серебро" очень древним и распространенным явлением. См.: Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. — М., 1926. — С. 16—17.

“дельное серебро” в виде оплаты “роста” каким-либо видом сельскохозяйственных работ, особенно четко видно из данной Степана Окулова сына Теврюкова Спасо-Евфимьеву монастырю на село Борисовское в Новгородской земле¹⁹⁰. У этого феодала была своя господская запашка, что явствует из данных о размере высева ржи, пшеницы, овса, проса и гороха. В перечне имущества Степана в селе указано, в частности: “да в селе на людех 200 алтын денег”, т. е. в займах под проценты. Но в конце текста автор комментирует эти займы более подробно (“а што будь моего серебра долгу — по моем животе половина людем тем, хто его косил, а половина великому Спасу”). Таким образом, общая безличная формула “на людех 200 алтын” (т. е. “серебро в людех”) фактически подразумевает целиком “издельное серебро”. Степан половину основной суммы долга (“исто”, “истина”) прощает крестьянам, а половину завещает взыскать монастырю. Главное же — из текста видно, что “рост” (проценты) восполнялись трудом крестьян: они косили на феодала. Косьба за “рост” называлась “искос”. Отсюда прямая аналогия к “изделью” как сельскохозяйственным работам за проценты по обработке пашни, жатве и обмолоту зерна¹⁹¹.

Дефицит денег из-за слабого развития товарно-денежных отношений сказывался и на форме уплаты процентов по займам, совершаемым феодалами, вплоть до эксплуатации вотчины за эти проценты¹⁹².

Таким образом, предположение, что в “серебренничестве” крестьян преобладала “издельная форма” уплаты процентов (“роста”), имеет серьезные основания.

Наиболее частым видом работ за “рост” была косьба сена и пахота. В правой грамоте 1462—1505 гг., фиксирующей решение спора крестьян села Миятина Переяславского у. с великокняжескими крестьянами, сказано: “а те селища... пахали крестьяне миятинские и на серебро... на монастырское тех селищ... христиане миятинские пожни косили”¹⁹³. Из уставной митрополичьей грамоты монастырям, т. е. материала по характеру своему являющемуся типовой инструкцией, можно заметить, что господская пашня (монастырская в данном случае) была только двух видов: 1) “жеребьевая” или десятинная и 2) пашня “на серебро”: “а что идет им (старцам, — Л. М.) хлеб из сел монастырских, что на них крестьяне пашут, или на серебро монастырское пашут”, то хлеб этот делится между старцами¹⁹⁴.

¹⁹⁰ АСЭИ. — Т. 2. — № 490.

¹⁹¹ В наиболее ранний период комплекс барщинных работ крестьян на “жеребьевой” господской пашне чаще назывался “дело”, а не “изделье” (“села делати”, “землю делати”, “монастырское дело делати”) и только потом они начинают сливаться и выступают как синонимы.

¹⁹² АФЭХ. — Ч. II. — № 319, 254; АСЭИ. — Т. 3. — № 368, 465. — Т. 2. — № 261.

¹⁹³ АФЭХ. — Ч. I. — № 125.

¹⁹⁴ Русская историческая библиотека (Далее: РИБ). — Т. VI. — Стб. 887—888. И.И. Смирнов считает этот текст наиболее важным свидетельством существования “пашни на серебро” (Смирнов И.И. Заметки... // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 158). В споре с И.И. Смирновым по поводу этого фрагмента уставной грамоты Л.В. Черепнин трактует конец фразы: “или на серебро

Не менее важным выводом, вытекающим из наблюдений над актовым материалом такого рода, является утверждение, что пахота земли феодала и весь комплекс работ по севу, жатве и уборке урожая были основным содержанием серебреничества.

Наиболее доказательные аргументы большого удельного веса в отработках за рост крестьян-серебреников цикла земледельческих работ по севу, жатве, уборке и обмолоту хлебов содержатся в широко известной серии актов, касающихся ограничения сроков “перезыва” крестьян-серебреников Юрьевым днем (2 неделями до Юрьева дня и недель после него)¹⁹⁵. Приурочивание права перехода крестьян-серебреников ко времени, когда кончается поздняя осень и наступает зима, связано с окончанием земледельческих сельскохозяйственных работ. Расплата серебреников не “издельных” приурочивалась также к этому сроку¹⁹⁶.

На наш взгляд, “издельное” серебреничество было вызвано к жизни явной неудовлетворенностью стремлений духовных феодалов выйти из тупика, который создавало взимание продуктовой ренты, с помощью ничтожных по размерам “жеребьевых пашен”, а светских феодалов — все уменьшающимися возможностями расширения сферы холопского земледельческого труда. “Серебреничество”, так же как и политика льгот, своей объективной целью имело укрепление феодалской собственности на землю и власти над крестьянами.

Следовательно, нужда в расширении сферы барщинного земледельческого труда была продиктована отнюдь не только хозяйственными мотивами, но и мотивами социальными. Именно этим обстоятельством можно лучше всего объяснить явное несоответствие между реальной возможностью широко практикующегося получения феодалской ренты в виде оброчного хлеба (“треть”, “четверть”, а часто и “половье”) и настойчивым, скардным внедрением “изделя” на пашне.

При господстве общинного землепользования, а главное, корпоративных традиций общинного владения землей, превратить “жеребьевый” участок запашки, который был лишь модификацией издольщины, в прямую барщину было делом далеко не простым. Поэтому полевая барщина в своем непосредственном виде как акт феодалской эксплуатации в наиболее грубой форме появилась лишь как итог долговой кабалы¹⁹⁷. Это был не столько процесс втягивания в сферу феодалской зависимости слоев крестьянства, как полагал И.И. Смирнов¹⁹⁸, сколько процесс установления полного господства

монастырское пашуть” как выражение способа получения денежной ренты, что источниковедчески слишком произвольно (см.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 241). Тут же Л.В. Черепнин высказывает общее свое сомнение в возможности существования “пашни на серебро”, впрочем, никак не аргументируя это сомнение (Там же. — С. 241).

¹⁹⁵ С.Б. Веселовский писал об этих указах, что они “должны были изменить юридическую природу “издельного” серебреничества в смысле лишения должника права ликвидировать свои отношения во всякое время года” (Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. — С. 17).

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Генезис ее очень древний. Здесь можно вспомнить хотя бы заупов Русской Правды.

¹⁹⁸ Смирнов И.И. Заметки... // История СССР. — 1962. — № 3. — С. 153.

феодалного собственника над трудом непосредственных производителей, сидящих на его земле. Подобные процессы, вероятнее всего, проходили вне и сверх обычного круга повинностей крестьян, что очень тонко было подмечено Г.Е. Кочиным.

Таким был чрезвычайно сложный окольный путь развития господского хозяйства не с помощью рабочих рук холопов, а дополнительного труда крестьян, попавших в денежную кабалу.

Свое логическое завершение этот путь получает в тех случаях, когда общинник-серебренник, работавший на земле господина, “сажался” феодалом заново на какую-либо землю¹⁹⁹. По-видимому, в таких случаях сумма “роста” могла быть в новых условиях трансформирована в земельное соотношение крестьянской пашни и пашни, обрабатываемой в пользу феодала. В этой связи чрезвычайно знаменательно, что фактические данные о размерах монастырской и вообще господской феодалной запашки в конце XV в. — начале XVI в. соотносятся с крестьянской запашкой точно в такой же пропорции (или очень близкой к ней), как “рост” соотносится с “исто”, т. е. сумма процентов за займ с основной суммой займа. В документах центральных районов страны это соотношение передается обычно как “на пять — шестой”, т. е. 20% к 100% основной суммы займа (1:5)²⁰⁰.

Размеры господских запашек в названной пропорции (1:5) к крестьянской пашне встречаются в конце XV в. в грамоте митрополита Симона Юрке Масленицкому (1495—1511), а также в целом ряде документов XVI в.²⁰¹

Следовательно, на начальных этапах заведения барской запашки в центральных районах страны ее величина, как правило, соотносилась с величи-

¹⁹⁹ АСЭИ. — Т. 2. — № 192. См. также: Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 234. Видимо, довольно близки к посаженным серебренникам “окупленные люди”. В жалованной льготной и несудимой верейского и белозерского князя Михаила Андреевича 1472 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на пустоши на р. Ирдме о них говорится: “И кого к себе игумен... призовет на те пустоши людей жити из — иных княжений ... или кого окупив посадит, и тем людем окупленным и пришлым не надобе моя дань на 5 лет” (АСЭИ. — Т. 2. — № 218; См. также: ГВНП. — М.—Л., 1949. — № 294). По истечении льготного периода такие крестьяне оказываются в неизмеримо большей зависимости от феодала, чем “рядовые люди”. Напомним, что Л.В. Черепнин и И.И. Смирнов, соглашаясь в основном (“окупленные люди” это крестьяне, долги которых другим феодалам были выкуплены землевладельцем, посадившим их на свою землю), расходились между собой в деталях по поводу понимания статуса “окупленных людей” (см.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы... — С. 233).

²⁰⁰ АСЭИ. — Т. 1. — № 513, 536. — Т. 3. — № 350, 355. См. также: № 370, 378, 379, 380, 380—384, 386 и др. В Новгородских землях ростовой процент был, видимо, ниже. В писцовых книгах конца XV века есть формулы: “а росту на рубль одна гривна и 2 денги” (НПК. СПб., 1868. — Т. III. — С. 601, 803; 1885. — Т. IV. — С. 160; 1905. — Т. V. — С. 37, 47, 50, 51—52, 57—58 и др.). Правда, Г.Е. Кочин считает, что данный размер процента был установлен писцами (см.: Кочин Г.Е. Указ. соч. — С. 363), т. е. не отражает обычной практики.

²⁰¹ АФЗХ. — Ч. I. — № 205; См. также: Корещкий В.И. Закрепощение крестьян... — С. 19, 25, 26; АФЗХ. — Ч. II. — № 178; Акты писцового дела. — Т. I. — М., 1913. — С. 4; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. — Т. II. — С. 52; Известия Русского генеалогического общества. — Вып. 3. — СПб., 1909. — С. 292—307.

ной процентов по займам. Этот факт может указывать на типичный генезис господской запашки из “издельного” серебреничества. Так зарождался один из видов отработочной ренты — полевая барщина.

Подобная сложность, а главное, длительность генезиса полевой барщины крестьян на протяжении целых столетий, думается, может быть объяснена, во-первых, спецификой природно-климатических условий, ибо крестьянину и на свою пашню не хватало времени, если в семье было мало рабочих рук, а во-вторых, таким фундаментальным фактором, как существование в силу этих условий общинной организации крестьянства, делавшей переход к низшим формам феодалной ренты необычайно трудновыполнимым.

Объективная потребность укрепления феодалной собственности на землю и полновластного господства над земледельческим трудом крестьян нашла отражение в стремлении к перемещению крестьян на новые, чужие для них земли. При этом олицетворением земельной собственности на землю становился сам феодал, но тем не менее феодалы-землевладельцы не достигли желаемых результатов в приобретении всей полноты власти как над землей, так и над трудом непосредственных производителей.

Поэтому неслучайно, что логика развития процесса укрепления феодалной собственности на землю и на подвластное население при осуществлении политики “перезывов” крестьян заставляет феодалов включать в орбиту “переходов” те слои крестьянства, которые попали в чрезвычайные обстоятельства временной долговой кабалы.

В актовой документации это находит отражение в виде появления в качестве “перезываемых” таких групп крестьянства, как “серебреники”, “половники”, а также так называемые “окупленные люди”. Они четко отделяются от основной массы крестьян. Л.В. Черепнин прав, когда видит в источниках различие этой группы людей от так называемых “рядовых людей юрьевских”, понимая под последними (“рядовыми людьми”) обычных крестьян, переход которых от одного землевладельца к другому не был осложнен выплатой долгов и иных обязательств²⁰².

Примерно с середины XV в. в обстановке, когда “перезывы” стали перерастать в “отказы”, т. е. в практику расчета со старым “вотчиком” по общему крестьянскому “ряду” и долгам за уходящего крестьянина новым “вотчиком”, резко проявилась тенденция к общему запрету переходов. На это обращали внимание почти все советские исследователи истории крепостного права (Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, А.Д. Горский и др.). В этой ситуации традиционная формула о “тутошних людях”, “становых”, или “волостных”, или “тяглых” становится формулировкой, означающей общий запрет перехода великокняжеских крестьян, хотя поначалу эти запреты детализируются²⁰³.

²⁰² Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. — С. 250.

²⁰³ АСЭИ. — Т. 2. — № 359. — С. 199; См. также: АФЗХ. — Ч. I. — № 210 (1464 г.), 212, (1474 г.).

Говоря о развитии политики “перезывов” крестьян, следует отметить вообще особую специфичность позиции князя в отношении черных и даже собственно княжеских (будущих дворцовых) крестьянских волостей. Проблема расшатывания и ослабления общины во имя укрепления статуса феодального земельного собственника не была здесь столь актуальна, как в частновладельческом секторе, ибо княжеская собственность в эту эпоху все еще развивалась, главным образом, в русле “государственного феодализма”, для которого общинная организация крестьян была естественной и традиционной социально-экономической опорой. Это проявлялось, в частности, в отсутствии у княжеской власти (исключая какие-либо чрезвычайные обстоятельства) острой заинтересованности в перетасовке людских ресурсов путем крестьянских “перезывов”. Отсюда проистекают и ранние проявления политики князей, препятствующей переходам черных и княжеских крестьян. Однако это отнюдь не было проявлением каких-либо закрепостительных тенденций.

С середины XV в. политика перемещения крестьянских масс на новые земли, видимо, начинает приходить в противоречие со своей конечной целью — появлением непосредственного производителя, сидящего на земле феодала и вырванного из среды общинного крестьянства личным экономическим закабалением сверх нормативных рентных платежей и повинностей.

С этого момента и даже несколько раньше пробуждаются к жизни тенденции полного отказа от практики переходов. К проявлению этой тенденции относятся запреты великого князя московского и ряда других перезывать в равной мере так называемых “письменных” и “неписьменных” людей. В отдельных случаях и феодалы (в первую очередь, духовные) получают такие санкции от великого князя московского²⁰⁴. Другая тенденция связана лишь с целью ограничения сроков переходов²⁰⁵.

Упорядочивание в юридических документах практики “перезыва” серебряников, а особенно трансформация “перезыва” в “отказ” крестьян-серебряников, принципиально было важным шагом в укреплении феодальной собственности на землю и власти боярина и вотчика над крестьянством. Тем самым для феодала несколько увеличилась возможность увеличения численности зависимых крестьян, находившихся, кроме того, в состоянии чрезвычайной экономической задолженности. “Отказ” крестьян-серебряников позволял феодалам путем уплаты за серебряника его долга и вывоза его на свои земли сразу же поставить бывшего “серебряника” в условия выполнения (помимо обычного круга крестьянских повинностей) полевой земледельческой барщины в соотношении 1:5, т. е. господская запашка была “ростом” (процентом) за предоставленную бывшему “серебрянику” новую землю. Ситуация с “посаженными серебряниками” и “окупленными людьми” как будто бы получает возможность распространения на новый круг крестьян.

²⁰⁴ АСЭИ. — Т. 1. — № 264, 265.

²⁰⁵ Там же. — Т. 2. — № 326, 276, 177 и др.

Вместе с тем в грамотах, вводящих срок перехода в Юрьев день, почти сразу же появляется тенденция к ограничению этим сроком переходов и остатального крестьянства²⁰⁶.

В конце XV в. Судебником 1497 г. было, как известно, установлено общее ограничение крестьянских переходов одним сроком — в Юрьев день (за неделю до 26 ноября и в течение недели после него). Таким образом, у господствующего класса и государства еще не было реальной силы и могущества, чтобы пойти на решительное наступление и на черную, и на владельческую общину.

А необходимость дальнейшего ослабления, расшатывания или нейтрализации общины была вполне очевидной. Первая половина XVI столетия, сопровождавшаяся относительно благоприятными экономическими и внутрисполитическими условиями развития страны, показала сравнительную слабость процесса социальной дифференциации крестьянства, ограниченные масштабы разложения общины. Для класса феодалов это оборачивалось слишком малыми возможностями вовлечения крестьянства в путы чрезвычайной кабальной (личной) зависимости, полновластного маневрирования любыми формами ренты. Больше того, начатый когда-то самим господствующим классом процесс крестьянских переходов стал теперь еще более ощутимой угрозой подрыва основ взимания феодалной ренты.

Таким образом, все, так сказать, частные методы борьбы с владельческой общиной были исчерпаны.

Для подавления активизации и сопротивления общинного крестьянства, для извлечения необходимого объема совокупного прибавочного продукта нужна была весьма сильная, реальная власть господствующего класса в целом. Иначе говоря, на первый план исторически выдвигались задачи укрепления и консолидации феодалного класса.

В Западной Европе могучим рычагом консолидации класса феодалов была система сложной феодалной иерархии.

В условиях Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодалной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса. Однако исторически эквивалентом этому был путь консолидации господствующего класса посредством усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала. По сути это разновидность феодалной иерархии.

Как известно, такая цель была достигнута созданием московской великокняжеской властью статуса служилой вотчины, а главное, учреждением широкой системы поместных держаний. Немалую роль сыграли при этом внешнеполитические и оборонные задачи складывающегося единого Русского государства.

²⁰⁶ АСЭИ. — Т. 2. — № 101, 193, 138.

Итак, развитие поместной системы и установление статуса служилой вотчины имели своей целью создание монолитного, могущественного господствующего класса, способного в процессе повседневной эксплуатации крестьянства обескровить или нейтрализовать защитные механизмы общины.

В данной работе мы пытались показать, что глубинной основой закрепостительных тенденций явилась в силу природно-климатических условий неизбежность существования сильной общинной организации крестьянства с ее землеустройством и землепользованием. Ход развития феодальной собственности на землю и эволюция рентных отношений уже к концу XV в. активно толкали господствующий класс на меры закрепостительного характера. Однако реализация их стала фактом лишь после длительных усилий государства по укреплению своего могущества и консолидации господствующего класса.

Подчеркнем, что в нейтрализации защитных функций общины нуждалась прежде всего вотчина, причем вотчина того статуса, который был ей свойственен до конца XV в.

Сравнительное исследование методами количественного анализа социальной и экономической структуры поместья и вотчины 30—40-х гг. XVII в. впервые позволило узнать, что они даже в это время представляли собой разные типы хозяйства, а не только разные юридические формы владения. В поместье этого времени глубочайшего хозяйственного упадка организационно-экономическая роль самого помещика почти незаметна, низка агрикультурная активность, высок уровень эксплуатации, остро ощущается нехватка рабочей силы. Всю тяжесть восстановления хозяйства несут бобыли и часть крестьянства. В господском секторе роль холопов и “деловых людей” невелика. В крестьянском хозяйстве нет сильных тенденций к росту. Преобладают признаки запустения.

В вотчине, наоборот, очень активна деятельность господского сектора хозяйства и организующая роль самого вотчинника. Положение бобыльского населения существенно лучше, активно восстанавливается крестьянская пашня. Очень существенна роль холопов и “населения людских дворов”. Более высокая агрикультурная активность, связанная с энергичным расширением пашен. Запустение проявляет себя слабее, чем в поместье. При меньшем размере площади хозяйственных угодий средней вотчины, чем у поместья, вотчина населена гораздо больше, чем поместье.

Стало быть, в условиях уже совершившегося первичного закрепощения крестьян вотчинная форма хозяйства обнаруживает гораздо более мощные потенции развития, чем поместье²⁰⁷. Это, на наш взгляд, является сильней-

²⁰⁷ Милов Л.В., Гарскова И.М., Булгаков М.Б. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России 1 половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. — М., 1985; Милов Л.В., Гарскова И.М. Типология феодальных хозяйств России первой

шим подкреплением той логики развития событий, которая предложена данной работой. Вотчинник как наследственный владелец крепостного населения наиболее эффективно сочетал функции эксплуатации с поддержкой слабейших хозяйств. В совокупности с воздействием общинной организации это была сложная антагонистически-патрольная система производства в неблагоприятных природно-климатических условиях России.

Предложенная схема происхождения крепостничества в России отнюдь не исключает роли тех факторов, которые наиболее тщательно изучены в нашей историографии²⁰⁸. Однако широкое развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации, стремительный рост налогов, хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки служили конкретно-историческими условиями, лишь форсировавшими процесс закрепощения. Основной же глубинной причиной была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю в условиях общинного строя непосредственных производителей. Так создалось своеобразное единство противоположностей: неизбежность существования общины уравнивалась противовесом в форме наиболее грубого и жесткого варианта личной зависимости каждого отдельного члена этого организма. В то же время исходным моментом, породившим это единство противоположностей, был комплекс специфических природно-географических условий, серьезно осложнявший пути извлечения совокупного прибавочного продукта.

Таким образом, исторически назревала необходимость резкого изменения характера и силы внеэкономического принуждения в целях окончательного укрепления собственности феодалов на землю и на труд непосредственного производителя. То и другое дала эпоха XVI столетия с ее стремительным развитием помещичьей системы, резким сокращением числа вотчин, трансформацией самой вотчины в вотчину служилую и, наконец, системой заповедных лет и указом царя Федора об отмене крестьянских переходов и крестьянской “крепости земле”.

половины XVII в. (факторный анализ) // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX в. Материалы советско-американских симпозиумов. — М.: Наука, 1991 и др.

²⁰⁸ Из наиболее поздних работ по этой проблеме см.: Данилова Л.В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. — М., 1970; Шапиро А.А. О причинах закрепощения в России XVI в. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. — Тарту, 1972. — С. 130—135; Корещкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. — М., 1975. — С. 7—8; Аграрная история Северо-Запада России. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Руковод. авторского колл. А.А. Шапиро. — Л., 1978. — С. 184—199 (здесь же историография проблемы) и др.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Сразу же оговоримся, что в настоящей работе затронута лишь тема влияния природно-климатического фактора на зарождение в России промышленного производства, ибо проблема генезиса капитализма — особая проблема, имеющая большую историографию.

В советской исторической литературе проблема генезиса капитализма в России всегда находилась в центре внимания исследователей. Причем в очень многих работах предлагались концепции раннего и сверхраннего развития капиталистических отношений. Особенно много некорректного было в изучении XVII столетия, пожалуй, наиболее многострадального времени в истории Русского государства со времени татаро-монгольского ига. Как известно, в Западной Европе генезис капитализма связан с периодом расцвета цеховой промышленности и городов. Иное положение было в земледельческой стране, как Россия, где примерно с 60-х гг. XVI в. шли (с незначительной паузой) волны многочисленных социальных потрясений и, что для нас сейчас особенно важно, хозяйственных разорений. В стране в конечном счете стал реальностью глубокий упадок земледелия, резко сократилась численность населения (особенно крестьянства), о чем свидетельствуют массовые данные писцовых книг.

Начало XVII столетия ознаменовалось новой волной ужасающего разорения, которым сопровождалась Смута. Описания писцов 20—30 годов XVII в. засвидетельствовали даже для этого времени огромное количество запустевших, едва заселенных территорий с распаханными клочками земли посреди перелогов, залежей и пашни, поросшей лесом. В ряде районов к 20—40 гг. XVII в. населенность была ниже уровня XVI века. Сплошной подсчет данных по пяти уездам Русского государства (Тверскому, Чернскому, Тульскому, Лихвинскому и Курмышскому) показал, что на 100 десятин бывшей и действующей пашни в 358 помеотно-вотчинных владениях среднего для 20—40 гг. XVII в. размера (100—300 дес. “четвертной земли”)

приходилось максимум 7—8 душ муж. пола¹. Это в 4—5 раз превышало необходимый для более или менее нормального воспроизводства крестьянского хозяйства душевой размер площади пашенных угодий. По 12 центральным уездам на 20 тыс. крестьянских и бобыльских дворов приходилось 600 тыс. четвертной земли, куда входили пашня действующая, запущенная и сенокос. Такова была глубина спада и земледелия, и плотности населения. Ориентировочные подсчеты показывают, что даже к концу первой четверти XVIII в. населенность имений увеличилась лишь вдвое.

После изгнания интервентов и замирения казацких приставств государство столкнулось лицом к лицу с пустой казной и разоренной страной. Ликвидация последствий Смуты и восстановление хозяйства были главной задачей общества вплоть до второй половины XVII в. И тем не менее в нашей историографии уже по отношению к 40-м годам давались весьма оптимистические оценки уровня развития общества, ставились вопросы о развитии капиталистических отношений, о начале мануфактурной стадии в развитии промышленности, о начале формирования всероссийского рынка и т. д.

На самом же деле глубокий спад земледелия и резкое уменьшение земледельческого населения страны не могли не сказаться на уровне и темпах развития городов. Процесс общественного разделения труда едва себя проявлял, так как его активизация напрямую зависела от восстановления земледелия, роста плотности населения, создания условий для увеличения прибавочного продукта в земледелии и скотоводстве, для появления избытка сельского населения и переключения его в другие сферы жизнедеятельности. Лишь интенсивность таких процессов могла привести и к зарождению крупного производства с разделением труда внутри него. К сожалению, в первой половине XVII в. никаких естественно-исторических предпосылок ни для мануфактуры, ни для резкого роста ремесла в стране не было.

Русское правительство, понимая, что в любой момент страна может вновь стать жертвой сильных агрессоров в лице Швеции и Польши, лихорадочно предпринимало любые меры для восстановления армии, снабжения ее оружием и т. п. Отсюда жесткая финансовая политика и нажим фиска на города. В первой половине XVII в. они несли тягчайшее бремя регулярных налогов и повинностей, к которым систематически добавлялись чрезвычайные поборы. Это вызвало в середине века волну городских восстаний, направленных главным образом на борьбу за восстановление равномерности тяглового обложения черной посадской общины и так называемых беломестцев. Таким образом, лишь к середине XVII в. истощенная страна стала постепенно восстанавливать феодальную экономику. Однако впереди был еще нелегкий путь к подъему этой экономики. Правда, уже в 20-е годы XVII в.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 871—875, 525, 489—491, 1044, 227. Данные получены путем сплошной обработки материалов книг на ЭВМ. В обработке статистических материалов принимали участие М.Б. Булгаков и И.М. Гарскова.

единичные районы, в определенной мере избежавшие опустошительных разорений в “смутное время”, стабилизировали и развивали хозяйство. К ним частично можно отнести районы торгового пути от Ярославля на Вологду и далее водой до Архангельска. Но главным образом это было Нижегородское и Казанское Поволжье. Здесь активизировался процесс отделения промышленности от земледелия, на базе домашних промыслов развивалось мелкотоварное производство, формировались неземледельческие торгово-промышленные населенные пункты. Однако это развитие еще не могло компенсировать общего упадка экономики. Больше того, формирование торгово-промышленных поселений этого края в значительной мере было стимулировано перемещением в них посадского населения городов, бежавшего от непосильного гнета фиска. Во второй половине XVII в. восстановление экономики не привело еще к сколько-нибудь существенным сдвигам в натурально-патриархальном укладе сельскохозяйственной экономики. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует соотношение форм феодальной ренты в XVII — начале XVIII в. по данным о 365 имениях, главным образом междуречья Оки и Волги². В I половине XVII в. отработочная рента была здесь в 2,9% имений, чисто денежная — в 14,7%, сочетания разных форм ренты с непременным элементом барщины — в 82,4% (28 имений). В третьей четверти XVII в. чистая барщина была в 4% имений, денежная всего лишь в 2,3% имений, а в 94,7% имений (70 владений) было сочетание разных форм ренты с непременной барщиной. Наконец, в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. чистая барщина была в 11,6% владений, чистый денежный оброк — в 8,2%, а сочетание разных форм ренты — в 80,2% имений. Следовательно, в XVII в. и даже в начале XVIII в. еще не было дифференциации владений по формам изъятия прибавочного продукта, которое могло быть продиктовано экономической конъюнктурой того или иного района, т. е. крутыми сдвигами в системе общественного разделения труда, а главное, ролью крестьянского хозяйства в изменении этой конъюнктуры.

В условиях России, где от 6 до 8 месяцев в году жители были свободны от непосредственных занятий земледелием, основная масса крестьянства издавна занималась домашними промыслами. Их разнообразие, а главное, продажа на рынке излишков явились не менее важным фактором в развитии процесса общественного разделения труда, чем фактор ремесленной промышленности городов (в этом состоит одно из важнейших отличий развития экономики России от экономики Западной Европы). В данном контексте распространение денежной ренты есть отражение не столько потребности феодала в деньгах, сколько реальной возможности удовлетворить эту потребность. Необычайный по длительности период хозяйственного упадка второй половины XVI — первой четверти XVII в. не мог не вызвать уси-

² Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. — М., 1974. — С. 292.

ления натурального характера всей системы хозяйства. Однако восстановление экономики не свидетельствует о том, что к концу XVII в. произошли качественные сдвиги в системе общественного разделения труда, хотя стремительное развитие городов ряда районов страны дает нам примеры перерастания городского ремесла в мелкотоварное производство.

Как известно, капитал появляется главным образом в формах крупного производства только при особо благоприятных обстоятельствах, какие, например, сложились в конце XV — начале XVI в. в некоторых странах Западной Европы. Там же, где таких условий не было, его появление связано прежде всего с необычайно медленным разложением ремесла и развитием мелкотоварного производства. Этот процесс порождает почти исключительно так называемые неадекватные формы капитала, т. е. такие формы, в которых он выступает не в противоположность труду: в мелком капитале и в промежуточных формах между прежними способами и классическим способом производства самого капитала. Формы мелкого капитала крайне неустойчивы и слабы прежде всего в силу дороговизны наемного труда, что лишает мелкого хозяйчика возможности капиталистического накопления, т. е. получения всего объема прибавочной стоимости при минимуме заработной платы наемного рабочего.

Именно такой характер развития, видимо, был свойственен России со второй половины XVII в. И здесь можно увидеть некоторое сходство процесса зарождения неадекватных форм капитала в России с аналогичным процессом в Англии второй половины XIV—XV вв., т. е. того времени, когда Англии еще не были присущи черты форсированного процесса первоначального накопления, обусловленного, главным образом, резким расширением рынка, интенсивным развитием экспорта, массовым развитием мануфактуры и т. п. В указанные нами периоды в той и другой стране зарождение капитализма носило спорадический, а следовательно, по выражению К. Маркса, “более или менее подчиненный” характер. Такая квалификация обусловлена тем, что неадекватные формы капитала не обладали качественной определенностью. Иными словами, он еще не породил адекватные ему законы капиталистического производства. Поэтому названные формы отношений в силу отсутствия их качественной определенности являются неразвитыми или “среднеразвитыми” формами. Спорадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они, так сказать, уживаются с ним. Разложение “старых экономических отношений земельной собственности” происходит лишь на микроуровне. Именно вследствие названных свойств неадекватных форм капитала хозяин и рабочий были социально близки друг к другу. Больше того, часть прибавочной стоимости падала в руки рабочего и составляла традиционный фонд его потребления.

Начало же капиталистической эры практически связано лишь с появлением крупного производства в форме централизованной мануфактуры, ибо

именно эта форма в конечном счете вызвала к жизни основные законы капиталистического способа производства, которые сначала были исторически ограничены и лишь с переворотом в механизме ценообразования получили полный простор действий.

В России второй половины XVII — начала XVIII в. неадекватные формы капитала, создающие социальную близость хозяйчика и рабочего, т. е. отсутствие противоположности труда и капитала, были обусловлены тремя важнейшими моментами. Во-первых, отсутствием сколько-нибудь существенных проявлений процесса экспроприации непосредственных производителей, следствием чего явился острый дефицит свободной рабочей силы. Во-вторых, господством краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве. В-третьих, высоким уровнем оплаты труда свободного рабочего, оплаты, покрывающей или почти покрывающей всю стоимость его труда.

Начнем с того, что наиболее распространенный в XVII в. размер поденной оплаты малоквалифицированного, а чаще неквалифицированного труда (черной работы) достигал одного алтына (3 коп.).³ Этот уровень заработной платы даже при приближенной оценке отнюдь не сводился к оплате необходимого труда, а включал в себя и оплату доли прибавочного рабочего времени⁴. Этот уровень поденной оплаты бывал при обмене дохода на живой труд, т. е. когда наемный труд служил лишь внешним проявлением обмена услугами⁵. Этот уровень оплаты встречался и при эпизодическом найме, предпринимаемом ремесленниками, оплачивающими свободный труд по его стоимости.

Достаточно сказать, что в середине и второй половине XVII в. 5—6 кг ржаной муки или 20-фунтовый каравай хлеба (9 кг) стоили один алтын. На эту сумму можно было купить 4 кг дорогой гречневой крупы, или 9 кг яшного солода, или пять-шесть десятков яиц, или 1,7 кг свиного мяса. На алтын в районах, отдаленных от богатых рыбой волжских берегов, можно было купить 1,5 кг свежей осетрины или семги. В Нижнем Новгороде “за грош можно купить... столько рыбы, сколько не в состоянии съесть четыре человека”. В районе Белоозера алтын стоила крупная щука или 4-5 крупных лещей или судаков. Алтын стоили 2 с небольшим аршина холста, или аршин полотна, или 6 пар лаптей. За ту же цену можно было купить около аршина сукна “мирского вального”, аршин простого сермяжного сукна, пару верхних или исподних рукавиц и т. д.⁶

³ См.: Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в России XVI—XVII вв. — М., 1972. — С. 369.

⁴ Напомним, что плата за необходимое рабочее время подразумевает лишь получение средств для реализации потребительных стоимостей, необходимых только для сохранения рабочей силы.

⁵ О том, что в средневековой России был широко распространен наемный труд, который экономически являлся обменом дохода на живой труд, т. е. услугой, см.: Милов Л.В. О некоторых вопросах первоначального накопления и генезиса капитализма в России // Вопросы истории. — 1969. — № 7.

⁶ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331; Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. — Т. I. — Вып. II. — СПб., 1910. Приложения XXVIII, XXX, XXXII, XXXIV,

В идеале, трудясь еженедельно только по 5 дней, поденщик мог заработать в год на алтынной оплате примерно 7 руб. 50 коп. А годовой прожиточный минимум (на питание) одного работника мог быть равным 2—2,5 руб. (по явно завышенным подсчетам С.Т. Струмилина, он достигает 3 руб.).⁷ В то же время комплект летне-зимней одежды стоил ориентировочно 1,5—1,8 руб. Телега, упряжь и хорошая лошадь стоили примерно 6 руб., а с дешевой лошадью около 3,25 руб. Сани-дровни стоили около 17 коп., топор — 5—7 коп. Готовый сруб большого дома (около 70 м²) стоил 8—10 руб., а дом поскромнее вдвое дешевле, амбар стоил 5—6 руб. и т.д.⁸

Годовой условный уровень заработной платы малоквалифицированного или неквалифицированного рабочего был не ниже стоимости того круга потребностей, которые были, например, у монастырских ремесленников, так называемых “шваленных” мастеров (кузнецы, кожевники, сапожники, суконники, портные, коновалы и т. д.), которые имели бесплатное питание и одежду и получали годовое жалование 0,7—1 руб., редко 2—2,5 руб.⁹

Таким образом, алтынный поденный заработок во всех видах труда не был оплатой лишь необходимого труда. Проработав день, поденщик мог жить на заработок в течение 3—5 дней, следовательно, ему доставалась оплата доли его прибавочного рабочего времени. Разумеется, все это характеризует лишь уровень поденной оплаты, но вовсе не реальные заработки. Реальная действительность была более сложна. При отсутствии однозначной тенденции роста спроса на рабочие руки поденщик часто не имел работы и был вынужден питаться “христовым именем”, т. е. нищенствовать.

Уровень оплаты квалифицированного свободного ремесленного труда был значительно выше. И это обстоятельство представляется наиболее важным в анализе тенденций развития мелкого капитала в его неадекватных или промежуточных формах, ибо центральной фигурой свободного найма в мелких предприятиях (не говоря уже о первых предприятиях мануфактурного типа) оставался квалифицированный работник.

В Москве в 1613—1614 гг. рядовые ремесленники поденно зарабатывали 3—4 коп.¹⁰, что по ценам II половины XVII в. равнялось 4,2—5,6 коп. Таким образом, условный годовой оклад (250 рабочих дней) составил бы от 10,5 руб. до 14 руб. В начале XVII в. сапожник получал за шитье (“за дело”) пары добротных сапог один алтын¹¹. Принимая его производитель-

XXXVI (Расходные книги 1606—1612 гг.). Пересчет на деньги второй половины сделан по ценам ржи (см.: Ключевский В.О. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Ключевский В.О. Сочинения. — Ч. VII. — С. 215—229. Расчетная разница составляет примерно 41%); Стрейс Я.Я. Три путешествия. — М., 1935. — С. 181.

⁷ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории СССР. — М., 1966. — С. 76.

⁸ Никольский Н. Указ. соч. — Приложения XXVII, XXVIII, XXX, XXXII, XXXIV, XXXVI; Очерки русской культуры. — Ч. I. — М., 1979. — С. 81.

⁹ Никольский Н. Указ. соч. — Приложение XXXIV.

¹⁰ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331.

¹¹ Никольский Н. Указ. соч. — Приложение XXXII.

ность на уровне производительности сапожника в I четверти XVIII в. (т. е. в среднем 8—10 пар в неделю), получим суммарный идеальный итог стоимости его работы за год в 12 руб. (за 400 пар). Иногда заработок мог доходить и до 18 руб., но, видимо, при шитье дорогой обуви¹². По сведениям Кильбургера, на подмосковных каменоломнях поденная плата каменщику — 8 коп. (в год около 20 руб.), а носильщику — алтын¹³. В условиях нехватки свободной рабочей силы в отдельных случаях резко возрастал уровень оплаты даже неквалифицированного труда. Так, на будных майданах Б.И. Морозова в условиях применения промышленного барщинного труда крестьян, стоящих “у корыт”, приходили временные добровольные подмены барщино-обязанных крестьян “охочими людьми”, труд которых на условиях свободного найма, выступающего в форме так называемых услуг, оплачивался самими крестьянами. Оплата достигала 40 алтын в месяц, что в год могло составить 14,4 руб.¹⁴ В Сибири при разведке руд на реке Томи в 1623 г., организованной властями, на рубку дров и их “пожог” на уголь нанимали гулящих людей, платя им баснословные суммы по 4 и 5 алтын в день (в год 30—37,5 руб.)¹⁵.

В металлообработке, наиболее важной отрасли хозяйства страны, уровень оплаты свободного труда городских ремесленников был также высоким. При срочных казенных заказах оплата могла быть очень высокой. Так, в 1632 г., по сведениям о двух казенных заказах тотемским кузнецам, их поденная оплата в первом случае равнялась 6 коп., а во втором — 6—9 коп.¹⁶ В переводе на годовой 250-дневный заработок это составит от 14 руб. 76 коп. до 24 руб. 60 коп. В кузнецкой слободе Тулы в 1612 г. кузнецы получали поденно по 4 коп., а ярыги — по 2,5 коп., что на цены II половины XVII в. составит 5,6 коп. и 3,5 коп. (соответственно в год это ставило бы 14 руб. и 8 руб. 75 коп.)¹⁷.

Однако все это условные уровни годового заработка, поскольку и у казенных кузнецов, и у городских кузнецов в XVII в. не было в течение года бесперебойной работы. В Тихвине, например, кузнецы у “государева дела” получали за год всего около 4 руб.¹⁸ Исключением, пожалуй, были лишь тульские казенные кузнецы, которые иногда получали правительственные заказы, близкие к годовому объему работы. Так, в 1671 г. казенный годовой

¹² Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. — М., 1965. — С. 117.

¹³ Курц Б.Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 180.

¹⁴ Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам боярина Б.И. Морозова. — Л., 1967. — С. 139.

¹⁵ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 335—336.

¹⁶ Там же. — С. 292—293, 331.

¹⁷ Там же. — С. 331.

¹⁸ Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад XVI—XVIII вв. — Л., 1951. — С. 114.

заказ достигал 2 тыс. пищалей. При оплате 67 коп. за пищаль на каждого из 90 мастеров-кузнецов пришлось около 15 руб.¹⁹ (не считая частичного участия подсобных работников). Как известно, казенные кузнецы имели и другие формы дохода, привилегии и т. п.

Обычно же работа ремесленников-кузнецов отнюдь не занимала все потенциальное годовое рабочее время. Устюженские “сказки” 1702 г. хорошо показывают это формулами о характере работы: “кто что принесет сковать”, “из найму на людей, кто их когда наймет”²⁰. Для пояснения этого положения приведем следующий пример. В начале XVII в. 1 тыс. одностесных гвоздей стоила примерно 60 коп., а двостесные — 84 коп.²¹ На цены II половины XVII в. это составит около 85 коп. и 1 рубля. Если считать производительность кузнеца с подсобным работником, а главное, годовое рабочее время равным тому, что было в конце XVIII в. (от 270 до 800 гвоздей разных сортов в день, т. е. в среднем 535 шт.)²², то их дневной валовой доход составил бы 49 коп. Следовательно, за 42 рабочие недели это составило бы свыше 120 руб. При производственных расходах, равных примерно 58—60%, чистый доход составил бы 50 руб. Принимая соотношение долей кузнеца-хозяинчика и молотового как 3:1, получим годовой доход кузнеца около 37 руб., а молотового около 12 руб. В работе К.Н. Сербиной по Тихвину есть данные о производительности кузнеца с 2 подсобными работниками на обработке так называемого связного железа²³. Делая, видимо, по одной связи за 2 дня, они за 30 дней изготовляли до 75 пудов (по 5 пудов в связи). При цене за 10 пудов 3 руб. их валовой доход в год мог достигать 180 руб. А чистый доход (считая, что 60% составляли производственные расходы) мог быть равным 72 руб. (на кузнеца примерно 43 руб., а молотовым — по 14,4 руб.).

Реальные же заработки были во много раз ниже. Устюженский кузнец-сковородник, т. е. представитель наиболее доходного ремесла, имел в год 9 руб., а молотовой еще меньше²⁴. В Тихвине кузнец получал в год 8,5 руб. (молотовые по 4 р. 25 к.)²⁵. В Кунгурском у. годовая заработная плата кузнеца в кузнице достигала также 9 руб. и т. д.²⁶

Названный разрыв был обусловлен многими причинами. Но среди них, видимо, важнейшая состоит в неполной занятости и ремесленника, и мелкого товаропроизводителя. Весьма существенную роль играло и непостоянство спроса (особенно при производстве такой специфичной продукции, как низ-

¹⁹ Гамель И. Описание Тульского оружейного завода. — М., 1826. — С. 29.

²⁰ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 274—275.

²¹ Никольский Н. Указ. соч. — Приложение XXXII, XXXIV.

²² Озерецковский Ник. Обзорение мест от Санкт-Петербурга до Старой Руссы и на обратном пути. — СПб., 1808. — С. 59.

²³ Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 86.

²⁴ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331.

²⁵ Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 114.

²⁶ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 331.

косортная сталь или уклад). Это нередко вело к тяжелой зависимости ремесленников от торгово-ростовщического капитала.

В данном случае мы выделяем лишь факт весьма высокого уровня оплаты труда ремесленника, причем прежде всего в форме сдельной и поденной оплаты. Это принципиально важно, так как фиксирует неблагоприятные условия присвоения мелким хозяйчиком прибавочного рабочего времени квалифицированного и малоквалифицированного непосредственного производителя. Эти невыгодные хозяйчику условия продиктованы двумя обстоятельствами: дефицитом рабочей силы, обуславливающим высоту заработка, и краткосрочностью работ. Традиционный поденный найм всегда был обусловлен ограниченным реальным объемом работы, т. е. заказом, полученным ремесленником. Поэтому в кузнечном промысле, как, очевидно, и в других отраслях экономики, господствовала сдельная формы оплаты. В “сказках” 1702 г. по Устюжне Е.И. Заозерская встретила поденный найм всего лишь в трех случаях, остальные же были сдельными, т. е. определены реальным объемом заказа. Эпизодический характер найма иллюстрируется и формулой “сказок”: “в иное время (т. е. иногда, — Л. М.) в помощь нанимуют”²⁷. При крупных срочных заказах, естественно, количество наймитов могло возрасти (в сковородном промысле могло быть, например, до 6 молотовых работников на одного “середового” и кузнеца)²⁸. Но, подчеркиваем, реальные заработки свидетельствуют о непостоянстве таких тенденций. В Тихвине XVII в. бытовала практика, когда к кузнецам “приходя нанимуются на малое время временем ис пашенных людей, поряживающца молотом по какому кузлу побить дни на 2, и на 3, и на неделю или на две, волею, бес порядных записей”²⁹. Последнее замечание источника весьма важно, т. к. годовой найм по порядным записям в XVII в. был не вольным, а широко практикуемым в том же Тихвине и других городах кабальным наймом.

Подытожить наши наблюдения помогает результат расчетов, проведенных на основе сведений о расценках поденной оплаты кузнеца, подсобных рабочих, цен на сырье, материалы и готовую продукцию в XVII в. (по устюженскому сковородному промыслу), а также сведений о производительности их труда (по данным того же промысла в конце XVIII в.)³⁰. Этот результат показывает, что при том уровне оплаты свободного труда, который существовал в XVII в. (примерно 34—35% валового дохода), и потенциальная, и практическая прибыль эксплуататора-хозяйчика как формального капиталиста была значительно меньше обычной торговой прибыли (8% при

²⁷ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 275.

²⁸ Там же.

²⁹ Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 113.

³⁰ Озерцовский Ник. Указ. соч. — С. 58—59.

10—12% торговой прибыли). Эти расчеты вполне согласуются с наблюдениями о стоимости живого труда в других кузнечных промыслах. Ковка топора (работа) составляла 40—50% от стоимости готового изделия, а ковка ножей — 35—45%³¹. А ведь обработка металла — одна из немногих отраслей ремесла, где стоимость живого труда составляла наибольшую долю в стоимости изделия и, следовательно, норма прибыли могла быть наиболее высокой. В портняжном деле, обработке овчин, мерлушек, сапожном мастерстве доля живого труда составляла соответственно 13%, 9—18%, 20% и 25%³². Таким образом, вполне понятно, что даже в кузнечном промысле в XVII в., в частности в Тихвине, практически отсутствовали тенденции к укрупнению производства. Здесь лишь одна кузница была на 5 горнов, а 18 чел. кузнецов (ок. 25%) владели только долями кузниц³³. По наблюдениям К.Н. Сербиной, удачливые кузнецы стремились прежде всего пойти в торговлю³⁴. В Устюжне в конце века лишь один из 60 владельцев имел три, а трое — по две кузницы. Три-четыре горнами владели 13 чел., однако последнее было связано главным образом с особенностями технологии обработки металла из болотных руд³⁵. Зарождение мелкого капитала во всех этих формах опиралось на условия, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к производителям, которые работают сами.

Итак, отсутствие непрерывного производства в мелкотоварном производстве в сочетании с высоким уровнем оплаты свободного наемного труда создавало условия, неблагоприятные для самого важного процесса — накопления мелкого капитала. Это отнюдь не мешало широкому развитию ремесел и промыслов. Однако низкая прибыль в мелкотоварном производстве, в свою очередь, вела не к вложению торгового капитала в производство, а лишь к закабалению разного рода мелких ремесленников и промышленников торгово-ростовщическим капиталом³⁶.

Подобная ситуация лишала страну возможности удовлетворения ее государственных потребностей. Необходим был резкий скачок в техническом уровне производства. Он был, как известно, достигнут в XVII в. путем правительственных усилий по созданию концессионных предприятий с привлечением иностранных капиталов.

Таким образом, закономерность появления крупного железоделательного производства несомненна, поскольку оно было порождено хозяйственно-политическими потребностями страны.

³¹ Никольский Н. Указ. соч. — Приложения XXX, XXXIV, XXXV.

³² Там же. — Приложения XXXI, XXXII, XXXIV, XXXVI.

³³ Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 84, 87.

³⁴ Там же. — С. 117.

³⁵ Заозерская Е.И. Указ. соч. — С. 272.

³⁶ Сербина К.Н. Указ. соч. — С. 123—124 и др.

Крупное производство под опекой государства. Тульские заводы XVII века

Исходя из вышеизложенного, можно определить мануфактуры XVII в. как явление спорадического характера, понимая под спорадичностью не столько их численность, сколько изолированность их появления от общего уровня экономики страны. Они еще не были органическим порождением процесса общественного разделения труда внутри данного общества. Например, бумажные или стекольные предприятия работали на узкий рынок и способны были существовать только как крупные заведения. Что касается металлургических заводов, то ведь “кузнечная мельница” или “самоков” на казенном Пушечном дворе, созданный в 1624 г. иноземными мастерами, а также железодельный доменно-молотовый комплекс Андрея Виниуса были построены еще в разоренной стране. Завод А. Виниуса, как и другие крупные железодельные, т. е. доменно-молотовые комплексы XVII в., основаны были на капиталы иноземцев-концессионеров (Петра Марселиса, Андрея Бутенанта и Филимона Акемы) при мощной финансовой и государственной поддержке правительства и были явлениями особого рода.

В нашей литературе доменный и молотовый комплекс Тульских и Каширских заводов, основанных в 1637 г. голландцем Андреем Виниусом, а потом в 1648 г. перешедших во владение Ф. Акемы и П. Марселиса, а затем взятых в казну, довольно мифологизирован. Разумеется, основание крупного металлургического производства в разоренной стране имело громаднейшее значение и положило начало целой серии таких заводов. Но вместе с тем эта акция государства, призванная укрепить прежде всего обороноспособность страны, стала расцениваться как индикатор общего уровня развития экономики. В ряде работ давалась заведомо завышенная оценка общего состояния страны. Поэтому в данном очерке уделено внимание прежде всего технологической организации производства и его экономическим параметрам.

Давным-давно опубликованный комплекс документальных материалов в виде описей и приходно-расходных записей 1647 г. и 1662—1664 гг. при всей своей фрагментарности дает возможность, хотя бы в первом приближении, поставить и в ряде случаев решить указанные проблемы³⁷.

В 1662 г. зафиксирована мощность плавильного горна или доменной печи. Суточная производительность ее достигала 100—120 пудов чугуна. Материалы 1647 г. свидетельствуют, что таких домен на заводе было две, хотя продолжительность их работы неясна.

Главным фактором режима работы металлургического комплекса был наш климат. Вододействующие машины — боевые ковальные молоты —

³⁷ Крепостная мануфактура в России. — Ч. 1. — Тульские и Каширские желез. заводы (Далее: Крепостная мануфактура. — Ч. 1). — Л., 1930.

приводились в движение мельничным колесом. Энергия падающей воды на-капливалась плотинами, а напор воды и ее уровень в запрудах в зависимости от сезона менялся. В итоге “в вешнее и в осеннее время за большою, а в летнее и в зимнее время за малою водою бывают на заводах прогульные многие дни”³⁸. К тому же часто выходила из строя домна, и “тот доменный горн в году топится треть и половина года”³⁹.

Исходя из этого, попытаемся уточнить реальный режим заводов, взяв несколько расчетов режима работы специалистов разной квалификации.

Например, дощатый мастер мог иметь разную выработку: от 50 до 80 досок в день⁴⁰. В 80 досках было 28 пудов. Следовательно, в 50 досках — 17,5 пудов. Таким образом, в среднем мастер на водяном молоте делал 23 пуда. Наш расчет имеет конкретное подтверждение. Так, Яков Бланк с первого по 23 февраля, т. е. примерно за 18 рабочих дней, сделал 410 пудов, т. е. по 23,1 пуда в день⁴¹. Оплатаковки прутового железа в доски, видимо, была разной (8 денег и 10 денег за пуд). Дороже, очевидно, стоили тонкие доски для лат. О цене досок на пищали есть конкретное указание на оплату в 8 денег за пуд⁴². Таким образом, на пищальных досках мастер мог зарабатывать в день по 92 коп., в расчетный год (300 раб. дн.) — 276 руб., а в реальный годовой цикл (130 раб. дн.) — 119 руб. Видимо, расчет этот точен, т. к. в 1662 г. дощатый мастер Нилис Персон получал в год по 125 руб. серебром⁴³. На тонких досках заработок был, видимо, несколько выше. Так, мастер Яков Бланк, делая по 23,1 пуд. в сутки, в расчетный год имел бы 346 р. 50 коп., а в реальный годовой цикл — 150 руб. 15 к. При меньшей выработке, как у мастера Мартина Клерета (по 18,8 пуда в день по 10 денег пуд), заработок в реальный годовой цикл мог быть, например, 122 р. 20 коп. Между тем годовой оклад его был равен 105 руб.⁴⁴ Попудная или сдельная оплата могла быть выше годового оклада, но могла быть и существенно ниже его. Так, мастер Нилис Петерс за 5 недель сделал всего 89 пудов с оплатой по 10 денег пуд, т. е. с выработкой всего по 3 пуда в день. Даже в расчетный год (300 раб. дней) при этой выработке его зарплата составила всего 45 руб., а в реальный год — 19 р. 50 к., в то же время годовой оклад его был равен 85 р.⁴⁵ Такого рода невыгодные работы были, вероятнее всего, временными. Массовой продукцией были доски как полуфабрикат для мушкетных стволов, пищалей и лат. Какая-то часть продукции была в виде кровельных и дверных досок и т. д. Для 1668 года есть сведе-

³⁸ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 144.

³⁹ Там же. — С. 24.

⁴⁰ Там же. — С. 36, 31. Мастер, делающий по 50 досок, кроме того, еще “тянул” тонкие пруты по 5 пудов “в дело”.

⁴¹ Там же. — С. 66.

⁴² Там же. — С. 61, 66—67, 6 денег за пуд см. с. 58.

⁴³ Там же. — С. 31.

⁴⁴ Там же. — С. 46, 66.

⁴⁵ Там же. — С. 70, 46.

ния, что ежегодно для казны необходимо было поставлять по 5 тыс. пудов кованых досок⁴⁶. Таким образом, основные заработки при сдельной работе составляли 120—150 руб., а реальный рабочий годовой цикл — 130 рабочих дней.

Наши источники позволяют более или менее точно определить суточную производительность на ковальской работе. Как известно, в XVIII в. на уральских заводах из 12 пудов чугуна выковывалось около 8 пудов кричного губчатого железа. Видимо, то же соотношение было и в XVII веке. Разница была лишь в качестве руды, а не собственно чугуна. Исходное его количество было в той же пропорции к железу, как и на Урале.

Вес железной заготовки в виде бруса “на французское дело” длиной в пол-аршина (36 см), шириною и высотой в 3 вершка (ок. 13,5 см) на Тульских заводах был в одном случае 1,54 пуда (74 бруса общим весом в 114 пудов 5 гривен), а в другом случае 1,62 пуда (336 брусков общим весом 555 пудов 10 гривен)⁴⁷. Следовательно, в среднем брус железной заготовки весил 1,58 пуда. Известно, что за сутки из 3 выплавленных криц выковывали 16 брусков, что составляет 25,28 пудов железа⁴⁸.

На так называемом “четвертом” Тульском или Городищенском заводе бригада иноземца Я. Бланка плавил в сутки по 3 крицы, а из этих криц выковывала 12 прутьев “саженного пруткового железа”⁴⁹. Вес этих прутьев составлял, по-видимому, 2,16 пуда (4019 прутков общим весом 8683 пуда 30 фунтов или гривен)⁵⁰. Тогда суточный объем кованого железа составит цифру, очень близкую к названной, — 25,92 пуда. Поскольку даже опытные мастера делали и прутья, и брусы “на глазок”, то небольшие отклонения, разумеется, были. Так, 499 прутков железа весили в целом 1041 пуд 5 гривен⁵¹, т. е. каждый из них весил 2,09 пуда, что в сутки (т. е. 12 прутков) составило бы 25,08 пуда.

Наконец, есть еще одна возможность установить объем суточного производства на молоте. На Ведменском (Каширском) заводе иноземец Н. Хиникс с бригадой ковал под большим молотом из “готовова тянутого саженного железа” мушкетные доски по 80 штук, а “весом де в них 28 пуд и больши”⁵². Каждая мушкетная доска весила, таким образом, 0,35 пуда. Если саженное ствольное железо весило 2,16 пуда прут, то из одного прута выбивали 6 досок, а из 12 прутков — 72 доски, что практически очень близко к объявленной в переписной книге норме. Но более реален другой расчет. Мушкетные доски также колебались по весу. Так, 62 мушкетных

⁴⁶ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 363.

⁴⁷ Там же. — С. 105.

⁴⁸ Там же. — С. 26.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. — С. 390.

⁵¹ Там же. — С. 104.

⁵² Там же. — С. 31.

доски весили в целом 20 пуд. 10 гривен, т. е. каждая по 0,327 пуда⁵³. В этом случае из прута в 2,16 пуда выходило 6,6 доски, а из 12 прутков — 79,2 доски, что практически полностью совпадает с нормой проковки Н.Хиникса в 80 досок. Следовательно, в среднем из 3-х криц выходило 25,43 пуда или 8,47 пуда из крицы.

Опираясь на установленные факты длительности рабочего цикла мастеров ключевых специальностей, мы можем теперь оценить общий режим работы заводов и их производительность в двух наиболее вероятных вариантах. Первый из них учитывает воскресные дни как дни отдыха. Формальное чередование сутки — работа, а сутки — отдых здесь нарушается воскресными днями. В итоге при скользящем недельном графике в каждую неделю был бы один двухдневный отдых и два однодневных (без учета церковных праздников). Этот расчет дает в год примерно 157 рабочих суток. При суточной производительности в 120 пудов чугуна с домны каждая из двух домн при таком режиме давала бы в год 18792 пуда, а обе — 37 584 пуда чугуна. Если при этом 4 кричных горна работали бы в режиме сутки — работа, а двое суток — отдых, то их годовая потребность в чугуне оставалась бы прежней — 19008 пудов (или 12672 пуда железа). На литье же шло бы 18576 пудов чугуна. В итоге общий объем продукции был бы равен 31 248 пудов железа и литья. При суточной плавке домны в 100 пудов чугуна на литье шло бы 12312 пудов чугуна при прежних 19008 пудах чугуна, необходимых дляковки. В итоге это давало бы 24984 пуда продукции (т. е.ковки и литья).

Наконец, возможен и другой расчет, учитывающий режим работы каждой из домн в ритме: сутки — работа, двое — отдых. Такой режим ближе к реальности еще и потому, что литейный мастер и его подмастерья тратили немалое время еще и на подготовку литейных форм (в 1647 г. для них специально месили глину четверо вспомогательных работников). Хотя большая часть этой работы могла выполняться в период плавки руды, но, видимо, какая-то часть ее (особенно сложные изложницы для пушек) требовала и дополнительного времени. Итак, беря за основу расчета этот условный режим: сутки — работа, двое суток — отдых, мы получаем следующие результаты. За 12-дневный цикл на крицы, как обычно, тратилось 633,6 пуда чугуна, но на литье шло только 326,4 пуда. Таким образом, в год на литье использовалось лишь 9792 пуда чугуна. При этом на крицы по-прежнему шло 19008 пудов чугуна, из которого выковывалось бы 12672 пуда железа. В итоге в год получалось бы 22464 пудаковки и литья.

Мы не будем настаивать на точности наших расчетов. Тем не менее, следует отметить, что режим работы двух плавильных печей, имеющих две бригады квалифицированных работников и вспомогательный персонал, а так-

⁵³ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 31.

же две бригады литейщиков (в 1647 г. работало две бригады), был в реальной действительности ближе к двум последним вариантам. Больше того, в переписной книге 1662 г. Аф. Фонвизиним прямо заявлено, что если случатся перебои из-за вешней воды, т. е. половодья, из-за нехватки угля или руды, не говоря об авариях домны ("горн попортитца"), то "тот доменной горн в году топится треть и половина года"⁵⁴. Наши последние два расчета условно реконструируют именно эти два варианта (годовой объем в 22,5 тыс. пудов и 31 тыс. пудов). Чаше годовая продукция была ближе к первой цифре, ибо в документации есть упоминание о сдаче с 15 марта 1670 г. по конец 1671 г. 41265 пудовковки и литья⁵⁵. Годовая производительность будет в этом случае 23580 пудов, что очень близко к последнему расчетному варианту.

Наши конкретные расчеты по поводу проверки реальности суточной производительности очень важны, поскольку они лежат в основе изучения всей организации основных работ на Тульских и Каширских заводах. Если работа на ковке металла шла суточными циклами, то появляется возможность выяснить и реальный режим работы за год в целом.

Как мы знаем, на Тульских и Каширских заводах в 1662—1664 гг. помимо действующей домны и одной запасной работало еще и 6 больших вододействующих "ковальных молотов". В 1662 г. функционировало также 8 кричных горнов, два горна стояли пустыми, а один строился.

В идеале, как уже говорилось, на каждом большом молоте при ресурсе в 5 тыс. пудов в год⁵⁶ должно было работать посменно 2 бригады по 3 чел. в каждой (мастер, подмастерье и работник). Следовательно, всего нужно было 12 молотовых мастеров, 12 подмастерьев и столько же вспомогательных работников.

Однако по неполной описи 1662 г. (по Елкинскому заводу опись не окончена) на 6 больших молотов приходилось всего 9 мастеров. Было, правда, еще 3 запасных мастера, но они лишь подменяли основных. Такая обеспеченность кадрами предусматривает либо отсутствие ряда производственных операций, либо недогрузку оборудования.

Попытаемся восстановить организацию работ на этот период времени. На Городищенских заводах наибольшее число мастеров было сосредоточено в первой молотовой кузнице, где на одном большом молоте и двух кричных горнах работало 3 мастера (Франц Стром, Степан Буд и Филька Онтонов) с тремя подмастерьями (Вилим Авар, Лаврин Мартинов — он же Лоронс Мартын и Павлик Игнатьев). Переписная книга 1662 г. очень нечетко передает технологию плавки криц иковки металла в этой группе. Прежде всего источник указывает, что "2 человека мастеров... 2 человека подмастерье... делают на одном

⁵⁴ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 24.

⁵⁵ Там же. — С. 451—452.

⁵⁶ А. Виниус в челобитной 1648 г. заявлял: "А в одной... мельнице кузнечной, что связанное железо делают, какова у того завода ныне есть, — больше 5-ти тысяч пуд связанного железа на год делать не мочно" (Гамель И. Указ. соч. — Прибавления. — С. 6).

горну...: чугунное железо плавят в крицы и из криц тянут в толстое брусье... а тех брусьев в сутки зделают по 16-ти”⁵⁷. Вполне очевидно, что это самостоятельный суточный цикл работ. Но справиться с ним может бригада из 3-х человек (мастер, подмастерье и работник). Так как нам известен вес такого бруса (1,24 пуда; 1,54 пуда; 1,62 пуда)⁵⁸, в среднем достигавшего 1,58 пуда, то, стало быть, суточная продукция составляет 25,28 пуда, что вполне под силу бригаде из трех человек. Тем не менее в источнике при описании других производственных операций этой же бригады снова говорится о совместной работе двух мастеров и двух подмастерьев: “да они ж иноземцы 4 человека, покинув крицы, плавят и тянут брусья, в-ыныя дни у готоваго тянутого связнова железа заваривают обухи по 30-ти в день”⁵⁹. Вполне очевидно, что прежде всего здесь речь идет о ковке из брусьев связного железа (больше нигде на Тульских и Каширских заводах его не делали). Хотя мы и не знаем, сколько его выковывали за сутки, но вполне очевидно, что разогрев заготовок (брусьев) и ковку прутков связного железа также могла делать бригада из трех человек⁶⁰. Кроме того, переписная книга указывает, что на том же молоте работала бригада из трех человек (мастер Филька Антонов, подмастерье Павел Игнатьев и, видимо, один работник), которая тянула из брусьев “саженное прутковое железо” по 30-ти сажен⁶¹. Отсюда неизбежно следует, что каждая из бригад работала циклами: сутки работа, двое — отдых. Если предположить, что бригада Фильки Антонова обрабатывала за сутки все 16 брусьев, то на нее должна была работать по их заготовке постоянно целая бригада из трех человек. Таким образом, 4 человека иноземцев, которые согласно переписной книге работали вместе, скорее всего, фактически работали двумя бригадами. Одна из них выходила каждые третьи сутки на работу, плавил крицы и обрабатывала их, разрубая на 16 прутьев-заготовок для бригады Фильки Антонова. А другая работала сложнее, хотя держалась того же режима: сутки — работа, двое — отдых. В первый цикл она, видимо, плавил крицы и делала брусья, а во второй свой цикл она из брусьев ковала связное железо. Иначе говоря, из каждых шести суток бригада одних рабочих сутки плавил крицы и ковала брусья, а вторые рабочие сутки ковала связное железо. Наконец, в какой-то момент этот двойной процесс прерывался, и все четверо заваривали, видимо, также целые сутки, обухи у связного железа.

Если это так, то молот, находясь в пользовании трех бригад, фактически должен был работать непрерывно весь год. Однако мы знаем, что еще А. Виниус утверждал, что технический ресурс водяного ковального молота таков, что более 5 тыс. пудовковки в год на нем сделать нельзя. Объяснение же в итоге может быть следующим.

⁵⁷ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 26.

⁵⁸ Там же. — С. 103—104.

⁵⁹ Там же. — С. 26.

⁶⁰ См.: там же. — С. 104, 224, 105 (95 прутков весом 140 пудов 30 гривен). Вес прутков связного железа был в 1,5 пуда и 1,15 пуда.

⁶¹ Там же. — С. 26.

Вероятно, перепись застала это заводское звено во временной экстремальной ситуации, когда водяной “большой ковальный молот” заставили работать непрерывно.

Прояснить эту ситуацию отчасти помогают иные данные той же описи. Дело в том, что к 1662 году Городищенские заводы были в тяжелом состоянии. Так называемый “Первый завод” был брошен, т. е. запустел, скорее всего, из-за износа оборудования, еще в 1655 г. На “Втором заводе” действовала лишь доменная печь и стояла еще одна печь — запасная, которую нужно было дооборудовать. Что касается молотовой кузницы, то здесь также все было уже изношено (“кузница молотовая вся испорчена и ветха гораздо, запустела тому ныне 5 лет”)⁶². Так называемый “Третий” Городищенский завод “запустел тому ныне 7 лет”, т. е. в 1655 году (здесь была прежняя старая домна)⁶³.

Таким образом, действовал только “Четвертый” завод. Здесь в первой молотовой, где было 2 горна и один “большой ковальный молот”, работали названные выше 4 иноземца и бригада Фильки Онтонова, а во второй молотовой кузнице, где был другой большой молот и один действующий горн (второй стоял пустым), работала бригада молотового мастера Якова Бланка (Блеуса). Причем опись отмечает, что “те обе мельницы (т. е. водяные колеса и приводы, — Л. М.) и в них завод (т. е. прочее оборудование, включая и молоты, — Л. М.) весь ветх”⁶⁴. Иначе говоря, и здесь оборудование было также сильно изношенным. На том же “Четвертом” заводе раньше была третья молотовая кузница, но она сгнила и опустела еще в 1656 году⁶⁵.

Данные приходно-расходной книги 1663—1664 гг. позволяют считать, что молотовая кузница, где работала бригада Я. Бланка, все-таки действовала весь сезон с сентября 1663 г. по сентябрь 1664 г. Что же касается первой молотовой кузницы, то можно полагать, что с сентября 1663 г. она уже вышла из строя. В сведениях приходно-расходной книги А.Д. Фонвизина она уже, так сказать, не просматривается.

Вот почему вполне допустимо, что в декабре 1662 г. первая молотовая кузница работала в необычном режиме. Видимо, владельцы решили выжать из погибающего оборудования, охваченного гнилью и в любое время подверженного возможности разрушения, все, что можно, в кратчайший срок, пока есть руда, уголь, вода и рабочая сила.

На Городищенском “Четвертом” заводе, как уже говорилось, во второй молотовой на большом молоте и одном кричном горне (второй стоял пуст) работал мастер Яков Блеус, он же — Яков Бланк (Jakob Blane, Jaque Blas, Jakov Bleue, Jak Blen и т. п.) с подмастерьем Нелисом и работником. Плава

⁶² Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 21.

⁶³ Там же. — С. 25.

⁶⁴ Там же. — С. 26.

⁶⁵ Там же. — С. 25—26.

чугун в крицы, они обрабатывали крицу, разрубая ее на части, и ковали “саженное железо”. За сутки делалось 12 прутов. Я. Бланк с бригадой ковал не просто “саженное железо”, а ствольное железо, т. е. заготовки для мушкетов. Прут этой заготовки весил 2,16 пуда. Из 3-х криц, т. е. примерно 25,43 пуда, выходило 12 прутов такого веса за сутки работы.

В приходе-расходной книге 1662 г. работа Якова Бланка рассчитана формально по дням. Но, опираясь на реальные данные производительности, можно выяснить и режим работы, и степень загруженности этого мастера.

До января 1664 г. его оплата была повременной из расчета 100 руб. в год. С первого января 1664 г. все молотовые бригады перешли на полудную оплату, т. е. на сдельщину. При этом формальный расчет по дням в книге остался. Так, за работу с 1 января по 1 февраля за 254 пуда ему заплачено 12 р. 23 алт. 2 деньги⁶⁶. Это примерно 27 рабочих дней. При ежедневной работе выходило бы приблизительно около 9—10 пудов в день. Однако, помня, что фактически работа шла суточными циклами и за сутки делалось 25,43 пуда, мы убеждаемся, что 254 пуда сделаны примерно за 10 суток. Иначе говоря, бригада Якова Бланка сутки работала, а двое суток отдыхала. В неделю выходило 2—3 рабочих суток. Иначе говоря, при таком режиме воскресных дней не было. Вторая запись сделана 22 марта. С 1 февраля по 23 марта Я. Бланку заплатили за 410 пудов — 20 руб. 16 алт. 4 деньги⁶⁷. Это означает, что работал он фактически 16 суток, вернее, расчет дает нам 16,7 циклов по трое суток, но эта приближенность вполне удовлетворяет. При более сложных работах на ковке выработка могла быть ниже указанной, а при менее сложных — выше. Так, в записи от 3 апреля мастеру Я. Бланку с 23 марта по 3 апреля (в публикации стоит явная опечатка — 30 апреля, — Л. М.)⁶⁸ за 165 пудовковки плачено 5 руб. 10 алт. Если за 11 суток было 3,67 трехсуточных циклов (т. е. реально — 4 цикла), то получается, что в сутки этот мастер делал по 41 пуду. Разумеется, для бригады обычного состава производительность эта фантастична. Поэтому реальнее предположить здесь срочный характер заказа, что привело к изменению постоянного режима работы (сутки — работа, двое суток — отдых). Вероятно, бригада Я. Бланка работала в эти дни через сутки. При средней норме выработки в 25,43 пуда 165 пудов могли быть прокованы из криц за 6,5 суток. Причем здесь была и реальная возможность изменения режима, так как большой ковальный молот был полностью в их распоряжении, т. е. не было других смен, режим которых они могли бы нарушить.

Общий построчный подсчет по записям приходе-расходных книг 1663—1664 гг. данных по всем работам молотового мастера Я. Бланка показывает, что он реально за год заработал 107 руб. 93 коп.⁶⁹ при годовом

⁶⁶ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 62. Запись от 3 февраля.

⁶⁷ Там же. — С. 66.

⁶⁸ Там же. — С. 70.

⁶⁹ Там же. — С. 41, 46, 51, 62, 66, 70, 72, 73, 80, 81, 82, 85, 86 (Подсчет наш).

жаловании в 1663 году в 100 руб. серебром. Иначе говоря, перед нами пример почти идеального по загрузке года работы молотового мастера. Просчет по дням работы, правда, на основе записей прихода-расходной книги он может быть лишь примерным, показывает, что Я. Бланк не работал 3 недели мая, 5 дней июня и весь август. Считая по 6 рабочих дней в неделе, мы получим примерно 49 рабочих “прогульных” дней. Поскольку характер работ различен, то вообще очень сложно точно установить число реальных рабочих дней. Условно говоря, если Яков Бланк весь год ковал ствольное прутковое железо, т. е. выполнял свою главную нагрузку, то он работал сутки и двое отдыхал. Таких суток на 365 реальных дней года, без выделения праздников, было бы около 122. Практически их было, конечно, меньше. Надо еще учесть, что молотовые мастера часто выполняли и другую работу. Тот же Я. Бланк в июне—июле ковал тонкое железо (“тянуто натонко под большим молотом ис криц на колесные крепи”)⁷⁰. Целый месяц он “прогулял за угольем”, т. е. работал на жжении и доставке древесного угля и т. д.⁷¹

Продукция бригады мастера Я. Бланка перевозилась дляковки из нее ствольных (мушкетных, карабинных, пищальных) досок на Ведменский завод. Работавший здесь в 1662 г. иноземец дощатый мастер Нилис Хиникс, как уже говорилось, ковал за сутки около 80 досок. При исходном весе одной доски в 0,327 пуда⁷² вес суточной продукции мастера составит 26,16 пуда, что очень близко к весу заготовок, которые делала за сутки бригада мастера Я. Бланка. Правда, мы не учитываем неизбежных обрезков и прочих отходов. В переписной 1662 г. назван вес суточной продукции Н. Хиникса в 28 пудов и больше. В этом случае каждая доска должна быть несколько тяжелее (0,35 пуда).

Жесткая связь обоих звеньев вполне очевидна. Отсюда ясен и рабочий режим. Я. Бланк и Нилис Хиникс сутки работали и двое суток отдыхали, т. е. каждый из них работал по трехсуточному циклу. Важно отметить при этом, что в 1662 г. у большого молота, на котором работала бригада Я. Бланка, соседний кричный горн пустовал. Это означает, что данный молот работал лишь каждые третьи сутки, т. е. использовался вполовину своей мощности. То же самое и с молотом Ведменского завода. Соседний с Нилисом Хиниксом кричный горн был в 1662 г. тоже пуст. Следовательно, и здесь молот работал вполсилы.

Следующим из серии Каширских заводов был Саломыковский завод. Здесь было 2 кричных горна и один большой водяной ковальный молот. Работало две бригады. В каждой из них мастер, подмастерье и работник. Обе бригады плавил чугунные штыки в крицы, а из криц ковали заготовки на дверные и латные доски. Это были толстые пруты. Каждая бригада за сутки изготовляла по 8 таких прутков. Если взять обычный вес суточной

⁷⁰ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 85.

⁷¹ Там же. — С. 72, 73, 81 и др.

⁷² Там же. — С. 31.

ковки бригады из 3-х человек в 25,43 пуда, то вес каждого из 8-ми прутков будет около 3,18 пуда.

Одну из бригад возглавлял иноземец молотовый мастер Мартин Клерет (Marten Cleiret, Martain Cleyre, Martin Kleriatt и т. п.). Работал он с сыном, подмастерьем Исаем Мартыновым, и с работником. Мартину Клерету помогал и другой сын, Ян. Он работал в 1662 г. молотовым мастером с тем же окладом в 125 руб. серебром, что и у отца, но работал, “с отцом своим переменясь”⁷³. Поскольку речь идет об одной и той же бригаде, то налицо весьма льготное положение иностранных мастеров. Видимо, они не согласились работать круглые сутки, даже имея двое суток отдыха. В итоге бригада в течение рабочих суток попеременно возглавлялась двумя мастерами с одинаково высокими окладами. Не исключено, что Ян Мартынов частично был занят где-то в ином месте производства. После исчезновения его имени из прихода-расходной книги 1663—1664 гг. на Саломыковском заводе продолжали работать Мартин Клерет и Исай Мартынов. Причем, как выяснилось, Мартин не мог работать в полную силу. Его оклад со 125 руб. серебром в 1662 г. снизился до 105 руб. в 1663 г., а при переходе на сдельную оплату, он стал получать по 10 денег с пуда. С сентября 1663 г. по июль 1664 г. он заработал всего 84 руб. 90 коп.⁷⁴ А работая полные 122 суток при выполнении нормы в 25,43 пуда в сутки, он имел бы 125 руб. 5 коп. серебром. В июле—августе он уже не работал.

На том же молоте, но в другую смену работала бригада Петра Андреева в составе Якова Андреева и работника. Оба Андреевых были холопами боярина И.Д. Милославского, которому заводовладельцы платили за них по 20 руб. за каждого в год, а им самим давали 160 руб. медных денег (то есть около 13 руб. серебром)⁷⁵. Но в 1663—1664 гг. положение изменилось. У Петра уже был оклад в 90 руб. серебром, а у Якова — 40 руб. серебром. Режим работы бригады был тот же: сутки — работа, двое суток — отдых. Реально Петр заработал 81 руб. 41 коп.⁷⁶, прогуляв лишь май месяц.

Таким образом, 2 горна Саломыковского завода действовали сутки из каждых трех, а молот — двое суток из каждых трех.

Продукцию Саломыковского завода в виде толстых прутков перевозили на Елкинский завод, видимо, недавно созданный. Здесь была молотовая кузница, “а в той кузнице 2 горна большие, кладены кирпичом, с проводными трубами. В одном работают, а в другом нет работы, потому вал не накачен и колеса не навешены, и мехи не поставлены”. Вторая молотовая кузница в 1662 г. только лишь “почета строить (начата строительством, — Л. М.)”⁷⁷.

⁷³ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 33.

⁷⁴ Там же. — С. 43, 48, 53, 55, 61, 62, 67, 73, 85. Подсчет наш.

⁷⁵ А также еще 2 четверти ржи и 2 пуда соли. См.: Там же. — С. 33.

⁷⁶ Там же. — С. 44, 48, 53, 55, 64, 67, 72, 80, 87, 91.

⁷⁷ Там же. — С. 39.

Таким образом, здесь могла работать лишь одна бригада. Она занималась ковкой дверных, а иногда и латных досок, так как латных мастеров вообще было мало. Из прихода-расходной книги вполне очевидно, что здесь работала большая бригада иноземца дощатого мастера Индрика Клаусова (Hendricke Cloes) с тремя взрослыми сыновьями подмастерьями. Получали они на четверых огромный оклад в 280 руб. серебром в год⁷⁸.

Судя по всему, производительность бригады была очень высокой благодаря высокому классу мастерства Индрика. Когда в марте 1665 г. встал вопрос о том, что "Индрик ныне устарел и делать не сможет", то выяснилось, что сыновья его Иван и Индрик, хотя работают в подмастерьях 7—9 лет, но "совершенно делать против отца не навычны"⁷⁹. Тогда администрация решила подключить к мастеру учеников из волостных крестьян. Но мастер посмотрел на это как на безнадежную затею ("оне де в 10 лет не выучатца")⁸⁰. Тогда было решено переквалифицировать Петра Андреева, бывшего холопа, опытного молотового мастера, делавшего заготовки к дверным и латным доскам.

При режиме работы в 122 суток в год суточнаяковка колебалась, по оценке, от 73 до 77 досок. На бригаду Индрика полностью работали 2 бригады Саломыковского завода. Но в мае 1664 г. большой елкинский молот был в ремонте и стоял 2—3 недели, хотя выйти из строя мог и раньше⁸¹. Кроме того, бригаде Индрика не платили с марта по середину июня 1664 г. Всего бригада за год получила 186 руб. 61 коп. вместо 280 руб. Иначе говоря, годовой цикл в 122 дня был резко нарушен.

На Елкинском заводе с декабря 1663 г. вступает в строй новый кричный горн и, вероятно, большой ковальный молот⁸². Во всяком случае, в записях прихода-расходной книги появляется молотовый мастер иноземец Петр Петров, который кует поудно железо без постоянного подмастерья. В январе — начале февраля 1664 г. с ним работал подмастерьем доменный мастер Городищенской домны Ян Лоронс⁸³, но с 1 апреля до начала августа Петр Петров находится все время на ремонтных и монтажных работах. Не исключено, что молот и горн этот период простаивают. Правда, 24 марта П. Андреев и подмастерье Я. Андреев, видимо, по Саломыковскому заводу получили деньги за февраль—март 1664 г.⁸⁴ В записи же от 16 апреля они уже идут по Елкинскому заводу и получают дополнительно за работу в феврале и долю из годового оклада за апрель и май⁸⁵. Иначе гово-

⁷⁸ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 44, 52, 82.

⁷⁹ Там же. — С. 313—314.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. — С. 89.

⁸² Там же. — С. 58, 64, 67 и др.

⁸³ Там же. — С. 64.

⁸⁴ Там же. — С. 67.

⁸⁵ Там же. — С. 72.

ря, с апреля они уже работали на Елкинском заводе, возможно, вместо бригады Петра Петрова.

Что же касается работы самого Петра Петрова, то он очень большую часть года был занят в 1664 г. на ремонтных и монтажных работах. В сентябре — начале декабря 1663 г. он работал на Пороховских заводах с месячной дачей в 9 руб. 30 коп. С декабря 1663 г. Петр Петров появляется на Елкинском заводе. После 3-х месяцев работы на ковке металла он с 1 по 24 апреля вместе с Матысом Юнсенем оковывал Ченцовский большой молот (оплата за 3 недели 7 руб. 50 коп.). Правда, с 24 апреля эту работу записали им вплоть до 19 мая (оплата П. Петрову за эти 4 недели — 10 руб.), а с 1-го мая Петр Петров, как мы видели, работал уже на Елкинском заводе. Но при аккордной, а не повременной оплате так могло и быть. Далее, запись от 16 августа свидетельствует о том, что с 26 июня по 7 августа, т. е. в течение 6 недель⁸⁶, Петр Петров также был на ремонте либо монтажных работах, поскольку получал 15 руб. Обычно за ковку железа, то есть за свою основную работу, он получал меньше (в среднем за неделю 1 руб. 48 коп., а за месяц 5 руб. 92 коп.). Следовательно, всего на ремонте и монтаже Петр Петров был 18 недель, или 4,5 месяца. Хотя монтаж и ремонт оплачивались почти вдвое выше его попудной зарплаты на ковке железа, вместо 96 руб. годового оклада Петр Петров заработал с октября 1663 г. по август 1664 г. всего 61 руб. 18 коп.⁸⁷ Видимо, по основной “ковальной работе” было много простоев.

Наконец, несколько слов еще об одном Каширском заводе — Ченцовском. Здесь была молотовая кузница, где действовал большой водяной ковальный молот и был кричный горн. Кроме большого ковального молота переписная книга 1662 г. указывает еще один водяной молот, под которым тянули сталь на шпаги, но совсем нет упоминаний о горне, в котором бы эту сталь варили. Вполне возможно, что сталь готовили в одном из многих ручных горнов, так как этот металл варили в небольших количествах.

На большом молоте ковали мушкетные доски. Точнее, в переписной книге от декабря 1662 г. о ковке мушкетных досок сказано как о прошлой работе. “А ныне, — говорится в источнике, — молотовой мастер иноземец Матыс Юнсен (Mateis Jonassen, Matteis Jensen, Matteis Jonas, Mateis Jon-jensen)⁸⁸ отсекает с работником шурупы для мушкетов и пищалей по 50 штук в смену”⁸⁹. В прошлом Матыс Юнсен на большом молоте ковал по 50 досок в сутки, т. е. примерно 16,35 пуда. Это значительно меньше производительности Нилиса Хиникса, поэтому и годовой оклад у Матыса Юн-

⁸⁶ В записи стоит дата 6 июня, но это описка, так как шесть недель до 7 августа начинаются именно с 26 июня.

⁸⁷ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 50, 56, 58, 60, 61, 64, 73, 74, 89. За сентябрь данных нет.

⁸⁸ Там же. — С. 78, 74, 73, 67, 61.

⁸⁹ Там же. — С. 37.

сена был очень скромнен — 50 руб. серебром в год⁹⁰. Добавим, что и в прошлом М. Юнсен работал не только на ковке досок: “в-ыные дни тянул тонкие прутья на всякие мелкие кузнечные дела по 5 пудов в день”. Операции менялись, очевидно, в зависимости от обстановки. Впрочем, Нилис Хиникс на Ведменском заводе тоже время от времени бросал основную работу и ковал на малом молоте тонкие прутья по 8-ми пудов в день (т. е. в сутки)⁹¹.

У нас нет причин сомневаться в том, что на ковке досок или протягивании тонких прутьев мастер работал в обычном режиме: сутки или около этого — работа и двое суток — отдых. Ведь вес тонкого прута 0,134 пуда (320 штук весили 43 пуда). Таким образом, на 8 пудов выходило около 60 штук, а на 5 пудов — 37 штук “тонкого прутья”, что представляло очень большой объем работы⁹².

Из описи 1662 г. остается неясным, кто готовил Матысу Юнсону, когда он ковал мушкетные доски, заготовки в виде “сажонного ствольного жезла”, хотя этот мастер ковал в сутки всего 16,35 пуда. На 1662 год, судя по описи, такой бригады уже не было. Ее, видимо, распустили, да и у самого мастера Матыса Юнсена срок договора заканчивался 1 апреля 1663 г.⁹³

Таким образом, мы вынуждены фиксировать, что на Ченцовском заводе основные работы по ковке металла в 1662 г. были прекращены⁹⁴.

Судя по приходно-расходной книге 1663—1664 г., не было работ на Ченцовском заводе и в дальнейшем.

В 1663—1664 гг. в расстановке кадров, судя по приходо-расходной книге, произошли существенные изменения. Личный состав первой молотовой “Четвертого” завода практически исчезает. Из шести названных выше мастеров и подмастерьев в 1663—1664 гг. в записях книги однажды встретился Вилим Адор (Авар), получивший рубль за прогул⁹⁵. Если считать Лаврина Мартинова и Лоронса Мартина за одно лицо, то последний в 1663—1664 гг. стал работать подмастерьем в бригаде молотового мастера Якова Бланка. Павел Игнатьев фигурирует как молотовой подмастерье Городищенских заводов до января 1664 г., потом он исчезает. В период с сентября по декабрь 1663 г. он был на жаловании, но, где он работал, сказать трудно⁹⁶. На Городищенских заводах появился некто Федор Кузов — молотовой подмастерье, но работал он, видимо, не у большого молота, поскольку при переводе на сдельную оплату в 1664 г. остался на годовом окладе⁹⁷.

⁹⁰ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 36.

⁹¹ Там же. — С. 31.

⁹² Там же. — С. 31, 221.

⁹³ Там же. — С. 36.

⁹⁴ О причинах остановки работ см. ниже.

⁹⁵ Там же. — С. 53.

⁹⁶ Там же. — С. 49 и др.

⁹⁷ Там же. — С. 59, 62, 66, 70, 79.

Итак, на Городищенских заводах, по приходу-расходной книге, постоянно работали молотовой мастер Яков Бланк с подмастерьем Лоренсом Мартином и молотовой мастер Нилис Персон с подмастерьем Клаусом Даниловым (Nicolas Dandanel).

На Саломыковском заводе постоянно работали молотовой мастер Мартин Клерет (до июня 1664 г.) с подмастерьем сыном Исаем Мартыновым⁹⁸, а также молотовой мастер поляк Петр Андреев с подмастерьем Яковом Андреевым (тоже поляком). Примерно с февраля 1664 г. эта бригада поляков переводится на Елkinsкий завод.

Вместо Нилиса Хиникса в 1663—1664 гг. на Ведменском заводе работает молотовой мастер Матыс Юнсен⁹⁹. Но, как мы видели, работы здесь уже не было. С марта М. Юнсен переведен в подмастерья и работает главным образом по ремонту оборудования.

На Елkinsком заводе постоянно работает бригада дощатого молотового мастера Индрика Клаусова с 3-мя сыновьями-подмастерьями. С января 1664 г. на Елkinsком заводе стал работать на новом горне и молоте иноземец молотовой мастер Петр Петров (Meister Peter Pietersen)¹⁰⁰, который раньше (с сентября 1663 г.) работал на Поротовских заводах¹⁰¹. Однако уже с апреля и практически до сентября 1664 г. он занят был на ремонтных и монтажных работах. С февраля 1664 г. подмастерье Исай Мартынов стал молотовым мастером. Это еще не означает, что он уже возглавляет бригаду, т. к. работал еще с Мартином Клеретом-отцом. Но с мая он явно работает сам, а подмастерьем у него — Мартын Мартынов. В июне же сам Мартын Мартынов тоже мастер¹⁰².

Вероятнее всего, с остановки работ в апреле большая часть бригад нарушает свой состав, так как многие заняты на ремонте и в перерывах куят металл на случайных участках. Так, Петр Петров и Исай Мартынов чинили большой Ченцовский молот в мае—июне, но им же заплачено и за 333 пудаковки, т. е. работали они в паре¹⁰³. С ними же на Ченцовском молоте работали Мартин Мартынов и Матыс Юнсен и Лоронс Мартын¹⁰⁴. В июне Мартин Клерет чинил Ведменский молот и ставил где-то новый молот. В мае Лоронс Мартын ковал водяной вал на Саломыковском заводе и т. д.¹⁰⁵ В связи с этим на заводах появляются новые фигуры: молотовой подмастерье Петр Пулин, мастер Мартин Мартынов, которые в конце концов займут лишь место ушедших работников.

⁹⁸ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 73.

⁹⁹ Там же. — С. 43.

¹⁰⁰ Там же. — С. 58, 60, 64, 67.

¹⁰¹ Там же. — С. 45.

¹⁰² Там же. — С. 67, 76, 78. Мартын Мартынов — Mertein Mertenson.

¹⁰³ Там же. — С. 78.

¹⁰⁴ Там же. — С. 78, 80.

¹⁰⁵ Там же. — С. 85, 89, 74.

В итоге остается неясным, работал ли кто-нибудь на Ченцовском дошатом и стальном молотах. Поскольку в апреле — июле здесь шли ремонтные работы¹⁰⁶, постольку можно предположить, что зимою и осенью здесь никто не работал.

Подводя некоторые итоги изучению реального режима работы Тульских и Каширских железных заводов, мы должны отметить следующее.

Молотовые бригады работали на заводах, как правило, в режиме: сутки — работа, двое суток — отдых.

Следует оговориться, что этот режим отнюдь не всегда соблюдался. Работать сутки было тяжело, поэтому мастера-иноземцы, видимо, с согласия владельцев заводов стремились избавиться от переплавки чугуна в кричное железо, выделив этот процесс в отдельную операцию.

Делали это по-разному. Но чаще всего выделяли для этого оказавшихся свободными по каким-либо причинам мастера и подмастерья. Часто на эту работу посылались подмастерья. Так, иноземец молотовой подмастерье Клаус Данилов в мае 1664 г. “чюгунное железо гонит на латное железо”¹⁰⁷. Иноземец Нилис Персон также в мае “на Елкинском заводе чюгун гнал на латное железо”¹⁰⁸. Молотовой мастер иноземец Лоронс Мартын в конце августа 1664 г. 2 недели “гнал из чюгунного железа” “в крицы”¹⁰⁹. Подмастерье Петер Пулин в мае 1664 г. “работает с мастером, гонит чюгунное железо”¹¹⁰. В июле 1664 г. мастер Мартын Клерет 2 недели “чюгун гнал”¹¹¹. В конце июля — начале августа молотовой подмастерье Мартын Мартынов “переплавливал ис штык в крицы чюгунное железо” и т. д.¹¹² Все эти случаи оплачивались особо, как самостоятельная работа, хотя такие операции были возможны и в рамках бригады.

Создавая таким способом известный запас кричного железа, молотовые бригады могли, используя готовые крицы, работать иногда меньше суток, поскольку на плавку крицы уходило примерно 8 часов, а разогрев, “размягчение” крицы занимали меньшее время. Подобная практика была все-таки не правилом, а исключением. В целом же в оценке производства следует ориентироваться на режим: сутки — работа, двое суток — отдых. В году набиралось около 122 рабочих суток. Эта идеальная норма. Реальная же была существенно меньше, и приведенные нами конкретные примеры годовой занятости молотовых мастеров и подмастерьев подтверждают это. Помимо поломок число “прогульных дней” увеличивали неизбежные остановки из-за нарушения водного режима: “в вешнее и в осеннее время за большою,

¹⁰⁶ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 73, 74, 78, 80, 85. В июле М. Юнсен ставил на Ченцове уже новый молот.

¹⁰⁷ Там же. — С. 75.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. — С. 92.

¹¹⁰ Там же. — С. 76.

¹¹¹ Там же. — С. 85.

¹¹² Там же. — С. 89.

и в летнее и в зимнее время за малою водою бывает на заводах прогульные многие дни”¹¹³. Даже беря чисто условно по 2 недели простоя из-за малой или большой воды, получаем в год уменьшение количества рабочих суток до 100.

Здесь необходимо напомнить, что при попудной оплате мастер, как и остальные, получал плату лишь за “деловые дни”, а при годовом окладе оплачивались и “прогульные дни”, которых за год набиралось от 150 до 170 дней. Такая система оплаты весьма далека от капиталистических распорядков.

Часто “прогульные дни” оплачивались наравне с рабочими днями. Так, молотовой подмастерье за прогульную неделю получил 1 руб., что соответствует годовому окладу в 50 руб. А подмастерье часто получал именно такой годовой оклад¹¹⁴. Молотовой подмастерье Матыс Юнсен за прогульные 2 недели получил 3 руб., т. е. из расчета годовой дачи в 75 руб., что соответствовало его годовому окладу¹¹⁵. Вместе с тем молотовой мастер Нилис Персон за 3 прогульные недели получал всего по 1,5 руб., что, видимо, ниже его годового оклада. Та же ситуация с молотовым мастером Лоронсом Мартыном¹¹⁶ и т. д.

Необходимо отметить, что в прогульные дни шли ремонтные работы, которые оплачивались отдельно. Так, молотовой мастер Мартин Клерет за 2 недели “от дела больших ковальных молотов” получил 5 руб., т. е. по 2 р. 50 коп. в неделю (а по окладу в неделю ему полагалось 2 руб. 10 коп.). Молотовой подмастерье Клаус Данилов в прогульные дни был отправлен на жжение угля (“на уголье”) и за неделю получил 2 руб., вместо полагающихся по его окладу (49 руб.) — 98 коп. В другой раз этот же подмастерье за обычную “прогульную” неделю получил в точном соответствии с окладом — один руб. за неделю¹¹⁷.

Очень важно отметить, что при переходе к “попудной” оплате за основную производственную работу всякого рода ремонтные работы уже оплачивались отдельно и при этом аккордно. Крайне важно подчеркнуть, что при “попудной” оплате из рамок таксы также выходили и разного рода неординарные работы. Молотовые мастера и подмастерья, ковавшие под большим молотом связанное и прутовое железо, доски и т. п., часто в авральном порядке заменяли работников других звеньев заводского комплекса.

В этих случаях оплата производилась также аккордно, то есть произвольно под влиянием срочности, что больше соответствует реалиям неадекватных форм капитала. Так, молотовой мастер Лоронс Мартин плавил 2 недели на другом заводе чугуна в железные крицы (хотя этим занимались чаще всего, как мы видели, молотовые подмастерья). Оплата была 4 руб.¹¹⁸ Мо-

¹¹³ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 144.

¹¹⁴ Там же. — С. 73.

¹¹⁵ Там же. — С. 84, 86.

¹¹⁶ Там же. — С. 91, 92.

¹¹⁷ Там же. — С. 73, 49, 75.

¹¹⁸ Там же. — С. 92.

лотовой мастер Мартин Клерет 2 недели “чюгун гнал” в железные крицы. Оплата также 4 руб. А за пушечные оси он получил 2,5 руб. в неделю. За починку хомута к молоту на Ведменском заводе и за пушечные оси, на что затрачено 6 дней, он получил также 2 р. 50 коп.¹¹⁹ Городищенского завода молотовой мастер Нилис Персон 2 недели “чюгун гнал на латное железо” на Елкинском заводе. Оплата за 3 недели 5 р. 13 алт. 2 д. Молотовой подмастерье Клаус Данилов 3 недели “чюгуное железо гонит на латное железо”. Оплата 3 руб. 20 алт.¹²⁰ Он же неделю делал пушечные оси, за что получил 1 руб. 13 алт.¹²¹ Молотовой мастер Лоронс Мартын 2 недели переплавлял “из чюгуна в крицы”. Оплата 4 руб. Молотовой подмастерье Мартын Мартынов с 24 июля по 11 августа 1663 г. делал колокольные связи и переплавлял чугунные штыки в крицы на колокольные связи. Еще одну неделю потратил он на те же колокольные связи. Всего за 24 дня оплата 5 руб. 26 алт. 4 д.¹²² Аккордная оплата предполагает, что за год он получал бы 72 руб., в то время как его реальный оклад составлял всего 45 руб. Молотовой мастер Исай Мартынов неделю “перегонял из чюгуных штыков в крицы на латное дело”. Оплата 1 руб. 26 алт. 4 деньги (из расчета в год по 90 руб.). Он же три недели делал пушечные оси и колокольные связи. Оплата 6 руб. 25 алт. (из расчета 112 р. 50 коп. в год). Он же 3 дня переплавлял чугунные штыки. Оплата 30 алт. (из расчета 90 руб. в год)¹²³. Годовой же оклад этого подмастерья — 75 руб. Заняты были посторонними работами и другие специалисты. Так, ствольный заварщик за осмотр плотины (2 недели работы) получил 4 руб. 16 алт. 4 деньги. Он же под малым молотом “тянул” железо (за 100 пудов — 4 руб.). Иногда оплата была и поденной. Так, молотовой мастер иноземец за “меховые снасти” получал в день по 20 коп.¹²⁴

Особый вопрос об эффективности использования оборудования. В 1662 г. лишь в одном звене — в первой молотовой кузнице Четвертого Тульского (Городищенского) завода — там, где делали брусья на “францоское дело”, а из них — связанное и саженное железо, оборудование непрерывно находилось в работе, и эксплуатация перекрывала технический ресурс (речь идет о водяном молоте). Во второй молотовой кузнице, там, где работал молотовой мастер Яков Бланк, в 1662 г. большой молот использовался лишь вполовину своего технического ресурса. Можно предполагать, что только в 1663—1664 гг. он стал действовать на полную мощность (двое суток — работа, сутки — простой).

¹¹⁹ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 85.

¹²⁰ Там же. — С. 75.

¹²¹ Там же. — С. 92.

¹²² Там же. — С. 89.

¹²³ Там же. — С. 78, 91.

¹²⁴ Там же. — С. 48, 58.

На Саломыковском заводе большой ковальный молот тоже находился в оптимальном режиме работы (двое суток работы, сутки — простой).

Вместе с тем большой молот на Ведменском заводе в 1662 г. работал в половину ресурса (сутки — работа, двое суток — простой). В 1663—1664 гг. режим работы молота либо остался тот же, либо нагрузка стала еще меньше. На Ченцовском заводе в 1662 г. большой молот был почти не загружен, а в 1663—1664 г., видимо, простаивал, так же простаивал и молот дляковки стали.

Наконец, на Елкинском заводе большой водяной молот работал, вероятнее всего, на полную мощность. Не исключено, что молот мог работать по 1,5 суток при 1,5 суток простоя.

С января 1664 г. на Елкинском заводе появился еще один большой молот, но работал он, скорее всего, в половину своей мощности (сутки работа, двое суток — простой).

Итак, в 1662 г. из восьми больших водяных ковальных молотов три молота работали в половину мощности, а один стоял. В 1663—1664 гг. три молота стояли, два работали в половину мощности, и лишь три работали в оптимальном режиме. Иначе говоря, уровень использования самого производительного молотового оборудования не превышал 57% “молотового парка”. Если же учесть нагрузку в течение года, то степень эффективности упадет еще ниже.

Попытаемся теперь ответить на вопрос: почему в 1662—1664 гг. на заводах по существу практически прекратилось производство “саженного ствольного железа” и мушкетных досок? Материалы описи 1662 г. и приходо-расходной книги 1663—1664 гг. помогают ответить на этот вопрос.

Дело в том, что производство на Тульских и Каширских заводах мушкетов, карабинов и малых пищалей не было сбалансированным во всех своих звеньях. Иначе говоря, внутрипроизводственная организация труда имела такие изъяны, из-за которых производство мушкетных стволов время от времени практически прекращалось.

Мануфактурное производство мушкетов, по замыслу его организаторов, должно было проходить следующие стадии. Сначала из чугуна плавил крицы, которые разрубали и выковывали заготовки (“ствольное саженное железо”) в виде прутков. Затем из прутков ковали мушкетные доски. Из досок специальные мастера-заварщики делали заготовку ствола (загибая доски в трубы и сваривая шов). Далее, в ней сверлили дуло. Потом обтачивали на станке, т. е. шлифовали “вдоль” и “поперек”. Потом окончательно зачищали. Наконец, на готовый ствол монтировали ложе и замок.

На Тульских и Каширских заводах ситуация сложилась так, что в XVII в. заварка, а еще более операции сверления и шлифования стволов были самым узким местом производства. Что касается изготовления готовых мушкетов, то из стен заводов готовыми выходила лишь их ничтожная часть.

До декабря 1662 г. на Ченцовском заводе было сосредоточено все заварочное производство. Здесь работало 6 квалифицированных иноземных мас-

теров-заварщиков. Трое из них с шестью работниками делали по 4 ствола в день, работая ежедневно все 6 рабочих дней в неделю. Другие трое с девятью работниками заваривали по 6 стволов в день, работая в том же режиме. По описи А.Д. Фонвизина, все мастера-заварщики с подсобными рабочими (вместе с пятью мобилизованными тульскими кузнецами-заварщиками и десятью работниками) в расчетный год (300 рабочих дней) могли заварить 13,5 тыс. стволов¹²⁵. Но это лишь максимально возможная норма. Она технически обоснована, поскольку 2 дощатых мастера (Нилис Хиникс и Матыс Юнсен), работая в год по 122 суток, могли дать 15860 мушкетных досок.

Однако реальность была другой. Уже опись 1662 г. отмечает, что 5 тульских кузнецов-заварщиков уже год как отосланы обратно в Тулу “для того, что на том заводе плотина испортилась”¹²⁶. Поломка плотины принадлежит к числу таких аварий, на ликвидацию которых нужно очень большое время (год и более). Отсюда становится ясным, что Матыс Юнсен (дощатый мастер Ченцовского завода) в 1662 г. на мушкетных досках не работал. Видимо, в связи с плотиной не работал и большой молот (правда, не исключена поломка и самого молота). Таким образом, число изготавливаемых мушкетных досок резко сократилось.

К тому же и Нилис Хиникс на Ведменском заводе в 1662 г. работал на досках только лишь какую-то часть своего рабочего времени. А в следующие 1663—1664 гг. он уже уехал, скорее всего, потому, что на заводах образовалось перепроизводство заготовок для мушкетных стволов, т. е. ствольных мушкетных досок. Судя по приходу-расходной книге, на его месте стал работать иноземец Матыс Юнсен с Ченцовского завода. Во всяком случае, по книге он называется теперь “Ведменского заводу мелкого дела молотовой мастер”¹²⁷. Название его профессии изменено, видимо, не случайно. В 1663—1664 гг. М. Юнсен почти не кует мушкетные доски. Он либо отсекает шурупы к мушкетам и пищалям, либо “тянет” железо на “мелкие дела к заводному делу”, либо заваривает пушки, либо кует пушечные оси, либо — прутковое железо и железо “на колесные крепь”¹²⁸. С марта 1664 г. М. Юнсен вообще переводится в подмастерья, что подтверждает наше предположение о том, что мушкетные доски на заводах прекратили делать. Вместо этого М. Юнсен много занимается ремонтными работами (“оковывал воденой Ченцовский вал”, “делал” “ковальной большой” Ченцовский молот, “уставлял” его)¹²⁹. За все эти работы М. Юнсен получал аккордную плату. Всего за год он заработал 62 руб. 97 коп. при расчетной зарплате 75 руб.¹³⁰

¹²⁵ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 37.

¹²⁶ Там же. — С. 36.

¹²⁷ Там же. — С. 48 и др.

¹²⁸ Там же. — С. 50, 37, 43, 55, 74, 86, 80.

¹²⁹ Там же. — С. 78, 85.

¹³⁰ Там же. — С. 430, 50, 54, 55, 60, 61, 67, 73, 74, 78, 80, 84, 85, 86, 89.

Полная остановка производства мушкетных досок привела к тому, что в 1663—1664 гг. на Тульских и Каширских заводах почти не осталось мастеров-заварщиков. Их по приходу-расходной книге теперь всего трое: иноземец Герберт (Габорт, Арбат) Андрисов (Андреев), его сын Энгель и русский мастер Яков Плотников.

Можно проследить, сколько они в году имели рабочих дней. Изучение приходу-расходной книги показывает, что Арбат Андреев с сыном Энгелем работали большею частью по заварке стволов, но заработали всего 106 руб. 25 коп. на двоих¹³¹. Это много ниже расчетной нормы, ибо, заваривая вдвоем в день по 8 стволов, они должны были получить 144 руб. (по 2 алт. за штуку)¹³². Иначе говоря, за год они не работали 154 раб. дня (при этом учтено, что месяц и 10 дней заварщики заняты были на иной работе и получили за это 13 руб. 50 коп.)¹³³. Третий заварщик Яков Плотников фактически работал 186 рабочих дней из 300. При оплате 4 алтына за день он в год получил всего лишь 22 руб. 32 коп. (вместо 36 руб.)¹³⁴. Кроме своей работы он делал еще шурупы к пищалам¹³⁵. Таким образом, и этот заварщик не работал за год 114 рабочих дней (около 4 месяцев и 3 недель).

Следовательно, заварное производство в 1663—1664 гг. было практически свернуто, ибо было всего заварено около 2770 стволов, т. е. ничтожно малая часть от того, что делалось по штату 1662 г. Ведь штат заварщиков 1662 г. работал целый ряд (4—5—6) лет при двух дощатых мастерах, делая около 10—13 тыс. стволов ежегодно.

Однако дальнейшие звенья производства с этим количеством заготовок не справлялись. Даже чисто теоретически (за 300 рабочих дней) на вертельне Ченцовского завода могли просверлить в год всего 8,4 тыс. стволов. Правда, на Елкинском заводе в 1662 г. сделали еще одну вертельню для мушкетных стволов, но, видимо, она еще не работала или работала лишь какую-то часть годового рабочего времени. Вполне возможно, что на новой вертельне руководил некий Сенька Михайлов, “вертельного дела работник”. Но за 1663—1664 гг. он работал всего 131,3 дня (из расчета поденной оплаты в 2 алт. он заработал всего 7 руб. 88 коп.)¹³⁶. На Ченцовской вертельне работал мастером иноземец Арбат Андрисов, который, как мы видели, работал главным образом как ствольный заварщик. Естественно, что в те дни, когда он работал заварщиком, вертельня стояла (“в вертельные стволов не сверлет”)¹³⁷. Таким образом, с вводом новой вертели в 1663—1664 гг. объем работы существенно не увеличился.

¹³¹ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 54, 57, 58, 63, 68, 75, 88.

¹³² Там же. — С. 37.

¹³³ Там же. — С. 43, 48.

¹³⁴ Там же. — С. 49, 55, 65, 71, 80, 87, 89.

¹³⁵ Там же. — С. 71.

¹³⁶ Там же. — С. 43, 48, 54, 61, 66, 69, 71.

¹³⁷ Там же. — С. 37.

Кроме того, дальнейшая операция по обработке стволов — так называемая “поперечная отделка” — в расчетный год могла достигать всего лишь 7,8 тыс. стволов, и только “продольная точка” в расчетный год могла составить 9 тыс. стволов. Это лишь немного превышало ежегодное количество сверленных стволов.

Данные приходо-расходной книги за 1663—1664 гг. позволяют выяснить, как практически обстояли дела с отделкой стволов. Так, иноземец Иверт Де Бакор, “который стволы мушкетные точит поперег по 10-ти стволов в день”, работал всего 187 дней за год и заработал 34 руб. 44 коп.¹³⁸ Поскольку ствольный точильщик Иверт Де Бакор 21 июня 1664 г. был отпущен за рубеж, то он не работал полный год. Но, добавив условно заработок для июля—августа на уровне среднемесячного, мы общую сумму повысили до 42 руб. 44 коп., а число обработанных им стволов достигнет 1872 шт. вместо 3 тыс. шт. по расчетной норме (тогда заработок в год достиг бы 60 руб.). Таким образом, и здесь реально в работе были огромные перерывы, и общий объем продукции на данной операции был заметно ниже расчетной нормы. Это усугубляет буквально нелепую ситуацию несоответствия темпов заготовки заваренных стволов темпам их сверления, шлифования и т. п. Несоответствия такого рода и привели к тому, что в 1662 г. на декабрь скопился запас несверленных и нешлифованных мушкетных стволов до 20 тыс. штук¹³⁹, что составляет, по крайней мере, полуторогодовой объем заводской продукции.

Еще хуже обстояло дело со сборкой мушкетов и пищалей. По переписной книге 1662 г., на заводе был всего один замочный мастер и 2 “ложных” мастера. Первый по идеальной расчетной норме (300 раб. дней) делал по 1200 жагров в год (мастер с 3 работниками делал 24 жагра в неделю)¹⁴⁰. Реально в 1663—1664 гг. также работал лишь один замочный мастер иноземец Кашпир Ост. За сентябрь—ноябрь 1663 г. он получал временную оплату по 10 руб. в месяц (из расчета 120 руб. в год). С декабря 1663 г. оклад ему был понижен до 96 руб. в год. Таким образом, с сентября 1663 г. по август 1664 г. Кашпир Ост получал 102 руб.¹⁴¹ Несомненно, что снижение оклада было связано со снижением производительности труда (до 1008 штук в год).

Что касается ложных мастеров, то в 1662 г. их было двое (Ян и Питер Францевы). В неделю они делали “по 30 станков к мушкетным стволам и жаграм”. В год каждый из них должен был делать 1500 станков (по 2 алтына за штуку) с годовым заработком в 90 руб. Договор у них был заключен до 1665 г.¹⁴² Однако в приходно-расходной книге 1663—1664 гг. запи-

¹³⁸ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 43, 48, 54, 56, 64, 68, 72, 75, 82.

¹³⁹ Там же. — С. 38.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. — С. 43, 48, 54, 56, 64, 68, 72, 74, 76, 83, 87, 91.

¹⁴² Там же. — С. 38.

сей о работе ложных мастеров практически нет. За 1663 г. есть две записи об уплате за 50 и за 20 лож Питеру Францеву, а Яну Францеву в январе 1664 г. уплатили за 2 недели прошлых “прогульных дней” — 50 коп.¹⁴³ Видимо, все производство лож перенесено было в Тульскую слободу и Оружейную палату.

На Тульских и Каширских заводах для ликвидации запаса несверленных 20 тыс. стволов необходимы были еще одна мушкетная вертельня и, по крайней мере, 16 мастеров по мушкетным замкам и более 11-ти мастеров по мушкетным ложам. Но их не было, а те, что были (например, ложные мастера), работали не в полную силу.

Таким образом, острейшая нехватка квалифицированных кадров влекла за собой нарушение элементарной сбалансированности во внутрипроизводственных операциях, что лишало производство свойств, присущих мануфактуре. В итоге Тульские и Каширские заводы готовых мушкетов и карабинов практически не выпускали. В казну, как правило, сдавали полуфабрикат — мушкетные стволы. Так, в 1669 г. в одном из челобитий сдача полуфабриката выглядит как довольно обычная процедура: “у нас... железных досок и железных стволов и шпажных полос и рейтарских лат много изготовлено, а в ... казну не принимают, лежа ржавеют”¹⁴⁴. В деле об установлении новых цен на сдаваемую в казну продукцию (июль—сентябрь 1668 г.) также фигурируют лишь “мушкетные и карабинные стволы”¹⁴⁵. Даже на внешний рынок заводчики отправляли не готовые изделия, а полуфабрикаты. Так, в 1675 г. П. Марселлис отправил за рубеж через Архангельский порт среди прочей продукции Тульских и Каширских заводов — 2356 мушкетных стволов¹⁴⁶.

Таким образом, острый непреодолимый дефицит кадров на заводах приводил к тому, что заводы были неспособны выпускать готовую продукцию и по существу кооперировались с казенным ремесленным производством, т. к. мушкетные стволы, видимо, посылались в Москву в Оружейную палату и т. п.

То же самое происходило и с изготовлением шпаг. В описи 1662 г. на Ченцовском заводе помимо большого ковального молота, на котором делали “доски на мушкетные и карабинные стволы”, был еще один водяной молот, под которым “тянут сталь на шпаги”¹⁴⁷. Но в той части описи, где речь идет о конкретных исполнителях работ на Ченцовском заводе, нет ни слова о тех, кто тянет сталь на шпаги. Иначе говоря, в 1662 г. такие работы уже не велись, ибо на заводском дворе уже лежало 13 тыс. шпажных полос, которые нужно было оттачивать, насаживать рукоять крыжем и пуговицами. Вот эти-то работы в 1662 г. и продолжались. Иноземец Вилим Герман точил шпаги и “в лице ставил” шпажные готовые полосы по 12—14 полос в

¹⁴³ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 43, 55.

¹⁴⁴ Там же. — С. 266.

¹⁴⁵ Там же. — С. 363.

¹⁴⁶ Там же. — С. 301.

¹⁴⁷ Там же. — С. 34.

день (т. е. в год 3900 полос). Иными словами, запаса полос хватало ему еще на 3,33 года. Мастер по рукояткам и крыжам для шпаг Ян Схам с одним волостным работником делал в неделю по 30 крыжей, но срок его истек 1 мая 1663 г.¹⁴⁸ Но если бы он работал и далее, то запаса шпаг ему хватило бы на 8,6 года. Реально же на заводах в 1663—1664 гг., судя по данным прихода-расходной книги, никто из них уже не работал. Поэтому вместе с полуфабрикатом для мушкета — мушкетным стволом — владельцы заводов и казна, в те периоды, когда заводы были казенными, сдавали полуфабрикат шпаги — шпажные полосы. Как уже упоминалось, в 1669 г. наряду с мушкетными стволами дожидались сдачи в казну и шпажные полосы. В 1675 г. П. Марселис отправил за рубеж через Архангельск не только стволы мушкетов, но и 2700 шпажных полос.

На Ченцовском заводе делали и латы. По описи 1662 г., здесь работало двое мастеров-иноземцев (Ламберт и Паксей). Каждый из них делал в неделю по 8 лат рейтарских “с шишаки совсем в отделки”, т. е. в год по 400 комплектов. Оплата была сдельной — по 10 алт. серебром за латы¹⁴⁹. В год — 120 руб. В 1663—1664 гг., по данным прихода-расходной книги, на Ченцове работало 3 иноземных латных мастера, а с января 1664 г. еще один. Однако их выработка продукции была далека от указанной нормы. Мастер Ламберт Ламбот (тот, что указан в описи 1662 г.) за сентябрь 1663 — август 1664 г. сделал 194 комплекта лат с шишаками, 100 нагрудников и 400 пар наконечников. Всего он получил за работу 106 руб. 70 коп., что близко к расчетному окладу¹⁵⁰. Однако другой мастер — Петер Ном за год сделал всего 147 комплектов лат и получил всего лишь 44 руб. 10 коп.¹⁵¹ Сведения прихода-расходной книги в данном случае подтверждаются материалами дела об отпуске Петера Ноя (Петера Номы) во Францию от 28 апреля 1665 г. Из него явствует, что этот мастер — Петер Ной “устарел и латное дело делает за старостию худо”. С 15 мая 1664 г. по 28 апреля 1665 г., то есть за год, он сделал всего лишь “200 лат рейтарских с шишаки”¹⁵². Третий мастер — Нилис Вальдор сделал 20 лат и 52 нагрудника и получил за них 45 руб. 20 коп.¹⁵³ Четвертый мастер Нилис Персон значится всего в двух записях, где фигурирует 33 комплекта лат (9 руб. 90 коп.)¹⁵⁴. Трудно ответить на вопрос, почему эти работы велись столь вяло. Видимо, дело не только в старости одних, но и просто в плохой квалификации других.

Из челобития кузнецов Тульской Оружейной слободы, поданного вскоре после постройки завода на р. Скниге, следует, что правительство посто-

¹⁴⁸ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 38.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. — С. 42, 48, 54, 61, 65, 68, 72, 77, 84.

¹⁵¹ Там же. — С. 49, 65, 68, 73, 77, 84.

¹⁵² Там же. — С. 318.

¹⁵³ Там же. — С. 54, 72, 76, 82, 84, 91.

¹⁵⁴ Там же. — С. 61, 68.

янно мобилизует их для работы на Тульских и Каширских заводах (“нас же холопей емлют к твоему... к железному и пушечному и гранатному делу в Тульский уезд на Городище”). В челобитной подчеркивается: “и по се число ходим ... человека по 2 и по 3 безпристанно лет с 20 и больше”¹⁵⁵. А с постройкой завода на р. Скниге число мобилизованных резко возросло. С годами практика таких мобилизаций расширялась. В перепись 1662 г. попал факт постоянного пребывания тульских кузнецов на заводах. Тульские ствольные казенные кузнецы работали на заварке стволов, “переменяясь по-месячно”, т. е. круглый год. Их 5 человек (каждый с 2 работниками), делали они в день каждый по 3 ствола, т. е. в год 4500 стволов¹⁵⁶. К моменту описи они в связи с перепроизводством заваренных стволов уже не работали один год. В приходе-расходной книге 1663—1664 гг. часто встречаются записи о выдаче прокорма (по 8 денег в день) тем или иным группам тульских кузнецов (3 партии кузнецов для “подковного дела”, группа в 11 чел. для изготовления “пушечных станов колесных снастей”)¹⁵⁷. В 1665 г. снова были посланы на Тульские и Каширские заводы “кузнецы добрые мастера ствольные заварщики и отдельщики”, “которым ныне мочно работать... у разных дел”, в количестве 20 человек (4 тверича, 2 переяславца, 2 галичанина, 3 елчанина, 3 вологжанина, 2 углечанина, 2 суздальца, один шуенин и один устюжец), а также еще 10 человек “к латному делу в ученики и к ствольной отделке” (2 тверича, 2 костромича, 2 вологжанина, по одному человеку из Ростова, Углича, Нижнего Новгорода и Муромы)¹⁵⁸. Кроме того, из Оружейной палаты “довелось послать на Коширские заводы в ученики” еще 4 человека. За каждого ученика иноземцу платили сверх оклада 30 руб.¹⁵⁹

По приходе-расходной книге 1662 г., на заводах постоянно находились 2 группы казенных кузнецов, мобилизованных московскими приказами для работы по отделке пушек.

Первая группа в 8—16 человек тульских кузнецов, возглавлявшаяся Васькой Филипповым, проработала за год на изготовлении “пушечных станков колесных снастей” 1194 человеко-дня¹⁶⁰. И это только минимум, не ускользнувший от учета. Работа по монтажу колесных крепей и станка состояла из множества мельчайших кузнечных работ. Вот их примерный перечень: “а делать крепей на всякой станок с колесы по 24 шины, по 24 обоймицы одинаких, да двойных по тому ж, по 260 гвоздей, по 16 обручей, по 4 закрутья, по 4 наконешника к осям, по 2 поддоски во всю ось, по 4 стремяни, по 2 полосы на станок длиных, по 2 полосы поперек станка, по 4

¹⁵⁵ Гамель И. Указ. соч. — Прибавление. — С. 22.

¹⁵⁶ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 37.

¹⁵⁷ Там же. — С. 59, 63, 67, 75.

¹⁵⁸ Там же. — С. 317.

¹⁵⁹ Там же. — С. 318.

¹⁶⁰ Там же. — С. 59, 73, 75, 77, 82, 83, 84, 86, 87, 89 (сюда добавлены сведения об оплате за аналогичные работы отдельным кузнецам).

полосы, чем станок перевязать, по 250 гвоздей, чем станочные полосы прибивать, да под исподь во весь станок под вертлюг по полосе, по 4 веретена связных, по 8 втулок, по 4 чеки, по 2 полосы сверху да с-ысподи на переднюю ось, на чем станок станет ходить, по 2 крюка да по 2 конца с пробоями и с репьями, по 2 кольца с обоимицами в брус, по полосе на дышло клепаных да по наконешнику с крюком и с чепью х коромыслом и к боронкам по 2 крючка по сторонам к дышлу, по 3 веретена, по 4 гнезда петель да под ручки по 2 кольца, по 2 клепани да по ушам на вертлюгах, а под ними по тарели, на дышло по 3 обруча, к лисице по 2 веретена, по стремяни на лисицу, по наконешнику заварному, по середнику к станку”¹⁶¹.

Отметим, что в массе своей это самостоятельная кузнечная работа. Можно лишь предположить, да и то с большим сомнением, что 8—16 человек могли разделить между собой некоторые работы. В источниках нет сведений о том, чье оборудование использовали эти кузнецы. Не исключено, что и наковальни, и меха (ручные), и инструмент — все привозилось с собой.

Вторая группа в 8—10 чел. состояла из московских кузнецов во главе с Федькой Степановым. Она проработала на заварке пушечных стволов еще большее суммарное время — 1940 человеко-дней¹⁶².

Таким образом регулярно, в течение всего года на заводах только на отделке и монтаже пушек — важнейшего вида военной продукции — ежедневно работало в среднем 10,2 чел. Эта цифра намного выше, чем, например, заводской штат по квалифицированным работникам-литейщикам. Изучение материалов давно известной публикации позволяет, на наш взгляд, несколько иначе, чем прежде, посмотреть, что же собой представляли знаменитые Тульские и Каширские заводы XVII в. Разумеется, это крупное производство мануфактурного типа, поскольку там было внутрипроизводственное разделение труда. Однако весь механизм этот действовал с многочисленными сбоями и остановками. Перенесенный к нам из краев с ровным климатом, практически постоянным водным режимом (ведь в Западной Европе не бывает весенних половодий, не бывает зимнего падения уровня вод, не бывает и летнего падения этого уровня), этот механизм работал едва ли вполсилы. В итоге обычный годовой цикл состоял из 120—130 рабочих дней. При громоздком, дорогостоящем и сложном оборудовании, требующем огромных средств на ремонт и постоянное обновление, такая производительность изначально была убыточной. Непрерывные поломки, ремонт, ввод в действие новых блоков постоянно нарушали ритмичную работу основных высококвалифицированных специалистов. Главное же состоит в том, что технологическая линия производства так и не была налажена. На завершающих стадиях изготовления изделий был постоянный дефицит специалистов. Ведь не только крестьяне Соломенской волости в порядке феодальных повинно-

¹⁶¹ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 419—420.

¹⁶² Там же. — С. 77, 78, 81, 83, 87, 88, 89.

стей копали руду и рубили дрова. В порядке отбывания тех же повинностей на заводах трудились и тульские кузнецы-оружейники и московские мастера. Задействована была и Оружейная палата. Единого слаженного комплекса, работающего на вольном найме, не получилось.

Важнейшим моментом, определяющим природу подобного производственного организма, была оплата труда. Уровень оплаты в области зарождающегося крупного производства был намного выше оплаты обычного ремесленника или простого поденщика. Так, в 1647 г. самые элементарные операции “черной работы” оплачивались не ниже 5 коп. в день (“в анбаре глину толкли работников 4 чел., а имели найму по 2 алтына в день”, “пожеги готовили и дрова на пожег носили и руду с возов на пожег сыпали и по пожегу уравнивали и от огня оберегали”, “найму им по 10 денег человеку”, “да на лесу работали с угольными мастерами у угольного зженья, русские ж люди, 22 человека, а найму де на сутки давано им по 2 алтына”, “руду железную били и в горы носили и всякую работу работали, а имели де найму на сутки по 2 алтына”). При постоянной занятости в течение 50 недель это могло бы составить для каждого годовой заработок в 15 руб. В России такой заработок имел квалифицированный ремесленник, да и то удачливый.

Работники с минимальным профессиональным навыком имели оплату еще выше. Так, “в вертельных пушки сверлили работные люди... имывали по уговору” от пушки по 25 коп., и по 18 коп., и по 15 коп.¹⁶³ При обработке двух пушек в день дневной заработок составлял от 10 до 16 алт. (30—50 коп.). Это очень немалые деньги. При сверлении запалов уровень оплаты колебался от 10,5 коп. до 21 коп. в день¹⁶⁴. Подсобные работники у плавильного горна, у чана для пушечного и ядерного литья получали в сутки по 8 коп. Подсобные кузнецы — в день по 10 коп. Плотник на заводах получал в год огромные для этой профессии деньги — от 30 до 45 руб.¹⁶⁵ Занятость на всех подобных работах была 120—150 дней в году.

Наконец, труд специалистов высокой квалификации, выписанных из-за рубежа, оплачивался по невероятно высоким тарифам. Доменный мастер имел годовой оклад в 150 руб. (это, в частности, стоимость 15—19 срубов больших деревянных домов). Молотовые и кричные мастера получали, как мы видели, 100—120 руб. серебром в год¹⁶⁶. Доменные подмастерья, дощатые мастера и подмастерья, меховые мастера, угольные мастера имели гарантированное годовое жалованье, размеры которого колебались от 30 до 120 руб. Управители, приказчики получали, естественно, еще больше (на 4-х человек 590 руб.)¹⁶⁷. По сведениям Кильбургера, П. Марселис главному управителю сверх годового жалования приплачивал еще 300 руб.¹⁶⁸ (баснословные деньги!).

¹⁶³ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 24—25.

¹⁶⁴ Там же. — С. 13—14.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. — С. 31, 36, 66, 136.

¹⁶⁷ Там же. — С. 143—144.

¹⁶⁸ Там же. — С. 165—166.

Причина столь высокой оплаты труда, видимо, не только в том, что на крупном, оснащенном вододействующими устройствами, производстве эффективность работы была много выше, чем в обычном ремесле. Сказывалась и острая заинтересованность государства в форсированном развитии такой промышленности, что позволяло завышать здесь оплату любого труда.

Вспомним для сравнения заработка ремесленников-кузнецов XVII—XVIII вв., которые работали “из найму на людей, кто их когда наймет”. Если бы кузнец-гвоздарь с подручным работал в год 42 недели (кроме праздников), то имел бы годовой доход в 37 руб. (подручный — около 12 руб.). Кузнец, обрабатывающий крицы в полуфабрикат, за 250 рабочих дней имел бы 43 руб. (подручный около 14 руб.). При идеальной годовой загрузке кузнец из Тихвина с подручным мог сделать 750 пудов связанного железа, а на молоте Каширских заводов он делал за цикл в 120 суток 3 тыс. пудов, т. е. в 4 раза больше, а низкосортных толстых связей до 5 тыс. пудов (то есть почти в 6 раз больше).

Однако заводская производительность была реальной, а у тихвинского кузнеца — это лишь итог условной идеальной занятости. Практическая же его занятость была раз в пять меньше. Таким образом, реальная разница в зарботке чуть ли не десятикратная (9 руб. в год, с одной стороны, и 85—120 руб., с другой). В этой связи, конечно, ни о какой органичности в появлении таких предприятий в стране говорить не приходится.

Кроме того, необходимо напомнить, что до перехода на попудную оплату труда система годовых окладов предусматривала вознаграждение и “прогульных дней”. С введением сдельной оплаты вместо компенсаций за вынужденные прогулы появилась система аккордной платы за работы в “прогульные дни” и за всякого рода внеочередные и посторонние работы. В иных случаях мастера больше зарабатывали на аккордных проплатах, чем на основном месте работы. Подобная система плохо согласуется с принципами капиталистической экономики.

Важно помнить также и о своего рода концессионном характере заводов. Выписанные из-за рубежа специалисты обладали монополией на свое мастерство, выступали здесь как собственники своего мастерства и имели немалую материальную компенсацию именно как собственники. Русские молотовые мастера и особенно подмастерья получали лишь около 70% от ставки иностранцев. Остальную же разницу с “идеальным” уровнем оплаты простого кузнеца-ремесленника можно отнести за счет поощрения крупного производства.

Но при всем этом необходимо помнить и о финале хозяйственной деятельности Петра Марселиса. По истечении 37 лет работы он в своем челобитии властям писал: “...многие тысячи... великому государю прибыли учинил и себя разорил и отца своего пожитки больши 60 тысяч руб. в заводы положил и больше 20 тыс. долгу на себя наложил”¹⁶⁹. Общий итог таков:

¹⁶⁹ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 251–252.

“а ему великому государю от тех железных заводов ныне прибыли нет и разорены и многи крестьяне оскудали и врознь разбрелись”¹⁷⁰. Разумеется, это был лишь тяжелый эпизод в жизни заводов, работа их в конечном счете возобновилась, ибо государство Российское очень в этом нуждалось. Строительство таких заводов было продолжено и в XVII в., и в XVIII в. К старым “железным заводам”, действовавшим под Тулой и Каширой, добавились заводы в Олонецком крае, под Москвой и Малоярославцем, заводы Избранта и Акемы в Подмоскovie, Никиты Демидова под Тулой, заводы Борина и Аристова в Романовском уезде. С 1696 г. уже велись разведочные работы на Урале.

С началом Северной войны в 1702—1707 гг. в Воронежской провинции были построены казенные адмиралтейские “железные заводы”: Липецкие, Козминские и Боринские. К ним было приписано население Романова, Белоколодцка и Сокольска. К концу правления Петра I это был мощный металлургический комплекс: одних только мастеровых людей на заводах было свыше 170 чел. при общей численности занятых свыше 530 чел. Здесь делали пушки, ружья, якоря, полосное и “восьмигранное” железо, сталь и т. п. С 1703 г. в Карелии в 133 верстах от Олонца стал работать Петровский завод. Тут также было и литье пушек, и производство оружия, которое с окончанием Северной войны в конечном счете было переведено в Сестрорецк. Общее число работающих здесь также превышало полутысячный рубеж. В том же 1703 г. в устье Повенца в 300 верстах от Олонца был построен еще один “железный завод” с неперменным литьем пушек и производством ряда других изделий. Чуть позже, в 1704—1705 гг., в Карелии возник еще один “железный завод” — Кончезерский. В Белозерском уезде были построены Тырпицкие заводы, где делали только боеприпасы (ядра, бомбы, дробь и т. п.). Устрецкие заводы Бутенанта в Обонежье были переведены в казну. В Карелии удалось найти и медные месторождения (а медь важна не только для производства пушек и колоколов, но крайне нужна была для поддержки и развития денежной системы). Еще в конце XVII в. медные разработки начались в Фоймогубской волости. Крупные медеплавильни были и на Кончезерских заводах. Таким образом, в Европейской части России удалось уже в первый период Северной войны создать серьезную производственную основу для оснащения армии и “тяжелым” артиллерийским, и пехотным оружием. Правда, все эти предприятия использовали в основном небогатые рудные месторождения и давали железный и чугунный полуфабрикат не самого лучшего качества, но зато их большая или меньшая близость к театру военных действий имела неоценимое значение.

В первые четыре года XVIII в. началось энергичное строительство “железных заводов” на Урале. В 1700 г. начато строительство Невьянского и Каменского заводов. С 1702 г. стал действовать Уктусский завод (в 7 верстах от Екатеринбурга), чуть позднее, в 1704 г., Алапаевский “железный

¹⁷⁰ Крепостная мануфактура. — Ч. 1. — С. 252.

завод". На Уктусском заводе наряду с производством чугуна и железа была и выплавка меди. В 1704 г. в далеком Нерчинске был основан завод по добыче серебра из свинцовых руд, что имело громадное значение для развития экономики страны.

Железодельные заводы Урала были гораздо эффективнее, чем заводы Центра. Особенно ощутима разница в производительности уральских заводов, построенных государством в 1723—1725 гг. (Екатеринбургский "железный завод" на р. Исеть, Аннинский "железный завод", Толмачевский "железный завод"). Если на Олонецких заводах в домне в течение суток переплавляли около 200 пудов руды и получали около 50 пудов чугуна (а на тульских 100—120 пудов), то на Урале домна принимала за сутки около 500 пудов руды, получая при этом от 240 до 270 и более пудов чугуна. Секрет этого не только в увеличении размера доменных печей (вместо 4 х 4 саж. — 5 х 5 сажень), но и в качестве руды, которая на Урале была как минимум вдвое богаче железом олонской. Если в 1715 г. на Петровских заводах Карелии при 4-х домнах в год получали около 35,5 тыс. пудов чугуна, то на старейшем уральском Каменском заводе в 1704 г. при 2 домнах в год выходило 56,5 тыс. пудов чугуна.

К концу первой четверти века уральские заводы строились уже как сложные комбинаты. Так, на Екатеринбургском заводе помимо двух домн и фурмовых установок для механического дутья было три молотовых "фабрики" или цеха, стальной цех, железорезальный цех, плющильный цех (образ прокатного стана), проволоочный цех, две якорных "фабрики", лудильный цех, меховой цех, пильная мельница и разные вспомогательные службы. Кроме того, тут же было и медеплавильное производство (четыре печи, "платной двор", "прорезная фабрика", делавшая заготовки пятикопеечных монет).

В первые годы строительства крупных металлургических предприятий основным резервом неквалифицированной рабочей силы был свободный наемный труд. К 20-м годам резервы для свободного наемного труда были исчерпаны: ведь в стране, получающей низкие валовые урожаи, почти всегда существовала постоянная острая потребность расширения сферы земледелия и увеличения числа земледельцев-крестьян. Рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. Во время строительства уральских заводов в 1723—1725 гг. генерал-лейтенант В. де-Геннин, ведущий и возглавлявший это строительство, привлекал к нему военные подразделения и наемных рабочих. В итоге "как оные солдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что одного генерал-лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили"¹⁷¹.

Ведь в Западной Европе первые мануфактуры появились в крупных эмпориях, огромные торговые обороты которых способствовали концентрации

¹⁷¹ Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. — М., 1937. — С. 75.

больших масс индивидов, выброшенных судьбой из привычной колеи жизни. В крупнейших портах зарождалась сложная инфраструктура, стимулирующая развитие промышленности и общественное разделение труда.

В России же само строительство огромного по тому времени числа металлургических заводов велось не в местах сосредоточения пауперизированных масс (крупные речные пристани и города), а в местах, где были залежи железной руды, причем часто глухих и весьма отдаленных. Форсированное строительство заводов на Урале и в Европейской России, вложение огромных средств, в конце концов, пришло в тупик, ибо имевшийся в стране резервный слой маргиналов, “гулящих людей” и т. п. был исчерпан примерно за два десятилетия. Поэтому вполне логичным был тот момент в развитии событий, когда под напором требований заводовладельцев в 1721 г. им было разрешено покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а в 1736 г. все вольнонаемные заводские работные люди превращены были государством в “вечноотданные” к фабрикам и заводам (много позже, в XIX в., они получили название “посессионных”).

Вместе с тем в металлургической промышленности не менее важную роль играли так называемые подсобные работы. Огромного объема работы должны были производиться по заготовке руды, леса, угля. Еще с XVII столетия для выполнения их были использованы государственные крестьяне. Они стали делать эту работу на условиях несения феодалных повинностей. Появилось новое сословие государственных крестьян — “приписные” крестьяне. Работали они главным образом на уральских заводах (по 100—150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи). Огромные массы людей были заняты на заготовке дров и жжении угля.

Уральская домна размером не 4 х 4 саж., а 5 х 5 саж. в непрерывном режиме работы требовала около 500 пудов руды в сутки и не меньшее количество угля, заготовка которого была достаточно сложным делом. Рубка леса на Урале занимала 4 месяца (март—апрель и октябрь—ноябрь). Не сумевшие выполнить вовремя свою норму работали в лесу и тогда, когда уже нужно было пахать, косить сено, жать хлеб и т. д. Срубленный лес крестьяне складывали в гигантские круглые кучи в диаметре не менее 16 метров, а по окружности у основания не менее 50 м. В центре такой кучи устраивалась своего рода “труба” — пустой огромный колодезь. Вся куча обкладывалась дерном и засыпалась землей, в “трубе” зажигался огонь, и медленное горение при слабом доступе воздуха превращало дрова в уголь. Из кучи выходило примерно 1200—1600 пудов угля.

В домну за один раз засыпалось не менее 26 пудов руды и столько же угля, а в течение суток — до тысячи пудов угля и руды. Подавали все это практически непрерывно (до 40 засыпок в сутки). Чугун выпускали 2—3 раза в сутки. Это была тяжелейшая работа, занимавшая огромные массы людей.

А были еще кричные горны при молотах. На 8 молотов за 240 рабочих дней шло 96 тысяч пудов чугуна и сжигалось 288 тыс. пудов угля (а для них необходимо было 115 тыс. м³ дров). Проработав 20—30 лет, завод закрывался, ибо весь лес на десятки верст кругом бывал уничтожен. А на Урале леса “весьма туго растут и едва чрез 50 лет вырастают ли годные на угольные дрова”¹⁷².

Позволим себе изложить версию режима работы крепостных мастеровых на Уральских заводах казенного ведомства на кричных горнах и молотах.

Изготовление крицы в кричных горнах начиналось с того, что чугун и уголь закладывали в горн с воздушным дутьем для “жжения чугуна”. При чем в период, “когда сторит чугун, бывает 2 или 3 раза ломка, во время которой кидают в него для мягкости соку”¹⁷³. “Сок” этот иначе именуется “молотовой сок” или “кричный сок” (“мелкий кричный сок”)¹⁷⁴ и представляет собой окалину или треску, отскакивающую при ковке от крицы. При плавлении уже жидкого чугуна образуются так называемые “жуки”, то есть куски слипшегося готового железа¹⁷⁵. Примерно в это же время “садится полукрица”, то есть образуется основная глыба спекшегося кричного железа. Далее, оставшийся чугун перемешивают ломками, “спелые жуки вытягиваются под молотом на железо”, а негодные “жуки” “жжигаются в полукрице”¹⁷⁶. Для этого полукрицу “оборачивают на фурму”¹⁷⁷, то есть переворачивают нижней стороной вверх и кладут под прямое дутье сопла меха, то есть фурмы. При этом ее обкладывают негодными “жуками” и “осыпают углем”¹⁷⁸. Так получается готовое кричное железо, глыбу которого рассекают под молотом на куски, и из них сразу же делали “полосовое” или связное железо.

На изготовление крицы уходило семь, семь с половиной, иногда — восемь с половиной — десять часов¹⁷⁹. С разгрузкой крицы это занимало 12 часов, т. е. одну смену¹⁸⁰. Прямое подтверждение такого порядка находим в источниках. “При каждом молоте в одну смену находится мастер, подмастерье и работник, а по зделании и разрубке крицы сменяются другими” — так охарактеризован труд на Златоустовском и Кусинском заводах¹⁸¹. Этот же порядок был и на других заводах Вятской и Пермской губерний. При описании Нытвинского завода есть уточнение, отражающее специфику всего цикла работы: “при работе сей находится людей при каждой крице по три,

¹⁷² Геннин В. И. Указ. соч. — С. 354—355.

¹⁷³ Герман И. Ф. Продолжение описания горных заводов под ведомством Екатеринбургского начальства состоящих // Технологический журнал. — Т. 4. — Ч. 4. — СПб., 1807. — С. 23—24.

¹⁷⁴ Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 18—19.

¹⁷⁵ Там же. — С. 6; — Ч. 4. — С. 8—9.

¹⁷⁶ Там же. — Т. 4. — Ч. 4. — С. 8—9.

¹⁷⁷ Там же. — С. 23—24.

¹⁷⁸ Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 6.

¹⁷⁹ Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 4, 18—19; Ч. 1. — С. 34—35; Т. 9. — Ч. 1. — СПб., 1812. — С. 47—48, 69, 60, 39—40, 102; Т. 4. — Ч. 2. — С. 7, 15—16.

¹⁸⁰ Там же. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 88.

¹⁸¹ Там же. — С. 60, 79—80.

а на двух огнях (т. е. горнах, — Л. М.) под одним молотом — по 6 человек¹⁸². Разница могла быть главным образом в оснащении кричными горнами. На Очерском, Тисовском, Кыновском, Екатериносюзвинском, Елизавет-Нердвинском и Эзагашском заводах на один молот приходилось 2 горна, но рабочая сила была ориентирована на молот (под одним молотом при 2-х горнах — 2 мастера, 2 подмастерья, 2 работника на суточный цикл работ)¹⁸³. Работали через сутки. В других случаях, как, например, на Саткинском, Златоустовском, Кусинском, Залазинском, Омутинском, Буйском, Шурминском, Шурма-Никольском, Архангело-Пашинском, Нытвинском заводах, на один молот и один горн также приходилось на суточный цикл по 2 мастера, 2 подмастерья и 2 работника¹⁸⁴.

Несмотря на эту разницу в оборудовании, реальная производительность на заводах и той и другой группы была примерно равной, т. е. 24—25 пудов в сутки на 6 человек. В отдельных случаях и в той, и в другой группе производительность снижалась до 10—15 пудов в сутки (Нытвинский, Архангело-Пашинский и Тисовский заводы). Реально второй горн, видимо, использовался только для размягчения криц из запасов предыдущих суток (“приводится оное в мягкость при деле на тех же кричных горнах”)¹⁸⁵. А при наличии одного горна запасы полуфабриката разогревались либо во время плавления чугуна в том же кричном горне, либо на специальных таганах (на что уходило, как правило, 6 час. времени)¹⁸⁶. Так или иначе, но вполне очевидно, что суточная производительность в 24—25 пудов была и тогда, когда не только плавил чугун, готовя крицу, но и когда просто разогревали полуфабрикаты, заготовленные заранее.

Итак, работа первой смены, как правило, уходила на изготовление крицы и ее разруб. Проковка же реально приходилась на вторые 12 часов, т. е. выковывала 24—25 пудов практически одна бригада (мастер, подмастерье и работник) при условии непрерывности действия одного горна, передаваемого из смены в смену. Таким образом, 2 бригады в идеале сменяли друг друга каждые 12 часов в течение 6 суток недели. Это был тяжелейший труд подневольных крепостных мастеров, из года в год работавших в таком режиме.

Судя по итоговым данным объема годовой продукции за 1797—1800 гг., такой режим работы был на Омутинском, Буйском, Очерском, Екатериносюзвинском и некоторых других заводах. Однако два крупнейших завода (Саткинский и Златоустовский) работали в ином режиме. На них каждые 2 мастера на одном молоте (при одном горне), делая в сутки 24 пуда поло-

¹⁸² Герман И.Ф. Указ. соч. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 27. “При работе сей находится рабочих людей трое, то есть при каждом огне мастер, подмастерье и работник в каждой очереди или смене” (Т. 4. — Ч. 3. — С. 19).

¹⁸³ Там же. — Т. 4. — Ч. 3. — С. 6; Т. 4. — Ч. 4. — С. 21, 9; Т. 4. — Ч. 3. — С. 18—19; 23—25; Т. 9. — Ч. 2. — СПб., 1812. — С. 71.

¹⁸⁴ Там же. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 69—70, 60, 79—80, 103, 88—90; Т. 4. — Ч. 2. — С. 21, 13, 7; Т. 4. — Ч. 1. — С. 18, 27.

¹⁸⁵ Там же. — Т. 9. — Ч. 2. — С. 80, 60.

¹⁸⁶ Там же. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 40, 41, 49, 60 и др.

вого железа, в неделю давали лишь от 70 до 90 пудов¹⁸⁷. Иначе говоря, у молота и горна работали трое суток в неделю. Отработав 12 часов, каждая из двух смен отдыхала сутки, и оборудование также стояло сутки через каждые 12 часов, не считая двух суток чистого простоя каждую неделю. На Кусинском заводе расчет данных свидетельствует о 4 рабочих сутках в неделю, но реально в 1797 г. работали больше, а в 1798 г. — около 3 суток в неделю, в 1802 г. работали ежесуточно. Фактически в 1797—1800 гг. Шурма-Никольский завод работал, судя по итоговым годовым цифрам продукции, не 6, а трое суток в неделю. Крупнейший Лысенский завод (12 горнов и 24 молота) при непрерывной работе за 300 рабочих суток мог дать 134,4 тыс. пудов полосового железа, а в 1797 г. он дал фактически 65,5 тыс. пудов, а в 1798 г. — 67 тыс. пудов, в 1799 г. — 56 тыс. пудов, в 1803 г. — 62,5 тыс. пудов, то есть рабочий цикл занимал максимум 150 суток¹⁸⁸. Разумеется, на двух заводах какие-то простои могли быть и из-за аварий. Но аварии, вероятно, на других заводах отнимали гораздо меньше времени. Так, на Буйском заводе при идеальном расчете объем ежегодно производимого железа составил 35 тыс. пудов. Реально же в 1797 г. он дал 32,5 тыс. пудов, в 1798 г. — 34,7 тыс. пудов, в 1799 г. — 30 тыс. пудов, в 1800 г. — 28 тыс. пудов¹⁸⁹.

Такие заводы, как Очерский и Екатеринославинский, в те же годы работали практически без перебоев. Правда, расчеты наши опираются на режим работы с полосовым железом, то есть наиболее массовым видом продукции. Выпуск сортового железа требовал, как мы знаем, значительно больших затрат. Впрочем, основная масса продукции — полосовое железо.

Таким образом, непрерывный производственный процесс на уральских заводах конца XVIII — начала XIX в. был на большинстве средних и мелких чугуноплавильных и железных заводов, но вместе с тем на значительной их части, особенно на крупных, рабочий процесс не был непрерывным: кричные горны и молотовые работали через сутки. Однако, если в далеком XVII в. иностранцы не желали работать сутки, имея двое суток на отдых, то в конце XVIII в. на Урале оба режима были тяжелейшими, так как сопровождали рабочих людей всю жизнь.

Итак, форсированное строительство крупного производства путем заимствования “западных технологий” таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жесткие, более грубые формы эксплуатации, чем самые “варварские” формы феодальной зависимости. Эпоха преобразований породила огромный контингент людей, являющихся принадлежностью фабрики и продающихся из поколения в поколение вместе с этой фабрикой. От классического рабства это, не классическое, отличалось лишь тем, что фабрикант не мог убить “посес-

¹⁸⁷ Герман И.Ф. Указ. соч. — Т. 9. — Ч. 1. — С. 60, 70.

¹⁸⁸ Там же. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 34–39.

¹⁸⁹ Там же. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 19–23.

сионного крестьянина”. В сущности же можно сказать, что в конечном счете “производственные отношения” в каком-то отношении пришли в соответствие с “производительными силами”, так как производительные силы — это не машина или оборудование, а социум на определенном этапе развития. Этот социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия, этот социум неизбежно “усвоил” (подмял) и новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений. К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия “реакционный”, “консервативный” и т. п., так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества.

└ Важно отметить, что применение промышленного труда на крепостной основе, совершающееся путем резкого возрастания эксплуатации крестьян при непременно сохранении за ними земледельческого производства, открыло возможности для своеобразного варианта развития процесса общественного разделения труда. Сочетание земледельческого и промышленного труда стало не временным переходным состоянием для крестьянина, как это обычно бывало в Европе, а утвердилось более чем на вековой период и сохранилось даже после 1861 г. Такова важнейшая специфика развития социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Неслучайно, что промышленный труд на крепостной основе, впервые появившись по инициативе государства, быстро проник в сферу вотчинного промышленного производства. В частности, во второй половине XVIII в. промышленный труд на крепостной основе был на многих вотчинных заводах и фабриках. Так, в Тамбовской губернии в 80-х годах “при фабриках и заводах состояло 2397 душ муж. п. и 2538 д. ж. п. (в том числе в Тамбовском у. 972 д. м. п. и 1049 д. ж. п. и в Темниковском у. 778 д. м. п. и 780 д. ж. п.)¹⁹⁰. В Липецке на казенном железном заводе находилось 1020 казенных мастеров¹⁹¹. В Нижегородской губ. в Ардатовском у. находились металлургические заводы Ивана и Андрея Баташевых (Ильевский, Выксунский и Велетинский). На 75 рудников приходилось 17 молотов и 5 домен. “Оба завода состоят в крепостных их дачах, в коих за ними по 4 ревизии мастеровых и работных людей в написании значится при Ильевском — 217, при Выксунском и Велетинском — 1194 души”¹⁹². В Пензенской губ. в 80-х годах XVIII в. дворянам принадлежало немало промышленных заведений, где работали крепостные. Это парусные и суконные фабрики в селах Инсарского уезда, Леплейка, Знаменское, Богородское, Покровское (св. 180 станов, св. 400 работников), поташные заводики (по 6 казаков и по 6 работ-

¹⁹⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 518. Л. 13 об.—14, 22*об.—23.

¹⁹¹ Там же. — Л. 29 об.

¹⁹² Там же. — № 516. Л. 50 об.

ников в каждом) сел Тресвятского и Хованщины, суконная фабрика майора Гл. Орлова, раскинувшаяся по трем селениям Мокшанского уезда (села Анзыбой, Чертково и д. Рудаковка, 15 станов, 200 крепостных работников), суконная фабрика генерала Шепелева в с. Аргамаково Чембарского у. (20 станов, 250 крепостных мастеровых людей), хрустальный завод прокурорши А. Бахметевой в с. Пестровка Мокшанского у. (6 печей, 164 работника), кожевенный завод гр. А.П. Шувалова в с. Скафта того же уезда (40 крепостных работников). Возможно, это десять винокуренных помещичьих заводов Мокшанского у. (в общей сложности на 165 кубов и 354 работника, хотя то, что это наемные люди, оговорено лишь в одном случае)¹⁹³. Два помещичьих винокуренных завода было в Керенском уезде (с. Никольское, Поливаново 20 и 16 кубов и 72 чел. и 45 чел. работников)¹⁹⁴. В Землянском у. Воронежской губ. действовала суконная фабрика помещика Ф.А. Грибоедова в сельце Долгуша (410 крепостных работников обоего пола). В Задонском уезде работал железный завод М.И. Морено-Терпугова и П.И. Зыкова¹⁹⁵. В Подмоскowie в г. Алексине и уезде было два железных завода, суконная фабрика на 10 станов, две шелковые — на 70 станов и парусно-полотняная фабрика на 225 станов¹⁹⁶. В г. Коломна в 80-х годах XVIII в. работала суконная фабрика Д.Д. Мещанинова (крепостных и вольных работников 80 чел.), полотняная фабрика была в г. Боровске (70 станов)¹⁹⁷. Даже в крупнейшем промышленном центре оброчного Нечерноземья, в г. Ярославле на крупнейшей полотняной и бумажной мануфактуре Яковлева было 1357 приписных мастеров и работных людей муж. пола и 2084 жен. пола. И лишь зимою по вольному найму работало до 500 чел.¹⁹⁸ На полотняной фабрике Г.П. Угличанинова работало 513 приписных муж. пола и 165 жен. пола, и вновь только зимой работало 300 чел. вольнонаемных. Приписные работали и на трех небольших шелковых мануфактурах (95 станов, 202 приписных муж. пола и 213 жен. пола)¹⁹⁹.

В конце XVIII в. на полотняных фабриках все еще было 10 тыс. купных работников (при 19095 вольнонаемных). На шелковых мануфактурах в конце XVIII в. работало 9161 чел., то есть в полтора раза больше, чем в 50-х годах (а тогда из них было св. 2 тыс. купных мастеровых). В 1805 г. в горной, металлургической и золотодобывающей промышленности работало 106254 крепостных мастеровых и 319,3 тыс. приписных крестьян (при 14,9 тыс. вольнонаемных).

В заключение этого раздела коснемся проблемы так называемого принудительного найма. В историографии одно время эта проблема довольно активно

¹⁹³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 53–58.

¹⁹⁴ Там же. — Л. 26 об.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18668. Ч. II. Л. 110, 110 об.

¹⁹⁶ Там же. — № 18860. Л. 132 об.

¹⁹⁷ Там же. — Л. 13 об., 22.

¹⁹⁸ Там же. — № 19178. Л. 11 об.

¹⁹⁹ Там же. — Л. 12.

обсуждалась (З.К. Янель и др.). Ряд исследователей считает выплату вознаграждения “вечноотданным” (посессионным) работникам заводов и фабрик признаком разложения феодализма и развития капиталистических отношений.

Однако к рассмотрению данной проблемы можно подойти и иначе. Дело в том, что феодальный (крепостнический) способ производства подразумевает непосредственного производителя в качестве неперенного собственника жизненных средств. Отсюда формы изъятия прибавочного продукта неизбежно имеют характер внеэкономического принуждения. Но если крестьянин в силу самой сути феодального способа производства имеет необходимый продукт в виде жизненных средств уже изначально, в рамках своего хозяйства, то крепостной ремесленник лишен его. Между тем при феодализме ремесленник также является собственником своих жизненных средств, хотя эта собственность предстает не в непосредственном виде (как у крестьянина), а в опосредованном и выступает как собственность на орудие труда, как собственность на мастерство.

Такая форма собственности исключает возможность наступления крепостной зависимости только тогда, когда достигает своей высшей стадии развития в виде корпоративной организации ремесла. Это, как известно, получило широкое развитие в странах Западной Европы и достигло своей высшей точки в виде городов-коммун. Когда же исторические условия для создания такой формы защиты собственности ремесленника на мастерство неблагоприятны, то он может и утратить свою свободу. Однако его собственность на мастерство, на способность владеть орудием ремесленного труда не исчезает и в крепостном состоянии (точно так же, как и крепостной крестьянин остается собственником своих жизненных средств).

Отсюда становится ясной и ситуация, когда крепостной ремесленник получает жалование (денежное или натуральное). Оно является здесь средством реализации особой формы его собственности. Поскольку квалифицированный ремесленник в качестве феодально-зависимого, крепостного работника крупной мастерской не имеет необходимого продукта в его изначальной натуральной форме, то он получает его в виде “корма”, в виде жалования, в виде городского участка земли, в виде дома и хозяйственных построек. В этом его отличие от раба, и именно это обстоятельство не учитывают многие исследователи.

При развитии промышленного труда на крепостной основе по сути образуется аналогичная ситуация. Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и отрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Эта классическая форма крепостного промышленного труда, отражающая экономическое равновесие между крестьянскими занятиями и промышленным трудом, была широко развита в текстильной и

некоторых других отраслях хозяйства России. Если же характер промышленного труда нарушает эту связь с крестьянским хозяйством или совсем отрывает от него в силу необходимости достижения высшего мастерства, то рабочий человек получает свои жизненные средства (как их собственник) в виде оплаты труда (годовое, месячное и т. п. жалование, повременная плата “корма” и т. д.). Чем искуснее мастерство, чем ценнее и дефицитнее специальность, тем прочнее реализуется собственность на мастерство. Высококвалифицированные ремесленники и мастера, естественно, имели гораздо больший объем жизненных средств (а стало быть, и оплату), чем малоквалифицированные. Иногда оплата их труда не отличалась от оплаты наемных работников такой же квалификации. Крепостное состояние не может элиминировать этот момент, хотя в рядовых случаях низводит жизненные средства крепостного промышленного мастера до минимума. Мастер же высокой квалификации мог иметь и больший размер оплаты, и большую свободу распоряжения временем, возможности частичной работы в качестве свободного ремесленника и т. д. и т. п. Думается, что именно в этом, а не в так называемой эволюции в сторону капиталистических отношений суть проблемы принудительного найма.

Реальное воздействие системы крепостного промышленного труда на уровень развития производительных сил страны не только в том, что она способствовала углублению общественного разделения труда, становлению товарного рынка, созданию новых меновых (товарных) стоимостей и т. п. Система крепостного промышленного труда существенно повлияла на процесс развития рынка рабочей силы.

Поскольку крепостной рабочий как собственник жизненных средств, как обладатель особой формы собственности, т. е. собственности на сноровку, на мастерство, получал компенсацию за свой квалифицированный труд в форме, напоминающей внешне заработную плату, то ее сравнительно низкий уровень при массовом масштабе применения этой формы труда в промышленности стал постоянным фактором давления на уровень оплаты вольнонаемного труда, т. е. в конечном счете способствовал ее снижению, непропорциональному самим размерам сравнительно узкого рынка рабочей (свободной) силы. Этот фактор стал появляться, видимо, к периоду 50-х — начала 60-х годов XVIII в., когда крепостная мануфактура стала массовым повсеместным явлением, а главное, когда в ней экономически важное место стал занимать малоквалифицированный рабочий. Думается, что именно к этому моменту уровень оплаты вольнонаемного труда снизился столь существенно, что позволил, хотя лишь мало-мальски, создать условия, благоприятные капиталистическому накоплению. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что после двукратного закрепощения (в 30-х и 50-х годах XVIII в.) свободных рабочих мануфактурных предприятий примерно с конца 50-х гг. XVIII в. доля вольнонаемного труда стала вновь расти.

Неадекватные формы капитала

В некоторых исследованиях настойчиво проводится мысль о том, что в ряде отраслей, где производство имело чисто сезонный характер, в XVII — начале XVIII в. также появлялись предприятия типа капиталистической мануфактуры. Однако если разобраться по существу, то станет ясным, что сезонные работы приобретают подлинно капиталистический характер (по степени эксплуатации труда) тогда, когда в стране, по крайней мере, сложился промышленный капитализм, когда налицо развитая система конкуренции рабочих на рынке труда. Именно последнее обстоятельство делало возможным существование столь низкого уровня максимальной заработной платы, что это позволяло осуществлять капиталистическое накопление и в этих отраслях хозяйства. Совсем, на наш взгляд, иная ситуация складывалась в большинстве районов страны в тот период русской истории, когда капиталистические отношения только зарождались. В этих условиях предприятия сезонного типа менее всего были подвержены проникновению зрелого капитализма, а тем более его специфических законов.

Возьмем, к примеру, наиболее важный и массовый тип сезонных работ — речной транспорт. В литературе уже давно встречаются утверждения, что именно в этой отрасли хозяйства страны очень рано появляются капиталистические отношения, создается капиталистическое транспортное предприятие²⁰⁰, иногда определяемое как предприятие мануфактурного типа²⁰¹. Этот вопрос должен быть рассмотрен более обстоятельно, чем это делалось до сих пор.

Главное же для обсуждения нашей проблемы состоит в том, что промышленная капиталистическая прибыль впервые зарождается лишь в регулярном морском судоходстве, а не в сезонном речном транспорте. Правда, М.Я. Волков, приводя сравнительные данные совокупной стоимости фрахта судна в 1720 г. от Казани до Астрахани (87 р. 90 к.) и оплаты рейса судовым работникам (49 р. 75 к.), считает, что “какая-то часть разницы” и составляла неоплаченную стоимость живого труда рабочих²⁰². Но в данном случае речь должна идти только о фрахте, высокий уровень стоимости которого связан с катастрофически быстрой изнашиваемостью строящихся в Поволжье речных судов²⁰³. К тому же практика фрахта не была в тот период сколько-нибудь постоянна и являлась лишь делом случая.

²⁰⁰ См., например: Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья И.А. Микляева в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма: Сб. ст. — М., 1970. — С. 214, 217, 229, 240–241.

²⁰¹ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. — М., 1980. — С. 204.

²⁰² Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца. — С. 231. Прим.

²⁰³ В 1767 г. “низовые (суда, — Л. М.) больше двух или трех вод (навигаций, — Л. М.) не возмут, понеже оныя конопатят хворостом” (Труды ВЭО. — Ч. VII. — 1767. — С. 73–74). Такого же качества суда были и в XVII в. Н.А. Бакланова также отмечает, что в XVII в. судно конопатили лыком (Бакланова Н.А. Торговая деятельность Калмыковых во II половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. — М., 1959. — С. 112).

Специфика транспорта состоит в том, что рабочий не работает здесь дольше, чем требует того доставка груза. А в речном судоходстве работные люди нанимались как раз чаще всего на один лишь рейс²⁰⁴. Поэтому в речном сезонном судоходстве фактор присвоения прибавочного труда появляется, во-первых, лишь в условиях острой конкуренции среди рабочих, т. е. в условиях громадного избытка свободной рабочей силы, во-вторых, при уровне оплаты труда ниже его стоимости, т. е. когда часть затраченного рабочим труда не находит стоимостного вознаграждения. Однако таких условий в начале и вплоть до второй половины XVIII в. в России еще не было. Подчеркнем, что необходимый труд (необходимое рабочее время) охватывает, как известно, лишь ту сумму потребительных стоимостей, которая необходима для сохранения рабочей силы. Следовательно, транспортный рабочий, работающий, к примеру, на подъеме судов в XVII в. от Астрахани до Нижнего Новгорода в течение 80 дней²⁰⁵, должен заработать средства для своего существования на этот период (в 80 дней) за гораздо меньшее время (например, за 40 или 50 дней) и вследствие этого значительную часть названного срока, т. е. 40 или 30 дней, работать по существу даром. В практике сезонного судоходства в XVII и, по крайней мере, начале XVIII в. этого не существовало, да и не могло существовать, т. к. неоплаченное прибавочное рабочее время в период генезиса и развития капитализма было реальностью лишь в регулярном морском судоходстве, в условиях, так сказать, непрерывного производства. Ведь только работая весь год, моряк на жизнь зарабатывает за полгода рабочего времени.

В конце XVII — начале XVIII в. ситуация была прямо противоположной. По расчетам Н.А. Баклановой, на питание приказчиков, т. е. торговых агентов купцов, на Волге шла одна копейка в день²⁰⁶. Думается, что на питание работного человека тратилось значительно меньше. По свидетельству Я.Я. Стрейса (1668 г.), в Нижнем Новгороде “за грош можно... купить столько рыбы, сколько не в состоянии съесть 4 человека”²⁰⁷. А в Астрахани “крупный осетр или карп (сазан, — Л. М.) в 30 фунтов весом (12 кг, — Л. М.) или 25 жирных сельдей” стоили 2 деньги, т. е. один штювер²⁰⁸. Недаром в рейсе все работные обычно питались рыбой бесплатно²⁰⁹. Таким образом, в рейсе на питание шло значительно меньше копеек в день, и за весь рейс тратилось 50—60 коп. Зимне-летний комплект одежды, как мы видели, стоил примерно 1,6—1,8 руб., а летняя одежда была во много раз дешевле зимней. В то же время размер типичной заработной платы работно-

²⁰⁴ Об этом см., напр.: Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца. — С. 230.

²⁰⁵ Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых // О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв. — М., 1959. — С. 136.

²⁰⁶ Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 140.

²⁰⁷ Стрейс Я.Я. Три путешествия. — М., 1935. — С. 181.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 136.

го человека за рейс Астрахань — Нижний Новгород, по данным Н.А. Баклановой, составлял 5 руб. 30 коп.²¹⁰ На эту сумму денег работный человек мог питаться не только 80 дней рейса, но и еще примерно 300—320 дней. Таким образом, в рейсе действительно не было времени, которое работный человек отработывал бы на купца-судовладельца даром. Подчеркнем, что купечество предпочитало нанимать работных людей на один рейс (и это сопровождалось риском не найти рабочую силу на следующий рейс!). Объяснение этому кроется в практике частых уходов работных людей с судна по окончании или даже во время рейса, т. к. их переманивали другие купцы или их приказчики (для этого даже существовали специальные “закликальщики”)²¹¹. А это грозило гораздо большими убытками, чем новый поиск рабочей силы. В итоге краткосрочный найм на суда оказывал экономическое давление на уровень оплаты труда и при сезонном найме. Дефицит рабочей силы, полное отсутствие конкуренции на рынках труда вообще приводили к появлению тенденции к повышению цен на рабочий труд, т. е. к практике системы надбавок, которые сами купеческие приказчики называли “великими передачами”²¹². В рейсы доставляли также большие партии вина для “задабривания” работных²¹³, устраивали регулярные контрольные переключки, вводили систему поручительства как средство частичной компенсации убытков при побеге с судна и т. д. Например, приказчики купцов Калмыковых, будучи в рейсах, были постоянно озабочены предстоящим на стоянке отсутствием “выгружалыщиков”. В марте 1682 г. случилось так, что на судно, идущее вниз по Волге из Нижнего Новгорода, этого крупнейшего рынка рабочей силы для водного транспорта, было “нанять неково”²¹⁴. В 1698 г. из письма приказчика Калмыковых, посланного по пути в Казань, явствовало, что он предвидит там затруднения с рабочей силой (“знатно изскать будем там выгружалыщиков”)²¹⁵.

“Сплавной рейс”, т. е. от Нижнего Новгорода до Астрахани, был значительно легче и намного короче (всего 25 дней). Однако оплата свободного труда была (из расчета на день) лишь немного ниже (5,4 коп. вместо 6,5 коп.). В итоге двух рейсов (до Астрахани и обратно вверх по течению) работный человек (не считая времени пребывания на астраханских промыслах) получал весьма большую сумму (от 5 до 7 руб.). Что же касается высококвалифицированного свободного труда, то он стоил еще больше. Волжский кормщик, например, мог иметь годовой (сезонный) заработок в 20—21 руб. (при этом на хозяйских харчах и с правом вывоза 10 пудов рыбы)²¹⁶.

²¹⁰ Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 136—137.

²¹¹ Там же. — С. 141—142.

²¹² Там же. — С. 141.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. — С. 132.

²¹⁵ Там же. — С. 131, 135.

²¹⁶ Там же. — С. 135.

Таким образом, работа на судах была настолько высоко оплачиваема, что не приходится сомневаться в отсутствии на водном транспорте (за исключением мелких перевозок местного характера) системы капиталистической эксплуатации свободного наемного труда. Разумеется, спорадически встречались и случаи, когда купец присваивал прибавочный труд транспортного рабочего, но они чаще связаны с различными формами кабалы. Как правило, транспортный рабочий получал оплату труда по его стоимости и, возвращаясь домой, мог даже вести мелкую торговлю или промысел²¹⁷. Выгода же купца-судовладельца основывалась, как известно, на принципах, противоположных понятию закона стоимости. Это “священный” принцип: купить дешевле — продать дороже, это спекуляция и даже обман (“обман как базис торговли”).

В условиях колоссальных транспортных издержек на водных путях России выгоду для купца-судовладельца составляло не прибавочное рабочее время наемных судовых работников (для присвоения которого в сезонном режиме плавания не было условий), а неэквивалентный обмен. Как известно, средства сообщения и транспорт сами могут быть сферой увеличения стоимости, сферой труда, применяемого капиталом, только при наличии массового обмена. А массовый обмен был необходим для сокращения транспортных издержек и для рентабельности средств сообщения. Эпоха массового обмена, как известно, это эпоха капитализма. Только на основе развитых производительных сил капитализма возможно создание дешевых средств транспорта, а с ними и создание условий для эксплуатации прибавочного рабочего времени транспортного рабочего.

Особое внимание в работах о генезисе капитализма в России обращается на сезонное производство по выделке кож-юфтей.

В этой отрасли хозяйства ряд исследователей также находят капиталистическую мануфактуру (где были предприятия с числом рабочих до 100—120 чел.)²¹⁸.

Для кожевенного производства свойственна необычайная длительность “фазы производства”, связанной с процессами “квашения”, “дубления” и другими операциями, где живой труд почти не принимает участия, а собственно период обработки кож с помощью живого труда представляет собой лишь отдельные вкрапления в основную “фазу производства”. Видимо, в силу этих причин кожевенное производство становится непрерывным производством в собственном смысле слова (т. е. непрерывности применения живого труда) лишь в период общего высокого уровня капитализма в стране.

²¹⁷ Бакланова Н.А. Судовые работники в предприятии Калмыковых. — С. 140, 137.

²¹⁸ Волков М.Я. Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. — 1959. — № 1; Его же. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. // История СССР. — 1966. — № 1; Преображенский А.А. Развитие мануфактуры в России (конец XVII — первая половина XVIII в.) // Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. — С. 52—53.

Поэтому мнение о том, что в конце XVII — начале XVIII в. купеческие кожевни были мануфактурами, было оспорено. Однако ряд авторов продолжает настаивать, правда, без какой-либо аргументации, на этой оценке кожевенных “заводов” по выделке юфтевых кож.

В сложном ремесле кожевника-юфтевика в технологии обработки кож до стадии заключительного выглаживания и крашения кож существовало еще свыше 20 операций химической и “механической” обработки²¹⁹. Вместе с тем внутрипроизводственного разделения труда у ремесленников не существовало, хотя на трудоемких операциях иногда практиковался найм дополнительной рабочей силы. Так, в XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре кожевники нанимали “дуб толчи” или мять кожи (плата “от кож от мятья 6 алт. 1 деньга”, “от 10 кож от мятья дано наймы казакам 3 алт. 2 деньги”)²²⁰, а суконники нанимали топтать сукна (“казак топтал сукна — 7 алтын”, “Рыжку от сукон от топтанья — 4 алт. 1 деньга”)²²¹. В кожевнях купцов и крупных торговцев главным образом поволжских городов М.Я. Волков усмотрел не только факт резкого укрупнения, по сравнению с ремесленниками, суммы производства, но и многократное увеличение наемной рабочей силы с применением внутрипроизводственного разделения труда. Последнее обстоятельство, т. е. появление частичных рабочих (хотя это было уже у ремесленников) в лице топталей, дуботолков, строгальщиков, и позволило М.Я. Волкову квалифицировать данный тип производства как купеческую капиталистическую мануфактуру.

На наш взгляд, этот весьма важный вывод слабо аргументирован. Во-первых, производство кож было сезонным производством, охватывающим период в 130—150 дней²²². Следовательно, здесь уже нет в наличии наиболее важного признака промышленного производства — его непрерывности. Отсутствие такого фактора лишает, как уже говорилось, предпринимателя возможности присваивать в необходимом размере прибавочный труд наемного работника. Хотя Волков и полагает, что на кожевенных “заводах” при длительности периода их работы всего лишь в один производственный цикл могли встречаться и заводы, работавшие 2 цикла, но фактических данных для этого утверждения пока нет²²³. В дубильном деле в Европе воздействие дубильной кислоты на кожу длилось 6—18 месяцев. Технология в России XVII—XVIII вв., видимо, была более краткосрочная благодаря эффекту “квашения” кож в киселе из ржаного “кваса” с овсяной мукой, а также применению так называемой “какши” и т. д.²²⁴, но она, видимо, была не на-

²¹⁹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768—1769 гг. — Ч. I. — СПб., 1771. — С. 38—39.

²²⁰ Никольский Н. Указ. соч. — Приложения XXVIII, XXX.

²²¹ Там же. — Приложение XXV.

²²² Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. — С. 145.

²²³ Там же. — С. 147.

²²⁴ Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 38—39.

столько быстрой, чтобы за срок 6—8 месяцев дать 2 цикла. Этот вопрос нуждается в уточнении.

Главное же заключается в ином. Сохраняющееся резкое несоответствие длительности общей “фазы производства”, с одной стороны, и рабочего времени, т. е. времени применения живого труда, с другой, создавало ситуацию, крайне невыгодную владельцу кожевни. Она состояла в том, что длительные фазы химической обработки, чередующиеся с моментами применения живого труда, приводили при наличии постоянной рабочей силы к необходимости искусственно завышать долю “необходимого труда” за счет прямой потери возможности присвоить прибавочный труд наемного работника.

В конце XVII — начале XVIII в. русские купцы приспособились к немумолимым требованиям технологии кожевенного дела другим способом. Они, как и ремесленники, прибегали к более или менее краткосрочному найму, но найму массовому и лишь на определенный вид работ (толчение корья, промывка и мятые кож, “мязрильная” работа, топтание кож и т.д.). На кожевенных дворах, видимо, лишь минимум работников был занят более или менее постоянно (прежде всего это мастера-“завотчики”, “ломовые работники”, т. е. чернорабочие и т. д.). Для завершающей отделки кож нанимали так называемых “строгальников” (иногда их называли “гладильщиками”), которые выглаживали кожи, делали последние скобления мездры, красили и т. д.²²⁵

Однако краткосрочный найм с точки зрения экономической означал лишь эпизодическую связь работника с хозяином даже очень крупной кожевни, где нанималось одновременно по 40—70 чел. В условиях конца XVII — начала XVIII в. это способствовало оплате не только необходимого труда (благодаря чему наемный рабочий воспроизводил себя лишь как работника), но и существенной доли труда прибавочного²²⁶. Между тем на купеческих кожевенных дворах подобный труд был, видимо, основным. У И.А. Микляева, крупнейшего казанского купца, на кожевни “во время работы нанимаютца... помесечно, понедельно и поденно, в которое время кожа делается и корье бьют”²²⁷. У П.Д. Коновалова на “заводах” в Саранске работали “поденно и понедельно”²²⁸. Поденная, понедельная и даже помесечная форма труда могла быть эффективна лишь в условиях острой конкуренции на рынке труда и, как следствие этого, существования низкого уровня оплаты труда. Однако такой ситуации в конце XVII — первой четверти XVIII в. (да и позже) просто не существовало. Наоборот, ведь недаром почти все купеческие кожевни Ярославля работали не в наиболее благоприятное для кожевенного дела летне-осеннее время, когда упрощались и уско-

²²⁵ Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 38—39.

²²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. — Т. 46. — Ч. II. — С. 25.

²²⁷ Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. — С. 148.

²²⁸ Там же. — С. 149. Краткосрочный найм на кожевенных дворах фиксирует и М.Я. Волков (“сменяя друг друга, работали дуботолки, ломовые работники, топтали, строгальники и завотчики”). См. там же. — С. 145.

рялись многочисленные процедуры промывки сырых и дубящихся кож и т.п., а в зимний — самый неблагоприятный период. Одна из важнейших причин такого положения кроется в конъюнктуре рынка труда, ибо зимой в России легче было найти наемных на короткий срок работников. Другая причина, видимо, заключалась в обусловленности временем закупки шкур забиваемого скота (осень и зима).

Однако уровень оплаты краткосрочных наймитов был достаточно высок, чтобы существенно снизить (если не свести на нет) выгоду поденного, понедельного и помесячного труда. Хотя точные расчеты пока провести нельзя, но имеющиеся данные позволяют полагать, что работники “кожевенных дворов” получали оплату своего труда не ниже уровня оплаты ремесленника. Иначе говоря, наряду с оплатой так называемого необходимого труда к ним переходила существеннейшая доля оплаты труда прибавочного.

Убедиться в том, что такое предположение имеет основание, помогают следующие расчеты. Во-первых, уровень оплаты кожевников различных “специальностей” был очень высок. Так, “топтали” получали с чана по 6 коп., а по данным И.И. Лепехина, эта работа (включая полоскание кож) занимала максимум один день, поскольку в чане было, как правило, около сотни кож, а 2 “топталя” могли сделать за день около 300 кож²²⁹. Далее, так называемые строгальники работали, как правило, довольно короткий срок, так как купцы нанимали их большими группами из расчета, определявшего каждому чаще всего объем работ в 100 кож²³⁰. Средняя взвешенная оплата по данным 15 записей крепостных книг Ярославля за 1727 г., опубликованных М.Я. Волковым, составляет 2 р. 64 коп.²³¹ Эта работа по заключительной отделке кож, пожалуй, самая квалифицированная. Если считать длительность ее равной 30 дням, то дневной заработок составит около 9 коп. При условии, что на питание в год, по существенно завышенным расчетам С.Г. Струмилина, шло около 3 руб. (в день соответственно около 0,8 коп.)²³², это очень высокий уровень оплаты. Допуская срок работы строгальников продолжительностью в 50 дней, мы получим дневной заработок 5,3 коп., существенно превышающий традиционный заработок поденщика в один алтын.

Так называемые “дуботолки”, часто, видимо, не только бившие корье, но и ведшие какие-то работы в первой половине процесса, получали в среднем 7 руб. 92 коп. (средняя взвешенная по 11 записям в крепостных книгах 1727 г.)²³³. Срок их работы, как уже говорилось, был примерно 3 мес., но даже при его удвоении сумма заработка оставалась очень высокой по уровню поденной оплаты труда. Наконец, вспомогательные работники (“ломо-

²²⁹ Лепехин И.И. Указ. соч. — С. 38–39.

²³⁰ Волков М.Я. Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. — С. 79.

²³¹ Там же.

²³² Струмилин С.Г. Очерки экономической истории СССР. — М., 1966. — С. 76.

²³³ Волков М.Я. Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. — С. 79.

вые”) за весь цикл обработки кож (в среднем 4 мес. 10 дней) могли получать 6 руб.²³⁴

В заключение приведем еще один небольшой расчет, основанный целиком на данных М.Я. Волкова²³⁵. В Каргополе на заводике И. и А. Прибытковых работало 11 человек в течение 130 дней (с 20 мая по 1 октября). Сделано было ок. 2 тыс. кож. В итоге “завотчик” получил 10 руб., шесть человек (видимо, строгальники) заработали по 2 р. 50 коп. с сотни кож, а 4 чел. (вспомогательные работники) за сезон получили по 30 алтын (90 коп.) человеку с каждой сотни кож. В итоге получается, что 11 человек получили за 130 дней 83,5 руб. или по 7,6 руб. на человека. При этом неквалифицированные работники получили по 6 руб. (т. е. в день по 4,62 коп.), а квалифицированные — по 8—10 руб. Для воспроизводства их как работников нужна была сумма вдвое-втрое меньшая. Одиноким человеком мог существовать на этот заработок в течение целого года, если не более.

Следовательно, и здесь, и в других случаях высоких заработков на кожевенных предприятиях нанимающийся имеет возможность “выжать” из хозяина какую-то часть создаваемой им прибавочной стоимости. И часть эта, судя по всему, была немалой.

Таким образом, мы видим, что в кожевенном производстве сезонный характер отрасли создает на этапе генезиса капиталистических отношений ситуацию, крайне неблагоприятную для становления адекватных форм капитала, т. е. его более или менее зрелых форм, при которых ощущается действие законов капиталистического способа производства (закона прибавочной стоимости, капиталистического накопления, конкуренции и т. д.). В сезонное производство адекватные формы капитала проникают лишь тогда, когда общее развитие капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве создали резерв наемной рабочей силы, острую конкуренцию на рынке труда и низкий уровень оплаты поденного труда.

В кожевнях купцов конца XVII — начала XVIII в. сезонность производства усугублялась практикой эпизодического более или менее краткосрочного найма, что создавало отсутствие непрерывности участия рабочих в производственном цикле, т. е. непрерывности в экономическом смысле. Здесь частичный рабочий, сделав свою часть работы, увольняется, т. е. прерывает производственную связь с предприятием. Иначе говоря, он лишает предпринимателя возможности пользоваться экономическим эффектом мануфактуры как капиталистического предприятия: присвоением прибавочного труда. Если бы на кожевенных дворах с точки зрения экономической главную роль играла так называемая относительная прибавочная стоимость, отрицательный эффект увольнения частичных рабочих был бы не столь велик. Однако на данной стадии развития ключ к капиталистическому накоплению — длитель-

²³⁴ Волков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. — С. 145.

²³⁵ Там же. — С. 144—145.

ность найма, накопление абсолютной прибавочной стоимости. В погоне за абсолютным прибавочным временем в странах Западной Европы практиковалось, как известно, так называемое “рабочее законодательство”, цель которого максимальное удлинение рабочего времени. Прерывность капиталистического производства, его расчлененность в пространстве и времени, если она встречается, связана лишь с продуктом труда, претерпевающим разные стадии производства. Расчлененность в пространстве и времени никогда не касалась живого труда. Если выше были приведены расчеты, свидетельствующие о том, что уровень оплаты рабочих кожевников “заводов” был настолько высоким, что включал существенную часть прибавочного труда, то, учитывая общий низкий удельный вес прибавочного труда в ранних капиталистических предприятиях, приходится вообще усомниться в выгоды такой экономической организации труда для владельца кожевни.

Чтобы проверить данное предположение, приведем еще ряд расчетов, цель которых — раскрыть в самых общих и приблизительных показателях экономическую эффективность “перделки” кож. В “сказке” 1704 г. ярославский купец И.П. Топленинов дал своеобразный отчет о своих основных торгово-экономических операциях. В частности, он закупил в Ярославле сырые кожи на 474 р. 90 коп. “и зделал кожи”, и продал их в том же Ярославле московскому купцу А.Г. Борину за 733 р. 33 коп. При этом И.П. Топленинов указал вес выделанных кож (276 пудов 28 ф.) и цену за пуд (2 руб. 21 алт.)²³⁶. Производственные затраты мы можем ориентировочно оценить в 120 руб.²³⁷ Таким образом, чистый доход составил около 138,4 руб., или 23,3% ко всей сумме затрат на покупки и выделку кож (примерно по 594,9 р.). Этот доход в данном случае не связан ни с какими транспортными расходами, и, следовательно, здесь возможна оценка прибыли в качестве торговой прибыли, хотя и без учета некоторых расходов на производство.

Реальность данных расчетов можно проверить еще на одном примере. Брянский купец Никита Чамов закупил 1935 кож сырья по цене 677 р. 18 алт. “И с того числа 1543 кожи переделаны в юфть в своем товаре, а из дела той юфти вышло 272 пуда по цене с передельными харчами на 675 рублей”²³⁸. Данный текст, как мы видим, принципиально важен, ибо торговец дает здесь сведения о себестоимости продукции. Итак, в “сказке” приведены точные данные о количестве исходного сырья, его стоимости и стоимости обработки кож. Штука кожи при закупке стоила в среднем 35 коп. В

²³⁶ “Сказки” торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. (Далее: “Сказки”). — Ч. I. — М., 1984. — С. 117.

²³⁷ В основе расчета этой суммы лежит следующее: 277 пудов кож составили примерно 1400–1500 штук кож (считая по 5–6 кож в пуде). По крепостным записям Ярославля близкие к этому объему продукции затраты на “дуботолоков” могли составить (за 14 чанов по 100 кож) — 28 руб. На строгальников затраты составили бы 37 руб., на “завотчиков” — 28 руб., на “ломовых” — 27 руб. Без учета затрат на корье, золу, краску и т. д. общая сумма составит минимум 120 руб. Естественно, что восполнение стоимости оборудования также не учитывается.

²³⁸ Сказки. — Ч. II. — С. 296–297.

“передел” пошло 1543 шт. стоимостью в 540 р. 5 коп. Готовая продукция (272 пуда) по себестоимости стала в 2 р. 48 коп. за пуд. Иначе говоря, затраты на “передел” составили 134 р. 95 коп., или 25% к стоимости исходного сырья. В расчетах операции по переделке кож ярославского купца И.П. Топленинова затраты на производство, реконструируемые нами, составили 27%. Таким образом, степень совпадения расчетов вполне приемлема.

Далее, Никита Чамов реализовал готовые кожи “в малороссийских городах” по цене на 756 р. 20 алт., т. е. с прибылью в 81 р. 60 к. (возможно, за вычетом стоимости провоза и пошлин), что составило около 11,2% торговой прибыли. Отсюда становится ясно, что у И.П. Топленинова сбыт готовой кожи в Ярославле произведен был с учетом торговой прибыли, которая была больше, чем в Брянске. Следовательно, купцы, перерабатывая на своих “заводах” кожи, тратили на переработку 25—27% стоимости исходного сырья, а получали в конечном счете лишь торговую прибыль. У И.П. Топленинова чистая прибыль к стоимости одного сырья составила 27%, а у Н. Чамова всего лишь 15,1%. Если вспомнить, что у них были производственные затраты, то первый из предпринимателей остался без убытка (или с мизерной прибылью в 2—3%), а второй — с убытком.

В материалах “сказок” по Н. Чамову есть данные о другой операции по переделке кож и продаже готовой продукции. Он изготовил 308 пудов юфти, “брянская цена” которым 770 руб.²³⁹ Видимо, это стоимость выделки, ибо цена за пуд юфти примерно та же, что и в первом случае (2,5 руб. за пуд). Партия кож была продана в “малороссийских городах” за 857 р. 26 алт. 4 деньги. Если полагать, что выручка в “сказке” дана уже с учетом вычета стоимости провоза и пошлин (80 руб.), то торговая прибыль составит 87 р. 79 к., т. е. 11,2%. Рассчитав стоимость сырья (603 р. 68 к.), получим, что доход этой суммы составит 12,8%. Результат очень близок к первому.

Таким образом, перед нами резкая разница в доходности. “Передел” кожи в Ярославле, крупнейшем торговом центре на пути к Архангельскому порту, был, по крайней мере, не убыточен. При 27,2% производственных затрат купец мог получить вместо 120 руб. (затраченных на производство) около 138 руб. прибыли, т. е. 29,1%, или на 18 руб. больше, чем производственные траты. Доход, конечно, скромный.

В “сказке” суздальских купцов Д. и Г. Лихониных есть сведения об операции по выделке кож в 1701 г.²⁴⁰ Закупив в Москве “и в иных городах” яловичные кожи, они переделывали их в Суздале “на своих кожевенных заводах” и в Ярославле, куда, видимо, отдавали “в дело” на другие заводы. Партия кож была огромной и составила 1817 пудов 20 ф., а “ценою стало вызделье” по 2 р. 6 алт. 4 д. (т. е. 2 р. 20 коп.) за пуд. В итоге общая цена по себестоимости 3998 р. 16 алт. 4 д. Считая ярославскую цену

²³⁹ Сказки. — Ч. II. — С. 295—296.

²⁴⁰ Там же. — Ч. I. — С. 96—101.

сырью по 1 р. 71 коп. за “пуд”²⁴¹, то при цене 2 р. 20 коп. за пуд готовых кож производственный расход составит 1166 р. 18 коп. при стоимости сырья 4060 р. 96 к. Следовательно, и здесь доля производственных расходов примерно та же (23,5%). Небольшое их снижение могло быть за счет укрупнения объема работ. Если бы Лихонины продали кожи в Ярославле по той же цене, как и И.П. Топленинов (2 р. 63 к. за пуд), то торговая прибыль составила бы 19,5%. Но Лихонины сбыли свой товар в Архангельске, потратив на пошлины и провоз 20% от себестоимости выделанных кож.

Поскольку в источнике архангельская выручка ими точно не названа, то для расчета можно использовать материал другой торговой операции. В частности, П. и К. Топлениновы закупили в Ярославле кож на 1340 р., а продали их в Архангельске на 2836 р.²⁴² Вычитая затраты на выделку (т. е. 25% от исходной цены сырья), а также провоз и пошлины (20% от стоимости готовой продукции), то в итоге прибыль купца составит огромную цифру (около 50% стоимости готовой продукции). Таким образом, стремясь к прибыли столь высокого уровня, купец мог и, видимо, вел свое кожевенное производство на принципе оплаты и необходимого, и как минимум значительной доли прибавочного труда. По отдельным же операциям обработки кож оплата могла, вероятно, включать и стоимость всего рабочего труда.

Совсем по-иному выглядит баланс торгово-промышленных операций у брянского купца Н. Чамова. Здесь при 25% производственных затрат (134 р. 95 коп.) к стоимости исходного сырья чистая торговая прибыль составила всего 81,6 руб., или 15,1%. Это намного меньше, чем исходная сумма производственных затрат. Естественно, что такой результат настораживает, так как производство получается убыточным. И все же, делая определенную скидку на фрагментарный характер данных и их неточность, основная тенденция проясняется достаточно четко. Обработка юфтей могла оправдывать себя с точки зрения экономической только как составная часть внешнеторговых оборотов купечества, приносящих огромные прибыли. Сбыт передельных кож на внутреннем рынке был практически убыточным. И главным фактором, определяющим этот убыток, была ничтожная, чисто символическая величина той части прибавочного труда рабочих, которую присваивал владелец кожевни.

Думается, что приведенный нами анализ не позволяет квалифицировать кожевенные дворы, кожевни и “заводы” купцов конца XVII — начала XVIII в. как мануфактурные предприятия, ибо им не были свойственны основные экономические характеристики капиталистического производства. Несмотря на крупный массовый найм рабочих для выполнения отдельных операций, позволяющий полагать, что на определенных этапах перед нами тип кооперации, основанной на вольном найме, сезонный характер производ-

²⁴¹ Здесь использованы исходные данные закупок И.П. Топленинова.

²⁴² Сказки. — Ч. I. — С. 110–112.

ства исключал возможность проявления главного признака специфически капиталистического производства — прибавочная стоимость определенного уровня, минимально допустимого для существования капиталиста как капиталиста. Владельцы кожевен конца XVII — начала XVIII в. могли существовать только как купцы.

Для крупного купечества кожевни были скорее средством некоторого сокращения накладных расходов, неизбежных при покупке готовых кож у многочисленных мелких ремесленников-товаропроизводителей.

Таким образом, перед нами образец, хотя и не типичный, отношений “средневекового” капитализма, функционирования так называемых неадекватных форм капитала, в которых еще не созрела противоположность труда и капитала, больше того, не действуют специфические закономерности капиталистического способа производства. Такие формы в эпоху феодализма носили спорадический характер, были обратимы и в сущности не могли влиять на судьбы старого господствующего способа производства.

Важнейшая черта эволюции кожевенного производства с применением наемного труда, на наш взгляд, заключается в том, что сбыт продуктов обработки животного сырья за рубеж объективно требовал появления крупного капиталистического производства мануфактурного типа, но объективные условия социально-экономического развития страны и специфика технологии производства ставили непреодолимые для того времени препятствия. Но дело не только в этом. В противоположность английскому производству шерсти, первоначально предназначавшейся для иностранных суконных мануфактур, обработка кож и сбыт их за рубеж не привела и не смогла привести к тем гигантским преобразованиям экономики страны и резким смещениям общественных слоев, которые в Англии ознаменовали бурное развитие капитализма. Кожевенный юфтовый товар не имел этой перспективы, и реальное весьма скромное место кожевенных “заводов” в экономике второй половины XVIII в. лишний раз свидетельствует об этом (в стране общее число кожевенных, в основном мелких по объему производства, заведений к концу века достигло более 800).

Указанные особенности были характерны и для такой весьма специфичной отрасли хозяйства, как винокурение, социальная организация которого практически не влияла ни на процесс общественного разделения труда, ни на механизм ценообразования. В XVII в. казенные винокурни в большинстве своем работали на 10% мощности, т. е. потенциального объема продукции при условии бесперебойной непрерывной работы в течение года²⁴³. Это означает, что почти все винокурни работали лишь эпизодически. Только немногие более крупные казенные винокурни работали несколько более систематично (в Орлове на 12—15%, в Устюжне — на 26%, в Бежецке — на

²⁴³ Волков М.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII. Винокуренное производство (Далее: Очерки.). — М., 1979. — С. 139.

30%, в Вятке — на 37—43%, в Можайске — на 46% от потенциальной мощности)²⁴⁴. Даже самая крупная для XVII в. нижегородская винокурня работала на 60% мощности²⁴⁵. Таким образом, эпизодичность или большие перерывы в работе были типичны для всех предприятий этого столетия. Тем более это можно отнести к работе мелких винокурен частного владения, в том числе и немногих в XVII в. купеческих предприятий²⁴⁶.

Господство краткосрочных форм найма вело к нерегулярности производственных циклов, неравномерности загрузки оборудования не только в XVII в., но и в более поздний период. В 1719 г. купцы, владеющие винокурнями в Казанской губернии, в одном из челобитий специально оговаривали, что “у них на тех заводах с крепосми (т. е. с оформлением найма на длительный срок, — Л. М.) работных людей держать невозможно, понеже бывают у них в найме, в работе человек по неделе и дни по три, и по два, а по последней мере (т. е. в крайнем случае, — Л. М.) самое малое число (таких работников, — Л. М.), что по месяцу (работают, — Л. М.)...; годовые (же, — Л. М.) никогда не наймутца ...”²⁴⁷

В XVII в. краткосрочный найм одновременно сопровождался высокой по своему уровню оплатой. Так, в 1658—1659 гг. в Дмитрове винокур получал “с браги” 10—11 алт. (30—33 коп.), а подсобный работник — 7 алт. или 8 алт. 2 деньги (21—25 коп.), в Козлове в 1670—1671 гг. винокур получал 15 алт. 2 д. с “вари” (46 коп.), а подсобный работник 8 алт. (24 коп.)²⁴⁸. Столь высокий уровень оплаты как-то не согласуется с данными монографии М.Я. Волкова о реальной итоговой оплате в 50—70-е гг. XVII в. по 13 винокурненным центрам страны²⁴⁹. В шести случаях оплата за сезон была около 2 руб. в среднем на работника, а в остальных — 5—6 руб. Думается, что данная оплата начислялась не за сезон, а за дни работы, которых, видимо, было очень немного, т. к. винокурение было эпизодическим.

Для проверки этих предположений используем данные по Талицкой (Вятской) винокурне, одной из крупнейших в стране в период 30—50-х гг. XVIII в. Здесь оплата была повременной, и винокуру платили за месяц 2 руб., а подкурку — 1 руб. Случай этот исключительно редкий, так как всюду платили сдельно²⁵⁰.

Причина, видимо, кроется в том, что при непрерывном производстве на столь крупном предприятии (примерно 89 котлов винокурненных да 2 котла браговарных)²⁵¹ производительность была более чем вдвое выше обычных

²⁴⁴ Волков М.Я. Очерки. — С. 139—140.

²⁴⁵ Там же. — С. 134.

²⁴⁶ Там же. — С. 48—52.

²⁴⁷ Волков М.Я. Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья. — С. 236.

²⁴⁸ Волков М.Я. Очерки. — С. 152.

²⁴⁹ Там же. — С. 142.

²⁵⁰ Там же. — С. 154.

²⁵¹ Там же. — С. 149.

винокур. Расчет показывает, что при “варе” в 45 ведер²⁵² на Вятской винокурне за 12 месяцев было примерно 488 “варь” или “браг”, за которые при сдельной оплате по 15 коп. за брагу винокур должен был получать в год огромные деньги (св. 73 руб.); столь же велик был бы заработок и полуквалифицированного “жегана” (св. 36 руб.)²⁵³. В реальной же действительности винокур на Талицком заводе получал 24 руб. в год² и даже эта, втрое меньшая, чем расчетная сумма была вполне на уровне заработка высококвалифицированного специалиста-ремесленника 20—30-х гг. XVIII в.²⁵⁴ Таким образом, перед нами яркий пример того, как резкое повышение производительности труда позволяет предпринимателю (в данном случае это государство) присвоить громадную долю так называемого прибавочного рабочего времени и лишь незначительной его частью делиться с работником.

Совсем иное положение было при сезонных работах на более мелких винокурнях. Данные по Талицкой (Вятской) винокурне за 30—50-е гг. XVIII в. предоставляют редкую возможность рассчитать длительность браговарения (при среднем объеме годовой продукции в 22 тыс. ведер в год было 488 “браг” на 2 котла, откуда в конечном счете следует, что при непрерывном процессе на одном котле на “брагу” шло примерно полтора дня или 2 “браги” делали за 3 дня)²⁵⁵. Конечно, разница в объемах котлов влияла на срок варки (на Талицкой винокурне браговарные котлы должны были быть очень большого объема), и в котлах меньшего объема варка могла быть несколько короче по длительности, но разница не была существенной.

При той же технологии в XVII в. дмитровский винокур, имея на одном котле одну варю в неделю, мог получать в месяц 1 руб. 20 коп., а за 6 месяцев — 7 руб. 20 коп. Работая вдвое больше, он получал бы соответственно за месяц 2 руб. 40 коп., за 6 месяцев — 14 руб. 40 коп. (за год 28 руб. 80 коп.). В Козлове при тех же условиях в первом случае винокур получал бы за 6 месяцев 11 руб. 04 коп., а во втором — 22 руб. 08 коп. (за год 44 руб. 16 коп.). Подсобный работник — жеган в обеих винокурнях получал бы одинаково: в первом случае — 5 руб. 76 коп., а во втором — 11 руб. 52 коп. (в год 22 руб. 52 коп.). Реально же в Дмитрове работники в среднем за сезон получали около 5 руб. 80 коп., и если считать, что винокур действительно получал 7 руб. 20 коп., а подсобные рабочие — по 5 руб. 04 коп. (т. е. по 7 алт. за “варю”), то это соответствует периодичности “вари” примерно один раз в неделю в течение 6 месяцев. Как видим, работа была действительно сугубо эпизодическая, и для XVII в. она была характерной для всех винокур.

²⁵² Волков М.Я. Очерки. — С. 141.

²⁵³ Этот уровень сдельной оплаты был реальным и для 30—50-х гг. XVIII в. Так, в Котельниче винокур получал “с браги” 16,5 коп., а жеган — 10 коп. (Волков М.Я. Очерки. — С. 154).

²⁵⁴ Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. — М., 1965. — С. 115—134.

²⁵⁵ Волков М.Я. Очерки. — С. 134.

Отсюда прямая заинтересованность в поденной оплате, хотя и весьма высокой по своему уровню (подсобный рабочий имел 21—24 коп. в неделю, т. е. традиционный алтын в день или чуть больше, хотя реально он работал не неделю, а вполонину меньше).

Следовательно, в XVII — начале XVIII в. в винокурении оплата была, скорее всего, по стоимости труда, или, во всяком случае, оплачивалось не только необходимое рабочее время, но и существеннейшая часть прибавочного рабочего времени. Это было возможно в условиях монополевой государственной торговли вином и, следовательно, монополевой цены, которая всегда максимально завышалась, поскольку определялась, как известно, только спросом населения.

Неслучайно поэтому даже во второй половине XVIII в. владельцы винокуренных заводов при малейшей возможности приобретали либо “приписных” рабочих людей, либо использовали своих крепостных крестьян.

В России в XVII столетии зарождались спорадически лишь так называемые неадекватные формы капитала. Будучи типично “средневековыми”, они не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на старый способ производства. Поэтому в равной мере их спорадическое появление, как и исчезновение, могло произойти и происходило и в более раннее время.

В России сезонный характер имело довольно внушительное количество отраслей хозяйственной деятельности. Организованные, как правило, в мелкие мастерские, они работали либо в теплое время года, либо, наоборот, зимой. В Макарьеве-на-Унже Костромской губ. в 80-х годах действовал заводик ярославского купца Свешникова, в нем “варили” серу, купорос и красную краску “мумие” из колчедана. Работало всего 6 чел. наемных, но действовала эта мастерская лишь с февраля по май²⁵⁶. Как мы уже видели, зимой работали кожевенные заведения. В теплое время работали гончарные, горшечные, кирпичные заводики. В летне-осенний сезон работали салотопни, мыловарни, свечные, клеевые, крахмальные, солодовенные заведения. В теплое время работали винокуренные заводы и т. д. Как правило, в такого рода предприятиях занято было от 2 до 10 человек. Так, в Саранске мыльные заводики на 1—2 котла имели по 3 или 4 человека работников. Кожевенные заводы на 2—3 шайки (чана) также имели не более 3—4 чел. рабочих людей²⁵⁷. В Пензе мыльный заводик на один котел производил 1500 пудов мыла в сезон, имея четырех работников. Три заводика, мощностью по 2 котла каждый и делающие 2—3 тыс. пудов мыла в сезон, также имели по 4 человека работников. А завод на 4 котла и 8 работников в силу краткости рабочего времени делал всего 3 тыс. пудов мыла²⁵⁸.

Изредка среди подобных заведений встречались более крупные (до 30—40 рабочих людей).

²⁵⁶ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 175 об.

²⁵⁷ Там же. — Ф. 36. Оп. 1. № 525. Л. 13.

²⁵⁸ Там же. — Л. 8—8 об.

Тот или иной набор подобных небольших заводиков был во второй половине XVIII в., да и в XIX в., во многих, но далеко не во всех городах Центра России. Так, в Ярославле было два белильных “завода”, 14 заведений, изготавливающих медную и оловянную посуду, 18 кожевенных, скорняжных, “баранных”, сыромятных “завода”, четыре солодовенных, три клеевых, один крахмальный, два свечных, два пивоваренных “завода”, работающих на вольном найме. В то же время четыре небольших купоросных, суриковых и белильных заведения имели 10 приписных рабочих²⁵⁹. В городе были полотняные и шелковые фабрики и плющильный и волочильный завод. В соседнем г. Романове было 4 солодовни, один кирпичный, один кожевенный завод²⁶⁰. В Угличе было шесть солодовенных, шесть кожевенных заводов и три бумагоделательных фабрики. А 17 кирпичных заводиков работали на строительство церквей²⁶¹. На одном таком заводике 4—6 работников могли выработать до 100 тыс. кирпичей. В Ростове купоросный “завод” имел четырех работников, а суриковый и белильный — 9 человек. Кроме них в городе была и полотняная фабрика²⁶². В г. Шуе действовало восемь кожевенных, один мыловаренный, шесть кирпичных “заводов”, две воскобойных избы, два набоечных дома, две полотняные фабрики²⁶³. В Костроме в конце века было 11 солодовен (работников до 16 чел.), 11 масляных “заводов” (работников до 21 чел.), один завод красной юфти (работников 36 чел.), 13 скорняжных “заводиков” (работников до 56 чел.), три овчинных (работников 6 чел.), два клеевых (работников 6 чел.), два укусных (работников 4 чел.), десять квасоварен, семь пивоварен, 30 кузниц, 18 кирпичных “заводов” (работников 186 чел.), один гончарный (7 чел.) и один колоколенный “завод” (5 человек, а при больших колоколах до 20 чел.)²⁶⁴. В 80-х годах здесь было 7 полотняных фабрик, а к концу века число их почти удвоилось²⁶⁵.

В Кинешме наряду с шестью кирпичными заводами действовало два кожевенных и полотняная фабрика²⁶⁶. В соседней Нерехте было шесть солодовенных и пять кирпичных “заводов” и полотняная фабрика²⁶⁷. В Дмитрове работало пять солодовенных, пять кожевенных, один гончарный, один мишурный “заводы”, одна набойчатая “фабрика” и восемь суконных станов. В уезде была фарфоровая фабрика, представлявшая собою классическую мануфактуру, где каждое изделие проходило до 20 операций производства²⁶⁸.

²⁵⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 12 об.

²⁶⁰ Там же. — № 18860. Л. 152.

²⁶¹ Там же. — Л. 145 об.

²⁶² Там же. — № 19176. Л. 17.

²⁶³ Там же. — № 18860. Л. 71—72.

²⁶⁴ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 31.

²⁶⁵ Там же. — Л. 34 об.—35 об., 31; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 163.

²⁶⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18860. Л. 158.

²⁶⁷ Там же. — Л. 168 об.

²⁶⁸ Там же. — Л. 6.

В Коломне мы встречаем тот же, так сказать, классический набор этих заводиков (десять солодовенных, девять кожевенных, два клеевых, шесть гончарных, три кафельных, два сыромятных и 24 кирпичных “завода”). Специфика здешней городской мелкой промышленности заключалась в изоляции салотопен (34 завода), что связано с ежегодным прогоном скота²⁶⁹. В Кашире тот же набор: 14 солодовен, 15 кожевенных заводов, 27 кирпичных, девять горшечных и 4 кафельных “завода”²⁷⁰.

В Серпухове, так же как и всюду, те же солодовни (три) с 11 наемными работниками, те же кожевенные заводы (5), где было соответственно 6, 7, 5, 2 и 10 наемных рабочих, две бумажных “фабрики”, одна суконная и 6 парусно-полотняных (о них несколько позже)²⁷¹. В Боровске помимо двух полотняных фабрик было пять кожевенных и шесть кирпичных заводов²⁷². В Алексине была большая парусно-полотняная фабрика, одна шелковая (70 станков), а также суконная и каразейная на 10 станков. И, конечно, одна солодовня и два кирпичных “завода”²⁷³. Венев — небольшой городок имел шесть горшечных и девять кирпичных заводов, одну солодовню (всего на сто четвертей солода) и одну полотняную фабрику²⁷⁴. В Козельске мы снова видим четыре солодовни, один кирпичный, девять горшечных и три кожевенных “завода”²⁷⁵. И, наконец, в Рязани было семь солодовен, три кожевенных, четыре кирпичных, пять горшечных заводов, одна шелковая и одна полотняная фабрика²⁷⁶.

Обзор мелкой промышленности городов Центра России завершим Арзамасом и Нижним Новгородом. Как везде, в городе Арзамасе были кожевенные заводы. Их было двенадцать, на них выделявали “юфтяной красный и черный товар”²⁷⁷. Нанимают на них людей по мере надобности (“работных людей на них бывает от пяти до 20 человек”)²⁷⁸. В городе было также пять мыльных “заводов”, каждый из них на один или два котла. Иначе говоря, это мелкие заведения: “а работных людей бывает на них по два и по три человека”. Общая производительность — всего 2,9 тыс. пудов в сезон²⁷⁹. В Нижнем Новгороде было всего два кожевенных завода на 2 тысячи и на 500 кож. Был также очень большой кирпичный завод (до 1 млн штук кирпичей). На нем было до 40 работных людей. В центре страны (кроме Москвы) таких предприятий источники не фиксируют. Главное же в

²⁶⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18861. Ч. X. Л. 13 об.

²⁷⁰ Там же. — № 18860. Л. 37.

²⁷¹ Там же. — Л. 25.

²⁷² Там же. — Л. 22.

²⁷³ Там же. — Л. 132 об.

²⁷⁴ Там же. — Л. 128 об.

²⁷⁵ Там же. — Л. 112.

²⁷⁶ Там же. — Л. 78 об.

²⁷⁷ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 11.

²⁷⁸ Там же. — Л. 11 об.

²⁷⁹ Там же.

городе — это восемь прядильных (канатных, бечевых, смольных и бельных) заводов общей производительностью в 40,6 тыс. пудов. Что же касается рабочей силы на них, то, как и всюду, сезонность и колебания в загрузке приводили к тому, что “рабочих людей употребляется неравно, а по мере надобности”²⁸⁰. Характерен пример по канатному заводу в г. Павловске Воронежской губ. Здесь поденно бывает найм в общей сложности до 80 чел.²⁸¹ В Нижегородской округе в г. Балахне был соледобывающий комплекс (21 корпус, по 4 црена в каждом с сушильнями, 6 соляных амбаров и 30 соляных труб). В г. Городце была небольшая купеческая “фабрика” для производства лазури и сальных свечей²⁸². В с. Дарьине помещичий кирпичный заводик. Такой же заводик был в г. Василь, а в с. Спасском — кожевенный заводик на 3 тыс. кож²⁸³. Два маленьких кожевенных завода были в г. Семенове²⁸⁴.

Наш довольно однообразный перечень можно было бы продолжить, но не столь уж долго, так как большое количество городов Центра России, не говоря о Черноземье, подобных промышленных заведений не имело совсем. Их функции выполняли ремесленники, которые занимались многообразнейшей деятельностью в пределах Промышленного Центра страны. А для мелких заведений характерны краткосрочный найм, сезонность в работе, постоянные колебания в объеме производства, сравнительно высокая оплата. Все это не создавало благоприятных условий для капиталистического накопления. Подобная мелкая промышленность могла существовать веками, не меняя уклада провинциальной городской жизни, ибо это были так называемые неадекватные формы капитала.

Экономически сюда же следовало бы отнести такой вид сезонной деятельности, как речное судостроение. Здесь также господствовал краткосрочный найм, аккордные формы оплаты труда, здесь были весьма не оптимальные условия капиталистического накопления, не было реального влияния на прибыль предпринимателя фактора так называемого постоянного капитала. Больше того, едва ли не половина создаваемых транспортных средств предназначалась всего лишь для одного-двух рейсов. Это был один из моментов губительного влияния на экономику страны природно-климатического фактора, приводившего к громадной растрате сырьевых и людских ресурсов.

Прогресс экономики России был, скорее всего, связан с иными процессами.

Здесь речь должна идти о промысловой деятельности крестьянства. Как уже говорилось, крестьянство Нечерноземья, имея основной своей базой воспроизводства земледелие, не сводило концы с концами. На примере крестьянства Тверской губернии было довольно четко показано, что даже в 80-е

²⁸⁰ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 4 об.—5 об.

²⁸¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18868. Ч. X. Л. 60 об.

²⁸² Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36. Оп. 1. № 516. Л. 14, 18 об.

²⁸³ Там же. — Л. 28 об.

²⁸⁴ Там же. — Л. 57.

годы XVIII в. среднее хозяйство получало доход от продажи своих продуктов и изделий на сумму 6—10 руб., в то время как для нормального воспроизводства необходимо было иметь 23—26 руб. Видимо, такая же ситуация была во многих губерниях Центра. Крестьянину были крайне необходимы заработки в области промысловых занятий, ремесла и торговли. Между тем со времени петровских преобразований экономическая стратегия правительственных кругов строилась по западному стандарту: ремесло — это городская привилегия, как и торговля. Однако в условиях России город развивался чрезвычайно трудно, земледелие веками удерживало население в деревнях и селах, ибо объем совокупного прибавочного продукта был далек от оптимума, да и продукция Нечерноземья оставалась общественно необходимой. Режим крепостного права содействовал этому сдерживанию. Но при Петре, Анне Ивановне, Елизавете Петровне власти традиционно охраняли монопольные права городского посада на торговую и ремесленную деятельность. В 1745 г. крестьянам разрешили мелочную торговлю предметами ремесла лишь в “знатных селах и деревнях”, расположенных “не в ближнем расстоянии” от городов. Это было подтверждено и таможенным уставом 1745 г. Крестьянам была запрещена не только торговля в городе, но и устройство промышленных заведений (борьба с “неуказными” заведениями).

И только в 50-е годы XVIII в. намечается постепенный отказ от этой политики, а решительный переход к поощрению крестьянской промышленной деятельности произошел при Екатерине II. Запрещая промысловые монополии и откупа, правительство Елизаветы еще в конце 50-х — начале 60-х годов стало поощрять именно мелкие промыслы. В одном из сенатских указов об этом заявлено со всей откровенностью: “а в заведении для того фабрик не позволять, дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отъемлемо не было”²⁸⁵. Таким образом, прямое поощрение вовлечения основной массы крестьянства в торгово-промышленную деятельность было продиктовано суровой необходимостью помочь выживанию громадной массы населения Нечерноземья. Это была чисто прагматическая линия правительственной политики. И эта политика принесла плоды уже в ближайшие 15—20 лет. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об уровне оброчной эксплуатации помещичьих крестьян и обеспеченности этих же крестьян пашней. Так, сведения о 3759 душ муж. п. крестьян Егорьевского у. Московской губ. свидетельствуют о том, что в 1769—1773 гг. их хозяйство носило чисто земледельческий характер (что следует из четко проступающей закономерности: чем больше у крестьянина пашни, тем выше сумма оброка с души м. п., который он платит). Спустя примерно 15—20 лет у тех же 3759 д. м. п., живущих в тех же селах, характер соотношения размера оброка и размера пашни резко меняется: наибольший оброк платят уже те крестьяне, у кото-

²⁸⁵ ПСЗ. Т. XV. № 10910.

рых пашни меньше. И наоборот, наименьший оброк платят те крестьяне, у которых пашни больше²⁸⁶. Произошел, таким образом, своеобразный “промысловый переворот”. Центр тяжести хозяйственной деятельности крестьян этого региона перемещается в промысловую деятельность, и от нее в первую очередь зависит размер дохода крестьянина (а значит, и размер оброка). В 80-х гг. этот процесс коснулся всех крестьян этого уезда (15868 д. м. п.), ибо 4490 д. м. п. платили оброк в 5 руб., имея в среднем на душу м. п. 3,0 дес. пашни, а 2574 д. м. п. платили оброк в 8 руб., имея в среднем на душу м. п. 0,1 дес. пашни²⁸⁷. То же самое наблюдается и по другим районам. Так, в Костромском у. в 80-е гг. 4008 д. м. п. платили оброк в 3 руб., имея в среднем на душу м. п. 3 дес. пашни, а 3225 д. м. п. платили 4 руб., имея в среднем на д. м. п. 2,65 дес. пашни²⁸⁸. В Вяземском у. 7481 д. м. п. платили оброк по 2 руб., имея в среднем на д. м. п. по 3,9 дес. пашни, а 5098 д. м. п. платили оброк в 4 руб., имея в среднем на д. м. п. 3,2 дес. пашни²⁸⁹. Уже в конце столетия современник пишет о крестьянстве Ярославской губернии: “почти все генерально отходят по пашпортам” в зимнее время для промыслов²⁹⁰. Уже в 1773 г. в Московской губернии из 960 мелких ткацких мастерских с 1—4 станами 825 принадлежали крестьянам и отчасти купцам.

Таким образом, преследуя чисто практические цели, дворянское правительство Екатерины II сумело создать условия для крутого поворота путей развития крестьянского хозяйства обширнейшего региона России в сторону промышленной внеземледельческой деятельности.

Между тем традиционно бедствующее земледелие мгновенно ощутило даже самые незначительные перемещения центра тяжести крестьянского труда в область торговли и промышленности. Больше того, определенная часть крестьянства явно тяготилась земледелием. Отлучаясь на долгое время из деревни, эти крестьяне “то не только приобывают к излишеству, вводящему их в разные преступления, но и теряют охоту к земледелию”²⁹¹. В этих условиях хоть как-то удержать былой уровень развития земледелия в Нечерноземье можно было только внеэкономическим принуждением, то есть общим ужесточением режима крепостного права. Запрет крестьянам жаловаться на помещиков был установлен еще в 1649 г. и с тех пор многократно подтверждался. Но при Екатерине II за это крестьяне уже жестоко наказывались вплоть до ссылки в Нерчинск²⁹². В январе 1765 г. “за продерзостное

²⁸⁶ См.: Милов А.В. Об изучении роста оброка в России во второй половине XVIII в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. — 1961. — № 1. — С. 110.

²⁸⁷ Там же. — С. 109.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. — С. 108—110.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 19178. Л. 4 об.

²⁹¹ ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 22 об.

²⁹² ПСЗ. Т. XV. № 11445; Т. XVI. № 11687, 11718; Т. XVII. № 12316; Т. XVIII. № 12903, 12966.

состояние” “вредных обществу людей” помещикам разрешено было не только ссылать в Сибирь (а это было узаконено еще в 1760 г.), но и отдавать в каторжные работы. Порядку и регламентации процедур отправления крестьян в ссылку и их содержанию посвящена была целая серия указов²⁹³. Легализована была практика продажи крестьян оптом и в розницу. Помещичьи крестьяне лишены были права присяги государю. Их также лишили права брать откупа и подряды, вступать в вексельные отношения²⁹⁴. Крайне суровыми были меры по ссылке беглого крестьянства²⁹⁵.

И тем не менее итогом экономической правительственной политики было не только массовое развитие крестьянских промыслов и отходничества, что резко расширило рынок труда и способствовало быстрому росту общего количества предприятий. Выход крестьянства на рынок труда являлся важным фактором давления на уровень оплаты вольнонаемного труда. Феномен этого явления можно свести к следующему. Как уже говорилось, крестьянин выходил на рынок труда, оставаясь владельцем хозяйства и собственником своих жизненных средств. Отходническая деятельность была призвана лишь компенсировать нехватку этих средств. Поэтому крестьянин-отходник как продавец рабочей силы мог продавать ее ниже ее действительной стоимости, создавая конкуренцию предпролетарским слоям города, “гулящим людям” и прочим маргиналам. Массовый выход, даже кратковременный, именно такого продавца рабочей силы был мощным фактором снижения цен на рабочую силу и, стало быть, способствовал накоплению капитала. Процесс этого, впрочем, в силу особых условий России был очень протяженным во времени.

Так или иначе, но расширение рынка рабочей силы способствовало росту крупного производства.

Если в конце 60-х годов в текстильной промышленности было 231 крупное предприятие, в том числе 73 суконных мануфактуры, 85 полотняных и 60 шелковых, то в конце XVIII в. число предприятий достигло 1082, из них суконных — 158, полотняных — 318, а шелковых — 357. За три с небольшим десятилетия рост более чем в 4,5 раза. В области металлургического производства и металлообработки в конце 60-х годов насчитывалось 182 предприятия, а в конце XVIII в. — около 200. Рост небольшой, однако теперь это было более крупное производство. Общее число вольнонаемных за вторую половину века выросло с 25 тыс. до 50 тыс. чел. В судостроении эта цифра возросла до 30 тыс. В горной промышленности — до 15 тыс. чел. На предприятиях Мануфактур-Коллегии число вольнонаемных к концу века составило около 60 тыс. чел. Если к этому добавить, что судостроительный промысел собирал ежегодно к концу века до 200 тыс.

²⁹³ ПСЗ. Т. XV. № 11166; Т. XVII. № 12311; Т. XVIII. № 12937, 13010, 13053 и др.

²⁹⁴ Там же. — Т. XIX. № 13405, 13623, 13634, 13721, 13816, 13883, 13950; Т. XVIII. № 13036, 13158; Т. XVII. № 11423, 11204, 12498 и др.

²⁹⁵ Там же. — Т. XV. № 11350; Т. XVI. № 11610, 11928; Т. XVII. № 12352, 12396, 12506, 12605; Т. XVIII. № 12857, 12968, 13005 и др.

наемных²⁹⁶, то общее количество лиц наемного труда приблизится к 0,5 млн чел. Таким образом, в итоге сложнейшей эволюции к концу XVIII в., по всей вероятности, вполне сформировался тот тип производственных отношений, который в историографии именуют капиталистическим.

Причем наиболее адекватными формами капитала были те, что складывались в текстильной промышленности, как том типе производственной функции капитала, которая гибко приспособилась к крепостному земледельческому обществу, обеспечив при этом оптимальный в условиях России вариант накопления. Это были системообразующие элементы будущего капитализма.

В качестве примера могут служить полотняные предприятия Серпухова. В 80-х годах XVIII в. их было 14 с общим числом до 970 ткацких станов. Причем в каждом из них число рабочих было непостоянным в зависимости "от надобности". Крупнейшая из фабрик Серпухова некоего Серикова на 192 стана (до 300 чел. наемных и до 2 тыс. кусков ткани). Вторая фабрика (его же) на 120 станов (до 250 чел. наемных и 948 кусков ткани в год). Две фабрики были у некоего Плотникова: на 150 и 128 станов (до 150 чел. и до 128 чел. наемных) с производством на обеих до 3 тыс. кусков ткани. У Черницына было 110 станов (до 90 чел. наемных и 3 тыс. кусков объем производства). Некто Околоков имел фабрику на 104 стана (до 95 чел. наемных и 2 тыс. кусков ткани в год). Медведев и Коншин имели по 88 станов (соответственно по 90 чел. наемных и по 2,2 тыс. кусков ткани в год)²⁹⁷.

Как уже говорилось, в Костроме было 13 полотняных фабрик. Предприятие на 500 станов и 600 вольнонаемных рабочих было у Петра и Григория Углечаниновых ("фламское" полотно, каламенок, равендук — всего до 10500 кусков). Братья Григорий, Василий и Борис Стриголевы держали 450 станов, делая до 8 тыс. кусков тех же тканей с помощью 500 вольнонаемных. Братья Дуругины (Алексей, Иван, Михаил и Дмитрий) имели фабрику на 450 станов с 550-ю вольнонаемными (до 9,5 тыс. кусков ткани). Братья Иван и Илья Волковы, нанимая 200 человек на 200 станов, производили до 4,5 тыс. кусков ткани. Василий Ашастин имел 250 станов (300 чел. наемных) и имел в год до 5 тыс. кусков ткани. Его брат Яков Ашастин имел 150 станов (165 чел. наемных), производя до 2,5 тыс. кусков ткани. Некие Пыпины владели до сотни станов и, нанимая до 120 человек, вырабатывали до 1825 кусков ткани²⁹⁸. Заметим, что выражение "до 120 человек" в тексте источника неслучайно: оно отражает непостоянство в числе нанимаемых в связи с краткосрочностью традиционного вольного найма. Итак, владели разным количеством станов и такие костромичи, как Алексей Колоткин (до 100 ст.), Степан Углеченинов (до 85 ст.), некто Ознобихин

²⁹⁶ Рубинштейн Н.Л. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. // Вопросы истории. — 1952. — № 2. — С. 95.

²⁹⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. № 18862. Ч. X. Л. 3—3 об.

²⁹⁸ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 33—33 об.

(до 80 ст.), Масленикова (25 ст.) и поручик Старошаршавин (40 ст.). Общее число наемных на их предприятиях достигало 400 чел., а продукции — 6050 кусков ткани²⁹⁹.

Пожалуй, самое любопытное состоит в том, что далеко не все эти фабрики были типичными централизованными мануфактурами. Немалая часть их одновременно служила центрами рассеянных мануфактур. Причем объединяли они не просто крестьян-светелочников, работавших в своих избах. Производство таких тканей, как фламское полотно, равендук и прочее, требовало широких ткацких станов, не уместяющихся в избе. Поэтому в деревнях множились своеобразные филиалы центрального производства. “Ткачи, на них из найма работающие, состоят из поселян Костромской и соседних округ и охотнее принимают сие рукоделие отправлять в своих селениях. И для того имеют особо построенные по деревням корпуса, и ткацкими станами и бердами снабжаются от фабрикантов. В таком случае фабриканты на своих заводах, разобрав по сортам пряжу и вычистив от суровости посредством выварки щелоком, готовят из нее основы и раздают крестьянам в их селении ткать фламские полотна, равендук и каламинки за договорную плату. Таковых по Костромской и Нерехотской округам в селениях казенного ведомства находится 190 корпусов. В них до 1382 станов. Да в помещичьих селениях у крестьян — 600 станов”³⁰⁰. Иначе говоря, в деревнях и селениях производится почти столько же тканей, что в централизованной мануфактуре.

Точно такая же ситуация в с. Опалиха Костромского у., где действовала фабрика гр. А.Р. Воронцова (одно время сдаваемая в аренду купцу Пастухову за 1200—1400 руб.). На фабрике в каменном корпусе было 150 станов. Работали здесь и крепостные и вольнонаемные — до 180 чел., делая до 3 тыс. кусков фламского полотна и равендука. Главное же — рассеянная мануфактура: крестьяне в селениях казенного ведомства “в особых корпусах” числом 188 ткуют на 1367 ткацких станах, “немало и в помещичьих деревнях”. “Ткачи сии от содержателей фабрик снабжаются станами и бердами и, получив приготовленную основу, на уток — пряжу, ткуют по договору, что из помянутых сортов потребно”³⁰¹.

В Юрьевецком у. в слободе Пучеж работала полотняная фабрика слободского человека Петра Иконникова. В ней было до 130 станов и работало в общей сложности до 150 чел., делая 2,7 тыс. кусков фламского полотна, каламенку и равендук³⁰². Вместе с тем и здесь работали по селам: “из них некоторые, не отлучаясь от своего хозяйства, в построенных в своих селениях корпусах, получая с фабрики пряжу, ткуют за договорную плату

²⁹⁹ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 33—33 об.

³⁰⁰ Там же. — Л. 34.

³⁰¹ Там же. — Л. 52.

³⁰² Там же. — Л. 108—108 об.

фландское полотно, каламинки и равендук”³⁰³. “При том из своего материала по найму ткут в двух... Ячменской волости, Верхней половине, в селениях, тех селениев жители на 6 станах”³⁰⁴. Пряжу на фабрику “покупают по торгам в сей слободе и в других ближних селениях”. А золу — “в низовых на Волге местах”³⁰⁵.

В заключение отметим, что именно такие формы развития промышленности при преимущественном бытовании неадекватных, переходных форм создавали базу для подлинного капиталистического накопления. Именно текстильная промышленность дала России перспективу ее капиталистического накопления, так как она быстро овладевала внутренним рынком, не нуждаясь в особом периоде первоначального накопления капитала, который, кстати сказать, в социуме с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта был бы вряд ли возможен.

³⁰³ Архив ФИРИ РАН (СПб.). Ф. 36 (колл. 115). № 603. Л. 110.

³⁰⁴ Там же. — Л. 108 об.

³⁰⁵ Там же. Разумеется, в губернии были и мелкие текстильные предприятия на вольном найме. Так, в с. Писцово работали пестрединная “фабрика” на 30 станов (38 чел. наемных) и набойчатая — на 20 станов (25 чел. наемных). Четыре завода набивали узоры на холсте (на двух по 5 чел. наемных, на другом — 4 чел., и один заводик имел 2-х наемных работников). (Там же. — Л. 64, 65).

Заключение

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Итак, природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства. Причем это влияние прослеживается не только в том случае, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии столь резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае, когда речь идет о зарождении древнейших цивилизаций в условиях Двуречья, на многие тысячелетия обгонявшем темпы и характер развития первых цивилизаций на Севере Европы и т. д. Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идет о разных типах феодального общества, о разных темпах их развития.

2. Как было показано в нашей книге, важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза в суете повседневной жизни различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку столь серьезная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей ради-

кальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило на заре цивилизации интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев.) Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовлечение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.]

(Результатом подобной эволюции было становление своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условий производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы “внизу”: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.

В конечном счете именно отсюда происходило удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Нет необходимости упоминать о фундаментальном основании этих процессов: быстром и широком развитии ремесла и торговли, раннем формировании капитализма и т. д.

Разумеется, мы, выделяя лишь основную тенденцию подобного типа развития, не должны забывать и о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном переплетении национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, слоев и народов.

3. В пределах Восточно-европейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые “ритмы климата” в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубля-

ло ситуацию и отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объемы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счете, объем совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда. Все это, казалось бы, создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

4. Вместе с тем потребности более или менее гармоничного развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода компенсационные механизмы выживания.

Крайняя слабость индивидуального парцелльного хозяйства в условиях Восточно-европейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объем совокупного прибавочного продукта в конечном счете создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой “оптимизации”, т. е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община — оплот локальной сплоченности и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счете вызвала к жизни наиболее жестокие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объеме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти — российского самодержавия.

5. Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объема совокупного прибавочного продукта в конечном счете диктовала и сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объем прибавочно-

го продукта, создаваемого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война все еще продолжала сохранять функции своеобразного “средства производства”. Больше того, она в этом качестве спорадически выступала много позже даже у казачьих общин, сотрудничающих с обществом, обладающим минимальным объемом совокупного прибавочного продукта. На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время еще не пришло. И потребности управления вызвали к жизни такое явление, как полюдье.

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность данных видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма “странствующей” государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объема совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объему части (воск, мед, меха и т. п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте, превращающиеся, по словам Константина Багрянородного, в “многострадалное, страшное, трудное и тяжелое плавание” в Византию.

Динамичность “странствующей” государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого типа феодального государства, в котором, по крайней мере в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объему совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как и в центральноевропейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название “служебной организации”, важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих сущест-

венных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение “государственного феодализма”.

Важнейшим элементом такого строя был институт “власти-собственности”, обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции “князь” (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой стороны, это само государство, его казна и т. д.). Видимо, в Киевском государстве в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя — это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую “феодалную раздробленность”, при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Северо-Восточной Руси, в механизм деления “власти-собственности” включаются и элементы действительного процесса феодальной раздробленности, в конце концов погубившего Древнюю Русь.

6. Возрождение русской государственности проходило в многовековой и мучительной борьбе как с иноземным тягчайшим игом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.

И вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе “государственного феодализма” верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были “держателями” земли, обязанными перед государством: налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определенные эпохи такая “государственная земля” могла превращаться в фактическую собственность “государственных крестьян”, оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX веке государь особо не различал домен и государственные земли (например, “симбирский обмен” 1835 г.).

Что же касается феодалов, то в их распоряжении всегда была лишь часть территории Русского государства, хотя и важнейшая часть. На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь села-усадеб, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств к существованию феодала поступала через государственные каналы.

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности. Будучи,

как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединенные в общину, считали землю, на которой живут, платят с нее налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землей, а не землей феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграждая феодала-хозяина за кров и ту же землю. Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем тверже были права феодала на землю.

Наследники Ивана Калиты вполне понимали непрочность результатов многотрудной деятельности московских князей по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать и такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, конечно, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV — начале XVI века (разумеется, в первом приближении к ней) политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослаблялось по мере реализации этих целей. На первый план резко выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где еще не созрели условия для внутренней относительной прочности каждой вотчины, где еще не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

7. Исторически выход был найден в форсировании развития условной формы феодального землевладения — той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землей лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI века и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.

Наиболее стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны, с одной стороны, для последней трети XV века,

с другой — для эпохи правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения, хотя на первых порах обладатели этих поместий не всегда ощущали себя уже не как вотчинники. Точно так же и в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно развивалось именно как поместное землевладение. Думается, что столь скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы где-нибудь на Западе Европы просто невозможны. И не потому, что Западу была несвойственна жестокость Грозного, а потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории. Кроме того, за плечами грозного царя была и могучая система “государственного феодализма”.

8. Энергичный, насильственный характер указанных реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI века с особой жестокостью, повлек за собой серьезные осложнения внутривнутриполитической и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами, которые вел Иван Грозный. В итоге страна шаг за шагом вползала в тяжелый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.

Резкое и стремительное выдвижение помещичьего класса на ведущую роль в государстве подогрело политические амбиции казачьей прослойки общества. С прекращением царствующей династии Рюриковичей в конечном счете в стране в начале XVII века началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощенная бурным выступлением социальных низов. Это была своего рода “гражданская война”, известная в литературе как эпоха “Смуты”.

Тяжелейшее для страны время кончилось наступлением мира в 1618 г., когда вероломные интервенты ушли с русской земли. Однако народ остался один на один с чудовищными последствиями смуты, с громадным оскудением населения, катастрофическим падением его численности, и не менее катастрофическим сокращением пашни и т. д. Лишь к 50—70-м годам XVII века основные последствия разрухи страны были преодолены. Однако печаль этой трагедии русского народа оставила неизгладимый след, ибо уровень духовного развития России в XVII в. был уже иным.

И тем не менее, кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены. Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевладения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60% всего частновладельческого фонда земель.

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, буквально все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы самодержавной неограниченной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счете переход поместий на статус вотчины был растянут на период, занявший более столетия. Более мощные хозяйственные потенции вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в неблагоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного государства.

9. Характернейшей особенностью российской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции. Как уже говорилось, потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, "государственная машина" была вынуждена форсировать и процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия, ибо традиционные черты средневекового российского общества — это исключительно земледельческий характер производства, отсутствие аграрного перенаселения, слабое развитие ремесленно-промышленного производства, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии и их отсутствие в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых "всеобщих условий производства". В XVI — XVII вв. это строительство пограничных крепостей-городов, строительство оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, строительство крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств снаряжения тех же засечных полос, в XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить все это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, огромных территорий функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли ее государственного сектора, элиминировавшего безжа-

лостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всем протяжении российской истории.

Реализация всех этих функций в конечном счете не может не вызвать эмоции изумления, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования государственной настройки над компонентами базисного характера. Речь идет о том, что даже в петровскую эпоху господствующий класс в лице так называемого неподатного населения составлял не более 6—7% от населения страны. А ведь основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества (административное и хозяйственное управление, судебно-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культурная и идеологическая функции и т. п.). Столь незначительная численность этого слоя (а к концу XVIII в. она была такой же и лишь к реформе 1861 г. достигала едва 12%) ярко символизирует крайнюю упрощенность самой российской системы самоорганизации российского общества. И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи (когда этот слой был еще меньше) резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная функции. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая роль общины усиливала ее как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счете необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты — то есть доведение земельного владения дворянина до нормы полноправной частной собственности (с учетом того, что эта собственность феодальная).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного землевладения и землепользования. Ведь в практической жизни феодал-земледелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система “открытых полей”, когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ведь еще бывали общие выпасы, общие леса и т. п. Писцы еще в XVI — XVII веках частенько отводили сразу нескольким помещикам один и тот же лес в общее владение и пользование.

При дроблении владения между наследниками порядки землепользования часто почти не менялись. Хозяйства, крепко связанные общиной, были намертво соединены и между собой. Разумеется, иногда владельцы разруша-

ли и общины. Но в целом в течение времени число совладельцев, связанных одной крестьянской общиной, все-таки росло. Генеральное межевание их не ликвидировало, оставляя неприкосновенными общинные устои землепользования. Затянувшееся в 30—40-е гг. XIX в. так называемое Специальное межевание лишь медленно справлялось с задачей размежевания “общих дач”. Проблема продажи и передачи имений, юридически оформленных в “общую дачу”, была делом далеко не простым. Недаром статус дворянина в XVIII—XIX в. измерялся не числом десятин его земельного владения, а числом крепостных душ. Истоки этих особенностей феодально-корпоративной собственности идут к общине и к статусу российского социума как социума с низким объемом совокупного прибавочного продукта.

Вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вытеснению сколько-нибудь твердых традиций частной собственности на землю.

Это, видимо, составляло на протяжении большого периода важнейшую особенность российской государственности. Не исключено, что эта особенность надстройки общества во многом предопределила и специфику положения иных народов России, которое было нередко более благоприятным, чем положение русских.

10. Констатация примитивности структур самоорганизации российского общества позволяет подчеркнуть парадоксальность успеха ряда выдающихся эпох в его истории. Прежде всего это эпоха Петра Великого. Великий преобразователь сделал гигантский вклад в создание могучей России. В тщетных назиданиях непутевому сыну своему он подчеркивал, в частности, трагичность распада Византийской империи: “не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием (своим, — Л. М.) побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал”.

Главное свое достижение он гордо назвал Империей. Однако это был, скорее, некий “симбиоз” империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено — Великороссия и ее крестьянство — не имело практически никаких привилегий.

В подобного рода государстве, чисто формально выглядевшем как империя, а по существу представлявшем своего рода сожителство целого ряда обществ (и этносов) с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, основным источником изъятия этого прибавочного продукта был носитель этой государственности — русский народ. Наибольшая тяжесть эксплуатации падала на великоросов, и это было следствием суровой объективной реальности, то есть локализации этноса в зонах, крайне неблагоприятных для земледельческого производства. Поэтому именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на Юг, Юго-Восток и Восток, на необжитые территории в поисках лучшей доли, вступали в контакты с другими народами.

Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения русских как “имперской нации” в российском социуме как обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, в условиях сохранения многонационального государства была исторически нереальна.

Беликий вклад великого преобразователя — Петра I — создание в государстве промышленного производства, способствовавшего гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. Однако заимствование “западных технологий” таким архаическим социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости, появились люди, являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся вместе с ней. К сожалению, уроки истории редко учитываются политиками. На заре нашей государственности Владимир Святославич, принимая христианство, ввел в действие на Руси и византийский уголовный кодекс (своего рода “западная технология”), но дело кончилось крахом, и кодекс был отменен.

В то же время нельзя не признать, что чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им относительно высоким уровнем оплаты труда, господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стало развиваться прежде всего крупное промышленное производство и набирать силу процесс его очень ранней монополизации. Думается: что природно-географический фактор и в первую очередь необъятное пространство России сыграли в этом далеко не последнюю роль.

Западные пристрастия великого царя не в последнюю очередь были вызваны последствиями Смуты, так как, скажем, первая половина XVI в. известна выдающимися достижениями русской православной культуры, а XVII век был совсем иным.

Более гибка была парадоксальная политика Екатерины Великой, положившая конец традиционной политике “насильственного” посословного “разделения труда”. Четко осознавая бедственное положение крестьян на территории исторического ядра России, она развернула широкую кампанию законодательного поощрения крестьянской торговли и промышленности. Но поскольку продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно необ-

ходимой, то удержать крестьянские массы на земле можно было только общим усилением режима крепостного права.

Тем не менее в периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъема промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны. Наряду с народом-тружеником, с крестьянством, немалую роль сыграло здесь и сплоченное царем российское дворянство.

Таким образом, развитие государственных структур, государственного хозяйства и “государственной машины” было обусловлено двумя ведущими факторами. Один из них связан с проблемами оптимизации объема совокупного прибавочного продукта, другой — с чисто внешней, оборонительно-наступательной функцией государства.

11. Оборонительно-наступательная функция в истории Российского государства обуславливалась по крайней мере тремя основными факторами. Первый из них уходит корнями в далекое прошлое, в эпоху монголо-татарского нашествия, когда единое Русское государство, раздробленное на удельные княжения, пало не только под натиском сильнейшей армии монголо-татарской Орды, но и под военным напором католической Польши и молодого языческого Литовского государства. Судьба русских людей, оказавшихся под верховной властью самых различных суверенов, сложилась по-разному. История распорядилась так, что раньше других обрела свободу Северо-Восточная Русь. И с тех пор стратегическая задача воссоединения древнерусских земель была для нее одной из важнейших. Наиболее четко ее сформулировал один из малороссийских гетманов — Иван Самойлович в одном из посланий в Москву в 1685 г.: “А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волянь, Подгорье, Подлясье и вся Красная Русь всегда к монархии Русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время”. Изолированные от суверенной части русских на многие века русские народы, жившие на этих территориях, столетиями сохраняли свою первичную этничность и лишь постепенно обретали черты обособленности, что особенно четко ощущалось в XVIII в. Однако такая важнейшая черта духовного облика, как христианское православие, по-прежнему служила мощнейшим стимулом к воссоединению великорусов, малороссов и белорусов.

Второй важнейший фактор развития оборонительно-наступательной функции государства связан с природно-климатическими условиями развития населения страны. Как уже говорилось, обилие малоплодородных почв, необычайно короткий сезон земледельческих работ имели своим следствием постоянный “недобор” урожая, что в конечном счете и обусловило низкий объем совокупного прибавочного продукта в стране. Однако общество в це-

лом еще в далеком прошлом приспособилось к суровым условиям хозяйствования сохранением и развитием распорядков сельской жизни. Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России). В свою очередь, крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселенности Европы открывали для русских лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента, путь опасный, трудный, но единственно возможный.

Колонизация Юга и Юго-Востока имела благотворное влияние на развитие Центра России. За более чем столетний период (1744—1857 гг.) население Промышленного Центра и Черноземного Центра увеличилось в 1,6 раза, а население Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Пермского края, Южного Урала и Оренбурга — в 4 раза. Даже при неизменном разmere душевого высева зерна масса товарного хлеба, идущего с Юга и Юго-Востока в Центр, постоянно возрастала. В то же время земледельческая роль Нечерноземья менялась. Исследование автором этих строк механизма функционирования единого аграрного рынка Европейской России в 90-х годах XIX в. показало, что колебания урожайности в каждой из нечерноземной губерний практически не влияли на динамику местных цен этих же губерний, не говоря уже о том, что эти колебания никак не воздействовали на динамику цен в черноземных, южных и юго-восточных губерниях страны. Это означало, что ростом кадров рабочих людей промышленное развитие Центра России в немаловажной степени было обязано расширению ее территории, расселению русских людей на новых землях и включению в единую экономику других народов Российского государства. Однако то и другое доставалось далеко не просто, так как на протяжении XIX — начала XX в. валовой душевой сбор постоянно балансировал на грани допустимого минимума, иногда опускаясь и ниже его.

Колонизация иногда протекала в условиях жестокого противостояния Русского государства, а впоследствии и России, целому ряду и государственных образований, и социумов, находящихся на доклассовой стадии развития. Тем не менее в итоге это привело к длительному существованию и выживанию многих народов в рамках единой российской государственности,

ибо практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Терпеливое и многовековое освоение таежных ресурсов почти незаселенной Сибири также имело важнейшее хозяйственное значение, ибо соболь, белка, песец и т. п. — это современная нефть, цветные металлы, идущие на экспорт и дающие валютные ресурсы государству. Реформы Петра Великого в немалой мере зависели от серебра, добываемого в дальневосточном Нерчинске.

12. Наконец, третий фактор, стимулирующий оборонительно-наступательную функцию Российского государства, связан с необходимостью выхода России к незамерзающим портам. Запасы мягкой рухляди к концу XVII в. были в значительной мере исчерпаны. Сверхпротяженные сухопутные пути могли поддерживать лишь вялый режим торговли. Столь объемные товары экспорта как поташ, смола, древесина были весьма нетранспортабельны при гужевых средствах доставки. Такая земледельческая держава, как Россия, рано или поздно должна была развернуть крупномасштабную внешнюю торговлю продуктами земледелия, т. е. крупногабаритным товаром, требующим оптовой торговли. А транспортировать такие товары можно было только водными путями. До Петра Великого был лишь один крупный порт, да и то близ Полярного круга. В ходе Великой войны со Швецией Россия получила доступ к Балтийскому морю. Уже к концу царствования Петра I Петербург стал самым крупным торговым портом, а торговля через Архангельск была сокращена в 12 раз. Вторым по значению стал торговый Рижский порт, открывший ворота для потока товаров черноземных районов России, тяготеющих к Верхней Оке. К концу XVIII в. крупнейший перевалочный центр на пути сельскохозяйственной продукции этих регионов к Западной Двине — Калуга — превратился в крупнейший город России. Освоение южных степных районов, присоединение Крыма к России открыло возможность строительства черноморского торгового флота. С начала XIX в. через Одессу и Таганрог резко увеличивается вывоз за рубеж российского зерна. Однако, чтобы окончательно открыть для себя черноморские проливы, для России оказалось необходимым продвинуть свои южные рубежи как можно ближе к рубежам Оттоманской Порты. Борьба за развитие экономики России была борьбой за Черное море, и не только с Турцией, но и с ведущими державами Европы.

Та же логика лежит в конечном счете и в основе дальнейшего роста территории Российской империи. Успешное выполнение оборонительно-наступательной функции российской государственной машины во многом было обусловлено своеобразием общества, создавшего одну из лучших армий мира. В основе ее был солдат-рекрут, воин-профессионал. Но этот же воин, будучи рекрутирован из общинного мира, как наиболее “пассионарный” и беспокойный элемент, постоянно грозивший нарушением баланса сил в общине, в то же время обладал повышенным чувством долга, был и отчаянно смел и милосерден.

13. Больше того, в основе многовекового формирования Российского государства был важнейший фактор — русский народ и прежде всего великорусское крестьянство, особый менталитет которого формировался под мощным воздействием природно-климатического фактора.

Как уже говорилось, российские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками природы, ибо она в первую очередь создала для крестьянина трагическую ситуацию, когда он не мог ни существенно расширить посев, ни выбрать альтернативу и интенсифицировать обработку земли, вложив в нее и труд, и капитал. Даже при условии тяжкого, надрывного труда в весенне-летний период он чаще всего не мог создать почти никаких гарантий хорошего урожая. Многовековой опыт российского земледелия, по крайней мере с конца XV по начало XX века, убедительно показал практическое отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая. Точнее говоря, мера трудовых усилий подтверждалась не всегда, а часто — далеко не всегда, соответствующей прибавкой урожая.

Все это способствовало формированию в огромной массе русского крестьянства целого комплекса далеко не однозначных психологических поведенческих стереотипов. Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая почти круглосуточной тяжелой и быстрой физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил.

Вместе с тем господство на большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных климатических условий, нередко сводящих на нет результаты тяжелого крестьянского труда, закономерно порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества в его крестьянской жизни Господа Бога. Труд — трудом, но главное зависит от Бога (“Бог не родит, и земля не дает”, “Бог народит, так и счастьем наделит”, “Не земля хлеб родит, а небо”, “Бог — что захочет, человек — что сможет” и т. д.).

Крестьянское восприятие природы — это прежде всего постоянное, бдительное и сторожкое отслеживание изменений в ней, фиксация работы разнообразных природных индикаторов, сигнализирующих селянину о грядущих изменениях, о грозящей или возможной опасности благополучию крестьянской семьи, дома, хозяйства.

Глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом позволяло крестьянину приспосабливаться к тем или иным годовым, сезонным и сиюминутным изменениям климата. Многочисленные приметы поведения представителей животного и растительного мира, мира птиц и насекомых давали крестьянину сигналы о характере смены сезона и его самого (характер зимы, весны, лета, осени), о степени благоприятности условий и

времени посева и сбора урожая, прогнозах на сам урожай (в том числе и отдельных культур); они же “предсказывали” болезни и смерть близких и т. п. Нет необходимости напоминать о многочисленности примет, основанных на оценке внешнего вида солнца, различных фаз луны, имеющих существенное значение в определении погоды, сроков сева полевых и огородных культур, посадки в землю луковиц, корневищ и т. п.

Важно заметить, что природные условия лесных просторов Нечерноземья и лесостепной зоны часто способствовали формированию множества локальных и микролокальных пространств со своеобразием протекания общих погодных процессов. А это приводило к разнице урожайности отдельных полей и даже их участков. Пестрота почвенных условий усиливала этот эффект.

Не исключено, что в крестьянском восприятии это как бы дробило всеобщую единую силу Высшего Божества на отдельные компоненты. Вполне возможно, что именно эти явления постоянно пробуждали в крестьянском менталитете чисто языческие эмоции локального поклонения объектам природы (типа архаичных обрядов моления у овина, у воды, у дерева и т. д.), что способствовало причудливому переплетению многих праздничных ритуалов господствовавшего в России христианского вероучения с языческими суевериями и обрядами. Думается, что масштабы столь своеобразного “синкретизма” для христианской страны, какой была Россия, поистине огромны. И суть дела заключена не в необыкновенной силе традиции язычества, к которому изначально приспособилась христианская православная церковь, а в живучести языческого менталитета русского крестьянина, в том, что силу этой живучести питали могучие природно-климатические факторы.

Явлений, демонстрирующих необычайную живучесть языческого менталитета, многообразие своеобразных контактов и антиконтактов русского селянина с природой, особенно много в домашнем быте крестьянина. Его окружали буквально многие сотни различного рода примет, поверий. Православные иконы в “красном углу” избы, и ежедневные молитвы, и даже посещение церкви не мешали ему питать многочисленные суеверия и соблюдать языческие обряды, за которыми стояла могучая вера в силы природы.

Особенно богат был опыт крестьянина в наблюдении над домашними животными и птицей, странностями их поведения, которые оценивались с точки зрения грядущей беды или удачи, хорошей или плохой погоды, видов на урожай и т. п. Немалую роль в его мироощущении играла вера в лесных духов, в лешего, в русалок, ведьм, кикимор и особенно в домовых. Буквально поражает воображение количество причудливых обрядов и примет, связанных со смертью и похоронами членов крестьянской семьи, а также покорность русского крестьянина XVIII — XIX вв. неурожаям и бедам, вызываемым грозой и молнией.

Наконец, следует вспомнить и о неперенном элементе крестьянского быта — ворожеех, знахарях, шептунах и т. п., наговаривавших воду, хлеб и проч., знавшихся, по поверью, с темными силами.

Глубокая включенность сельского жителя в орбиту многообразного окружения природы не только порождала неиссякаемую веру в ее сверхъестественные силы и локальные проявления, не только способствовала глубокому функциональному познанию “механизма”, своего рода сигнальной системы природы, диктовавшей логику поведения, но иногда и вызывала активность самого крестьянина в контактах с ее светлыми и темными силами.

Поэтому христианизация на Руси в конечном счете весьма своеобразно отразилась на менталитете крестьянина: в нем, как уже говорилось, поселился не только христианин, но и сохранился язычник. Это не означает, что русский крестьянин не принял основные догматы православного христианства. Наоборот, многочисленные свидетельства XVIII—XIX вв. говорят о том, что русский народ искренне исповедовал христианство. Однако необычайно суровые климатические и природные условия, вечная сверхнапряженная ситуация ожидания хоть мало-мальски приемлемого результата чрезвычайно тяжелого труда, обилие воздействия разного рода факторов на этот результат порождали, на наш взгляд, “языческую самодеятельность”, погружая русского крестьянина в бездонный мир суеверий, примет и обрядов.

Думается, что своеобразие подобного менталитета российского крестьянства имело немалые политические следствия. Одно из них: максимальная контактность с народами иных конфессий, что имело громадное значение в практике масштабных миграционных подвижек и мирном проникновении на новые территории русского населения. Вместе с тем вполне очевидным становится и то, что без государственного статуса, без поддержки государственной машины российская православная церковь не имела бы серьезных перспектив всепоглощающего влияния на крестьянство. В конечном счете именно христианское православие отвечало духовным потребностям социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам.

Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с высоким нервно-психологическим стрессом (“страда”), имели, как уже отмечалось выше, своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим качествам.

Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе.

Такова была реальность. Таковы были косвенные следствия влияния на ментальность природно-климатического фактора. Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние “совершенного изнеможения”, находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю.

У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, была ведущей, основной идеей. Она, пожалуй, составляет одну из главных особенностей характера русского народа. О другой важнейшей черте его — доброте и простодушии — еще в XV в. писал польский хронист Я. Длугош. В основе того и другого лежала, вероятно, общинная психология, которая помимо прямой непосредственной роли, сыграла не менее важную и опосредованную роль в судьбах русского народа, определив, например, целый ряд существеннейших проявлений национального характера и культуры.

С момента концентрации крестьянских хозяйств и дворов в многодворные деревни и села резко возрастает процесс демократизации общины, который усиливается и обретает силу в качестве защитной функции с ростом крепостнической эксплуатации. Систематическая практика “помочей” и даже барщинные работы целыми бригадами на господских полях также стимулировали чувство коллективизма.

14. Взятые в целом, все эти факторы механизма выживания определенным образом повлияли на характер российской государственности и прежде всего породили всемогущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующий ей суровый режим внутреннего подавления сословий. Самым тяжелым было положение крестьянства, единственным оружием которого была локальная сплоченность общинного мира. Когда же эта сплоченность стала разрушаться рынком, судьба общества в целом была поставлена под сомнение.

Невзирая на то, что в пореформенное время уже развился процесс стремительного вовлечения крестьянства в русло капиталистических отношений, создавалась сложная и противоречивая ситуация. Антикрестьянский по сути характер реформ тем не менее способствовал удерживанию огромных масс населения на земле, что для общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта было весьма важным моментом. Но одновременно с этим был сохранен и архаический защитный механизм общинного землепользования. И в то же время законы капитализма сильнее всего стимулировали расслоение общинного крестьянства. На всей территории ис-

торического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию огромного слоя безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, составлявших от 50 до 65 процентов всех крестьянских дворов. Социальная напряженность, порожденная такой асимметрией расслоения, дополнялась общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий.

Эти два фактора, по сути, лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который в конечном счете привел страну к трем русским революциям.

Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество "естественных потребностей индивида". В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности "других" индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности "самого себя". Иначе говоря, все сводится к тому, что объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта "всеобщих условий производства".

Оглавление

Введение	3
----------------	---

Часть первая. Великорусский пахарь в XVIII столетии

Очерк первый	Судьбы паровой системы земледелия	31
Очерк второй	Как пахал, чем обрабатывал землю русский крестьянин.....	77
Очерк третий	Что и как сеяли на полях России?	110
Очерк четвертый	Жатва и хранение зерна. Лен домашний и товарный. Конопля	138
Очерк пятый	Что такое “сам-3” или “сам-7”? Какие урожаи были в России	162
Очерк шестой	“Семь потоков” великорусского крестьянина (каким трудом добывали хлеб)	190
Очерк седьмой	Особенности развития скотоводства	214
Очерк восьмой	“Огороды в городе” — парадоксы русского огородничества и садоводства	257
Очерк девятый	Изба и подворье два века назад	300
Очерк десятый	Забытая одежда наших предков	324
Очерк одиннадцатый	Деревенская пища	355

Часть вторая. Феодалная Россия — социум особого типа

Глава I	Мачеха-природа и судьбы земледелия (тупик или развитие)	383
Глава II	Компенсационные механизмы выживания Крепостники и община	418
	О происхождении крепостничества	434
Глава III	Некоторые особенности генезиса капитализма в России	483
	Крупное производство под опекой государства. Тульские заводы XVII века	493
	Неадекватные формы капитала	530
Заключение	К характеристике российской государственности	554

Милов Л.В.

**ВЕЛИКОРУССКИЙ ПАХАРЬ И ОСОБЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Художественный редактор *А.Сорокин*

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 23.01.1998.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 46,44 + 2,58 вкл. Уч.-изд. л. 38,5. Тираж 2000 экз.

Заказ № 3109

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13.

Факс 181-01-13. Тел. 181-34-57 (отдел реализации)

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

